

БАЛТО-
СЛАВЯНСКИЙ
СБОРНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛТО-
СЛАВЯНСКИЙ
СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1972

Сборник посвящен различным аспектам взаимодействия балтийских и славянских языков в различные периоды их истории от древности до наших дней.

В книге освещены такие актуальные проблемы, как описание фонологических систем литовского литературного языка и говоров славяно-балтийского пограничья, языковые контакты на разных уровнях, сопоставительный анализ балтийских и славянских словообразовательных явлений и др.

Исследования, включенные в сборник, вводят в научный обиход много новых ярких и содержательных фактов, важных для решения проблем балто-славянского контакта, общих вопросов теории языковых контактов, структурно-типологических проблем и при сравнительно-исторических изысканиях.

Ответственный редактор

В. Н. ТОПОРОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Балто-славянские языковые отношения занимают существенное место в кругу общих индоевропейских и специально славянских проблем. Балто-славянская проблематика традиционна для Института славяноведения и балкаистики АН СССР. Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит статьи по ряду принципиальных вопросов, касающихся балто-славянских языковых связей*.

Одной из актуальных задач балто-славянского языкознания следует признать описание и определение лингвистического статуса говоров литовско-славянского пограничья. Уже давно отмечалось, что область на стыке балтийского и славянского миров чрезвычайно интересна как для решения многих теоретических проблем, так и для уяснения общей картины балто-славянского взаимодействия, в частности, знание современных процессов контактирования литовского и славянского языков позволяет путем типологической конфронтации представить характер ассимилятивных процессов в прошлом. Помещенная в сборнике статья Т. М. Судник является первым опытом описания взаимодействия литовского, белорусского и польского языков на фонологическом уровне в зоне балто-славянского пограничья, где характер языковой ситуации обуславливает создание значительного числа типологически сходных черт в структуре этих трех языков и где возникает лингво-географическое единство, близкое языковым союзам.

Выявленный Е. И. Гринавецкене, Ю. Ф. Мацкевич, Е. М. Романович и И. П. Ковальчук при полевой диалектологической работе обширный пласт балтизмов в белорусском языке дополняет и конкретизирует общую картину балто-славянских отношений.

* Инициатива в составлении этого сборника, труд по собиранию материалов и подготовке их к печати принадлежат Л. Г. Невской и Т. М. Судник.

3. Зинкявичюс

Для решения проблем этногенетического характера, в частности вопроса о времени и локализации балтийского и славянского языкового и этнического стыка, определяющими остаются гидронимические и топонимические факты. В статье В. Н. Топорова ««Baltica» Подмосковья» решается вопрос о восточной границе балтийского гидронимического ареала и устанавливается балтийский характер почти 300 гидронимов, относящихся к бассейнам рек Москвы, Оки, Клязьмы и Волги. Проблема древнейшего взаимоотношения, существовавшего между балтийскими и славянскими словообразовательными моделями, решается в статьях Я. Отрембского и Р. Эккерта, при этом делается вывод о большей древности балтийских языков по сравнению со славянскими и о переходном характере прусского языка. В ряде статей сборника (работы З. Зинкявичюса, С. Каралюнаса, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова) содержатся ценные наблюдения из области индоевропейских языков, существенные для решения собственно балтийских лингвистических проблем.

Посвящая свои статьи памяти Яна Отрембского (1889—1971) и Йонаса Казлаускаса (1930—1970), авторы отдают дань признания выдающимся заслугам этих ученых перед лингвистической наукой.

Ян Отрембский, академик Польской Академии наук, профессор Познаньского университета, редактор журнала «Lingua Rosnaniensis», выдающийся ученый-индоевропеист, главное внимание отдал балтийскому и славянскому языкознанию. Будучи сторонником концепции балто-славянского праязыка, он посвятил многие свои работы выявлению черт, общих балтийским и славянским языкам, выступил с рядом балто-славянских этимологий, занимался реконструкцией утраченных балтийских диалектов (в частности, языка ятвягов). Яну Отрембскому принадлежит трехтомная «Gramatyka języka litewskiego» — первая научная грамматика литовского языка. Создание этого труда ученый считал своим долгом перед литуанистикой и литовским народом, и этот долг он с честью исполнил.

Йонас Казлаускас, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литовского языка Вильнюсского университета, создатель и редактор журнала «Baltistica», был одной из самых ярких фигур среди блестящей плеяды литовских языковедов. Менее чем за полтора десятилетия он успел сделать поразительно много. Им написано более 70 статей и рецензий и «Историческая грамматика литовского языка» — лучший и наиболее полный опыт построения истории литовского языка, подведение итогов упорного труда нескольких поколений литуанистов и программа для будущих исследователей.

Ян Отрембский и Йонас Казлаускас оставили нам богатое наследие, которое нуждается в освоении и развитии. Оно будет представлять за них перед благодарным судом будущих специалистов.

Среди спорных вопросов, касающихся развития системы гласных в балтийских языках, особое место занимают два, а именно: 1) установление характера общепалтийского краткого гласного, из которого развился а современных балтийских языков, и 2) проблема развития в балтийском индоевропейского долгого гласного *ā. Что касается первого вопроса, то здесь высказывались два противоположных мнения. Согласно первому, литовско-латышский и древнерусский краткий гласный а является продолжением общепалтийского *ā. Это традиционная точка зрения. Согласно другому мнению, современный а развился из общепалтийского краткого *o. Последнюю точку зрения стали постулировать некоторые литовские лингвисты¹.

Относительно развития индоевропейского долгого *ā в балтийском также существуют два противоположных мнения. Согласно традиционной точке зрения, индоевропейский долгий *ā в общепалтийском сохранился; он перешел в более или менее узкий гласный ō лишь после распада балтийского единства в отдельных языках и диалектах. Другая точка зрения, которой придерживаются упомянутые выше лингвисты², допускает существование узкого гласного ǫ (из и.-е. *ā) уже в общепалтийском.

¹ См.: И. Казлаускас. К развитию общепалтийской системы гласных. — ВЯ, 1962, № 4, стр. 20—24; В. Мажилис. Заметки по прусскому вокализму. «Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь профессора Б. А. Ларина». Л., 1963, стр. 193 и сл.; Он же. Remarques sur le vocalisme du vieux prussien. «Acta Baltico-Slavica», II. Białystok, 1965, стр. 55 и сл.; Он же. Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии. «Baltistica», I (1). Вильнюс, 1965, стр. 17 и сл.; ср. рец. В. Урбута на кн. «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz», в «Baltistica», II (1). Вильнюс, 1966, стр. 106—107.

² См.: И. Казлаускас. Указ. соч., стр. 21 и сл.; В. Мажилис. Заметки по прусскому вокализму, стр. 191—196; Он же. Remarques

Лингвисты, принимающие наличие в общепалтийском как краткого *o, так и долгого *ō (из и.-е. *ā), исходят из определенных фактов, рассматриваемых ими в качестве реликтов указанных гласных в современных балтийских языках.

Имеются ли на самом деле какие-либо реликты предполагаемых общепалтийских *o и *ō в современных балтийских языках?

Начнем с краткого *o. Полагают, что мнимый общепалтийский *o впоследствии лучше сохранился в тавтосиллабических сочетаниях с носовыми согласными n и m, равно как и мнимый общепалтийский узкий *e (якобы давший начало современному краткому e). Так, утверждается, что «на территории литовского языка дифтонги en, em, ėn, ėm развились неодионово: 1) в восточноаукштайтском диалекте они дали in, im, un, um; 2) в южнодзукском диалекте лишь в определенных случаях появились in, im, un, um³; 3) в большей части жемайтского диалекта (и в некоторых других говорах в определенных случаях) они стали входить в корреляцию с краткими гласными e, o < i, u; 4) в западноаукштайтском диалекте они развились в en, em, an, am»⁴.

Однако сравнительный анализ вокализма литовских диалектов убеждает нас в том, что здесь представлено неверное развитие. На самом деле как восточноаукштайтские сочетания in, im, un, um (вместо литер. en, em, an, am), так и жемайтские en, em, ėn, ėm являются новыми сочетаниями, развившимися из более древних en, em, an, am, которые сохранились в западноаукштайтском диалекте и на его основе возникшем литературном языке. Именно о таком переходе свидетельствуют личные имена Antānas и Añdrius, заимствованные из славянских языков (ср. польск. Antoni, Andrzej), которые произносятся в восточноаукштайтском диалекте untānas, uñdrius⁵. Особенно ярко восточноаукштайтский переход an > un виден из диалектного произношения тех слов, в которых древнему сочетанию en предшествовал согласный l, впоследствии веляризованный. Так, восточноаукштайтское слово luntà 'доска' (вместо литер. lentà) могло развиваться только из lentà через переходную ступень lantà, появившуюся в результате

sur le vocalisme du vieux prussien, стр. 53 и сл.; Он же. Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии, стр. 17 и сл.

³ Допущена ошибка. В «южнодзукском» (точнее, южноаукштайтском, так как рассматриваемое явление распространено и за пределами «южнодзукского», — последний термин, кроме того, не является точным) имеется лишь in, un (вернее, i, u > i, ū) вместо мнимых *en, *ėn (литер. a, e), в то время как мнимые *em, *ėm представлены сочетаниями em, am, напр., tīsti > tīse 'продолжать', тлуть, длить', žūsis 'гусь' (литер. tēsti, žasis) наряду с réprė 'чибиc', sántis > sámcis 'черняк'.

⁴ И. К а з л а у с к а с. Указ. соч., стр. 23.

⁵ В жемайтском указанный переход (по-видимому, более поздний, чем в восточноаукштайтском) характерен и для многих других заимствованных слов, напр., drėgōnts 'жеребец', mōžekōnts 'музыкант', rožōnė'os 'четки' (литер. drigañtas, muzikañtas, rožañčius).

веляризации согласного l, ср.: lēdas > восточ. lādas. Принимая предлагаемый переход ėn > un, нам пришлось бы восточноаукштайтское luntà возводить к невозможной исходной форме *lōntà, так как *lōntà в восточноаукштайтском диалекте дала бы не luntà, а *lōntà, ср.: lēdas Ukmergė 'лед' наряду с nēša '[он] несет, [они] несут' (литер. lēdas, nēša). Еще ср. lēkt' 'лететь' из lēkti.

В качестве доказательства существования мнимых кратких узких *o, *e в общепалтийском приводятся также некоторые явления конца слова в литовских диалектах. Так, утверждается, что якобы «на былое существование кратких гласных o и e указывают некоторые говоры центральной Литвы (Сесикай, Рамгува⁶ и др.), в которых редукция кратких гласных в конце слова произошла на таком этапе развития системы гласных, когда существовали краткие o, e (ср. им. падеж ед. числа основ на -ō: vilkus < *vilks, зват. форма основ на -ō: vilki < *vilke и т. п.). Краткий -e в конце слова развился в i во всех жемайтских и во многих аукштайтских говорах»⁸.

Однако анализ вокализма указанных говоров «центральной Литвы» (точнее, южной части паневежского диалекта) приводит нас к убеждению, что здесь в окончаниях произносимые гласные u (редуцированный, открытый, ненапряженный, почти ненаблизованный, заднего ряда) и i (редуцированный, ненапряженный, переднего ряда)⁹ на самом деле являются новыми гласными, развившимися из a, e. Переход a, e > u, i виден из того факта, что в диалекте гласные u, i выступают не только вместо более древних кратких гласных (притом как a, e, так и u, i, ср.: gražū 'красиво'; ėsti 'бывает' и gėru 'хорошо', vilki зват. ф. 'волк' — литер. gražū, ėsti, gėra, vilke), но и вместо древних долгих акутовых гласных и дифтонгов *ūo, ie, если только впоследствии они были сокращены и совпали с краткими гласными a, e, u, i, напр., šakū 'ветвь', вин. п. мн. ч. katīs 'кошек', nešū 'несу', neši 'несешь' — литер. šakā, katės, nešū, neši < *šakā, *katės, *nešūo, *nešie. На это, между прочим, указывает и диалектная форма винительного падежа мн. ч. pelūs (литер. pelės) от существительного pelė 'мышь', которая могла развиваться только из более древней восточноаукштайтской формы pelās (ср. диалект. šakūs вместо šakās от šakā 'ветвь') с окончанием -as вместо -es в результате веляризации согласного l, как и в диалектном слове lādas вместо lēdas 'лед'. Принимая переход -os > -us, мы были бы

⁶ Опечатка, должно быть Рагува (Raguva).

⁷ Последнее утверждение не является верным. На самом деле -i вместо литер. -e (напр., зват. ф. vilki 'vilke') имеется лишь в незначительной части жемайтского наречия (в окрестностях Kuršėnai—Šaukėnai) и в упомянутых автором аукштайтских говорах, см. карту 14 в кн.: «Lietuvių dialektologija» (Вильнюс, 1966) на стр. 459.

⁸ И. К а з л а у с к а с. Указ. соч., стр. 23.

⁹ Не u, i, как указывается в приведенной цитате.

вынуждены форму *pelbs* возводить к нереальной **pelōs*, так как **pelēs* дало бы **pelēs* (так же как **lētā > lētā*), а не *pelbs*. Переход *a > u*, по-видимому, осуществлялся через ступень *a* (не четкой артикуляции «центральной» *a*), который обнаружен в соседних говорах, особенно на востоке и юге ареала (см. карты 7—10 и 16 в указанной нашей книге на стр. 452—455 и 461), и появляется вместо *a* (также развившегося из *e* в результате веляризации предшествующего *l*) главным образом в безударных, а иногда и в ударяемых окончаниях, напр., *vilkas* 'волк', *gēga* 'хорошо' (литер. *vilkas, gēga*). Вместо *e* (или *a* после палатального согласного) в тех же случаях здесь развился *i*, напр., *vilki* зват. ф. 'волк', *svēčis* 'гость' (литер. *vilke, svēčias*).

В рецензии на указанную выше нашу книгу, написанной С. Каралюнасом и А. Сабалюскасасом¹⁰, утверждается, что мнимый **o* якобы сохранился в говорах так называемых ротиников (Аникщяйский и Купишский диалекты восточноаукштайтского наречия), а также в некоторых жемайтских, где в определенных условиях вместо литературного *a* появляется гласный, похожий на *o*. Однако в действительности гласный *o* (нелабиализированный *o* с сильным оттенком *a*) или *ā* (т. е. *a* с оттенком *o*) в указанных диалектах являются новыми гласными, так как выступают вместо *a* исключительно только в тех случаях, если последний подвергается вторичному удлинению под ударением, ср.: *rītas / rātas* 'колесо' (литер. *rātas*) наряду с уменьшительной формой *ratēlis* при *āš* 'я', *tās* 'тот'.

Вот и все факты литовского языка, которые используются в качестве доказательства наличия в общепалтийском краткого *o*. Из сказанного следует, что на самом деле в литовском языке и его диалектах нет никаких данных, позволяющих нам возводить современный *a* (resp. *e*) к мнимому общепалтийскому **o* (resp. **e*). То же следует сказать и о латышском языке, ибо единственное указание на то, что латышские дифтонги *uo, ie*, соответствующие литовским тавтосиллабическим сочетаниям *ap, ep* (напр., лтш. *gūoka, rīeci* = литов. *gankà, renki*), якобы развились из более древних **op, *ep*¹¹, имеет такое же основание, как и выше рассмотренное утверждение, что литовские *ap, ep* развились из тех же предполагаемых **op, *ep*.

Что касается древнепрусского языка, то сторонники общепалтийского **o* указывают на Эльбингский словарь, в котором отмечены отдельные слова, написанные с буквой *o* вместо ожидаемой *a*. В других памятниках древнепрусского языка таких написаний нет. Хр. Станг в Эльбингском словаре находит только 14 достоверных примеров с *o* вместо *a*¹². Так как большинство

данных примеров имеют гласный *o* после губных и заднеязычных согласных, а сам гласный в большинстве случаев предшествует тавтосиллабическим *g, l, m, ŋ* (т. е. является первым компонентом дифтонга), то приходится согласиться с мнением Хр. Станга, что здесь мы имеем дело с вторичным явлением помезанского диалекта, а не с сохранением более древнего *o*. В указанном диалекте, согласно Хр. Стангу, первый компонент дифтонгов удлинялся, причем удлинненный *a* приближался к *o*, ср. аналогичный переход долгого общепалтийского **ā* в *ō* в том же диалекте. Данная тенденция, по-видимому, наиболее ясно проявлялась в позиции после губных и заднеязычных согласных, что видно из случая появления гласного *o* вне дифтонга¹³.

В пользу наличия общепалтийского краткого **o* иногда еще делаются ссылки на балтийские заимствования в прибалтийско-финских языках, так как здесь отмечено определенное количество слов с *o* вместо ожидаемого *a*, ср. фин. *morsian* — лит. *marti* 'невестка', фин. *oinas* — лит. *āvinas* 'баран'. Однако таких слов сравнительно немного (преобладают заимствования с *a*) и нет достаточного основания считать их более древними, чем слова с *a*. Представляется более убедительным мнение, что наличие *a : o* в финских заимствованиях является отражением д и а л е к т н о й дифференциации того балтийского идиома, из которого финны заимствовали¹⁴.

Переходим к рассмотрению проблемы наличия в общепалтийском долгого гласного **ō* из индоевропейского **ā*.

Анализ вокализма современных литовских диалектов убеждает нас в том, что общелитовский язык до распада его на аукштайтское и жемайтское наречия вместо современного гласного *ō* имел долгий открытый *ā*. Так, в редуцированных окончаниях до сих пор сохранился краткий *a* (без всякого оттенка гласного *o*) во всех тех литовских диалектах, в том числе и жемайтских (здесь *ō > uo*), где безударные окончания рано подверглись сокращению, ср. диалектную форму род. пад. ед. ч. *vilka*, жем. *vēlka* (литер. *vilko*) 'волка', 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. *sāka* (литер. *sāko*) 'говорит, говорят' наряду с *žōdis*, жем. *žūdis* 'слово'. Из мнимых форм **vilko, *sako* сегодня мы имели бы не *vilka (vēlka), sāka*, а **vilko (*vēlko), *sako*. Лишь на периферии ареала редуции безударных окончаний (напр., в *Veliuonā, Sakiai*), где долгие безударные флексии сократились позже, встречаются диалектные формы *vilku, sāku* с окончанием *-u*, развившимся (по-видимому, через ступень *-ō*) из нового *-ō*. Ср.: *gerā* (при *gerōji*) 'хорошая' из **gerā* (мнимое **gerō* дало бы **gerō*).

¹⁰ См.: «Pergalė», 1967, № 6, стр. 154—156.

¹¹ И. К а з л а у с к а с. Указ. соч., стр. 23.

¹² Chr. S. St a n g. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsø, 1966, стр. 25.

¹³ Chr. S. S t a n g. Указ. соч., стр. 26.

¹⁴ См. там же, стр. 23—25 и приведенную литературу.

В Биржайском говоре восточноаукштайтского наречия местный падеж ед. ч. существительных с основой на $\bar{a}$ имеет диалектное окончание $-e$, напр., *ruĩk̄e* (литер. *raĩkoje*) 'в руке'. Данное окончание могло развиться только из $-ai$ (ср. диалектную форму дат. пад. ед. ч. *šãk̄e* < *šãkai*), точнее $-aj$, где гласный a возник из долгого $\bar{a}$ (т. е. $-aj$ из $-\bar{a}j-e$) в результате диалектного сокращения безударных долгот, ср.: *giv̄enim's* < *giv̄enimas* 'жизнь', *šõkin̄et̄* < *šõkin̄eti* 'прыгать'.

Таких примеров, в которых диалектные формы можно объяснить только при условии признания перехода $\bar{a} > \bar{o}$, имеется очень много. Кроме того, на территории литовского языка есть диалекты, где переход $\bar{a} > \bar{o}$ еще не является завершенным. Так, на крайнем западе, в окрестностях деревни *Kaĩkl̄ė* (к северу от *Клайпеды*), вместо нового гласного $\bar{o}$ во всех позициях, кроме безударного окончания (здесь имеется краткий a), произносится $\bar{a}$, т. е. долгий гласный $\bar{a}$ с оттенком o . В данном диалекте переход $\bar{a} > \bar{a}$ виден из таких слов, как *vãks* 'дитя', с $\bar{a}$ вместо вторичного $\bar{a}$ из дифтонга ai , ср. литер. *vaĩkas* 'дитя'.

Такой же гласный $\bar{a}$ сохранился и на восточной окраине территории литовского языка, а именно в определенных говорах восточноаукштайтского наречия (в части аникшайского, утянского и вильнюсского диалектов), где он выступает также и в безударных окончаниях, так как здесь редукция последних очень слаба. Переход $\bar{a} > \bar{a}$ в восточной Литве показывает, напр., слово вильнюсского диалекта *atã* 'пришел' (вместо литер. *at̄ejo*) с гласным $\bar{a}$, развившимся из вторичного долгого $\bar{a}$, возникшего в результате контракции двух гласных (*ata + ãjo* < *ẽjo*)¹⁵.

Оттенок o в произношении гласного $\bar{a}$ в части указанных говоров восточной Литвы является еще весьма незначительным, а в окрестностях *Panemun̄ėlis*, *Rimš̄ė* и в местечке *Adutiškis* произносится, можно сказать, чистый гласный $\bar{a}$. Следует отметить, что и в тех говорах восточной Литвы, в которых переход $\bar{a} > \bar{o}$ уже совершился, новый гласный $\bar{o}$ произносится с явным оттенком a ¹⁶. Так обстоит дело в большей части восточноаукштайтского и почти во всем южноаукштайтском наречии.

Во многих деревнях, находящихся между районными центрами *Utena* и *Zarasai*, нам лично приходилось неоднократно наблюдать явное различие в произношении рассматриваемого гласного носителями того же самого диалекта: старики обычно произносят $\bar{a}$ ($\bar{a}$ с более или менее ясным оттенком o), в то время

¹⁵ Акут вместо циркумфлекса, как в формах *iš̄ė* 'вышел', *puv̄ė* 'пошел' (литер. *iš̄ėjo*, *puv̄ėjo*), следует объяснить влиянием преобладающего типа *mieḡo* 'спал', *tur̄ė* 'имел' (литер. *mieḡojo*, *tur̄ėjo*).

¹⁶ Данный гласный носителями диалекта обычно не отождествляется с o литературного языка, так как последний в новых словах часто заменяется дифтонгом *uo*, ср. диалектное слово *autuobusas* вместо литер. *autobusas* 'автобус'.

как остальные представители диалекта — $\bar{o}$ (т. е. $\bar{o}$ с существенным оттенком a), четко отличающийся от $\bar{o}$ литературного языка.

Более древний гласный $\bar{a}$ вместо современного литературного $\bar{o}$ засвидетельствован также литовскими личными именами и топонимами в русских документах XIII—XV вв., напр. *Kgastovt̄ь*, *Iatovt̄ь*, *Buriman̄ь* < *Gastautas, *Jatautas, *Birštãnas — соврем. *Gostautas*, *Jotautas*, *Birštonas*. Переход $\bar{a} > \bar{o}$ наглядно виден и из литовских заимствований древнерусского происхождения, напр. *donis* < *дань*, *svodbã* < *свадьба*¹⁷.

Ввиду сказанного нам кажется необоснованным утверждение, что «долгие гласные o_2 и e_2 (имеются в виду мнимые общебалтийские * $\bar{o}$ и узкий * $\bar{e}$. — *З. З.*) в некоторых говорах литовского языка (как и латышского) расширились до $\bar{a}$, $\bar{e}$; в других расширение было не столь полным»¹⁸. Никаких аргументов в пользу такого обратного развития гласных в литовском языке не приводится. Что касается латышского языка, то делается лишь единственное предположение, что «в части латышского аугземнекского диалекта сокращение циркумфлектированных окончаний, возможно, произошло именно в то время, когда существовали долгие o_2 и e_2 (ср.: *rokys* и *zemis*)»¹⁹. Но это лишь неуверенная догадка.

Допущение существования общебалтийского * $\bar{o}$ делает очень усложненным понимание развития балтийского вокализма. В этом случае нам неизбежно пришлось бы признать, что индоевропейский * $\bar{a}$ в общебалтийском перешел в * $\bar{o}$, который впоследствии опять превратился повторно в пралитовском и (пра)латышском в тот же * $\bar{a}$, после чего он еще раз должен был измениться в $\bar{o}$ в современном литовском языке и в определенных латышских диалектах. Только в жемайтском диалекте литовского языка и латгальском диалекте латышского языка нашему гласному удалось бы в конце концов «вырваться из замкнутого круга» и стать дифтонгом *uo*. Такое развитие не может рассматриваться в качестве убедительного. История многих языков свидетельствует, что звуки при изменении постепенно переходят в другие, а не повторно (и притом неоднократно) возвращаются к тем же самым.

В качестве доказательств якобы существования в общебалтийском * $\bar{o}$ (из и-е. * $\bar{a}$) иногда еще приводятся определенные факты древнепрусского языка, а также используются данные балтийских заимствований в прибалтийско-финских языках.

¹⁷ В говорах восточной Литвы, где переход $\bar{a} > \bar{o}$ совершился сравнительно недавно, он отражается даже в более новых заимствованиях, напр. *arbotã* (*Kab̄ėliai*, *Šimõnys*, *Kaĩtan̄ėnai*) 'чай' < польск. *herbata*, *bõlius* (*Kaĩtan̄ėnai*) 'бал' < польск. *bal*, *kovã* (*Lišk̄iavã*, *Kaĩtan̄ėnai*) < польск. *kawa* или белор. *кава* (другие примеры см. в кн.: *Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, стр. 71*).

¹⁸ И. К а з л а у с к а с. Указ. соч., стр. 24.

¹⁹ Там же, стр. 23.

В древнепрусском языке, насколько можно судить по имеющимся текстам, в части говоров, засвидетельствованных катехизисами (самбийский диалект), современному литовскому $\bar{o}$ и латышскому $\bar{a}$ соответствовал долгий гласный $\bar{a}$, кроме позиции после губных и заднеязычных согласных, где произносился задний гласный $\bar{u}$; в другой же части древнепрусских говоров, засвидетельствованных Эльбингским словарем (помезанский диалект), общепалтийский $*\bar{a}$, как и в большей части литовских диалектов, во всех позициях перешел в $\bar{o}$.

Некоторые исследователи полагают, что древнепрусский диалектный гласный $\bar{u}$ в позиции после губных и заднеязычных согласных может быть объясним лишь наличием в прошлом $\bar{o}$ во всех позициях²⁰. Однако такое понимание развития не является единственным возможным, так как не исключена возможность развития гласного $\bar{u}$ в указанной позиции из $\bar{a}$ через ступень $\bar{o}$, подобно литовскому диалектному переходу $a > u$ в позиции перед тавтосиллабическими носовыми гласными, ср. литов. вост. $p\bar{u}ntis < < p\bar{a}ntis$ 'путо'. Еще ср. диал. $s\bar{a}ku$ 'говорит' из $s\bar{a}ko < *s\bar{a}k\bar{a}$. Ссылка на тот факт, что Эльбингский словарь приблизительно на 150 лет старше катехизисов и поэтому якобы отражает более древнее состояние²¹, по существу не имеет никакой доказательной силы, так как здесь мы имеем дело с фактами разных диалектов; ср. наличие $\bar{o}$ в литовских текстах XVI в. (напр., в Постилле Даукши) и $\bar{a}$ в современных записях упомянутых литовских диалектов. Таким образом, несмотря на отсутствие полной ясности в развитии древнепрусского вокализма, его данные по существу не противоречат выводу о сохранении индоевропейского $*\bar{a}$ в общепалтийском.

Известно, что для балтийских заимствований в прибалтийско-финских языках характерен дифтонг uo вместо современного литовского литературного $\bar{o}$ и латышского $\bar{a}$, ср. фин. $luoma$ — лит. $loma$, лтш. $l\bar{a}ma$ 'лог, котловина'. Однако данный факт нас убеждает лишь в том, что тот неизвестный нам балтийский идиом, который стал источником заимствования, имел гласный $*\bar{o}$ или даже дифтонг $*uo$, но не $*\bar{a}$. Однако мы не имеем никаких доказательств, что современные балтийские языки (литовский, латышский, также и древнепрусский) являются прямым продолжением именно того же балтийского идиома или что финны якобы заимствовали из общепалтийского языка. Напротив, отличие в структуре упомянутых заимствований, отсутствие соответствующих финских заимствований в современных балтийских языках (особенно в литовском и в древнепрусском) и, наконец, тот факт, что балтийские заимствования находятся не только в прибалтийско-финских языках, но также и в отдаленных от Прибал-

тики финно-угорских языках Поволжской группы²², заставляют нас полагать, что финно-балтийские контакты длились долгое время и что главными участниками в них с балтийской стороны были уже давно исчезнувшие северо-восточные балтийские племена, для языка которых, по-видимому, был характерен переход индоевропейского $*\bar{a}$ в $\bar{o}$.

Итак, мы не находим ни одного убедительного аргумента, который заставил бы нас признать существование в общепалтийском как краткого $*o$, так и долгого $*\bar{o}$ (из и.-е. $*\bar{a}$). Из сказанного следует, что можно говорить лишь о наличии в общепалтийском соответствующих гласных $*a$ и $*\bar{a}$ в какой-то мере заднего образования, так как впоследствии они стали развиваться не в направлении передних $e/\bar{e}$, а в направлении задних гласных $o/\bar{o}$. Таким образом, наиболее древней системой балтийского вокализма мы склонны вместе с Хр. Стангом считать следующую:

ī	ū
ě	ō
ǣ	

Системность здесь нарушается долгим гласным $\bar{o}$ (из и.-е. $*\bar{o}$), не имеющим соответствующего краткого и впоследствии развившимся в восточнобалтийских языках в дифтонг uo .

Корректирующие примечания

Наша статья была написана в октябре 1967 г. В литературе, появившейся во время печатания сборника, обнаруживаются некоторые признаки отступления у сторонников гипотезы наличия гласных $*o$, $*\bar{o}$ (из и.-е. $*\bar{a}$) в общепалтийском от ранее ими постулированной позиции. Так, они стали иногда пользоваться графическими символами $*\bar{a}$ ²³ или $*\bar{a}$ ($=*\bar{o}$)²⁴, а при реконструкции падежных окончаний часто только $*a$, $*\bar{a}$ ²⁵. Появилась формулировка « $*a$, $*\bar{a}$ были лабиализованными»²⁶. Но все это еще не носит постоянного характера. Непоследовательность и противоречивость стали проявляться также в истолковании некоторых диалектных данных. Напр., в окончании диалектной звательной формы $vilki$ (литер. $vilke$) раньше обна-

²³ Ср.: Б. А. Серебряников. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам. «Труды АН Лит. ССР», серия А, I. Вильнюс, 1957, стр. 69—71; В. Н. Голубов, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 247—248.

²⁴ См.: И. Казлаускас. О балто-славянской форме дательного падежа мн. и дв. ч. «Baltistica», IV (2). Вильнюс, 1968, стр. 181.

²⁵ Ср.: В. Мажулис. Литовско-индоевропейские языковые отношения. Автореф. докт. дисс. Вильнюс, 1968, стр. 4.

²⁶ J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968.

²⁷ В. Мажулис. Литовско-индоевропейские языковые отношения, стр. 4.

²⁰ См.: В. Мажулис. Заметки по прусскому вокализму, стр. 191 и сл.

²¹ И. Казлаускас. Указ. соч., стр. 20.

Т. М. Судник

руживался рефлекс мнимого узкого *e*²⁷, теперь же данное окончание тем же исследователем возводится к более древней открытой — *e*²⁸.

Доказать наличие краткого *o (соответственно и узкого *e) в общепольском недавно заново попытался С. Каралиюнас²⁹. Но он в своих рассуждениях в основном опирается на указанные выше работы авторов гипотезы и использует те же фактические данные, которые нами были рассмотрены выше, за исключением фактов так называемых «ротиничков», гласный *o* (точнее *ɔ*, *ǫ*) которых он на этот раз, в разрез со своими бывшими взглядами, уже считает новым, развившимся из удлинённого под ударением гласного *a*, равно как и узкий *e* того же диалекта считает развившимся из соответствующего открытого *e*. Однако автор не является последовательным, считая исконным узкий характер гласного в таких северожемайтских формах, как *mēdis/mīedis* 'дерево' (никто из сторонников гипотезы этого еще не делал), несмотря на явные признаки вторичного перехода *e* в *ɛ/ie*, имевшего место в данном диалекте, ср. *žalēsis/žālīesis* 'зеленый' (литер. *žaliāsis*), где *ɛ/ie* развилось из нового *e*, восходящего к более древнему *a*.

Что касается интерпретации данных древнепрусского языка, то следует обратить внимание читателя на интересную точку зрения американского лингвиста В. Р. Шмальстига, который случаи написания буквы *o* вместо ожидаемой *a* объясняет проявлением особенностей немецкой артикуляции создателей древнепрусских памятников³⁰.

Лаздуны (лит. *Lazūnai*, польск. *Łazduny*) находятся приблизительно в 100 км к юго-востоку от Вильнюса и по нынешнему административному делению относятся к Ивьевскому району Гродненской области БССР. По старым демографическим сведениям¹, Лаздуны в конце прошлого века характеризовались неоднородностью этнического состава и соответственно многоязычием: в этом селении и некоторых близлежащих деревнях, условно объединяемых (в данной работе, как и в литовских диалектологических исследованиях) под общим названием «Лаздуны», сосуществовали славянский (белорусско-польский) и литовский элементы². Сейчас, спустя 70 лет, в Лаздунах еще живы немногие, говорящие по-литовски и по-польски, и хотя для всех поколений постоянным средством общения стал белорусский диалект, здесь пока все еще можно выявить интересующую нас ситуацию литовско-белорусско-польского трехязычия.

Из трех диалектов, на которых говорят в Лаздунах, предмет специальных лингвистических наблюдений был пока что только литовский, интересовавший литуанистов главным образом архаическими особенностями, уцелевшими благодаря особой географии говора, содействующей ретардации, — островному по-

²⁷ См. статью И. Казлаускаса в «Вопросах языкознания», 1962, № 4, стр. 23.

²⁸ См.: J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, стр. 164 (1 сноска). Ср., что сказано о *ep*, *em*, *an*, *am* в указанной выше статье на стр. 23 и в данной книге на стр. 322.

²⁹ S. Karaliūnas. Kai kurie baltų ir slavų kalbų seniausiąją santykių klausimai. «Baltų ir slavų kalbų ryšiai». Vilnius, 1968, стр. 52—61.

³⁰ W. R. Schmalstieg. (Rec.) Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen, by Chr. Stang. «Language», v. 44, № 2 (1968), стр. 389—391; Он же. Labialization in Old Prussian. «Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of Boris O. Unbegaun». N. Y.—London, 1968, стр. 189—193.

¹ «Obszar języka litewskiego w gubernii Wileńskiej. Skreślił Anonim». W Krakowie, 1898 (в то время Лаздуны входили в Ошмянский повет Виленской губернии).

² Опираясь на тот же демографический источник, можно предположить, что некоторые из интересующих нас деревень заселяли только литовцы. См., в частности, «Obszar języka litewskiego . . .», стр. 60, где приведены статистические сведения о населении деревни Дэверги, целиком литовском (801 человек). Однако, видимо, и для подобных случаев приходится восстанавливать в прошлом ситуацию многоязычия, учитывая полилингвистическое окружение говора и интенсивность контактов с соседними селениями.

ложению в славянской среде и значительной удаленности от основного диалектного массива. Кроме П. Арумаа, опубликовавшего собрание записанных им текстов, говором Лаздун интересовался Э. Френкель, в частности, некоторые наблюдения приводятся в его известной статье «Der Stand der Erforschung des im Wilpgebiete gesprochenen Litauischen»³. Затем, спустя двадцатилетие, лаздунский говор исследовался по программе Литовского диалектологического атласа (1952—1955 и 1959 гг.), в результате чего появились статья⁴ и две публикации текстов⁵.

Сведения, содержащиеся в перечисленных исследованиях, были использованы в данной работе в качестве материала при написании литовского раздела, наряду с собственными транскрипциями автора, выполненными во время двух экспедиций в Лаздуны — в 1964 и 1968 гг. Что касается белорусского и польского говоров, то в этом случае не было возможности опереться на предшествующие наблюдения⁶, и описание белорусской и польской фонологических систем полностью основывается на записях автора данной работы.

* * *

По нашим наблюдениям и по свидетельству информантов, литовский язык и, следовательно, навык литовско-белоруско-польского трехязычия сохранился до сих пор в следующих деревнях⁷: Посали (белор. p6sal'i, лит. p6sal'eji), Бобровичи (белор. b6brav'i6y, лит. b'abr6nai), Дэверги (белор. d6varg'i, лит. z'i6v'arg'ai, d6rvag'ai), Гуденята (белор. guz'an'ata, лит. guz'an'on'is), Вольдики (белор. v6l'z'ik'i, лит. val'z'ikai), Лаздуны (белор. lazdu'ny, лит. laz6nai), Довнары (белор. da'vnary, лит. do'vn6rai),

³ См.: «Balticoslavica». Biuletyn instytutu naukowo-badawczego Europy Wschodniej w Wilnie, t. II. Wilno, 1936.

⁴ J. Senkus. Kai kurie Lazūnų tarmės ypatumai. «Lietuvos TSR MAD», serija A, 1. Vilnius, 1958.

⁵ См.: J. Senkus. Lazūnų tarmės tekstai. — «Lietuvių kalbotyros klausimai» (далее — LKK), II. Vilnius, 1959; E. Grinavėskienė. Tarmių medžiagos rinkimas lietuvių kalbos atlasui. — LKK, III. Vilnius, 1960.

⁶ Следует сказать, что описываемый пункт (точнее, дер. Бобровичи) обследовался по программе «Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы» (Мінск, 1963. Далее — ДАВМ), где он значится под № 426 (см. также образцы текстов, приводимые в кн. «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1962, стр. 135—136). Некоторые расхождения между сведениями по говору, содержащимися в атласе, и нашими материалами объясняются, по-видимому, тем, что наблюдения над идиолектной дифференциацией говора, которые были существенны для нас, не входили в задачу составителей атласа.

⁷ Порядок перечисления соответствует степени сохранения литовского языка в направлении от большей к меньшей. В дер. Бежемцы никто литовским языком не пользуется, но некоторые его понимают.

do'vr6n'ai), Шашки (белор. šašk'i, лит. šašk6i), Яськовичи (белор. j6s'kav'i6y, лит. j6s'kav'i6ai, j6sk6nai), Замоши (белор. zam6sy, лит. zam6šos), Бежемцы (белор. b'az6mcy, лит. b'az6mn'ai).

Языковую ситуацию, сложившуюся в названных деревнях к настоящему времени, можно представить в табл. 1 (знак + означает, что существует группа населения, владеющая двумя соответствующими языками, причем язык, помещенный в строке, усваивался этой группой в семье и является для нее родным, «первым», тогда как язык, помещенный в столбце, был усвоен впоследствии; знак — (минус) означает, что в данном коллективе нельзя усмотреть соответствующей двуязычной группы).

Таблица 1

«Второй» язык \ Родной язык	Литовский	Белорусский	Польский
Литовский	—	+	+
Белорусский	—	—	+
Польский	—	—	—

В двух клетках первой строки отмечена фактически одна, теперь уже малочисленная группа населения — немногие оставшиеся в живых представители самого старшего поколения, выросшего в литовских семьях. Живя в иноязычном окружении, они овладевали белорусском языком и польским, который был для них языком власти, религии и грамоты. Определить эту группу численно довольно трудно, так как литовскую и польскую речь можно теперь услышать только в особых ситуациях, а потому дву- и трехязычие населения в условиях Лаздун носит, можно сказать, потенциальный характер. Но все же приблизительное представление об этом числе получить можно, так, в одной из наиболее «литовских» деревень — Бобровичах, — состоящей из 50 дворов, в той или иной степени владеют литовским не более 30—40 человек.

Белорусско-польская двуязычная группа гораздо многочисленнее, ее составляют все или почти все жители Лаздун старшего и

Артикуляционная схема согласных литовского,

белорусского и польского говоров Лаздун

Способ образования	Участие голоса	Место образования			
		Губные		Губно-зубные	
		палатальные	непалатальные	палатальные	непалатальные
Смычные	Звонкие	b' lob'al'is b'az'm'én b'ály	b bóba búl'ba vrúbal'		
	Глухие	p' p'alé p'ékla p'ásek	p páršas pál'cy pán'stwo		
Фрикативные	Звонкие			v' v'al'n'as v'ály v'áneK	v vákar vadá várna
	Глухие			f' paráf'ija af'ára f'iránka	f patagraf'óó' fútar fatýga
Аффрикаты	Звонкие				
	Глухие				
Дрожание					

Место образования					
Переднеязычные		Среднеязычные		Заднеязычные	
палатальные	непалатальные	палатальные	непалатальные	палатальные	непалатальные
d' ž'id'al'is —	d d'uc' daróga dése	j jóu jáblyna jaskúlka		g' m'arg'ála réz'g'iny dlúg'e	g m'argá gának gén's'
t' rut'ále — —	t tadú táta téras			k' k'oule k'isly k'il'ka	k kójos kám'an' káčka
	z mazgái záras zémby	z' kaz'úkas z'aml'á z'ém'a	ž žagúnas žába žál'	ɣ' maɣ'il'n'ikas nóɣ'i —	ɣ paɣúrk'is ɣórla ɣodóvac'
	s saldús sála sáza	s' s'an'ei s'ém s'ano	š šókc' šés'c' šáfa	x' — x'ítvy s'x'il'ic'	x — xáta šécha
	ž žá žýnkac' sáza	ž' m'áz'as ž'írka ž'écko	ž ižžov'ína uxažór žéva		
	c cagónas cymbály có	c' c'onái c'al'átka c'óngl'e	č čabatas čabór čósnyk		
	r rýtas réčka rók				

Способ образования	Участие голоса	Место образования			
		Губные		Губно-зубные	
		палатальные	непалатальные	палатальные	непалатальные
Латеральные					
Носовые		m m'áz'as m'an'é m'ála	m mán mác'i múĭ		

среднего (40—50 лет) поколения, что же касается младшего поколения, то и оно иногда во всяком случае понимает по-польски.

В настоящее время в Лаздунах, безусловно, преобладает белорусский язык. Литовский язык можно услышать в ситуациях довольно исключительных: разговор лаздунца с исконным литовцем, разговор о «языковом прошлом» Лаздун между людьми преклонного возраста, исполнение песен, воспроизведение прямой речи. К литовскому прибегают и в тех случаях, когда возникает потребность скрыть содержание разговора от присутствующих, не понимающих по-литовски: jak xóca кагó абгаварыс' z другоĭ v'ósk'i tadų pa žagúnsku⁸ с'árn'a.

Пожалуй, столь же редки и аналогичны названным ситуации, в которых используется польский язык. Надо лишь заметить, что лет 40—50 назад многие учились польской грамоте и до сих пор умеют писать по-польски, так что польский диалект, можно сказать, используется в Лаздунах в его устной и письменной форме (см. Приложение).

Еще лет 20 назад ситуация была иной. Литовскую речь, как вспоминают информанты, можно было услышать на улице довольно часто, и в семьях, где были живы родители ныне здравствующих «жагунов», говорили по-литовски. Сфера использования польского языка в прошлом также была шире (костел, школа,

Место образования					
Переднеязычные		Среднеязычные		Заднеязычные	
палатальные	непалатальные	палатальные	непалатальные	палатальные	непалатальные
l' l'al'ija l'akáĭ l'ás	l lúnigas láva ládny				
n' n'éko n'és'c'i n'éx	n namó nárty nóc				ŋ lúnigas bánka réŋka

общение с сельской интеллигенцией и властью). Отголоски прежней языковой ситуации сохранились в песне, воспроизводящей двуязычный (литовско-польский) диалог и не утратившей для лаздуновцев и поныне поэтического эффекта:

f_c'ómnym l'és'a pšy_ták'eĭ dol'in'e
c'ónaj rýŋko m'arg'ále vog'áles
— púĭz'am dál'ai mlóda ž'aučynáčka
— n'áĭs'u n'áĭs'u jáunasaj b'arn'ál'is
— da_v'izén'a mlóda ž'aučynáčka
— súz'eĭ súz'eĭ jáunasaj b'arn'ál'is.

Как и следовало ожидать, вся микропонимическая лексика в интересующих нас селах остается литовской. Вот некоторые ее примеры: дер. Лаздуны — sóntak'i 'сенокос', kum'ál'ina 'сенокос', dan'úp'iška 'центр деревни', rábrac' 'поле'; дер. Бобровичи — tal'éja 'дальний сенокос', rušk'in'en'e 'сенокос, где рос щавель', kúpsas 'песчаная гора'; дер. Бежемцы — ažuk'ál'e 'поле за дорогой'; дер. Вольдики — b'áržynas 'сенокос', l'iz'im'ál'is 'поле'; дер. Посали — rav'áržu 'поле', pazakápus 'поле', kl'ar'ál'is 'поле', r'av'ál'e 'сенокос', ĭk'al'n'ále 'пастбище' и т. д.

Основными информантами автора были «жагуны», сохранившие вполне отчетливое представление о не столь давнем языковом прошлом Лаздун и хорошо владеющие всеми тремя интересующими нас диалектами: Станислав Степанович Плякин (65 лет), Юзефа Мартиновна Плякина (61 год) — из Бобрович; Мария Сте-

⁸ Местный литовский диалект сами лаздуновцы называют «жагунским», а его носителей «жагунами». Жители соседних мест (Ивье, Бакшты) распространяют это название вообще на всех лаздуновцев.

пановна Берник (72 года), Мальвина Викентьевна Тулько (74 года) и Владислав Тулько (70 лет) — из Лаздун.

* * *

Приступая к очеркам фонологических систем литовского, белорусского и польского говоров Лаздун, остановимся на тех схождениях, которые интересующие нас диалекты обнаруживают уже в чисто материальном, фонетическом плане. Внимание фонолога прежде всего останавливает поразительная близость диалектов в этом отношении.

Таблица 3

Артикуляционная схема гласных литовского, белорусского и польского говоров Лаздун

Ряд	Передний		Средний	Задний	
	слоговые	неслоговые		слоговые	неслоговые
Подъем					
Верхний	i v'is'í v'ír v'f̣'ec'	i̇ žyvái mói múi	y kapýtas pýl pýtac'	u búvo rúl'ica rúža	u̇ dojnáraĩ daunóru kréũny
Средне-верхний	ê (¹e, ie) n'êko (n'¹éko, n'¹iéko) l'és (l'¹és, l'¹iés)			ô (¹o, uo) važôc' (važ¹óc', važuoс') dvór (dv¹ór, dv¹oor)	
Средний	e v'éjas ž'én' ž'écko			o bról'is vós'en' móže	
Нижний	æ m'ærg'ále			a ánas mátka pán	

Не имея целью подробное и точное описание явлений супер-сегментного уровня, упомянем все же тот факт, что все различия

в этом плане, которые а priori можно было бы себе представить, зная привычное звучание литовской, белорусской и польской речи, в лаздунских диалектах устранены. По таким признакам, как характер словесного ударения, ритм и интонационный рисунок фразы (интонация вопроса, утверждения, отрицания, сомнения, удивления и т. д.), а также по просодическому облику отрезков речи больших, чем фраза, рассматриваемые диалекты трех языков не представляется возможным разграничить.

Что касается собственно звукового уровня, то он также обнаруживает далеко зашедшее выравнивание диалектных систем. Как видно из приводимых артикуляционных таблиц (табл. 2, 3), для записи текстов на белорусском, литовском и польском диалектах может служить по существу единый набор транскрипционных знаков (если не считать некоторых различий в зоне заднеязычных согласных и переднеязычных палатальных, а также специфически литовского æ).

Особо поясним звучание s', z', c', ž'. Все три лаздунских диалекта объединяет «шепелявый» характер этих звуков, артикулируемых средней частью спинки языка⁹ (при пассивном, расслабленном кончике), сближающейся с передней частью среднего неба (О. Брок называет подобную артикуляцию «краепалатальной»¹⁰). Отличая это произношение от более умеренной палатализации (типа, напр., русской) и от палатализации типа «континентальной» польской (ś, ź, ć, ź), было бы справедливее транскрибировать наблюдаемые в Лаздунах звуки особым образом (обозначив их, скажем, s", z", c", ž", как это делает при описании белорусской диалектной территории В. Н. Чекман¹¹). В наших транскрипциях это, однако, не сделано, а сохранено обозначение s', z', c', ž', наиболее простое в условиях полевой работы, однако в каждом отдельном случае такая запись передает звуки описанной выше (см. также артикуляционную схему согласных, где s', z', c', ž' помещены в зону среднеязычных) артикуляции.

БЕЛОРУССКИЙ ДИАЛЕКТ

1. Вокализм (V⁺). В ударной позиции некоторые идиолекты различают семь гласных фонем, образующих треугольник:

$$\begin{array}{ccc} & i & u \\ & \hat{e} & \hat{o} \\ & e & o \\ & & a \end{array}$$

⁹ См.: И. Волк-Левоневич. Еще к вопросу о ляхских чертах в белорусской фонетике. «Slavia», 1930, IX, 3, стр. 506.

¹⁰ О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 24.

¹¹ В. Н. Чекман. К развитию особенностей белорусского консонантизма. — ВЯ, 1969, № 2.

Комментарий к семичленному (максимальному) вокалическому инвентарю:

- i — b'íc', býc', m'íla, mýla, jíx;
 ê — b'êly, ž'êuka, jaršé, skadžéc'a, tab'é;
 e — ž'én', n'és'c'i, b'éraχ, s'érp, l'andérka;
 a — řádras, l'akái, řalavá;
 o — nóvy, ból'ai, ž'óržyc', v'adró, c'óplařo;
 ô — dóm, kón', řnôí, c'ótka;
 u — dúp, ž'ac'úk, mařú, vúl'ica.

Более или менее последовательное употребление ê (на месте старого и «нового» ě) и ô (на месте этимологического o и o < e в новых закрытых ударяемых слогах) характерно для самого старшего поколения и, пожалуй, даже не для всех его представителей, а лишь для идиолектов сугубо консервативных¹². Причем даже для этой категории говорящих относительная регулярность различения ê, ô соблюдается только в размеренной внятной речи (andante-стиль). В таких случаях ê, ô реализуются в виде гласных средне-верхнего подъема, характеризующихся напряженностью артикуляции, по акустическому же впечатлению ê, ô иногда (редко) близки к дифтонгам типа 'e, 'o (см. Тексты).

Вообще же для большинства говорящих (среднего и младшего поколения в особенности) ê, ô свободно чередуются с e, o, причем иногда из уст одного и того же информанта в одних и тех же лексемах слышатся то ê, ô, то e, o: l'és — l'és, s'n'éχ — s'n'éχ, kón — kón', móst — móst и т. п.

Характеризуя лаздунский вокализм, семичленную систему гласных все же нельзя не учитывать, поскольку она свойственна части говорящих, сохраняющей в наиболее первозданном виде архаический облик говора, и, кроме того, как нам показалось, эта вокалическая система в известной степени типична как раз для трехязычной группы населения.

Данный тип вокализма (V⁺) описывается с помощью четырех фонологических признаков в табл. 4.

По признаку компактности идентифицируется гласный нижнего подъема a.

Среди некомпактных фонем по признаку диффузности гласные верхнего подъема i, u отличаются от e, ê, o, ô.

Признак периферийности отличает лабиализованные гласные o, ô, u от нелабиализованных e, ê, i.

Наконец, по признаку напряженности различаются гласные

¹² В ДАБМ (карты 34, 35) для пункта 426 (Бобровичи) в соответствующих позициях отмечено произношение [e], [o]: [l'e]s, x[l'e]b, [b'e]ly, na pa[z'e], d[o]m, k[o]n', v[o]. См. также: «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», карта на стр. 20, где Лаздуны оказываются на территории с пятифонемным составом ударных гласных.

Таблица 4

	e	ê	o	ô	i	u	a
Компактность	—	—	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	—	—	+	+	0
Периферийность	—	—	+	+	—	+	0
Напряженность	—	+	—	+	0	0	0

средне-верхнего подъема ê, ô, произносимые с заметным напряжением органов речи, и гласные среднего подъема e, o.

Дополним матричное описание данной вокалической системы некоторыми количественными показателями, представляющими статистическую структуру каждого противопоставления с точки зрения его мощности (равной отношению числа фонем, для которых данное противопоставление релевантно, к общему числу фонем) и симметричности (равной отношению числа положительных знаков релевантности к числу отрицательных) (табл. 5).

Таблица 5

	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,17
Диффузность	0,86	0,50
Периферийность	0,86	1
Напряженность	0,57	1

Приведем также сосуществующую с описанной выше пятифонемную систему гласных, имеющую тенденцию стать общепринятой в условиях Лаздун (и совпадающую с системой литературного языка и языка большей части белорусского диалектного массива) (табл. 6).

Таблица 6

	e	o	i	u	a
Компактность	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	+	+	0
Периферийность	—	+	—	+	0

2. Консонантизм (Cs⁺, Cs⁻). Система согласных фонем белорусского говора Лаздун более стабильна, т. е. относительно

меньше подвержена идиолектному варьированию, чем система вокализма. Типичный консонантный инвентарь насчитывает 37 фонем: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, k', g, g', x, γ, γ'. Комментарии к белорусскому консонантному инвентарю:

r — rân'ica, rěčka, vanġór;	š — šaryk, jaršé, zamuš;
l — láva, lyġác', kól;	s' — s'áz'am, bas'ák, s'ívy, skrós';
l' — l'ámpa, l'akái, l'ípa;	ž — žác', žagún, žýta;
n — nártý, karšuné, šynél';	z' — z'aml'á, z'imá, z'ác';
n' — n'áz'ól'a, mn'é, n'érf;	č — čápun'ka, karčé, p'éč;
m — májstra, ménčyc', s'ém;	c' — c'áška, býc';
m' — m'ašók, b'az'm'én;	ʒ̣ — uražái, uxažór, xažú;
j — já, majá, b'jé;	ʒ̣' — ʒ'ac'úk, ʒ'ác'ka, ʒ'írka, xaž'íc';
t — tárka, xáta, kót;	k — kám'an', pakúl', akýš
d — dačká, ġaradé, l'andérka;	(междометие, которым от-
c — caġán, spadn'ica, ks'ónc;	гоняют кур);
ʒ — ʒýġkac', pasažén'a;	k' — k'arújucca, k'íslý, ġavurk'é;
s — sát, súsla, v'éras;	g — ġárn'ac, ġanak;
z — zájac, marazé;	g' — g'arg'éčuc, g'ésta, réz'-
p — pán, slupé, snóp;	g'iny, g'ac'íška (микро-
p' — p'ác', p'éč, p'érsy;	топоним);
b — bác'ka, bába, bel'g'íka;	γ — ġádras, ġéty, baġáty, ġýl'a
b' — b'az'm'én, b'ély;	(междометие, которым от-
f — fél'iks, grýfa, pufájka, fýr-	гоняют гусей);
кас';	γ' — žġ'arý (< z'v'arý), nóġ'i,
f' — f'érma, paráf'ija;	maġ'íla;
v — vás, kaválak, výšaj;	x — xáta, xóraša, x'ítry.
v' — v'ánuc', ġav'áču, v'idél'ac;	

Расхождения между идиолектами касаются слабых, маргинальных звеньев консонантной системы. Так, известны идиолекты, элиминирующие f, f' (субститутами этих звуков являются, как правило, p, p': pasól', patagráp'ija). Нередки, однако, даже в пределах этих же идиолектов, и гипернормализмы, также свидетельствующие о маргинальности указанных фонологических единиц: grýfa, fac'ifón.

Следует пояснить также статус k', g', γ'¹³. Включение этих единиц в консонантный инвентарь на правах самостоятельных фонем мотивируется пусть небольшим, но все же достаточным списком примеров, относящихся к тому же к пласту общеупотребительной и частой в условиях Лаздун лексики, ср. пары: ка-

¹³ Наличием этих единиц (а также ʒ̣) инвентарь согласных нашего диалекта отличается от того максимума (33 согласных фонемы), который принимается для белорусской диалектной территории в «Нарысах на беларускай дыялекталогіі» (см. стр. 102).

róva — k'arúje (ср. польск. kierować), akýš — k'íšk'i, ġárn'ac — g'arg'éčuc'; ġatóvy — g'ac'íška, ġýl'a — maġ'íla, zġarýc' — žġ'arý (< z'v'arý).

Примеры употребления ʒ̣ единичны, они исчерпываются несколькими звукоподражаниями типа ʒýġkac' (ср.: razýġkac' — radzyvác') и польскими заимствованиями.

Система белорусского консонантизма описывается с помощью восьми различительных признаков: согласность, компактность, периферийность, назальность, непрерывность, яркость, звонкость, палатальность.

По признаку согласности класс сонорных (r, l, l', n, n', m, m', j) отличается от класса шумных (t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, k', g, g', x, γ, γ').

Признак компактности выделяет класс средне- и заднеязычных (j, š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, k', g, g', x, γ, γ'), противопоставленный согласным, образуемым в передней части рта. Как явствует из матрицы, согласные s', z', c', ʒ̣' отнесены к классу компактных фонем. Это объясняется стремлением показать на уровне типологической процедуры характерную черту белорусского (и не только белорусского, как будет видно) консонантизма Лаздун. Имеется в виду «шепелявое» звучание этих согласных, соответствующее «краепалатальной» (по О. Броку) артикуляции (см. артикуляционную схему).

Признак периферийности противопоставляет губные и заднеязычные согласные (m, m', p, p', b, b', f, f', v, v', k, k', g, g', x, γ, γ') передне- и среднеязычным (r, l, l', n, n', t, d, c, ʒ, s, z, š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣').

Действие признака назальности ограничено классом сонорных фонем и сводится к противопоставлению n, n' — r, l, l'.

Признак непрерывности отличает фрикативные (l, l', s, z, f, f', v, v', x, γ, γ') от смычных и аффрикат (r¹⁴, t, d, c, ʒ, p, p', b, b', k, k', g, g').

Признак яркости характеризует аффрикаты c, ʒ, č, c', ʒ̣, ʒ̣', противопоставляя их соответствующим смычным и фрикативным: t, d, š, s', ž, z'.

Признак звонкости дифференцирует шумные всех способов образования по участию голоса: t, c, s, p, p', f, f', š, s', č, c', k, k', x — d, ʒ, z, b, b', v, v', ž, z', ʒ̣, ʒ̣', g, g', γ, γ'.

Признак палатальности, не касаясь переднеязычных шумных согласных, а также r, j и x, различает l, n, m, p, b, f, v, š, ž, č, ʒ̣, k, g, γ и l', n', m', p', b', f', v', s', z', c', ʒ̣', k', g', γ'.

Ниже приводятся статистические характеристики парадигматической модели белорусского консонантизма Лаздун — сведения

¹⁴ Дрожащий сонант r в известном смысле можно назвать смычным, так как при произнесении этого звука происходит попеременное смыкание и размыкание кончика языка и альвеол.

Матрица идентификации согласных (Cs⁺, Cs⁻) фонем белорусского диалекта Лаздун

b'	+ +0 0++
b	+ +0 0+
p'	+ +0 0 +
p	+ +0 0
z	+ 0+0+0
s	+ 0+0 0
ʒ	+ 0 ++0
c	+ 0 + 0
d	+ 0 +0
t	+ 0 0
j	+000000
m'	+00000+
m	+00000
n'	+0000+
n	+0000
ɫ'	+000+
ɫ	+000
ɫ	000

Согласность
Компактность
Периферийность
Назальность
Непрерывность
Яркость
Звонкость
Палатальность

Таблица 7 (окончание)

ɫ'	+++0+0++
ɫ	+++0+0+0
x	+++0+0
g'	+++0 0++
g	+++0 0+
k'	+++0 0 +
k	+++0 0
ʒ	++ 00+++
ʒ	++ 00++
c'	++ 00+ +
c	++ 00+
z'	++ 00 ++
z	++ 00 +
s'	++ 00 +
ʒ	++ 00
v'	+ +0+0++
v	+ +0+0+
ɫ'	+ +0+0 +
f	+ +0+0

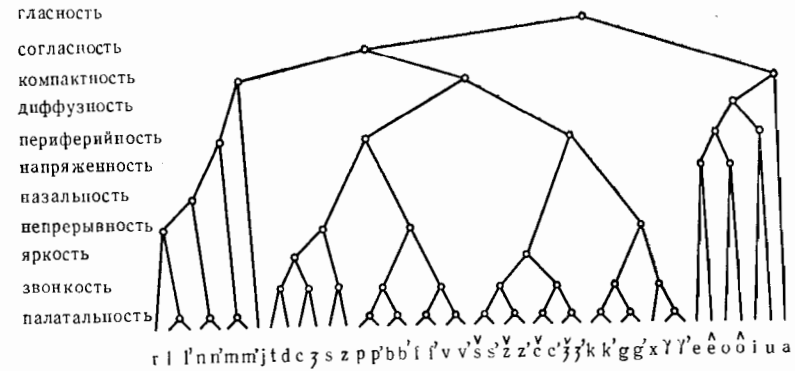
Согласность
Компактность
Периферийность
Назальность
Непрерывность
Яркость
Звонкость
Палатальность

о мощности и симметричности действия различительных признаков в сфере согласных (табл. 8).

Таблица 8

	Мощность	Симметрич- ность
Компактность	1	0,76
Периферийность	0,97	0,89
Назальность	0,43	0,67
Непрерывность	0,65	0,69
Яркость	0,32	1
Звонкость	0,78	1,07
Палатальность	0,76	1

Изложенные выше описания гласных и согласных фонем по различным признакам легко объединяются в общую модель фонологического пространства белорусского диалекта Лаздун (это достигается с помощью признаков вокальности (V) и консонантности (Cs): признаками V⁺, Cs⁰ характеризуются гласные, согласные противопоставлены им отрицательным значением V и положительным или отрицательным — в случае сонантов — значением признака Cs).

Эту общую модель мы приводим в виде фонологического «дерева», являющегося другой записью матрицы (ветви, направленные влево, соответствуют отрицательному значению признака, вправо — положительному). Для целей типологического сравнения, преследуемых в данной работе, целесообразно объединить «архаическую» (максимальную) модель вокализма с описанной консонантной моделью, что реально соответствует фонологической системе (44 фонемы) представителей старшего поколения лаздунцев, нередко сохраняющих навык литовско-белорусско-

польского трехязычия и почти не изменивших традиционный облик говора.

Имея в виду типологические задачи работы, выведем из общей модели статистические индексы, характеризующие структуру признаков гласности и согласности (табл. 9).

Таблица 9

	Мощность	Симметричность
Гласность	1	0,19
Согласность	0,84	3,62

3. Дистрибуция фонем. Из относящихся к этому разделу вопросов здесь будут рассмотрены те, которые представляются существенными с типологической точки зрения и актуальными в условиях акающей территории, на которой расположен говор. Предполагается, во-первых, проследить те ограничения, которые накладываются структурой белорусского текста на возможности построения вокалической схемы слова, во-вторых, описать дистрибутивную структуру упорядоченных сочетаний, состоящих из двух и более фонем, и, в-третьих, рассмотреть подсистемы фонологических единиц, оформляющих начало и конец слова.

Распределение гласных в слове

В лаздунском говоре последовательность гласных слова, в соответствии с известной особенностью белорусского вокализма, находится в зависимости от суперсегментного уровня. Это означает, что количество различаемых в каждой данной позиции гласных и их функциональная нагрузка определяются тем, является ли рассматриваемый слог ударным или же он безударен, и в последнем случае — тем, каким образом (в смысле направления и разделяющей дистанции) он располагается по отношению к ударному слогу.

В безударных позициях, к рассмотрению которых мы сейчас приступаем, реализуется меньшее в сравнении с позицией ударной количество противопоставлений, с другой же стороны, допускается бóльшая свобода вариаций в идиолектном плане.

Полное единообразие идиолекты обнаруживают лишь в одном отношении, если речь идет о безударном вокализме — безусловно исключая для безударных позиций напряженные гласные (ê, ô).

Редукция подсистемы безударных гласных идет, однако, дальше, и для современного говора Лаздун можно назвать обычной простейшую трехфонемную систему безударного вокализма, исклю-

чающую диффузные единицы и различающую в разных безударных (предударных и заударных) слогах лишь два крайних уровня подъема языка — верхний и нижний:

i u
a

Будет лишь небольшим упрощением сказать, что эта система безударных гласных, воплощающая норму «полного» недиссимилятивного аканья-яканья, в соединении с пятифонемной ударной системой представляет собой заметно преобладающий ныне в условиях Лаздун тип белорусского вокализма. Характеризуя таким образом этот тип идиолектов, следует отметить, пожалуй, одно обстоятельство: если ограничение встречаемости *o* в безударной позиции абсолютно, то *e* в такого рода идиолектах все же является иногда в качестве свободного варианта (?) *a*: b'alaʎalóvy — b'elaʎalóvy, -z'al'anaváty — z'el'enaváty, vós'an' — vós'en' и т. д.

Если обратиться к идиолектам, так сказать, архаического, традиционного типа (старшее поколение), то для них при определении подсистемы безударных фонем существенно, какой из безударных слогов имеется в виду: первый предударный, непервый предударный, заударный (конечный или неконечный). Инвентари, определяющие вокалическую схему многосложного слова, в этом случае таковы (в скобках обозначены подлежащие свободному варьированию единицы):

непервый предударный слог	первый предударный слог	ударный слог	заударный слог	заударный конечный слог
i u (e) (o)	i u (o)	i u ɛ ɔ e o	i u a	i u (e) (o) a

Наиболее слабой различительной позицией является неконечный заударный слог, различающий простейший треугольник, а также первый предударный слог, безусловно исключаящий *e*, но все же допускающий (факультативно) *o*. Что же касается конечного заударного и непервого предударного слогов, то в этих положениях могут (опять-таки факультативно) различаться три подъема гласных.

Отступления от нормы «полного» недиссимилятивного аканья-яканья, приводящие к этой схеме слова, таковы:

1) допускается различение *o* и *a* в конечном открытом слоге и, пожалуй, лишь в прилагательных единственного числа мужск.

и ср. рода (о в существительных ср. р. типа s'éno и в наречиях типа mnógo не замечено): z_ból'saγo, da_γétaγo, s_takóγo, n'íčbγα c'ópraγo¹⁵;

2) допускается различие о—а в непервом предударном слоге сложного слова типа: os'emsót, koloúrót;

3) о появляется в предударном (в том числе при определенной манере произношения и в первом предударном) слоге в сочетаниях с последующим ц (когда слоговые законы синтагматики оказываются сильнее суперсегментных требований к вокализму слова): kroǰcá, toǰščéiǰy, voǰčan'ó, и в сложных словах: роǰγalavú, роǰl'itra, воǰnačóska;

4) е может встретиться в заударном конечном закрытом слоге: xlóp'ec, vós'en', bóleǰ, l'ép'eǰ;

5) е иногда сохраняется в непервом предударном слоге в сложных словах и в приставочных образованиях с p'ega-: b'elaγalóvy, p'egaγaróžana, p'egal'étavac' (но: v'as'al'éja, v'ačaréja).

Наблюдения показывают, что подобные отступления от произносительной нормы «полного» аканья-яканья слышатся, однако, все реже и реже и даже в речи старшего поколения представляют собой остатки все разрушающейся и почти уже разрушившейся традиции. В настоящее время лаздунский говор во всей пестроте его идиолектов — на пути к трехфонемному безударному вокализму.

Упорядоченные сочетания двух и более фонем

Общую картину дистрибутивных свойств белорусской фонологической системы см. в табл. 10 (вкладка), устанавливающей упорядоченные пары фонем¹⁶. В таблице учтены (знак +) двухфонемные сочетания, встретившиеся в белорусских словах. Знаком — (минус) отмечены сочетания, запрещенные фонологической системой. Знаком ± обозначены те комбинации, в которые соответствующие фонемы могут вступать, но так, что при этом возможно варьирование (например, ± для сочетания pl' обозначает, что такое сочетание встретилось, но в иной речевой ситуации в тех же морфемах комбинация может звучать иначе, в данном случае — p'l': pl'écy — p'l'écy)¹⁷. Наконец, отсутствие знака

¹⁵ В ДАБМ (карта 14) Лаздуны (Бобровичи) характеризуются полным отсутствием о в конечных открытых безударных слогах.

¹⁶ Упорядоченной парой называется сочетание двух элементов с фиксированным порядком их следования (см.: F. Neгагу, Н. Н. Рарег. Toward a general calculus of phonemic distribution. «Language», 1957, в. 33, № 2. Русск. перев.: Ф. Херри, Г. Пейпер. К построению общего исчисления распределения фонем. «Математическая лингвистика». М., 1964).

¹⁷ В таких случаях, как этот, становится очевидным, что при описании синтагматического плана мы исходим из матрицы, исключающей нули и приписывающей знаки релевантности всем дифференциальным признакам (продолжение сноски см. на стр. 45).

α-поле	Фонема	β-поле
m, t, d, s, z, p, b, f, k, g, x, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (19) pamrúč', tróxa, dróva, srébný, zrab'íc', próǰda, bráma, frónt, króǰ, gramaz'ž'íc, xrónavy, γrósý, b'érax, v'éra, bór, šýrai, burák, bazár	г	l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', x, γ, γ', e, ê, o, ô, i, u, a (40) c'érla, márl'a, v'érna, dúrn'a, kórm, karm'íc', var'ját, várta, c'v'órды, sérca, pýrskac', k'ír-zavyja, s'érp, c'arp'éc', tórb-a, γórb'íc', tórf, tarf'an'ik, rvác', rv'écca, p'érsý, pars'úk, iržác', karz'ína, kórč, parc'izány, baržéǰ, s'm'arž'éc', ž'írka, ž'irk'i, pórxauka, šmórγac', dévar'γ'i, rél's, ré-čka, róvar, ródný, rýba, rúx, rády
г, m, t, d, c, s, z, p, b, f, š, ž, č, k, g, x, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (24) γórla, mlýn, tlúšč, pádla, vac-láǰ, slabý, zlóz'eǰ, plóšča, blú-dny, flót, išlá, žúžla, člúnk'i, klópat, céгла, xlóp'ac, γlux'í, v'idélcý, γarélka, kóla, kólca, m'íla, γulá, γalúpka	л	n, (t), d, c, p, p', b, k, x, e, ê, o, ô, i, u, a (16) p'ilnavác', altóbus, šap'aldún, kólca, nálpá, nálp'i, k'ilbásý, γarélka, kalxós, stalé, lóv'ic, kalóm, lýč, lúx, láva
г, l', (n—n'), (m—m'), t, d, (p—p'), (b—b'), (f—f'), š, s', z', č, (k—k'), g, x, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (24) márl'a, γal'l'ó, γaman'l'ívy (γaman'l'ívy), šuml'ívy (šum-l'ívy), bútl'a, adl'íγa, rupl'ívy (rup'l'ívy), bl'in (b'l'in), fl'ánsý (f'l'ánsý), šl'ógac',	л'	l, n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, b, b', f, (v), v', š, s', č, k, k', x, γ, γ', e, ê, o, ô, i, u, a (31) γal'l'ó, ból'na, patél'n'a, šél'ma, v'él'm'i, l'jú, γul'tái, bul'dózar, pál'cy, rél's, zak'él'zany, búl'ba, bul'b'ány, al'fóns, fal'várah (fal'ivárah),

α-поле	Φο- нема	β-поле
s'l'íva, z'l'éva, naél'éz'n'ik, kl'ámka (k'l'ámka) cagl'ány, xl'ép, γl'ína, γél'ka, pagarél'i, dól'a, vól'ka, γýl'a, γul'ác', kal'á	l'	kal'v'ín, ból'sy, p'il's'c', pál'-čyk, bél'ka, v'él'k'i, ól'xa, n'él'γα, vól'γ'i, pól'e, l'és, gal'ósy, kl'ón, l'ipá, kl'úč, l'al'ka
r, l, l', n, m, t, d, c, s, z, p, b, š, ž, č, k, g, x, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (26) márna, p'ilnavác', p'il'na, paž'ž'ónny, mnóγα, markótny, dnó, mócny, sné, pózna, vápna, padóbný, strášny, ražné, pračnúcca, knót, bágna, túxnuc', γnóí, drénny, s'éna, z'al'óny, kl'ón, až'ín, mal'únak, pán	n	(l'), n, t, d, c, ž, s, z, p, v, š, ž, č, ž, k, k', g, g', e, ê, o, ô, i, u, a (25) γamanl'ívy (γaman'l'ívy), kónna, kantóra, kal'ándra, kancavý, nénza, fl'ánsy, bran-zal'éty, kanpót, kanvért, jínsy, inžyn'ér, s'v'inčó, vénžany, bánka, s'v'ínk'i, vangóry, vang'érka, nérf, v'ijuné, nóžyk, nóč, nýrk'i, unúk, náš
r, l', n', (m—m'), t, d, c, (p—p'), (b—b'), š, s', ž, z', č, (k—k'), (g—g'), x, (γ—γ'), e, ê, o, ô, i, u, a (25) pračkárn'a, patél'n'a, nas'én'n'a, mn'é (m'n'é), utn'é, dn'á, macn'éi, pn'é (p'n'é), drabn'éi (drab'n'éi), smašn'éi, s'n'íc', žn'éika, kúz'n'a, pračn'écca, kn'íγα (k'n'íγα), prag'n'óny (prag'n'óny), maxn'é, γn'óny (γ'n'óny), ž'én', v'én'ik, s'ón'n'a, kón', k'in', usún', kóran'	n'	(l'), n', m, m', b, b', s', c', ž, (k), (g'), e, ê, o, ô, i, u, a (18) san'l'ívy, s'ón'n'a, γl'an'ma, kón'm'i, γán'ba, γán'b'ic', su-strén's'a, γán'c'a, ván'ž'a, n'an'ka (n'ánka), van'g'érka, (vang'érka), n'és'c'i, mn'é, γn'ózdy, n'ós, n'íska, kan'ú, n'óman
r, l', n', (m—b), d, s, z, š, ž, č, ž', g, x, e, ê, o, ô, i, u, a (20) karmán, šél'ma, stán'ma,	m	r, l, (l'), n, (n'), (m), s, z, p, (p'), b, (b'), š, (s'), č, k, (k'), γ, e, ê, o, ô, i, u, a (25) c'émra, mlýn, ml'éc' (m'l'éc'),

α-поле	Φο- нема	β-поле
zmačýc', šmát, žmyhá, kuč-már, ž'múc', gmáx, xmára, jém, s'ém, dóma, dóm, dým, šúm, sám	m	mnóγα, mn'é (m'n'é), amma-róžany (abmaróžany), os'em-sót, rýmzac', l'ámpa, kump'ák, (kum'p'ák), bómaba, bamb'íu, (bam'b'íu), imšá, adams'c'íc' (adam's'c'íc'), imčýc', zamknúc', zamk'é (zam'k'é), im-γlá, métr, damé, móra, módny, mýš, múxa, mác'i
r, l', n', d, (b—b—m'), š, s', ž, z, č, c', ž', (k—k'), (g—g'), x, e, ê, o, ô, i, u, a (21) karm'íc', v'él'm'i, kón'm'i, adm'éryc', abm'éryc' (ab'm'éryc', am'm'éryc'), vušm'í, s'm'éx, žm'én'a, z'm'éryc', jačm'én', ž'éc'm'i, ž'm'é, km'én (k'm'én), gm'ína (g'm'ína), xm'él', b'arém'a, n'ém-ac, dóm'ik, jím'a, šum'íc', kám'an'	m'	(l'), (n'), (m'), (p'), (s'), (k'), e, ê, o, ô, i, a (12) šum'l'ívy (šuml'ívy), m'n'é (mn'é), am'm'éryc' (ab'm'éryc', abm'éryc'), kum'p'ák (kump'ák), adam's'c'íc' (adams'c'íc'), zam'k'é (zamk'é), n'am'éck'i, m'és'ac, pam'ór, m'ót, m'íly, m'ála
r, l', (m—m'), d, (p—p'), (b—b'), z', e, ê, o, i, u, a (13) varját, l'jú, s'amjá (s'am'já), djábal, pjú (p'jú), bjú (b'jú) z'jél'i, xvareja, karóju, mýju, túju, máju	j	e, ê, o, ô, i, u, a (7) l'jés, jélka, tvajó, jón, jix, júška, jáblyna
r, (l), (l'), n, t, c, s, p, f, š, x, e, ê, o, ô, i, u, a (18) várta, altóbus (autóbus), pál'ta (pál'ita), kantóra, nátta,	t	r, l, l', n, n', t, p, p', v, k, k', x, e, ê, o, ô, i, u, a (19) tréba, tlúšč, šap'atl'ívy, tnúc', utn'é, nátta, atpus'c'íc',

Таблица 11 (продолжение)

α-поле	Φο- нема	β-поле
actup'íc', róst, ráptam, náfta, pósta, xló, γέty, s'v'ét, bóty, kót, pab'ítý, fútar, xáta	t	patp'éčak, tvóι, tkác', rétk'i, txór, patél'n'a, katé, lórba, tý, tút, ták
r, l, l', n, d, z, b, ž, e, ê, o, ô, i, u, a (15) c'v'órды, šap'aldún, il'dá, jurýnda, addác', γn'azdó, abdurýc', káždy, pavédruk, v'é-dac, xódu, módný, v'ídna, vúda, rády	d	r, l, l', (n), (n'), m, m', j, d, z, b, b', v, ž, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (22) dróva, pádla, γandl'ár, adná (anná), pad'n'ós (pan'n'ós), admóčvac', adm'éryc', djábal, addác', adzyvácca, n'adbály, padb'éxčy, dvá, adžýu, adγarác', padéšva, γaradé, dóma, dóm, dým, dúran', dáx
r, l, l', n, m, c, s, p, k, e, o, ô, i, u, a (15) séerca, kólca, pál'ey, sónca, n'émcý, l'ícça, xlópcý, m'éj-sca, l'ékcyja, krav'éc, vócat, mócný, b'ícça, bjúcca, má-cac'	c	l, n, n', t, c, s, k, k', e, ê, o, i, u, a (14) vacláu, mócný, maen'éi, actupác', γrécca, acsaž'íc', cácka, vól'ž'ick'i, cébar, cép, z'al'ancóvy, xlópcý, cúkar, caγán
n, a (2) nénza, pasazén'a	ž	e, ê, i, u, a (5) pasazén'a, ks'anžé, žýηkac', nénzu, nénza
r, l, n, m, c, s, p, k, e, ê, o, ô, i, u, a (15) bérsac', rél's, kansérvy, kamsá, pacsaž'íc', ssác', apsýpac', taksáma, bés, l'és, kalxós, móst, l'ís, pústa, pásak	s	r, l, n, m, t, c, s, p, v, k, k', x, e, ê, o, ô, i, u, a (19) srók, slabý, sné, smák, stó, m'éjsca, ssác', spác', svajó, skazác', vúsk'i, sxap'íc', séerca, γalasé, sóram, sól', sýty, súxa, sám

Таблица 11 (продолжение)

α-поле	Φο- нема	β-поле
n, m, d, z, b, e, ê, o, ô, i, u, a (12) branzal'éty, rýmzac', adzyvácca, zza, adzyvác', bézam, rézac', marózu, barózny, b'izún, vúz'ic', gáza	z	r, l, n, m, d, z, b, v, g, g', γ, e, ê, o, i, u, a (16) zrab'íc', zlóz'ej, znác', zmačýc', zdór, zza, zbanók, zvác', rózga, réz'g'iny, zγóda, zédal', marazé, zólata, zúp, záras, padzyvác'
r, l, n, m, t, s, š, e, ê, o, ô, i, u, a (14) k'irpáty, nálpá, kanpót, l'ámpa, atparóc', spác', špáryc', šépča, s'v'irépa, kópány, snóp, xrýpka, kúpa, kápa	p	r, l, (l'), n, (n'), (j), c, s, š, (s'), č, (c'), k, (k'), e, ê, o, ô, i, u, a (21) pračkárn'a, plót, pl'únuc' (pl'únuc'), vápna, pn'é (p'n'é), pjaný, xlópcý, psavác', l'épšy, ps'ína (p's'ína), pčóly, γrépc'i (γrép'c'i), šápka, apk'ídac' (ap'k'ídac'), péuna, snapé, pós'ik, póst, pýl, púk, pásak
r, l, (m—m'), t, š, (k—k'), e, ê, o, ô, i, u, a (12) c'arp'éč', nálp'i, kump'ák (kum'p'ák), atp'ór, šp'ijón, kp'íny (k'p'íny), l'ép'ai, xóp'ic', k'ip'íc', kup'íc'; nap'ícça	p'	(l), (n), (j), (s), (c), (k), e, ê, o, ô, i, a (12) pl'únuc' (pl'únuc'), p'n'é (pn'é), p'janý (pjaný), ap's'ík (aps'ík), sap'c'í (sapc'í), ap'k'ídac' (apk'ídac'), ap'éηk'i, p'éč, s'p'óka, nap'ók, s'p'iná, p'ác'
r, l, l', n, n', m, d, z, z', ž, e, ê, o, ô, i, u, a (17) tórba, k'ilbásy, búl'ba, kanbájn, γán'ba, bómaba, n'adbály, zbanók, kaz'bá, xaž'bá, tréba, xl'éba, xvaróba, dróbný, rýba, kúbak, žába	b	r, l, l', n, (n'), (m), (m'), (j), d, z, v, (v'), ž, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (21) brát, blyxá, bl'úska, dróbný, drabn'éi (drab'n'éi), abmán (ammán), abm'éryc' bjú (b'jú), abdurýc', abzyvác', abvóz'ic', abv'ou (ab'v'ou), abžác', abγarác', bél'ka, brybé, bóža, bóp, býc', búž'a, bába

Таблица 11 (продолжение)

α-поле	Фо- нема	β-поле
r, l', n', (m—m'), d, z', z', e, ê, o, i, u, a (13) γórb'icca, al'b'ína, γán'b'ic', kamb'inát (kam'b'inát), adb- irác', z'b'irác', xaz'b'é, tréba, n'éb'i, rób'ic', rýb'i, zγúb'ic', tab'é	b'	(n'), (m'), (j), (z'), e, ê, o, i, a (9) ab'n'ác' (abn'ác'), ab'm'éryc' (abm'éryc', am'm'éryc'), b'jú (bjú), ab'z'irác' (abz'irác'), b'érax, b'ély, b'ic', žarab'ó, rób'ac'
r, l', n, t, e, o, i, u, a (9) arfavác' al'fúk, kanfús, pat- fars'íla, juzéfa, kófta, grýfa, kúfar, saksafón	f	r, (l'), t, e, o, i, u, a (8) front, fl'ánsy (f'l'ánsy), kófta, fést, fóрма, fýrkac', fútar, grýfa
r, e, o, i, u, a (6) tar'án'ik, juzéfl'in, šóf'ar, l'íf'ik, sufl'áda, fataγráf'ija	f'	(l'), e, i, a (4) kartófl'i (kartófl'i), f'éрма, f'íkus, tar'án'ik
r, (l'), n, t, d, b, z, š, ž, č, ž, k, g, x, e, ê, o, i, u, a (20) rvác', fal'vářak (fal'ivářak), kanvéřt, tvóři, dvajóř, abvó- z'ic', názva, švág'er, žváčka, nóčvy, papravóžvana, kvášany, gvált, axvóta, dévarγ'i, z'éva- čka, načóvačka, s'ívy, abuvác', káva	v	e, ê, o, ô, i, u, a (7) pavédľuk, švé, vóstry, vós, vý, vúsy, vášy
r, l', (b—b)', s', z', c', (k—k'), (g—g'), x, e, ê, o, i, u, a (15) b'arv'éna, kal'v'in, abv'ésc'i (ab'v'ésc'i), s'v'in'á, z'v'ér, c'v'ík, kv'étki (k'v'étk'i), gv'ázda (g'v'ázda), xv'ířa, drév'i, p'év'an', lóv'ic', s'iv'- én'k'i, uv'éčary, krav'éč	v'	e, ê, o, ô, i, a (6) v'éčar, v'édac', v'ódry, v'ós, v'íly, v'ánuc'

Таблица 11 (продолжение)

α-поле	Фо- нема	β-поле
r, l', n, m, p, š, č, k, x, e, ê, o, ô, i, u, a (16) γóřšy, ból'sy, m'éňšy, imšá, l'épšy, xaróššy, malóčšy, bák- šty, l'óxšy, n'as'éš, z'v'éšac', lóška, n'ab'óščyk, v'išn'a, vúšy, vášy	š	l, l', n, n', m, m', t, v, š, č, (c'), k, k', e, ê, o, ô, i, u, a (20) išlá, išl'í, strášny, smašn'éjšy, šmugl'avác', vušm'í, kašta- vác', švág'er, pan'óššy, n'ab- óščyk, réšc'a (rés'c'a), dóška, m'ašk'é, k'íšén'a, vyšéjšy, šóf'- ar, kašóř, šýc', šukác', šápka
r, l', (m—m'), (p—p'), s', c', (k—k'), e, ê, o, ô, i, u, a (14) patfars'íc', p'íl's'c', adams'- c'íc' (adam's'c'íc'), ps'ína (p's'ína), s's'é, pac's'éřu, ta- ks'í (tak's'í), n'ésc'i, šés'c', nós'ic', γós'c', k'is'él', ukus'- íc', pás'v'ic'	s'	l', u', m', p', v', s', c', k, k', e, ê, o, ô, i, u, a (16) s'l'apý, s'n'íc', s'm'éx, s'p'- íc', s'v'in'á, s's'é, nés'c'i, jás'kav'ičy, s'k'ínuc', vós'en', s'ém, v'as'óly, pas'ólk'i, s'ívy, pars'úk, s'ádu
r, (l), d, b, ž, e, ê, o, ô, i, u, a (12) ž'aržác', ilžé (lyžé), padžác', abžác', zbóžža, l'éžačy, réža, móža, móžna, bl'ížai, mužýk, káža	ž	l, n, n', m, m', d, v, ž, ž, (ř'), e, ê, o, ô, i, u, a (17) žúžla, žnúc', žn'ajárka, žmy- xá, žm'éna, káždy, žváčka, zbóžža, dažžú, žř'arý (žv'arý), žértka, nažé, žóřty, nažóř, žýc', kažú, žál'
r, z', e, ê, o, ô, i, u, a (9) karz'ína, z'z'ác', b'aréz'ina, l'éz'a, vóz'ic', vóz'm'aš, n'íz'e, lúz'e, řraz'í	z'	l', n', m', j, b, b', v', z', g', ř', e, ê, o, ô, i, u, a (17) raz'l'ivác' z'n'ík, z'm'an'íc', z'jadác', kaz'bá, z'b'irác', z'v'a- zác', z'z'ác', z'z'irác', réz'g'iny, z'ř'ínuc', v'az'éš, naz'é, az'- óřy, az'ór, z'imá, z'az'úl'a

Таблица 11 (продолжение)

α-поле	Φο- нема	β-поле
<p>г, л', н, м, р, š, č, х, е, ê, о, ô, и, u, a (15) kórč, pál'čyk, kančác', imčýc', xlrpčyk, c'ěšča, aččap'ís'a, kvóčča, v'ěčar, réčka, xóča, nóčvy, kl'íča, kúča, báčyš</p>	č	<p>л, л', н, н', м, м', в, š, č, к, к', х, е, ê, о, ô, и, u, a (19) člúnk'i, načl'ězn'ik, v'ěčna, vúčn'a, kuémár, jačm'en', nóčvy, pačšýc', lúččaj, dačká, dačk'í, čxác', čěrc'i, karčé, s'v'inčó, karčóu, čýsty, čúc', částa</p>
<p>г, (л'), (р—р'), š, s', c', (к—к'), х, е, ê, о, ô, и, u, a (15) s'm'érc', pal'c'é, (pal'ic'é), kapc'úr (kap'c'úr), póšc'e, n'és'c'i, pryxóc'c'a, lókc'i, (lók'c'i), báxc', réc'ka, v'éc'ar, c'óc'a, p'íc', idúc', p'ác'</p>	c'	<p>м', в', s', c', к, к', е, ê, о, ô, и, u, a (13) ž'éc'm'i, c'v'ík, pac's'éu, za-xóc'c'a, bác'ka, bac'k'é, s'c'ěška, c'ěsta, kas'c'ól, c'ótka, c'íxa, c'áška, ž'ac'úk</p>
<p>г, н, ž, о, и, u, a (7) baržéi, vénžany, dažžé, vy-xóžu, v'ížu, bužú, xažú</p>	ž	<p>в, е, ê, о, ô, u, a (7) papravóžvana, dražžéi, dažžé, uxažóry, dažžóm, xažú, uražái</p>
<p>г, л', н', (б—б'), z', ž', (г—г'), е, ê, о, и, u, a (13) órž'an, vól'žik'i, ván'ž'a, abz'irác' (ab'ž'irác'), z'ž'irác', paž'ž'ónny, v'al'ígž'en' (v'al'íg'ž'en'), réž'ačka, s'ěž'ačy, xóž'íc', búž'a, saž'íc', pryž'a</p>	ž'	<p>м, м', б, б', в', з', е, ê, о, и, u, a (12) ž'múc', ž'm'í, malaž'bá, malaž'b'é, ž'v'éry, paž'ž'ónny, ž'én', ž'ěuka, ž'ón, ž'írka, žaz'úka, ž'ákavac'</p>
<p>г, л, л', н, (н'), м, т, с, s, p, š, s', č, x, c, ê, o, ô, i, u, a (20) žórka, žarélka, bél'ka, bánka, n'án'ka (n'ánka), brámka, mátká, cácka, káska, šápka,</p>	k	<p>г, л, (л'), н, (н'), (м'), с, s, (п'), в, (в'), s, s', c', o, ô, и, u, a (19) króu, klópat, kl'inók (k'l'inók), žaknó, kn'íža (k'n'íža), km'én (k'm'én), l'ékcyja, taksáma,</p>

Таблица 11 (продолжение)

α-поле	Φο- нема	β-поле
<p>lýška, stás'ka, réčka, króx-kaja, p'ékla, v'ék, vóka, lók, býk, šukác', žaknó</p>	k	<p>kp'íny, kvaxtác', kv'ětka (k'v'ětka), bákšty, ks'ónc (k's'ónc), lókc'i (lók'c'i), kóran', kót, akýš, kúry, kám'au'</p>
<p>г, л; л', н, н', (м—м'), т, (п—п'), š, s', č, c', e, ê, o, и, u, a (18) žórk'i, arélk'i, bél'k'i, ap'énk'i, mal'én'k'i, zamk'é (zam'k'é), mátk'i, žúp'k'i (žúp'k'i), tróšk'i, stás'k'i, vóčk'i, bác'k'i, dal'ók'i, v'al'ík'i, rék'i, ž'ac'uk'é, špak'é</p>	k'	<p>(л'), (н'), (м'), (п'), (в'), (s'), (c'), e, ê, i, a (11) k'l'inók (kl'inók), k'n'ás' (kn'ás'), k'm'én (km'én), k'p'íny (kp'íny), k'v'ět'k'i, k's'ónc (ks'ónc), lók'c'i (lók'c'i), k'ép-ska, barav'ik'é, k'ísly, k'arú-jucca</p>
<p>н, z, e, o, u, a (6) vaŋgóry, rózga, céгла, šl'ógac', šmugl'avác' (šmugl'avác'), ža-guné</p>	g	<p>г, л, (л'), н, (н'), м, (м'), z, v, (v'), (ž'), o, u, a (14) grýfa, céгла, cagl'ína (cag'l'ína), prágnuc', prágn'óny (prag'n'óny), gmáx, gm'ína (g'm'ína), vagzál, gvált, gv'ázda (g'v'ázda), mágž'a, vaŋgóry, gúz'ik, gának</p>
<p>г, л', (z—z'), e, u, a (6) g'arg'éčuc', bel'g'íjka, mazg'é (maz'g'é), cégl'i, šmugl'avác' (šmugl'avác'), prágn'ónaja (prag'n'ónaja)</p>	g'	<p>(л'), v', n', m', e, ê, i, a (8) šmugl'avác' (šmugl'avác'), g'v'ázda (gv'ázda), prag'n'ónaja (prag'n'ónaja), g'm'ína (gm'ína), g'ésta, mazg'é, g'i-man, g'ac'íška</p>
<p>г, л, л', т, s, p, č, e, ê, o, ô, и, u, a (14) mórxva, kalxós, žól'xa, txór, sxavác', apxóž'ic', čxnúc', s'm'éx, l'óxk'i, vúxa, bl'áxa,</p>	x	<p>г, л, л', н, н', м, м', т, в, v', š, č, c', к, к', е, о, и, u, a (20) xrómavy, xlóp'ac, xl'ěu, čxnúc', čxn'é, xmára, xm'él',</p>

Таблица 11 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
γαρόχ, l'íxa	χ	xló, xvóst, xv'íγα, l'óχsy, pa-maxčý, báxc', króχkaja, l'óχk'i, xéupa, xóraša, x'ítry, xudy, xamút
r, l', m, d, z, b, e, ê, o, i, u, a (12) tarγavác', n'él'γα, imγlá, padγul'ác', zγub'íc', ab-γarác', céγla, b'éγla, b'óγu, kn'íγα, púγα, smáγα	γ	r, l, (l'), n, (n'), e, o, ô, i, u, a (11) γrás', γlybók'i, maγl'í (maγ-l'í), γnác', γn'έυ (γ'n'έυ), γέty, γórat, γót, γý'la, γús'i, γádras
r, d, (b—b'), (ž), (ê), o, i, u, a (9) dévarγ'i, adγ'inác', abγ'inác' (ab'γ'inác'), žγ'aré (žv'arê), b'éγ'l'i (b'éγ'l'i), nóγ'i, kn'íγ'i, púγ'i, maγ'íla	γ'	(l'), (n'), ê, i, a (5) γ'l'ína (γ'l'ína), γ'n'έυ (γ'n'έυ), pluγ'έ, maγ'íla, žγ'aré (z'v'aré)
r, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ž, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k', g', γ (32) rél's, l'éγla, nérf, n'és'c'i, métryka, n'am'éck'i, l'jé, patél'n'a, l'andérka, céгла, pasazén'a, sérc'a, zédal', péun'a, p'ékla, hél'ka, b'érax, fést, partf'él', vénžany, v'éčar, k'íšen'a, vós'en', žértka, v'az'-és', čérc'i, s'c'éska, dražžéj, v'až'éš, k'épska, g'ésta, γέty	e	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k', g, x, γ, i, u (35) b'érax, v'idélcý, γél'ka, drénny, drén', jém, b'arém'a, γéta, pavédluk, krav'éc, bés, bézu, sépča, tréba, patréb'i, juzéfa, juzéf'i, dévarγ'i, drév'i, n'as'éš, n'és'-c'i, l'ézačy, b'aréz'ina, v'éčar, réc'ka, réž'ačka, p'ékla, céгла, cégl'i, l'éγla, réxa, v'arab'éj, kréuný
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ž, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', c', ž, ž', k', g' (29) réčka, stalé, xl'ép, vijuné,	ê	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', x, γ, i, u (31)

Таблица 11 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
mn'é, damé, m'éryc', jélka, platé, γaradé, kascé, ks'anžé, valasé, mantuzé, snapé, p'éč, γrybé, b'ély, švé, v'éc'ar, jaršé, s'έυ, daražéišy, s'c'έn-ka, dažžé, ž'έuka, c'v'ik'é, mazg'é	ê	v'éra, b'ély, s'él'i, s'éna, v'én'-ik, s'ém, n'ém'ac, xvaréja, pav'étka, v'édac', l'és, l'ézuc', l'épš, l'ép'ai, xl'éba, xl'éb'i, ž'évačka, p'év'an', v'éšac', šés'c', l'éz'a, v'éčna, ž'éc'i, s'éz'ačy, v'ék, rék'i, s'n'éx, s'n'éγam, daužéišy, xl'έυ
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, g, x, γ (32) rób'ic', lón'ic', z'al'óny, nóvy, γn'óny, móža, m'óu, znajómy, tój, dóma, z'al'ancóvy, sóram, zóry, póšta, s'p'óka, žóuty, az'óry, učóra, c'óc'a, uxažóry, ž'ón, kóla, vangóry, xóca, γóra	o	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', v, v', f, f', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', g, x, γ, γ', i, u (37) γóra, γóly, sól'ic', sal'óny, kón'i, dóma, lóm'ic', naγóju, axvóta, zγóda, vócat, kósy, kózy, xlópcy, xlóp'ac, xva-róba, rób'ic, dróva, karón'i, kófta, šóf'ar, γróšy, kós'ic', vóžyk, vóz'ik, vócy, c'óc'a, papravóžvana, xóž'ic', vóka, dal'ók'i, šl'ógac', tróxa, da-róγα, nóγ'i, stój, kroučá
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ž, s, z, p, p', b, v, v', š, s', ž, z', č, c', k, x, γ (28) dróbný, plót, kl'ón, nós, n'ós, móst, m'ót, jón, tók, dóm, kra-učóm, ks'anžóm, sól', mazól', póst, p'ók, bór, vós, v'ós, jaršóu, pas'ól'k'i, žónka, az'ór, karčóu, c'ótka, kón', txór, γót	ô	r, l, l', n, n', m, t, d, c, s, z, p, b, š, s', ž, z', č, k, x, i, u (22) γórš, stól, sól', són, kón', dóm, γót, ródny, mócný, vóš, barózný, króp, dróbný, uóš, skrós', nóžny, vóz'm'aš, nóč, bók, aróχ, mój, snapóu

α-поле	Фо- нема	β-поле
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, k', g, g', x, γ, γ', e, ê, ô, i, u, a (41) rýba, lýsy, l'íxa, nýrk'i, n'í-ska, mýla, m'íly, jíx, týx, dyván, cyγán, zýŋkac', sýn, padzyvác', pýšny, p'íša, býu, b'íu, fýrkac', f'iránka, výrai, v'íly, šýla, s'íla, žýla, z'imá, čýsta, c'íxa, ʒ'ík'i, akýš, k'í-sly, g'íman, x'íttry, nóγ'i, γýl'a, v'arab'éi, daražéišy, mói, mýi, ratúi, dái	i	r, l, l', u, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, k', x, γ, γ', i, u (36) ʒ'írka, m'íly, m'íl'a, m'ína, s'v'in'á, z'imá, z'im'é, šýja, b'íty, l'ída, b'icca, k'íslы, b'izún, l'ipá, k'ip'íc', rýba, rýb'i, grýfa, l'íf'ik, s'ívy, s'iv'én'k'i, p'íša, v'is'íc', l'íza, n'íz'an'k'i, kl'íča, s'p'íc', v'ížu, prýʒ'a, krýk, krýk'i, starýx, kn'íγa, kn'íγ'i, mýi, xaʒ'íu
r, l, l', n, n', m, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, b, f, v, š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, g, x, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (36) rúx, lúx, l'úby, tnúc', n'ú-xam, múxa, júška, tút, dúp, cúkar, nénzu, súxa, zúby, rúγa, búra, fútar, vúšy, šúm, pars'úk, žúzla, z'az'úl'a, čúc', ʒ'ac'úk, dažžú, γaʒ'úka, kúča, gúma, xútka, γúby, kréuny, xl'êu, króu, snapóu, b'íu, abúu, dáu	u	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, k', x, γ, γ', i, u (35) búra, γulá, vúl'ica, ʒaγún, vún', gúma, um'éc', starúju, fútar, rudý, bjúcca, vúšy, kúzau, kúpa, kup'íc', γrubý, l'úb'ic', kúfar, abuvác', uv'és', γrušá, ukus'íc', pužác', kúz'n'a, kúča, púce', bužú, búʒ'a, γukác', γúk'i, rúx, rúγa, rúγ'i, p'íu, čúu
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, k', g, g', x, γ, (γ'), (a) (38)	a	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, k', g, g', x, γ, γ', i, u, a (40)

α-поле	Фо- нема	β-поле
rády, lápa, l'ápac', nášy, n'a-s'í, mác'i, m'ála, já, tábar, dác', caγán, nénza, sála, zá-ras, pálka, p'ác', bába, rób'-ac', fartúx; tarf'an'ik, vášy, v'ánuc', šápka, s'ádu, žába, z'az'úl'a, čas, c'al'á, uražái, ʒ'ác'ka, kám'an', k'arújucca, gának, g'arg'éčuc', xáta, γád-ras, žγ'aré (z'v'arê), paabmy-vác' (pabmyvác')	a	γuščár, pálka, žál', zbán, γan'í, tám, kám'an', majá, sát, rádam, práca, pasazén'a, bás, rázam, ráptam, sxap'íc', žába, zab'íu, šáfa, fataγráf'ija, láva, lav'íc', nášy, nas'í, káža, az'ór, báčyc', bác'ka, uxažór, γl'až'í, ták, tak'í, bágna, prag'n'ónaja, bl'áxa, naγá, naγ'í, dái, dáu, paabmyvác'

свидетельствует о том, что соответствующее сочетание не отмечено, но при этом не запрещено, так что впоследствии клетка может оказаться заштрихованной знаком + или ± (в некоторых случаях, однако, это маловероятно).

В таблице упорядоченных сочетаний наглядно противопоставлены, с одной стороны, класс гласных и сонантов, характеризующийся максимальной валентностью элементов в плане их дистрибутивных возможностей, и класс согласных, подлежащий существенным ограничениям сочетаемости, — с другой.

Для более подробного описания картины распределения фонем целесообразно воспользоваться процедурой, разработанной в указанной работе Ф. Херари и Г. Пейпера. В основе этой процедуры лежат понятия α- и β-полей, причем α-полем данной фонемы называется множество фонем, предшествующих данной в возможных сочетаниях, а β-полем — множество последующих фонем по отношению к данной. Сведения о структуре α- и β-полей белорусских фонем приводятся в табл. 11, построенной на основе таблицы упорядоченных пар. Соответствующие сведения об α- и β-полях снабжаются списком примеров, реализующих указанные сочетания, цифра в скобках показывает полноту α- и β-полей (число элементов, входящих соответственно в α- и β-множества).

Для задачи типологического сравнения целесообразно получить количественные характеристики описанных комбинаторных

фонемы. Такой способ идентификации фонем при анализе их синтагматики позволяет учитывать «избыточные» (интегральные) признаки, активно участвующие в фонологических процессах (см.: В. К. Журавлев. Двухступенчатая теория фонологии и методика моделирования фонологических процессов. «Исследования по фонологии». М., 1966) и играющие сугубо значимую роль в ситуации диалектного смешения.

возможностей фонем. В частности, существенным типологическим критерием может быть степень α -полноты и β -полноты каждой фонемы, вычисляемая по формулам Ф. Херари и Г. Пейпера:

$$K_{\alpha}x = \frac{n_{\alpha}x}{nP}, \quad K_{\beta}x = \frac{n_{\beta}x}{nP},$$

где $K_{\alpha}x$ и $K_{\beta}x$ обозначаются соответственно коэффициенты α - и β -полноты фонемы (x), n заменяет выражение «число элементов в...», а P — множество всех фонем данной системы.

Таблица 12

Количественная оценка степени α - и β -полноты белорусских фонем

	r	l	l'	n	n'	m	m'	j	t	d	c
K_{α}	0,43	0,54	0,54	0,57	0,57	0,45	0,48	0,29	0,41	0,34	0,34
K_{β}	0,91	0,36	0,70	0,57	0,40	0,57	0,27	0,16	0,43	0,50	0,32

Таблица 12 (продолжение)

	ʒ	s	z	p	p'	b	b'	f	f'	v	v'
K_{α}	0,04	0,34	0,27	0,32	0,27	0,39	0,29	0,20	0,13	0,45	0,34
K_{β}	0,11	0,43	0,36	0,45	0,27	0,48	0,20	0,18	0,09	0,13	0,13

Таблица 12 (продолжение)

	š	s'	ž	z'	č	c'	ṣ̌	ẓ̌'	k	k'	g
K_{α}	0,36	0,36	0,27	0,20	0,34	0,34	0,16	0,29	0,45	0,41	0,13
K_{β}	0,45	0,34	0,39	0,39	0,43	0,29	0,16	0,27	0,43	0,25	0,32

Таблица 12 (окончание)

	g'	x	γ	γ'	e	ê	o	ô	i	u	a
K_{α}	0,13	0,32	0,27	0,20	0,73	0,66	0,73	0,64	0,95	0,82	0,86
K_{β}	0,18	0,45	0,25	0,13	0,79	0,70	0,84	0,50	0,82	0,79	0,91

Как видно из табл. 12, наибольшей валентностью обладает класс гласных фонем: коэффициент α -полноты для гласных —

не ниже 0,60 и может достигать 0,95 (фонема i является почти α -полной), а степень β -полноты колеблется от 0,50 до 0,91. Дальше следуют сонорные согласные (исключая антевокальный j), для которых коэффициент α -полноты колеблется в диапазоне от 0,43 до 0,57, а β -полноты — от 0,27 до 0,70. И, наконец, различные шумные, у которых нижний порог степени α -полноты — 0,04, верхний — 0,45, а соответствующие показатели β -полноты — 0,09 и 0,50.

Теперь попытаемся сформулировать основные закономерности построения α - и β -полей фонем белорусского диалекта. При этом мы имеем в виду не только положительные правила, но и ограничения (запреты) сочетаемости, которые носят регулярный характер (и формируют, так сказать, «отрицательные» α - и β -поля фонем).

Наиболее универсальные правила, касающиеся целых групп фонем, связаны с тенденцией к однородности сочетаний относительно значения двух различительных признаков — звонкости (Vc) и палатальности (S).

$$(1) \quad \neg(Cs^+, Vc^+) \& (Cs^+, Vc^-); \neg(Cs^+, Vc^-) \& (Cs^+, Vc^+)$$

(читается: запрещено следование за звонким (или глухим) шумным шумного с противоположным значением признака звонкости). Исключение: фонемы v, v' (примыкающие к сонорным по поведению в подобных позициях), которые могут занимать β -положение в сочетаниях с шумными, характеризующимися отрицательным значением Vc ($tvóji, c'v'órdu$).

$$(2) \quad \neg((Cs^-, G^+, S^+) \vee (Cs^+, G^+, S^+)) \& ((Cs^-, S^-) \vee (Cs^+, S^-))$$

(читается: запрещено следование непалатального сонанта или шумного за палатальным периферийным сонантом или шумным).

$$(3) \quad \neg((Cs^-, G^+, S^-) \vee (Cs^+, G^+, S^-)) \& ((Cs^-, S^+) \vee (Cs^+, S^+))$$

(читается: запрещено следование палатального сонанта или шумного за непалатальным периферийным сонантом или шумным).

Касаясь комбинаций тех же, что и правило (2), классов фонем, но только при ином распределении между ними палатальности, это правило в форме столь категорического запрета, разумеется, не приложимо ни к одному идиолекту. Оно существует как тенденция (статистически достаточно представительная) к регрессивному уподоблению губных и заднеязычных последующим палатальным шумным и сонантам по признаку палатальности (в таблице упорядоченных пар сочетания, к которым относится данное правило, отмечены двойным знаком $\pm$).

$$(4) \quad \neg(Cs^+, Cp^-, G^-, Ct^+) \& ((Cs^+, S^+) \vee (Cs^-, S^+))$$

(читается: запрещено следование за периферийным непрерывным некомпактным шумным (свистящие s, z) палатального шумного

или сонанта). Исключение из правила составляют сочетания s с суффиксальным k' (lazdúnsk'i, vúsk'i, kásk'i). Обычно же: s'k'ínuc', žálas'l'ívy, z'γ'ínuc', z'n'ímác', z'v'ér, и т. п.

(5) $\neg(Cs^+, Cp^-, St^-) \& (Cs^+, Cp^-, G^+, Ct^+, Vc^+, S^+)$

(читается: запрещено последовательности tv', dv'). Лаздунцы произносят: l'ítv'a — l'ic'v'é, l'ic'v'ín; dva — ž'v'é, už'v'óh.

Характеризуя в общем функционирование палатальности в парных консонантных сочетаниях, можно сказать, что для белорусского диалекта типичны сочетания согласных, унифицированные по значению признака палатальности. Тенденция выравнивания (преимущественно регрессивного) согласных пар по этому признаку столь активна, что иногда ее действию подвергаются и те неоднородные относительно палатальности сочетания, которые, однако, вполне допускаются системой. Например, при том, что в Лаздунах совершенно нормальны сочетания l'c, n'k, n's, нами замечено в нескольких случаях: v'idélcu, n'ánka, mámanka, mal'épkaja, gánšaj, m'énšy.

Некоторые ограничения связаны с построением консонантных α-полей непериферийных компактных — š, s', ž, z', č, c', ž' (ž здесь не упомянуто ввиду того, что лексемы, содержащие эту фонему с консонантным предшествованием, уникальны и к рассматриваемым ситуациям не относятся):

(6) $\neg(Cs^+, Cp^-, G^-) \& (Cs^+, Cp^+, G^-)$

(читается: запрещено следование непериферийных компактных за некомпактными непериферийными). Это ограничение относится преимущественно к позициям морфемных границ, и наиболее частый случай — встреча приставок, оканчивающихся на t(d), s(z) с корневыми морфемами, начинающимися шипящими звуками. В результирующих сочетаниях согласные ассимилированы по признаку компактности, при этом выступающие в α-позиции прерывные (Ct⁻) элементы перекодируются в яркие компактные, а непрерывные — в неяркие (aččar'ícса, ac's'az'éc', pačšýc', pac'c'érc'i, pažžác', az'ž'él'na, paššyvác', žžynác', gaččésvac' и т. п.).

Следующее правило касается известной особенности белорусского консонантизма:

(7) $\neg(Cs^+, Cp^-, G^+, Ct^+, Vc^+) \& (Cs^+ \vee Cs^-)$

(читается: запрещено следование согласного, сонорного или шумного, за согласными v, v'¹⁸). В виде исключения иногда vl проскальзывает в польском собственном имени vladýslaц или русизме vlás'c' (но произносят и: vladýslaц, vlás'c').

¹⁸ Что касается сочетаний f, f'+согласный, то они отмечены в заимствованиях: frónt, frýc, fl'ánsy (l'ánsy).

Обращаясь к сочетаниям вида CV, поясним те случаи, когда V — гласный e. Характерно следующее ограничение:

(8) $\neg(Cs^+, Cp^+, G^+, Ct^-, S^-) \& (V^+, Cp^-, D^-, G^-, T^-)$

(читается: запрещено следование e за k или g). Заметим, что если для большинства других согласных различие по признаку палатальности перед e выполняется, то обеспечивается это в значительной степени списком заимствований (в основном полонизмов), напр. pénza, métr, réцn'a, pavédruk и т. д.

Для говора характерны гласные тавтосиллабические сочетания с i, u в β-позиции:

(9) $\exists((V^+, T^-) \vee (V^+, T^0)) \& (V^+, D^+)$.

Исключение: двусложное с'íun. При других комбинациях гласных в слове говор использует различные пути к устранению звония: стяжение (pabmyvác', paddavác'); появление эпентетических согласных (pavúk, navúka или pačúka); причем иногда в этой роли выступает гортанная смычка (za'ukác', pa'ul'ác')¹⁹.

Говоря о трехэлементных последовательностях фонем²⁰, заметим, что в белорусском диалекте сочетания трех гласных запрещены, а число трехфонемных консонантных сочетаний несравненно меньше числа двухфонемных. Приведем список встретившихся нам трехфонемных сочетаний согласных, различая при этом позиции группы CCC относительно первой и последней гласной слова (считая от данного сочетания) и позицию интервокальную (середины слова).

1) CCC в начале слова (и в интервокальной позиции):

str — stréčny, γastrýc';	skv — skváрка, zaskvá-
spr — správa, paspraba-	ryc';
skr — skrydla, paskrúp'-	pxn — pxnúc', uva-
c'i;	pxnúc';
sxr — sxrón;	tkn — tknúc', zatknúc';
skl' — skl'ép, paskl'éj-	tkn' — tkn'é, zatkn'é;
vac';	škl — škló;
spl' — spl'učý, paspl'ú;	škl' — škl'ánka;
sxn — sxnúc', pasxnúc';	čxn — čxnúc', pračxnúc-
sxn' — sxn'é, pasxn'é;	ca (< pračnúcca);
zbr — zbrója, uzbrójič';	čxn' — čxn'é, prač-
stv — stvarýc', paskú-	xn'écca.
stva;	

¹⁹ В соответствующем разделе, ниже, особо рассматриваются дистрибутивные возможности гласных во «вторичном» белорусском идиолекте двуязычных информантов («жагунов»), представляющем интересные в этом отношении отливия.

²⁰ Имеются в виду последовательности элементов, относящихся либо к классу согласных (CCC), либо к классу гласных (VVV).

2) CCC в интервокальной позиции:

rsn	— pýrsnuc';	nsk	— lazđúnska;
rs'n'	— pýrs'n'a;	nsk'	— m'ínsk'i;
rzn	— m'érznuc';	mkn	— zamknúc';
rz'n'	— m'érz'n'a;	mkn'	— zamkn'óny;
rsk	— pýrskac';	ms'c'	— adams'c'íc';
rkn	— ģórknuć';	mšć	— adamšćacca;
rkn'	— ģórk'n'a;	tkl	— patklátka;
rkv (rxv)	— mórkvá;	tkl'	— patkl'ėjvac';
rsn'	— s'v'irsn'á;	tkv	— patkvášany;
ršš	— zam'órššy;	pkl	— apkładác';
l'sk	— pól'ska;	pkl'	— apkl'ėjvac';
l'sk'	— pól'sk'i;	stk	— kóstka;
ndr	— kal'ándra;	stk'	— kóstk'i;
ndl'	— ģandl'avác';	kšć	— bakšćán'e.
ngl'	— c'óŋgl'a;		

3) CCC в конечной (и интервокальной) позиции:

ršć	— bóršć;	nsk	— m'ínsk;
l'sć	— pól'sć;	kšt	— bákšt (под. п. то- понима bákšty).
l's'c'	— p'íl's'c';		

Этот перечень, разумеется, может пополниться с расширением объема текста, но некоторые наблюдения могут быть сделаны уже сейчас. Как видно, трехфонемные созвучия согласных менее всего характерны для конца слова, чаще они встречаются в начале слова, и, наконец, в интервокальном положении (середина слова) реализуются все представленные в данном диалекте трехчленные консонантные последовательности.

Подавляющее большинство антевокальных (начальных) последовательностей CCC строится по схеме STR, где S — представитель класса длительных (непрерывных) некомпактных (s, z), R — сонант (или иногда v), T — шумный (t ∨ d ∨ p ∨ k ∨ x ∨ ģ). Отстают от схемы примеры, где в начале t, p. В поствокальных (конечных) последовательностях сонант также контактирует с гласным (как это происходит и в начальной позиции), занимая соответственно первое место в сочетании: RST (R — сонант, S — незвонкие пиящие или свистящие, T — смычный или аффриката). В литовском топониме встретилось сочетание шумных (kšt). Наконец, для интервокальных (и только) последовательностей достаточно типична схема RSR (s ∨ z ∨ s' ∨ z' ∨ š ∨ d ∨ k в окружении сонантов), но также распространены сочетания с одним сонантом (на первом или последнем месте в группе) и парой шумных, способной функционировать в диалекте в качестве самостоятельного двухфонемного сочетания (sk, s'c', šć, tk и т. д.).

Скопления более чем трех согласных крайне редки и, по видимому, появляются лишь в позиции стыка морфем: apstrél'-

vac', apskrabác', žórstka, žórstk'i. При встрече приставок, оканчивающихся на t, с трехчленными сочетаниями, в которых s на первом месте, звучат обычно аффрикаты: pactrél'ic', ackrėp'c'i, packváruc'.

Подсистемы начальных и конечных фонем

К числу фонологических явлений, имеющих значение при сопоставлении лаздунских диалектов, относятся особенности оформления начала и конца слова. Особый характер этих двух фонологических позиций состоит в том, что они определенным образом ограничивают фонемный инвентарь и, кроме того, характеризуются специфическими правилами сочетаемости фонем.

Между начальной и конечной позицией существует резкое расхождение в составе различаемых фонологических единиц.

Начальный инвентарь состоит из 41 фонемы: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ž, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', ě, c', ž', k, k', g, g', x, ģ, ģ', e, o, i, u, a (rėčka, láva, l'ės, nášy, n'ės'c'i, mác'i, m'ót, jės'c'i, tórba, dóma, cúkar, zýŋkac', sála, zórka, pádla, p'ác', bėl'ka, b'ėly, fútar, f'íkus, vášy, v'ánuc', šýba, s'ádu, žába, z'ác', částa, c'ėsta, ž'ėŋka, kám'an', k'ísly, gáza, g'ėsta, xáta, ģará, ģ'aróĵ, éty, os'emsót, imčýc', ubáčuc', aģón').

Конечный инвентарь почти наполовину меньше и состоит из 23 фонем: r, l, l', n, n', m, t, c, s, p, f, š, s', ě, c', k, x, e, ê, o, i, u, a (bór, kas'c'ól, stól', mlýn, kón', šúm, xamút, n'ém'ac, l'ės, slúp, tórf, kóš, skrós', p'ėč, sanažác', ž'ac'úk, aróx, n'as'ė, barav'ik'ė, aknó, žn'f, b'aġú, naġá).

Как видно, в абсолютном начале слова встречаются все согласные, кроме ž, а из гласных безусловно исключаются напряженные ê, ô. Что касается e, o, i, u, a, то их допустимость в начальной позиции нуждается в пояснении. Дело в том, что для лаздунского говора характерны протетические согласные, однако произносительные нормы, связанные с их функционированием, при этом чрезвычайно распатаны, и судьба гласных в начальной позиции, как показывают наблюдения, несколько сложнее той, которая представлена для данного пункта в ДАБМ²¹. В частности, и для картографируемых в атласе фонетических позиций мы отметили свободные вариации: vúġal' — ģúġal', vúl'ica — ģúl'ica, vóz'ega — ģóz'ega, vús' — ģús' и т. д.

В общем же картина явлений, связанных с употреблением протетических согласных, выглядит следующим образом. В качестве протетических элементов выступают v, ģ (ģ'), j. Протетическими элементами снабжаются не только ударные o, u, но также a,

²¹ Соответствующие карты ДАБМ (47—49) характеризуют лаздунский говор следующим образом: перед начальными ударными o, u произносится протетический v ([v]óзера, [v]úха), слово «вулиця» произносится [v]úлиця, а указательные местоимения — (ģ)šты, (ģ)šны.

i, e (при этом безударное начало характеризуется нередко той же регулярностью протезы, что и ударное, в особенности если речь идет о формах, принадлежащих одной парадигме: *vúšy* — *vušéi*, *vóšy* — *vašéi*). Примерное распределение: j чаще всего перед i (*jiúja*, *živán*, *živ'én'ac*, *jix*, *jínšy*), γ — перед e, a (*γéty*, *γél'ka*, *γántak*, *γán'a*, *γarác'*, *γanúča*, *γav'éčka*, *γavurok*, *γalátki*, *γačým*), v — перед o, u (*vós'im*, *vóstry*, *vúšy*, *vúl'ica*). Однако это распределение достаточно условно, и в некоторых случаях отмечены вариации: *jón* — *γ'ón*, *γárm'ija* — *várm'ija*, ср. также упомянутые выше примеры *γúgal'* — *vúgal'*, и др.²² Дополнительное осложнение вносят идиолекты (преимущественно старшее поколение), разрешающие в качестве факультативного варианта произношение без протезы: *ós'im*, *ól'γα*, *éty* (пожалуй, лишь этим случаем и выражается допустимость e в начальной позиции, сформулированная выше). Несомненно, в связи с этой манерой произношения существует еще одно любопытное явление, характеризующее начало слова: подвижность непротетического согласного γ, причем, как нам показалось, регулярнее в диалекте выступает вариант с утратой γ, чем с сохранением. Последовательное опущение γ отмечено в следующем списке слов: *avaryc'*, *avórka*, *az'ín'n'ik*, *aspadár*, *asudár*, *asudárstva*, *alavá*, *aróx*, *ará*, *andl'ár*, *arbáty*, *aktár*, *órla*, *óršy*, *uz'éc'*, *ul'tái*.

На конце слова инвентарные ограничения гораздо более значительны, они касаются целых классов согласных: $\neg(Cs^+, Vc^+) \& \#$ (читается: запрещается появление звонких шумных на конце слова); $\neg((Cs^-, G^+, S^+) \vee (Cs^+, G^+, S^+)) \& \#$ (читается: запрещено появление на конце слова палатальных периферийных сонантов или шумных).

Кроме того, на конце слова запрещены v и гласный ô.

Что касается дистрибутивных ограничений, то для начальной позиции они минимальны, так что почти все известные диалекту сочетания CV и CCV возможны в начале слова. Специальной оговорки требуют лишь сочетания с сонантом: для начала слова характерны сочетания вида CR, тогда как немногочисленные возможные сочетания вида RC подвержены варьированию (*ržýšča* — *iržýšča* — *gužýšča*, *ržé* — *iržé*, *l'ác'* — *lyác'*, *lžé* — *ilžé* — *lyžé*, *l'z'ína* — *il'z'ína* — *l'iz'ína*, *l'v'ica* — *l'iv'ica* и т. п.).

На конце слова, напротив, допустимы лишь немногие сочетания согласных (rm, rt, rf, rs, rč, rc', rx, l's, l's, nt, sk, ft, št, šč, xc'), причем для сочетаний с сонантом характерно следование RC.

²² Кстати, факультативное варьирование v — γ (v' — γ') замечено и в начальной позиции: *γavurok* — *aγurok*, *bavatyγ* — *baγatyγ*, *avúl'n'a* — *aγúl'n'a*, и даже после согласных: *žv'aré* — *z'v'aré*, *(na)l'id'γ'é* — *(na)l'ic'v'é*.

Представление о начальных и конечных трехфонемных последовательностях согласных уже дано в разделе, касающемся упорядоченных сочетаний согласных в диалекте.

Четырехфонемных (и больших) скоплений согласных в начале и на конце слова как будто нет.

ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО ИДИОЛЕКТА ДВУЯЗЫЧНЫХ ИНФОРМАНТОВ

Белорусская речь лаздунцев, для которых родным (и до некоторого времени основным, по крайней мере в семье) языком был литовский²³, имеет чрезвычайно характерные приметы, основные из которых мы укажем здесь.

Фонологическая система белорусского диалекта на литовском субстрате состоит из 39 фонем, различаемых одиннадцатью признаками (см. табл. 13).

Как видно, отличие от диалектной «нормы» коренится в сужении сферы признака непрерывности: утрачены противопоставления p, p' — f, f'; k, k', g, g' — x, γ, γ'. Что касается противопоставления p, p' — f, f', то оно спорадически не выдерживается и в исконно белорусских идиолектах, в данном же случае происходит регулярная замена f, f' на p, p' — *prónt*, *pútar*, *paráp'ija* и т. п., x последовательно заменяется на k: *káta*, *kl'éu*, *kažúk*, *krup'íc'* (это произношение сразу режет слух, а сами лаздунцы используют его как постоянный повод для иронии: *kamút na krápu n'e l'éz'a*, *v'él'k'i*, *kal'érgja*). Субститутом γ, γ' обычно является нуль звука, в результате чего возникают скопления гласных, малохарактерные для исконно белорусского говора: *mpba* (< *mpópa*), *karóšao* (< *karóšao*), *aón'* (< *aón'*), *druí* (< *druγ'í*), *paú* (< *paγú*), *maíla* (< *maγ'íla*), *vúan* (< *vúγan*). Иногда в качестве протезы, разделяющей гласные слоги, возникает гортанная смычка (появляющаяся также в начале слова): *órgka'o* (< *γórgkaγo*), *u'ós'c'ic'* (< *uγós'c'ic'*), *ús'i* (< *γús'i*).

Как будет видно из дальнейшего изложения, инвентарь фонем «вторичных» белорусских идиолектов является ядерным по отношению к исконно белорусскому и литовскому (т. е. представляет собой теоретико-множественное произведение этих инвентарей), а указанные особенности дистрибуции гласных сопоставимы с соответствующими нормами литовского диалекта.

ЛИТОВСКИЙ ДИАЛЕКТ

Как уже говорилось, изучение лаздунского литовского диалекта имеет свою историю (см. упомянутые выше работы П. Арумаа, Э. Френкеля, Ю. Сенкуса, Е. Гринавецкене), что в известной сте-

²³ Разумеется, речь идет о «жагунах» преклонного возраста, причем о тех из них, чье языковое сознание отличается консерватизмом.

Матрица идентификации фонем белорусского диалекта двуязычных информантов

v	+ 0 + 0 0 + 0 0
b'	+ 0 + 0 0 0 + +
b	+ 0 + 0 0 0 +
p'	+ 0 + 0 0 0 +
p	+ 0 + 0 0 0
z	+ 0 0 0 + 0 + 0
s	+ 0 0 0 + 0 0
ʒ	+ 0 0 0 + + 0
c	+ 0 0 0 + 0
d	+ 0 0 0 + + 0
t	+ 0 0 0 0
j	+ 0 0 0 0 0 0 0 0
m'	0 + 0 0 0 0 0 +
m	0 + 0 0 0 0 0
n'	0 0 + 0 0 0 +
n	0 0 + 0 0 0
l'	0 0 + 0 0 +
l	0 0 + 0 0
r	0 0 0 0 0

Гласность
Согласность
Компактность
Диффузность
Периферичность
Напряженность
Непрерывность
Яркость
Звонкость
Палатальность

Таблица 13 (окончание)

a	+ 0 + 0 0 0 0 0 0 0 0
u	+ 0 + + 0 0 0 0 0 0
i	+ 0 + 0 0 0 0 0 0
ɔ	+ 0 + + 0 0 0 0 0
o	+ 0 + 0 0 0 0 0
ɛ	+ 0 + 0 0 0 0 0
e	+ 0 0 0 0 0 0
g'	+ + 0 + 0 0 0 0 + +
g	+ + 0 + 0 0 0 0 +
k'	+ + 0 + 0 0 0 0 +
k	+ + 0 + 0 0 0 0
ʒ'	+ + 0 0 0 0 + + +
ʒ	+ + 0 0 0 0 + +
c'	+ + 0 0 0 0 + +
č	+ + 0 0 0 0 +
z'	+ + 0 0 0 0 + +
ž	+ + 0 0 0 0 +
s'	+ + 0 0 0 0 +
š	+ + 0 0 0 0
v'	+ 0 + 0 0 + 0 0 +

Гласность
Согласность
Компактность
Диффузность
Периферичность
Напряженность
Непрерывность
Яркость
Звонкость
Палатальность

пени позволяет проследить эволюцию говора на протяжении сорока лет. По традиционной классификации литовских диалектов, восходящей к концепции А. Салиса²⁴ и еще раньше К. Явниса²⁵, Лаздуны относятся к дзукам-пунтининкам, по современной классификации З. Зинкявичюса—А. Гирдяниса²⁶, лаздунский литовский представляет собой восточноаукштайтский говор виленского типа.

Описывая фонологию говора, мы основываемся на материалах названных исследований Лаздун, а также на наших собственных наблюдениях, собранных во время экспедиций в Лаздуны в 1964 и 1968 гг.

1. Вокализм (V⁺)²⁷. Непостоянство произносительных норм, на которое указывают исследователи и которое осознают сами носители говора, характеризует в первую очередь вокализм. Нередко произношение гласных варьируется не только от идиолекта к идиолекту, оно бывает изменчиво в одних и тех же позициях и даже в одних и тех же словах в устах одного информанта.

По этой причине инвентарь различаемых в говоре гласных фонем предпочтительнее всего представить в виде диапазона колебаний от максимальной к минимальной совокупности фонем.

Максимальный вокалический инвентарь представляет собой четырехступенчатую четырехугольную систему (восемь фонем):

i	u
ie	uo
e	o
ɛ	a

Комментарий к максимальному инвентарю²⁸:

i — i.tas, viši., ažmy.sl'i'ijō (A); itus, visà, kapytump (S); ryšks (G);
ie — nie'ko, gi'èma (A); kièni, sniegaūs (S); vienà, namiē (G);
e — b'ègo, nul'n'do, žm'ònès (A); kāsè, pàmìrè, vèjas (S); éma (G);
ɛ — ġeru., a.tvədè, bèrn'ku (A); brólei, mēdzian (S); nuv'ej (G);
u — sūnu., u'gdo (A); bũvo, ūtarija (S); up'ely, dung'uj (G);
uo — addu'oma, ažaruosui' (A); (uñ)vúožuolo, vuodegà (S); žmuõj, úožuolo (G);

²⁴ A. S a l y s. Kelios pastabos tarmių istorijai. «Archivum Philologicum», IV. Kaunas, 1933.

²⁵ К. Я в н и с. Грамматика литовского языка. Пр., 1916.

²⁶ См.: A. Girdenis, Z. Zinkevičius. Dėl lietuvių kalbos tarmių klasifikacijos. «Kalbotyra», XIV. Vilnius, 1966, а также: Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

²⁷ В данной работе рассматривается уровень сегментного различения, тогда как просодический план представлен условно — фиксируется лишь место ударения.

²⁸ Здесь и дальше примеры, взятые из записей П. Арумаа, Ю. Сенкуса и Е. Гринавецкене, воспроизводятся в той форме, в которой они фигурируют в контексте, и сопровождаются соответствующей пометой — (A), (S), (G).

o — po'nas, go'dnas, o'džinom (A); namõ, Onà, bóbos (S); momà kōl (G);
 a — a'ni, gāru, ka.s (A); ānas, árc, važavo (S); anà, tracià, ža-
 mèn (G).

Специального пояснения требует трактовка гласных дифтонгического образования ie, uo, так как вопрос о фонологическом статусе этих звуков решается в литуанистике по-разному. Л. Ельмслев²⁹ (так же, как впоследствии Э. П. Хемп³⁰ и В. Р. Шмальштиг³¹) считал их сочетаниями из двух элементов (i+e, u+o). В последнее время в пользу этой точки зрения высказался И. Казлаускас³². Напротив, монофонематически интерпретировал ie, uo Н. С. Трубецкой³³. Фонологическую самостоятельность этих единиц признает и В. Вайткевичюте³⁴, объединяя их, однако, в этом плане с другими так называемыми чистыми дифтонгами (ai, au, ei, eu, ui, õi).

Все же если подытожить свидетельства в пользу особого характера ie, uo, то окажется, что существуют серьезные, как нам представляется, основания для того, чтобы в отличие от других дифтонгов считать их самостоятельными монофонематическими единицами.

Прежде всего можно сказать, что ie, uo лишь условно членятся на два компонента³⁵ (произнесение этих гласных состоит в более или менее напряженном изменении уровня подъема языка в пределах одного ряда). Компоненты эти, во всяком случае, не

Несколько замечаний о системах транскрипции, используемых названными авторами. Транскрипция П. Арумаа чрезвычайно и тщательно детализирована. Транскрипции Ю. Сенкуса и Е. Гринавецкене в некоторых отношениях отступают от принципов фонетического письма, сближаясь с орфографией (в частности, используются знаки носовых гласных i, u; диалектные модификации æ (открытого гласного переднего ряда нижнего подъема), в том числе и в начальной позиции, скрыты под традиционным в литовской графике знаком e; не отмечается позиционное смягчение согласных, так же, как и некоторые другие явления синтагматики). Это, видимо, определяется преимущественным интересом к другим уровням диалекта — морфологии, синтаксису, лексике, о чем, кстати, и писал Ю. Сенкус (см.: J. S e n k u s. — LKK, II, стр. 215). Во всех случаях обращения к этим записям мысленно делается поправка на современное звучание.

²⁹ «Studi Baltici», VI, 1936—1937, стр. 28.

³⁰ E. P. H a m p. Buividze Lithuanian Phonemes. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», 1959, I/II, стр. 200.

³¹ W. R. S c h m a l s t i e g. Primitive East Baltic -uo-, -ie- and the 2nd Sg. Ending. «Lingua», 1961, X, 4, стр. 369.

³² J. K a z l a u s k a s. Lietuvių literatūrinės kalbos fonemų diferencinių elementų sistema. «Kalbotyra», t. XIV. Vilnius, 1966.

³³ N. S. T r o u b e t z k o y. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. — TCLP, I, 39—67 (1929).

³⁴ «Lietuvių kalbos gramatika», I. Vilnius, 1965, стр. 57.

³⁵ Кстати, Ф. Куршат считал ie, uo сложными (смешанными) гласными, отличая их от дифтонгов (см.: F. K u r s c h a t. Grammatik der littauischen Sprache. Halle, 1876). Точно так же рассматривал их и М. Н. Петерсон в «Очерке литовского языка» (М., 1955).

противопоставлены друг другу по признаку центральной или маргинальной роли в слоге (тогда как остальные «чистые» дифтонги могут быть представлены как сочетание слогаобразующего гласного с неслоговым). Эту особенность называет и В. Вайткевичюте³⁶, различая составные дифтонги (sudėtiniai) и слитные (sutartiniai), которыми являются ie, uo.

В том же исследовании В. Вайткевичюте (стр. 57—58) можно найти факты просодического плана, которые также могут быть истолкованы как приметы особого характера ie, uo. Речь идет о различном поведении дифтонгов в зависимости от интонации: если в акутовых или циркумфлексных дифтонгах ai, ei, au, ui, õi, eu удлиняется соответственно первая или вторая часть, то ie, uo стоят в этом отношении особняком — продление, связанное с интонацией, для них не характерно.

Убедительный аргумент против отождествления ie, uo с другими дифтонгами, связанный с пространственной модификацией литовской фонологической системы, приводит Т. Бух³⁷: в дзук-литовском диалекте в районе Сейн (Польша) монофтонги утратили интонационные различия, в то время как дифтонги (и дифтонгические сочетания типа ER) их сохранили; в этой ситуации ie, uo разделили судьбу монофтонгов, утратив противопоставления интонации.

Лаздунский говор, в свою очередь, представляет дополнительный довод в пользу обособления и монофонематической интерпретации ie, uo; в нем развита тенденция к монофтонгизации этих звуков (ср.: duona — dūna — dona, kluonas — klūnas — klonas, šienas — šynas — šenaucė, diena — dyna — denėla³⁸). Возникающие при этом варианты монофтонгов иногда представляют собой звуки, кажется, той же фонетической природы, что и описанные нами выше белорусские напряженные гласные, условно обозначенные ê, ô.

Максимальная вокалическая модель литовского диалекта Лаздун базируется на четырех противопоставлениях (табл. 14).

Таблица 14

	e	ie	o	uo	i	u	æ	a
Компактность	—	—	—	—	—	—	+	+
Диффузность	—	—	—	—	+	+	0	0
Периферийность	—	—	+	+	—	+	—	+
Напряженность	—	+	—	+	0	0	0	0

³⁶ V. V a i t k e v i č i u t e. Lietuvių literatūrinės kalbos priebalsinės fonemų sudėtis. — LKK, I, стр. 59.

³⁷ T. B u c h. Zur phonologischen Wertung von lit. ie, uo und lit. é, š. «Lingua Posnaniensis», XII—XIII. Poznań, 1968.

³⁸ Примеры процитированы по Ю. Сенкусу (см.: M A D, serija A, 1 (4). Vilnius, 1958, стр. 185).

По признаку компактности гласные нижнего подъема *æ*, *a* противопоставлены остальным гласным.

По признаку диффузности среди некомпактных гласных различаются гласные верхнего подъема *i*, *u* и гласные среднего подъема *e*, *ie*, *o*, *uo*.

Признак периферийности противопоставляет лабиализованные гласные *o*, *uo*, *u* нелабиализованным *e*, *ie*, *i*, *a* также гласный заднего ряда *a* более переднему *æ*.

По признаку напряженности различаются *ie*, *uo* — гласные средне-верхнего подъема, возможно, дифтонгического характера, произносимые с некоторым напряжением органов речи, и гласные среднего подъема *e*, *o*.

Статистические индексы, характеризующие данные противопоставления с точки зрения их мощности и симметричности, таковы (табл. 15):

Таблица 15

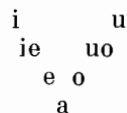
	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,33
Диффузность	0,75	0,50
Периферийность	1	1
Напряженность	0,50	1

Строго говоря, описанная выше модель вокализма не может быть безоговорочно соотнесена ни с одним идиолектом, она условна в том смысле, что адекватна максимуму различительных возможностей, который устанавливается на основании анализа определенных фрагментов различных идиолектных текстов. Поскольку, как уже сказано, понятие произносительной нормы в лаздунском диалекте чрезвычайно распатано и колеблется в диапазоне от максимума к некоторому минимуму различаемых единиц, необходимо рассмотреть здесь также характерные тенденции к упрощению вокалической системы.

В текстах П. Арумаа уже отмечено смешение *æ* — *a* («расширение» *æ* до *a*), и в том числе в позиции, считающейся для данной корреляции сильной (перед слогом, содержащим палатальный согласный и гласный переднего ряда): *ńęga'l'u.*, *ńęgi'vã'no*, *ńęga'gëtš*, *ńęgubij* — *ńãpasa'ko*, *ńãga'l'i*; *põ mędžu.s* — *iš mã'džo*, *už mã'džu*, *ęęru* — *ęęru*; *vęzais* — *vã'zi*, *žmęja* — *žmãju*; *šękmú* — *šã'kmi*; *nuvęjau* — *nuvã'jo* и т. д. По нашим наблюдениям, есть основания думать, что в настоящее время дефонологизация *æ*, наметившаяся в идиолектах, записанных П. Арумаа, состоялась, ср. последовательное произношение: *arušę*, *aglę*, *ážaras*, *ãjna*, *s'an'ęj*, *nuv'ajou*, *nuv'ajom*, *t'al'icãjt'e*, *g'aręj*, *g'arklę*, *m'arg'ala*, *m'ás*;

l'il'ajala, *atn'ášy*, *g'agúže*, *rut'ále*, *b'arn'al'is*, *vuod'agá* и т. д.; ср. также примеры из письменного текста (см. стр. 110—111).

Дефонологизация *æ* повлекла за собой преобразование вокалической системы в треугольную модель:

Эту разновидность вокализма, пожалуй, можно считать наиболее типичной для говора. Она строится на четырех противопоставлениях (табл. 16).

Таблица 16

	e	ie	o	uo	i	u	a
Компактность	—	—	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	—	—	+	+	0
Периферийность	—	—	+	+	—	+	0
Напряженность	—	+	—	+	0	0	0

Приведем статистические показатели мощности и симметричности данной системы (табл. 17).

Таблица 17

	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,17
Диффузность	0,86	0,50
Периферийность	0,86	1
Напряженность	0,57	1

Монофтонгизация *ie*, *uo*, *o* которой уже шла речь, касается самых различных позиций — ударной и безударной, начала, конца, середины слова — и представляет собой, несмотря на свою непоследовательность, одну из фонетических примет лаздунского диалекта, сразу же поражающую слух. Возникающие монофтонги могут сопровождаться иногда некоторым напряжением органов артикуляции, но могут (чаще всего) и не быть напряженными. Вот некоторые примеры: *v'ená*, *v'enu*, *z'ená*, *n'eko*, *l'etús*, *s'v'etas*, *z'evul'is*, *nam'é*, *dóna*, *dós'u*, *vóžolas*, *važós'im*, *undój*, *sasój* и т. д. (по нашим наблюдениям, основными заместителями дифтонгов в диалекте выступают *e*, *o*)³⁹.

³⁹ Следует здесь заметить, что в лаздунском диалекте существует также манера дифтонгического произношения *e*, *o* ([ie], [uo]), впрочем, крайне

Результатом действия этих двух тенденций является пятичленная треугольная вокалическая система, основанная на трех противопоставлениях (табл. 18).

Т а б л и ц а 18

	е	о	і	u	а
Компактность	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	+	+	0
Периферийность	—	+	—	+	0

Существованием описанных трех систем и определяется облик литовского вокализма Лаздун.

2. Консонантизм. Для современного лаздунского диалекта характерен консонантный инвентарь, насчитывающий 35 фонем: г, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, 3, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s, ž, z' č, c', ž, 3', k, k', g, g', γ.

Комментарий к консонантному инвентарю:

г — trác'as, rágana;	z — záras, zbon'ális, marózas;
l — lašká, lódnas;	p — páršas, pódlas, pančókas;
l' — l'atut'ál'is, l'il'ajála;	p' — p'áles, p'aréz'imkas, p'i-rágas;
n — naké'is, c'onáji;	b — bul'bá, bóba, baz'ní'ča;
n' — s'v'iršn'á, šul'n'ál'is;	b' — lob'ál'is, vob'alé;
m — máno, ájma;	v — várna, vál'3'ikai;
m' — m'áz'as, m'an'ál'is;	v' — v'ažýmas, v'aršál'is, kar-v'ále;
j — jám, jiujá (топоним);	š — šárka, šaukštas, šókc';
t — tadú, tvártas;	s' — s'an'éj, bú's'ala, duós'u;
t' ⁴⁰ — rut'ále, t'al'ičáité;	ž — žám'a, ážaras, žuropl'is;
d — dáržas, dabár;	z' — kaz'úkas, baz'ní'ča;
d' ⁴⁰ — 3'id'al'is, un'd'an'ál'is;	č — častavóc', váikščoc', t'al'-ičájt'e;
c — cačónas, cybul'á, s'in'í-cos;	c' — c'á, boc'á, réic', šyl'c'óu;
3 — dzá, iš3ovína (S);	
s — sáko, sánas, sasóji;	

непоследовательная, как пишут исследователи (см.: J. Senkus. — MAD, стр. 184, а также: Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija, стр. 71). Учитывая это явление, можно было бы получить еще одну мутацию (термин Л. Едмслева, используемый им при описании жемайтского вокализма в статье «Études de phonétique dialectale dans le domaine letto-lituanien». — Scando-Slavica, II, 1956, стр. 62—86) вокалической системы:

i	u
ie (< e)	uo (< o)
e (< ie)	o (< uo)
(æ)	а

⁴⁰ О возможной дефонологизации этих единиц см. в разделе о дистрибуции,

ž	— žauksmas; valdžója, dzi-	k'	— k'ašyn'ai, k'oula, šók'a;
	auksmu (S);	g	— gajš'is, gardús, grušá;
3'	— 3'irpc' vál'3'ikai; dzium	g'	— g'agúže, g'arklé, m'arg'-ála;
	(G);		
k	— káktas, kác'inas, káp, γ	— pluhús (S); bačótas, ýl'a,	
	akýš;	réik.	

Поясним прежде всего отсутствие г', š', ž', č', 3', являющееся, как показывает сравнение транскрипций, позднейшей инновацией. П. Арумаа последовательно различает в этом случае палатальные и непалатальные согласные (ср.: né'ra, rái'ká — iššísp'ifau, aftši, ašaru, mu.šasi — a.tneš'au, p'ou.kš'tés; ža'idža, žu'kai — ž'amè'n, naigraž'ášnu.s, padvaž'a'vò, tšé'rtas, tši'stas — va'kšš'oja, tš'èsu, pal'ekš'è'nos и т. д.)⁴¹. У Ю. Сенкуса и Е. Гринавецкене передано, по-видимому, факультативное палатальное произношение (ср.: geraū, šymtù, žames, váikšcioj, bažnyča, mėlnyčon — gerioū, žemėlen, dvidešimt, vaikščioj, mėlnyčia, melnycion и т. д.). В настоящее время процесс диспалатализации г', š', ž', č', 3', по нашим наблюдениям, завершился, во всяком случае нам уже не встретились ни факультативные, ни индивидуальные палатальные варианты.

γ выступает в общеупотребительном междометии ýl'a и в заимствованиях: plúgas, bačótas, иногда является в начале слова в качестве протезы: réik, иногда (все же очень редко) может вытеснить g: pačúrkli's.

х, х' в заимствованной лексике регулярно заменяется на k, k': kmo'á, kvóras, k'v'í'ga (белор. х'v'í'ga). Отступления все же возможны: samachòdas (S) araxv'fnos.

i, i' обычно подлежат замене на p, p', но иногда встречаются в заимствованиях: fatagrafióc' (patagrafióc'), pa'áf'ija (pa'áp'ija). ž, 3' отмечены лишь в нескольких лексемах (табл. 19).

При описании литовского консонантизма Лаздун используются восемь различительных признаков: согласность, компактность, периферийность, назальность, непрерывность, яркость, звонкость, палатальность (табл. 19).

По признаку согласности класс шумных (t, t', d, d', c, 3, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', ž, 3', k, k', g, g', γ) противопоставлен классу сонорных (г, l, l', n, n', m, m', j).

По признаку компактности выделяется класс средне- и заднеязычных (j, š, s', ž, z', č, c', ž, 3', k, k', g, g', γ), противопоставленный остальным согласным, образуемым в передней части рта. Заметим, что, как и при описании белорусского консонантизма, к классу компактных фонем здесь причислены s', z',

⁴¹ Для ž, кажется, примеров нет, но, видимо, следует предполагать полную аналогию с č. Спорадически диспалатализация все же появлялась и в то время (ср.: dra'ba, padvažu' odžinéjo при постоянном padvaž'a'vò, važ'u'oja).

Матрица идентификации согласных фонем литовского диалекта Лаздун (Lazūnai)

	p	+ + 0 0
	z	+ 0 + 0 + 0
	s	+ 0 + 0 0
	š	+ 0 + + 0
	c	+ 0 + 0
	d'	+ 0 + +
	d	+ 0 +
	t'	+ 0 +
	t	+ 0
	j	+ 0 0 0 0 0 0
	m'	+ 0 0 0 0 +
	m	+ 0 0 0 0
	n'	+ 0 0 0 +
	n	+ 0 0 0
	l'	+ 0 0 +
	l	+ 0 0
	r	0 0 0 0

Согласность
Компактность
Периферийность
Назальность
Непрерывность
Яркость
Звонкость
Палатальность

Таблица 19 (продолжение)

	γ	+++ 0 + 0 0 0
	g'	+++ 0 0 ++
	g	+++ 0 0 +
	k'	+++ 0 0 +
	k	+++ 0 0
	ž	++ 0 0 +++
	ž	++ 0 0 ++
	c'	++ 0 0 + +
	č	++ 0 0 +
	z'	++ 0 0 + +
	z	++ 0 0 +
	s'	++ 0 0 +
	š	++ 0 0
	v'	+ + 0 + 0 0 +
	v	+ + 0 + 0 0
	b'	+ + 0 0 ++
	b	+ + 0 0 +
	p'	+ + 0 0 +

Согласность
Компактность
Периферийность
Назальность
Непрерывность
Яркость
Звонкость
Палатальность

c', ž', морфологически соотносимые с s, z, c, ž, но по особому «шепелявому» звучанию сближающиеся скорее с š, ž, č, ž (утратившими уже прежнюю корреляцию по палатальности с š', ž', č', ž')⁴².

Признак периферийности противопоставляет губные и заднеязычные согласные (m, m', p, p', b, b', v, v', k, k', g, g', γ) передне- и среднеязычным (r, l, l', n, n', t, t', d, d', c, ž, s, z, š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', g, g', γ).

Признак назальности действует лишь в классе сонантов, различая n, n' и r, l, l'.

Признак непрерывности противопоставляет фрикативные согласные (l, l', s, z, v, v', γ) смычным и аффрикатам (r, t, t', d, d', c, ž, p, p', b, b', k, k', g, g').

Признак яркости отличает аффрикаты c, ž, č, c', ž, ž' от соответствующих смычных и фрикативных (t, t', d, d', š, s', ž, z').

Признак звонкости характеризует шумные различных способов образования, дифференцируя их по участию голоса: t, t', c, s, p, p', š, s', č, c', k, k' — d, d', ž, z, b, b', ž, z', ž, ž', g, g'.

Признак палатальности позволяет различать l', n', m', t', d', p', b', v', s', z', c', ž', k', g', с одной стороны, и l, n, m, t, d, p, b, v, š, ž, č, ž, k, g — с другой (не касаясь лишь r, j, c, ž, s, z).

Статистические показатели, характеризующие парадигматическую модель литовского консонантизма Лаздун с точки зрения мощности и симметричности действия различительных признаков, представлены в табл. 20.

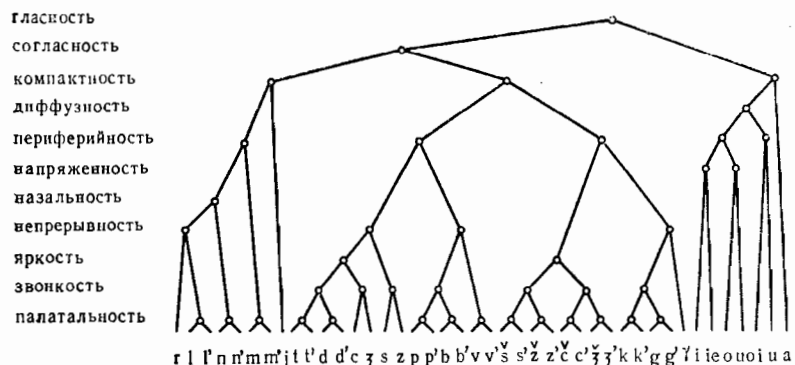
Таблица 20

	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,67
Периферийность	0,97	0,61
Назальность	0,14	0,67
Непрерывность	0,63	0,47
Яркость	0,40	0,75
Звонкость	0,68	1
Палатальность	0,80	1

Общую модель фонологического пространства литовского диалекта Лаздун представим в виде фонологического дерева, которое является графической записью матрицы, объединившей вокали-

⁴² Это произношение отразилось в появлении таких спорадических транскрипций, как vošà, čielu (S) и т. п.

ческую и консонантную модели. Из трех вариантов вокалической системы предпочтена семичленная треугольная модель, которая в соединении с 35-фонемной консонантной системой образует, пожалуй, наиболее типичную для литовского диалекта Лаздун фонологическую систему (42 фонемы).

Построение объединенной модели фонологического пространства осуществляется с помощью признаков вокальности и консонантности, идентифицирующих и различающих три класса фонем: гласные (V^+ , Cs^0), согласные (V^- , Cs^+) и сонанты (V^- , Cs^-). Статистические характеристики этих признаков таковы:

Таблица 21

	Мощность	Симметричность
Гласность	1	0,20
Согласность	0,83	3,37

3. Дистрибуция фонем. В этом разделе предполагается рассмотреть некоторые аспекты распределения литовских фонем в тексте, интересующие нас прежде всего в плане типологического сравнения диалектов, сосуществующих в Лаздунах. В частности, будут изложены наблюдения из распределения гласных в фонологической схеме слова; кроме этого здесь будет описана дистрибутивная структура упорядоченных сочетаний из двух и более фонем, а также будут рассмотрены подсистемы фонем, оформляющих начало и конец слова.

Вокализм литовского диалекта, в общем, устойчив относительно различных просодических условий в пределах слова. Это означает, что один и тот же набор вокалических единиц различается как в ударной, так и в любой безударной позиции.

Известно как будто одно отступление от общей закономерности. Мы имеем в виду довольно распространенное неразличение *o*, *e* в безударном окончании, на которое указал Ю. Сенкус⁴³: *isi-gunda* (*išsigando*), *brolia* (*brolio*), *žame* (*žemė*) (S) и т. п. Архифонемой в этих условиях является *a* (примеры с нейтрализацией *e* в настоящее время следует, на наш взгляд, транскрибировать уже как *žám'a*, *káv'a*).

Ю. Сенкус усматривает в этом произношении сохранение «древних (балтийских), только уже несколько сократившихся или кратких, гласных ($\bar{a} > a$, $\bar{e} > e$)», что, однако, весьма сомнительно, если принять во внимание безукоризненные в фонетическом отношении записи П. Арумаа, регулярно передающие *o*, *e* (ср.: *pragīvā'no*, *išsigun'do*, *suširə'ko*, *nulən'do*, *iša'jo*, *bi.tė*, *môtėrə.škė*, *ga'udė*)⁴⁴. Скорее всего, в этом случае мы имеем дело все же с позднейшей инновацией — не вполне еще завершившимся неразличением гласных среднего подъема на безударном конце слова, представляющим собой некоторое подобие той редукции, которую претерпевает в безударной позиции белорусский вокализм.

Здесь уместно будет упомянуть и записанные нами примеры: *m'an'ál'is*, *l'atut'ál'is*, *m'as't'ál'is*, *s'ad'éjo*, *s'ad'édamu*, — поддавшиеся влиянию со стороны белорусской вокалической схемы слова (два последних примера, впрочем, могут быть сочтены лексическим фактом, ср. белор. *s'až'éc'*).

Упорядоченные сочетания двух и более фонем

Дистрибутивные свойства литовской фонологической системы отражает таблица 22 (см. вкладку), в которой сообщаются следующие сведения: отмечены знаком + встретившиеся в литовских словах двухфонемные сочетания; знаком — (минус) обозначены действующие в литовском диалекте Лаздун запреты сочетаемости; знаком ± снабжаются допустимые, но подлежащие варьированию пары; наконец, для тех сочетаний, которые в тексте данной протяженности не встретились, но вместе с тем не запрещены системой, клетка оставлена пустой⁴⁵.

⁴³ См.: J. Senkus. — MAD, стр. 184.

⁴⁴ В некоторых примерах П. Арумаа использует в этой позиции знак $\hat{e}$ («среднее между *e* и $\bar{e}$ »), ср.: *nė.nāšė*, *ušru'olė*, *su.gāšė*, *ž'āmė*; транскрипция $\hat{e}$ все же регулярнее.

⁴⁵ Подробнейшая структура аналогичной таблицы пояснена при описании белорусского диалекта.

Как показывает табл. 22, в литовской фонологической системе выделяются следующие классы фонем, различающиеся по дистрибутивным свойствам элементов: класс гласных, характеризующийся максимальной валентностью единиц; класс шумных согласных с гораздо более ограниченной свободой комбинаторики; класс сонорных, занимающий промежуточное положение между первыми двумя.

Более полное представление о распределении литовских фонем дано в следующей ниже таблице, составленной в соответствии с принятой процедурой⁴⁶ (дистрибуция фонем описывается с помощью понятия α -поля и β -поля; сведения о структуре полей сопровождаются списком примеров, реализующих соответствующие сочетания; цифра в скобках обозначает полноту α - и β -полей, равную числу элементов, входящих соответственно в α - и β -множества).

На основании анализа сведений, представленных в табл. 23, о структуре α - и β -полей попытаемся вывести основные закономерности распределения различительных признаков в литовских фонемных парах, осознавая при этом тот факт, что в условиях известного разноречия диалектных произносительных норм эти закономерности иногда лишь условно могут быть сформулированы в виде строгих правил.

Наибольшей универсальностью обладают правила, связанные с функционированием звонкости:

- (1) $\neg$ (Cs^+ , Vc^+) & (Cs^+ , Vc^-)
 $\neg$ (Cs^+ , Vc^-) & (Cs^+ , Vc^+)

(читается: запрещено следование за шумным звонким или глухим шумного, противоположного по звонкости). Отметим, что если иметь в виду матрицу без нулей, то исключение из правила составят лишь v , v' (характеризующиеся нефонологической звонкостью), относительно которых могут занимать α -позицию шумные как с положительной, так и с отрицательной звонкостью (*tvártas*, *svótas*, *išv'idau* (A)).

Распределение палатальности также регулируется достаточно универсальными правилами:

- (2) $\neg$ ((Cs^+ , S^+) $\vee$ (Cs^- , S^+)) & ((Cs^+ , S^-) $\vee$ (Cs^- , S^-))

(читается: запрещено следование непалатального шумного или сонанта за палатальным шумным или сонантом). Вкрапления иноязычной лексики нарушают эту закономерность: *vál'sas*, *bul'bá*, *šel'má*; *ul'tó'jus*, *val'no*, *bot'skoft'sinu* (A) и т. п. В других случаях обычно произносят: *pušn'inás*, *uń'd'eni*, *švie'tas*, *nenuz'dživijo*, *god'ni*, *bal'tsi* (A) и т. д. Сюда же относятся примеры: *išsigun'do*,

⁴⁶ См.: F. Нагагу, Н. Н. Парег. Указ. соч.

α -поле	Фо- нема	β -поле
t, d, s, z, p, b, š, ž, k, g, e, ie, o, uo, i, u, a (17) trācijas, koūdrų, susriūko, pazrokovótou, aprāšė, brólei, lšriūnce (S); ažrəj'kt's (A); krūgū, grāšų, nērā, pieriūko, tvorāly. (S); nuorāgai, p'irāgas; tuīgun, pakaīfs (G)	г	n, n', m, m', t, t', d, d', c, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ž', k, k', g, g', e, ie, o, uo, i, u, a (34) vārna; duīnius, pírma (S); kirnā'lės (A); tvártas, pardúosi, liēkarstos, barzdōs, dýrpie, vėpia (S); dzírbase, tarbėlen (G); karvāite, kárvi, marškināičius, gėrsim, diržu, gofėų, gýrdzysiu, veřkt, pirkioñ, mergā, mergėla (S); rėūk (G); riēzvas (S); sudūro (G); kruopų, dvarī (S); krūvēly (G), kmorā (S)
d, s, z, p, b, š, ž, k, g, e, ie, uo, i, u, a (16) pódlas, preslòvija, kāzly, plúksnas, blogā, išlzdāvo (S); ažlaidziau (G); klāusiasi, agtė, utėlė, ariēlkos, žotāta, vuožuolo, paspýtė, momūla, malankā (S)	л	u, m, t, d, c, s, b, v, k, g, e, o, uo, i, u, a (16) pýluus, kélmo (S); šýltas, saldús; málc, nuīlso, kaība, galvōn, vilkas, vālgō, burktėja, lopū, klúonan, tvorāty, lúngas, lašiniū (S)
(t—t'), (d—d'), (p—p'), (b—b'), (k—k'), (g—g'), š, s', ž, e, o, i, u, a (14) itlium, pītlium (G); rīdlių (S); šupl'etá; bliūana, árklj, angliēzas, bāšlikų, sliūkšćio (S); ažl'fjo, rietimėlius, žoliū (S); priskilyc (G); guli, nēgaliu (S)	л'	n, u', m, m', t, t', d', s, b, b', v', c', š, ž', s', k, k', g', e, ie, o, uo, i, u, a (25) val'no (A); kalnėlis, šelma (G); kelmėlis (S); ul'tó'jus (A); šyl'téc'; paguldė (S); vāl'sas, bul'bá; kalbėjom, kalvėn, bālcince, valdzója, atpildzinėsim, švyrkštelsi (S); motyl'ka (A); silki, suvālgė, kalėdos, liežūvio, vesėlion, kluonėliuos, liksi, nēgaliu, bróliam (S)

Таблица 23 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, l', m, t, d, s, z, c, š, ž, p, k, g, e, ie, o, uo, i, u, a (21) burnosù, píl nas (S); val'no (A); razumnuǔp (S); smutná; negòdnas, plúksnas, praznòčijo (S); mòcnai (G); strošna. (A); ažnorèjo, prisísapnāvos (S); jáknos; dùgno (G); mēno, diēnu, namòn, dúonos, pasodino (S); lazúnai, ánas	n	t, d, c, ʒ, s, b, č, k, g, e, o, uo, i, u, a (14) gyvėntuvė, unduòj, pancuòkas, lañdz, uñsukė (S); kanbáinas; parkleñčij, suñku, lúngu (S); kornėtas; senòs, Lazūnuosi (S); nýrkos; anūkės, ánas (S)
r, l', n', (m—m'), (t—t'), (d—d'), (p—p'), (b—b'), š, s', ž, č, (k—k'), (g—g'), e, ie, o, uo, i, u, a (21) duñnius, piñnyt (S); rumān'ni (A); razumnì, àtneša, radnìckai, sapniū, rabnūčos (S); v'isn'á, didėsnis, styčn'us, černoknėžnikump, ugnìs, mėnėlis, dzienėliū (S); raudonickà, duonėtės, moterūnė, šūnij, anūš (S)	n'	n', t', d', s', c', ʒ', k', g', e, ie, o, i, u, a (14) rumān'ni (A); pún't'u; údenio (S); gīvāñšit (A); gyvėnc (S); prəʒutarəndžin'ėtši (A); piñkelius, lungėli, nėrà, sniegaūs, kloniojasì, anūš, lašiniū (S); skrīnā'lės (A)
r, l, l', t, s, p, š, ž, k, ie, o, uo, i, u, a (15) pírma, kėlmas (S); šelma (G); atmañė, džiauksmas, apmūcina (S); šmótas; žmogùs, kmorà, žiemà, lopòm, dúoma (S); važúos'im; meduñ, namaì (S)	m	r, n, (n'), t, s, p, (p'), (s'), (c'), k, (k'), e, o, uo, i, u, a (17) smra'das (A); razumnuǔp, razumnì, šymtu (S); suteñs, jūmp, kumpì, iñsiu, dzvidešimc, pėrezimkas (S); jím'k'it; metru, morkvà, kamuoláiciu (S); ažmər'sl'ijo (A); mūsei, māciuška (S)
r, l', (d—d'), š, s', ž, z', (k—k'), e, ie, o, uo, i, u, a (15)	m'	(n), (p), (s), (c), e, ie, i, u, a (9) razumnì, trumpėsnij, kimsėlio,

Таблица 23 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
kirmā'lės (A); kelmėlis, pàdmeta (S); ášm'ana; giesmiū, ažmėsc (S); žmeja (A); akmenāis, žmonėmi (S); visuomet, brom'ála; piemenāičius (S), šun'im'i, kum'ále, žám'a	m'	dzvidešimc, mėnėlis, miėgo, mùmi, giesmiū, emiaū (S)
(p—p'), e, o, uo, i, u, a (7) pjáuce, norėjo, stojòs, važúojam, útarija, sujúnki, atājo (S)	j	e, ie, o, uo, i, u, a (7) jėlav'iča; jiem, rasklòjo, rasijúose, jaunòji, jús, jam (S)
r, l, l', n, m, t, s, c, p, š, k, e, ie, o, uo, i, u, a (18) čertas, baltai (S); ul'to'jus (A); gyvėntuvė, šymtu (S); nat'ta (A); stālo, bahoctva, aždiřptai, pakaštavójo, pirktai, šėtojos, svietu, svøtu, dúot, piñnyt, ūtarija, atāj (S)	t	r, n, (n'), t, p, (p'), v, (v'), k, (k'), o, uo, i, u, a (15) trys (S); markát nas, smutn'ická; nat'ta (A); padpúotė, atpildzinėsim, tvártas, àtvežė, àtkasė, Petkėvičius (S); s'v'ėto; vařtuosui (S); tər'sātši (A); tuinù, atāj (S)
r, l', š, s', (k—k'), ie, o, uo, i, u, a (11) i'svert'au (A); šyl't'ou; švýrkštelc (S); gaspadori'stės (A); daiktì, rietimėlius, moterū, dúotie, avytiū, suteñs, siratėla (S)	t'	(n'), (p'), (v'), (k'), e, u, a (7) a'tnėš'au (A); atpildzinėsim, àtveža, Petkėvičius, tėvūli, avytiū (S); i'svert'au (A)
r, l, n, d, z, b, ž, g, e, ie, o, uo, i, u, a (15) ažgir'do (A); praskáldai (S); išsigun'do, addu'os, l'izdu's, abdė'rən'ėts, aždau'stės, u'gdo, bėdo's (A); biednas, lòdnas, juodañp (S); pėrskrydo (G), grúdu (S); tadu. (A)	d	r, l, (l'), n, (n'), (m'), d, v, b, b', g, (g'), e, o, uo, i, u, a (18) drabezà (S); pò'dlas (A); mandliùs, lòdnas, susiedniui, pàdmeta (S); addu'os, padvaž'a'vo (A); àdbrauko, adbėgo, Udgdinonysi (S); padgí'rdė (A); dėvarg'aj; gaspado'rus, du'ošu, gaspadūn'á.p, tadu. (A); dabár

Таблица 23 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
<p>г, л', н', (b—b'), ж, з', (g—g'), е, ie, о, uo, i, u, a (14)</p> <p>girdėjau (S); gul'dėsi, uń'd'eni, abdėi're (A); aždekc (S); prazdėdžinėio, u'gdė (A); suvėde (G); sustrėdė, parodyk, vuodegà, dzidėtė (S); insikliudiau (G), pàdema (S)</p>	d'	<p>(l'), (n'), (m'), (b'), е, а (6)</p> <p>ridlių, susiedniū, pàdmeta, adbėgo (S); prad'ėio, d'ašim'ts (A)</p>
<p>п, о, i, а (4)</p> <p>pancuōkas, bahōctva, maskic-kañ, acākė (S)</p>	c	<p>п, т, к, о, uo, i, u, а (8)</p> <p>mōcnas; bahōctva, gàrdickų (S); čarn'icos; pancuōkas (S); cybul'á, cúkras; acākė (S)</p>
<p>ž, о (2)</p> <p>ižžovina (S); žodzo (G)</p>	з	<p>а, о (2)</p> <p>dzà, ižžovina (S)</p>
<p>г, л, н, м, с, s, p, k, e, ie, о, uo, i, u, а (15)</p> <p>nuišo, liėkarstos, uñsukė, sėdėdams, pács (S), assakin'ėjã (A); apskabino, plūksnas, nesuvėst, ciesá, momōs, nast-ruosù, trỹs, jús, pāsakoj (S)</p>	s	<p>г, л, н, м, т, s, p, v, k, o, uo, i, u, а (14)</p> <p>prisrińko, preslòvija, nesno-rės, smušká, stãlo (S); assa-kin'ėjã (A); raspusni (S); svó-tas; maskoliūs, sodi, krosuo-ja (S); dzivijosy (G); sūnūs, sãko (S)</p>
<p>г, g, e, ie, o, i, u, а (8)</p> <p>bařzdos (S); agzám'inas; nėz-gados (A); angliėzų, marōzas (S); lĩzdų (G), su muzýkom; razumni (S)</p>	z	<p>г, л, н, d, b, v, g, o, i, u, а (11)</p> <p>razrėšė (A); kãzlų, praznōčijo, bařzdos, razbaidzỹs, riėzvas, zgodnaĩ (S); zo'soukas (A); su muzýkom; razumni, zãras (S)</p>
<p>г, м, т, s, š, ie, o, uo, i, u, а (11)</p> <p>dýrpcie, juńp, padpúotė, vuodegosp, ušpúotė (S); dzieviėp (G); namóp, kruđpu, manlp, kùpčius, kàp (S)</p>	p	<p>г, л, (l'), н, (n'), (j), т, s, (v'), š, ě, (c'), k, o, uo, i, u, а (18)</p> <p>prō, plūksnas, plýšo, sapna-vaũ, sapniũ, pjáunam, kaptō-nu, apskabino, àpvertė, lop-šiu, kupčeĩ, dýrpcie, apklója, lopōm, puodėly (S), py'lũ (A), kuńpu, pasãkė (S)</p>

Таблица 23 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
<p>г, (m'), (t—t'), š, s', e, ie, o, uo, i, u, а (12)</p> <p>dýrpcie, kumpi, atpildzinėsim (S); àšpina (G); daspėdžinėja, sùkepė (S); l'iep'ále, lóp'ic'; pàkuopė (S); l'ip'in'e; actùpis (G); papilnia (S)</p>	p'	<p>(l'), (n'), (j), (s'), (v'), (c'), e, ie, i, u, а (11)</p> <p>plýšo, sapniũ, pjáunam, apsi-sėkc, àpvertė, dýrpcie (S); sukepė (G); piė, piłnyt (S); úp'u, p'ácus</p>
<p>г, л, л', d, z, b, ž, e, ie, o, uo, i, u, а (14)</p> <p>džirbasi (G); kałba (S); bul'bá, àtbrauko, razbaidzỹs, ab-braũkj, ižbálcina, serebru (S); bóba (G), búobom (S); kiba, zabavliocis (G); rubáškoj</p>	b	<p>г, л, (l'), (n'), (d'), b, (b'), ž, o, uo, u, а (12)</p> <p>abrũču, blusà (G); bliáuna, rabnỹčos (S); abdėi'rėn'ėtė (A); abraukj, a(p)bėgit, apžãnysiu (S); bóba (G); búobom (S), bùvo, baznỹča (G)</p>
<p>г, л', d, z', e, ie, o, uo, i, u, а (11)</p> <p>tarbėly, kałbi (G); adbėgo, stotũsbi (S); lob'ál'is; duōbj, gėrybių (S); nubyrėj, apska-bino (S)</p>	b'	<p>(l'), (n'), d', (b'), e, ie, i, u, а (9)</p> <p>bliáuna, rabnỹčos (S); abdėi-rėn'ėtė (A); a(p)bėgit; bėdà, biednōp, bitė (G); gėrybių (S); lob'ál'is</p>
<p>г, л, т, d, s, z, š, ž, k, e, ie, o, uo, i, u, а (16)</p> <p>karváite, gálvų, tvárti, dva-ran, svōtu, išvarinėja, riėz-vas, žvākės, kvarà, tėvũli, diėvas, stōvai, gyvas, bùvo, kavólkų (S)</p>	v	<p>о, uo, u, а (4)</p> <p>bùvo, vuodegà, savùs, važuo-ja (S)</p>
<p>г, л', (t), (d), (p—p'), š, s', ž, c', z', (k—k'), (g—g'), e, ie, o, uo, i, u, а (19)</p> <p>(be)kiřvio (S); ka'l'vu (A); àtvežė, dvejus, àpvertė (S); švintà (G); sveikà, ažvečia, cviėtas, dzvýlika, kvietkũ, ižgvėro (S); c'ev'ál'is; diėve, stoveliūs (S); pragivã'no (A); suvėde, tavi (S)</p>	v'	<p>e, ie, o, i, u, а (6)</p> <p>suvėdė, víenu, (be)kiřvio, visái (S); ka'l'v'u, pragivã'-no (A)</p>

Таблица 23 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
r, p, š, k, e, ie, o, uo, i, u, a (11) viršūs, lopšiū (S); iššoko (A); pavaiškšoj (S); su.rəšē (A); jješkoc, košāty, gruošeī, išāj, bāciūska, aš (S)	š	l, l', n, n', m, m', t, t', p, p', v', š, č, c', k, k', e, ie, o, i, u, a (22) išlyndaū, išliēčija (G); strošna., strošniēi (A); išmokē, s(i)ekšmių (S); ištaisinējo (G); paukštēs, ušpuolē (A); ašpina, švintā (G), iššoko (A); pavaiškšoj (G), rēštšini (A); jješkoc, kiškis, šeīma, šienāuce, šonas (G), šymtų (S); šuvā, pašais (G)
r, l', (n—n'), (m—m'), (p—p'), s', (k—k'), e, ie, o, uo, i, u, a (14) numirsiū (S); padvilsī (G); pasodzīnsim, iṃsiu, apsisēkc (S); išširəŋ'ko (A); šōksim, suvēsiu, ciesiōnin (S); stošis (A); važūsosim, ugdýsiu, susiedūs, juokiasi (S)	s'	l', n', m', t', p', v', c', k', e, ie, o, i, u, a (14) sliēpas, sniegaūs, giesmių (S); m'as't'al'is; daspēdzinēja; sviēdē, vēseloscios, maskickan, kasē, susiedūs, apsiōfc, sirātos, ateisiū, klāusia (S)
r, b, ž, g, e, ie, o, uo, i, u, a (11) diržaīs, apžānysiu (G); išžlyvti (S); degžāle (G); černoknēžnikump, liežūvio (S); mōža, ūožuolų, izgaīšj (G); gegužētų (S); neažāj (G)	ž	l, l', n, n', m, m', d, d', ž, b, v, v', ž, ž, g, g', e, ie, o, uo, i, u, a (23) ažlaidziau (G); ažl'ijo; ažnorėj, možnēt, žmuōj, ažmiēkc (G); aždoūžē, aždekc, izdzovīna, izbālcina, žvākēs (S); neužvysių (G); išžlyvti (S); nepamirždžinēj, izgaīšj, neišgirsiū, žednaṃp (G); žiēmų (S); rasižójj, uóžuolų, nežēmo, žužaitēs, žāmēn (G)

Таблица 23 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
e, u, a (3) pērezimkas (S); kužñoj, vāži (A)	z'	n', m', d', b', ž', g', i (7) baznyča (G), žmā'ieī, prazdēdzin'ejō (A); žbitkavōtis (S); nenuždzi'vijo (A); pazgyrē, mūzikai (S)
r, n, p, š, k, ie, o, i, u, a (10) serčikų, prikležčija, kapčeī, suvaiškšiotai (S); pal'ēktšēnos (A); nesiliēčijo, bōčei, rabnyčos, bučiūot, pāmačies (S)	č	k, e, ie, o, uo, i, u, a (8) bāčkų, popečēs, pāmačies, pēčio, bučiūot, prikležčija, višteliāčius, mėluyčia (S)
r, l', n', (m—m'), (p—p'), š, s', (k—k'), e, ie, o, uo, i, u, a (15) ārc, bālcince, izduņcija, dzvīdešimc, dýrpicie, nepamiršc, rāsci, apsisēkc, akēcias, kvieciūs, bociōs, važuoc, mokýci, trupuciūka, trācias (S)	c'	v', k, ie, o, i, u, a (7) cviētas (S); bōtškoftšinu (A); ciesa, bociōs, mokýci, bāciūska, trācias (S)
l', ž (2) valdžója (S); aždžirbo (G)	ž	o, i, u, a (4) džovīna, nepamirždžinēj (G); džūsta, džiauksmų (S)
r, l', n', z', (g—g'), e, o, i, u, a (10) gyrdzysiu (S); vāl'ž'ikai; prəqutarəndžin'ētši, nenuždzi'vijo (A); aškingdinēja, sēdziu (G); rōdzijo (S); žyž'ūnai; pabūdzin', padžirba (G)	ž'	v', e, ie, o, i, u, a (7) dzvī (G); n'az'el'on, dziēvas (G); pavādziom (S); dzirbasi, mėdzių, ažlaidziau (G)

Таблица 23 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, n, t, c, s, p, š, c', e, ie, o, uo, i, u, a (16) pirktái, vilkas, runkàs, àtkasè, gárdickų, dàskasè, apklója, jieško (S); bótškoft's'inu (A); bernėkai (G); niėko, vailokùs, svietúck, dzvýlika, dūkas, sáko (S)	k	r, l, n, t, s, v, š, č, o, uo, i, u, a (13) prikráuna, kláusia (S); jáknos; pirktái, plūksnas, kvàrà, paukštėty (S); pal'ėktšė-ńos (A); sáko, pàkuopė (S); akýš, kuř, kap (S)
r, l', (n—n'), t, š, e, o, uo, i, u, a (11) pirkiõn, siłkės (S); piųki. (A); susietkėtės, kiškis, rėkė, šóki (S); iuo'káši (A); raikia, anūkės, pasākė (S)	k'	(l'), (m'), (v'), (s'), (c'), e, ie, o, i, u, a (11) árklj, akmenáiti, kvietkù, liksi, naktis, pasākė, kiėni, piřkion, kišeniùs, piřkių, reikia (S)
r, l, n, d, z, ž, e, ie, o, uo, i, u, a (13) mergà, válgai, lúngu, Udgdinonysi, zgãdoj, užgųscio, adbėgo, sniegaũs, žmogùs (S); uogáite (G), acigułs, krūgù, raguņp (S)	g	r, l, n, d, z, ž, o, uo, u, a (10) grùvo (S); āglų; u.gdo (A); bōgnon, mergznà, degžšle (G); gořcių, aguonà, raguņp, gálvų (S)
r, l', (n—n'), (b—b'), ž, i, u, a (8) kuřgi (G); suvãlgė, angliėzų (S); tēpgi (G); ižgėrė (S); lýgiai (G); nu'gi (A); ragėji (S)	g'	(l'), (n'), (d'), (v'), (ž'), e, ie, i, a (9) angliėzų (S); ùgnes (G), u.gdė (A); ižgvėro, aškingdzinėja, gėriau, giėma, gýrdzyt, daugiaũ (S)
o, u, a (3) bohóta, plūhùs (S); cařónas	γ	e, o, uo, i, u (5) γėik; bohóta (S); pluřuos'a, γyl'a; plūhùs (S)

Таблица 23 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, l', n, n', m, m', j, t', d', p', b', v', š, s', ž, k', g', γ, u (20) rėnk (G), buřklėja, kalėdos (S); kornėtas; nėrà, mētrų, rietimėliùs (S); jėlav'iča, pàmetė, nedėlion, sūkepė, bėdà, nesuvėst (G); šėtojos (S); sėdz, neažejai (G); isikėle, ragėji (S); γėik; nu'ėmė (A)	e	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', s, z, b, v, v', š, s', ž, z', c', ž', k, k', g, g', i (28) nėrà, isikėte, rietimėliùs (S); rėnk (G); mēnėlis (S); ėma (G); žmonėmi, buřktėja, šėtojos (S); kornėtas; kalėdos (S); suvėdiau, suvėstà, Jėzusų, serebrų (G); tėvùli (S); c'ev'al'is, suvėsiu (G); černoknėžnikump (S); rėz'g'inos; padėc, sėdziu, bernėkas (G); rė'kė (A); adbėgo (S); vos'eg'iry, mėik'al'is
r, l', n', m', j, p', b', v', š, s', č, c', ž', k', g' (15) sustrėdė (S); liėčyc, niėkas, namiš (G), jieškoc, piš (S); biėdnas, vienõn, šienáuce, sienų (G), pãmačies (S); pauciėni, dziėvas (G), kiėni, giėma (S)	ie	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', s, z, p, b, b', v, v', š, s', ž, č, c', k, g (26) pieriũko (S); mielóji, mielickój, vienõn (G), kvieciėnių (S); mùmiem (G); piemėnáičius, razumnėjei (S); lietutėlis (G); rietimėliùs (S); biėdnas (G); svėdė (S); ciesa (G); riėzvas (S); dzieviėp; dziėvas, dzieškà (G); riebus, ciesiõnin, liežùvio (S); liėčyc, niekõ, neažmiegotų (G)
r, l, l', n, n', m, j, t, d, c, ž, s, z, p, b, v, v', š, s', ž, č, c', ž, ž', k, k', g, γ (28) brólei, stálo, vesėlion, burnosù, vandenio, namõ, varinėjos, stojš, rãdo (S); čarn'ícos; ižgovina, kloũso (S); marozo; põ, bociõs, galvõn, kiřvio, šokt, ciesiõnin, žolių, pėčio, bociõs, valdžója, pa-	o	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ž, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ž', k, k', g, γ, i, u (34) orė, kavólų, bróliam, Jujõn, žmonių, momà (S); brom'ála; kóju, motũty, moterų, põdlas (S); sod'ály; mõcnai (G); žõdzo, momõs, marõzas, namóp, popečės, bóba, lobėlis, stávai,

Таблица 23 (продолжение)

α-поле	Фо- нема	β-поле
vādziom, sāko, piŕkioj, ažmīgo, bohóta (S)	o	lovių, kermošei, pauliavósiu, nemóžna, bōčiump, bōciarp, rōdzijo, vailokùs, tokių, zmo-gùs, bohóta (S); undóji; loũko (S)
r, l, l', n, m, j, t, d, s, p, b, v, ž, č, k, g, γ (17) nastruosù, kluonėliuos, nuōg, namuō (S); juodasai (G); vařtuosui, duōbj, pancuōkas, krosúoja, puodėly, búobom, vuodegà, važúosim, bučiúot, pàkuopė (S); aguōnos (G); caγuó-nas	uo	r, l, n, n', m, m', j, t, t', d, d', s, p, p', b, b', š, s', ž, c', ž, k, k', g, i (25) nuorágas, ušpúotė, duonu, kluonėliuos, dúoma, visuomet, važúoja, dúot, dúotie, teduoda, vuodegà, vařtuosui, pàkuopta, pàkuopė, duōbj, búobom, gruošėi, važúosim (S); úožuolų (G); ižduoci (S); padvažuōdzinejo (A); nedúok, asijuoke (S); uogáitė (G); ruduōj (S)
r, l, l', n, n', m, m', j, t, z, c, p, p', b', v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', g', γ, e, o, uo, i, u, a (33) trys (S); išlysc (G); árklj (S); nýrkos, an'is; ažmy'sl'ijo (A); ažmigo, jisaĩ (S); mətyl'ka (A); su muzýkom, cybul'á; kapytump, piłnyt, duōbj, visà, šymtu, šóksim, vežimų, pėrezimkas (S); neličcij (G); nakcis (S); aždžirbo (G); akýš; kitų, gyvà (S); γýl'a, γéik, undóji; unduōj (S); neličcij (G); vařtuosui, buvaĩ (S)	i	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ž', k, k', g, g', i, u (33) iř, nuĩlso (S); g'il'ús; pasodžino, lāšinius, vežyman (S); šun'fm'i, žyviya, itas, avytių, žydas (S); dzi.d'slė (A); gražickà, trys, liždu (S); manip, l'ip'in'e; kiba (G); gėrybiu, gyvà, žyviya, liš, ugdýsiu, iž, melnyčia (S); mokýci (G); žyž'únai; prikráuna, neusikėls, ažmigo (S); lýgiai, neličcij (G); c'iúnas

Таблица 23 (окончание)

α-поле	Фо- нема	β-поле
r, l, l', n, n', m, j, t, t', d, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž', k, k', g, γ, e, o, i, u, a (35) rukavėtis, plūhùs, žolių, tui-nù, lašinių, mūs, juņp, tù, avytių (S); dunguņ (G); sùnùs, razumni (S); pún'c'is, úp'u; búvo, gėrybių, savùs (S); ka'l'v'u (A); grašų, suvėsiu, diržù (S); kaz'ukas; bāciuska, džústa, mēdzių, kùpėius, piřkių, ragų, plūhùs (S); pėunas (A); kloũso (S); c'iúnas, núų; jaũ (S)	u	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', s, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž', k, k', g, g', γ, e, i, u (34) duřnius, nuláido, dūliàs, un (S); su šun'ím'i; juņp (S); kum'ále; Jujōn, ūtarija, dzie-dzienūtės, abūdu, jús, trupuciùka (S); úp'a; rubáškoj; nub'ėgo (A); búvo, krūvelàs (G); bāciuska, kláusia, gegužėly (S); ĩsnuždzi'vijo (A); bučiúot, trupuciùka (S); bu-ž'ino; úkoja, anũkės, sugàvo (S); nu.gi (A); plūγùs (S); nu'ėmė (A); tuinù (S); núų
r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ž, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ž, ž', k, k', g, g', γ, (a) (35) trācias, lašinių, bróliam, namuō (S); šul'n'al'is; māciuska (S); žám'a, jaũ; tadù (S); mėit'al'is, daiktĩ (S); ž'id'al'is; cātu, dzà, sāko, zāras, pāřsas (S); p'áčus; bāciuska (S); b'ār-nas; vařtuosiu (S); pragivāno (A); šárka; sia'lōu (A); žám'a, čařtas (G); c'á; džiauk-smų (S); ažláidziau (G); kár-v'a; raikia (S); g'agužėly; daugiaũ (S); plūγas, paārc (G)	a	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž', k, k', g, g', γ, i, u, (a) (36) árklj, gálvų, nėgaliu, ānas, āny, pāmačies, žāmi, atājo, siratėla, àdavė, pādema, acākė, pasākė, razumni, kàp, papilnia, dabar, apskabino, savùs, tavì, aš, juokiasi, ažmigo, pazgýrė, pāmačies, māciuska, padžirba, sāko, pasākė, ragų, ragėji (S); caγónas, atāj (S); aũgs, paarc (G)

išsirėņ'ko, ašsi.lėņkė и т. п., где на границе морфем встречаются компактные š и s', различающиеся лишь палатальностью.

(3) $\neg ((Cs^+, S^-) \vee (Cs^-, S^-)) \& ((Cs^+, S^+) \vee (Cs^-, S^+))$

(читается: запрещено следование палатального шумного или сонанта за непалатальным шумным или сонантом). Исключением

Коэффициенты α - и β -полноты литовских фонем, вычисленные по формуле Ф. Херари и Г. Пейпера

	r	l	l'	n	n'	m	m'	j	t	t'	d
K_{α}	0,40	0,38	0,33	0,50	0,52	0,36	0,36	0,17	0,43	0,26	0,36
K_{β}	0,81	0,38	0,59	0,36	0,33	0,40	0,21	0,17	0,36	0,17	0,43

Таблица 24 (продолжение)

	d'	c	z	s	z	p	p'	b	b'	v	v'
K_{α}	0,33	0,09	0,05	0,36	0,19	0,26	0,28	0,33	0,26	0,38	0,45
K_{β}	0,14	0,19	0,05	0,33	0,26	0,43	0,26	0,28	0,21	0,09	0,14

Таблица 24 (продолжение)

	š	s'	ž	z'	č	c'	ž	z'	k	k'
K_{α}	0,26	0,33	0,26	0,07	0,24	0,36	0,05	0,24	0,38	0,26
K_{β}	0,52	0,33	0,55	0,17	0,17	0,17	0,09	0,17	0,31	0,26

Таблица 24 (окончание)

	g	g'	γ	e	ie	o	uo	i	u	a
K_{α}	0,31	0,19	0,07	0,43	0,36	0,43	0,45	0,78	0,83	0,86
K_{β}	0,24	0,21	0,12	0,67	0,62	0,81	0,59	0,76	0,81	0,86

из правила могут быть лишь губные и заднеязычные (m, p, b, k, g), которые часто не ассимилируются по палатальности (ср.: pl'u'skaia, šekiu', d'ašim'ts (A)). Однако факультативно некоторое смягчение появляется иногда и в этом случае: ž'āšum'c', sar'n'ū, ūg'n'is и т. д. (в таблице упорядоченных пар сочетания губных и заднеязычных с палатальными отмечены знаком ±).

Характерно оформление консонантных групп, однородных по компактности, в частности:

(4) $\neg$ (Cs⁺, Cp⁺, G⁻, St⁻, Vc⁻, S⁻) & (Cs⁺, Cp⁻, G⁻, Ct⁺, Vc⁻)

(читается: запрещено сочетание šs⁴⁷). Ср.: assakin'ėià, a'ssukau, issodži'no (A).

(5) $\neg$ (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Ct⁺) & (Cs⁺ $\vee$ Cs⁻)

(читается: запрещено следование за согласными v, v' шумного или сонорного); zabavliócis (G), sovsim (S), по нашим наблюдениям, произносятся zabaql'óc'is (zabouólóc'is), sovs'fm.

(6) $\neg$ (Cs⁺, Cp⁻, G⁻, Ct⁻, St⁻, S⁺) & ((V⁺, D⁺, G⁻) $\vee$ (V⁺, D⁻, G⁻, T⁺))

(читается: запрещено следование гласных i, ie за согласными t' или d'). Это ограничение соответствует произносительной норме дзукского диалекта, каким является в контексте литовской диалектологии говор Лаздун (ср.: tru.putši, žo'dži, tšiesa., dzievas (A))⁴⁸. Следует заметить, что в лаздунском говоре существует манера произношения, более или менее факультативно исключаящая t', d' и в других позициях (Ю. Сенкус отмечает это явление как «гипернормализмы дзуканья»), ср.: svečiai, dzi-dzelio, sescervinas, dzėkui (S); un'z'an'al'is, gaiž'al'is, žuz'ūnai и т. п. В крайнем ее выражении эту тенденцию можно было бы представить как устранение t', d' из консонантного инвентаря и, следовательно, как сосуществование описанной выше 35-фонемной системы консонантизма с упрощенной 33-фонемной⁴⁹.

Если говорить далее о консонантном α -поле фонемы i, то следует обратить внимание на тот факт, что в лаздунском диалекте данная позиция различает парные по палатальности фонемы, причем различие осуществляется за счет диспалатализации l (išl'ys'c', up'aly), а также за счет заимствований лексики (ažm'ys'-l'ic', n'yrkos, kap'ytas).

⁴⁷ То же можно по аналогии ожидать и от сочетания žz, но в силу редкого использования z в известных нам текстах соответствующее соседство морфем просто не зарегистрировано. Транскрипцию išdzovina при dzovina (S), кажется, нужно проверить.

⁴⁸ Данное правило действует даже в том случае, если t, d и i, ie разделены промежуточным v' (что также соответствует норме дзуканья). Иначе говоря, можно сформулировать следующее ограничение: $\neg$ (Cs⁺, Cp⁻, G⁻, Ct⁻, St⁻) & (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Ct⁺, S⁺) & ((V⁺, Cp⁻, D⁻, G⁻, T⁺) $\vee$ (V⁺, Cp⁻, D⁺, G⁻)) (читается: запрещена последовательность, состоящая из t $\vee$ t' $\vee$ d $\vee$ d', согласного v' и гласных i $\vee$ ie). Примеры: dzvi, dzvylika, svinkt (S). Ср. правило (5) дистрибуции фонем белорусского диалекта, запрещающее группы tv', dv' во всех позициях.

⁴⁹ В диалекте наметен и иной путь исключения t', d' — неразличение (спорадическое) t', d' — k', g': tėvas — kévas, Gudėnioniai — Gugenioniai. Это явление Я. Отрембский («Gramatyka języka litewskiego», cz. 1. Warszawa, 1958, стр. 355, 357) связывает с ятвяжским субстратом, что, однако, подвергает сомнению Э. Зинквичус («Lietuvių dialektologija», стр. 140—141), очерчивая для неразличения t', d' — k', g' в отдельных лексемах довольно широкий ареал.

Из других правил, распространяющихся на сочетания CV, укажем:

(7) $\lceil (Cs^+, Cp^+, G^+, Ct^-, S^-) \& (V^+, Cp^-, D^-, G^-, T^-)$

(читается: запрещены последовательности ke и ge). Появление в данной позиции (перед e) непалатальных коррелятов других согласных засвидетельствовано в списке заимствований (métras, kornétas и т. п.) и в примерах диспалатализации (ledas, balàšè (S)).

Характеризуя сочетаемость гласных (пары типа VV), констатируем:

(8) $\exists ((V^+, T^-) \vee (V^+, T^0)) \& (V^+, D^+)$

(читается: допустимы сочетания всех гласных, исключая ie, uo⁵⁰ с диффузными i, u, занимающими β -положение). Сочетания эти тавтосиллабичны (при неслогообразующей роли i, u), в виде исключения отмечено с'iuinas. При встрече других гласных заметна тенденция к предотвращению зияния, выражающаяся, в частности, в появлении интервокальной гортанной смычки. Так, П. Арумаа регулярно записывает: né'atstojo, nu'émè, da'a'ajo, gašši'a'ugo (последний пример включает последовательность уже трех гласных⁵¹). В эллиптической речи зияние иногда устраняется, по нашим наблюдениям, с помощью γ : pa'arcs', pa'arugo.

Переходя к трехфонемным сочетаниям согласных, приведем список встретившихся в рассматриваемых транскрипциях групп CCC, различая при этом следующие возможные позиции относительно гласных: антевокальную (перед первой гласной слова, считая от данного сочетания), интервокальную (середина слова), поствокальную (после последней гласной слова).

1) CCC в начале слова (и в интервокальной позиции):

str — strágžd'e; na- spr — spragelùs (S);
struosà (S); zbr — zbrìdijos (S).
skr — skry'do, aps-
krist (S);
smr — smra'das (A);

2) CCC в интервокальной позиции:

rbl' — žvirbl'is; rgr — pargrùvo (S);
rkl — g'arklé; rfc — čerfcuij;
rkl' — arkl'is; ršn' — s'v'iršn'á;
rpr — pérprause (G); ndr — vundravót (S);

⁵⁰ uo на конце слова, кажется, всегда монофтонгизируется: undóš, rudóš, sasóš.

⁵¹ Подобные скопления гласных довольно редки и обычно, как в этом случае, образуют двусложную последовательность с гортанной смычкой (или γ) на границе слогов.

ndl' — mandliuos (S); ckr — atskræ.dè (A);
ngl' — angliëzu (S); štr — aštrús;
mpr — nëimpràšè (S); zgl — suzglàšijo (G);
rzd — barzdòs (S); pkl — apklója (S);
ršč — pamiršè (G); ksm — žu'ksmu (A);
ršk' — márškinius (S); psm' — župsmèli (S);
rz'z' — atkirždzin'ëtš (A); kšm' — s(i)ekšmių (S);
rpt — aždirptai (S); tpj — atpjaudzinëjo (S);
rpc' — dýrpcie (S); špj — išpjauna (S);
rps' — veřpsim (S); stv — bōštvos (S);
rkt — pirktaí (S); skv — maskvōn (G);
rkc' — v'érkc'a; ctv — bahoctva (S);
rks' — pirksiu (A); štv' — ašt'aré';
rgz' — piřkdzina (G); žgv' — išgvëro (S);
ngz' — suširëngdzi- kst — tūkstantis (S);
n'ëtš (A); kšt — lakštaí (G);
ngv' — længvã'snio (A); gžd' — strágžd'e;
dbr — àtbrauko (S); s's'p' — ažspýrè (S);
bbr — abbraukì (S);

3) CCC на конце слова:

rks — var'ks (A); nkc' — gyñke (G);
rkt — veřkt (S); rs'c' — pam'irs'c'.

Приведенный список, полный лишь относительно данного объема текста, позволяет вывести некоторые заключения о структуре трехфонемных сочетаний в литовском диалекте. Так, очевидно, что трехэлементные консонантные сочетания малохарактерны для начальной и конечной позиций, тогда как в интервокальной позиции они довольно многочисленны.

Начальные последовательности CCC строятся по схеме STR, где S — представитель класса длительных периферийных некомпактных, T — прерывный или непрерывный периферийный шумный, R — сонант (отмечено лишь r).

Конечные сочетания CCC на первом месте, контактирующем с гласным, располагают обычно сонант, далее следует прерывный периферийный компактный (встретилось также в виде исключения s') и на конце s'vt'vc'.

Примерно 1/4 от общего числа интервокальных трехэлементных сочетаний составляют группы, построенные по схеме RTR, где R — сонант, а T — представитель класса прерывных шумных (t'vp'vk'vg) или š (в ršn'). Наиболее же характерны для интервокальной позиции (больше половины возможных сочетаний) последовательности, состоящие из сонанта, занимающего первое или последнее место в группе, и пары шумных, способной самостоятельно употребляться в той же позиции. Кроме этого, употре-

бительны сочетания, располагающие на последнем месте v или v' , а также сочетания, содержащие свистящий или шипящий элемент в окружении смычных или длительного и смычного (как в $s's'p'$).

Встретившиеся четырехфонемные сочетания согласных (в интервокальной позиции) сводятся к двум типам:

1) комбинация длительного и смычного в окружении сонантов:

rskr — perskrydo (G); l'ks'n' — al'ks'n'ís;
rksn — vařksnos (S); nksn — jįkxnós;
rgzn — mergznà (G);

2) последовательность «сонант—смычный—длительный—смычный (или аффриката)» или «смычный—длительный—смычный—сонант»:

rkšč — v'irkščos; nkšč — slĩnkščio (S);
rkšt' — švyrkštelc(S); pskr — apskrist (S).
nks'c' — ankscì (G);

Больших, нежели четырехфонемные, скопления согласных в известных нам текстах, кажется, нет.

Подсистемы начальных и конечных фонем

В позиции абсолютного начала слова лаздунский диалект различает 40 фонем: $r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ʒ, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ʃ, ʒ', k, k', g, g', (\gamma), (e), (o), (uo), (i), (u), a$ (rabnyčios, laškà, liš, namò, nenàto, māsckickas, mergēla, jaũ, tadù (S), t'al'ičaĩt'e; duonų, degù, cāta, dzà, sáu, zāras, pācia (S), p'ačus; baznyčia (G), b'arnas; vāsara, vēlias (S); šáukštas; sialà, žáisti (S); čarn'icos; ciociula, džovina (S); dziũm (G); kàp, kelináites, gātava, gėrc (S); éik (rėik), oré (voré); úožuolo (vúožuolu) (G); iųjon (jiųjón), úp'a (vúp'a, rúp'a); ānas (G)).

На конце слова выступает вдвое меньшее число фонем — 19: $r, l, l', n, n', m, t, c, s, p, š, c', k, e, ie, o, i, u, a$ (kuř, vėl (S); kōl', mán, nebùdzin' (G); tekalbėjom, nematýt, bahoc, ānas, žmogop, àtneš (S); važúoc', svietúok, aždoũžė, ciē, namò, sarcynì, vidù, mergà (S)).

Таким образом, в начале слова встречаются почти все согласные (не засвидетельствовано лишь z') и гласные (исключая $æ$). Вокалическое начало слова обнаруживает иногда склонность к протезе, причем в роли протетических согласных могут выступать j (обычно перед e, i, ie), v (перед o, uo, u), γ (перед e, u): jeráic'is (eráic'is), jiųjá, jieškóc', vúp'a (úp'a, rúp'a), vútaryc', (rútaryc', útaryc'), vúožuolas (úožuolas), vúogoc, rėik. Факультативность протетических j, v, γ перенимают, очевидно, и случаи: undòj ('vandù'), rabnyčios (S) ('grabnyčia')⁵².

⁵² Ср. также взаимозаменяемость $v — \gamma$ в интервокальном положении в заимствованиях: b'ėraças — b'ėravas, b'ėraváĩ; bařotas — bavotas.

Абсолютный конец слова — позиция существенных ограничений, которые относятся к целым классам согласных:

(1) $\neg(Cs^+, Vc^+) \& \neq$

(читается: запрещено появление звонких шумных на конце слова). Этот запрет распространяется и на v (характеризующееся нефонологической звонкостью).

(2) $\neg((Cs^+, G^+, S^+) \vee (Cs^-, G^+, S^+)) \& \neq$

(читается: запрещено появление на конце слова палатальных периферийных).

Кроме этого на конце слова не встретились t' (в инфинитивах обычно c'), s' , $č$, uo ⁵³.

В плане дистрибутивных возможностей позиции начала и конца слова различаются, если иметь в виду парные консонантные сочетания, количеством засвидетельствованных сочетаний: в начале слова — 35, на конце — 21. По своей структуре начальные и конечные консонантные пары в значительной степени зеркальны друг другу: для начальной позиции характерны сочетания CR, где C — смычный или фрикативный шумный, а R — сонант (19 из 35 пар: $tr, dr, pr, br, kr, gr, sl, pl, bl, s'l', kl, kl', zn, kn', sm, žm, km, s'm', pj$), тогда как для конечной позиции характерна комбинация шумного и сонанта в последовательности RC ($rs, rt, rc', ls, l'c', ns, nk, n'c', mt, ms, mp, mc'$); в начальных парах фрикативный элемент предшествует смычному ($st, sp, sk, šk, šč$), в конечных же (исключая sr , а также $šc', s'c'$) — наоборот (ks, kc', ps, pc'). Своеобразие начальной позиции составляют сочетания с v, v' ($tv, dv, dv', c'v', ʒ'v', zv, šv', žv, žv', kv, kv'$).

Трехфонемные последовательности согласных, известные в начальной и конечной позиции, рассмотрены в предыдущем разделе, касающемся структуры упорядоченных сочетаний.

Больших, нежели трехфонемные, скопления согласных в данных позициях в известных нам текстах, кажется, нет.

ПОЛЬСКИЙ ДИАЛЕКТ

В настоящее время в Лаздунах польский диалект, подобно литовскому, не используется в повседневном общении. Польская речь звучит лишь из уст старшего поколения и при этом в ситуациях достаточно редких: по-польски поддерживается разговор с исконным поляком, во время торжеств исполняются польские

⁵³ по, впрочем, может появиться иногда в результате дифтонгизации o , ср.: pamùb (S). Что касается номинативной и вокативной формы ед. числа существительных с согласными основами, то они обычно произносятся: undòj, sasòj, m'ėnoj.

песни и различные обрядовые тексты, в реминисценциях прошлого обычно цитируется польская прямая речь. Кроме того, польский остается для людей преклонного возраста языком молитв и грамоты, в какой-то степени усвоенной несколько десятилетий назад.

С уходом старшего поколения польский язык в этих местах, видимо, подлежит забвению. Поэтому представляется чрезвычайно полезным обратиться, пусть только сейчас⁵⁴, к описанию этого почти уже бездействующего диалекта, составляющего наряду с другими диалектами «polszczyzny kresowej» эпизод истории польского языка и играющего свою роль в судьбе интересующего нас многоязычного района.

Предлагаемое описание фонологии лаздунского польского диалекта основывается на материалах, собранных автором данной работы во время двух экспедиций в Лаздуны — в 1964 и 1968 гг.

Предваряя описание фонологической системы, отметим, что фонетические нормы польской речи лаздунцев крайне неустойчивы, они зависят от стиля речи (в большей или меньшей степени консервативного), от индивидуальной манеры произношения, и, более того, они бывают непостоянны в рамках одного стиля и даже одного диалекта. В этом плане чрезвычайно интересно хоровое пение — ситуация, в которой пестрота произносительных норм выступает с особенной очевидностью⁵⁵.

Дополнительное осложнение в фонетику польского диалекта вносит то обстоятельство, что нередко роль образца в произношении начинают играть некогда приобретенные (а ныне полузабытые и также крайне индивидуальные) орфографические навыки говорящих, в результате чего может встретиться, например,

⁵⁴ Польский диалект Лаздун, как и другие польские диалекты на территории Белоруссии, исследован не был. Вообще, если говорить об обширном пространстве «polszczyzny kresowej», то ее библиография исчерпывается лишь тремя чрезвычайно интересными работами Г. Турской, посвященными «polszczyźnie litewskiej» (Н. Tur s k a. *Język polski na Wileńszczyźnie*. — «Wilno i Ziemia Wileńska». Wilno, 1930; Она же. *Język Jana Chodźki*. Wilno, 1930; Она же. *O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie*. Wilno, 1939); последняя работа сохранилась лишь частично: с 1 по 144 стр.) и статьей К. Нича «*Język polski na Wileńszczyźnie*» («*Przegląd Współczesny*», 1925, № 33, стр. 25—32). К этой же теме примыкают статьи З. Штибера, посвященные переходным польско-белорусским говорам (*Sposoby powstawania słowiańskich gwar przejściowych*. «*Prace Komisji Językowej*», № 27, Kraków, 1927; *Z pogranicza językowego polsko-białoruskiego*. «*Sprawozdania towarzystwa naukowego we Lwowie*», XVIII, z. 1, Lwów, 1938), а также в последнее время работы Т. Зданевича о говорах северо-восточной окраины польской этнической территории (итоговая монография «*Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnam*». Poznań, 1966). Польскими говорами на территории СССР (в частности, говорами мазурских деревень в Полесье) в последние годы занимается В. Л. Веренич (см. его статью «Польские говоры на территории СССР» в сб. «*Питанні мовазнаўства і методыкі выкладання моў*». Мінск, 1965).

⁵⁵ См. Тексты, где приводятся записанные нами фонетические варианты песни, исполнявшейся двумя голосами.

произношение типа *mul'arży* (r—ż), отсюда же и частые гипернормализмы (*bénden*, *zróm'b'on*, *mlúćşy* и т. п.).

1. **Вокализм.** Фоном для многочисленных звуковых вариаций в польском говоре остается пятифонемная вокалическая система

i u
e o
a

i — *jęc'*, *býc'*, *żyv'i*; o — *ókn*o, *otpočúnek*;
e — *exo*, *króve*, *narozén'e*; u — *úşy*, *kukúlka*.
a — *ál'e*, *pan'éńka*;

Данная система построена на трех противопоставлениях (табл. 25).

Таблица 25

	e	o	i	u	a
Компактность	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	+	+	0
Периферийность	—	+	—	+	0

Статистическая структура основных характеристик этих противопоставлений такова:

Таблица 26

	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,25
Диффузность	0,80	1
Периферийность	0,80	1

В систему не включены носовые гласные. Это обстоятельство заслуживает пояснения в связи с тем, что назальность гласных является существенным типологическим признаком, характеризующим польскую фонологию в различных пространственных и диахронических ее ипостасях. Исходя из того, что для различных модификаций польской назальности релевантны следующие признаки позиции: (1) конец — середина слова; (2) прерывность — непрерывность последующего согласного, — судьбу носовых в нашем диалекте можно представить в табл. 27.

Таблица 27

Позиция Носовой	Конец слова	Середина слова	
		(&) Ct ⁺	(&) Ct ⁻
*e	e√(e+n)	e+n e+n'	e+n e+n' e+m e+m'
*o	o+n	o+n o+n'	o+n o+n' o+m o+m'

Как показывает табл. 27, общепольские e, o во всех позициях устранены путем преобразования либо в «чистый» гласный (как в случае конечного e⁵⁶: bénde, rojáde, podlóge), либо в бифонемное сочетание «чистого» гласного с n, n' (перед согласными негубного образования: žénsy, vónsy, gé'n's', otročén'l'i, són's'at, p'énta, sónt, pá'm'en'c', bén'ž'eš, а также на конце слова: rób'on, rojádón, z_mátkon) либо, с, m, m' (перед губными согласными: zémby, zómp, golém'b'i, kóm'p'e_s'e).

2. Консонантизм. Система польского консонантизма включает 35 фонем: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ž, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', g, g', x.

r — rádos'c', vróna, kúfar;	p' — p'ásek, p'éc, s'p'éšyc';
l — ládny, mlódy, lép, múv'il;	b — bárzo, bél'ka, zbés'c'ic';
l' — l'átač', l'épšy, šl'úp;	b' — b'ály, b'él'ic', z'b'érac';
n — náksyš, nérvy, jádon;	f — fal'várah, fést, v'ánkuf;
n' — súkn'a, n'éma, kón';	f' — of'ára, f'iráňka;
m — mamún'a, métryka, l'ásem;	v — vápna, zdróve;
m' — m'ásto, m'és'onc;	v' — v'ánek, zdrón'v'e;
j — jaskúlka, rojádón;	š — šáfa, šél'ma, kšýš;
t — tátuš, tes'c'óva, ób'at;	s' — s'ano, s'éž'ec', són's'at;
d — dáx, déšč, móndry;	ž — žalóvac', žégnac', bóža;
c — cály, céгла, nóс;	z' — z'árno, z'el'óny, kóz'ol;
ž — sáža, narozén'e;	č — čekac', čárny, člóv'ek;
s — sám, sérek, v'ósna, l'ás;	ž — žéva, dróžžy;
z — začýnac', zémby, zlóta;	c' — c'álo, c'íxo, xóc';
p — pásak, pélny, slúp;	ž' — ž'ásny, ž'en'kújen;

⁵⁶ На конце слова возможно в качестве свободного варианта и e + n: rojádén, tráf'en, podlógen. Этот вариант преобладает в текстах более или менее консервативного характера (в частности, в песнях).

Таблица 28

b	+ + 0 0 +
p'	+ + 0 0 +
p	+ + 0 0
z	+ 0 + 0 + 0
s	+ 0 + 0 0
ž	+ 0 + + 0
c	+ 0 + 0
d	+ 0 + 0
t	+ 0 0
j	+ 0 0 0 0 0
m'	+ 0 0 0 0 +
m	+ 0 0 0 0
n'	+ 0 0 0 +
n	+ 0 0 0
l'	+ 0 0 +
l	+ 0 0
r	0 0 0

Согласность
Компактность
Периферийность
Насальность
Непрерывность
Яркость
Звонкость
Палатажность

Таблица 28 (окончание)

x	+++0+000
б'	+++0 0++
б	+++0 0+
к'	+++0 0 +
к	+++0 0
ž'	++ 00+++
ž	++ 00++
с'	++ 00+ +
с	++ 00+
z'	++ 00 ++
z	++ 00 +
s'	++ 00 +
š	++ 00
v'	+ +0+0++
v	+ +0+0+
f'	+ +0+0 +
f	+ +0+0
b'	+ +0 0++

Согласность
Компактность
Периферийность
Насальность
Непрерывность
Яркость
Звонкость
Палатажность

k — kám'en', báike (вин. п. г' — dróg'e, cag'élka, z'g'ínon'c';
ед. ч.), akýš; x — xáta, kóxac', c'ix'i, márx'éf,
k' — k'édy, k'íška, k'p'íny; s'm'éx.
g — gáneK, gén's', céglá;

Данная система основана на действии восьми различительных признаков:

Признак согласности противопоставляет класс сонорных (г, л, л', п, п', м, м', j) остальным согласным, образующим класс шумных.

Признак компактности различает согласные средне- и заднеязычного образования (j, š, s', ž, z', ě, c', ž, ž', k, k', g, g', x) и согласные, образованные в передней части рта (г, л, л', п, п', м, м', t, d, c, з, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v')⁵⁷.

Признак периферийности характеризуются губные и заднеязычные согласные (м, м', p, p', b, b', f, f', v, v', k, k', g, g', x), в отличие от передне- и среднеязычных (г, л, л', п, п', t, d, c, з, s, z, š, s', ž, z', ě, c', ž, ž').

Признак назальности релевантен для класса сонорных, в пределах которого он выделяет носовые п, п'.

Признак непрерывности противопоставляет фрикативные согласные (л, л', s, z, f, f', v, v', x) смычным (г, т, d, p, p', b, b', k, k', g, g') и аффрикатам c, ž.

Признак яркости существен для противопоставления аффрикат (c, ž, ě, c', ž, ž') соответствующим смычным (t, d) и фрикативным (š, s', ž, z').

По признаку звонкости различаются согласные, произносимые при участии голоса (d, ž, z, b, b', v, v', ž, z', ž, ž', g, g') и без участия голоса (t, c, s, p, p', f, f', š, s', ě, c', k, k'). Признак палатальности различает совпадающие по всем остальным признакам л — л', п — п', м — м', p — p', b — b', f — f', v — v', š — s', ž — z', ě — c', ž — ž', k — k', g — g'.

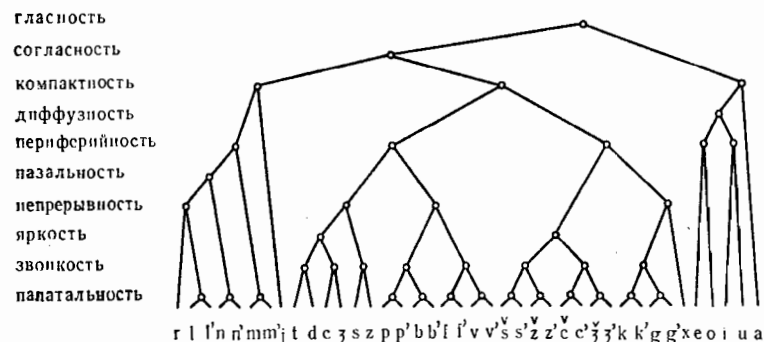
Статистическое выражение мощности и симметричности этих различительных признаков (исключая согласность, о которой будет сказано дальше) приведено в табл. 29.

С помощью признаков гласности и согласности описанные выше вокалическая и консонантная системы объединяются в общую модель фонологического пространства польского диалекта Лаздун (40 фонем). Эта модель приводится в виде фонологического дерева, адекватного матричному представлению.

⁵⁷ Как видно из матрицы, согласные s', z', c', ž' (среднеязычного, или, вернее, «краепалатального» образования) сопоставлены по признаку компактности с шипящими š, ž, ě, ž и противопоставлены по этому признаку свистящим s, z, c, ž (что совпадает со способом идентификации белорусских и литовских «краепалатальных»).

Таблица 29

	Мощность	Симметрич- ность
Компактность	1	0,67
Периферийность	0,97	0,78
Назальность	0,14	0,67
Непрерывность	0,63	0,69
Яркость	0,34	1
Звонкость	0,74	1
Палатальность	0,74	1

Статистические характеристики признаков гласности и согласности, идентифицирующих классы гласных, согласных и сонантов, таковы:

Таблица 30

	Мощность	Симметрич- ность
Гласность	1	0,14
Согласность	0,87	3,37

3. Дистрибуция фонем. Имея в виду тот достаточно аргументированный факт, что «polszczyzna kresowa», ответственностью которой является лаздунский говор, на протяжении своей истории постоянно соотносилась с общепольским культурным диалектом⁵⁸, мы вправе, по-видимому, сопоставить особенности нашего говора с нормами литературного польского языка. Говоря

⁵⁸ Начиная со времени первоначальной экспансии (см. указанные работы Г. Турской).

упрощенно, литературный язык можно интерпретировать как предыдущую стадию развития нашего говора. Такое представление тем более корректно, что оно реконструируется и из анализа самого говора: элементы литературной фонетики функционируют в речи лаздунцев как варианты, сохраняющие значение произносительной нормы (далеко не всегда, однако, соблюдаемой) ⁵⁹.

Заметим, что при подходе к дистрибуции соотношение с литературным языком обнаруживает интересующие нас особенности говора, свидетельствующие о типологическом выравнивании лаздунских фонологических систем.

Распределение гласных в слове

Гласные в слове распределяются независимо от суперсегментного уровня, это означает, что ударные и безударные слоги одинаково различают гласные верхнего, среднего и нижнего подъёмов

i u
e o
a

Примечательно, однако, частое в быстрой разговорной речи различие гласных среднего подъёма в безударной позиции и замеса их гласным нижнего подъёма. Вот некоторые примеры «аканья»: *žéva, zlóta, óka, jáika, járka, s'ána* (им. п. ед. ч.), *mpóga, týl'ka, rúz'na* (наречия), *zabáčyc', dagóz'ic' kanóp'e, k'arúnak, v'ečógam, bógam, l'ásam, kaválak, kúbak, ogúrak, fstája, dája, úm'am* и т. п.

Акающее произношение чрезвычайно характерно для говора, оно отражается и в письменной речи информантов, но остается все же факультативным (показательны в этом отношении фонетические варианты одной песни, см. Тексты).

Упорядоченные сочетания двух и более фонем

Общая картина дистрибутивных возможностей польских фонем дана в таблице упорядоченных пар, которая наглядно позволяет выделить класс гласных и сонантов (максимальная валентность единиц) и класс шумных согласных (существенно ограниченная сочетаемость единиц) (табл. 31, см. вкладку).

Более подробные сведения о дистрибутивных свойствах польской фонологической системы приводятся в таблице α - и β -полей фонем, составленной в соответствии с процедурой Ф. Херари и Г. Пейпера.

⁵⁹ Существенно, что эти элементы наиболее часты в песнях, различных обрядовых текстах, молитвах, т. е. в текстах более или менее канонического, консервативного характера.

α -поле	Фонема	β -поле
m, t, d, s, z, p, b, v, š, k, g, x, e, o, i, u, a (17) mrús, tráva, drúg'i, sróka, zrób'ic', upráv'ac, brát, vrúb'al', šráma, kréf, grác', xrypka, sérek, kóra, žv'ír, múr, kartóf'l'e	г	l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ž, s, p, p', b, b', v, v', f, f', š, ž, č, č', ž', k, k', g, g', x, e, o, i, u, a (34) umárla, umárl'i, čárny, márn'a, nórma, kárm'ic', várjat, n'évárto, gárdlo, sércá, báržo, l'ékárstvo, šárpac', šárp'e, tórba, tórb'e, torf, tórf'e, nérvy, rv'é, řóršy, ž'éržy, kurčénta, gárž'ic', pastérka, cúrk'i, targóvac' s'e, tárg'i, márx'ef, v'ečórem, zdróvy, rýba, rúža, rády
m, t, d, c, s, z, p, b, f, v, š, ž, č, k, g, x, e, o, i, u, a (24) mlódy, s'v'átlo, pavédruk, václaf, slóv'ik, zlóto, plákac', blyk'ítny, flóta, vlóčyc' s'e, pšýšla, žlúp, člón'ek, žékla, glós, xlópcy, cag'élka, góly, xoz'íla, jaskúlka, b'ály	л	n, n', t, c, p, p', b, s', ž, č', k, k', e, o, i, u, a (17) vélna, zupéln'a, žúlty, cag'élcy, nálpá, nálp'e, k'ilbáska, zaz'el'én'il s'e, malžénstvo, gválc'ic', jaskúlka, jaskúlk'i, zapom'n'álem, v'esólo, c'éply, slúxac', pásla
n', (m—m'), t, d, (p—p'), (b—b'), (f—f'), (v—v'), š, s', ž, z', č, (k—k'), (g—g'), x, e, o, i, u, a (21) otpočén'l'i, ml'éko (m'l'éko), tl'éc', dl'á, pl'écy (p'l'écy), bl'in (b'l'in), fl'ánsy (f'l'ánsy), vl'évo (v'l'évo), kásl'ac', mýs'l'ic', možl'ivos'c', z'l'é, žyčl'ívy, kléněyc' (k'l'éněyc'), gl'ína (g'l'ína), ruxl'ívy, v'élk'i, ból'ec', mýl'ic' s'e, matúl'a, mal'óvac'	л'	n, n', m, m', t, d, c, s, b, b', f, v, v', š, ž, č, ž', k, k', e, o, i, u, a (24) vól'ny, bol'n'íca, šél'ma, šél'm'e, dubal'tóvy, šýl'da, pál'cy, vál's, fal'bóna, al'b'ína, al'fóns, fol'várak, kál'v'in, bal'šév'ik, l'žéjšy, fél'čar, vol'ž'ík'i, týl'ko, v'élk'i, l'épšy, z'el'óny, l'íxo, l'úz'i, l'ás

Таблица 32 (продолжение)

α-поле	Фо- нема	β-поле
r, l, l', n, m, t, d, c, s, z, p, b, f, v, š, s', ž, z', č, k, g, x, e, o, i, u, a (27) čárny, vélna, vól'ny, suml'énny, mnógo, smútny, ládny, mócný, snúp, mužčýzna, vápna, potrebna, tráfný, krévný (kréuný), strášny, naučýs'ny, móžna, púz'no, zrenčny, ókno, guác', páxnon'c', žensy, vónsy, roz'ína, komúna, pán	п	n, t, d, c, ž, s, z, š, ž, (č), k, (k'), g, (g'), x, e, o, i, u, a (20) suml'énny, žónt, žm'índa, v'éncej, nénža, vónsy, v'énzý, jínsý, menžóuska, kl'énčyc' (kl'én'čyc'), pan'énka, pan'énk'i (pan'én'k'i), vangóry, vang'érka (van'g'érka), vónxác', nérvy, nóč, žvóny, núš, nártý
r, l, l', n', (m—m'), t, d, c, (p—p'), (b—b'), (f—f'), (v—v'), š, s', ž, z', č, (k—k'), (g—g'), x, e, o, i, u, a (25) čarn'ídlo, veln'ány, bol'n'íca, starán'n'a, mn'é (m'n'é), pót'n'ec', dn'í, mocn'ějšy, vápn'e (váp'n'e), potreb'n'i (potreb'n'i), tráfn'i (traf'n'i), krévn'i (krév'n'i, kréun'i), strašn'ějšy, s'n'íc', žn'ívo, púz'n'ej, póčn'e, mókn'e (mók'n'e), gn'ázdo (g'n'ázdo), sxn'é, ž'én', kón', s'ín'i, mamún'a, pán'i	п'	l', n', m', (c), b, s', z', (č), c', ž, k', g', e, o, i, u, a (17) otpočén'l'i, starán'n'e, kón'm'i, slon'ca (slónca), gán'ba, gén's', v'en'z'én'e, kl'én'čyc' (kl'énčyc'), z'én'c', bén'ž'e, m'il'én'k'i, van'g'érka, n'ěbo, pšyn'ósla, n'ígdy, g'én'us', dov'izén'a
r, l', d, s, z, b, š, č, ž', g, x, e, o, i, u, a (16) fórma, šél'ma, podmuróvac', smál'ic', zmróčny, obmácac', šmugl'óvac', čmýxac', v'ěž'ma, gmáx, xmára, zémby, zómp, očšymálem, šúm, sám	м	r, l, (l'), n, (n'), t, d, c, s, p, p', b, b', š, s', ž, k, (k'), g, e, o, i, u, a (24) mrúfka, mlýn, ml'éko (m'l'éko), rozúmny, mn'ěj (m'n'ěj), támten, zémdl'ec', n'émcy, zémsta, l'ámpa, l'amp'e (l'am'p'e), zémby, démb'e (dém'b'e), mšá, zéms'c'ic's'e, úmže, brámka, brámk'i (brám'k'i), mglá, ménka, móst, mýška, múxa, mátká

Таблица 32 (продолжение)

α-поле	Фо- нема	β-поле
r, l', n', d, (b—b'), s', ž, z', č, c', ž', (g—g'), x, e, o, i, u, a (18) kárm'ic', šél'm'é, kón'm'i, s'édm'u, obm'ěžyc' (ob'm'ěžyc'), s'm'éc'e, žm'índa, z'm'én'ac', jáčm'en', c'm'ány, v'ěz'm'e, gm'ína (g'm'ína), xm'él', n'ém'ac, kóm'in, vým'e, sum'énny, ram'óna	м'	(l'), (n'), (p'), (b'), (k'), e, o, i, u, a (10) m'l'éko (ml'éko), m'n'ěj (mn'ěj), kóm'p'ě_s'e (kómp'e_s'e), dém'b'e (dém'b'e), brám'k'i (brámk'i), m'ěx, ram'óna, m'il'én'k'i, s'édm'u, m'ála
r, d, z', e, o, i, u, a (8) várjat, odjádac', z'jádac', mdl'ěje, vojénny, p'íje, vysypújon, máje	ј	e, o, i, u, a (5) jés'en', jón, jis'c', júš, jápko
r, l, l', n, t, c, s, p, š, č, k, x, e, o, i, u, a (17) várto, žúltý, dubal'tóvy, s'v'ěnty, nátto, octúp'ic', stóji, ráptem, štáp, počta, xaráktar, doxtórka, kórnet, kót, sýty, obúty, látus'	т	r, l, l', n, n', t, p, p', v, k, k', x, e, o, i, u, a (17) trý, s'v'átlo, tl'éc', smútný, pót'n'ec', nátto, odpov'ěz'ec', otp'ísac', tvója, mátká, mátk'i, txúš, téras, tórf, s'v'ěnty, túpac', ták
r, n, m, d, z, b, v, ž, g, e, o, i, u, a (14) gárdlo, žm'índa, zémdl'ec', óddac', zdróv'e, obdárty, právda, každy, n'ígdy, tédy, mlódy, mýdlo, marúdný, jádon	д	r, l, l', n, n', m, m', j, d, v, g, e, o, i, u, a (16) drúg'i, dlúgo, dl'á, jédna, dn'í, podmuróvac', s'édm'u, zdjén'c'e, óddac', obýdva, podgárdl'e, démp, dóbry, dým, dúx, dáx
r, l, l', n, (n'), m, s, c, p, x, e, o, i, u, a (15) sérca, cag'ělcý, pál'cy, v'éncej, slón'ca (slónca), n'émcy, m'ějsca, suk'enécce, xlópcy, xcón, p'éc, noc, n'íc, žúcac', mácac'	с	l, n, n', t, s, c, k, e, o, i, u, a (12) václaf, mócný, mocn'ějšy, octúp'ic', ocsázac', suk'enécce, ž'ecko, céгла, có, n'émcy, cúrka, cály

Таблица 32 (продолжение)

α-поле	Фо- нема	β-поле
г, н, е, о, и, а (6) bárzo, nénza, v'éza, hozén'e, dov'izén'a, sáza	ž	h, v, e, o, i, u, a (7) žbánek, žvóny, hozén'e, bár- zo, nénzu, nénzu, nénza
г, л', н, м, с, р, к, е, о, и, у, а (13) l'ekárstvo, vál's, m'énsó, zém- sta, ocsázac', ssác', opstal'ó- vac', plákxa, fést, bósy, býst- ry, l'ústro, l'ás	s	r, l, n, m, t, c, s, p, v, k, x, e, o, i, u, a (16) sróka, slon'ína, snúp, smál'ic', stály, m'éjsca, ssác', spác', svúj, bóska, sxrón, sérek, sókul, synóva, súkn'a, sám
н, з, е, о, и, у, а (7) z'v'ónzac', zzá, žézac', póz- nac', výzvac', juzéfa, mázac'	z	r, l, n, m, d, z, b, v, g, e, o, и, у, а (14) zrób'ic', zlóty, póznac', zmró- čny, gn'ázdo, zzá, zbav'én'e, zvóz'ic', zgóž'ic'_s'e, zémsta, zobáčyc', zúx, zámknon'c', zýgnat
г, л, м, т, с, ш, е, о, и, у, а (11) šárpac', nálpá, l'ámpa, odpov'- ěž'ec', spác', špák, déptac', xlópcy, l'ípa, kúp, kapél'uš	p	r, l, (l'), n, (n'), t, c, s, š, (s'), č, (c'), k, (k'), x, e, o, и, у, а (20) préntk'i, plákac', pl'écy (p'l'é- cy), vápna, váp'n'e (váp'n'e), ráptam, xlópcy, opstal'- óvac', l'épšy, ps'á (p's'á), xlópčyk, op'č'isly (op'č'isly), xrýpka, xrýpk'i (xrýp'k'i), pxác', pévny, pó_co, pýl, púš- ča, pán
г, л, (м—м'), т, ш, с', (к—к'), е, о, и, у, а (12) šárp'e, nálp'e, kómp'e_s'e (kóm'p'e_s'e), otp'ísac', šp'í- tal', s'p'évac', kp'íny (k'p'íny), l'ép'ej, xlóp'ec, l'íp'ec, kúp'- ic', nap'én'c'e	p'	l', (n'), (s'), (c'), (k'), e, o, и, у, а (10) p'l'écy (pl'écy), váp'n'e (váp- n'e), p's'á (ps'á), op'č'isly (op'č'isly), kap'k'i (káp'k'i), p'éc, p'óntek, p'ic', p'úrko, p'ána

Таблица 32 (продолжение)

α-поле	Фо- нема	β-поле
г, л, л', н', м, з, ж, з', е, о, и, у, а (13) tórba, k'ilbáska, fal'bóna, gán'ba, dembóvy, žbánek, vrúžba, kóz'ba, potřebny, dóbrý, šýba, vrúbal', djábal	b	r, l, (l'), n, (n'), m, (m'), d, ž, e, o, i, u, a (14) brát, blenjk'ítny, bl'ín (b'l'ín), potřebny, potřeb'n'i (potřeb'- n'i), obmácac', obm'éžyc' (ob'- m'éžyc'), obdárty, bžék, bél'- ka, bóža, býc', búty, báčyc'
г, л', (м—м'), д, з', е, о, и, у, а (10) tórb'e, al'b'ína, démb'e (dém'- b'e), odb'érac', xsez'b'íny, xl'éb'e, rób'i, s'ež'íb'e, l'úb'ic', zab'érac'	b'	(l'), (n'), (m'), e, i, a (6) b'l'ín (bl'ín), potřeb'n'i (pot- rébn'i), ob'm'éžyc' (obm'éžyc'), ob'éž'v'e, b'íc', b'ály
г, л', е, о, и, у, а (7) tórf, al'fóns, l'itéfsk'i (l'itéu- sk'i), šófar, grýfa, kúfar, šáfa	f	r, (l'), (n'), t, c, š, č, k, k', e, o, i, u, a (14) front, fl'ánsy (f'l'ánsy), tráfn'e (tráf'n'é), náfta, čérfcu, fšý- stk'e, fčóra, glúfka, glúfk'i, fést, fórna, šaly, fúnt, fárba
г, е, о, и, (у), а (6) tórf'e, juzéf'in, ol'aróvac', grýf'e, glúf'k'i (glúfk'i), trá- f'ic'	f'	(l'), (n'), k', i, a (5) f'l'ánsy (fl'ánsy), tráf'n'e (tráf'n'e), glúf'k'i (glúfk'i), f'iráňka, ol'aróvac'
г, л', т, д, з, с, з, б, ш, ж, č, k, g, x, e, o, и, у, а (19) rvác', l'vá, tvúj, dvá, žvóny, svúj, zvác', obvál'ac', švá- g'er, žvávy, čvárty, gvált, kvás'ic', xvýtac', krévny, róvar, s'ívy, uvága, gavénda	v	r, l, (l'), n, (n'), d, z, (z'), (ž'), e, o, i, u, a (14) vrás, vláza, vl'ép'ic (v'l'ép'ic'), vnós'ic', vn'és'c'i (v'n'és'c'i), právda, vzajém'n'e, vz'én'c' (v'z'én'c'), vž'éněny (v'ž'én- čny), pavédluk, vójna, zdróvy, vúj, vápna

α-поле	Фонема	β-поле
r, l', (b—b'), š, s', ž, z', c', ž, ž', (k—k'), (g—g'), x, e, o, i, u, a (18) rv'é, kál'v'in, obv'in'ac' (obv'in'ac'), podéšv'e, s'v'át, žv'ir, z'v'éš, c'v'ík, žv'í, ž'v'é, kv'étká (k'v'étká), gv'ázdy (g'v'ázdy), xv'il'a, ž'év'en'c', slóv'ík, vyv'ixnon'c', uv'él'b'ac', stáv'ac'	v'	(l'), n', b', e, o, i, a (7) v'l'és'c' (ul'és'c'), vn'és'c' (un'és'c'), v'b'íc' (ub'íc'), v'él'-k'i, v'óska, v'ítac', v'ára
r, l', n, m, p, f, č, k, e, o, i, u, a (13) góršy, bol'sév'ík, mónš, mšá, lépsy, záfše, páčšyc', kšýš, n'eščen's'c'e, košúl'a, k'íška, rúšyc', nás	š	l, l', n, n', m, t, p, p', v, v', š, č, k, k', e, o, i, u, a (19) zěšly, šl'áxta, šnár, strašn'e, šmugl'óvac', réšta, špák, šp'ítal', podéšva, podéšv'e, dróššy, déšě, škóda, c'énšk'i, šés'c', šófar, šýba, šúkac', šáfa
r, l, l', n, (m—m'), (p—p'), (f—f'), s', c', (k—k'), e, o, i, u, a (15) gárs'c', ožén'il's'e, vál's'e, gén's', zéms'c'ic' (zém's'c'ic'), ps'á (p's'á), fs'ádac' (f's'ádac'), s's'é, poc's'évac', ks'ónc (k's'ónc), póv'es', kós'c', l'ís'c'e, g'én'us, stás'	s'	l', (n), n', m, m', p', v', s', c', k, k', e, o, i, u, a (16) s'l'át, naumýs'ny, s'n'íc', p'ís'muf, s'm'etána, s'p'évac', s'v'át, s's'é, s'c'ískac', jáška, s'k'isnon'c', s'éž'ec', s'óstra, s'ívy, s'údmy, s'áno
r, l, l', n, m, b, v, ž, ž', e, o, i, u, a (14) ž'érzy, malžénstvo, l'žéjšy, ménža, mžýc', bžék, vžút, žžynac', ožžyc', l'éžy, bóža, kšýžyk, búža, mážec	ž	r, l, l', n, u', d, b, b', v, v', ž, ž', e, o, i, u, a (17) žréc', výžla, možl'ív'a, žnón, žn'é, kážden, vrúžba, vrúžb'e, žvávy, žv'ir, žžýnac', dróžže, žéu'ic's'e, žóna, žýto, žúc'ic', žal'

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, n', (b—b'), (v—v'), z', ž', e, o, i, u, a (12) márz'n'e, l'z'é, v'én'z'en', bz'ík (b'z'ík), vz'ón'c' (v'z'ón'c', uz'ón'c'), z'z'ém-bnon'c', pož'z'émny, čšéz'vy, kóz'ol, grýz'e, gúz'ík, káz'ík	z'	l', (n), n', m', j, b, b', v', z', ž', e, o, i, a (14) z'l'e, púz'na (púzna), z'n'íš-čyc', z'm'én'ac', z'jádac', próz'ba, z'b'érac', z'v'éže, z'z'émnbnon'c', z'ž'iv'óny, z'én'c', kóz'ol, z'íma, z'árno
r, l', (n—n'), p, (f), š, č, e, o, i, u, a (12) kurčénta, m'íl'čy, kón'čyc' (kónčyc'), xlopčýna, fčóra (učóra), ščén's'c'a, oččép'ic's'e, béčka, óčk'i, l'íčyc', účyc', káčka	č	l, l', n, n', m, m', t, v, š, č, (c'), k, k', x, e, o, i, u, a (19) člów'ek, žyčl'ívy, v'éčnos'c', v'éčn'e, kárčma, kárčm'e, čtéry, čvárty, očšýmac', oččép'ac', počč'ívy (poc'c'ívy), béčka, béčk'i, čxnón'c', čés', čósnyk, čýsty, čúc', čás
r, l, l', n', (p—p'), s', (č—c'), (k—k'), x, e, o, i, u, a (14) s'm'érc', zgválc'ic', pál'c'e, γán'c'a, lápc'i (láp'c'i), kós'c', počc'ívy (poc'c'ívy), paznók'c'e (paznók'c'e), xc'éc', ž'éci, póc'onjk, mýc', uc'ékac', pac'éžy	c'	v', s', c', e, o, i, u, a (8) c'v'ík, poc's'évac', poc'c'érac', c'émno, c'óngl'e, c'íxo, šés'c'u, c'ásto
n, ž, o (3) vénžauy, dežžýsty, požžú'ic'	ž	ž, e, i, a (4) požžú'ic', žéva, dežžýsty, vénžany
r, n', (m—m'), (b—b'), z', ž', (g—g'), e, o, i, u, a (12) bárž'ej, bénž'e, rymž'úny (rymž'úny), obž'érac' (obž'érac'), gn'éz'ž'e, ožž'él'ny, gž'é (g'ž'é), pov'éž'al, xóž'i, v'íž'ála, lúz'i, přeprováž'al	ž'	m, m', b, b', v', z', ž', e, o, i, u, a (12) v'éž'ma, v'éž'm'e, sváž'ba, sváž'b'e, ob'éž'v'e, požž'émny, ožž'él'ny, ž'éci, požž'óbac', ž'iv'óvac', ž'úra, pov'éž'al

Таблица 32 (продолжение)

α-поле	Фо- нема	β-поле
r, l, l', n, n', m, t, c, s, p, f, š, s', č, c', k, e, o, i, u, a (21) cúrka, jaskúlka, týl'ko, kas'-én'ko, réňka, kl'ámka, vútka, z'écko, bl'ísko, jápka, glúfka, škóda, stás'ka, káčka, bác'ka, lékka, žéka, rók, slóv'ik, pú-kac', ták	k	r, l, (l'), n, (n'), (m'), t, (p'), v, (v'), š, (s'), č, c', k, (k'), e, o, i, u, a (21) kréf, žékla, kl'ámka (k'l'ám-ka), ókno, ókn'e (ók'n'e), km'én (k'm'én), ktúry, kp'íny (k'p'íny), kvatéra, kv'át (k'v'át), kšák, ks'ónc (k's'ónc), smók-ča, lókc'i, l'ékka, l'ékk'i, (l'ék'k'i), kéns, kós'c'ol, ákyš, kúfar, kás'a
r, l, l', n, n', (m—m'), t, c, s, (p—p'), (f—f'), š, s', č, c', (k—k'), e, o, i, u, a (21) cúrk'i, jaskúlk'i, l'úl'k'i, réňk'i, jas'én'k'i, kl'ámk'i (kl'ám'-k'i), krútk'i, n'el'úck'i, vónsk'i, xrýpk'i (xrýp'k'i), glúfk'i (glúf'k'i), ks'ónšk'i, jás'k'i, káčk'i, bác'k'i, l'ékk'i (l'ék'-k'i), žék'i, vysók'i, z'ík'i, súk'i, ták'i	k'	(l'), (n'), (m'), (p'), (v'), (s'), (c'), (k'), e, i (10) k'l'ámka (kl'ámka), ók'n'e (ók'n'e), k'm'én (kmén), k'p'íny (kp'íny), k'v'át (kv'át), k's'ónška (ks'ónška), lókc'i (lókc'i), l'ék'k'i (l'ékk'i), k'eróvac', k'íl'ka
r, n, d, z, e, o, i, u, a (9) targóvac', poc'ónguf, odgúry, zgóda, b'égac', ógun, fatýga, drúga, vága	g	r, l, (l'), n, (n'), (m'), d, v, (v'), (z'), e, o, u, a (14) grác', glóva, gl'ína (g'l'ína), gnúj, gn'ázdo (g'n'ázdo), gm'ína (g'm'ína), n'ígdy, gvált, gv'ázda (g'v'ázda), gž'é (gž'é), gén's', góly, gúra, gárdlo
r, (n—n'), z', e, o, i, u, a (8) tárg'i, véng'el' (vén'g'el'), roz'g'ínac', bžég'i, bóg'i, fa-týg'i, drúg'i, vág'i	g'	(l'), (n'), (m'), (v'), (z'), e, i (7) g'l'ína (gl'ína), g'n'ázdo (gn'ázdo), g'm'ína (gm'ína), g'vá-zda (gv'ázda), g'z'e (gž'é), dlúg'e, nóg'i

Таблица 32 (продолжение)

α-поле	Фо- нема	β-поле
r, l', m, t, s, p, č, e, o, i, u, a (12) márx'ef, ól'xa, čarémxa, txúš, sxóvac', pxnón'c', čxnón'c', n'éx, kóxac', c'íxo, múxa, ptáx	x	r, l, l', n, n', m, m', c, v, v', š, c', e, o, i, u, a (17) xrýpka, xlódno, xl'ép, čxnón'c', čxn'é, xmúrny, xm'él', xcés, poxval'óny, xv'il'a, xšán, xc'í-vy, már'x'ef, xóž'ic', x'ít'ry, xúdy, xáta
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, z, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', g, g', x (35) bórem, lép, l'épšy, nénža, n'ebo, métr, m'éc', jéden, tén, déšč, céгла, xozén'e, sén, zé-dal', pévna, p'éc, bés, b'égac', fést, šáf'e, vénžany, v'érny, šél'ma, s'édem, žégnac', z'é-m'a, čés', c'éb'e, žéva, z'écko, kéns, k'eróvac', gen's', dlúg'e, már'x'ef	e	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, z, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', g, g', x, i, (u) (36) v'érny, cag'élka, v'él'k'i, žén-sy, ž'én', zémby, n'ém'ac, mdl'éje, kornét, tédy, p'éc, v'éza, fést, žézac', déptac', l'ép'ej, potreba, xl'éb'e, kréf, juzéf'in, žéva, ž'év'en'c', jéšče, l'és'e, l'éžy, čšéz'vy, béčka, xc'éc', pov'éž'al, žéka, žék'i, b'égac', bžég'i, n'éx, mn'ej, péuny (pévny)
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, z, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', g, g', x, o (31) rózum, lój, l'ós, nós'ic', pšyn'-ósla, móst, m'ótla, jón, tórba, dóbry, có, háržo, vysók'i, zó-bač, póčta, p'órun, bóža, fór-ma, vójna, v'óska, šófar, s'óstra, žóna, kóz'ol, čosnyk, c'óngl'e, poz'óbac', kós'c'ol, góly, xóž'ic', poob'éž'e	o	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, z, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ž, ž', k, k', g, g', x, i (36) tórf, góly, ból'es', vónsy, kón', zómp, kóm'in, tvóje, kót, mlódy, nóč, xozén'e, bósy, póznac', xlópcy, xlóp'ec, dóbry, rób'i, slóvo, slóv'ik, šófar, of'ára, košul'a, kós'c', bóža, kóz'ol, póčta, póc'onyk, požžúc'ic', xóž'i, rók, vysók'i, ógun, óg'en', kóxac', vójna

Таблица 32 (продолжение)

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, k', x (33) ryba, c'éply, l'ixo, ʒvóny, n'igdy, mýška, m'ily, jix, s'v'énty, tédy, n'émcy, nény, sýn, zýgnat, pýl, p'íc', býc', b'íc', šáfy, f'ikus, zdróvy, v'ítac', šyba, s'ivy, žyto, z'íma, čysty, c'ixo, dežžysty, ʒ'ivónvac', ákyš, k'íl'ka, x'ítry	i	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, k, k', g, g', x (34) žv'ír, m'ily, mýlic' s'e, roʒ'ína, s'in'i, čšymac', vým'e, p'íje, sýty, mýdlo, n'íc, dov'izén'a, vysók'i, výzvac', l'ípa, l'íp'ec, šyba, s'ez'ib'e, grýfa, grýf'e, s'ivy, vyv'ixnon'c', k'íška, l'ís'c'e, kšýžyk, gryz'e, l'íčyc', mýc', v'iz'ála, slóv'ik, ʒ'ík'i, fatýga, fatýg'i, c'ixo
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, v, š, s', ž, č, c', ʒ̣, k, g, x, (e) (29) rúža, slúxac', l'úz'i, núš, g'é-n'us', múxa, s'édm'u, júš, túpac', dúx, cúrka, nény, súkn'a, zúx, púšča, p'úrko, búty, fúnt, vúj, šúkac', s'údmy, žú-c'ic', čúc', šés'c'u, ʒ'úra, kúfar, gúra, xúdy, kréuny (kré-ny)	u	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, (f'), v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, k, k', g, g', x, i (34) múr, jaskúlka, matúl'a, komúna, mamún'a, šúm, sum'énný, vysypújon, tútaj, pas-kúda, žúcac', l'ústro, juzéfa, kúp, kúp'ic', vrúbal', l'úb'ic', kúfar, glúf'k'i (glúfk'i), uvága, uv'él'b'a, rúšyc', g'én'us', búža, gúz'ik, účyc', žúc'ic', l'úz'i, púkac', súk'i, drúga, drúg'i, múxa, múj
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, ʒ̣', k, g, x (33) ráno, lápc'i, l'ás, náš, dov'izén'a, mátká, m'ála, jápko, ták, dáx, cály, nény, sám, zámknon'c', pán, p'ána, báčyc', b'ály, fárba, ol'ára, várna,	a	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ̣, k, k', g, g', x, i, (u) (36) cár, b'ály, mal'óvac', pán, pán'i, sám, gam'óna, máje, tátus', jádon, mácac', sáza, l'ás, mázac', kápac', nap'én'c'e, djábal, zab'érac', šáfa,

α-поле	Фонема	β-поле
v'ára, šáfa, s'áno, žal', z'árno, čas, c'ásto, vénžany, pov'éž'al, kás'a, gárdlo, xáta	a	tráf'ic', gavénda, stáv'ac', náš, stás', mážec, káz'ik, káčka, bác'ka, sáz'e, ták, ták'i, vága, vág'i, ptáx, posýlaj, dáu (dál)

Вычислим коэффициенты α- и β-полноты каждой фонемы:

Таблица 33

	г	l	l'	п	n'	м	m'	ж	т	д	с	ʒ	s	z
K _α	0,42	0,52	0,52	0,65	0,62	0,40	0,45	0,20	0,42	0,35	0,37	0,15	0,32	0,17
K _β	0,85	0,42	0,60	0,47	0,42	0,57	0,25	0,12	0,42	0,40	0,30	0,17	0,40	0,35

Таблица 33 (продолжение)

	р	p'	б	b'	ф	f'	в	v'	š	s'	ž	z'	č	c'
K _α	0,27	0,30	0,32	0,25	0,17	0,15	0,47	0,45	0,32	0,37	0,35	0,30	0,30	0,37
K _β	0,50	0,25	0,35	0,15	0,32	0,10	0,35	0,17	0,47	0,40	0,40	0,35	0,47	0,20

Таблица 33 (окончание)

	ʒ̣	ʒ̣'	к	k'	г	g'	х	е	о	и	у	а
K _α	0,07	0,30	0,52	0,52	0,22	0,20	0,30	0,87	0,77	0,82	0,72	0,82
K _β	0,10	0,30	0,52	0,25	0,35	0,17	0,42	0,90	0,90	0,85	0,85	0,90

Перечислим основные правила, которым подчинена дистрибуция фонем, а иногда целых классов фонем польского диалекта:

$$(1) \quad \neg(Cs^+, Vc^+) \& (Cs^+, Vc^-); \neg(Cs^+, Vc^-) \& (Cs^+, Vc^+)$$

(читается: запрещено сочетание шумных с противоположным значением признака звонкости). Примечательное исключение из этого правила составляют сочетания с v, v' в β-позиции, не допускаю-

щие прогрессивной ассимиляции по глухости: tvúj, tvárdy, tváš, svúj, s'v'át, kv'át, xvýtac', évárty и т. д.⁶⁰

(2) $\neg((Cs^-, G^+, S^+) \vee (Cs^+, G^+, S^+)) \& ((Cs^-, S^-) \vee (Cs^+, S^-))$

(читается: запрещено следование непалатального сонанта или шумного за палатальным периферийным сонантом или шумным).

Что касается сочетаний губных и заднеязычных с последующими палатальными, то и они подчиняются тенденции к однородности относительно признака палатальности. Для говора, кажется, более типично произношение zém's'c'ic', k'p'ínu, p'l'éčy, нежели zéms'c'ic', kp'ínu, pl'éčy.

(3) $\neg(Cs^+, Cp^-, G^-, Ct^+) \& ((Cs^-, S^+) \vee (Cs^-, S^-))$

(читается: запрещено следование за непериферийным непрерывным некомпактным шумным (свистящие s, z) палатального шумного или сонанта). Правило охватывает и те случаи, когда в литературном языке s, z смягчению не подлежат: s'm'ály, s'p'ěšyc', s'p'ěsac', z'b'érac', z'm'ána, z'n'išěac', z'g'ínon'c' и т. д. Исключением из правила является s в суффиксе -sk-: kónsk'i, pánsk'i, lazduńsk'i, ošm'ánsk'i и т. п., а также в сочетаниях с суффиксальным -k(-): bl'úsk'i, bl'ísk'i.

Говоря о функционировании палатальности в консонантных группах, следует отметить, что мы не слышали характерных для польского литературного языка сочетаний p'c, p'č, произносилось же: slónca, b'askónca, gos'c'íncam, gažáncam, skónčyc', pačóh'i. Кажется, диспалатализация p'c, p'č носит регулярный характер:

(4) $\neg(N^+, S^+) \& ((Cs^+, Cp^-, St^+) \vee (Cs^+, Cp^+, St^+))$

(5) $\neg(Cs^+, Cp^-, St^-) \& (Cs^+, Cp^-, G^+, Ct^+, Vc^+, S^+)$

(читается: запрещены последовательности tv', dv'). Лаздунцы произносят: oc'v'érac', l'íc'v'in, z'v'é. dv' иногда слышится на стыке морфем (pódv'es'c', но возможно и póz'v'es'c'), а также в имени собственном jad'v'íga (но говорят и jaž'v'íga).

Характерна для консонантных групп ассимиляция по компактности:

(6) $\neg(Cs^+, Cp^-, G^-) \& (Cs^+, Cp^+, G^-)$

(читается: запрещено следование непериферийных компактных за некомпактными непериферийными). Правило действует на границе морфем, где возможна встреча t ∨ d ∨ s ∨ z c š ∨ s' ∨ ž ∨

⁶⁰ Как известно, прогрессивная ассимиляция по звонкости в этих сочетаниях (tvúj, tvárdy, s'f'át, и т. д.) является орфоэпической нормой литературного языка, а также Малопольши и Мазовья (за исключением той части сувалкского диалекта, которая основывается на белорусском субстрате, см.: K. N i t s c h. Dialekty języka polskiego. Wrocław—Kraków, 1957).

∨ z' ∨ š ∨ c'. В результате ассимиляции прерывные (Ct⁻) элементы (t, d) перекодируются в яркие компактные, а непрерывные (Ct⁺) (s, z) — в неяркие компактные (počšěvac', očšěvac', oššěz'ic', požžúć'ic', ros's'c'ěl'ic', ros'c'érac', ožž'z'él'n'a).

Обращает на себя внимание еще одно явление из области консонантных сочетаний: в некоторых идиолектах v, f не могут выступать в α-поле согласных и подвергаются замене на u, подобно тому как это происходит в белорусском диалекте. Так, мы записали: l'itěusk'i, menžóusk'i, m'il'ěusk'i (фамилия бывшего владельца Лаздун), krědny, rúny, parěyno, práda. При этом сохранение v, f все же осознается как диалектная норма, не приходится лишь говорить о последовательности ее соблюдения в речевой практике лаздунцев.

Еще одна чрезвычайно заметная для постороннего особенность говора, касающаяся на этот раз сочетаний типа CV, — в последовательности x & (i ∨ e) непременно происходит смягчение x (что, собственно, означает дефонологизацию противопоставления x—x' в говоре): x'íba, x'ítry, s'x'íl'ic', márx'ef (márx'eč), kožúx'em.

Что касается комбинаций гласных (VV), то здесь, кроме тавтосиллабических сочетаний с i, u в β-позиции (m'ěj, vúj, stryj, rúny и т. п.), встреча гласных возможна лишь на стыке морфем: roob'éz'e, zaórac', vuórac'. Говор, однако, иногда избегает этих сочетаний: zažórac', zavócn'e и т. д.

Переходя к трехэлементным последовательностям, заметим, что скоплений трех гласных в говоре, кажется, нет, что же касается групп CCC, то вот имеющийся у нас материал:

1) CCC в начале слова (и в интервокальной позиции):

str — strác'ic', óstry (vóstry);	spš — spšédac', pospšóntac';
spr — sprav'edl'ivy, posprobóvac';	ctv — paskúctvo;
skr — skróbac', poskróbac';	ššš — šššél'ic';
sxr — sxrón;	zdr — sdrov'a;
skl — skládac', poskládac';	zbr — zbrója, uzbrojén'e;
skl' — skl'ép, p'ískl'énta;	zgr — zgrábny;
spl — splýnon'c';	zgl — zglóxnnon'c';
spl' — spl'és'c', pospl'óntac';	zgl' — zgl'éz'ec';
sxn — sxnón'c', výsxnnon'c';	zgn — zgn'ic';
sxn' — sxn'é, výsxn'e;	skv — skvárka, zaskváryc';
sxv — sxv'yc'ic';	pšč — pščoly;
stv — stvožén'e;	pxn — pxnón'c';
stv' — pastv'ísko;	tkn — tknón'c';
	tkn' — tkn'énty, dotkn'én'e.

2) CCC в середине слова (интервокальная позиция):

rzn — márznnon'c';	rsk — mórška;	l'sk — pól'ska;
ršč — márščyc';	rsk' — mórsk'i;	l'sk' — pól'sk'i;

ndr — vendróvac'; mkn — zámknou'c'; dgr — odgróž'ic';
 n'dl' — ven'dl'íny; mst — zémsta; dgž — odgžévac';
 ngl' — c'ón'gl'e; m's'c' — odém's'c'ic'; pkl — opkládac';
 nsk — ošm'ánska; tkr — potkréncac'; stk — kóstka;
 nsk' — ošm'ánsk'i; tkl — potkládac'; stk' — kóstk'i.

3) CCC на конце слова:

rs'c' — gárs'c';
 nsk — m'ínsk, s'l'ónsk;
 nšc' — gónšc'.

Четырехфонемные сочетания редки, в наблюдаемых нами текстах встретились лишь примеры типа pánstvo, mal'énstvo.

Подсистемы начальных и конечных фонем

Начало слова является позицией различения всех 40 фонем польского инвентаря: ráž'ic', ládny, l'ás, nártý, n'ančyc', mála, m'ála, ják, táta, dác', cály, žvón'ic', sáza, zá, pán, pásek, báika, b'ály, fál'a, f'íránka, várjat, v'áneek, šáry, s'áno, žal', z'árno, čárny, c'álo, žévo, zécko, kapústa, k'eróvac' (k'aróvac'), gárn'ec, g'ínou'c', xáta, éxo, óko, ínšy (jínšy), úxo (vúxo), ádras.

Заметим лишь, что ударные о, у, и нередко предваряются протетическим согласным.

Конечный инвентарь наполовину меньше: r, l, l', n, n', m, t, c, s, p, f, š, s', č, c', k, x, e, o, i, u, a (22 фонемы): dvúr, čýtal, dýšal', ógun, kón', dóm, svát, nóc, óbrus, xl'ép, torf, kóš, v'és', róbač, p'ísac', k'erúnek, m'éx, nágl'e, dlúgo, xlópcy, odrázu, glóva. Ограничения касаются звонких согласных и палатальных периферийных.

ТЕКСТЫ

Белорусский говор

býu l'akái, já l'akáju řétamu šýu, i pán býu pryšóušy, kal'v'ín jón býu, da kas'c'óla n'i xaz'íu. aytórak. rán'saj. fal'iváarak. kabýly bel'g'íik'i. sxrónu šukál'i. abřaróžana. n'as'í ml'éka. xalxózy. pračkárna dl'a bal'n'ícy. u várm'iju. mař'fl'n'ik. adrázu xáta pry majíl'n'iku. l'andérk'i us'é karóvy byl'í. paž'ž'ónnaja rabóta. bába napraž'é, v'ýčca. na dváccac' čatýry s'am'ji xáta. n'ékal'i c'ón'gl'a avarýl'i pa l'itóusku. žagúnsk'i jazýk m'a'sány. z man-čuzýryji výjaxau b'éžamecam. papasyxál'i týja jáblyny. agúlam pradajé. paráf'ija admal'avála kas'c'ól. pam'ór. až'ín ž'óržyc' kl'učý. kum'al'ina uróčýšca, lazúny, us'ó l'itóus'k'ija názvy. l'axčéj. rěčka

zam'órššy. as'ín'n'ik. jélka. ól'xa. métryka. fútar. padlóřa. zbanók. p'éč. šápa. láva p'erařaróžana. u asudárstv'annaí dum'é býu. sp'irdzavót. rasparcyl'avác'. da kas'c'óla na mšý pryž'a. suf'l'áda. já aróx u jaro kas'íu. řaróř. avúl'n'a jón plac'íu na barýž dáu. raval'úcyja. g'm'ína. frónd za rýgai býu. to šynél' papráv'ic' to gúz'ik pryšýc'. já býu pryv'óššy z ras'éji kornét. klarnét. ál't. l'inór. fl'éita. trambón. saksafón. skřypku sám zrab'íu, cymbály. armón' býu zrab'íušy. učýs'a za kroucá. strěcny brát. p'ěršaja strěc, druřája strěc. ž'é l'és tám i l'ís. pryšóu z'ž'v'ámy l'am-pam'i. ž'évačka éty řót byla išóušy da škóly. tráxtar. na xřéz'b'iny bác'ka jěžžau. řav'éčk'i b'élyja. tak'í karáktar. takrók nap'ísál'i jéc'c'a da nás. náta dal'óka ac'c'entry. mý b'as's'v'étu. dalá pars'učkóm. kal'ándra da m'ása. cařán. vykóčvac' búž'a u s'én'i. řaičým, ačcyn'áj. náša karóva padu'alás'a ul'ác'. akóška ammaróžana. dóšcačka. b'arv'ency. karoulót. řoučýna. šés'c' řoučýn výrab'íu tóí maístra. vounačóska. řav'áčy pót. prá-n'ik, m'ašók mýju dyg b'jú. z ból'sařo. řažžyv'és's'a. n'i ménč'es'a tút. až'ín ž'én' dóšc', druř'í. apras'í s'n'ěx. třeba řžýšca dác'. pry'n'és'l'is'a pa křeslu i pa k'n'iz'e i g'arg'éčuc' pa francúsk'i. mórkvá. xáta aréla. uócy. unúk nášy ž'ac'úk xaróšy. p'j'ánka m'a-šája. báp'sk'i. jak xóca abřavarýc' z druřóí v'ósk'i tadý pa l'i-téusku. pryšlá pól'sc'. pórtk'i, spadn'ícy. nérř rastróřany. psavácca. žúžla z' n'óik'im'i skřýdlam'i b'élym'i. pac'c'ář'ivac'. řžýšca. n'i-čóřa c'óplařo n'i naz'ěla. p'ilnavác'. čarn'ícy. brušn'ícy. paz'émk'i. dáj jakúju řanúču, próřda. n'émaras'c' m'an'é uz'alá, i staróřa n'imá i časy n'e idúč'. řétaja mórxa n'e tryvál'naja, jóí u p'a-skú k'épska, smáčnaja, króčkaja. takája já rádařa éty m'l'ésam. c'í byla davól'naja řas'c'íma c'i n'é. bul'dóz'ar. tarf'án'ik. návo xv'ířu. os'emsót. m'éu axvótu. n'ékal'i u káždařa aspadará býu kón' i u káždař xác'e nač'éz'n'ik. nártý pat pav'étkaj padatkn'ónyja. xátu zamknúšy. dévarack'ija uóřa byl'í. is'c'í óraj. gramaz'ž'ic' n'éxta u tóí kladóucy. is'c'í óraj. majé nártý ř'n'ónyja, jas'an'óvyja. ántak móí žyv'é tám. s'v'éžal'ina jak zakól'aš pars'uká. janá ž'adul'óva s'astrá. éta n'i jaje vlás'c'. u jás'kav'íčax n'éxta zaréřau xlapcá, éta n'éxta adamsčájacca. jak c'v'arózy dyg dóbry, a jak up'jécca dyk n'i sastúp'ic'. b'az'm'én. b'az'v'én. ab'az'm'én. s'c'akája vadá u načóvačku. řav'áčy žýr. dóma máma k'íšk'i skrabála, k'íškú naz'm'é, jašc'é výskrab'e. v'idélcy u šuf-l'áz'i. tlúšc'. v'idélcam výc'ařn'i řurók. n'i pryv'ýkšy da řétařo. avurók to mý byl'í kup'íušy. na skaravaž'é. sútařa. raččéišy. z'jéu xvóšt tól'k'i řavurká. éty zduór na dvaré býu v'yn'as'any. náša karóva búž'a c'al'icca u k'v'ětn'i. vál'aňk'i. já pacskváru, dóbra i packváranyja. ad'n'óššy. l'ón'ik pryv'ós's'a l'ámpu ac'čés'a, u ž'v'é l'ámpy smal'íu. sáňk'i jést. trý kum'p'ak'í astal'ís'a. nášy pars'úk travý n'i jéu. kávu nasalažú, smál'ic' órla. já ššat-kavála túju kapústu. l'épšy. g'ac'íška éta na z'am'l'ú názva. ka-rouka u jaje zadajilas'a, túju škólu p'arav'al'í u navářradak.

n'i z'l'éz'a u_kastrúl'ku, tréba družúju suž'ínu. ščupak'é. plótk'i. jaršé, akun'é, karas'é. mantuzê. v'ijuné. l'iné. vangóry u_ból'syx rékax, u_n'óm'n'i, u_b'aréz'in'e. čápun'ka náša xóz'ic' u_b'aró-z'ínu. řéta jag z'ic'á són'iš dyk_s'p'avájaš jamú. xl'êu. surav'ěsk'i. pančóšk'i padas'innav'ik'i. lup'ik'ê. kaz'l'ak'ê. barav'ik'ê. valóvyja s'l'adé. l'is'fěk'i. ap'én'k'i kal'a_p'n'ou. šk'ira u_xl'êu na_řav'ěcku. kých u_xl'êu. řyl'a u_pól'a — na_řus'ěi, p's'ik, ap's'ik — na_katá. p'ěyna š n'i_búz' au_štó i_pxác' jak_puzýr parv'ěš. na_dvuór. tlúšě sól'i n'i_prymája. u_s'v'irnex řarúdy byl'i. salódnjya skvárk'i, xtó káža salódnjya, a_xtó salónnyja. xtó káža tlúšě, a_xtó klúšě. dváccac' m'inút vós'mařo. jói bal'ěla ruká, býu palučýšys'a narýu náttá bal'sý. počta na_m'ějscy. tám ból'ai n'anjka. jix řru-z'oi janá karm'ila. jón káža jéc'c'a u_krým. čarn'řava l'ěycca ukrajina. i_kazúx i_pufáika jěst. tak'i u_jix padn'aus'a klópat. p'ác' xaz'ajou. ustup'ic'as'a v'y u_majé vál'ank'i dyg_búz'a vám c'apl'ěi u_nór'i. búdu s_stašká skubác' salómu. apranúcca tréba, s'n'ěx sýpl'acca na_řalavú, na_p'l'ěcy. palúz'an' užó, palúdnavac' tréba. kramnyja, řarakóvyja. móst býu spál'any. vaiská idúe' z'e_p'l'anavája daróřa, pa_p'l'ánu idúe'. řalavá krú'icca, móža da_stalá dóiz'eš, patráf'iš. padbaróдав'ic. řórla. jén'čyc', kryčyc', jés'c'i n'i_xóča, us'ó b'adúja kab_na_dvór. z_abarankai ukus'n'ěi búz'a. p'ěňka što_šum. na_tóm týdn'i u_m'an'é býu sýr, bylá zrab'išy. pryjéz'a na_pasazén'a. s'ón'n'a trý časá pal'ila. jak_na_us'ú patél'n'u—b'l'in, a_ták řalátk'i. b'l'in řrúpsy. já užó pryř-l'adájus'a, slúxajus'a, c'ářn'acca jag_gúma. búl'b'aný bl'in drány. kaxl'anjka p'ěčka. řéta n'aprářda bylá, v'ydumašy byl'i.

bylá bába u_xác'e. uz'alá i_paslá u_řrybé. i_spáu vóuk. janá patkrálas'a c'ixanjka c'ixanjka i_astryřla jařó. pryn'ěslas'a da_xáty vóunu, askubála, š'ěla pad_aknóm i_praz'ě vóučuju vóunu. a_vóuk s'l'adám'i s'l'adám'i, n'úxam da_xáty i_s'ěu pad_aknó. s'az'ic': z'jém bábu, z'jém bábu, bába majú vóunu praz'ě. a_z'ět zazlaváus'a na_bábu, v'ypxnuu jajé praz_aknó kal'i_janá takája prag-n'ónaja. tadý vóuk bábu na_p'l'ěcy i_u_l'ěs, a_bába na_pl'acáx u_vóuka s'ěz'acý us'ó káža: z'aml'á v'jšaj, n'ěba n'řžaj. us'ó ták i_řórb'icca, z'aml'á v'jšaj, n'ěba n'řžaj. a_bába sxap'flas'a rukám'i za_n'ěba i_u_n'ěba uskóčyla z_vóučyx pl'acěi. a_vóuk i_astáus'a bas_pas'l'ěstva. a_bába u_n'ěba jak_uvajšlá, dyk_u_n'ěb'i p'ěč s_sýra, s'c'aná z_másla, v'adóma š u_n'ěb'i. dak_janá nalamála at_p'ěcy sýra, at_s'c'aný másla, u_m'ašók, na_pl'ěcy i_da_xáty. z'l'ězla na_straxú, a_tám kóm'ina n'e_byló al'e_z'irá, a_na_přyp'aku z'éd zac'řrku kalac'řu, dóbra b'az_báby. a_bába pras_túju z'irú bax kaválak másla u_zac'řrku. z'ět řl'az'ic'—másla, i_káža: saróčka varónka, ból'ai s'arn'í! dak_janá iznóu búx kaválak sýra u_cagánčyk. z'éd dúmaja sám sab'é: tréba v'jš'c'i pařl'az'éc' što tam užó za_saróka. v'yxóz'ic', ažnó bába s'az'ic' na_stras'é, m'a-šók sýra, másla. pryn'ós drab'iny, rády što_bába v'arnúlas'a z_vóučyř zubou, jašě i_sýra pryn'ěsla, másla. pryv'ou u_xátu,

smáčnai zac'řrki najél'is'a dy_spác' l'ařl'i. i_já tám taksáma bylá, m'ót v'inó p'ilá, pa_baraz'ě c'akló, a_u_róc'i n'i_byló. marós, maróz'ik n'ibal'sý, al'e_jěst, s_tumanóm. janý i_sybótai da_v'ěčara rób'ac'. bac'kóm bac'k'ê kazál'i. kabaná zab'jom. pap'ilnújuc' xaz'áistva. pryšl'i da_nás pryv'al'is'a xlóčyka. n'i_xóča na_z'aml'ě spác'. c'ip'ér n'i_řóraca, já pažnús'a dóbra. patfars'řu. já užó i_řýmzaju, užó i_pláču što_adjažžájuc'. jašě k's'ónc n'i_býu pam'óršy. druřim rél'sam, řety rél's sk'ínuc', ból's n'i_búduc'. m'an'é zabráu, pav'ós's'a z'e_nagružájuc'. n'i_v'idna n'i_ac's'úl' n'i_attýl'—z'ěc'i idúe' za_škóly. s_xl'ěbam, s_sól'ai. s'v'irs'n'á. araxv'iny, arašv'iny. pa_přóstu b'l'úška, pa_l'itěusku rubáška. us'ě lazdúny na_kn'áz'avai z'aml'ě s'az'ác'. z'v'é řúl'icy, s'ém pal'ivárkau. pryn'as'ě pouř'řtra, u'ós'c'ic'. svatý i_k'arújucca na_náš padvórak. andl'arý. vótku gárcam'i brál'i, gárn'ac p'ác' l'řtrau. a_brát jařó z'ac'úk. kal'i_zac'n'é m'an'é pú-škař šl'ógac'. sókam'i řarál'i. pan'al'isa, pan'al'is'a što_já kazú? družýnu tréba napřóšvac'. řurmovác'. uxaž'ór. pšepřós'c'a. n'e_byló s'v'akryv'í. ámbursk'i tavár. xřomavyja bóty. janáš n'a_bylá c'aráščaja. u_karó řrubýja lúpy dyk_lupáty. lúpy dyk_řéta jak_břýtk'ija, a_ták řuby. karaváty vytykál'i xaróšyja. řáz'iva, s'v'atló, us'ó papravóžvana. řal'sány. al'sánsk'ija. óšem kap'ějak. nás užó trajóx, a_pakúl' da_v'řl'na dab'aróms'a dyg_búz'am móža p'ac'óx. altóbuzam da_bakšt. kazúx mói z_g'ěstai, n'ifarbóvany šče, sympatýčny. řán'c'a. ván'z'a. abarán'n'ik'i, na_lápc'i l'ipú vaz'il'i, jěžžal'i áš u_jiv'én'ac. já zvalas'a s'ón'n'a túju arbúšu g_nám. baržěi xátu vým'as'c'i xacú. c'él'naja karóva. vařlak'í tól'k'i s_ka-pylá z'n'ášy. ót, janá táka zadovol'óna, v'adóma s_takóřo p'ěkla v'řvaušys'a. řéta š jašě jak_pól'sč bylá. řap'al'dun, avóryc' řa-p'atl'iva. čýstara řúskařo jazyká navučýus'a. sanažac'. s'ak'ěra. u_mětrycy, malóčšy za_jařó. řěčka plýtkaja, plýc'anjka. rób'ic' traxtarýstam. xtó š étym snóm v'ěryc'? n'ipamýs'l'n'a. takrók. zátakrak. saxói aráu, plúřa u_rúk'i n'i_bráu. jělka. ól'xa. usčár u_maladn'akú. v'řz'al'i kózy l'asnýja kal'a_nás. vasél'a. rassyp-kája búl'ba. maxl'árka. paz'z'ěkavaus'a. sýz'as's'a š_čalav'ěkam. cégla. sxaz'ima mý na_stáncyju. v'ac'ěrařma. p'askavája daróřa. c'óňgl'e l'anaválas'a. škló da_l'ampy. l'ařlá i_spl'ú. arfavác' zbóžža. xaróššyja xáty. na_sazón jěz'ž'il'i. móža xtó búidu pus'c'řu. řn'i-lája z'imá jak_časta adl'řa. žavaryňk'i jós'c', z'atlé, draždě, krum-kačé, karšuné što_kúry z'aré. prad_jurjam. m'astěčka bákšty. bakščán'e. pufáikau k'ilařrějkau n'i_byló. u_mají pól'sk'i v'al'ig-z'en'. pasól'ka, babók. patkvášany bl'in, ž_žýta. búz'am c'ařác'. ařón'. ařyc'. náttá ul'táj. zapřóx kan'á. padn'áu řnajóuku. sspác'. búl'by vyřóryval'i. tói řaré, a_já za_jím vyb'iráju. na_řúřal'nui šáxc'i rab'řu. já n'i_lyřú. s'v'inčó jěst. daccé, unúccy addajóm. xvárbu pryvóz'ic'. zgrabny. znáju túju avórku. próz'b'išča. l'édva da_xáty pryšlá. g'v'ázdačka. mámaňka. b'az_b'al'ěta, vaz'm'í b'al'ět. ž'řarý v'al'is'a. na_l'id'ř'é. pan'ěňka,

pašou katók na
taržók
kup'iu gan'i p'ira-
žók
sám n'i búž'a jés'-
c'i
búž'a gan'i n'és'c'i

* * *
c'ú'c'i l'úl'i l'ul'ás'an'k'i
pab'il'i's'a dvá jás'an'-
k'i
za jakúju pryčýnačku
za xaróšu ž'aučýnačku.

* * *
z'al'óny čabór
pa darožaccy s'c'él'acca
mlódaja gannačka
s svajóí mátačkaj ž'él'icca.
tab'é mátačka adná kašúl'a
a mn'é ž'v'é
bojá pajédu učužýja
l'úž'i
a tý n'é
z'al'óny čabór
pa darožaccy s'c'él'acca
mlódaja gannačka

* * *
s svajím bratóčkam ž'é-
l'icca
tab'é bratóčak
nóvyja s'én'i i kamóra
a mn'é bratóčak
skrýn'a až'éžy i karóva
z'al'óny čabór
pa darožaccy s'c'él'acca
mlódaja gannačka
s svajím góičan'kam ž'él'-
icca

* * *
paidú lúgam daróřaju
puščú gólas dubróvaju
axtó gólas mói pačúja
n'axái m'in'é paškadúja
óí uščúla majá mác'i

* * *
da s'éž'acy u karavác'i
kal'í géta majó ž'ic'á
n'axái janó pa'ul'ája
a kal'í géta n'av'éstačka
n'axái janá pryvykája

* * *
da užó v'éčar v'ačaréja
da užó náš pán v'as'al'-
éja
pa póstac'i pajažžája
svajé žn'éik'i prygan'ája

* * *
žn'íc'a žn'éik'i mladýja
vášy s'arpý zalatýja,
n'i dažaušy n'i póž'ac'a
n'i dajéušy n'i l'ážac'a

* * *
čaró z'az'úl'a čaró s'in'aja
da s'alá pry'atájaš?
čaró gannačka čaró malódaja
da stalá pryl'arájaš?

* * *
c'i tý z'az'úl'a c'i tý s'in'aja
c'áškuju z'imú čújaš?
c'i tý gannačka c'i tý mala-
dája
l'ixúju s'v'akróu čújaš?

óí c'i c'áška c'i n'a c'áška
n'a búž'a jak l'éc'ajka
n'a búž'a jak c'óplaja
óí, c'i l'ixaja c'i n'i l'ixaja
n'a búž'a jak mátačka
n'a búž'a jak ródnaja
mátačka uštán'a

u ak'énica gl'an'a
pas'p'í majó ž'ic'atka
pas'p'í majó m'ílaja
a s'v'akróuka uštán'a
u ak'énica gl'an'a
ustavái n'av'éstačka
ustavái san'l'ivaja

* * *
gulá pčólka
gulá pčólka
dy pa barú l'atájučy
salótk'i m'ót z'b'irájučy

* * *
éta n'i pčólka ulá
éta uđouka plákala
dy pa barú xóž'ačy
suxó dróuca z'b'irájučy
dróbné ž'étk'i gadújučy

* * *
áa áa l'úl'i
pryl'ac'él'i kúry
s'él'i na varótax
dy učyrvónyx bótax.
stál'i sakatác'i

* * *
n'imá čaró dác'i
garóxu pa tróxu
jačm'én'u použm'én'i
a pšan'icy pouđain'icy

* * *
óí za štó za štó
mlóda gannačka
bóx c'ab'é skaráu
l'ub'il'i us'é xaróšyja
a brytk'i uz'áju
da jón n'i xaróš
jařó dóuř'i nós, lupáty
jaščé da taró
i na nóžack'i klypáty

* * *
óí n'i dáí n'i dáí
majá mátačka at s'ib'é
p'eral'étuju éta l'éc'ajka
já u c'ab'é
já za l'éc'ajka
tab'é n'ivačku padažuú
a za ž'ímačku
kuž'él'ačku napradú

* * *
xóc' vý jajé dy taučý malóc' zastáuc'a
xac'áš vý jajé částa u gós'c'ik'i puščájc'a
óí káp n'a byláp da sus'édačka za mátku
óí káp n'a byláp pav'étačka za xátku

* * *
aččýn'ái s'v'akróu varóta
v'azú'č'artá z balóta
v'azú'č' n'av'éstku jag zlóta

**Белорусский идиолект двуязычных
(субстрат литовский)**

kaž'í s'udý! x's'ónc. móža bóž dás' búž'a karósy ž'en'. n'i zamknúla kl'avá? tróka pagreš'a. γ'ón p'janý l'ažýc', kac'á kap trýsta adóu žýu. kóc' órka'okvásu nap'ýs'a. u kustók. pagl'až'éc' čy gráska. k'ilagréjkaŋ n'i byló, pufájkau. c'i t'ýž'en' c'i ž'v'é n'až'él'i kazál'i kólanna búž'e. na γ'ýral'nui sákc'i rab'ýu. us'a'ó karóša'o. až'ín durný, dru'í razúmny. p'ékla jík, p'és'n'au, jést. tý kócaš tabáku n'úkac'? b'ác'ka, kamút nakladáí, al'é kal'érja v'él'k'i. atkódy at karas'ína. patúkla l'ámpa. já užó tróka znájus'a kal'a'éta'o što n'i móžna u trubú k'idac'. jak u bal'n'icy býu, dyk nas'ýs'a kárty, spác' n'i kóčuc' dyk i r'ájuc'. takn'íčka. tek'n'íčka. tróka l'étam l'akéi, karóv'icu uz'áŋ i pav'óu u adnéi rubák'a, al'e ká-šál' i l'étam jós'c'. janý slúkajuc', tám kryp'íc', krýpka čuvác', gryfa apanavála u bal'n'icy. u 'ós'p'ital'i pam'ór. óčym c'áška sap'c'i. žagún'sk'i i'éty prósty us'ó patkad'á. ž'v'é úl'icy, s'ém pal'ivárkaŋ. pryn'as'é poul'ít'ra, 'ós'c'ic'. pryv'alás'a jík na kúkn'u ž'é atúja jadú, dastála bútl'u s'p'irtu patkrášana'o. tút múka n'éž'a l'atála, póŋna mukalóŋka étyk múk. jón avóryc' ják u p'osal'ak.

Литовский говор

žaras pónas atéjs, sáko. b'abrénai. b'ažámn'ai. joskúnai. guž'a n'óny. vál'ž'ikaj. žyž'únai. vos'eg'iry. apušé. vóž'olas. al'ks'n'ís. b'aržys. aglé. dáržas, až'dáržo. padlógas. lúngas. dúres. zbon'al'is. vártai. brom'ála. š'epá. štanj'étas. jélav'íča. erájc'is. tvóru ašt'árc'. p'áčus. p'irk'á. šupl'étá. lašká. šáukštas. sk'óbos. méil'al'o kójos. m'ekot'ále. jáknos. plóuc'ai. l'ěžúv'is. nýrkos. jínksnos. mazgáí. kúr buvéi? — jiujóí. iš kúr ejm'í? — iz jiujóis. caγ'ónas, cagónas, cagon'al'is. kultuv'é. c'íunas. m'ikúl'is tutúl'is un k'ims'álo s'ad'éjo, rudú póŋtu sud'éjo.

v'enu pavásary šýlta búvo, sóule žyb'ino o m'ás nuv'ájom aš targónsku búl'bu sož'ín'c'. o áš n'éko n'e_aps'is'ág'ou, l'íš v'e-nóí rubáškoí nuv'ájou sož'ín'c'. kad is'ik'éla kmorá, kad dáu l'etús, tai garéi máno stás'is búvo ap's'is'ág'i manynárku, tai mán dáu aps'is'ákc', áš l'íkou sousá, l'etús man'í n'e_ážl'íjo. bús'ála rágana, súk súk rátu, áš dúos'u čabátu.

g'éjk aždaraj meik'aláic'i tvártan. páršas, paršal'ai, méik'al'is, k'oula. kat patéjs'i mán tú bl'akon'al'i, tai áš butóu atn'ášy gázo n'až'él'on. v'ilkanókas. n'a_nór éic' tvártan. újs' tvártan! akýš tvártan! gýl'a loukán. gýl'a namó. šárka. várna. žv'irbl'is. žus'is. gajž'ís. v'íštá. g'agúže, g'aguzále. jáu g'agúže kuk'ója. strágž'd'e žaméi skránda un l'etóus. skrydo ž'íkos'os ún'c'es. žuroul'ís.

un's'im'ín manús vajlokús, táu bús šyl'c'ou kójos. núu vor'é šal'c'ou kap_vákar, šal'c'is v'éjas. palúdn'us jóu, paludnav'ós'im jóu. paγ'urkl'is. g'arklé. m'až'inóí ob'el'é. m'áž'as. grušá. v'íšn'á. s'l'ivá.

grúdu grúdu p'alály^í, v'íre bóba košály, gárž'icku, sál'ž'icku. ítam dáu, ítam dáu, ítam dáu, ítam dáu, o ítam sún'c'u pún'c'u p'ar_káktu. kúr málkos n'e_átn'aše, k'óulu n'e_pap'an'éjo. c'á kal'n'al'is, c'á lob'al'is, c'á g'il'ús g'il'ús šul'n'al'is, gardús saldús un'd'an'al'is. und'óí.

s'v'iršn'á. arax'v'inos. v'írkščos, žýrn'ai, n'ažájn'itas b'arn'úkas. botágas. v'al'n'is. ót, žagarú n'éra gražú! jaunóí s'éž'i s' c'es'ós runkós, ir_klóp'a. jélav'íča. l'al'ingá kárv'e, t'al'úos'is až'm'enu až'dú. ar_t'al'ic'áit'e ar_v'arsál'is? žýlas kác'inas. s'c'íklas n'og_l'émpos. ž'erav'íekaj. suk'anjá. švadá. stódu kárv'u nuváre. boc'á. éjk tátos. ážaras. k'aušýn'ai. póŋtas. nulýndo paúkas. pat_kúrou p'áču. aždár durýs kat_šál'c'is n'a_unéit.addáraí l'úktu. v'óžolas. čarn'ícos. brušn'ícos. s'in'ícos. traskáukos. kou'n'érus. túnkus m'áž'as. ž'id'al'is. p'alé, p'áles. pak'óp n'ok_p'al'ú. labéi aštrús p'éil'is.úg'n'is. rý'tas, ž'iená, nak'ís, mý'las. cybul'á, cybúl'os. dún'c'is. pasouž'ic' b'iržály^í. áž'g'i n'a_žnóju. v'ažýmas. sál'ž'os.

s'éjou rútu, s'éjou m'étu, s'éjou l'il'ajály, s'éjou sávas jáunas ž'iénas kab_žál'u rut'ály.

l'atut'al'u n'a_l'íi, n'a_l'íi. tav'í vejkéi pašáls pašáls, pa_kru-m'al'ús s'ad'édamu, lústu d'ónos turédamu, pa_raik'ály raik'ídamu, pa_kus'n'al'i dal'ídamu.

c'íko pac'íko kat_m'an'al'is t'áka. kó tú marg'ála t'áp oukščýckaj šók'a? káp mán n'a_šokc'a, man'í bóc'os aš_t'ó jáuno addavójo, áš tú jóŋnu s'an'éi pažynójou. p'ar_n'ad'éil'u v'inúm častavója, p'ar_m'as't'al'i su muzýkom pralajž'ž'in'éjou. k'ó tú m'arg'ála t'ép gajl'ickaj v'ark'í, káp mán n'a_v'érkc'a, aš_tú s'ánu addavójo, p'ar_n'ad'éil'u búl'bam častavója, p'ar_m'as't'al'i su_šun'ím'i pralajž'ž'in'éjo. su_kroujú.

šók šók n'argužéla, áš táu d'ós'u p'irag'al'i. táva súdas n'a_p'i-rágas, távas nós'is kap n'orágas. baz'n'íča. žv'érys. žuv'ís. kmóros váikščoja, bús zára l'etús. padéik arc'ou, n'éko n'a_g'irž'ú. c'á, c'onáí.

Польский говор

ták'i mlódy kráv'ec. šýmon, jíc' pšýn'es' san'c'im'étr, xoc'_mlódy ál'e_póiz'eš do_vójska. podlóga. šééxa. ókno. žv'í. žbán. žbánek. ófca. vróta. p'éc. šápa. šuf'l'áda.žalúješ móje kam'én'i? tó muj mlýn. ják l'úž'i xcón ták i_róp. bal'šév'ik pšýjéxal. c'ó janý zvarjavál'i čy_c'ó? pojádon do_l'ásu pšyv'ózon žéva na_budóvl'a dómu i_začýna stáv'ic' dóm. zrómb'on ž'és'en'c' v'ánkuf, póty m kládnon bél'k'i, póty m rób'on krókvý i_l'atújon. póty m krýjon ščšékon. póty m rób'on ókna, p'éc, vysypújon dóm p'ásk'em. kládnon podlógén. i_dóm gotóvy, móžna s'éž'ic'.

pújdan na_lónkan kós'ic'. polóžym torbéčka s_xl'ébem, kavaléček slon'íny, sérek, k'ilbásk'i. b'éžem za_kóse i kos'ímy. gož'íny ž'v'é pokos'íl'i_s'e, tédy bén'ž'em kúryc' maxórka. ž'és'en'c' m'i-

nút otpočén'l'i i znúf bén'z'em kós'ic'. pšýšla dvunásta goz'ína — ób'at. goz'ína otpočýnku. o_p'érfselj goz'ín'e iz'ém znúf kós'ic'. kós'im do_v'ečóra. kol'ácje z'jédli v'ečóram i_spác'. vót i_skón-čyl_s'e z'én'. sróka. vróna. vrúbal'. gén's'. kógut. kurčénta. kukúlka. jaskúlka. slón'ik. žuráv'a pol'ec'ály. z'ě_š tý polóžys tá kob'éta? spotkála_s'e s_tón kob'éton. šýmon, jíc' kúp kapél'uš. dal'ikátym spasóbam.

* * *

tám bórem l'ásem
mlódy jás'ak jéxal
plakála z'efčýna
dó_n'ei n'e_zajéxal

a_já n'e_plakála
i_plákac' n'e_bénde
já_s'e n'e_koxála
i_kóxac' n'e_bénda.

sokóly sokóly
vysóko l'atájon
n'e_jednému xlópcu
nov'íny podájon.

nov'íny nov'íny
smútné i_vesóle
že_júš jégo l'úba
do_šl'úbu gotóva.

zakladájc'a kón'i
zakladájc'a s'íve
pojáde zobáčyc'
čy_tó právda býla.

zakladájca kón'i
zakladájc'a gn'áde
pojáda zobáčyc'
čy_v'él'ka gromáda

óijáda já jáda
mé kón'i potn'éjon
ax_bóža múj bóža
ják mn'é sérca mdl'éja

lšédlem do_kos'c'óla
sklon'ílem_se n'ísko
ax_bóže múj bóže
ják za_sérca s'c'íska

stóji mója l'úba
m'énzy družěčkám'i
v_b'álaj suk'enécece
ubrána kv'atám'i

n'éxaj óna jíz'e
n'éx búk ščén's'c'a
dáje
já popróše ks'énzja
ks'énc jéj šl'úbu
n'é_da

* * *

s_kol'oncégo žéva
plótu n'e_zagróz'is
menžófsk'ej matúl'i
n'ígdy n'e_dogóz'is

menžófska matúl'a
báržo ráno l'stáje
a_mn'é mloz'is'én'k'ej
dlúgo spác' n'e_dáje.

s_kal'oncégo žéva
plótu n'e_zagrož'is
menžóuskaĭ mamún'i
n'ígdy n'e_dagóz'is.

menžóuska mamún'a
báržo rána f'stájja
a_mn'é mloz'us'án'kaĭ
dlúga spác' n'e_dájja.

ustaváĭ synóva
bodáĭ tý n'e_fstála
vypénzaj té króvy
có dó_mn'e pšygnála.

mamún'a v'ez'ála
že_já krúf n'e_m'ála
pó_co svégo sýna
dó_mn'e pšysylála?

já n'e_pšysylála
tý samá xoz'íla
čarným'i očkám'i
tý jégo zvoz'íla.

z'm'íl'kn'i tý synóva
n'e_oc'c'v'éraj gémbj
bo_jak_xvýca kúbak
to_vyb'íjen zémby.

mamún'a mamún'a
mýs'l'is já n'e_úm'em
bo_jak_xvýca kám'en'
f_sámy zémby tráf'e.

mamún'a mamún'a
já c'éb'e n'e_bóje
já za_tvójim sýnam
já za_múrem stójen.

synóva synóva
xtó_š tén múr muróval
tén_to múr muróval
xtó sýna řodóval

z'enkúje mamún'a
že_vyřodovála
ál'e n'e_dočékaš
žéby katovála.

ustaváĭ synóva
badáĭ tý n'e_fstála
vypánžaj té króve
có dó_mn'e pšygnála.

mamún'a v'az'ála
že_já króf n'e_m'ála
pó_co svéga sýna
dó_mn'e pšysylála?

já n'e_pšysylála
tý samá xoz'íla
čarným'i vačkám'i
tý jégo zvoz'íla.

mamún'a, mamún'a
já c'ab'é n'a_bója
já za_tvójim sýnam
já za_múram stója.

(Приведены фонетические варианты песни, исполнявшейся дуэтом — М. С. Берник и М. В. Тулько).

* * *

mul'áržy mul'áržy
có vŷ mal'ujéc'a
po_jédnaj cag'élcy
do_múru kladn'éc'a.

mul'áržy mul'áržy
čégo_š vām počšéba
c'i_vápny c'i_řl'iny
c'i_ládnaj z'aučŷny.

počšébná nám vápna
počšébná nám řl'ína
do_dómu nového

fsystk'égo dobrého
i_ládna z'aučŷna.

Образцы письменной речи

1. zukłonem Wam Jozefa i Stanisław w pierwszych słowach naszego listu zawiadamiamy my wam że my jesteśmy żywi i zdrowi. Ateraz droga Tamara i twoja rodzina życzymy my dla waszej całej rodziny 1969 rok szczęścia i uspiechow wrobocie a dla waszego synka żeby wielki rus zdrowy i rozumny był. Ateraz para słow oswajm życiu. Żyjemy tak samo jak i żyli zdrowia mego Stanisława niepolepszył się kaszel mency. Unas taksamo mrus był wielki sniegu nie duzo ale około pietnastego stycznia zupełnie stało ciepło niema ni sniegu ni mrozu niewiedome jak długo tak będzie ciepło. Droga moja znajoma Tamara Michaiłowna ja wam opisze onieszczęściu Naboże Narodzenie jednego młodego traktorystego pojechał wozic torf i umarł nagłą śmiercią zastał się młoda żona i cztery curki. Drugie taksamo nieszczęście wsąsiedniej wiosce gospodynia wypaliła w piecu wszystko porobiła i poszła do sąsiada posiedziec i umarła. Jadzia przysłała list wszystkie zdrowe. I odwas otrzymała dowiedziałem się jak zajechała do domu i w domu wszystko dobrze i temi słowami zakaczam swój list dowidzenia domiłego zobaczenia i usciskam wasze prawe ręce i czekam odwas predkiej od powiedzi. Droga Tamara prosze wybaczyć że zle napisała dobrze niewidze linijek. Domyślałem się jak ja byłem mała tak to babulka moja mnie opowiadała taką bajkę nażagunskim języku

Du du kur ejši dalgi kalc
du du kam toj dalgie szenu szenauc
du du kam tas szenas
du du krwiałej
du du kam toj krwiałe
du du kad pienialo dowod
du du kam tas pienialis
du du maskem wajkiałam
du du kad wejkiałej dzidzieli iszoukt
du du ir saw bociuli szkadzint
nu ir wisa skaska.

2. zukłonem wasze znajome w pierwszych słowach naszego listu zawiadamiamy że my jesteśmy żywi a zdrowiem niema cośię pochwalic muj Stanisław niema poprawy nadworze tak ciepło i unas tak pienknie las zazelenił się ptaki spiewają a on biedny stenka i kaszła niema żadnego ratunku i wbolnicy leżał i niema żadnej poprawy mnie tak samo niema zdrowia rozbolał się obie nogi i niemoże chodziec leżałem ja taksamo wbolnicy dziewiec dni i ukoły dawali po dwa nadzien i lekarstwo i tabletki nic nie pomogło tak i niema żadnej wesołosci i neiwem co będzie znami życ trzeba i pracowac i niemożemy pracowac. Teraz droga Tamarka życze dla waszej całej rodziny szczęścia zdrowia dla synka waszego żeby wielki rus i rozumny był i dla waszych rodzicow życze szczęścia i zdrowia ja wasz list otrzymałem i wlicie pocztowke za kturę serdecnie wam dzienkujen i drugon pocztówke na pierwszegomaja dostała i od córki. Ty Tamarka pytasz co Władunach słychac nowin niema żadnych wszystko dobrze. Pracujon ludzie na polach sieją zboże i kartofle sadzon ogrody uprawiają cebule sadzon. Krówki jusz pasą kukulki jusz kukują zakaczam swój list temi słowami dowidzenia kochana Tamarka do miłego zo baczenia usciskam wasze prawe ręce i całuje was wszystkich. Czekam od was od powiedzi.

Ateraz wam Tamarka wypiszę wiosenon piosękę Naonej łonce zielonej pasła pasterka baranka i od samego poranka słyszała głos ulubiony głos kukulki w bliskim lesie doniej uszu echo niesie kuku. kuku. kuku. ach przestań kukulka kukac żekła pasterka znużona jusz więcej nie chce cie słuchac kukulka znikła sproszona. Dziewcze żalu zapłakała zakukulką wciasz wołała powruc. powruc.

Kochana Tamarka Michaiłowna to ta piosęka którą ja spiewałem jak chodząc doszkoły przypomniałem swoje młode lata jak było wesoło jaka byłem leka jaka byłem prendka ateraz taka ciężka taka nieprendka nogi bolą to asz zapłakałem doczego człowiek stary dochodzi. Starosc nie radosc amłodosc niewiecznosc. No i jeszcze ras kochana Tamarka dowidzenia domiłego zobaczenia prawda za pomniałem tobie napisac że tę Władysława Tulko umarł co to was przyprowadził zeskoły Mikołaj Uljanowich donich on zwami rozmawiał politewsku tajusz goniema oddał ducha Bogu Tamarka prosze rozbierec może coniedobrze napisała niewidzę dobrze linijek.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ
В РАЙОНЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

М. И. Лекомцева

В начале XX в. Ян Розвадовский отмечал островок литовского языка — «кусочек Лидского повята к востоку от Эйпишек и Дубичей»¹. Это подтверждается полевыми наблюдениями современных литовских диалектологов².

Теперь в деревнях Стасилы, Сосанкишки, Дайнишки и Дайнава Эйпишского района — они находятся приблизительно в центре треугольника, вершины которого приходятся на Шальчинкай, Канюкай и Бенякони, — живет только шесть человек, говоривших в детстве на литовском диалекте, а потом перешедших на польский и белорусский диалекты. Это — информанты автора в экспедиции летом 1968 г.: Франц Аксамит (Сосанкишки), Андрей Александрович (Дайнишки), Марина Богдюн (Стасилай), Виктор Васюкевич, Зофья Максимовичене (Сосанкишки) и Станислава Стасило (Стасилай) — все старше 70 лет. Кроме того, использовались данные информантов Станиславы Аксамитовой и Станислава Стасило, которые говорят на польском диалекте и «попросту» — на белорусском.

В Сосанкишках есть школа на польском языке, и языком, предпочитаемым в разговоре дома и с детьми, является польский. Школьники и многие взрослые владеют литовским литературным языком. Довольно быстро усваивается русский язык. Основным языком междиалектного общения является белорусский — «простый», как здесь его называют, язык.

¹ J. Rozwadowski. Język polski i jego historia z uwzględnieniem innych języków na ziemiach polskich. «Encyklopedia polska», Kraków, 1945, t. III, стр. 367; Он же. Mapa językowa obszaru litewskiego. Kraków, 1944.

² «Lietuvių kalbos tarmės». Chrestomatija. Vilnius, 1970, стр. 373.

История взаимодействия языков на этой территории освещена в статье А. Видугириса в материалах комплексной экспедиции в Дубингяй³. Лингвистически этот район зондировался А. Видугирисом, публикации данных литовского языка касаются пунктов, лежащих в 10—15 км от описываемого района⁴, материалы польских говоров — еще более отдаленных территорий⁵. Относительно белорусского говора публикации не дают достаточно точной локализации явлений фонологии: по-видимому, ближайшие описанные территории находятся более чем в 40 км⁶.

В литовском говоре описываемого района выделяются следующие звукотипы:

- t — tù 'ты', tákas 'ток', v'istà 'курица', róuta 'яйцо'
 t' — t'ievas 'отец', mart'ì 'сноха', s'p'e:t'is 'пой', pagul'd'it' 'положить', mó:t'ina 'мать'
 d — dabař 'теперь', padlóga mazgót'i 'мыть пол'
 d' — gaid'is 'петух', láid'it' kár'v'e 'доить корову', d'id'el'is 'большой', gard'ou 'вкуснее'
 n — našl'is 'вдовец', šaim'ina 'семья', vanduo 'вода'
 n' — an ván'd'en'i 'на воде', bál't'in'a 'белье'
 c — cygōnas 'цыган', cūr'a 'пищит', cukrus 'сахар'
 c' — ploūc'eī 'легкие', šal'c'eī 'холода', in k'ac'v'iftu 'на четвертый', g'iv'an'c' 'жить'
 dž' — dž'ev'in'tas 'девятый', dž'irvōnas 'залежь', ú:dž'a v'éjas 'гудит ветер', dž'ev'er'is 'деверь'
 s — sunùs 'сын', bluskút'e 'блузка'
 s' — an s'ēno m'igúot'i eīs'im 'пойдем спать на сено', s'asuō 'сестра', aps'ōv'e 'обута'
 z — zoslānas 'скамья', mazgúot'i 'мыть', abrazaī 'иконь'
 z' — z'v'īnpt'i 'жуужжать', k'v'iētkai žýz'a 'цветы цветут'
 p — róuta 'яйцо', lopšỹs 'колыбель', šāpa 'шкаф'
 p' — k'v'ā:p'a 'пахнет', nup'irko 'купил', p'ád'is 'сноп'
 b — balà 'болото', bobūt'a 'бабушка'

³ A. Vidugiris. Kalbų sąveikos klausimu. — Сб. «Dubingiai». Vilnius, 1971.

⁴ «Lietuvių kalbos tarmės», стр. 373.

⁵ K. Nitsch. Język polski na Wileńszczyźnie. «Przegląd współczesny», 1925, № 33; H. Turska. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. Wilno, 1939; T. Zdancewicz. Wpływy litewskie i wschodnie-słowiańskie w polskich gwarach pod Sejnami. «Acta Baltico-Slavica», t. I. Białystok, 1964, стр. 227—246; Он же. Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnami. Poznań, 1966.

⁶ «Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак». Мінск, 1968; В. Н. Немченко. Фонетические и морфологические особенности говора Ионавского района Литовской ССР. «Уч. зап. Вильнюсского гос. ун-та им. Капсукаса». Языковедение, т. I, 1958; А. П. Непокупный. Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, 1964; Т. М. Судник. Lazūnai. Литовская, белорусская и польская фонологические системы. — Наст. сб.

b' — lób'i 'внизу', b'áržas 'береза', ób'ela 'яблоня'
 m — žáma 'низко', máno 'мой', támsos 'темный'
 m' — m'ādž'as 'лес', m'iegót'i 'спать'
 f — fartuk'él'e 'фартучек', fābr'ikas 'фабрика'
 v — važ'úot'i 'ехать', pavakar'is 'ужин', kvāras 'больной'
 v' — v'ádras 'ведро', v'iena 'одна'
 č — v'ečárot' pavakar'is 'ужинать', čytót' 'читать', móčeka 'мачеха', aičē:mas 'отчим'
 č' — ač'ilsás'u 'отдохну', āč'u: 'спасибо', nuč'íko 'утих', p'āč'is 'печь', gron'íč'a 'межа'
 dž' — dz'ldž'is 'великий', gráudž'a 'гром гремит', m'ādž'as 'лес'
 š — šálna 'иней', šaijm'ína 'семья', šan'áut' 'уважать'
 š' — nuš'érga 'откормил', š'eif'd'en 'сегодня', š'n'iņga 'снег идет'
 ž — atóžalasa 'молодая поросль от корня старого дерева', žalā 'трава', g'egūžā 'кукушка', žyłas 'серый, седой'
 ž' — ž'am'a 'земля', ž'ūr'a 'смотрит', g'egūž'u 'кукушку'
 k — kója 'нога', móčeka 'мачеха', s'enē sāko 'раньше говорили'
 k' — k'óula 'свинья', k'ātur'is 'четыре', dangú reik'a važ'úot'i 'на небо надо отправляться', k'v'ār'a 'пахнет', anūk'a 'внучка'
 g — gúl'i 'лежит', ad'l'īga 'проталина', jaunóji pagalvóji eīt' pamō 'младшие решили идти домой', grybāut' 'собирать грибы', mazgāi 'мозг'
 g' — g'ár't' 'пить', g'ivul'éji 'скотина'
 ņ — lāņgoji 'у окна', š'n'iņga 'снег идет'
 ņ' — p'eņ'k'es 'пять', iņ'g'i nākt'i 'до ночи'
 r — raņká 'рука', xmorá 'туча', gāik'a 'надо'
 r' — r'ítas 'утро', kár'v'e 'корова'
 l — ágla 'ель', lašká 'кровать', lādas 'лед', iš lajšk'n'ù 'из шелухи'
 l' — kl'ānas 'клен', pavál'g'is 'поест'
 j — éjo 'пошел', doņk tūr'im jávo: pnykúl'is 'у нас много намолоченного ячменя', jauna 'молодая'
 y — rušys 'сосна', mažy 'маленькие', grybas 'гриб'
 э — žaibāi 'молния', mazgāi 'мозг', vaiķāi 'дети', majšāl'in 'в мешок', aīnam 'пойдем', žalā 'трава', g'erāi 'хорошо', bāzda 'борода'
 а — anūkas 'внук', p'eņ'k'ós ad'inos vākaru 'в пять часов вечера'
 u — krūmas 'куст', mažūkas 'маленький', bobūt'a 'бабушка'
 i — š'n'iņga 'идет снег', ilgas 'длинный', t'lk 'только', vad'ina 'зовут', g'īvas 'живой', aņkst'i 'раннее утро'

о — tmōnas 'туман', lób'i 'внизу', an s'ēno 'на сено'
 е — éjo 'шел', t'ēt'e: 'тетя', s'p'et'is 'рой', s'èsk'it 'садитесь'
 æ — s'æt' 'сядь-ка', r'itāeli 'утречком', k'ærpūgā 'шапка'

Идентификация приведенных звукотипов представлена в табл. 1, сопровождаемой правилами возможных минимизаций исходной матрицы (см. табл. 1 и 2).

Для сочетаемости звукотипов в этом говоре существенно следующее:

1) $C_1 C_2^o C_2 \rightarrow S_1$, т. е. перед *i* и *e* могут быть только мягкие согласные и сонанты — bitin' av'il'is 'пчелиный улей', n'e rad'éjoč 'не видел'.

2) $C_1^o (Cp^o S^o Fl^o)_2 \rightarrow S^o$, т. е. перед *э* и *у* могут быть только твердые согласные и сонанты — žalā 'трава', labāi 'очень', žyłas 'серый', žaibāi 'молния', rušys 'сосна', grybas 'гриб'.

3) $C_1 C_2 \dots C_n \rightarrow V_1 V_2^o \dots V_{n-1} V_n$, т. е. в группе негласных сонанты могут занимать только конечные позиции — atskrydo 'отлетели', arti 'пахать', v'irsta 'валится'.

4) $(V^o C)_{1\dots n} V_{C_1} \rightarrow V_{C_2\dots n}$, т. е. в группе собственно согласных, если первый согласный звонкий, то и все последующие согласные будут звонкими: iz'b'ég'is 'выбежали', razd'eig'e 'привязался', izgájša 'подохла', iz'dž'úba 'высохло'.

5) $(V^o C)_{1\dots n} V_{C_n^o} \rightarrow V_{C_2\dots n}$, а если первый согласный глухой, то и все следующие за ним согласные глухие: ošká 'коза', kūr-stas 'кочка', ru:kštūs 'кислый', rúk't' 'киснуть'.

6) $(C S^o)_n \rightarrow S_{n-1}^o$ — если в группе согласных и сонантов последний звукотип твердый, то и все предыдущие звукотипы группы твердые: atskrydo 'отлетели', plūņksna 'перья', vālgō 'ем'.

7) $C_1 \dots (CS)_n \rightarrow S_{n-1}$ — если последний звукотип группы мягкий, то во всех предшествующих ему звукотипах данной группы не может быть противопоставления по твердости—мягкости. Это значит, что указанные звукотипы или мягкие (k'v'ār'a 'пахнет', an'i pavál'g'is 'они поели'), или мягкие, находящиеся в отношении свободного варьирования с твердыми: s'p'et'is ~ sp'et'is 'рой', paņkšt'is ~ paņk'st'is 'птица', kap praz'd'éjo s'v'ies't'i ~ kap praz'd'éjo sv'iest'i 'как стало светать'.

8) В начале слова допустимы следующие группы негласных: а) $(V^o C)_1 (VC)_2$ — т. е. согласный и сонант: grybas 'гриб', tr'is 'три', pnykúl'is 'намолотили', ploņkt'i 'плыть', plaūst'i 'полоскать', kl'ānas 'клен'; б) $(V^o C Cp G)_1 (V^o C Cp^o G Cn Vc)_2$ или $(V^o C Cp^o G^o)_1 (V^o C Cp^o G Cn Vc)_2$, т. е. заднеязычные и переднеязычные согласные с *v*, *v'*: tvárt'i 'водворе', tvorá 'забор', d'v'ld'išymt 'двести', k'v'iētkaī 'цветы', k'v'ār'a 'пахнет', kvāras 'больной'; в) $(St Cn)_1 (St^o Cn^o)_2$ и $(St Cn)_1 (V Cn)_2$, т. е. сочетания *s*, *z*, *š*, *ž* со смычными и *l*, *l'*: s'm'irda 'смердит', žmōgus 'человек', s'n'édon'a 'завтрак', s'm'ért'u 'Acc. S. смерть', slōtu 'метлу'.

Таблица 1

č	++
č'	+ ++
v	+ ++
f	+ ++
f'	+ ++
l	+ ++
m'	+ ++
m	+ ++
b'	+ ++
b	+ ++
p'	+ ++
p	+ ++
s'	+ ++
s	+ ++
z'	+ ++
z	+ ++
žz'	+ ++
č'	+ ++
c	+ ++
n'	+ ++
n	+ ++
d'	+ ++
d	+ ++
t'	+ ++
t	+ ++
V C Cp D G Cn N Vc St S Fl T	

Таблица 1 (окончание)

æ	+ ++
a	+ ++
u	+ ++
i	+ ++
o	+ ++
e	+ ++
э	+ ++
y	+ ++
j	++
l'	++
l	++
r'	++
r	++
ŋ'	++
ŋ	++
g'	++
g	++
k'	++
k	++
ž'	++
z	++
š'	++
š	++
žz'	++
č'	++
V C Cp D G Cn N Vc St S Fl T	

Таблица 2

Имплицитные признаки	Имплицитные признаки	Имплицитные признаки	Имплицитные признаки
V V C° V C° Cp V C° S V C° Fl V C° G	Vc, St°, N° Cn D°, S°, Fl°, T Cp°, G° S° G°, N°, Fl°, T°	V° C Cp G V° C Cp G° V° C Cp° G V° C Cp° G Cn V° C Cp° G° V° C Cp° Cn V° C Cp° G° Cn° St Vc Cn° Vc° C°	Cn°, St° N°, St Fl N°, St, T° St° Fl° N°, St S T V
C Cp C Cp° V C Cp V° C Cp	D° Cn, S Fl°		

9) В конце слова может кроме гласных быть либо сонант (а): *dabač* 'теперь', *gùl* 'лежит', *balóčj* 'в болоте', либо глухой согласный (б): *dočk* 'много', *š'čet* 'сядь-ка', *ačk's* 'l'is 'ольха', либо назальный (в): *kartuŋ* 'вместе'. Соответствующие правила будут выглядеть так:

- а) $VCCp \rightarrow CnS$ или $VCCp^{\circ}Cn^{\circ} \rightarrow S^{\circ}$ или $VCCn Cp^{\circ} \rightarrow S$
 б) $V^{\circ}CN^{\circ} \rightarrow Vc^{\circ}$ $V^{\circ}C Cp^{\circ}G \rightarrow Cn^{\circ}S^{\circ}$
 $V^{\circ}CCp \rightarrow GS^{\circ}$ $V^{\circ}C Cp^{\circ}G^{\circ}St \rightarrow S^{\circ}$
 в) $V^{\circ}C Cp^{\circ}G^{\circ}N \rightarrow S^{\circ}$

10) Гласные в слове располагаются независимо друг от друга: *loršŷs* 'колыбель', *bobùt'a* 'бабушка', *anŷkas* 'внук', *krošn'is* *akm'en'ú* 'каменная россыпь в поле', *g'egúž'e* 'кукушка', *éjo* 'шел'.

В литовском говоре сохраняется противопоставление долгих и кратких гласных, хотя по сравнению с другими диалектами литовского языка некоторые лексемы представляют ряд отклонений от общелитовского типа. Эти отклонения группируются вокруг двух связанных между собой явлений: во-первых, удлинения кратких гласных под ударением (*pā:c* < *pàs* 'сам', *pušŷ:s* < *puš'is* 'сосна', *daržŷ:* < *darž'ì* 'в огороде') и, во-вторых, сокращения долгих гласных в безударных слогах (*gr'ept'ì* 'грести', *žā:m'a* < *žā:m'e*: 'земля', *n'ed'él'us* 'в воскресенье', *p'adúč'o:s* ~ *p'edúč'os* 'в снопах', *ramāt'e*: ~ *ramāt'i* 'увидел').

Важную роль при этом играет несовпадение систем долгих и кратких гласных: если система долгих гласных в начале слова и после мягких согласных может быть представлена как

i u
e o
æ a,

то система кратких гласных в этих же позициях выглядит:

i u
æ a

При сокращении долгих гласных *i*, *u*, *æ* и *a* переходят соответственно в краткие, а *e* и *o* не имеют кратких вариантов и поэтому оказываются неустойчивыми. При этом *e* как напряженное чаще отождествляется с *i*, хотя иногда (в конце слова — регулярно) отождествляется с *a*. Аналогично *o* при сокращении чаще переходит в *u*, хотя есть случаи и перехода в *a*: b'er'n'æli ~ b'er'n'æli ~ b'ir'n'æli 'мальчики', an galv'æ:l'es ~ an galv'æ:l'is 'на голове', an kru:t'in'es ~ an kru't'in'is 'на груди', anū:k'a 'внучка', bobùt'a ~ babùt'a 'бабушка', žām'a 'земля', ú:dž'a 'гудит', žy:dž'a 'цветут', n'ed'é:l'os ~ n'ed'é:l'os ~ n'ed'é:l'us 'в воскресенье', t'ev'æ:l'o: ~ t'ev'ā:l'u 'dem. Gen. S. отец', dž'é:gor'is ~ dž'égur'is 'часы', an ván'd'en'o: ~ an ván'd'en'u 'на воде'.

Этот процесс приводит к тому, что исконные *i*, *u*, *i:*, *u:* начинают варьировать с *e*, *o*: i šàku ~ i šàko: 'из сучьев', r'i:t'æ:l'i ~ r'it'æ:l'i ~ r'etæ'l'i 'утром', solaņktas ~ sulaņktas 'сognутый', s'é:d'e ~ s'é:d'i 'сидит', suryņko: ~ so:ryņko: 'собрали', nuok s'v'iěsu ~ nuok s'v'iěso: 'с рассвета', l'iko: ~ l'iěko: ~ l'eko 'осталось'.

После «отвердевших» согласных этот процесс проявляется в варьировании *э* и *у*: tr'ís ~ tryzd'āšymt ~ trəzd'ā:šymt 'тридцать', š'ir'd'á:lə ~ šyrd'á:l'e: ~ šərd'á:l'e 'сердечко'.

Однако при всем этом краткие гласные еще сохраняются под ударением (t'ik 'только', ru:tà 'рута'), а долгие — в безударных слогах (s'p'e:t'is 'рой', až'ij'k'e:s 'собрал'). Восходящая и нисходящая интонации также остаются смысловозначительными: gū:in'is 'солод' — gú:g'in'is 'жнивье'.

Для польского диалекта тех же информантов характерно свободное варьирование

t' — t'' — c'
d' — d'' — dž'
s' — s'' — š'
z' — z'' — ž'

trut'izn* 'яд' ~ trut''izna ~ truc'izna, t'epl'íca ~ t''epl'íca ~ c'epl'íca 'баба', d'et'óntko ~ d''et''óntko ~ dž'ec'óntko 'ребенок', šat' ~ šac' 'иней', íd'e ~ íd''e ~ ídž'e 'идет', s''áno ~ š''áno ~ s'áno 'сено', s'v'énto ~ s''v'eńto ~ š'v'énto 'праздник', pes''t'idélko 'сокровище' ~ p'es''č'idélko, s'u'ěx ~ š'n'ěx 'снег', z'ěm'a ~ z''ěm'a ~ ž'ěm'e 'земля'.

Звукогипы *f*, *f'* встречаются во многих употребительных морфемах: dúžo járkuf 'много яблок', dúžo jež'óruf 'много озер',

pšyiecháfsy 'приехал', zlaráfšy 'поймал', fájny 'хороший', f'inónzy 'деньги', fat'íga 'хлопоты', f'él'č'er 'фельдшер'.

В системе заднеязычных (V^o C Cp G) выступает непрерывный согласный, всегда глухой и твердый: sxy'l'óny 'сognутый', xúba 'может, разве', tróxe 'немного', xén't' 'желание', xéb'el' 'лучина, щепка'. Соответствующий звонкий встречается в немногих заимствованиях: hál'a 'крытые торговые ряды', hérot 'Ирод', h'ímna 'гимн'.

Систему сонантов образуют *j*, *l*, *l'*, *r*: lóško 'кровать', zadovólony 'довольный', gov'n'útko 'ровненко'. В ряде морфем *r* соответствует *š*, *ž* в других польских диалектах: kryš, kryžaček 'крест, крестик', škapl'éra 'часовня', kab ne býlo kúru 'если бы не было мусору', хотя: óltaš 'алтарь', nagžála 'нагрела', pšes'm'árdla 'протухла'.

В системе негласных по сравнению с исходным польским также наблюдается в ряде случаев характерное отклонение. Этимологически узкому *o* в части морфем соответствует *u*, в части *o*. Носовым соответствуют перед непрерывными сочетания чистых гласных с *n* и носовые, в исходе слова наряду с чистыми гласными встречается сочетание гласного с *n*, *m*: к первому соответствию — v lóšku 'в кровати', но — gúžej 'хуже' при mlút'it' 'молотить', kós't'ul 'костел' и др., ко второму — с одной стороны vósk'i 'узкий', dožýt'e 'стремитесь', iz_gal'éz'i 'из сучьев', m'ěsa kaválek 'кусочек мяса', с другой стороны — vénš 'уж', vóns 'ус'; при úžal m'ótlo 'увидел метлу', d'ét'am pšes'l'adúje 'преследует ребенка'.

Однако эти факты не нарушают системы сонантов и гласных, которую можно охарактеризовать в дифференциальных признаках так же, как и польский литературный язык.

В качестве особенности можно отметить «литовское» произношение *o* и *e* в безударных слогах некоторых слов, т. е. *o* и *e* произносятся как долгие, более узкие и напряженные гласные: rō:žán'ec 'четки', rō:góda, k'e:l'básy 'колбасы'. Как и в литовском языке, здесь при сокращении долготы появляются *i*, *u*, а после твердых *y*, *u*: rō:žóny ~ ružóny 'розовый', dž'é:v'e:n't' ~ dž'é:v'in't' ~ dž'év'in'c' 'девять', čtyrdž'és't'e ~ čterdž'és't'e 'сорок', jedynás't'e ~ jedenás't'e 'одинадцать'.

Под ударением такое произношение дает варьирование с дифтонгом: ós'em ~ uős'em 'восемь', p'éršy ~ p'iěršy 'первый', p'ěc ~ p'iěc 'печь'.

Согласные, следующие непосредственно друг за другом, согласуются по мягкости: rós'n'e tráva 'растет трава', postáva 'внешность', šés't' 'шесть', gžmóta 'гром', mýs'l'al 'думал'.

Широко известный факт отвердения *n* перед *s* в польских говорах Виленщины (slónce 'солнце', láncux 'цепочка') понятен на фоне согласования согласных и сонантов по твердости — мягкости в литовском языке.

Перед мягкими согласными и сонантами сибиллянты варьируют по твердости — мягкости: sp'ěšn'e ~ s''p'ěš'n'e 'спешно', n'e z'n'óse ~ n'e zn'óse 'не перенесу', s'l'íč'na ~ sl'íč'na 'красивая', pšes'l'adúje ~ pšesl'adúje 'преследует'.

Что касается структуры слова, то она отличается от соответствующей структуры в литовском языке:

а) наличием начальных групп согласных с предшествующим сонантом:

lbų 'бульжник', lgát' ~ lgác' 'лгать', gvác' 'вырывать', l'n'ánu 'льняной';

б) наличием групп согласных с сонантом между согласными: méntrcy 'мудрецы', krtán' 'горгань';

в) наличием в конце слова сочетаний согласного с сонантом krap'ídĭ 'кропильниц';

г) в конце слова возможны кроме литовских финалей также m, n', f, š, č, x:

kón' 'конь', s''édem 'семь', róznam 'узнаю', járkuf 'яблок', máš 'имеешь', déšč 'дождь', láncux 'цепочка'.

Гласные в слове не зависят друг от друга: gogóncо 'горячо', d'et'óntko 'ребенок', p'es't'idélko 'сокровище', хотя в некоторых словах и появляются варианты о—u, е—i в безударных и ie, uo в ударных слогах.

Ударение в основном на предпоследнем слоге, и это осознается как черта, характерная для польского языка

Окситонеза встречается в формах вокатива (map'úk! kaz'úk! stas'ú!) и в заимствованиях (durák, žul'jó). В односложных формах глагола с отрицанием ударение колеблется: n'ev'ém ~ n'év'em 'не знаю', n'emá ~ n'éma 'нет, не имеется'.

В белорусском диалекте этого района в подсистеме переднеязычных (V⁰ C Cp⁰ G⁰) наблюдается свободное варьирование мягких согласных по яркости, т. е. мягкость согласных часто сопровождается ассибилизацией, доходящей до полного сибиллянта: t' ~ t'' ~ c': pry plót'e ~ pry plóc'e 'у забора', pry d'it'óx 'при детях'

d' ~ d'' ~ dž: d'én' ~ d''én' ~ dž'én' 'день'
s' ~ s'' ~ š: s'av'ieŋka ~ s''av'ieŋka ~ š'av'ieŋka 'лукошко', s''ad'í ~ š''ad'í 'сиди', s'éna ~ s''éna ~ š'éna 'сено'
z' ~ z'' ~ ž: z'el'óny ~ z''el'óny ~ žel'óny 'зеленый', z''aml'á ~ ž'aml'á 'земля', z'el'v'íca ~ ž'el'v'íca 'золовка'.

Губные и переднеязычные (C Cp⁰), а также l противопоставляются по твердости—мягкости: tán'i 'дешевый', t'ahnú 'тяну', sadý 'сады', s''ad'í 'сиди', jón 'он', kón' 'лошадь', na vajnú, v'argnúš' 'вернусь', móx, m'ót, p'ačóm 'печем', na pagóz'e 'на пороге', b'adá 'беда', bat'án 'аист', l'ažýc' 'лежит', lažýc' 'клясть'.

Все шипящие в этом говоре только твердые — V⁰ C Cp G⁰ → S⁰: škl'ápěčka čáju 'стаканчик чаю', červóny 'красный', n'ebóščyk

'мертвец', atračýnu 'отдохну', dačká 'дочка', atčyn'ái 'открывай', xadžú 'хожу', hl'adžú 'гляжу', s'ádž, džęčýna 'сядь, девушка', sandžú 'усажу', pok'ínušy 'оставили', t''ep'l'éjšy d''én' 'день теплее', šal'óny 'сумасшедший', šmát 'много', šarón 'наст', šés't' 'шесть', šósty 'шестой', žyv'óly 'скотина', žyvý 'живой', žėb'ėrka 'ребра', žát' 'жать', žabrák 'нищий', žýv'íš 'кормишь'.

Из заднеязычных звонкие прерывные встречаются только после z, z': raz'g'ínu 'устройство для перевозки сена', zgl'ónt m'él'i na b'édnyx 'бедных имели в виду', zapal'én'e mozgóč 'воспаление мозга'.

В остальных случаях: V⁰ C Cp G N⁰ Vc → Cn. hátyĭ hót 'в этом году', hógə 'горе', tróx'e 'немного', ihrájš 'играешь', hróšy 'деньги', blohája 'плохая', b'ahúc' 'бегут', hádu ját 'змеиный яд', hl'ina 'глина', nóh'i 'ноги', cėhly 'кирпичи'.

Назальный заднеязычный выступает в тех же позициях, что и в литовском и в польском говорах: (Cp N)₁(V⁰ C Cp G)₂ → (V⁰ C Cp GN Cn⁰): rodžón'eŋ'k'e 'родимое', l'er'ánka 'мазанка', skryŋka 'улей, ларь'.

Система сонантов белорусского говора характеризуется (VCCn⁰ → S⁰) j, l, l', r, ŋ: jólka 'елка', zvarýč 'сварил', zvarýla 'сварила', skrydél'k'i rabý 'крылышки рябенькие', záčtra 'завтра'.

Для системы гласных характерны ê, ô, выступающие вместе с u, a, e, o, i (встречающимися и в литовском, и в польском говорах): xl'ép ~ xl'iep 'хлеб', b'édny 'бедный', s''av'ieŋka ~ s'av'ieŋka 'лукошко', d'ieška 'квашня', b'ieŋly 'белый', p'ěč 'печь', cv'ělá 'цвела', z'él'v'íca 'золовка', ós'en' ~ ūos'en' 'осень', ūos'em' 'восемь', buóty ~ bóty 'ботинки', buōp 'боб', hódovac' 'держат скотину', böháctva 'богатство', slóvú 'слова', p'ógn jĭx 'гром их разрази'.

Для сочетаемости согласных и сонантов с гласными надо отметить следующие: 1) (C S⁰)₁(V C⁰)₂ → S⁰₂, т. е. после твердых не могут быть i, e: čýsty 'чистый', hógə 'горе'; 2) (V⁰ C Cp G)₁(V C⁰ S⁰ Cp⁰)₂ → (G Fl)₂ — после заднеязычных не могут быть y и ə: nóh'i 'ноги', x'ítaja 'умная', k'ínušy 'кинул'.

В группе негласных сонанты занимают только концевые позиции: skrydél'k'i 'крылышки', u skl'ép'e 'в магазине', pačėgraieš 'почерпнешь', skvárku málo 'мало сала'. При этом v употребляется перед гласными, u — перед согласными и паузой: z'v'áčšy 'завяла', travá ~ tráčka, rad'ječ 'поел'. Вся последовательность собственно согласных, как и в говорах литовского и польского языков этого района, одинакова по глухости—звонкости: addavác 'отдавал', atračýn' 'отдохни'.

По мягкости согласуются только губные и переднеязычные:

(V⁰ C Cp⁰ S)₁ (C Cp⁰)₂ → S₂; (V⁰ C Cp⁰ S⁰)₁ (C Cp⁰)₂ → S₂

búd'n'i d'én' 'будний день', pas'l'á 'после', láz'n'a 'баня', z'm'él'im 'смелем', s'm'en's'áц 'заострил (косу)'.
Перед губными может быть свободное варьирование в этом случае: s'p'aváí ~ sp'aváí 'пой', z'm'él'im ~ zm'él'im.

Для вокалической структуры слова надо отметить, что:

1) После согласного под ударением различаются гласные:

i	u	kur'fú	'купил',	p'ilúim	'пилим',	tl'éla	'тлела',
ê	y	žýv'íš	'кормишь',	bór	'боб',	radjéc	'поел'
e	o	'зола',	žág	'горящие	угли'.		
a							

2) Если слово начинается с ударного гласного, то этот гласный может быть:

i	u	ím'a	'имя',	úcut	'учат',	ós'en	'осень',	ádž'ina	
e	o	'змея',	éta ~ héta	'это'.					
a									

3) Если слово начинается с безударного гласного, то в начале слова возможны гласные:

i	u	išlá	'шла',	ušóušy	'ушел',	ad''ína	'час'.
a							

4) В предударном слоге после твердых согласных выступают:

y	u	hryrk'í	'грибы',	rakuránaia	'купленная',	rōžán'ec				
э	ô ~ o	'четки',	bol'át ~ bal'át	'болят',	žagab'jó	'жеребенок',	bôt''án ~ bot''án ~ bat''án	'аист',	roídú	
a										

'пойду', džeučýna 'девушка', kas''ít'' 'косить', žab'érka 'ребра', сэр'íl'na ~ сар'íl'no 'длинная палка у цепа', buláuka 'короткая палка у цепа'.

5) После мягких согласных:

i	u	p'il'n'út'es	'берегитесь',	pars'učók	'поросеночек',	s'v'élá ~ cv'elá	'цвела',	p'atúx	'петух',
ê ~ e									
e ~ a		l'at'óm	'бежим',	z'ě:ml'á ~ z'aml'á	'земля',				

na bōs'aká 'босиком', l'akčéj 'легче', hn'azdó 'гнездо', n'a v'as'ólo 'невесело', t''apl'ějšy ~ t''erl'ějšy 'теплее'.

6) В заударных слогах после твердых согласных выступают гласные:

y	u	spadn'íca	'юбка',	výhъdvála	'вырастила',	mámo!	
ъ	o	'мама!',	rabóty ~, prásu	'утюг Асс. S.',	hóгэ	'горе',	
a		kryžáček	'крестик',	хбээ	'хочет',	b'élomu s''v'étu	

'белому свету'.

7) В заударных слогах после мягких возможны гласные:

i	u	un'ed'él'u	'в воскресенье',	trymáje	'держит',	zrób-
e		l'ena	'сделано',	sx'íl'inny	'согнутый',	synovája
a		'вестка',	rám'at	'память'.		

Объем варьирования гласных в безударных слогах у разных информантов неодинаков: минимально акающие и якающие варианты представлены у семьи Аксамитов, где они составляют приблизительно половину форм — остальные формы с о, е, ô, ê, максимум — у М. М. Богдюк, хотя и у нее встречаются формы типа rodž'ina 'семья', oddalá 'отдала', oltár 'алтарь', bol'át', b'élomu, m'en'é 'меня', u n'ed'él'u 'в воскресенье', tvoje slóvu 'твои слова', tancovát'' ~, uk'elzány 'обузданный'. В отдельных словах варьируют o ~ u, e ~ i: m'en'é ~ m'in'é, kfošn'íčka ~ krušn'íčka 'печь', v'ěč'og ~ v'ěčur 'вечер'.

Относительно распределения согласных в слове необходимо отметить сочетания двух одинаковых согласных: zbóžža 'зерно', nabrénnajet 'нарвет', s'an'n'íčk 'матрац с сеном', addaváu 'отдавал', которые часто сокращаются, особенно в длинных монологах, до одного согласного: sx'íl'inny ~ sx'íl'inny 'согнутый', psujéssa ~ psujéca 'портиться', addaváušy ~ adaváušy 'выдал замуж', pryv'óššy ~ pryv'óšy 'привез', pšcal'in'n'ik ~ pšcal'in'ik 'посека'.

В ряде слов начальное h перед l и гласными утрачивается: hl'ína ~ l'ína 'глина', na hlavú ~ na lavú 'на голову', úmna 'гумна', arščók 'горшок', atav'ila 'готовила' и т. п., однако эти явления еще не затрагивают структуры слова, так как h сохраняется в других лексемах в этих же позициях.

Литовский субстрат определяет возможность мягкого варианта r' (skn'ár 'скряга', mar'g'él' — кличка теленка), выступающего чаще всего в группе мягких согласных: bar'v'óna ~ bar'v'óna 'бревна', p'ars't'ón'ik ~ p'er's't'ón'ik 'колечко', žab'érka ~ žab'er'k'i 'ребра', спорадически в этих же позициях появляются ž', š', č': krošn'íčka — kroš'n'íčk'i 'печки', kurčučkó — kurčuč'k'i 'цыплята', kúžny — kúž'n'i 'каждый'.

Взаимодействие говоров литовского, польского и белорусского языков в описываемом районе является продолжением того процесса контактирования языков на Виленщине, который начался еще в XIII—XIV веках.

Литовский говор под влиянием белорусского и польского языков изменился в следующих отношениях:

1) появились гласные y, э с распределением, аналогичным польскому и белорусскому;

2) в группах негласных стало возможным свободное варьирование по твердости—мягкости;

3) свободное варьирование по яркости у переднеязычных мягких согласных закончилось фиксированием мягких неярких почти во всех случаях. Возможно, это связано с тем, что в дзукающем

литовском говоре были широко представлены мягкие без ассимиляции t' , d' параллельно с ассимилированными s' , $dž'$ ($p'ir't'i$ 'в баню' — $p'ir's'i$ 'баню'); на фоне ассимилированных мягких белорусского и польского говоров это привело к выделению произношения неассимилированных мягких как характерной черты именно литовского говора и к распространению такого произношения на все s' , $dž'$ в том числе и на $s' < č$, $dž' < dž$.

Белорусские говоры определили изменение акцентных отношений в литовском и польском говорах.

В литовском говоре гласные под ударением во многих случаях стали долгими, а в безударных слогах долгие гласные во многих случаях сократились, что привело к появлению кратких e , o или к варьированию $e-i$, $a-o-u$ из-за отождествления e , o с a , или u , i .

В польском говоре в ряде групп слов изменилось место ударения в соответствии с белорусской моделью, удлинился ударный гласный, а безударные гласные вовлеклись в зону варьирования, определяемую литовским языком.

Белорусский говор в устах людей, знающих литовский в качестве первого языка в жизни, характеризуется прежде всего «напевностью» — литовской интонационной моделью. Предударный слог часто произносится с циркумфлексной интонацией, и тогда в этом слоге становятся возможными и e , $ê$, o $ô$. При кратком произношении этого слога e , o заменяются на a , i , u .

Сочетания согласных стремятся быть однородными по твердости—мягкости: в ряде случаев это приводит к появлению мягких вариантов g' , $ž'$, $š'$, $č'$. Часто устраняются геминированные согласные.

При том большом количестве заимствований в каждом говоре из двух других, которое наблюдается в этой зоне давних языковых контактов, выделились четкие правила фонологической адаптации, позволяющие определить, какому именно говору принадлежит это заимствование.

Кроме переноса ударения в соответствии с акцентуационными отношениями балто-славянских языков ($xmága$ — $xmogà$ 'туча', $lòška$ — $laškà$ 'постель') действует и теперь правило замены o на a и обратно в заимствованиях из белорусского и польского, с одной стороны, и литовского — с другой: $tók$ — $tákas$ 'плита у печи', $rodúška$ — $páduška$, $kóm'in$ — $kám'inás$ 'печь с трубой', $láva$ — $lóva$ 'кровать', $márta$ — $mórta$ (имя), $ána$ — $óna$ (имя).

При адаптации польских и литовских лексем в белорусском говоре g заменяется на h , мягкие $š'$, $ž'$, $č'$, g' — на соответствующие твердые, гласные меняются в соответствии с вокалической структурой слова белорусского говора. При заимствованиях в литовский говор x заменяется на k ($xvóga$ — $kvāga$ 'больная', $p'éx$ — $p'ék$ 'пусть'), но f , f' субституции не подвергаются ($far-tuk'él'e$ 'фартучек', $f'igoŋ'k'es$ 'занавеси', $f'inoŋzà$ 'деньги').

Затронутые проблемы взаимодействия литовского, польского и белорусского говоров требуют дальнейшего изучения, в частности, изучения устройства схем порождения фонологических последовательностей во всех трех говорах и соотношения отдельных групп правил, описывающих различные фрагменты взаимодействующих систем.

ТЕКСТЫ

(записаны от М. М. Богдун)

kap atvažávo jūodas kudlótas, t'in-t'in-l'i-l'u-l'i, jūodas kudlót		
ir inžabōtas àk'i išválta	»	ir inžabōt
kójas nutráukta àk'is išvált	»	ák'is išvált
važ'ávo, važ'ávo, pamāt'e vaŋnu	»	pamāt'e vāŋn
iš'v'ir'a žárnu, pamāt'e várnu	»	iš'v'ir'a žárŋ
važ'ávo, važ'ávo, pamāt'i p'irt'i	»	pamāt'i p'irt'
pamāt'i p'irt', dúmaŋ baž'n'ic'a	»	dúmaŋ baž'n'ic'
pamāt'i p'áču, dúmaŋ valtóras	»	dúmaŋ valtór
pamāt'i šlō:tu, dúmaŋ krap'ídla	»	dúmaŋ krap'ídł
k'æpūra pap'l'i:šy da b'e kazýrka	»	de b'e kazýrk
kaip várna s'lízdas iš šáku d'irpta		
pač juōdas kap cygōnas	»	kap cygōn
jo nōs'is kap izbōnos	»	kap izbō
ilgas solaŋktas		

a jak pryjéxaŋ čórnyj kudlátyj
i uk'ilzányj / uv'id'eŋ varónu,
zwar'íŋ k'íšk'i
jéxaŋ, jéxaŋ / uv'id'eŋ láz'n'u /
uv'id'eŋ láz'n'u / dúmaŋ kas'tól /
uv'id'eŋ p'ieč / dúmaŋ oltár
uv'id'eŋ pam'aló / dúmaŋ krap'ídla /
šápka parvána / i b'es kazyrká /
jak varóny hn'azdó is sukóŋ sróbl'ena
sam čórnyj jak cyhán / jaho nōs'ik džbán /
dlúg'ij / sx'íl'ennyj /

* * *

g'éda, gaid'æ'l'ej	sp'avái, p'atúx
áŋkštu r'e:t'ál'ej	rányj ránk
k'ál'k'is b'irn'al'i	ustavái xlóp'ec
éjk'it darb'æl'ái ⁷	idž'í na rabótu

⁷ Вариант: darb'al'é.

dar n'a suk'ál's'u
dar n'a d'én'ál'a
dar n'a bud'ína⁸
man'í m'erg'æl'a
aš ir pašk'él'ou
aŋkštu r'et'æl'u
jóm'eu darg'æl'u
éjnam darb'æl'u
šanáut' šan'æl'u
dar n'a šan'avam
ir n'a pradal'g'ēju
žúru at'éjo
màno: m'erg'æl'a
s'esk'it m'erg'æl'a
skáudo kojæl'is
bálto reŋ'k'ál'i
áč'u, b'ern'úkas,
uš távo žod'æl'u
aš ač'ilsás'u
pas mot'in'él'u

* * *

jauna s'irat'él'e
n'a túr' sa t'av'æl'o (t'iv'æl'o)
n'a tur' sa t'av'æl'o
n'e i rádna mot'ína (mót'ina)
t'ik v'jěnu s'esúl'u
kejp v'jěnu g'egúl'u (g'e gúžu)
in t'ev'æl'u kápo
g'e:gúz'e kukóje (g'agúz'e)
t'av'æl'i bud'ína
pas'k'ál'k t'av'æl'i
pas'k'ál'k rádnas t'ėvas
pabárku žan't'æl'i
kap ánas n'a krýud'it
jauná s'erot'él'u
n'a k'ál's'u duk't'æl'a
n'a k'ál's'i jaunója (k'al's'u)
sud'ėtu raŋ'k'ál'is (sud'eta raŋ'k'al'us)
in bálto krut'in'is (krut'in')

* * *

oĭ-oĭ-óĭ-oĭ, dumóju
parjójó dvar'ál'i sustóju
pr'ir'ís'au ž'irgu pre(n) tvorú

⁸ Вариант: vad'ína.

ja n'i ustánu
jěšče n'e d'én',
jěšče n'a búd'it',
m'an'é d'eučýna
ja ustánu
rána
i uz'ánu kasú
pašou kas'it' s'ěno
jěšče n'i kas'íl
kasý n'i s'm'en'c'ál
hl'adžú idž'é
majá d'eučýna
s'ádž_džeučýna,
bol'át' tab'é nóh'i
i b'ėlyje rúk'i
dž'ákuju, xlóp'ec
za tvoje slový
ja atpačýnu
u svojejí mámy

maladája s'iróta
n'i máje bát'k'i
n'i máje bat'k'i
i rádnai mátk'i
týl'ka máje s'astrú
jak z'az'úl'ku
na bát'k'i kapcu
z'az'úl'ka kukúja
bát'ku búd'it'
ustán' bát'ka
ustán' ródny
pasvarý z'át'a
kap n'a krýud'il
maladóĭ s'iróty
n'a ustánu, dóč'in'ka
n'a ustánu, ródnaia
zlóžyny rúk'i
na b'ėly hrúd'i

oĭ jéxau, jéxau i dúmau
dajéxau da dvará i stánu
pryv'azánu kan'á pry plót'e

nugróv'u ž'irgostvor'æl'i
ir iš'm'an'č'ójo rut'ál'o (-l'us)
iš'éjo m'arg'æl'e v'árgdama
žal'ójo rut'æl'o gajl'édama
n'a v'ėrk' tu m'arg'ál'u rut'æl'is
aš tánu dovanós'u žod'ál'i (-u)
pr'ig'ís ta rut'æl'i iš akn'ú
o bálto l'al'xel'a iš lajš'k'n'ú

* * *

pas moč'út'e áugou
várgo n'a tur'ėjo
kas r'it'ál'i vakar'ěl'i
ir daržá'l'ei_ėjo (ir daržál'i:)
ir ru:t'ál'u s'k'ín'o
pr'is'is'k'ín'u rut'et'ál'u
vain'ik'æl'i p'ín'au
an galv'ál'is d'ėjo
iž'd'ėjo an galv'ál'is
jóun'i m'él'in_ėjo
jóun'i m'él'in_ėjo
dajn'æl'i dajnavu
tral'al'a — tral'al'a
dajn'al'a dajnavu.

* * *

dar n'e jók b'ernuzšl'u
daŋ saúl'a n'e t'áka
až g'ird'ėjo kŭ moč'út'e s'n'ák'a
žádo man'í aš u s'ěno d'ót'i
aš tu s'ěnu móku šalavót'i
praž tryz diėnos an p'ačúl'u k'ís'u
in k'ac'v'irtu kačárgu bad'ís'u
dar n'e jók b'ernuzšl'u
daŋ saúl'e n'e t'áka
až g'ird'ėjo kuš moč'út'e s'n'ák'e
žádo man'í uš lajdók:k dúot'i
aš lajdóku móku šalavót'i
praš tryz diėnos in lóvo gul'd'ís'u
in k'at'v'irtu šákam'i bad'ís'u

zlamánu kón' plót
i s'cór — palamánu rútu
výšla d'eučýna pláčuč'i
z'alónai rúty škadújuč'i
n'a pláč'e d'eučýna, rúty
ja tab'é padarúnu p'ars't'ón'ik
pryžýje ta rúta s karėnuu
a b'ėlaja l'il'ija iz_lusk'í

ja u mátk'i raslá,
hóra n'i v'íd'ila,
što rán'ica što v'ėč'ur
u arót išlá,
rútu ščypála,
naščypáušy rúty
v'anók pl'alá
i na hlavú lažýla
i na lavú lažýla
maladája u jáhady išlá
maladája u jáhady išlá
p'és'n'i s'p'avála
tral'al'a — tral'al'a
p'és'n'i s'p'avála

* * *

to n'e jět', xlóp'ec, rána,
slónce n'e zaišló
ja čúla što mátká kazála
xócə m'in'é za staróho dát'i
ja staróho um'ėju šanavát'
pras try d'n'i na p'ėc sadžú
a na čvarty kačarhóĭ t'ahnú
a to n'e jět', xlóp'ec
slónce n'e zaišló
ja čúla što mátká kazála
xóc'e m'in'é za lajdaká dát'
ja lajdaká um'ėju šanavát'
pres try d'n'í na lóšku lažu
a na čvartyĭ dž'ien' v'ílam'í
sadžú

aukl'ina t'evæ'is
 saŋjénu sun'ál'i
 nuš'era jam v'jěnu ž'ir'g'æ'l'i
 nup'irko t'ev'ál'is
 jam v'jěnu bal'n'ál'i
 išpróv'u sun'ál'i
 in d''idž'os' vain'æ'l'is
 pam'éta s'es'ál'u
 aukštóju oŋklat'ál'u
 a jánu m'erg'ál'u
 margóŋ ov'id'æ'l'i
 sapt'in't'i m'et'ál'oŋ
 kap aš jóu vain'ál'aŋ
 n'e žnóu aš sugr'išu
 an sávós šalávŋs
 parjójo brol'ál'is
 iż d'idž'o vain'ál'is
 parn'éšo s'es'æ'l'ai
 parló vain'ik'él'ai
 a jánuaj m'arg'ál'aŋ
 auks'in'u žed'ál'u
 bról'u žšl'os mános
 tej ir iš't'ek'éjo
 távo m'erg'æ'l'i
 taj káp atvažávo
 tryš šymtéŋ b'ern'ál'u
 tej aná išójo
 šytù rud'en'él'u
 brólu žel'os mános
 tej šyto kam'ál'u
 tryš šym'taj m'erg'ál'u
 iš'ir'ŋk brol'ál'u
 sávu viěnu m'er'g'æ'l'u
 tej kap jóju bútu
 kap daržý rut'ál'u
 n'e búvo ir n'a bús
 kap máno m'arg'ál'a
 m'argužšla máno
 bála l'al'ijél'a
 p'er dvar'ál'i ájo
 kap róz'e žyd'éjo
 kab_bútaŋ žynóji
 in s'v'ěto n'i g'fm'i
 an'i sávo m'arg'ál'u
 k'ita móžə ŋkl'in'e

addaváu bát'ka
 svavó sýna
 i adaváu kan'á
 kup'iu bát'ka
 jamú s'adló
 as'adláu kan'á
 výprav'iu na vainú
 pak'ínuu s'astrú
 u vysók'eŋ stajólcy
 a pan'énku
 u rabóŋ kalýscy
 s''ém hadóu
 jak na vain'é
 n'a znáju t''i v'arnús'
 da v'ósk'i svajéŋ
 pryjéxaŋ brát
 z vainý
 pryv'ós s'astrý
 is pérly v'anók
 a pan'éncy
 zalatýŋ p'ars'c'ónŋk
 bratók moŋ m'flyŋ
 n'imá
 tvajéŋ dž'iučyny
 jak pryjéxalo
 try týs'ačy xlópcuŋ
 ty_aná výšla
 átuju ós''en'
 a bratók moŋ m'flyŋ
 átoŋ v'óscə
 try týs'ačy d''eučát
 výb'er'i sab'é
 d''eučýnu
 a kab_jix byló
 jak u haród''e rúty
 n'a buló n'i búd'it
 jak majá dž'eučýna
 ty dž''eučýna majá
 b'élaŋa l'il'éja
 praz dvór jišóu
 jak rúža c'v'élá
 kap ja býu by znáušy
 na s'v'ět n'e rad'íus'a
 býu by n'e addaváušy
 svajéŋ dž''eučýny

kab_bútaŋ žynójis
 iż_vainós n'e jójis
 an'éj n'e p'arn'ášo
 auks'in'u žed'æl'u

kaby býu by znáušy
 z vainý n'i jéxaušy
 n'i býu by pryv'óššy
 zalatóho p'er's'c'ónŋka

* * *

š'æt' b'ern'æ'l'is langoi
 tur' ž'irg'æ'l'ai ráŋkoŋ
 o m'ar'g'ál'e lal'iel'a
 p'er langál'o ž'úr'a
 tu m'erg'ála máno
 ar ž'ur'és'i n'e žur'és'i
 n'e bús'i tu máno
 tu b'ern'ál'is mános
 tu jóunas blozn'ælas
 kam tu man'é apšukójaŋ
 n'ed'él'us r'et'æl'i
 tu mer'g'æla máno
 bálto lal'ijéla
 n'e sak'ík sávo mat'in'æl'i
 kō mús dú kal'b'éjo
 nóraš n'e sak'ís'u
 noráš n'e kal'b'és'u
 pažýns mán'i mot'in'æl'i
 tánca tancuvóju
 spodn'ic'æl'a trumpa
 š'n'auruk'æl'a s''óura
 oj-oj-ój kap n'ej žmón'es m'érgas
 išainú šókt'i
 čorov'íkaj skr'ípsta
 pan'č'ak'æla smúksta
 oj-oj-ój kap n'a žmón'es m'árgas

s''ad'ít' mál'ec ŋ_akn'é
 trymáŋe kan'á u rucé
 a d''eučýna
 praz_aknó hl'ad'it'
 ty majá d''eučýna
 hl'ad'í n'e hl'ad'í
 n'i búd''eš majá
 ty xlóp'ec móŋ
 . . . . .
 na štó m'en'é šukáu
 u n'ed'él'u rána?
 ty majá d''eučýna
 . . . . .
 tól'ka n'e kažý svajéŋ mátcə
 štó my u dvúx havarýly
 xot'' i n'e skažú
 xot' i n'e skažú
 m'in'é mátká uznáŋe
 jak paídú ja tancavat'
 spadn'ica karótkaja
 s'n'uróŋka vóskaŋa
 jak n'e b'élomu s''v'ětu d''éuka
 jak paídú tancavat'
 kamášy skryp'át''
 panč'ók'i abježžájut'
 jak n'e b'élomu s''v'ětu d''éuk'i

* * *

ho tej d'ékui, moč'út'e (moč'útà)⁹
 o tej d'ékui, šyrd'ála, (šyrd'alà)
 kō tu man'í užaukl'inai
 tók'u grážu dukr'älə (dukr'æly)

óto dž'ákuŋe, mámo
 óto, dž'ákuŋe, ródnaŋa
 što m'en'é výhódóvala
 takúju ládnuiju dačkú

⁹ При пении каждая строка повторяется, последнее слово при этом получает такие варианты, как в этом столбце.

t'ik n'e d'ékui, moč'út'e, (moč'útá)
t'ik n'e d'ékui, šyrd'ál'e (šyrd'alá)
kō tu man'í pažad'éjo
uš p'ejóko b'irn'él'i, (b'irn'al'ò)
áнас prag'eřs namúč'os
ir nuo laũko p'adúč'os (p'edúč'os)
ir preg'ařs man'í jánu
nuk raņ'k'él'u žed'al'ús (žed'al'ós)

tol'ka n'e dž'ákuje, mámo,
tol'ka n'e dž'ákuje, ródnaja
što addalá m'in'á
za laįdaká
jon prap'ije xátu
i s_pól'a snapý
i prap'ije m'in'é maladói
z ruk'í p'er's't'óņ'k'i

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК КОНЦА СЛОВА В ОДНОМ ЖЕМАЙТСКОМ ДИАЛЕКТЕ

С. М. Толстая

В этой заметке дается иллюстрация к хорошо известному в литовской диалектологии явлению — сокращению (редукции) конечных гласных, характерному для обширного жемайтского и западноаукштайтского ареала, а также для некоторой части восточноаукштайтских говоров¹. Материал почерпнут из диалектологических записей автора, произведенных в 1962 г. в деревнях Элкишкяй (Elkiškiai), Саблаускяй (Sablauskiai), Менчай (Menčiai), Кантейкяй (Kanteikiai) Акмянского района Литовской ССР.

Ситуация описываемого диалекта осложнена сосуществованием трех языковых стихий: жемайтской, латышской и западноаукштайтской, из которых основной должна быть без сомнения признана жемайтская (точнее — северо-восточножемайтская). Латышское влияние, наложив существенный отпечаток на пограничные жемайтские диалекты, в настоящее время вряд ли является актуальным, хотя некоторые ощутимые тенденции, возникшие под этим влиянием, до сих пор не могут считаться полностью реализованными, и это сообщает системе диалекта известную неустойчивость и тенденцию к дальнейшим преобразованиям². Что касается западноаукштайтского влияния, неизбежного при постоянных контактах в пограничных районах, то оно никак не может соперничать с латышским и, не оформляясь в виде постоянных признаков даже в речи отдельных лиц, проявляется лишь в спорадических отклонениях от жемайтской нормы. В то же время аукштайтское влияние поддерживается постоянным и все более сильным воздействием литературного языка.

¹ См.: Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologia. Vilnius, 1966, стр. 115—120.

² О латышском влиянии на западноаукштайтские говоры, входящие в этот ареал, см.: A. Jonaitytė. Latvių kalbos poveikis palatvės vakarų aukštaičių šnektų gramatinei sandarai. «Lietuvių kalbos gramatinė sandara» («Lietuvių kalbotyros klausimai», IX). Vilnius, 1967.

Вокализм конца слова

Редукция конечных гласных изучается прежде всего с исторической точки зрения или как признак, существенный для классификации современных литовских диалектов. В меньшей мере обычно обращается внимание на то, что это явление определенным образом формирует особую фонологическую позицию конца слова, в которой релевантно для литовской диалектной области противопоставление долгих и кратких гласных, а также дифтонгов и монофтонгов испытывает значительные изменения. Хотя это противопоставление и не претерпевает на конце слова нейтрализации в обычном смысле, оно подвергается усложнению на уровне своей фонетической реализации.

В конечной позиции фонетическая шкала количества включает четыре ступени: 1) долготы, 2) краткости, 3) сверхкраткости, 4) нуль, распределение которых зависит от нескольких условий.

Краткие фонемы могут репрезентоваться на конце слова через краткие, сверхкраткие варианты и нуль в зависимости от стиля речи (*allegro*—*lento*) и открытости слога; причем наиболее устойчив и независим от качества слога сверхкраткий вариант; факультативными вариантами в стиле (*lento* и *allegro*) выступают соответственно краткий и нуль. Долгие фонемы представлены полным количественным рядом, т. е. долгими, краткими, сверхкраткими звуками, а также нулем и дифтонгами. Зависимость фонетических реализаций долгих фонем от стиля речи и качества слога гораздо менее непосредственна, чем в серии кратких фонем. Дифтонги представлены на конце слова долгими и дифтонгами (табл. 1).

Таким образом, признак стиля нерелевантен для целой серии гласных фонем — дифтонгов, а также для отдельных долгих фонем: *ō* в открытом слоге, *ā* — в закрытом. Признак открытости слога нерелевантен для *ē*, *ī*, *ai*, *au*.

В серии кратких гласных фонемы *a*, *i* противопоставляются *e*, *u* (о на конце слова не встречается); фонетические реализации первых сдвинуты на один порядок по шкале долготы сравнительно со вторыми (табл. 2).

Микросистемы 2 и 3 кратких фонем отражают соответственно стили *lento* и *allegro* в статистически наиболее распространенном виде. Микросистемы 1 и 4 образуют статистическую периферию этих стилей (сверх-*lento* и сверх-*allegro*).

В серии долгих гласных фонетическая реализация определяется помимо указанных признаков (качество слога и стиль речи) еще одним просодическим признаком: так называемым перенесением ударения (*kirčio nukėlimas*)³. Под перенесенным ударением выступают долгие и дифтонгические варианты долгих фонем: *ā*, *uo*, *ei*, *ie*, *ī*, *ū*; в остальных случаях — краткие, сверхкраткие

Фонемы литер. языка	Фонемы диалекта	Позиционные варианты на конце слова				Примеры
		открытый слог		закрытый слог		
		<i>lento</i>	<i>al-legro</i>	<i>lento</i>	<i>al-legro</i>	
a	a	a ā	ā ø	ā	ø	dōunā, gālvā, klāus, lēc, dār-žās, tēkrās
e	e	e ē	ē ø	e	ē	pušnė, mėškė, šinām, kār vēš
i	i	i ī	ī ø	ī	ø	tōnkī, tēvī, gul', sūnkī, ākīs, gerėšn's
u	u	u ū	ū ø	u	ū	vīrū, ārkl'ū, s'ūnt, lāužūs
ā	ā	a ā	ā ā	ou		gālvā, mār tē, neikōus, tīevā
ō	uo	ā ē uo ø		a ā uo	ā ø uo	sākā, bōvā, nōmūo, ānūo, zūikė, lōņkās, plėikats, ānūos
ē	ei	e ei	ē ei	e	ē	sākė, sāulė, acikiėlėi, pavārgėš, būvēš, mōnėš
ē	ie	e ie	ē ie	e ie	ē ie	žūolė, katiė, kar vēš, kār vēms/kārviėms
ī	ī	i ī	ī ī	i ī	ī ī	gaīdī, snārglī, ākīs, gāilesīs
ū	ū	u ū	ū ū			s'ilk'u, blė'u, dėbesī, ūobel'ū
ai	ai	ā (ē)		ā (ē)		skaitā, mēdė, gērā, pūšās, mēdės
ei	ei	e		ei		laukinė, paĩmtumė, gain'ūtėis
ui	ui	ou				gfıvuol'ou, pāskou
ie	ei	ei		ī ei		nūmėi, prīš, isikulīs, šūnėis
uo	ou	ou (ov ^a)		ū ou		rāumou, pėimou, sėsouva, šouva, atvaž'ous, prisimentūs
au	au	au		au		ganiāu, tarnavāu, sėn'āu, p'ė-č'āus

³ См.: В. З. Гринавецкис. Оттяжка и перенос ударения в говорах литовского языка. «Lietuvių kalbotyros klausimai», IV. Vilnius, 1961.

и нуль, характеризующиеся, однако, иным соотношением, чем соответствующие реализации кратких фонем (табл. 3).

Следовательно, если для кратких фонем краткая реализация была статистически редкой и возникала лишь на периферии стилей речи, то для долгих фонем она является статистически нормальной в стиле *lento* (исключение составляет фонема *ō*, повторяющая норму краткой серии); в стиле *allegro* нормальным является сверхкраткий вариант.

Таблица 2

	1	2	3	4
а	а	ǎ	ø	ø
е		ĕ	ĕ	
і	і	ĩ	ĩ	
u		u	ũ	ø

Таблица 3

	1	2	3	4
ā		а	ǎ	
ō		ǎ	ø	
ē		ĕ	ĕ	
ē		ĕ	ĕ	
ī		ĩ	ĩ	
ū		u	ũ	

Таблица 4

	<i>lento</i>	<i>allegro</i>
а — ā	ǎ — а	ǎ — ø
і — ī	ĩ — і	ĩ — ø
е — ē	ĕ	ĕ
u — ū	u	ũ

редукция до нуля) оказывает непосредственное воздействие на систему консонантизма диалекта, существенно расширяя репертуар допустимых в абсолютном конце слова консонантных элементов (этот репертуар для литовского литературного языка и для подавляющей части диалектов очень ограничен). При полной редукции в конечном открытом слоге на конце слова оказываются возможными наряду с глухими звонкие согласные: *āug*, *būv*, *dėrb*, *dōud*,

sėrg, *biėg*, *pārvež*, *āud* (формы 3-го лица глагола), *maž*, *ėlg* (формы им. п. ед. ч. ж. р. прилагательных). Это же относится и к палатальным согласным: *nākt'*, *didel'*, *kėtur'*, *sākmāden'*, *netūr*, *žūod'*. Полная редукция гласного закрытого слога обеспечивает в исходе слова такие консонантные группы, которые вообще не свойственны системе диалекта, в том числе группы, состоящие из звонких и глухих шумных: *lāikrōds*, *drāugs*, *trūobs*, *grībs*, *drābužs*, *ilgs*, *plūgs* и т. д.

В то же время, как уже говорилось, полная редукция, как правило, не бывает строго обязательной (если не считать отдельных форм имен и глаголов с основой на *-a*), и редуцированные формы в принципе всегда могут быть развернуты в полные. Тогда остается непонятной устойчивость не характерных для диалекта фонем и их сочетаний, в частности отсутствие оглушения звонких конечных согласных. Объяснение, вероятно, следует искать в том, что полная физическая редукция конечного гласного не означает его фонологического устранения, что гласный функционально сохраняется и символизируется признаком звонкости предшествующего согласного⁴.

⁴ Автор выражает глубокую благодарность А. Йонайте за высказанные ею ценные замечания.

И. И. Топорова

До недавнего времени не существовало описания фонологической системы литовского языка с точки зрения дихотомической теории. Ряд работ был посвящен вопросам экспериментальной фонетики¹. Совсем недавно появилось первое полное описание фонологической системы литовского языка на уровне парадигматики². Оно сделано на основе дихотомической теории дифференциальных признаков.

Настоящая работа посвящена описанию фонологической системы литовского языка на уровне синтагматики. Набор фонем, используемый в данном описании, в основном совпадает с набором, предложенным И. Казлаускасом. Однако имеются некоторые отличия. Прежде всего это касается класса гласных фонем. В отличие от И. Казлаускаса, который вводит в систему долгие гласные фонемы (ā, ē, ė, ī, ō, ū), в настоящей работе они рассматриваются так же, как и соответствующие краткие, отличающиеся от последних лишь тем, что они снабжены просодическим признаком долготы. Кроме того, имеются расхождения в интерпретации фонем ie, uo. В статье И. Казлаускаса фонемы ie, uo рассматриваются так же, как дифтонги (ai, ui и т. д.), и трактуются как сочетания двух фонем. Однако нам представляется целесообразным рассматривать ie, uo как самостоятельные фонемы, поскольку их

¹ См.: V. Vaitkevičiūtė. Lietuvių literatūrinės kalbos priebalsinės fonemų sudėtis. «Lietuvių kalbotyros klausimai», I. Vilnius, 1957; Она же. Lietuvių literatūrinės kalbos balsinės ir dvibalsinės fonemos. «Lietuvių kalbotyros klausimai», IV. Vilnius, 1961. Т. Е. Плакунова. Носовые сонорные литовского языка в смешанном дифтонге. «Kalbotyra», XVIII. Вильнюс, 1966.

² J. Kazlauskas. Lietuvių literatūrinės fonemų diferencinių elementų sistema. «Kalbotyra», XIV. Vilnius, 1966; ср. также: Т. М. Судник. Заметки о литовско-белорусском двуязычии (на материале говора Гервят). «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964.

природа иная. Сочетания двух гласных фонем являются не характерными для литовского языка³. От дифтонгов ie, uo отличаются тем, что у дифтонгов второй компонент является неслоговым⁴. Природа второго элемента дифтонга позиционно обусловлена. Так, в конце слова и перед согласной фонемой он выступает в виде i, u, а перед гласной фонемой переходит в j или v (ср.: guiti > gu—ja, zuiti > zu—ja, duiti > du—ja, sukauti > sukavo, kariauti > kariavo). Подход же И. Казлаускаса к трактовке ie, uo зависит от особенностей графического выражения этих фонем, поскольку если бы на письме они обозначались одним знаком, то, очевидно, рассматривались бы как одна фонема. Ср., например, фонему ô (о закрытое), которая часто реализуется как uo, однако никогда не рассматривается как сочетание двух фонем. Или же фонема ě (ѣ), которая в ряде славянских языков в прошлом и настоящем реализуется как ie, однако никто не рассматривает ее как сочетание двух фонем. Дело в том, что ie, uo не является звуками, однородными на всем протяжении.

Соображения экономии и простоты описания заставляют в первую очередь рассматривать те фонологические единицы, которые характеризуют слова, принадлежащие к исконно литовской лексике, и обладают достаточно высокой статистической вероятностью их встречаемости в тексте. Вместе с тем оказывается необходимым учет и таких единиц фонологической системы, которые встречаются редко и характеризуют лишь заимствованные слова или по крайней мере слова вполне определенного семантического круга. Естественно, что можно построить одну общую систему описания, учитывающую обе группы случаев, однако она, разумеется, в значительной степени избыточна и поэтому далека от экономности. Поэтому имеет смысл в дальнейшем применительно к литовскому языку говорить не только о такой максимальной системе, но и о системе в более узком понимании, учитывающей лишь те фонемы, которые встречаются в исконно литовской лексике обязательно, а за ее пределами необязательно (можно думать, что благодаря специфическим различиям в инвентаре фонем и в их дистрибуции нетрудно составить тексты, с помощью которых проверялось бы, каким образом сами носители языка вычлениют заимствования)⁵. Иначе говоря, можно все множество фонем литовского литературного языка описывать как результат сосуществования двух фонологических систем, из которых более обширная включает в себя более ограниченную («ядерную»)⁶.

³ Подробнее об этом см. ниже.

⁴ См. решение проблем такого рода в кн.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 62—63.

⁵ О критериях заимствования в литовском языке см.: V. Sirtautas. Del skolinių pazinimo problemos lietuvių kalboje. «Уч. зап. Шауляйского пед. ин-та», 1961, стр. 122—142.

⁶ См.: С. Fries, K. Pike. Coexistent phonemic systems. «Language», 1949, v. 25.

Примечание. Следует сказать несколько слов о заимствованных фонемах (с, с', х, х', і, і', һ, һ') и о фонемах, встречающихся чрезвычайно редко в литовском языке (z, z', t', d', ž, ž') 7.

Фонема с встречается в словах, заимствованных из германских и славянских языков, а также из некоторых диалектов литовского языка. В подавляющем большинстве случаев фонема с может стоять в начале слова (ср.: *caras, sechas, senzas, cigarė, sūgas*).

Фонема с' встречается очень редко, главным образом в звукоподражательных словах (ср.: *siuce*).

Фонема х (*ch*) встречается также в словах, заимствованных из германских и славянских языков. Она может стоять в начале (ср.: *chalupa, chvartūna, chvola, chač*), а также в середине слова (ср.: *patiecha, strochas, suchatos, utiecha*). В литовском языке зафиксирован ряд случаев субституции х — k (ср.: *duchas, no dukas, griechas, no griekas, Vlachaī, no Vlakai*).

Фонема x' встречается в литовском языке очень редко (ср.: *brachiuga*).

Фонема һ встречается довольно редко. Основную массу слов составляют германские и славянские заимствования. Фонема һ может стоять лишь в начале слова (ср.: *hadyna, haldas, himnas, hulėti, herbas, hercekis*). Очень редко встречается в литовском языке фонема һ', которая может стоять лишь в начале слова (ср.: *Hiugo*).

Фонема f встречается довольно редко, преимущественно в специфических пластах лексики в литературном варианте. В диалектах f обычно вообще отсутствует. Ср. мужское имя *Alfonas*, которое в диалектах передается как *Alponas*. В ряде же диалектов параллельно употребляются обе фонемы (ср.: *fabrikė — rabrikė, foderis — poderis* и др.). В ранних заимствованиях в большинстве случаев f передавалось через p. В последнее время эта тенденция явно ослабевает, и фонема f усиленно проникает в литовский язык (ср., напр., научную терминологию). Фонема f может стоять в начале (*falšas, fabula, furožė*) и в середине слова (*kafiya, infortas*).

Фонема f' встречается в литовском языке чрезвычайно редко (ср.: *kurfiurstas*).

Фонемы ž, ž' занимают в фонологической системе литовского языка несколько особое положение (речь идет о литературном варианте, так как в ряде диалектов — преимущественно на юго-востоке — эти фонемы входят в фонологическую систему на равных правах с другими фонемами, ср. дзукские говоры). Фонемы ž, ž' проникли в литовский язык, с одной стороны, из литовских диалектов: в основном это звукоподражательные слова (ср.: *džimbinėti, dzingėti, dziubinti, dziubenti, džukėti* и др.). С другой стороны, фонемы ž, ž' проникли в литовский язык через славянские заимствования (ср.: *dzbonas, dzentilas, godzyti* и др.). Фонемы ž, ž' могут стоять в начале и в середине слова.

Особый интерес представляет собой фонема z. Наряду с теми случаями, когда фонема z встречается в исконно литовских словах, в языке существует довольно большое количество слов с z, заимствованных из славянских и германских языков. Среди исконно литовских слов следует выделить довольно большую группу звукоподражательных слов (ср.: *zimbti, zirbti, zveimti, zvirbti* и др.). Во всех остальных случаях в исконно литовских словах,

7 Среди работ о заимствованиях в литовском языке заслуживают внимания прежде всего: А. В р ü с к н е г. Die Slawischen Fremdwörter im Litauischen. «Litu-Slawische Studien». Weimer, 1877; P. S k a r d ž i u s. Die Slawischen Lehnwörter im Altlitauischen. «Tauta ir Žodis»; В. К о с т е л ь н и ц к и й. Русско-литовские языковые связи по словарным материалам литовского языка (дисс.). Вильнюс, 1954; К. В ü g a. Kalba ir senovė. Kaunas, 1923; К. A l m i n a u s k a s. Die Germanismen des Litauischen, T. I; A. S e n n. Zur Frage des deutschen Einflusses auf das Litauische. «Istituto Universitario Orientale Annali Sezione linguistica». Napoli, 1959, стр. 67—78.

согласно К. Буге, фонема z всегда восходит к пралитовскому консонантному сочетанию *zd*⁸. Об этом свидетельствует тот факт, что фонема z чаще всего встречается в сочетании с фонемой d (ср.: *bezdinė, birzdīs, brazdėti, skruzdīs* и др.). Фонема z встречается в большом количестве топонимических и гидронимических названий, ср.: *Izitas, Zalvas, Zarasas* и др.

Фонема z' встречается чрезвычайно редко (ср.: *zirziū*).

Палатальные фонемы d', i' встречаются очень редко и лишь в словах, заимствованных из других языков, ср.: *Diubari, tiulis*.

Из всего сказанного следует, что названные фонемы занимают особое место в фонологической системе литовского языка. В принципе ими можно было бы пренебречь, поскольку процент их встречаемости в тексте невысок (для большинства из них нет минимальных пар). Однако для полноты описания они помещены в систему.

Фонологическая система литовского языка может быть описана как система, состоящая из 53 фонем: j, t, t', d, d', n, n', s, s', z, z', p, p', b, b', m, m', v, v', f, f', e, e', ž, ž', č, č', š, š', š', ž', k, k', g, g', h, h', x, x', e, e, uo, u, ie, i, o, a, r, r', l, l'.

Дистрибутивный анализ фонем литовского языка (табл. 1, см. вкладку) учитывает сочетания, возможные в том случае, если исходить из максимального набора фонем. В таблице отражены все возможные комбинации фонем литовского языка в пределах слова. Следует иметь в виду, что исключаются сочетания, имеющие место исключительно на стыке префиксальной (глагольной) морфемы с другими морфемами (прежде всего корневыми). Если бы это не было сделано, практически количество возможных сочетаний фонем в литовском языке ограничивалось бы лишь составом префиксов. Следовательно, нужно помнить, что, например, наличие в литовском языке префиксов, оканчивающихся на -a (pa-), -ie (prie-), -u (su-), -uo (-puo) и т. д., объясняет возможность сочетания этих фонем в качестве первого компонента с любой гласной фонемой (pa-aduti, pa-eiti, pa-imti, pa-uksėti и т. д.). Однако для полноты описания целесообразно привести список двухфонемных сочетаний, возникающих исключительно на границе префиксальной и корневой морфем.

a + a	— paakys	e + i	— beydis
a + au	— paauglys	e + o	— beoris
a + è	— paèda	e + uo	— beuodegis
a + ei	— paeiliui	i + a	— priaugantis
a + e	— paežerė	i + ei	— priėiti
a + i	— pailgas	i + è	— priėjo
a + ie	— paieškoti	i + i	— priimti
a + o	— paodinis	ie + a	— priaugis
a + u	— paužlys	ie + au	— priauglis
a + uo	— pauodegys	ie + uo	— priuostis
e + a	— beasmenis	o + a	— proanukiai

8 См.: К. В ü g a. О происхождении литовского z. «Rinktiniai raštai», t. I. Vilnius, 1958.

o + e	— poelgis	s + r	— išraiška
o + i	— poilsis	š + s	— išsakus
o + o	— poodis	š + s'	— išsautos
u + a	— suartėti	š + š	— iššeros
u + au	— suaugęs	š + t	— ištaka
u + ei	— sueiti	š + v	— išvada
u + e	— suetatinti	š + ž	— išžaras
u + i	— suimti	š + ž'	— išžiura
u + o	— suodinti	t + b	— atbalsis
u + u	— suužti	t + d	— atdaras
uo + a	— nuolapis	t + g	— atgal
uo + au	— nuoauga	t + j	— atjunkti
uo + i	— nuoilis	t + k	— atkaklus
p + č'	— apčiuopa	t + l	— atlaikas
p + d	— apdairus	t + m	— atmesti
p + g	— apgalvis	t + n	— atnešti
p + k	— apkarti	t + p	— atpakalias
p + k'	— apkiausti	t + p'	— atpiova
p + l	— apleistis	t + r	— atrankos
p + m	— apmesti	t + s	— atsakas
p + n	— apnašas	t + š	— atšalti
p + r	— apranga	t + š'	— atšiauris
p + s	— apsakas	t + v	— atvarta
p + s'	— apsiaustas	t + ž	— atžagaris
p + š	— apšaukti	ž + b	— užburtas
p + t	— aptaisas	ž + č'	— užčioti
p + v	— apvadas	ž + d	— uždanga
p + ž	— apžadas	ž + f	— užfronti
p + ž'	— apžiūra	ž + g	— užgaida
š + b	— išbėga	ž + k	— užkabas
š + b'	— išbiurėlis	ž + l	— užleisti
š + c	— išcentrinis	ž + m	— užmalas
š + č	— iščekšnos	ž + n	— užnaras
š + d	— išdaga	ž + p	— užpakalis
š + g	— išganyti	ž + p'	— užpiova
š + k	— iškalbus	ž + r	— užraktas
š + l	— išlaikyti	ž + s	— užsakyti
š + m	— išmalda	ž + š	— užšovas
š + n	— išnašos	ž + t	— užtakis
š + p	— išpažinti	ž + v	— užvadas
š + p'	— išpiova	ž + ž	— užžandės

На основании дистрибутивного анализа можно выявить ряд закономерностей, определяющих дистрибуцию фонем, а также можно определить ограничения, наложенные системой языка на возможности комбинации фонем и целых классов фонем в тексте. Табл. 1 следует рассматривать как общую, объединяющую две

частные таблицы: речь идет, во-первых, о собственно литовской части («ядре»), она получится в результате исключения из таблицы случаев сочетания заимствованных и редко встречающихся фонем, а также нетипичных сочетаний двух гласных фонем. Из этого следует, что все комбинации, отмеченные в таблице знаком +, равноценны.

Приведенный ниже список отражает все случаи сочетаний двух фонем в литовском языке. Все сочетания даются в алфавитном порядке. Для более полной картины дистрибуции гласных фонем в списке приведены также сочетания гласных фонем с тем, что принято называть дифтонгами, а в настоящей работе трактуется как сочетания двух фонем.

Список двучленных сочетаний фонем литовского языка

a + b	— abu	a + uo	— pauostyti
a + b	— labiau	a + v	— avalynė
a + c	— actas	a + v'	— saviauka
a + x	— Sachalinas	a + z	— azotas
a + č'	— aciu	a + ž	— ažuolas
a + d	— adyti	a + ž'	— mažiukas
a + ž	— adžarai	b + a	— badyti
a + e	— aeroplanas	b + ai	— baiga
a + f	— afiša	b + au	— haubti
a + g	— saga	b + č'	— dirbčioti
a + h	— aha	b + e	— be
a + i	— aidas	b + é	— bėda
a + ie	— paieškoti	b + ei	— bei
a + j	— aje	b + eo	— beois
a + k	— akiniai	b' + a	— biauris
a + k'	— lakioti	b + i	— bijoti
a + l	— alus	b + j	— labjau
a + l'	— aliai	b + l	— blaivas
a + m	— amas	b + l'	— bliukšti
a + m'	— ramios	b + n	— darbnus
a + n	— ana	b + o	— boba
a + n'	— ganiava	b + oi	— boikotas
a + o	— aorta	b + r	— brangus
a + p	— apačia	b + r'	— briaukšti
a + r	— ar	b + u	— butas
a + r'	— kariauti	b + ui	— buitis
a + s	— asilas	b + uo	— buolas
a + s'	— sąsiuvinas	b + z	— vabzdys
a + š	— ašara	b + ž	— kibždėti
a + t	— at	b' + u	— biurti
a + u	— audra	c + a	— caras

c + e — cechas
 c + ei — ceitnotas
 c + i — cigarè
 c + ie — spaciera
 c + o — colis
 c + u — cukrus
 c' + u — ciuce
 c + v — cvaksėti
 x + a — chalva
 x + ao — chaosas
 x + e — chemija
 x + i — chimera
 x + l — chloras
 x + o — cholera
 x + r — chromas
 x + u — chuliganas
 č + a — čartizmas
 č + ai — čaižyti
 č + e — čerpė
 č + é — čekoti
 č + ei — čeižti
 č + i — čirpti
 č + ie — čiekti
 č + k — dručkis
 č + v — čvankšt
 č' + a — čia
 č' + o — čiokšti
 č' + u — čiuke
 č' + uo — čiuožti
 d + a — dabar
 d + ai — daiga
 d + au — daug
 d + e — debesis
 d + é — dėbčioti
 d + ei — deivė
 d + i — didis
 d + ia — diagnozė
 d + ie — dievas
 d + l — vedlys
 d + m — bradna
 d + n — liūdnas
 d + o — dovana
 d + r — drabužis
 d + r' — driokoti
 d + u — dulkė
 d + ua — dualizmas
 d + ui — duiti

d + uo — duona
 d + v — dvaras
 d + v' — dviašis
 d' + u — Diubari
 ž + a — kudzalnikas
 ž + i — dzingėti
 ž + u — dzukas
 ž + v — dzvakt
 ž' + o — dziobinti
 ž' + u — dziubinti
 ž' + a — džaulis
 ž' + e — džerškėti
 ž' + i — džirinti
 ž' + a — džiaugtis
 ž' + o — dziobinti
 ž' + u — dziūti
 e + a — oleandra
 e + b — ebonitas
 e + b' — debiutas
 e + c — mecenatas
 e + d — ediktas
 e + ž — medžirklys
 e + ž' — medžioti
 e + f — blefas
 e + g — egi
 e + g' — begioti
 e + x — mechanėti
 e + i — eilė
 e + k — meksėti
 e + l — melsti
 e + l' — keliaip
 e + m — kempti
 e + m' — semioti
 e + n — senas
 e + n' — seniukas
 e + o — geodezija
 e + p — epušė
 e + r — sergėti
 e + r' — geriausias
 e + s — esą
 e + š — ešerys
 e + t — metai
 e + u — eufemizmas
 e + v — devyni
 e + z — bezdinė
 e + ž — ežeras
 e + ž' — ežia

è + b — kėbsoti
 è + d — èdaldas
 è + ž' — èdžia
 è + g — mēginti
 è + j — teisėje (loc. Sg.)
 è + k — sėkmė
 è + l — sėlinėti
 è + l' — smėliuoti
 è + m — šėmas
 è + m' — ėmioti
 è + n — mėnuo
 è + p — kėpis
 è + r — ėraitis
 è + r' — ėriuotis
 è + s — mėsa
 è + s' — norėsiąs
 è + š — mėšlas
 è + t — mėtyti
 è + z — mėzdra
 è + ž — mėžti
 è + ž' — mėžia
 (3, Pres. Sg. Pl.)
 f + a — fabrikė
 f + e — ferma
 f + è — fėja
 f + eo — feodaldas
 f + i — filmas
 f + ia — fiasko
 f + ie — telegrafieruoti
 f + l — flangas
 f + o — fondas
 f + r — frazė
 f + u — futbolas
 f + uo — blefuoti
 f' + u — kurfiurstas
 g + a — gabalas
 g + ai — gaida
 g + au — gaubti
 g + č' — smegčia
 (3, Pres. Sg. Pl.)
 g + d — migdo
 g + e — geltonas
 g + è — gėda
 g + ei — geibti
 g + eo — geografas
 g + i — gilus
 g + ie — giedras

g + l — globti
 g + l' — gliuama
 g + m — baigmė
 g + n — gnaibyti
 g + n' — gniaužti
 g + o — godoti
 g + r — grabas
 g + r' — griauti
 g + u — gulbė
 g + uo — guosti
 g + v — gvoti
 g' + a — daugiau
 g' + o — begioti
 g' + u — sagiu
 h + a — halė
 h + e — hektaras
 h + i — hiacintas
 h + ie — hiena
 h + o — hotelis
 h + u — humoras
 h' + u — Hiugo-
 i + a — hiacintas
 i + b — kibiras
 i + b' — pasibiaurėti
 i + c — kicenti
 i + x — ichtiolas
 i + č — ič
 i + č' — mičiurininis
 i + d — midus
 i + ei — įeiga
 i + f — štiftas i
 i + g — užmigti
 i + j — dalyje Loc. Sg.)
 i + k — iki
 i + k' — pikiuoti
 i + l — ilgus
 i + l' — ilius
 i + m — šimtas
 i + m' — gymio (Gen. Sg. Masc.)
 i + n — linai
 i + n' — liniuotas
 i + o — ionas
 i + p — lipti
 i + p' — įpiova
 i + r — ir
 i + r' — tiriamasis

i+s	— visas	k+ai	— kaina	l+o	— lova	n+3	— bindzinti
i+s'	— įsiutis	k+au	— kaukti	l+p	— alpėti	n+3'	— landžioti
i+š	— višta	k+e	— kelis	l+s	— gelsvas	n+e	— ne
i+š'	— mišios (Nom. Fem. Pl. Gen.)	k+ė	— kėbulas	l+s'	— smalsiai	n+ė	— nėra (3, Pret.)
i+t	— kitas	k+i	— kibiras	l+š	— malšti	n+ei	— nei
i+u	— triumfas	k+ie	— kiek	l+t	— baltas	n+eo	— neonas
i+v	— divonas	k+l	— klajoti	l+u	— lubos	n+eu	— neurozė
i+v	— mizguoti	k+l'	— kliauda	l+uo	— luoba	n+f	— infortas
i+z	— ližė	k+m	— kmynas	l+v	— galva	n+g	— langas
ie+b	— riebus	k+n	— knaisyti	l+v'	— bulviakasė	n+g'	— langiukas
ie+b'	— riebios (Nom. Fem. Pl.)	k+n'	— kniausti	l+z	— balzgėti	n+i	— manyti
ie+č'	— biečiamoji	k+o	— kol	l+ž	— balžiena	n+ie	— niekas
ie+d	— lydėti	k+oa	— koalicija	l'+a	— liautis	n+k	— ranka
ie+x	— patiecha	k+oe	— koeficientas	l'+o	— liova	n+k'	— rankioti
ie+g	— miegoti	k+r	— kraštas	l'+u	— liudyti	n+o	— noras
ie+j	— liejyiba	k+r'	— kriaušė	l'+uo	— liuosas	n+s	— ans
ie+k	— kiek	k+s	— dukas	m+a	— mažas	n+t	— ant
ie+k'	— siekia	k+š	— aikšti	m+ai	— maigyti	n+u	— nugara
ie+l	— kiele	k+t	— naktis	m+au	— mauti	n+uo	— nuo
ie+l'	— sielių (Gen. Pl.)	k+u	— kumas	m+b	— bamba	n+v	— kanva
ie+m	— piemuo	k+uo	— kuo	m+d	— samda	n+z	— linzė
ie+n	— vienas	k+v	— kvaisti	m+č'	— amčioti	n'+a	— niauroti
ie+p	— liepa	k+v'	— kviaukti	m+e	— medauti	n'+o	— niokti
ie+p'	— liepia (3, Sg. Pl. Pres.)	k'+a	— kiaulė	m+ei	— meilė	n'+u	— niukti
ie+r	— siera	k+č'	— aikčioti	m+ė	— mėčioti	n'+uo	— niuokseti
ie+s	— miestas	k'+o	— kioksoti	m+i	— minti	o+a	— oazė
ie+š	— miešti	k'+u	— kiurdyti	m+ie	— miega	o+b	— obuolys
ie+š'	— miešia (3, Sg. Pl. Pres.)	l+a	— labas	m+o	— mokyti	o+b'	— lobios (Nom. Fem. Pl.)
ie+t	— vieta	l+ai	— laibas	m+p	— kampas	o+c	— locmanas
ie+v	— ieva	l+au	— laukti	m+p	— kumpio (Gen. Sg. Masc.)	o+x	— ochra
ie+ž	— miežis	l+b	— kalba	m+s	— tamsus	o+č'	— močia
j+a	— jachta	l+č'	— balčius	m+š	— rimša	o+d	— sodas
j+au	— jau	l+d	— malda	m+t	— šimtas	o+ž'	— odžius
j+ė	— jėrubė	l+ž'	— baldžius	m+u	— mušti	o+e	— koeficientas
j+ei	— jei	l+e	— klevas	m+ui	— muilas	o+f	— oficialus
j+ė	— jėga	l+ė	— klėtis	m+uo	— akmuo	o+g	— ogus
j+i	— jis	l+ei	— leidyba	m+z	— drumzlės	o+i	— oi
j+ie	— jie (Pl. Nom. Masc.)	l+eo	— leopardas	m+ž	— amžinas	o+j	— koja
j+o	— jodas	l+eu	— leukocitas	m+ž'	— amžius	o+k	— mokyti
j+u	— juk	l+g	— alga	m'+a	— miaukti	o+k'	— mokiausi (1, Sg. Pret.)
j+o uo	— juodas	l+g'	— dalgiakirvis	n+a	— nagas	o+l	— žolė
k+a	— kalbėti	l+i	— linai	n+ai	— naiva	o+l'	— moliuoti
		l+ie	— lietus	n+au	— nauda	o+m	— lomus
		l+k	— vilkas	n+c	— princas	o+m'	— lomiau
		l+m	— gelmė	n+č'	— ginčiu	o+n	— monas
		l+n	— balnas	n+d	— randas		
		l+n'	— balnius				

o+n'	—ponia	r+č'	—karčiai
o+p	—galop	r+d	—vardas
o+p'	—kopia (3, Sg. Pres.)	r+ž'	—skardžius
o+r	—oras	r+e	—rembti
o+r'	—noriai	r+ei	—reikalas
o+s	—kosėti	r+eo	—reorganizacija
o+s'	—nosiu (Gen. Pl.)	r+eu	—reumatizmas
o+š	—moša	r+g	—vargas
o+t	—moti	r+i	—riba
o+v	—kova	r+ie	—riedėti
o+v'	—moviu (1, Sg. Pres.)	r+k	—verkti
		r+k'	—verkia (3, Pres.)
o+z	—ozonas	r+l	—varlė
o+ž	—ožys	r+l'	—karlioti
o+ž'	—ožiažolė	r+m	—armuo
p+a	—pagal	r+n	—bernas
p+ai	—paikas	r+n'	—berniukas
p+au	—paodis	r+o	—rodyti
p+au	—paukšti	r+p	—varpas
p+č'	—lipčius	r+p'	—verpia (3, Pres.)
p+e	—pelė	r+s	—karsti
p+e	—pėdė	r+š'	—kuršiai
p+ei	—peikti	r+t	—arti
p+f	—pfenigas	r+uo	—ruopti
p+i	—piktas	r+z	—karzloti
p+ie	—pienas	r+ž	—beržas
p+j	—pjesė	r'+a	—kriaušė
p+l	—platus	r'+o	—riogsoti
p+l'	—pliaupti	r'+u	—riuksas
p+n	—pneumatika	s+a	—sakyti
p+o	—ponas	s+ai	—saidra
p+oe	—poema	s+au	—sau
p+r	—pra-	s+c	—scena
p+s	—psalmė	s+x	—schema
p+š	—liepšnus	s+č'	—desčioti
p+t	—lipti	s+e	—segti
p+u	—puga	s+ei	—seilius
p+ui	—puikus	s+ė	—sėda
p+uo	—puodas	s+f	—sfera
p'+a	—piauti	s+i	—silkė
p'+o	—piovė	s+ie	—siena
p'+u	—piudyti	s+k	—skaityti
r+a	—ragas	s+k'	—skiautė
r+ai	—raibas	s+l	—slankyti
r+au	—raudas	s+l'	—sliaukti
r+b	—darbas	s+m	—smarkus
r+c	—mercias	s+n	—sniegas

s+n'	—sniukra	t+eu	—teutonai
s+o	—sotus	t+i	—tikras
s+p	—spalva	t+ie	—tiek
s+p'	—spiauti	t+l'	—metlioti
s+r	—srėbti	t+m	—katmėtė
s+r'	—sriuba	t+n	—glotnus
s+t	—stalas	t+o	—todėl
s+u	—su	t+p	—katpėde
s+uo	—suolas	t+r	—trakti
s+v	—svajone	t+r'	—triaukšti
s'+a	—siauras	t+u	—tuklus
s'+o	—mėnesio (Gen. Sg.)	t+ua	—tualetas
s'+u	—siulas	t+uo	—tuopa
š+a	—šaka	t+v	—tvankyti
š+ai	—šaiaba	t+u	—tiulis
š+au	—šaukti	u+a	—tualetas
š+č'	—lašioti	u+b	—ubas
š+e	—šėlpti	u+b'	—ubia (3, Sg. Pres.)
š+ė	—šėlti	u+č	—dručkis
š+i	—šiltas	u+x	—suchatos
š+ie	—šienas	u+d	—udyti
š+k	—miškas	u+ž'	—nudziauti
š+k'	—aiškiai	u+ž'	—sudžiuvėlis
š+l	—šlamoti	u+j	—kujis
š+l'	—šliaužti	u+e	—suetantinti
š+m	—šmaukšti	u+ė	—suėmimas
š+m'	—smiaukšt	u+f	—muftas
š+n	—šneka	u+g	—ugis
š+n'	—šnioti	u+g'	—smugiuoti
š+o	—šokti	u+i	—muilas
š+p	—špulė	u+k	—ukas
š+r	—šratas	u+k'	—sukiužėlis
š+r'	—dešrius	u+l	—ulbuoti
š+t	—štikti	u+l'	—puliai
š+u	—šukis	u+m	—pūmas
š+uo	—šuo	u+m'	—umios
š+v	—švarus	u+n	—ungurys
š'+a	—šiaip	u+n'	—gunia
š'+o	—šiol	u+o	—uodega
š'+u	—šiurti	u+p	—ūpas
š'+uo	—siuokart	u+r	—urėdas
t+a	—tada	u+s	—usas
t+ai	—tai	u+t	—utėlė
t+au	—tauta	u+z	—uzbekai
t+e	—terpė	u+ž	—už
t+ei	—teisti	u+v	—uvertiura
t+ė	—tėvas	uo+b	—ruobti

uo + b' — ruobia (3, Pres.)	z + e — zelnioti
uo + d — uodega	z + è — zirzèti
uo + g — uoga	z + d — lazda
uo + g' — uogius	z + g — mazgoti
uo + k — uoksas	z + g' — mazgioti
uo + l — uola	z + i — zirbti
uo + l' — šuoliuoti	z + l — zlotas
uo + m — suomiskas	z + l' — zliaukti
uo + m' — suomiai	z + m — zmekti
uo + n — duona	z + n — drebèzna
uo + n' — unioti	z + n' — pirznisus
uo + p — luopsèti	z + o — zona
uo + p' — kuopia (3, Pres.)	z + u — zulinti
uo + r — uorè	z + uo — gremezuoti
uo + s — uosis	z + v — zvebmti
uo + š — uošvis	z' + a — zirziau
uo + t — luotas	ž + a — žabalas
uo + v — kuovadas	ž + ai — žaibas
uo + ž — druožè	ž + e — želè
v + a — vabalas	ž + è — žèruoti
v + ai — vaikas	ž + d — maždaug
v + au — vaura	ž + ž' — beždžionè
v + e — veblys	ž + i — žibè
v + è — vèdras	ž + ie — žiedas
v + ei — veik	ž + l — žlabas
v + i — viršun	ž + l' — žliaugti
v + ie — vienas	ž + m — žmona
v + io — violetinis	ž + n — žnairus
v + o — voveris	ž + n' — žniaukti
v + u — vulgariškas	ž + o — žodis
v + ua — vualis	ž + u — žuvis
v' + a — viaukti	ž + uo — žuolis
v' + o — kalvio (Gen. Sg.)	ž + v — žvaigždè
v' + u — kalvių (Gen. Pl.)	ž' + a — žiaurus
z + a — zagnoti	ž' + o — žiogas
z + au — zaugti	ž' + u — žiurkè.

Дистрибуция фонем литовского языка подчиняется ряду определенных правил. Так, вся фонологическая система распадается на два больших класса — класс гласных и класс согласных фонем. Таблица дистрибуции фонем показывает, что гласные фонемы могут сочетаться практически со всеми согласными фонемами, выступая в качестве α - и β -поля. С другой стороны, для гласных фонем не характерна сочетаемость с гласными фонемами. Все-таки некоторые сочетания двух гласных фонем в литовском языке допускаются, но они представляют собой особые случаи. Речь идет главным образом о заимствованных словах или о ли-

товских дифтонгах — ai, au, ei, eu, oi, ui, ср.: ai — aidas, au — audra, ei — eile, eu — eufemizmas, oi — oi, ui — muilas. В заимствованных литовским языком словах допустимы следующие сочетания гласных фонем:

ae — aeroplanas	ia — filialas	oe — poema
ao — baobabas	io — fiziologija	ua — tualetas
ea — oleandra	iu — triumfas	ue — suetantinti
eo — geodezija	oa — oazis	

В литовском языке допускается большое число сочетаний двух согласных фонем. В собственно литовских словах внутри морфемы допускается 166 сочетаний двух согласных фонем, которые могут быть представлены в виде 14 моделей. Наиболее продуктивной является модель Ct+Cr (22 сочетания), где Ct — шумная взрывная согласная, Cr — сонорная согласная, ср.:

1) Ct+Cr: bl — skroblas, bl' — bliauti, br — brangus, br' — briauna, dl — vedlys, dr — audra, dr' — driokoti, gl — globoti, gl' — gliuma, gr — agrastauti, gr' — griauti, kl — aklas, kl' — aklioti, kr — dykra, kr' — kriauklè, pl — platus, pl' — kaplioti, pr — stiprus, tl — tlonkus, tl' — metlioti, tr — vetra, tr' — triaušè;

2) Ct+Cs (16 сочетаний; Cs — фрикативная): bč' — dirbčioti, bz — vabzdys, bž — kibždèti, dv — dvasia, dv' — dviašis, gč' — smegčia, gv — gvoti, kč' — aikčioti, ks — auksas, kš — aikštè, kv — kva-pas, kv' — kviaukti, pč' — lapčius, ps — liepsna, pš — liepšnus, tv — gatvè;

3) Cr+Cs: lč' — balčius, lž' — baldžius, ls — gelsvas, ls' — smalsiai, lš — malšti, lv — galva, lv' — bulviakasè, lz — balzgèti, lž — balžiena, rč' — karčiai, rž' — skardžius, rs — karsti, rš — karša, rv — karvè, rz — karzloti, rž — beržas;

4) Cr+Ct (15 сочетаний): lb — kalba, ld — malda, lg — alga, lg' — dalgiakarvis, lk — vilkas, lp — alpèti, lt — baltas, rb — darbas, rd — vardas, rg — vargas, rk — verkti, rk' — verkia, rp — varpas, rp' — verpia, rt — arti;

5) Ct+Cn, где Cn — сонант (14 сочетаний)⁹: bn — darbnus, dm — bradma, dn — liūdnas, gm — baigmè, gn — dognas, gn' — gniaužti, km — akmuo, kn — maknoti, kn' — kniaukti, pn — sapnas, tn — glotnus;

6) Cs+Ct (13 сочетаний): čk — ručkis, sk — skubèti, sk' — skiautè, sp — sparnas, sp' — spiauti, st — bastyti, šk — miškas, šk' — aiškiai, št — lakšt, zd — lazda, zg — mazgoti, zg' — mazgioti;

7) Cs+Cn (13 сочетаний): sm — asmuo, sn — basnoti, sn' — sniaukra, šm — ašmenys, šm' — šmiaukšt, šn — lašnoti, šn' — šniokšti,

⁹ Ct, Cr, Cs и т. д. здесь и далее являются акустическими и артикуляторными характеристиками. Однако подразумевается, что они могут быть переведены на язык ДП.

zm — zmekti, zn — drebėzna, zn' — pirznius, žm — žmona, žn — žnai-byti, žn' — žniaukti;

8) Cs+Cr (12 сочетаний): sl — sloga, sl' — dėsioti, sr — nasrai, sr' — nasrioti, šl — našlys, šl' — aukšliauti, šr — dešra, šr' — dešrius, zl — drumzlės, zl' — mezliava, žl — žlėbti, žl' — žliaugti;

9) Ct+Cs (12 сочетаний): mč' — amėioti, ms — tamsus, mš — rimša, mz — drumzlės, mž — amžinas, mž' — amžius, nč' — giñciu, nž' — landžioti, nž — bindzinti, nv — kanva, ns — ans, nz — linzė;

10) Cn+Ct (11 сочетаний): mb — bamba, md — samda, mp — kampas, mp' — kumpio, mt — šimtas, nd — randas, ng — langas, ng' — langiukas, nk — ranka, nk' — rankioti, nt — ant;

11) Cs+Cs (9 сочетаний): čv — čvankšt, sč' — lasdesčioti, sv — sviestas, šč' — laščioti, šv — švarus, zv — zvimbti, žč' — beždžionė, žv — žvėris, žv — dzvakti;

12) Cr+Cn (6 сочетаний): lm — gelmė, ln — balnas, ln' — balnius, rm — armuo, rn — bernas, rn' — berniukas;

13) Ct+Cr (3 сочетания): gd — migdo, kt — naktis, pt — lipti;

14) Cr+Cr (2 сочетания): rl — varlė, rl' — karlioti.

Фонема j, описываемая в терминах ДП как негласная и несогласная фонема, выступает в качестве β-поля (второй компонент) в сочетании с шумными взрывными согласными (модель Ct+Cv), ср.: bj — labjau.

Анализ двучленных сочетаний, стоящих внутри слова в исконно литовских словах, показывает, что назальные фонемы не могут сочетаться с назальными фонемами, т. е. в литературном языке недопустима модель Cn+Cn. Назальные фонемы могут сочетаться лишь с соответствующими смычными фонемами. Для звонких согласных фонем не характерно сочетание с глухими согласными фонемами, впрочем, не исключено окончательно, и, наоборот, для класса глухих фонем не характерно сочетание со звонкими фонемами (исключение составляет сочетание kv — kvaras)¹⁰. Для фонем, отмеченных признаком палатальность, характерна весьма ограниченная сочетаемость. Число двухфонемных сочетаний в литовском языке может быть расширено за счет привлечения сочетаний, имеющих место на стыке морфем, ср., например: tm — katmėtė (модель Ct+Cn), tp — katpėdė (модель Ct+Ct).

В заимствованных словах имеют место следующие сочетания двух согласных фонем: Cs+Cs: cv — cvaksėti, sc — scena, sf — sfera; Cs+Cr: fl — flangas, fr — frazė; Cn+Cs: nc — princas, nf — infortas; Ct+Cr: xr — chromas; Ct+Cs: pfenigas; Cr+Cs: rc — mercas; Cs+Ct: sx — schema; Ct+Cv: pj — pjesė.

¹⁰ В случаях типа *ap-dovanoti* можно было бы, обращаясь к морфемному анализу, постулировать дистрибутивную пару: глухой+звонкий. Но так как такие сочетания встречаются исключительно на стыке приставки с корнем, вероятно, возможно опустить эти случаи, поскольку при учете их возникла бы масса сочетаний, отсутствующих во всех других случаях (такое описание было бы очень неэкономным).

Внутри слова в литовском языке встречаются последовательности, состоящие из трех согласных фонем. Число таких сочетаний весьма велико (превышает 110 сочетаний). Все сочетания трех согласных фонем в литовском языке распределяются по 21 модели:

1) Ct+Cs+Cn (10 сочетаний)¹¹: gsm — džiaugsmas, gsn — žingsnis, gžm — šiugžmas, ksm — šauksmas, ksn — tuksnoti, kšm — brėkšmė, kšn — balokšnis, psm — tapsmas, psn — liepsna, pšn — tapšnoti;

2) Cr+Ct+Cs (10 сочетаний): lks — dvelksėti, lkš — vilkšna, lps — kilpsatis, rbs — burbsėti, rdv — erdvė, rgš — mergšė, rks — karkšoti, rkš — barkšt, rkv — karkvabalis, rps — pliuropsoti;

3) Ct+Cs+Ct (10 сочетаний): bst — graibstus, bšt — darbštus, bzd — vabzdys, bžd — šnabždas, gzt — brigzti, gžd — šiukždėti, kst — bakst, kšt — aikštė, pst — kapstyti, pšt — ropšti;

4) Cs+Ct+Cr (8 сочетаний): skl — sklaida, skl' — skliautas, skr — skrabėti, skr' — skriausti, spr — spragė, str — aistra, štr — aštrauti, zdr — žaizdras;

5) Cn+Ct+Cr (8 сочетаний): mbl — dumblas, mbr — žambris, mpl — vampla, mpr — tamprus, ndr — bendras, ngr — vingra, nkl — ženklas, ntr — antras;

6) Cn+Ct+Cs (8 сочетаний): mbs — bambšoti, mpč' — timpčioti, ngz — ungzti, ngs — dangstinėti, ngv — lengvas, nkč' — blinkčioti, nks — dunsnoti, nkš — minkštas;

7) Cr+Ct+Ct (7 сочетаний): \lbt — skelbti, lkt — alkti, lpt — silpti, rbt — burbti, rgt — vargti, rkt — gurkti, rpt — verpti;

8) Ct+Cs+Cr (6 сочетаний): bšl — gaubšlė, gžl — egžlys, ksl — mokslas, kšl — aukšlys, kšr — vikšras, pšl — šnypšlys;

9) Cn+Cs+Ct (6 сочетаний): mst — drumstas, mšt — kamštas, mzd — vamzdėlis, mzt — grimzti, mžt — glėmžti, nzg' — unzia;

10) Cr+Cs+Cs (5 сочетаний): lsč' — gulsčias, lsv — gelsvas, rsč' — varsčioti, ršč' — karščiai, ršv — garšva;

11) Cr+Ct+Cr (5 сочетаний): rbl — burblys, rgl — snarglys, rgl' — karglioti, rkl — arklas, rpl — purplys;

12) Ct+Cs+Cs (4 сочетания): ksv — viksva, kšė' — paukščiai, psv — vapsva, pšė' — snypščioti;

13) Cn+Ct+Ct (4 сочетания): mbt — bambti, mpt — pampti, ngt — bingti, nkt — blinkti;

14) Cr+Cs+Cr (4 сочетания): rzl — karzloti, rsl — purslai, ršl — piršlys, ržl — veržlė;

15) Cn+Cs+Cr (3 сочетания): msl — krumšlys, msr — timsras, mzl — drumzlės;

16) Cr+Ct+Cn (2 сочетания): lkm — smulkmė, lpn — silpnas;

17) Cn+Cs+Cs (2 сочетания): msč' — drumsčioti, mšė' — kumščiuoti;

18) Cr+Cs+Ct (2 сочетания): lst — balsti, lzg — balzgenti;

¹¹ Модели даются в порядке уменьшения объема сочетаний.

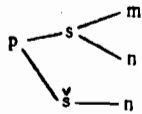
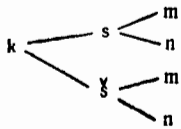
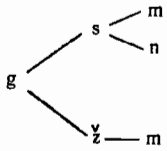
- 19) Cn + Ct + Cn (1 сочетание): mpn — kumpnosa;
 20) Cs + Ct + Cs (2 сочетания): skv — skvernas, stv — stverti;
 21) Cr + Cs + Cn (1 сочетание): rsm — skersmuo.

Число сочетаний трех согласных фонем в литовском языке увеличивается за счет сочетаний, имеющих место на стыке морфем. С одной стороны, пополняются названные выше модели, с другой — появляется ряд новых моделей. Модель Cr + Ct + Cs дает пять новых сочетаний трех согласных фонем: lkv — šilkvabalis, ltž — baltžemis, rkž — žiurkžolės, rpš — tarpšonkaulinis, rpž — tarpžarninis. Пятью новыми моделями дополняется и модель Cr + Ct + Ct, ср.: ltg — baltgalvė, ltk — baltkarklis, rbd — darbdavys, rpк — tarpkojis, rpp — tarppirštis. Три новых сочетания дополняют модели Cr + Ct + Cn (ltn — baltmargis, ltn — baltnugaris, rpm — tarpmiškė) и Cr + Ct + Cr (lpr — alprožė, lgl — dilgligė, rpl — tarpligė). Модель Cr + Cs + Ct дает одно новое сочетание — lžb — gelžbetonis. На стыке морфем появляется модель трехфонемных сочетаний, не имеющая места в середине слова: Ct + Ct + Cn: ktn — piktnauda.

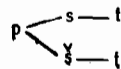
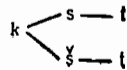
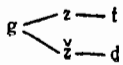
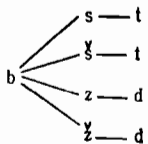
Анализ трехфонемных сочетаний в заимствованных словах выявляет новые сочетания, отсутствующие в исконно литовских словах, ср.: Cn + Cs + Cr: mfl — pamfletas, nsl' — transliacija, nsm — transmisija; Cn + Ct + Cr: ngl — anglai, nkr — bankrotas; Cn + Cs + Cs: nsf — transformacija; Cr + Ct + Cn: ldm — feldmaršalas; Cn + Ct + Cn: nkn — banknotas; Ct + Cs + Cs: bsc — abscise, ksc — ekscesas; Ct + Cs + Ct: ksk — ekskursija, и две новые модели Cs + Cs + Ct — (fšt — bifštektas) и Ct + Ct + Cr — (ktr — elektra).

СТРУКТУРЫ ТРЕХЭЛЕМЕНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ

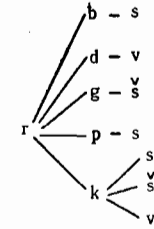
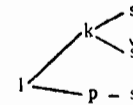
Ct · Cs · Cn

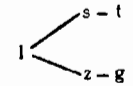
Ct · Cs · Ct

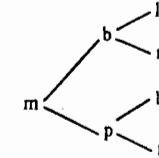
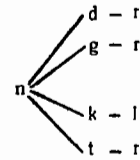
Cr · Ct · Cs

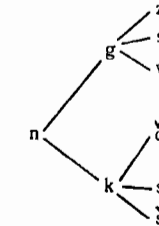
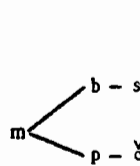
Cr · Cs · Ct

Cn · Ct · Cr

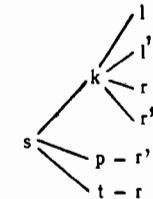
Cn · Ct · Cs

Cs · Ct · Cr

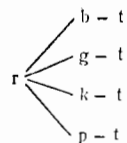
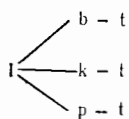
š - t - r

z - d - r

Корректирующее дополнение. На стр. 157 в правом столбце четвертого дерева следует читать š'.

Cr + Ct + Ct

Ct + Cs + Cr

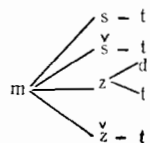
b - $\check{s}$ - l

p - $\check{s}$ - l

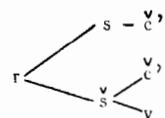
Cn + Cs + Ct

n - z - g'

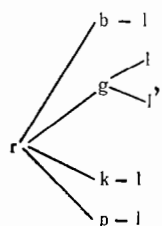

Cr + Cs + Cs

l - s - $\check{c}$,
v

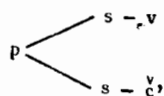

Cr + Ct + Cr

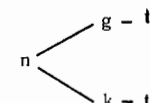
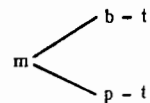

Ct + Cs + Cs

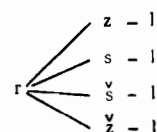
k - s - $\check{c}$,
v

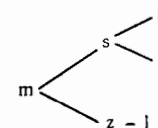
Cn + Ct + Ct

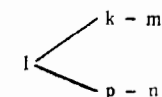
Cr + Cs + Cr

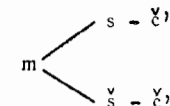
Cn + Cs + Cr

Cr + Ct + Cn

Cn + Cs + Cs

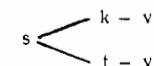
Cn + Ct + Cn

m - p - n

Cr + Cs + Cn

r - s - m

Cs + Ct + Cs

В литовском языке имеется довольно большое число сочетаний четырех согласных фонем внутри морфемы. Все существующие сочетания подобного рода распределяются по следующим восьми моделям:

1) Cr + Ct + Cs + Ct (10 сочетаний): lkst — valkstis, lpšt — dulpšti, rbst — garbstyti, rbšt — darbštus, rgšt — dergštas, rgzt — burgzti, rgžd — girkždėti, rkšt — šnikkšti, rpst — verpstė, rpšt — šnarpšti;

2) Cr + Ct + Cs + Cn (6 сочетаний): lksm — valksmas, lksn — alk-
nis, lkšn — valkšna, rbsn — siurbšnis, rkšn — gurkšnis, rpsn — tarp-
nis;

3) Cn + Ct + Cs + Cn (3 сочетания): ngsn — žingsnis, nksm —
kenksmas, nksn — dunksnoti;

4) Cn + Ct + Cs + Ct (3 сочетания): ngst — dingstis, nkst — anksti,
nkšt — ankštas;

5) Cr + Ct + Cs + Cr (2 сочетания): rkšl — terkšlė, rpšl — šna-
rpšlys;

6) Cn + Ct + Cs + Cs (1 сочетание): nksč' — dunkščioti;

7) Cn + Ct + Cs + Cr (1 сочетание): nkšl — krenkšlys;

8) Cr + Ct + Cs + Cs (1 сочетание): rkšč' — gurkščioti.

Число четырехфонемных сочетаний увеличивается за счет
сочетаний, имеющих место на стыке морфем, ср.:

1) Cr + Ct + Ct + Cr: ltkl — veltklaidys, rptl — tarptrobis;

2) Ct + Cs + Ct + Ct: kštk — aukštraupais;

3) Cn + Ct + Ct + Cr: nkpl — rankplovė;

4) Cr + Ct + Cs + Cr: rpsl — tarpsluoksnis;

5) Cs + Ct + Ct + Cr: stdr — kopustdrugis.

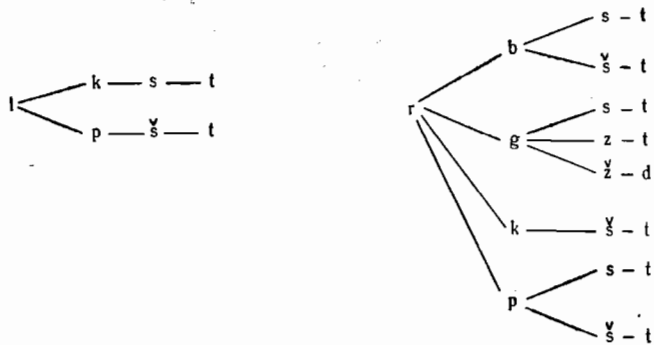
Сочетания четырех согласных фонем в заимствованных словах
распределяются по следующим моделям:

1) Ct + Cs + Ct + Cr: bstr — abstrahuoti, kspl — eksploatacija,
kspr — ekspromtas, kstr — ekstraktas;

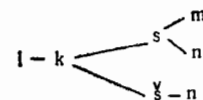
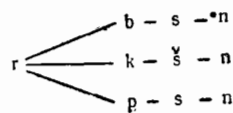
2) Cn + Cs + Ct + Cr: nskr — transkripcija.

СТРУКТУРЫ ЧЕТЫРЕХЭЛЕМЕНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ

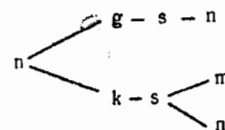
Cr · Ct · Cs · Ct

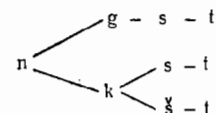
Cr · Ct · Cs · Cn

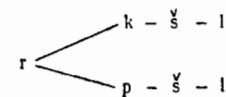
Cn · Ct · Cs · Cn

Cn · Ct · Cs · Cr

Cr · Ct · Cs · Cr

Cn · Ct · Cs · Cs

n --- k - š - š'

Cn · Ct · Cs · Cr

n --- k - š - l

Cr · Ct · Cs · Cs

r --- k - š - š'

Корректирующее дополнение. 1) В правом столбце 1-го дерева следует
читать š; 2) 4-ю формулу следует читать: Cn+Ct+Cs+Ct.

Используемый в данной работе словарный материал предо-
ставил нам лишь один пример на сочетание, состоящее из пяти
фонем. Следует заметить, что данное сочетание возникает на стыке
двух морфем: nkštp — ankštpipiris (модель Cr+Ct+Cs+Ct+Ct).

Используемый материал не дает ни одного примера на сочетании, содержащее более пяти согласных фонем.

Определенный интерес представляет дистрибуция фонем начала и конца слова, поскольку она связана с установлением границы между импловивной частью, примыкающей к предшествующему слогу, и экспловивной частью, принадлежащей следующему слогу.

Слово в литовском языке может начинаться с любой гласной и с любой согласной фонемы, а также с сочетания двух и, что бывает гораздо реже, трех согласных фонем.

СПИСОК НАЧАЛЬНЫХ ФОНЕМ

1) V(C) — до первой согласной фонемы:

a — abu	ie — ieškoti
e — eglė	o — obuolys
ė — ėdamas	u — upė
i — iki	uo — uodega

2) CCC . . . . . (V) — до первой гласной фонемы:

b — be	gr — grabas	pr — pradėti
b' — biurti	gr' — griaudėti	r — ragas
bl — blaivas	gv — gvaibti	r' — riaukti
bl' — bliovoti	h — halė	s — sakyti
br — braidyti	j — jūra	s' — siaubus
br' — briauna	k — kaina	sk — skaityti
c — caknoti	k' — kaulė	skl — sklaida
x — chalva	kl — klabėti	skl' — skliausti
xl — chloras	kl' — kliautis	skr — skrebt
xr — chromas	km — kmynas	skr' — skriausti
cv — cvaksėti	kn — knablys	sl — slankus
č — čekis	kn' — kniaubtis	sl' — sliaugti
č' — čia	kr — kragti	sm — smagus
čv — čvankšt	kr' — kriaušė	sn — snauda
d — dabar	kv — kvapas	sn' — sniaukra
dr — drabužis	l — labas	sp — spalis
dr' — drioskėti	l' — liauti	sp' — spiauti
dv — dvaras	m — malda	spr — spraga
f — fabrikas	m' — miaukči-	sr' — sriuba
fl — flora	oti	st — stalias
fr — frazė	n — naktis	str — strigti
g — gabalas	n' — niaukti	str' — striukas
gl — glaboti,	p — pagal	sv — svaigti
gl' — gliama	p' — piauti	š — šaltas
gn — gnybis	pl — plakti	š' — šiaip
gn' — gniūždyti	pl' — pliaupti	šk — škac

sl — šlakys	tr — trainioti	zv — zvaksti
sl' — šliaukti	tr' — triaukšti	ž — žabalas
šm — šmakšt	tv — tverti	ž' — žiaubti
šm' — šmiaukšt	v — vabalas	žl — žlabas
šn — šnekėti	v' — viauksėti	žl' — žliaugti
šn' — šnioti	z — zaugti	žm — žmogus
šv — švarus	zl — zlotas	žn — žnybt
t — tad	zl' — zliaukti	žn' — žniaukti
		žv — žvėris

Начальные сочетания двух согласных фонем распределяются в литовском языке по следующим моделям:

1) Ct+Cr: bl — blankti, bl' — bliovoti, br — brangus, br' — briauna, dr — draugas, dr' — driokoti, gl — glaboti, gl' — gliama, kl — klausti, kl' — kliaukti, kr — krauti, kr' — kriaušė, pl — platus, pl' — pliaupti, pr — prašyti, tr — traukti, tr' — triaukšti;

2) Cs+Cn: sm — smarkus, sn — sniegas, šm — šmižėti, šm' — šmiaukšt, šn — šnekėti, šn' — šniaukšti, zm — zmekti, žm — žmona, žn — žnybti, žn' — žniaugti;

3) Cs+Cr: fr — frazė, sl — sloga, šl — šlamoti, šl' — šliaukti, zl — zlotas, zl' — zliaukti, žl — žlabas, žl' — žliaugti;

4) Cs+Ct: sk — skausti, sk' — skiaurė, sp — spalva, sp' — spiauti, st — stogas, šk — škotai, šp — špulė, št — štanga;

5) Cs+Cc: cv — cvaksėti, sv — svajonė, šv — šviesa, zv — zvimbti, žv — žvėris;

6) Ct+Cc: dv — dvaras, dv' — dviašis, gv — gverti, kv — kvapas, tv — tvora;

7) Ct+Cn: gn — gnaibyti, gn' — gniaužti, km — kmynas, kn — knyga, kn' — kniausti.

В начале слова в литовском языке допустимы также сочетания трех согласных фонем, относящихся к разным классам и выстроенных в определенной последовательности:

1) Cs+Ct+Cr: (skl — sklaida, skl' — skliausti, skr — skrabi, skr' — skriausti, spr — sprandas, str — straige, str' — striukas) или

2) Cs+Ct+Cs (stv — stverti). Здесь следует обратить внимание на последовательность фонем в обеих моделях, ибо она строго фиксирована. При рассмотрении первой модели оказывается, что порядок фонем в этой модели не может быть нарушен. При устранении Cs начало слова выступает в виде Ct+Cr, при устранении Ct — в виде Cs+Cr, но ни в коем случае недопустима последовательность типа Ct+Cs, Cr+Ct, Cr+Cs, Cr+Ct+Cs, Cr+Cs+Ct. То же самое можно сказать и о второй модели: при устранении Cs начало слова выступает в виде Ct+Cs, при устранении Ct — в виде Cs+Cs.

ТАБЛИЦА РАЗЛОЖИМОСТИ НАЧАЛЬНЫХ
ТРЕХЭЛЕМЕНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ

skl	sk	kl	sl	spr	sp	pr	sr
skl'	sk	kl'	sl'	str	st	tr	sr
skr	sk	kr	sr	str'	st	tr'	sr'
skr'	sk	kr'	sr'	stv	st	tv	sv

Результаты, приведенные в таблице, подтверждают мысль, высказанную Дж. Гринбергом, о преобладании полностью разложимых начальных сочетаний над частично разложимыми сочетаниями¹².

Сочетания, содержащие более трех согласных фонем, в начале в литовском языке недопустимы. В конце слова в литовском языке могут стоять следующие фонемы и сочетания фонем:

1) (C) V

-a — kaina	-ie — vandenie	-ai — gerai
-e — bitę	-o — vilko	-au — jau
-e — eglė	-u — vilkų	-ei — eilei
-i — brolių	-uo — vanduo	-ui — vilkui

2) (V) CCCC. . . . .

-bk — gnybk	-ls — bals	-pt — capt
-bs — gnybs	-lsk — gelsk	-r — ar
-bšt — griebšt	-lžk — melžk	-rbk — dirbk
-bt — dibt	-m — vienam	-rbs — dirbs
-g — daug	-mbt — bambt	-rk — tverk
-gs — augs	-mk — temk	-rks — pirks
-gzk — migzk	-mpt — klimpt	-rkš — čirkš
-k — kiek	-ms — vilkams	-rkšt — barkšt
-ks — blikis	-msk — kimsk	-rpk — kirpk
-ksk — driksk	-mst — krimst	-rps — kirps
-kš — duokš	-mšk — kimšk	-rs — sesers
-kšk — bliukšk	-n — čion	-rsk — kirsk
-kšt — čiaukšt	-nc — benc	-ršk — piršk
-kt — cvakt	-ngt — džingt	-s — vilkas
-l — atgal	-nk — senk	-sk — mesk
-lbk — skelbk	-nks — rinks	-st — bast
-lbs — skelbs	-nkst — dunkst	-š — iš
-lk — salk	-nkst — burdinkšt	-šk — kišk
-lks — vilks	-nkt — cvinkt	-št — kyšt
-lkt — dudulkt	-ns — vandens	-t — greit
-lpk — tilpk	-p — galop	-ts — pats
-lps — tilps	-pk — klipk	-ž — už
-lpt — čiulpt	-ps — klips	-žk — gyžk

Любая гласная фонема может стоять в конце слова. Частота появления гласных фонем в конце слова весьма значительна, поскольку они являются показателями большого числа грамматических форм. На словообразовательном уровне гласные фонемы интерпретируются следующим образом:

- a — имя существительное — им. п., ж. р., ед. ч.; вин. п., м. р., ед. ч.; вин. п., ж. р., ед. ч.; тв. п., ж. р., ед. ч.; зв. п., ж. р., ед. ч.; имя прилагательное — им. п., ж. р., ед. ч.; вин. п., м. р., ед. ч.; вин. п., ж. р., ед. ч.; тв. п., ж. р., ед. ч.; местоимение — им. п., ж. р., ед. ч.; вин. п., ж. р., ед. ч.; тв. п., ж. р., ед. ч.; глагол — 3 л., ед., мн. ч.
- e — имя существительное — вин. п., ж. р., ед. ч.; тв. п., ж. р., ед. ч.; местн. п., ж. р., ед. ч.; зв. п., ж. р., ед. ч.; м. р., ед. ч.; местн. п., м. р., ед. ч.; имя прилагательное — местн. п., м. р., ед. ч.; местн. п., ж. р., ед. ч.; местн. п., м. р., мн. ч.; местн. п., ж. р., мн. ч.; местоимение — 1 л., вин. п., ед. ч.; 1 л., местн. п., ед. ч.; глагол — 1, 2 л., наст. вр., прош. вр., мн. ч.; 1, 2 л., наст. вр., буд. вр., мн. ч.; 1, 2 л., усл. накл., мн. ч.
- ė — имя существительное — им. п., ж. р., ед. ч.; глагол — 3 л., прош. вр., ед., мн. ч.
- i — имя существительное — вин. п., м. р., ед. ч.; зв. п., м. р., ед. ч.; им. п., м. р., мн. ч.; зв. п., м. р., мн. ч.; вин. п., ж. р., ед. ч.; имя прилагательное — вин. п., м. р., ед. ч.; им. п., м. р., мн. ч.; зв. п., м. р., мн. ч.; им. п., ж. р., ед. ч.; местоимение — 1 л., тв. п., ед. ч.; 1 л., вин. п., м. р., ед. ч.; 1 л., им. п., ж. р., ед. ч.; глагол — 2, 3 л., наст. вр., ед. ч.; 3 л., наст. вр., мн. ч.; 2 л., буд. вр., ед. ч.
- ie — имя существительное — зв. п., м., ж. р., ед. ч.; местоимение — 3 л., им. п., м. р., мн. ч.; глагол — 3 л., пов. накл.
- o — имя существительное — род. п., м. р., ед. ч.; имя прилагательное — род. п., м. р., ед. ч.; местоимение — род. п., м. р., ед. ч.; глагол — 3 л., наст. вр., ед. ч., мн. ч.; 3 л., прош. вр., ед. ч., мн. ч.
- u — имя существительное — тв. п., м. р., ед. ч.; род. п., м. р., мн. ч.; род. п., ж. р., мн. ч.; вин. п., м. р., ед. ч.; имя прилагательное — тв. п., м. р., ед. ч.; род. п., м. р., мн. ч.; род. п., ж. р., мн. ч.; вин. п., м. р., ед. ч.; местоимение — 1 л., род. п., м. р., мн. ч.; 1 л., род. п., ж. р., мн. ч.; глагол — 1 л., наст. вр., ед. ч.; 1 л., буд. вр., ед. ч.; 3 л., усл. накл., ед., мн. ч.
- uo — имя существительное — им. п., м. р., ед. ч.; им. п., ж. р., ед. ч.

¹² См.: Дж. Гринберг. Возможные начальные и конечные последовательности согласных. — ВЯ, 1964, № 4, стр. 46—47.

ai — имя существительное — им. п., м. р., мн. ч.; дат. п., ж. р., ед. ч.; имя прилагательное — дат. п., ж. р., ед. ч.; местоимение — дат. п., ж. р., ед. ч.; глагол — 2 л., прош. вр., ед. ч.; 2 л., прош. многокр. вр., ед. ч.

au — имя существительное — зв. п., м. р., ед. ч.; местоимение — 2 л., дат. п., ед. ч.; возвр., дат. п.; глагол — 1 л., прош. вр., ед. ч.; 1 л., прош. многокр. вр., ед. ч.; 1 л., усл. накл., ед. ч.

ei — имя существительное — дат. п., ж. р., ед. ч.; глагол — 2 л., прош. вр., ед. ч.

ui — имя существительное — дат. п., м. р., ед. ч.

Следующие фонемы могут стоять в конце слова в литовском языке: *g, k, l, m, n, p, r, s, š, t, ž*. Надо иметь в виду, что частота употребления данных фонем неодинакова. Из всех названных фонем лишь три (*k, m, s*) характеризуются высокой степенью встречаемости, поскольку именно они способны выражать грамматические категории. Так, фонема *k* является флексией 2 л. ед. ч. пов. накл.; фонема *m* является показателем дат. п., ед. ч., м. р. для прилагательных и местоимений. Фонема *s* на уровне словообразования может быть интерпретирована как:

1) имя существительное — им. п., м. р., ед. ч.; род. п., ж. р., ед. ч.; им. п., ж. р., мн. ч.; тв. п., ж. р., мн. ч.; тв. п., м. р., мн. ч.; вин. п., ж. р., мн. ч.; вин. п., м. р., мн. ч.;

2) имя прилагательное — им. п., м. р., ед. ч.; вин. п., м. р., мн. ч.; вин. п., ж. р., мн. ч.; род. п., м. р., мн. ч., род. п., ж. р., мн. ч.;

3) местоимение — 1 л., род. п., ед. ч.; 1 л., им. п., м. р., ед. ч.; 1 л., род. п., ж. р., ед. ч.; 1 л., им. п., мн. ч.; 1 л., вин. п., мн. ч.; 2 л., род. п., ед. ч.; 3 л., им. п., ед. ч.; 1 л., тв. п., мн. ч.; 2 л., им. п., мн. ч.; 2 л., вин. п., мн. ч.; 2 л., тв. п., мн. ч.; 3 л., вин. п., м. р., мн. ч.; 3 л., тв. п., м. р., мн. ч.; 3 л., им. п., ж. р., мн. ч.; 3 л., вин. п., ж. р., мн. ч.; 3 л., тв. п., ж. р., мн. ч.;

4) глагол — 3 л., буд. вр., ед. ч.; 3 л., буд. вр., мн. ч.; возвр. з.; прич., наст. вр., м. р.; прич., прош. вр., м. р.; прич., буд. вр., м. р.; дееприч., прош. вр., м. р.; дееприч., буд. вр.

Все сочетания двух согласных фонем, встречающиеся в конце слова в литовском языке, распределяются по следующим моделям:

- 1) Ct+Cs — bs, gs, kš, ks, ts;
- 2) Ct+Ct — bk, bt, kt, pk, pt;
- 3) Cs+Ct — sk, st, šk, št;
- 4) Cn+Cs — ms, nc, ns;
- 5) Cr+Ct — lk, rk, rt;
- 6) Cr+Cs — ls, rs;
- 7) Cn+Ct — mk, nk.

Следует иметь в виду, что по частоте встречаемости данные сочетания не являются равноценными. Наиболее часто встречаются

сочетания, входящие в модели, последним элементом которых является шумная фрикативная согласная (Cs) и в ряде случаев — шумная взрывная (Ct), поскольку данные фонемы являются показателями ряда грамматических форм (здесь речь идет о морфологическом уровне). Наиболее часто встречающимися являются следующие сочетания: bs — gnybs (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.); gs — augs (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.); ks — bliks (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.); kš — duokš (пов. накл. 2 л. ед. ч.); ps — klips (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.); ts — pats; ms — vilkams (дат. п. м. р. мн. ч.), kainoms (дат. п. женск. р. мн. ч.), dirbantiems (прич. наст. вр. дат. п. м. р. мн. ч.), dirbančioms (прич. наст. вр. дат. п. ж. р. мн. ч.); dirbtiems (прич. прош. вр. дат. п. м. р. мн. ч.); dirbtoms (прич. прош. вр. дат. п. ж. р. мн. ч.); ns — vandens (род. п. м. р. ед. ч.), gadins (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.); ls — bals (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.); rs — sesers (род. п. ж. р. ед. ч.), gers (буд. вр. 3 л. мн. ч.); bk — gnybk (пов. накл. 2 л. ед. ч.); pk — klipk (пов. накл. 2 л. ед. ч.); lk — salk (пов. накл. 2 л. ед. ч.); rk — tverk (пов. накл. 2 л.); mk — temk (пов. накл. 2 л. ед. ч.); nk — senk (пов. накл. 2 л. ед. ч.).

Сочетания трех согласных фонем, стоящих в конце слова, распределяются по следующим моделям:

- 1) Cr+Ct+Cs — lbs, lks, lps, rbs, rgs, rks, rkš, rps;
- 2) Ct+Cs+Ct — bšt, gzk, ksk, kšk, kšt;
- 3) Cr+Ct+Ct — lbk, lpk, lpt, rpk;
- 4) Cn+Ct+Ct — mbt, mpt, ngt, nkt;
- 5) Cr+Cs+Ct — lsk, lžk, rsk, ršk;
- 6) Cn+Cs+Ct — msk, mst, mšk;
- 7) Cn+Ct+Cs — nks.

Наиболее часто употребляющимися являются модели 1, 3, 5, 6, 7 и отчасти 2, так как последний компонент сочетания, как правило, является показателем грамматических форм, ср.: lbs — skelbs (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.), lks — vilks (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.), lps — tilps (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.), rbs — dirbs (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.), rgs — sergs (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.), rks — pirks (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.), rkš — čirkš (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.), rps — kirps (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.), lbk — skelbk (пов. накл. 2 л. ед. ч.), lpk — tilpk (пов. накл. 2 л. ед. ч.), rpk — kirpk (пов. накл. 2 л. ед. ч.), lsk — gelsk (пов. накл. 2 л. ед. ч.), lžk — melžk (пов. накл. 2 л. ед. ч.), rsk — kirsk (пов. накл. 2 л. ед. ч.), rsk — piršk (пов. накл. 2 л. ед. ч.), msk — kimsk (пов. накл. 2 л. ед. ч.), mšk — kimšk (пов. накл. 2 л. ед. ч.), nks — rinks (буд. вр. 3 л. ед. мн. ч.), gzk — migzk (пов. накл. 2 л. ед. ч.), ksk — driksk (пов. накл. 2 л.), kšk — bliukšk (пов. накл. 2 л. ед. ч.).

Остальные сочетания трех согласных фонем в конце слова относительно редки и, как правило, встречаются в звукоподражательных словах, ср.: bšt — griebšt! mbt — bambt! mpt — klimpt! ngt — džingt! nkt — cvinkt!

Количество трехфонемных сочетаний значительно увеличивается при учете редуцированных форм инфинитива (в литовском языке наряду с полной формой инфинитива на *-ti* имеется усеченная форма на *-t*, ср.: *dirbti — dirbt*).

Четырехфонемные сочетания согласных фонем в конце слова встречаются редко и главным образом в звукоподражательных словах (ср.: *rkšt — barkšt!* и т. д.) или в усеченных формах инфинитива (ср.: *dunkst, burdinkšt*).

Дистрибуция фонем литовского языка будет выглядеть более полной при учете ряда количественных характеристик. Речь идет о таких понятиях, как полнота, внутренняя полнота, симметричность, несимметричность, рефлексивность и транзитивность фонем литовского языка.

Свойство полноты предполагает рассмотрение взаимодействия фонемы x с элементами всего подмножества P . При этом следует различать α - и β -полноту. Под α -полнотой фонемы x имеется в виду подмножество фонем всего множества P , которые обнаруживаются во всех упорядоченных парах, в которых x является вторым компонентом. β -полнота фонемы x есть подмножество фонем множества P , которые обнаруживаются во всех упорядоченных парах, в которых x является первым компонентом. Численное выражение полноты каждой фонемы может быть определено как $K\alpha x = \frac{n\alpha x}{nP}$

и $K\beta x = \frac{n\beta x}{nP}$, где n — число элементов. При определении степени α -полноты фонем литовского языка оказывается, что ни одна фонема не обладает степенью α -полноты, равной 100%. Наибольшей степенью α -полноты обладают гласные фонемы (о — 71%, а — 62, i — 53, u — 49, e — 47, uo — 45, ie — 37, e — 32%). Минимальной степенью α -полноты, равной 0, обладает ряд согласных фонем, отмеченных признаком палатальности (с', x', d', f', h', t', z')¹³.

Ни одна фонема литовского языка не обладает степенью β -полноты, равной 100%. Гласные фонемы характеризуются наиболее высокой степенью полноты, ср.: а — 71%, о — 64, i — 62, u, e — 58, ie — 41, e, uo — 37%. Фонемы, отмеченные признаком палатальности, обладают наименьшей степенью β -полноты (ср.: z', t' — 2%; b', z' — 4; ž', g', k', p', s', v', ž' — 5, 6; č', l', n', š' — 7, 3%).

Для каждой фонемы может быть определена степень внутренней α - и β -полноты. Степень внутренней α -полноты фонемы x есть отношение числа элементов в α -позиции фонемы x к числу фонем в поле общего бинарного взаимодействия, т. е. $Ki\alpha x = \frac{n\alpha x}{n\tau x}$, соответственно степень внутренней β -полноты определяется

по формуле $Ki\beta x = \frac{n\beta x}{n\tau x}$. Максимальной степенью внутренней

α -полноты (100%) характеризуются следующие палатальные фонемы: b', c', z', l', m', n', p', g'. Достаточно высокой степенью внутренней α -полноты обладают также гласные фонемы: о — 95%, uo — 83, а — 77, ie — 75, e — 73, i — 72, e — 67, u — 65%. Минимальной степенью внутренней α -полноты, равной 0, характеризуются следующие фонемы: x', d', f', h', t', z'. Степень внутренней β -полноты семи фонем литовского языка (x', d', z', f', t', z', k') составляет 100%. Высокой степенью внутренней β -полноты характеризуются гласные фонемы: а, e — 91%, i — 84, e, o — 83, ie — 78, u — 77, uo — 72%. Наименьшей степенью внутренней β -полноты (в данном случае) обладают следующие фонемы (палатальные): n' — 28%, l' — 22, g — 21, m' — 12%.

Для каждой фонемы могут быть также определены степень симметричности, степень несимметричности, степень внутренней симметричности и степень внутренней несимметричности. Степень симметричности фонемы есть отношение числа фонем, с которыми фонема x является симметричной, т. е. таких, которые составляют пересечение двух множеств: α -поля и β -поля фонемы x , к числу фонем всего инвентаря, $Sx = \frac{n(\alpha x \cap \beta x)}{nP}$. Наибольшей степенью

симметричности характеризуются гласные фонемы литовского языка: о — 62%, а — 51, i — 45, e — 36, uo, u — 30, e, ie — 28%. Наименьшей степенью симметричности обладают палатальные фонемы, ср.: t', d', z', c', x' — 0; m', v', f', k', h', š' — 2%; s', z', č', ž', g' — 4%. Степень несимметричности фонемы x есть отношение числа элементов, находящихся в симметричной разности множеств αx и βx к числу элементов в P : $S'x = \frac{n(\alpha x \ominus \beta x)}{nP}$.

Фонемы литовского языка характеризуются довольно низкой степенью несимметричности. Наибольшей степенью несимметричности обладают гласные (e — 34%, а — 32, u — 30, i, uo — 28, ie — 24, o, e — 15%) и сонорные фонемы (g — 30%, l' — 26, l — 24, g' — 21%).

Степень внутренней симметричности фонемы x есть отношение числа фонем, с которыми фонема взаимодействует симметрично, к числу фонем, с которыми она взаимодействует: $Six = \frac{n(\alpha x \cap \beta x)}{n\tau x}$.

Небольшой степенью внутренней симметричности характеризуются согласные фонемы, отмеченные признаком палатальности. Все они могут быть расположены на шкале между 0 и 33. Степень внутренней симметричности остальных фонем достаточно высока (табл. 2).

Степень внутренней несимметричности фонемы x есть отношение числа элементов, находящихся в симметричной разности αx и βx , к числу элементов в поле общего бинарного взаимодействия:

¹³ Наиболее подробно о данной и прочих характеристиках см. табл. 2 на стр. 172—173.

$S'lx = \frac{n(ax\theta\beta x)}{n\tau x}$. Наибольшей степенью внутренней несимметричности обладают палатальные фонемы. Несколько более низкой степенью внутренней несимметричности характеризуются соответствующие непалатальные фонемы.

Фонема *x* может быть названа рефлексивной, если существует упорядоченная пара *xx*. В литовском языке нет ни одной рефлексивной фонемы. Следовательно, все фонемы иррефлексивны.

И, наконец, о понятии транзитивности применительно к фонемам литовского языка. Отношение *R* является транзитивным, если появление упорядоченных пар *xu* и *yz* в отношении *R* предполагает упорядоченную пару *xz*. Степень местной транзитивности фонемы *x* по отношению к фонеме *y* есть отношение числа элементов в пересечении β -полей *x* и *y* к числу элементов в *y*. Табл. 3 (см. вкладку) дает значения местной транзитивности, определенных для всех возможных упорядоченных пар фонем литовского языка.

* * *

В связи с изучением синтагматических отношений на фонологическом уровне представляет интерес установление структуры слога и более практический вопрос о членении фонологического слова на слоги. Важность этих задач становится понятной, если учесть, что слог можно понимать как некую минимальную дистрибуционную структуру, в каждом конкретном случае довольно просто организованную и в совокупности исчерпывающую все дистрибутивные возможности внутри данного языка.

Количество слогов в слове определить довольно легко: достаточно сосчитать количество вокалических центров слога (они могут состоять из гласной фонемы; сочетания двух гласных фонем, вторая из которых выступает в неслоговой функции — дифтонги *ai*, *au*, *ei*, *ui*; сочетания гласной фонемы с сонорными *г*, *л*), не принимая во внимание группы согласных. Тем не менее именно последние представляют особую трудность в связи с проблемой слогораздела, так как не всегда ясно, где проходит граница между импловивной частью, примыкающей к предшествующему слогу, и эксплозивной частью, принадлежащей следующему слогу. При определении импловивной и эксплозивной частей слога можно применить критерий дистрибуции начала и конца слова, так как только в этих условиях реально определимы слоговые структуры. Но эффективность этого метода оказывается лишь частичной (конец слога может содержать элементы, недопустимые в конце слова). Однако практически (в случае литовского языка) остается не вполне ясным некоторое количество примеров.

Минимальная модель слога в литовском языке, понимаемая как сочетание двух предельно длинных последовательностей согласных фонем, из которых одна предшествует первой гласной

фонеме слова, а другая следует за последней гласной, может быть представлена в следующем виде:

1. CCCVCCC (sprengt(i)s), где *C* — согласная, а *V* — гласная фонема¹⁴.

Теоретически допустимы, кроме модели 1, следующие комбинации фонемных сегментов, образующие разные варианты модели фонологического слога:

2. CCCVCC (sprigt(i) ¹⁵ , striegt(i))	10. CVCC (de-šimt, lieps)
3. CCCVC (spręs, spraus)	11. CVC (vėl, kiek)
4. CCCV (stra-pas, spra-gi-ti)	12. CV (pa-si-da-ry-ti, nuo)
5. CCVCCC (zvimbt, trinkt)	13. VCCC (iršt, urkt)
6. CCVCC (stukt(i), stups)	14. VCC (ant, ūkt)
7. CCVC (prieš, klib-ti)	15. VC (už, ir)
8. CCV (pra-klu-po-ti, prie)	16. V (o, a-bu)
9. CVCCC (pykst)	

Как видно, все классы теоретически допустимых моделей фонологического слога так или иначе реализуются в литовском языке. С помощью этих 16 моделей и разных попарных их сочетаний порождаются все возможные в литовском языке реальные последовательности согласных фонем (вплоть до цепи из шести согласных сегментов). Общие схемы порождения последовательностей согласных фонем даются ниже:

- 6C . . . VCCC+CCCV. . . (образуется соединением моделей 1, 5, 9, 13 с моделями 1, 2, 3, 4)
- 5C . . . VCCC+CCV. . . (образуется соединением моделей 1, 5, 9, 13 с моделями 5, 6, 7, 8)
- . . . VCC+CCCV (образуется соединением моделей 2, 6, 10, 14 с моделями 1, 2, 3, 4)
- 4C . . . VCCC+CV. . . (образуется соединением моделей 1, 5, 9, 13 с моделями 9, 10, 11, 12)
- . . . VCC+CCV. . . (образуется соединением моделей 2, 6, 10, 14 с моделями 5, 6, 7, 8)
- . . . VC+CCCV. . . (образуется соединением моделей 3, 7, 11, 15 с моделями 1, 2, 3, 4)
- 3C . . . CCCV. . . (образуется моделями 1, 2, 3, 4)
- . . . VC+CCV. . . (образуется соединением моделей 3, 7, 11, 15 с моделями 5, 6, 7, 8)

¹⁴ Любопытно, что максимальная модель слога семичленна. Не говорит ли этот факт о глубине «дистрибутивной» памяти человека (и в других языках, насколько известно, практически слог не превышает семи элементов), сопоставимой с фактами, приведенными В. Ингве, см.: V. N. I n g v e. A Model and a Hypothesis for Language Structure. «Proceedings of American philosophical Society», 1960, v. 104, № 5.

¹⁵ Здесь и далее учитываются две флексии инфинитива — полная (-ti) и усеченная (-t).

	e	è	uo	u	ie	i	o	a	j	t	t'	d	d'	n	n'	s	s'	z	z'	p	p'	b	b'	m	m'	v	v'	f	f'	c	c'	ç	ç'	š	š'	ž	ž'	š	š'	ž	ž'	k	k'	g	g'	h	h'	x	x'	r	r'	l	l'			
e		86	90	81	78	76	76	66	50	73	100	60	100	66	75	72	100	75	100	66	100	62	100	70	100	57	100	60	100	52	100	80	100	52	75	100	100	73	75	75	100	71	100	71	100	66	100	86	100	68	100	61	75			
è	58		76	51	64	54	59	51		66		33		33		36		38		33		36		47				20			80								45				43		4			100		53		54				
uo	61	76		61	77	57	55	48				33		33		44		56		33		27		29				20		13						29				50		50		48		39			29		50		58			
u	80	76	90		82	73	76	66	63	73		66		76	50	72	66	87	100	80	66	72	50	65	100	71	66	60		71		60	50	86	50	100	66	77	50	81	66	71	66	72	66	66	100	86		68	66	72	50			
ie	55	66	81	58		66	62	54		40		33		43		52		44		40		27		41				20		13		40		29				55		38		43		44			29		53		50					
i	81	90	90	77	100		82	77	38	66	100	60	100	57	75	80	100	69	100	66	100	64	100	65	100	43	100	50	100	57	100	60	100	43	75	33	100	37	75	63	100	66	100	72	100	50	100	71	100	79	100	65	75			
o	84	95	90	84	95	85		82	38	66		60		71	25	76	33	69	100	66	33	64	50	70	100	43	33	50		57		80		71	25	100	33	77	25	69	33	71	33	72	33	50		71		79	33	77	25			
a	84	95	90	84	95	91	95		75	86	100	80	100	86	50	92	66	81	100	86	66	82	50	88	100	87	66	70	100	71	100	80	100	71	50	66	66	91	50	81	66	90	66	83	66	66	100	86	100	86	66	84	50			
j	13			19		9	9	15		53	100	53	100	38	100	32	100	44	100	53	100	64	100	47	100	100	100	80	100	71	100	80	100	71	100	100	100	100	36	100	50	100	38	100	44	100	100	100	71	100	29	100	27	100		
t	35	29		35	27	30	29	33	100		100	86	100	43	100	60	100	69	6	73	100	91	100	47	100	100	100	90	100	100	100	100	100	100	100	86	100	100	100	67	100	12	100	66	100	77	100	100	100	86	100	43	100	42	100	
t'	3				5	3		3	12	6		6	100	5	25	4	33	6		6	33	9	50	6		13	33	10	100	13	100	20	50		25		33	5	25	6	33	5	33	5	33	16	100	13	100	3	33	4	25			
d	29	24	24	32	23	27	26	28	100	86	100		100	43	100	56	100	69	100	73	100	91	100	48	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	86	100	100	100	64	64	75	100	66	100	77	78	100	100	100	100	39	100	38	100		
d'	3					3		3	12	6	100	6		5	25	4	33	6		6	33	9	50	6		13	83	10	100	13	100	20	50		25		33	5	25	6	33	5	33	5	33	16	100	13	100	3	33	4	25			
n	45		33	51	41	36	44	46	100	60	100	60	100		100	60	100	69	100	66	100	64	100	65	100	100	100	80	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	59	100	69	100	43	100	61	100	100	100	71	100	64	100	65	100	
n'	9			6		9	3	5	50	26	100	26	100	19		16	100	25	100	26	100	36	100	23	100	43	100	40	100	43	100	40	100	13	100	33	100	18	100	25	100	19	100	22	100	50	100	43	100	13	100	15	100			
s	58	43	52	58	59	60	56	51	100	100	100	93	100	71	100		100	81	100	86	100	100	100	65	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	95	75	88	33	81	100	94	100	100	100	100	100	71	100	100	57	100
s'	9			6		9	3	5	38	20	100	20	100	13	75	12		19	100	20	100	27	100	17	100	43	100	30	100	43	100	40	100	13	75	33	100	14	75	19	100	13	100	17	100	50	100	43	100	11	100	11	75			
z	39	29	43	48	32	33	32	33	87	73	100	73	100	52	100	52	100		100	66	100	82	100	47	100	86	100	80	100	86	100	100	100	71	100	100	100	59	100	88	100	62	100	77	100	83	100	86	100	50	100	100	50	100		
z'	3			3		3	3	3	12	6		6		5	25	4	33	6		6	33	9	100	6	100	13	33	10		13		20				25	33	33	5	25	6	33	5	33	5	33	16		13		4	33	4	15		
p	32	24	24	38	27	30	26	33	100	73	100	73	100	43	100	52	100	63	100		100	91	100	59	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	54	100	69	100	62	100	66	100	100	100	100	100	43	100	35	100	
p'				6		3	5		20	100					12	100	19	100	20		27	100			43	100			43	100			1	13	75			14	75	19	100						43	100	11	100						
b	13	19	14	26	14	21	20	23	88	66	100	66	100	33	100	44	100	56	100	66	100		100	41	100	86	100	90	100	71	100	80	100	57	75	100	100	50	100	56	100	52	100	20	100	83	100	71	100	32	100	23	100			
b'	6			3		6	3	3	25	13	100	13	100	9	50	8	66	13	100	13	66	18		12	100	29	66	20	100	28	100	40	50	14	50	33	66	9	50	13	66	9	66	11	66	33	100	29	100	7	66	8	50			
m	36	38	24	35	32	33	35	38	100	53	100	53	100	52	100	44	100	50	100	60	100	64	100		100	100	100	80	100	86	100	80	100	86	100	100	100	50	100	59	100	52	100	50	100	100	100	71	100	54	100	50	100			
m'	3			3		3	3	3	12	6		6		5	25	4	33	6	100	6	33	9	100	6		13	33	10		13		20				25	33	33	4	25	6	33	5	33	5	33	16		13		4	33	4	25		
v	13			19		9	9	15	87	46	100	46	100	33	75	28	100	38	100	46	100	55	100	41	100		100	70	100	13	100	80	100	72	75	100	100	32	75	44	100	33	100	39	100	100	100	71	100	25	100	23	75			
v'	9			6		9	3	5	38	20	100	20	100	13	75	12	100	19	100	20	100	27	100	17	100	43		30	100	43	100	40	100	13	75	100	100	14	75	19	100	13	100	16	100	50	100	43	100	11	100	11	75			
f	19	9	9	19	9	15	15	15	100	60	100	66	100	38	100	40	100	50	100	66	100	82	100	47	100	100	100		100	86	100	80	100	71	100	100	100	45	100	56	100	48	100	55	100	100	100	100	100	32	100	26	100			
f'	3					3		3	12	6	100	6	100	5	25	4	33	6		6	33	9	50	6		13	33	10		13	100	20	50		25		33	5	25	6	33	5	33	5	33	16	100	13	100	4	33	4	25			
c	13			5	19	4	12	12	13	62	46	100	46	100	33	75	28	100	38	100	66	100	45	100	35	100	86	100	40	100		100	100	100	71	75	100	100	32	75	44	100	29	100	39	100	100	100	71	100	21	100	27	75		
c'	3					3		3	12	6	100	6	100	5	25	4	33	6		6	33	9	50	6		13	33	10	100	13		20	50		25		33	5	25	6	33	5	33	5	33	16	100	13	100	3	33	4	25			
ç	13	19		9	9	91	12	11	50	33	100	33	100	24	50	20	66	31	100	33	66	36	100	23	100	57	66		100	71	100		50	57	50	100	66	28	50	31	66	24	66													

- ... VCC+CV. . . (образуется соединением моделей 2, 6, 10, 14 с моделями 9, 10, 11, 12)
 . . . VCCC. . . (образуется моделями 1, 5, 9, 13)
 2С . . . CCV. . . (образуется моделями 5, 6, 7, 8)
 . . . VC+CV. . . (образуется соединением моделей 3, 7, 11, 15 с моделями 9, 10, 11, 12)
 . . . VCC (образуется моделями 2, 6, 10, 14)
 . . . VC (образуется моделями 3, 7, 11, 15 и 9, 10, 11, 12).

Эти схемы помогают однозначно решить вопрос о слогоразделе в одних случаях (последовательность . . .CCCCC. . . может члениваться только как . . .CCC/CCC, поскольку нет моделей слога, имеющих четыре, пять или шесть согласных сегментов подряд, но есть модели, кончающиеся и начинающиеся тремя согласными сегментами) или перечислить все теоретически возможные способы слогоделения в случаях, не имеющих однозначного решения (правда, некоторые уточнения могут быть достигнуты при переходе от уровня общих моделей слога к конкретному анализу фонемного состава согласных сегментов, об этом см. выше).

Таблица 2

Степени полноты, симметричности и несимметричности фонем литовского языка

	<i>Kax</i> (%)	<i>Kβx</i>	<i>Kiax</i>	<i>Kiβx</i>	<i>Sx</i>	<i>S'x</i>	<i>Six</i>	<i>Six</i>
e	47	58	67	83	36	34	51	49
è	32	37	73	91	28	15	65	95
uo	45	37	83	72	30	28	55	52
u	49	58	65	77	30	30	40	60
ie	37	41	75	78	28	24	53	46
i	53	62	72	84	45	28	62	39
o	71	64	95	83	62	15	80	19
a	62	71	77	91	51	32	63	39
j	18	15	77	62	9	15	46	62
t	37	25	87	65	23	21	52	48
t'	0	2	0	100	0	0	0	100
d	26	28	77	83	21	13	61	39
d'	0	2	0	100	0	2	0	100
n	37	37	77	81	28	21	57	42
n'	26	7	100	28	7	19	28	71
s	28	47	53	96	26	23	54	46
s'	9	5	83	50	4	7	33	66
z	23	31	60	80	17	21	45	55
z'	0	2	0	100	0	0	0	100
p	24	28	81	94	21	9	69	31
p'	18	5	100	30	5	13	30	70
b	24	21	87	73	17	11	60	40
b'	15	4	100	25	4	11	25	75
m	34	32	82	77	28	13	68	32
m'	15	2	100	12	2	13	12	88

	<i>Kax</i> (%)	<i>Kβx</i>	<i>Kiax</i>	<i>Kiβx</i>	<i>Sx</i>	<i>S'x</i>	<i>Six</i>	<i>Six</i>
v	41	13	91	30	13	30	30	69
v'	13	5	77	33	2	15	11	88
f	26	18	82	59	9	23	29	70
f'	0	2	0	100	0	2	0	100
c	13	13	77	77	9	7	55	44
c'	0	2	100	100	0	2	0	100
z	4	9	29	71	0	13	0	100
z'	4	4	100	100	4	0	100	0
ç	13	13	63	63	5	15	27	73
ç'	15	7	80	40	4	15	20	80
ž	7	5	80	60	4	5	40	60
ž'	13	5	88	38	4	11	25	75
š	26	31	73	84	18	17	53	47
š'	11	5	86	43	38	9	29	71
k	25	37	71	100	28	11	71	28
k'	17	5	90	30	2	17	10	90
g	23	34	60	90	19	19	50	50
g'	11	5	75	38	4	11	25	75
h	51	11	43	86	4	5	28	71
h'	0	2	0	100	2	2	0	100
x	13	13	77	77	9	7	55	44
x'	0	2	0	100	0	2	0	100
r	34	53	58	90	28	30	48	51
r'	26	5	100	21	5	21	21	78
l	37	49	70	86	32	24	57	76
l'	34	7	100	22	7	26	22	77
š	28	41	65	95	26	17	61	39
š'	7	7	60	60	2	2	16	16

СИСТЕМА ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛЬНЫХ ГРАММЕМ
В ПОГРАНИЧНЫХ
ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКИХ ГОВОРАХ

М. И. Лскомцева

Л. В. Щерба в описании мужаковского говора лужицкого языка показал, как происходит креолизация языка, как образуется новая система значений грамматических форм. Зона взаимодействия литовских диалектов со славянскими (польским и белорусским) языками дает материал для продолжения изучения поставленных Л. В. Щербой вопросов.

В настоящей статье будут рассмотрены системы значений глагольных грамем в диалектах района Шальчининкай (деревни Стасилай, Дайнишки, Дайнава и Сосанкишки). Этот район интересен тем, что здесь в каждом диалекте список глагольных морфем и грамем не отличается от соответствующих диалектов неконтактирующей зоны, однако в системе противопоставлений этих форм в славянских диалектах наблюдаются такие явления, которые не укладываются в системы представления глагола в славянских языках. Это относится прежде всего к формам кондиционалиса, к соотношению синтетических и аналитических глагольных форм и употреблению причастных и деепричастных форм. Учет взаимодействия этого фрагмента грамматической системы с соответствующим фрагментом литовского языка делает картину значений глагольных форм в этих диалектах более понятной. В этой работе делается попытка рассмотреть значения глагольных форм трех говоров у одних и тех же информантов.

Для обозначения действия в описываемом говоре используется инфинитив, напр.: *da jámk'i hónim¹ žať*, а *zal'ivác n'i zal'ivájim* 'угли сгребать в ямку, а заливать — не заливаем'. Здесь в контекст описания — как погасить огонь в печке — просто вводится новое действие — 'заливание', а потом оно специфицируется грам-

¹ h означает здесь звук, который обычно транскрибируется как γ (задне-небный фрикатив).

матически *zal'ivájim* и семантически — образованием отрицательной формы от этого глагола.

Обязательный характер действия обозначается инфинитивом в сочетании с глаголами долженствования: *mús'is žyt', što žób'is?* *mús'is žyt' da s'm'er't'i* 'надо жить, что поделаешь? Надо жить до смерти'; *nam trėbavala prymát'* 'нам надо было принимать'. Или по-литовски тот же информант говорит: *s'en'æļ sāko m'irs'i grėjt, dangú rėik'a važúot'i* 'раньше говорили: Скоро умрешь, на небо надо отправляться'; *rėik'a pasald'in't' cūkru ir bús gard'ou* 'надо подсластить сахаром и будет вкусней'; *náda na kan'úšn'u is'ti pa kan'a* 'надо идти на конюшню за лошадью'; *ėjt' rėik'a pasiklás'it' árkl'u* 'надо идти попросить лошадей'; *gùl'in't' n'e gāl'ima čytót'* 'лежа нельзя читать'; *rėik'a ađ'ilsėt'* 'надо отдохнуть'; *atrak'in't zamk'al'i rėika* 'надо отпереть замок'; *atrak'inou, gāl'ima is'ti* 'открыл, можно идти'.

В сочетании с глаголами движения инфинитив употребляется в значении цели действия: *pašov karóvy pás'it'* 'он пошел коров пасти'; *ptášk'i pašov han'át'* 'птиц пошел гонять'; *eis'im albūs izg'árt'i* 'пойдем пиво пить'; но на польском этот же информант предпочитал говорить: *ruǐdz'em vup'ijem p'ifka*.

Для обозначения действия, кроме инфинитива, широко используются причастные и деепричастные формы, если говорят на литовском или «*pro-prostu*»: *m'esós pavál'g'is — tež g'agėi!* 'мяса поесть — тоже хорошо'; *m'áso našytn'ėjšy pakúšaušy* 'сытнее всего мяса поесть (когда мяса поешь)'. На польском в этом значении причастные формы избегаются, и здесь употребляется инфинитив: *našytn'ėj męsa zjės't'i kaválek* 'сытнее всего — съесть мяса кусок'.

Форма, образованная в основном — «прóстом» — говоре от основы инфинитива прибавлением суффикса *-ušy*, резко выделяется в системе глагола как частотой употребления, так и разнообразием своих значений. Кроме описанного обозначения действия вообще эта форма имеет значение деепричастия: *dva kurčučká výšovšy súrkaĭut'* 'пищат, вылупившись, два цыпленка'; *jak vótk'i nar'iušys'a slan'ájissa* 'качается, как будто водки напился'. Эта форма также выполняет роль второго деепричастия — герундия, обозначая действие субъекта, не являющегося подлежащим предложения: *avratno mól'acca s ks'óndzem prujéxaušy* 'когда ксендз придет, снова молятся (снова молятся с приехавшим ксендзом)'. Очевидно, этому соответствует в литовском литературном языке падаливис (деепричастие, означающее побочное действие второстепенного действующего лица).

В литовском местном диалекте форма падаливис представлена, как и в литературном языке: *aš at'ėjo namó vaikėi n'a válgus* 'я пришла домой, дети еще не ели' — *prušlá da xáty, d'ėl'i n'a jėušy*.

Однако в литовском литературном языке наряду с падаливи-сом существует пусдаливис — деепричастие, обозначающее дей-ствие основного действующего лица.

Ни в «прóстом», ни в литовском говоре это «первое» деепри-частие никаким особенным образом не выражается: aš at'ejo namó n'a válgus 'я пришла домой не евши' или: aš at'ėjeu namó n'a válgus búvo; prýšla da xáty n'a jėušy — aš at'ėjeu namó vaikėi n'a válgus búvo — prýšlá da xáty d'ėt'i býli n'a jėušy.

Итак, и в литовском, и в «прóстом» говоре этого района су-ществует деепричастие, которое может относиться к субъекту независимо от того, является ли он «основным» или «второсте-пенным» носителем действия.

Это же деепричастие может употребляться в безличном пред-ложении: padrab'iušy trėba atračýt 'поработав, надо отдохнуть' — padárbujes gėik'a ač'ilsėt'.

Причастия представлены только в страдательном залоге: d'v'ėrk'i vųtbl'eny t'es'ólkt'i, по-литовски: vųk'irsta dú'is t'e-s'ólku 'дверцы вырублены топориком'; iakája s'm'ėrt' súdžena, takóji i pamrė — kok'ù s'm'ėrt'u súd'itas, tok'ù pam'išs 'какая смерть суждена, такой и умрешь'; majá xáta zamkn'ėnta — máno p'ir'k'a ažumk'inta 'моя хата закрыта'; cėlyje b'arv'óna n'e t'a-s'ónyje — strašýdla 'целые бревна необтесанные — страх'; tėras fs'ób rakurányje 'теперь все покупное'.

Как и в литовском литературном языке и других говорах, пассивные причастия и в описываемом говоре часто играют роль сказуемого: varlūs uždarýto 'ворота закрыты'. Точно так же в «прóстом» говоре: varóty začúp'ėno~, radn'eb'ėn'e z hl'iny gob'ónė 'дымоход из глины сделан'.

С пассивным причастием сочетается глагол 'быть', образуя перфектные значения в соответствующем времени: a tadý būdūt' rpu'átyje 'а тогда их примут'.

В польском говоре этого района пассивные причастия соче-таются с глаголом «быть», образуя перфективные значения: ja jestem naiedzóny — pa rúsku ja sýtyj, pa próstu padjėu, aš pavál'-g'iu, ganá, man ganá 'я поел, мне хватит'.

Во всех этих причастиях основным значением является пред-ставление или сохранение результата действия, само же пассив-ное значение сильно стерто.

Сослагательное наклонение выражается в «прóстом», поль-ском и литовском говорах описываемого района, отличным от условного наклонения образом и означает предположение: mőže sám pašóu by f stán'u 'может, я один пошел бы в конюшню'; ánas mok'ėtu — jón um'él by nar'ėvno zmárl by ftėdy 'наверняка он бы тогда умер'; kap n'ev'ėska mn'e: kap prenzėj padóhla 'мне невестка (говорит): чтоб ты поскорей умерла'; po i bóty, ja b

u n'ix n'ikal'í n'i xad'iu 'ну и ботинки, я б в таких никогда не ходил'.

Условное наклонение в «прóстом» говоре можно проиллюстри-ровать такими примерами: býu by v'ėdaušy káby skazáu '(я) знал бы, если бы (ты) сказал'²; n'e býu by v'ėdaušy jak š'ė'ego gób'ica p'iva 'не знал бы, из чего делают пиво'; kab býu z'm'an'iušy, tak bylá by zvaryušy 'я бы сварила, если бы ты (меня) сменил'; do v'il'na zav'ózl, to býl by vyl'ėu-čy 'вылечил бы, если увез в Вильнюс'; jak býu n'i padjėxaušy, tak daunó by býu v_mag'il'i 'если бы (он) не приехал, так (тот) давно бы был в могиле'; a jak zaval'ius'a na l'ót, tak by zrázu skazáušy 'если бы он сразу сказал, как упал на лед...'; kap ja býu by znáušy, na s'v'ėt n'i rad'ius'a 'если бы я знал, на свет не родился'; káby byu by znáušy, z_vainý n'i jėxaušy, n'i byu by pruv'óšy zalatóho p'ers't'ónka, по-литовски: kab búvau žynójis iž vainós n'e jójis a nej n'e p'arn'ášo auks'in'u žed'al'u 'если бы я знал, не приехал бы (к тебе) с войны, не привез бы (тебе) золотое кольцо'; nam trėbovala rymát', i tahdá aná bylá by s'id'ėušy 'нам надо было принимать, и тогда она бы сидела'.

Дальнейшее уточнение значений безличных форм глагола, сослагательного и условного наклонений будет проще провести после рассмотрения значений форм индикатива.

Одно из существенных отличий литовского языка от славян-ских в области глагольной системы состоит в том, что в литов-ском языке совершенный вид противопоставляется несовершен-ному во всех временах, в том числе и в настоящем времени: так, первое лицо единственного числа настоящего времени от глагола piřkti 'покупать' будет aš perku, а от nupiřkti 'купить' — aš nuperku, что тоже означает настоящее время, хотя и совер-шенного вида. Будущее же время от этого глагола, то, что по-русски означает 'я куплю', в литовском будет aš nupiřksiu, а 'я буду покупать' — aš piřksiu.

В «прóстом» говоре обращает на себя внимание употребление в настоящем времени как бесприставочных, так и приставочных глаголов. Изучению значений этих форм несколько препятствует то, что в славянских языках нет специального форманта буду-щего времени, аналогичного литовскому -s-, и то, что формы на-стоящего времени легко принимаются за формы будущего времени в зависимости от контекста («завтра я уезжаю»).

Однако ряд контекстов и ситуаций употребления приставоч-ных глаголов (совершенного вида) говорит о том, что в настоя-щем времени имеется некоторое противопоставление граммати-ческих значений приставочных и бесприставочных глаголов.

В рассказе о том, как две хозяйки пекут блины, рядом стоит девочка и хозяйки ее угощают, употребляются следующие формы:

² Местоимения в переводе даются на основе контекста ситуации.

adná p'ačé — k'in'e jéi, druhája — uk'in'e jéi ('одна печет — бросит ей, другая — бросит ей'). Первый раз используется k'in'e, второй раз с приставкой — uk'in'e. Действие описывается одно и то же, в одном и том же времени. Различаются же две формы тем, что первая впервые вводит это действие, а вторая сообщает об уже упоминавшемся. Эта ситуация напоминает такой случай употребления неопределенного и определенного артикля: когда вводится новое лицо или предмет и представляется как какой-то член класса данных предметов, то его обозначение дается с неопределенным артиклем, при следующих упоминаниях этого лица или предмета употребляется определенный артикль, который дает возможность идентифицировать это лицо или объект с ранее упоминавшимся.

Поэтому можно предположить, что здесь существенно противопоставление определенности — неопределенности действия. Как это проявляется в других ситуациях?

Информант кормит цыплят и говорит: an'í padž'úbajut' i l'a-tájut', iš, l'atút' 'они поклюют и бегают — иш, бегают'. Предположение о том, что второй глагол l'atút' означает 'бегут' — или однонаправленное действие в отличие от 'бегают' разнонаправленного действия — казалось несоответствующим этой ситуации, так как цыплята все это время клевали, передвигаясь во всех направлениях.

Введение нового действия в «неопределенной» форме и упоминание его в следующий раз как уже определенного можно видеть в таком контексте, описывающем похороны: trunú opuskájut' i p'askóm sýr'ut' — ks'ónc try_gazá sypn'é p'askóm, tadý fs''é try_gazá sypnút' 'опускают гроб и засыпают песком — ксендз три раза посыплет песком, а потом все три раза посыплют'.

Такое соотношение может охватывать не только одно и то же действие, «другое», «следующее» действие может вводиться тоже как определенное, в особенности, если оно имеет другие уточняющие и определяющие его обстоятельства: hadžú — n'ičahó, a palážús' — zapláču krváveį s'l'ezóį 'хожу (вообще) — ничего, а лягу — плачу кровавыми слезами' ('лягу' и 'плачу' — определенные действия на фоне неопределенного 'хожу'). Или: s'n'ė-žyt' mósno, nas'n'ėžyt' s'niėx, drėva gruxyl'isca 'снега идет много, — насыплет снегу (первое действие вводится как неопределенное, затем описывается уже как определенное, следующее действие — нагибаться — подразумевается сразу как определенное), деревья нагнутся (низко)'.

Однако в тексте может первым встретиться действие «определенное», за которым будет следовать действие «неопределенное», обобщенное, передающееся в литовском часто формой причастия: jak karóv'ica padóxn'e, tak on skúry sumáje — keip izgėjša kárv'e, teį ánas lúpas skupas 'как подохнет корова (характерно,

что по-литовски это передается настоящим временем совершенного вида), так он шкуры снимает' (это его постоянное занятие, его и зовут skuralupas — 'живодер'). Или: karóva padóxn'e, trúdna rády mn'e dás'c' 'корова подохнет — трудно мне справиться' (второе действие — «вообще», неопределенное, употребляется после первого — определенного).

Такого же типа ситуация описывается в контексте: prylat'it' na jáik'i i dús'it' '(клуша) сидит на яйцах и душит (полувывульвившихся цыплят)' — первое «определенное» действие вызывает второе действие вообще.

В связи с этим фразы n'ičahó n'i rakupl'ú — štó pradas'í, to grajes'í понимаются здесь как выраженные в настоящем времени «определенные» действия ('ничего не покупаю, что продаю, то и проедаю' — со значением определенности всех действий); sknar', darmón'í kápl'i n'i das't' 'скряга, он задаром капли не дает' — не дает (время настоящее, действие очень «определенное», как бывает во фразеологизмах).

'Я ем' на литовский здесь переводят aš válgo, определенное действие от этого глагола будет ja padjém, и оно переводится на литовский aš paválgaų — настоящим временем совершенного вида.

Будущее время от этого глагола будет búdu padjėušy, а от неопределенного вида búdu (n'a)jėušy; búd'it'e v'ėdaųšy — будущее неопределенного вида — 'будете знать'; búd'it'e rakúšaųšy — будущее время определенного вида — 'покушаете'.

Будущее время неопределенного вида выражается также сочетанием будущего времени от глагола 'быть' с инфинитивом соответствующего глагола: búdu jėxat' u mlyn — 'буду ехать на мельницу' — для выражения определенного вида используются формы на -ųšy: búdu rajėxaųšy u mlyn 'я поеду на мельницу'.

Фразе raká búd'im žyt', búd'im spam'etát' — информанты дают литовский перевод pom'ít'is'im, dóğg g'iv'an'is'im 'будем помнить (но 'помнить' по-литовски выражено совершенным видом, а «по-прóсту» приставочным глаголом spam'etát', означающим определенный вид в отличие от неопределенного pam'etat', т. е. 'будем определенно хранить в памяти, сохраним (это) в памяти'), пока будем жить' (здесь будущее время в литовском языке не совершенного, а «по-прóсту» — соответственно неопределенного вида).

Примерами будущего времени неопределенного вида могут быть такие фразы: štó búd'im p'ėč'í? 'что будем печь?', padajú i žlónu búdu m'ėt'', a tý zjes'í i n'ie búd'is m'ėt'', 'я подаю и снова буду иметь (и у меня снова (все) будет), а ты съедаетшь, и у тебя снова ничего не будет'. 'Иметь что-то в будущем' употребляется в неопределенном виде 'иметь вообще все' — 'вообще ничего не иметь', а 'подавать' и 'проедать' употребляются как действия определенного вида.

Фразу 'я буду покупать ...' информант переводит с русского языка так: būdu kupl'át' — «по-прóсту»; bėnde kupl'áfšy — по-польски; aš nór'u p'írkt'i, aš, p'írks'ú, aš bús'u p'írks'is — по-литовски.

Фразу 'я куплю ...' — ja rakupl'ú, būdu kup'íušy — «по-прóсту», bėnde kup'íšy — по-польски, aš nór'u nup'írkt'i, aš nup'írks'ú — по-литовски. 'Они поклюют' «по-прóсту» будет an'í būdut' padž'úbaušy — и по-литовски an'is bus palás'is.

В литовском говоре существует наряду с формами будущего времени, выражаемыми формантом -s-, и форма, аналогичная славянским 'скоро будут есть' — «по-прóсту» — grėntko būdut' jės't', по-литовски grėita bus vól'g'it', т. е. будущее время выражается в местном литовском говоре также аналитически сочетанием будущего времени от глагола 'быть' с инфинитивом соответствующего глагола.

Итак, в настоящем и в будущем времени во всех трех проявлениях — «прóстом», польском и литовском описываемого говора имеется противопоставление глагольных граммем, для которых можно предположить значение «определенного — неопределенного» вида.

Прежде чем переходить к описанию прошедшего времени, необходимо остановиться на соотношении глагольных форм на -l и на -šy.

То, что на русском языке выражается фразой 'дерево за сохло', «по-прóсту» и по-литовски будет выражено двумя фразами: 1) m'ádž'aga iždžúba — drėva vúsyla и 2) m'ádž'aga iždžúb'is — drėva vúsyla.

Что здесь — свободное варьирование или какое-то противопоставление?

Из диалога информантов: kal'í rašóc? 'когда он пошел?' — užo dauno rašócšy 'уже давно ушел' была взята фраза kal'í rašóc? и заменена на kal'í rašócšy? в соответствующей ситуации. Но это выражение было машинально исправлено повторением: kal'í rašóc? — a né v'ėmy 'а не знаю'. Так же была исправлена фраза dva rázy xad'íušy на dva rázy xad'íl' и др., а с другой стороны, фраза róznam, któ p'isác была исправлена на róznam, któ p'isácšy 'узнаю, кто писал', rgyšócšy rózno была исправлена на rgyšóc rózno 'он пришел поздно', on u kúxn'i sraúcšy была исправлена на on u kúxn'i srauc и др. Все эти и другие исправления говорят о том, что здесь нет свободного варьирования.

Для определения значения, по которому противопоставляются эти формы, необходимо прежде всего обратиться к литовскому языку.

'Я собирал' переводится 1) на «прóстой» говор: zb'irác — на литовский r'ijkcóc и 2) zb'irácšy — r'ij'k'es až buvóc nuvaž'áv'is maskvói ir rabuvóc — ja buç vyjėxauçy v_maskvúi i rabuvác 'я поехал в Москву и побывал (там)'; ja rajėxauç da sýna, a jon

buç vyjėxauçy u maskvúi — aš važyn'ėjo in súnú anas parvažáv'is iš maskvós 'я поехал к сыну, а он выехал в Москву'.

В литовском языке аналитические формы совершенного вида означают результат действия, который может соотноситься с настоящим моментом, прошедшим или будущим временем: aš esù doig uogáutusi 'я набрала много ягод'; aš buvaù doig uogáutusi 'я (тогда уже) набрала много ягод'; aš búsiau doig uogáutusi '(к тому времени) я уже наберу много ягод'. aš esù doig uogáutusi противопоставляется aš doig uogávau как результат действия самому действию.

Если в «прóстом» говоре соотношение форм на -l, ц и на -šy (цšy) такое же, т. е. их противопоставление связано с противопоставлением действия и результата, то формы, означающие действие, должны сочетаться с такими определениями, как 'один раз, два раза', конкретизирующими действие обстоятельствами.

Формы, обозначающие результат действия, должны были бы тогда участвовать в «согласовании времен», так как действие, вызвавшее результат к настоящему моменту, должно произойти в прошлом и т. д.

Следующий «жуткий» текст подтверждает эти предположения: janá bylá jahó ragubáušy raz razubála rukú — jak z'v'agó 'она его рубила, раз разубила руку — как зверь' — название ее действия передается формой на -l в контексте «раз», — этим поясняется результат ее действия, важного для прошедшего момента и выраженного «преждепрошедшим» временем формы на -ušy. n'i xad''íla an'i razócku — uc'ó na mát'er'i kárku s'id'ėuçšy 'не сходила ни разочка — все сидела у матери на шее' — здесь противопоставляется действие в контексте «ни разу» результату действия, имеющему значение и для настоящего времени.

Противопоставление действия и результата видно в рассказе о жизни одного человека, который rgyšócšy f rgyšác, т. е. 'женится и вошел в дом жены'. Вся его дальнейшая жизнь описывается как следствие этого акта, который передается в форме, подчеркивающей результативную сторону действия. Но в том же рассказе rašóc ná mšu, rgyšóc rózno 'пошел на мессу, пришел поздно' глагольные формы означают действия, которые характеризуются целью и временем. Pašlá dajít', čamú zač'in'íušy d'v'ėr'? 'я пошла доить (действие), зачем ты закрыл дверь?' (результат — почему дверь заперта?); rakúšajet'e i būd'it'e rakúšaušy 'поедите и будете сыты' (значения действия и результата здесь очевидны); kup'íç i býç kup'íušy 'купил (действие) и купил (результат)' — в русском языке эти два значения сливаются; karón'ica n'i bylá at'al'íušys'a — ja davála malakó '(у них) корова (еще) не отелилась — я давала (им) молоко'. Второе действие — davála malakó вызвано результатом первого действия ('у них не было молока'); jak xad''íla da škóly, mn'e na im'en'fny pauč'

él'ka ks'ošku bylá padar'íušy 'когда я ходила в школу, мне на именины учительница книжку подарила'. Первая форма подчеркивает действие (подарок сделан не за то, что рассказчица ходила в школу, а на именины), а вторая глагольная форма дана как результат, и дальнейший рассказ показывает, как эта книжка многое определила в жизни рассказчицы. jamú óy byl'a zaslon'íušy — n'i raznáu bráta 'у него в глазах как будто пелена была — не узнал брата' — второе действие объясняется как результат первого; tam byló prakl'únaušyš', aná zat'órla od ráza 'там вылупились (цыплята), (а) она сразу (их) погубила, поворачивая яйца' — здесь однократное действие, к началу которого был уже результат — вылупившиеся цыплята.

Сами информанты так объясняли разницу между этими формами: padalá — по i začal'í kúšát', a padáušy — uže padanó 'подала (действие) — ну и начали кушать, а подала (результат) — уже подано'; pakarm'íl — u ab'ét, a pakarm'íušy — znácyt pakórm'l'ena 'покармлил (действие), напр., в обед, а покормил (результат) — значит, покормлены'; ád'ina výl'ezla i s'ad'ít' u maхú; a ád'ina výl'íšy — bylá výl'íšy — l'at'éu i ukus'ila — 'змея вылезла (действие) и лежит во мху, а змея вылезла (результат) — вылезла (результат уже в прошлом) — (я) бежал, и (она) укусила'.

Примерами обозначения действия при обстоятельствах, уточняющих время действия, могут служить: časóu u p'át' pčelá pry'et'éla, по-литовски b'it'es atskrydo p'enk'ós ad'ínus vākaru 'в пять часов вечера прилетели пчелы'; try n'ed'él'i mēn'č'yl's'a 'три недели мучилась'; kal'í pryjéxaу? 'когда приехал?'; ja rok plugováл ál'e z mánuкt'm 'я год ходил за плугом, но с Маноком'.

Действия, у которых в контексте уточняется объект: v'él'e zaplat'il? 'много заплатил?'; trý rubl'í zaplat'ila; žabravál'i zabrák'i zb'irál'i d'v'e kop'éik'i 'нищенствовали нищие, просили две копейки'.

Действия, у которых уточняются различные аспекты действия и сопровождающие действие обстоятельства: tája bábuška jak na stó kón'i s'éla; lápt'i pl'al'í z lýku, obóry zav'azyval'i, xodák — tóže sámýi, tól'ka xodák is skurý šýl'i a lápt'i iz lýku, kamášy s skurý, na s'n'urkóх zat'áhval'i, padésva dž'erav'ánaja i skuróј ab'ivál'i — klúmp'i 'лапти плели из лыка, веревками из лыка привязывали, ходаки — это то же самое, только ходаки из кожи плели, а лапти — из лыка, гамаши из кожи на пшурки затягивали, подошва (у них) деревянная, кожей обивали — клумпы (называются); u krušn'icý skl'épen' i padn'eb'én'e iz hl'iny gab'íl'i, tačók s kam'én'uf i hl'iny 'у курной печи основу и верх из глины делали, а плиту — из камней и глины'; xl'ēr lapátaј na tok sad'íl'i i p'akl'í na l'is't'jах 'хлеб лопатой ставили на ток и пекли на листьях'; man'ěžem malat'íl'i — kabýla ž žarab'jóm 'молотили по кругу — кобыла с жеребенком'; serám'i malat'íl'i u dvaјix, u traјix 'цепами молотили вдвоем, втроем'; try radž'iny žýl'i razem

'три семьи вместе жили'; ap kánt zódel'a udárylas'a 'о край лавки ударилась'; tróх'e rač'un'al'i — znóvu damó 'стал чувствовать себя немножко лучше — и домой' (damó 'домой' оформляется как литовское namó); býu požár, i my spal'il'is'a 'был пожар, и мы сгорели'; p'iva iz jač'm'én'u varýl'i.

Формам на -l- в «прóстом» варианте соответствуют формы простого прошедшего времени в литовском варианте этого трехязычного говора: s'iróta astalás'a at bat'kóu — s'iratá l'ieko nuk t'evú 'от отца с матерью осталась сирота'; bába poval'ílas'a — bóba nугróva; s kúp'iny výl'ezla ádž'ina — iš kúpsto išlindo g'iváit'e 'из куста вылезла гадюка'; ja začyn'au varóty — aš uždaróu var'tús 'я закрыл ворота' (по-польски zámknul wróta); польск. fčóгај zdéxla króva 'вчера корова подохла' и другие укладываются в эту схему.

Примерами выражения результата действия могут служить такие фразы: daróha papsúšys'a, n'i móžna rajéhat' 'дорога испортилась (= испорчена), нельзя ехать' («определенного» вида); stáršýi kup'íušy damók f парубáнку, tam žýje 'старший (сын) купил (результат) домик в Парубанке, там живет'; juš abýdvaј pryjéxášy? 'уже оба приехали?' (результат — уже оба здесь); travá papal'íušys'a 'трава погорела' (результат; это ответ на вопрос, почему будет сена мало); jatróuk'i — d'v'é malad'icy, za dvúх bratóu výšoуšy 'ятровка — (это) две молодые женщины, которые вышли замуж за двух братьев' (в результате этого они стали ятровками = золовками); pál'i krošn'ačk'í³ — kurn'ačk'í zakuréušy 'топят курные печки (здесь можно обратить внимание на единственное число глагола при множественном числе соответствующего имени, — явление, имеющее аналогию в литовском языке) — задымили (результат) курные избы'; jak to ón'i prozváušy týju súč'ku bal'šýi sabák ták'ii 'как это они прозвали ту собаку? такая большая собака' (каков результат названия — прозвище...?) — по-литовски: kap vad'fnas júsu kála? 'как прозвали Вашу собаку?'; ja naučýušys'a — aš išmok'is 'я научился' (результат: теперь умею).

Настоящее время действия оказывается одновременным настоящему времени результата, но действие, результаты которого имеются в виду, оказывается предшествующим по отношению к действию, выраженному в том же времени, что и результат: róznam, kto p'isášy 'узнаю, кто написал'; ot b'edá što fspat'éušy — pr'i rabót'i us'é pat'éjut' 'вот беда, что вспотел — за работой все потеют'; l'ažát' jak pasnúušy 'лежат, как уснули' — по-литовски это информанты говорят так: án'is gul' kap n'i g'iv'í 'лежат, как неживые'; katóryje výl'et'eušy, an'í xóc'yt' kúšat' 'те, что выбе-

³ Информанты часто говорят, что их «daun'eušyј» литовский язык отличался от современного: krošn'is byló p'áč'is; при этом p'áč'is означало печь с трубой. Курная печь называлась «по-прóсту» krošn'íčka.

жали, хотя есть' — по-литовски: *ános išb'ég'is nór' jes't' — vál'g'it' kážuť* на *čalav'éka*, а на *žyv'ólu jes't' te*, что выбежали, хотя есть' (*val'g'it'* говорят о человеке, о животных *jés't'*); *žár* и *prásu — uhl'í jak patúxšy — i prasújem* 'горящие угли (кладем) в утюг — как угли потухнут, так и гладим'.

Глаголы, обозначающие результат в прошедшем времени, выражаются формой на *-šy* в сочетании с прошедшим временем глагола «быть»: *gd'é éta ja byų pastáv'ičšy?* 'где это я поставил?' (где находился результат этого действия?); а *čému ty býla ut'ékšy?* 'а чего ты убежала?' (почему тебя тогда не было?); *géks zajónca zlaráfšy byl* 'Рекс зайца поймал'; *býla padjéušy* — по-литовски: *búvo ravál'g'is* 'я поела (была сыта)'; *ja varóty býla začyn'ičšy — až buvóų uždaryto vartús* 'я ворота заперла' (ворота были тогда закрыты); *my adnóį kúrucy dva jaiká býli palažųušy* 'мы одной курице два яйца подложили' (курица высидела на два цыпленка больше); *ja býų zrob'ičšy — až buvóų jóų padár'is* 'я сделал' (у меня было сделано); *ty byų zrob'ičšy — tu buvéį padár'is* 'ты сделал'; *jon byų zrob'ičšy — ánas búvo padár'is* 'он сделал'; *my býli zrob'ičšy — m'es búvom padár'is* 'мы сделали'; *vy býli zrob'ičšy — jus búvot padár'is* 'вы сделали'; *an'í, janų zrob'ičšy — án'is, ános búvo padár'is* 'они сделали'; *ja byų rabųušy v maskv'é — až buvóų rabúv'is maskvóį* 'я побывал в Москве' (результат этого действия был уже в прошлом).

На основании изложенного можно сказать, что в славянских говорах описываемого района балто-славянского пограничья под влиянием литовского языка определилось противопоставление действия и результата действия во всей глагольной системе. В литовских же диалектах этого района под влиянием «прóстого» говора в спряжении глаголов, обозначающих результат, в настоящем времени опускаются формы вспомогательного глагола «быть» (примеры были выше).

Второе противопоставление в глагольной системе этих славянских диалектов — противопоставление определенного и неопределенного вида, проходящее через все времена, и в том числе настоящее время, также является отражением противопоставления в литовском языке совершенного и несовершенного вида. Обратное влияние в этой области сказывается в том, что в литовском говоре возникли аналитические формы будущего времени, аналогичные славянским (инфинитив плюс будущее время от глагола «быть»).

Третья черта глагольной системы описываемых славянских говоров — различие условного и сослагательного наклонения — также может быть объяснена определяющим влиянием литовского языка, поддерживаемого противопоставлением действия и результата и, следовательно, согласованием времен.

Последняя особенность глагольной системы описываемых диалектов состоит в преобладании неличных глагольных форм,

в чем можно также видеть влияние литовских диалектов на славянские. С другой стороны, в литовском говоре, видимо, под славянским влиянием, произошла значительная редукция неличных форм (не различаются падаливис и пусдаливис), осталось только два причастия — активное и пассивное — прошедшего времени.

Частично в литовских говорах редукция под славянским влиянием задела и часть личных форм — многократное прошедшее время не употребляется и не опознается.

При таком количестве неличных форм сфера противопоставления страдательного залога действительному сведена во всем этом ареале к минимуму.

Итак, в диалектах района Шальчининкай основные противопоставления глагольных граммем определяются литовскими диалектами. Славянские же диалекты влияют на модификацию способов выражения некоторых граммем в литовских говорах.

Разумеется, выводы эти носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшем исследовании.

ИЗ ОБЛАСТИ СЛАВЯНСКОГО
И БАЛТИЙСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(СТ.-СЛАВ. МĚСѢСЬ И ЛИТ. MĖNUO)

Я. Отрембский

Происхождение славянского слова *měsěsь*, сохранившегося в этом виде в старославянских текстах, в общем не вызывает сомнений. Родственными являются лтш. *mēness* 'луна' и *mēnesis* м. 'месяц'; гот. *mena* м. 'луна' и *menops* м. 'месяц' и т. д. Но до сих пор загадочными остаются индоевропейская основа этого слова и его флексия. Окончательно не решены также некоторые важные вопросы образования нашего слова в отдельных индоевропейских языках¹.

По общему мнению, слав. *měsěsь* и его индоевропейские соответствия обозначали первоначально единицу исчисления времени, равную двенадцатой части года. В связи с этим здесь усматривается индоевропейский корень **mē-* 'мерить', тот же, что и в санскритском глаголе *māti*, *mīmāti* 'мерит'.

В словах производных корень **mē-* распространялся суффиксами, в частности, содержащими согласные *г* и *п*. Суффикс с *г* наблюдаем в ст.-сл. *měga*, рус. *мера* и т. д., в то время как понятие 'месяц, mensis' обозначается словами с суффиксальным *п*.

В индоевропейских языках имеется много разновидностей слова **mē-p-* 'месяц', что и делает весьма затруднительной реконструкцию первоначальной его флексии.

Форма им. п. ед. ч. имела, по-видимому, искони окончание *-s* (**mēn-s*), перед которым находящийся после долгого гласного согласный *п* мог исчезать. Таким именно образом можно объяснить индоиранские слова: санскр. *māh*, вин. п. *māsam*, местн. *māsī*; авест. и др.-перс. *māh-* м. 'месяц, луна'. Основа этих слов **mās-* представляет собой по происхождению форму им. ед. **mē(n)s*, распространившуюся на всю парадигму.

¹ Литературу, касающуюся темы настоящей статьи, представил Э. Френкель (см.: E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Lfr. 6. Göttingen, стр. 438—439).

В славянских и балтийских языках судьба индоевропейского слова **mē(n)s* была иная. Тут рядом с формой им. ед. **mēs* сохранились — еще в славяно-балтийскую эпоху — формы от основы *mēn-*. Это дублирование было, конечно, неэкономным; устранить его могла разве только контаминация внутри парадигмы.

В славянских языках возобладала основа **mēsēn-*, получившаяся вследствие вторжения формы им. ед. **mēs* в основу косвенных падежей **mēn-*. Основу **mēsēn-* содержит общеславянское и ст.-сл. **mēsē-sь* — *měsěsь*.

Контаминация происходила и в балтийских языках, но в обратном направлении: во вторичной основе получила перевес не форма именительного падежа **mēs*, но косвенных падежей **mēn-*. Мы ожидали бы создавшейся заново основы в виде **mēns-*, но на самом деле имеется только **mēnes-*: лит. род. ед. *mēnesio*, лтш. *mēnes(i)s*. Краткое *e* перед *s* следует объяснить, по всей вероятности, уподоблением основы **mēns-* основе какого-то близкого по значению слова с основой на *-es-*. Я принимаю тут во внимание прежде всего восточнобалтийское 'небо': лит. *debesis*. *-iēs* м. (диал. и ж. р.), в некоторых диалектах *debesys*, *-io*, м. 'облако; туча', лтш. *debess*, *-s* 'небо' от основы **deb-es-*.

Итак, слав. **mēsē-sь* и восточнобалт. **mēnes-* — это в сущности одно и то же слово. Различие между ними является последствием того, что процесс контаминации, происходивший уже после распада первоначального единства, пошел в славянских и балтийских языках в двух разных направлениях.

Мы значительно расширили бы объем нашей статьи, если бы стали детально рассматривать судьбу индоевропейского слова **mē-p-* в отдельных языках, но на некоторых его формах все же нужно задержаться.

Выше было указано, что в индоевропейской форме им. **mēns* согласный *п* исчезал, но что это происходило лишь в некоторых (точно не установленных) условиях. В иных условиях *п* могло сохраниться; об этом свидетельствуют, напр., итальянские языки.

Лат. *mēnsis*, *-is* м. 'месяц' образовано от основы **mēns-*; своей позднейшей основой на *-i-* это слово обязано формам на *-ibus*: *mēnsibus*. В умбрском диалекте была в наличии форма *menzpe* 'mense', образованная, по-видимому, от основы **mēnsen-*, которая напоминает слав. **mēsēn-*, но имеет *п* и перед *s* — несомненно под влиянием основы **mēns-* (ср. лат. *mēnsis*). С лат. *mēnsis* сходны по своему образованию формы данного слова в кельтских языках, напр. в древнеирландском: *mí* из **mēns*, рд. *mīs* из **mēns-os* 'месяц'.

В греческом языке есть неясные формы, но есть и формы полностью выясненные. Никакому сомнению не подлежит происхождение йон. и др.-атт. *meis* м. 'месяц'; оно восходит к форме **meçs* из **mēçs*. Бесспорно, мне думается, и то, что форма **mēçs* дала начало новой парадигме: род. *mēçços* (в лесбийском диалекте)

из *μηνος и т. д. В этой именно парадигме появилась, кажется, и вторичная форма им. *μηνυ. Упрощение ее геминаты -νν повлекло за собой аналогические изменения в остальных формах: атт. μήν, μηνός и т. д.

Гот. mēna м. 'луна' и mēnōþs (-þ) м. 'месяц' унаследованы от общегерманской эпохи; соответствующие им слова имеются и в остальных германских языках: др.-исл. máne, máni м. 'луна, месяц', др.-англ. mona 'луна, месяц'; англ. moon, др.-в.-нем. māno м. 'луна, месяц'; др.-исл. mānaðr, др.-англ. mōnaþ, англ. month, др.-в.-нем. mānōd, нем. Monat. По моему мнению, это две разновидности одного слова с основой *mēnan- и с формой им. *mēnō(n); ср. флексию лат. homō, hominis 'человек'.

Рассмотрим образование германского слова *mēnō-þ-. Его основа ед. ч. происходит от существовавшего уже раньше собирательного существительного на -tā, которое образовано было от изначальной формы им. ед. *mēnō(n).

Такое собирательное имя было и в славянской языковой группе. В качестве примера приведу формы слова, обозначающего теленка: рус. *теленки* из *telen-ъкъ (ср. лтш. telēns 'теленки'): мн. ч. или собирательное существительное *телята* из telēta, раньше *telēn-ta. Но в старославянском и в некоторых других славянских языках на основании формы telēta возникло новое единственное число *telēt-: ст.-слав. telē, польск. cielę и т. д.

Опираясь на свидетельство славянского соотношения: мн. ч. telēta: ед. ч. *telēt-, я предполагаю, что и в германских языках было в наличии собирательное существительное типа *telēn-ta и что оно имело также у слова *mēnan- в значении 'месяц, mensis'.

Все исследователи, которым пришлось затрагивать вопрос о происхождении лит. mėnuo, придерживались того мнения, что оно тождественно с гот. mēnōþs и что оба слова восходят к и.-е. *mēnōt. Но это ни на чем не основанное предположение: ни в литовском, ни в остальных балтийских языках не обнаружено до сих пор никакого следа формы *mēnōt. У лит. mėnuo и герм. *mēnōþ-общей является на самом деле лишь морфема *mēnō, по происхождению, как указано выше, форма им. ед. существительного *mēn-ən- (-on-).

* * *

Славянским языкам свойственна была тенденция к усилению форм единственного числа, прежде всего им. п., частицей, а затем возникшим из нее суффиксом с согласным *k* или *s*: рус. *теленки* из *telen-ъкъ рядом с *телята*; ст.-слав. tel-ьсь; сюда же следует причислить и ст.-сл. mēsę-сь.

В балтийских языках наблюдается та же тенденция, но тут, особенно в литовском, имеются суффиксы не только с согласным *k*, но и с *l*.

В прусском языке был в употреблении суффикс -uk, т. е. -uk-s: wosuk м. 'козел' V. 675; lit. ožys; gaylux м. 'горностаи' V. 661; gaylis 'белый'; форма женского рода: mosuco 'ласка' V. 662.

Прусское menig 'луна' V. 8, которое и сейчас возбуждает столько внимания, сюда не принадлежит. Нет никакой надобности сомневаться в написании menig и ставить взамен него *menins. Я считаю это написание правильным и полагаю, что данное слово получило вследствие преобразования его прежней формы *mēn- под влиянием близкого по значению *kun-ig '(magnus) dominus; солнце' — в средние века название (magnus) dominus применялось и к солнцу. Правда, в V. 405 мы находим только konagis² 'König', но в прусском языке должно было быть в употреблении и другое германское, точнее говоря, немецкое, происхождения слово: *kunig- из средне-нижнегерманского kunig; об этом свидетельствует лит. künigas 'dominus; князь; священник'. В дополнение следует заметить, что польское название луны księżyc представляет собой уменьшительную форму слова, имеющего значение '[magnus] dominus', т. е. książdz³. В связи с этим я не исключаю возможности, что в возникновении прус. menig сказалось воздействие польского языка⁴.

В литовском языке в качестве суффикса вошло в употребление -lis. Примеров много, приведем лишь некоторые из них, а именно имеющие окончание -uo-lis (как диал. mėnuolis): širšuolis м.: širšuō м. 'шершень'; paauguōlis м. 'подросток': neušauguo м. 'пигмей' Sz D.⁵ 135; skenduōlis 'утопленник': *skenduo, ср.: skendenis или skendenys 'то же'.

Для обозначения луны в литовском языке имеются два слова на -lis: приведенное только что mėnuolis и mėnulis. Форма mėnuolis употребляется лишь в диалектах, к тому же только в некоторых из них. В литературном языке господствует всецело вариант mėnulis, который возник путем преобразования формы mėnuolis. В литовском языке есть немало и других случаев, когда одно и то же слово имеет то окончание -uo-lis, то -u-lis: литер. branduolys и диал. brandulys м. 'ядро'; диал. spinduōlis и литер. spindulys м. 'луч'; диал. bičiuōlis и литер. bičiuilis м. 'приятель, друг' и т. д. Сначала вариант mėnulis имел, по всей вероятности, уменьшительный оттенок значения, как, напр., следующие собственные имена на -ulis: Adulis: Adomas, Petrulis: Petras, Tamulis: Tamošius и т. д. Важно то, что в уменьшительной форме

² Ср. лапланд. konagas.

³ А. В р ü c k n e r. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1957, стр. 277.

⁴ Первым, кто обратил внимание на польские заимствованные слова в прусском языке, был Брюкнер. См.: А. В р ü c k n e r. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877, стр. 191—197.

встречается в некоторых диалектах и другое название луны, образованное от *diēvas* м. 'бог': *dievāitis* или *dievaitis* (также в значении 'месяц'): *dievaitūlis* и *dievaiciūlis*.

Рассмотрим теперь важнейшие варианты слова *mēnuo*, встречающиеся в литовских диалектах.

Самым частым является вариант *mēnesis* м. Он образован от формы вин. *mēnesī*, основой которого было **mēnes-*. Таким же образом возникло, напр., слово *skendenis* или *skendēys* от основы **skenden-* при форме им. **skenduo*, ср.: *skenduō-lis* (см. выше).

В диалекте местечка Тверечюс (*Tverečius*) имеется неизменяемая (наречная) форма *mēni* или *mēnū*, употребляемая в функции всех падежей. Для исследователей литовского языка это до сих пор *stix interpretum*. А между тем ларчик просто открывается. Рядом с парой *mēnuo-lis* : *mēnuo* появилась новая *mēnū-lis* : *mēni* с -и кратким (1). Объяснению подлежит лишь форма *mēnū* с -и долгим. Быть может, с *mēnuolis* чередовалась не только форма *mēnūlis*, но и **mēnūlis*; что это вполне возможно, доказывает чередование *kryvuōlis* : *kryvūlis* : *kryvūlis* м. 'что-либо кривое, изогнутое, напр., криворослая часть дерева'. В этом случае форма *mēnū* представляет собой сокращение не засвидетельствованного, к сожалению, слова **mēnūlis*.

Окончание -is литовских форм *mēnesis*, *mēnas* приравнено было в некоторых диалектах к славянскому и балтийскому суффиксу **-jo-* так называемых сложных форм местоимений, прилагательных и существительных, а именно таких, как ст.-слав. *сь-рь*, рус. *сей*: ст.-слав. *сь*, лит. *šis*; ст.-слав. *бось-рь*, лит. *basās-is*; рус. *соловей* из **solвь-рь*: прус. *salowis* м. V. 727; болг. диал. *мравей* (рус. *муравей*) из **mogвь-рь*: слав. **mogвь* в серб.-х. *mgāv* и т. д. Вследствие этого из мнимого сложного *mēnas-is* можно было извлечь новое «первичное» слово *mēnas*. Это произошло очень давно, еще в эпоху существования старинного **debas*, род. **debeses* 'небо', с которым *mēnas* должно было ассоциироваться по значению, а при его помощи и укрепиться. Слово *mēnas* встречается не только в некоторых современных диалектах, напр., местечка Тверечюс, но также в старых текстах. Впрочем, я склонен предположить, что и вариант *mēnas-is*, с *a* вместо *e*, обязан своим возникновением влиянию слова **debas*.

В текстах XIX в., а может быть и в более ранних, попадается вариант нашего слова *mēnis*⁵. Все усилия, которые делались до сих пор с целью объяснить это слово, оказались безрезультатными. Я полагаю, что *mēnis* представляет собой разновидность рассмотренного выше *mēnas* и что объяснять его следует подобным образом. Исходным для формы *mēnis* было, несомненно, слово *mēnesis*. Мы ожидали бы сокращенной формы **mēnes-*

но в литовском языке нет существительных на -es, вследствие чего сохранилось было заменяющее это -es- окончание -is.

В диалекте местечка Герваты (*Gervėčiai*) имеется вариант *mēnastis*, который доставляет исследователям литовского языка немало затруднений. Позволительно предположить, что он получился путем контаминации форм *mēnesis* и *mēnas*, находившихся, вероятно, в одной парадигме. В новой парадигме **mēnastis*, понимаемой в соответствии с этимологией как **mēnas-sis*, появился вставной звук *t*; он облегчал произношение и предохранял геминату *ss* от упрощения⁶.

С первого взгляда различие между ст.-слав. *měsěsь* и соответствующими ему балтийскими словами (лит. *mēnuo* и т. д.) столь велико, что их сопоставление без дополнительных разъяснений может служить аргументом только против гипотезы о славяно-балтийском единстве. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Это явствует из представленных выше замечаний, а станет еще более очевидным из следующих ниже.

Разница между славянской морфемой **mēsēn-* (в ст.-слав. *měsěsь*) и балтийской **mēnes-* (в лит. диал. *mēnesis*) с индоевропейской точки зрения является несущественной. Она указывает лишь на то, что в славяно-балтийскую эпоху основа нашего слова не была еще окончательно установлена. Это совершилось лишь позднее, после распада первоначального единства. Подчеркивая разницу между слав. **mēsēn-* и балт. **mēnes-*, нельзя, однако, не видеть и внешнего сходства между этими морфемами: обе они содержат по два слога, а не один, как, напр., греч. **μηνο-* (в лесб. род. *μηνοος* из **μηνο-ος*).

И слав. *měsěsь*, и лит. *mēnuolis* (*mēnūlis*) имеют распространительный элемент: *mēsē-сь*, *mēnuo-lis* (*mēnū-lis*). Правда, распространители эти различны, но самое важное то, что они все же представлены. По своему происхождению оба они связаны с суффиксами слов уменьшительных. Разница возникла только потому, что в славянских языках возобладал у уменьшительных суффикс с согласным *k*, а в литовском с согласным *l*: слав. -(ь)кь, -(ь)сь в **květъкъ* (польск. *kwiatek*) и **květъсь* (ст.-слав. *свѣтъсь*); лит. -(e)lis в *brolielis* 'братец'. В начальный период совместной жизни славян и балтов уменьшительные на *k* и на *l* употреблялись, по-видимому, как равноправные, хотя, быть может, с различными семантическими оттенками.

В работах, посвященных взаимным отношениям между славянскими и балтийскими языками, ученые занимались до сих пор главным образом фонетикой, а также, но уже в значительно

⁵ Иначе толкует возникновение варианта *mēnastis* Френкель (указ. соч., 438).

ОТРАЖЕНИЕ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
БЛИЗНЕЧНОГО КУЛЬТА В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Вяч. Вс. Иванов

меньшей мере, флексией этих языков. Что же касается словарного состава, то сопоставлялись лишь слова вполне сходные, вернее, тождественные, между тем как словообразование и его особенности почти не учитывались. Я. Эндзелин, заслуженный исследователь балтийских языков, издал книгу «Славяно-балтийские этюды» (Харьков, 1911). Здесь 125 страниц уделено фонетике, 48 — флексии и всего 4 (1) — словообразованию. Такое неполное исследование вопроса о взаимных отношениях между славянскими и балтийскими языками продолжается и в настоящее время. Спрашивается, возможно ли решать столь важный вопрос без углубленного рассмотрения — в исторической перспективе — всей структуры данных языков?

Представленный выше анализ слав. *měsць* и лит. *mėnuo* (с его вариантами) вскрыл, что это две разновидности одного и того же славяно-балтийского слова. Мы получили, таким образом, новый аргумент в пользу гипотезы о славяно-балтийском языковом единстве — и толчок к дальнейшим исследованиям в области словообразования. Как бы ни были трудны предлагаемые мною исследования, они все же необходимы, если мы хотим прийти к окончательному решению вопроса, имеющего столь важное значение для прогресса индоевропейского языковедения⁷.

В недавней работе фольклориста Уорда¹ убедительно показаны некоторые черты индоевропейского культа близнецов, отраженные и в балтийских традициях, в особенности в латышских народных песнях о Dieva dēļi 'детях Бога', лит. Dievo sūneliai, соответствующих греческим Диоскурам (сыновьям Зевса — уже в гомеровском гимне № 33) и ведийским Divó nápatā — сыновьям бога или Dyauh — Неба (в «Ригведе» наименование божественных близнецов — ашвинов). Эти названия — эпитеты божественных близнецов — совпадают по своей внутренней форме и по этимологии первого компонента, являющегося индоевропейским названием обожествляемого дневного света или неба (обычно в форме родительного падежа). Надежность этого сравнения подтверждается тем, что в тех же традициях, как и в некоторых других древних индоевропейских (италийской, анатолийской и, вероятно, иллирийской, древнеславянской), это же название обожествляемого дневного света сопровождается эпитетом 'отец'²: др.-инд. Dyauh pitā, греч. зват. Ζεὺ πάτερ, лат. Iūpiter, Diēs-piter, умбр. Iupater, иллир. Δειπάτορος (у Гесихия)³, лув. tiqaz tatiš, пал. tijaz paraz (ср. хет. attaš Ištanuš из хатти Eštan 'бог солнца') при др.-рус. *Стрибогъ* (где *богъ* из иранского *baga могло заменить более древнее обозначение неба⁴), лтш.

¹ D. Ward. The Divine Twins. An Indo-European myth in Germanic tradition (University of California, Folklore studies, 19). Berkeley and Los Angeles, 1968 (далее — D. Ward. Twins). Там же очень подробная литература вопроса.

² Там же, стр. 10 и 95, прим. 15.

³ E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes, 1. Économie, parenté, Société. Paris, 1969, стр. 210, ср. стр. 272.

⁴ Ср.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов». М., 1963, стр. 124—125. Для опре-

⁷ Словообразованию литовского языка автор посвятил второй том своего труда. См.: Jan Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, t. II. Warszawa, 1965.

Debess tėvs 'Небо-отец' в народных песнях⁵. Сравнение первого ряда обозначений — божественных близнецов как сыновей дневного света — и второго ряда — эпитета «отец» при этом имени последнего бога — подтверждает гипотезу, что и прототип первого ряда входил в число важнейших общеиндоевропейских мифологических терминов.

На семантическом уровне бесспорность реконструкции этого прототипа (при неясности его второго компонента на уровне конкретных морфов) подтверждается целой серией мифологических контекстов, в которых встречаются соответствующие термины в балтийской, ведийской и древнегреческой традициях. Как удалось показать Уорду, эти контексты позволяют реконструировать индоевропейский миф о божественных близнецах — детях Бога Солнца, которые ухаживают за своей сестрой, носящей солнечное имя. Это последнее, этимологически совпадающее в балтийском (лтш. Saules meita, лит. Saules dukė) и ведийском (Sūryā 'Солнце' или Duhitā Sūryasya 'Дочь Солнца', RV I, 116, 17; I, 118, 5; IV, 43, 2), по внутренней форме соответствует соотношению греческой Елены и Гелиоса. Таким образом, обозначения основных персонажей мифа восходят к одной и той же общеиндоевропейской схеме.

Реконструкция этого мифа, сюжет которого основан на инцесте⁶, заставляет вернуться к анализу первоначального общеиндоевропейского однословного (а несоставного — в отличие от эпитета «дети Неба») обозначения близнеца, так как в индоиранской традиции это обозначение — вед. Yama, авест. Yima — выступает именно в связи с мифом об инцесте. Соответствующий ведийский гимн (RV, X, 10), недавно вновь обстоятельно изученный и сопоставленный Шнейдером с иранскими данными⁷, истолковывается им как свидетельство ритуала, который должен был очищать разнополых близнецов — Яму и его сестру — от инцеста, который мог осуществиться еще в утробе матери. Это толкование согласуется с этнологическими выводами⁸. Сопоставле-

деления семантической истории термина *baga в иранских языках существенны недавно обнаруженные согдийские факты: W. B. Henning. A Sogdian God. — BSOAS, London, 1965, v. XXVIII, pt. 2, стр. 149 и сл.; С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. «Страны и народы Востока», вып. X. М., 1971, стр. 133—134 и прим. 18 и 19.

⁵ M. Jónval. Les chansons mythologiques lettonnes. Paris, 1929, стр. 36.

⁶ D. Ward. Twins, стр. 11.

⁷ U. Schneider. Yama und Yamī (RV, X, 10). «Indo-Iranian Journal», 1967, v. 10, № 1, стр. 1—32. В указанной работе Уорда эта статья уже не могла быть использована. Этим, а также этнологической (а не лингвистической) направленностью этой книги определилось то, что Yama в ней упомянут лишь мимоходом.

⁸ E. M. Loeb. The Twin Cult in the Old and New World. — В сб.: «Miscellanea Paul Rivet Octogenario Dedicata». («Congreso Internacional de Americanistas, XXXI»). México, 1958, стр. 168—171. Относительно инцеста разно-

ные мифа об инцесте близнецов — сыновей Солнца и их сестры — с мифом о Яме и его сестре заставляет предположить, что оба эти мифа представляют собой результат трансформации одного исходного индоевропейского. В пользу этой гипотезы говорит совпадение некоторых существенных мотивов обоих мифов. В первой же строфе ведийского гимна Ями говорит своему брату о том, что он 'далеко ушел по морю' (pūṁ cid agravāṁ jagavān). Особенно следует отметить то, что 'море' при этом названо архаическим термином agravāṁ⁹, для которого давно уже предложено сравнение с хет. aruna- 'море'¹⁰. Представляется, что в пользу этой этимологии в отличие от других предлагавшихся ранее говорит именно сходство ведийских мифологических контекстов, в которых упоминается agravā- 'море', с общеанатолийскими, которые могут быть реконструированы на основании таких текстов, как хеттские ритуальные формулы о солнце, встающем из-за моря — aruna. В известной молитве Муваталлиса (KUB VI 45, III 13—14) соответствующее место (šara-kan ucaši perišaš 'UTU-uš arunaz 'вверх приходишь ты из моря, небесный Солнечный бог') истолковывалось либо как архаический отзвук переселений предков хеттов¹¹, либо как след мифологических представлений¹², которые не переняты из Месопотамии и считаются собственно хеттскими¹³. Из двух этих объяснений, по-видимому, следует предпочесть второе. Об этом свидетельствует совпадение ведийских контекстов не только с цитированной хеттской молитвой, но и с архаическим хеттским повествованием о боге плодородия и растительности Телепинусе и Большом Океане (Šálliš Arunaš, ср. вед. Agravāṁ как обозначение мифологического существа), в нем бог грозы повелевает Телепинусу: perišaš 'UTU-un arunaz [EGIR-ра ucaṭe]¹⁴ 'небесного Солнечного

полых близнецов в позднейших индо-арийских традициях ср. также: Е. С. Семенова. Структура близнецного мифа в «Махавамсе». «Симпозиум по проблемам культуры древней и средневековой Индии. Структура индийского текста. (15—16 апреля 1971 г.). Предварительные материалы» (М., 1971; отпечатано множительным аппаратом).

⁹ Ср.: U. Schneider. Yama und Yamī, стр. 5 (там же литература).

¹⁰ Ср.: M. Maughofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. I. Heidelberg, 1958, стр. 51.

¹¹ F. Sommer. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947, стр. 1; В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, стр. 11.

¹² E. Termer. Zwei hethitische Sonnenlieder. «Kleinasiatische Forschungen». Bd. I, H. 3. Weimar, 1930, стр. 391 (с древнегреческими параллелями); A. Götz. Kleinasien, 2. Aufl. München, 1957, стр. 137.

¹³ J. Puhvel. The sea in Hittite Texts. — В сб.: «Studies presented to J. Whatmough on his sixtieth birthday». The Hague, 1957, стр. 228, но контексты, связывающие солнечное божество и 'воду' (ср. упоминание вод в цитируемом ведийском гимне, строфа 4), встречаются и в гимнах Шамашу.

¹⁴ Реконструкция и перевод по: R. Stefanini. Note ittite. «Archivio glottologico italiano», v. LIV, 1969, стр. 161.

бога из моря [приведи]', где первые три слова совпадают с цитированной молитвой. Если реконструкция глагола *uđate* 'приводить' в этом мифе верна, то это подтвердит предложенную ранее автором интерпретацию параллельного палайского текста, где за обращением к Богу солнца (*Tiđaz*) как к отцу и матери (*paraž annaz ti*, см. такое же обращение: *attaš annaš ti* в хеттском гимне Солнцу¹⁵ KUB XXXI 127, I 36) следует формула *agunamri ti uiteši*, которую можно понимать как 'ты из-за(?) моря встаешь(?)'¹⁶. Но возможна и альтернативная интерпретация (синтаксически более прозрачная) 'ты море видишь' (корень **uđidh-*)¹⁷, так как в других хеттских гимнах Солнцу подчеркивается то, что оно все видит (*zig uški* 'ты виждь', KUB XVII 28, II 61, там же, 56: *uškiši* 'смотришь, видишь'), ср. четкую параллель в обозначении рассвета (лит. *aušta*, лтш. *aust*, лат. *auroga* и т. д.) от того же корня, что хетт. *ušk-* в этой молитве¹⁸. В любом случае сравнение всех анатолийских (хеттских и палайских) контекстов с ведийскими заставляет считать их восходящими к общеиндоевропейскому прототипу. Возможно, что в конечном счете на этом пути можно найти и решение проблемы этимологии имени Варуны (ср. известные дублеты типа хетт. *aššu* 'добро'; лув. *daššu* и т. п.), для которого характерна связь с водой и морем¹⁹.

Упоминание архаического мифологического названия моря (мирового Океана), общего с хеттским и палайским, в первой строфе цитированного ведийского гимна Яме, представляется особенно важным потому, что в этом можно видеть соответствие одному из основных мотивов общеиндоевропейского близнечного мифа, реконструированного Уордом, в частности, на основе балтийских данных. В латышских народных песнях *Dieva dēli* и их сестра *Saules meita* неразрывно связаны с морем:

¹⁵ Об отношении этого хеттского гимна Солнцу к другим гимнам ср.: H. G. Güterbock. The composition of Hittite prayers to the Sun. «Journal of the American Oriental Society», v. 78, 1958, стр. 238 и 242. Представляется несомненным метрический характер большей части этого гимна, интерпретируемой как девятисложная.

¹⁶ В. В. Иванов. Хеттский язык, стр. 10.

¹⁷ Точка зрения, предложенная автором летом 1968 г. в устном разговоре с К. Уоткинсом и отмеченная им со ссылкой на этот разговор: C. Watkins. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion. «Indogermanische Grammatik», hrsg. von J. Kuryłowicz, Bd. III, Formenlehre, T. 1. Heidelberg, 1969, стр. 69.

¹⁸ В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 153—155.

¹⁹ В. В. Иванов. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 53, прим. 48. См. собрание всех данных в кн.: H. Lüders. Varuna I. Varuna und die Wasser, hrsg. von L. Alsdorf. Göttingen, 1951.

Div'svecītes jūrā dega
Sudrabiņā lukturoš,
Tās dedzina Dieva dēli,
Saules meitu gaididami (365—33776)²⁰

'Два огонька горят на море в двух серебряных светильниках; их зажгли сыновья Бога, ожидая Дочь Солнца'.

Не исключено, что этот мотив балтийского фольклора, для которого Уорд указал точные ведийские и греческие параллели, можно сравнить с мотивом дочери Моря, которая упоминается в связи с богом Солнца в указанном хеттском тексте, хотя окончательный вывод сделать здесь трудно, поскольку этот хеттский миф содержит и некоторые неиндоевропейские черты (имя хеттского бога Телепинуса, заменяющего Солнце в одном из вариантов мифа)²¹. Но даже если полное тождество сюжетов пока не может быть доказано, тем не менее соотношение моря и Солнца с индоевропейским близнечным мифом не вызывает сомнений.

Судя по латышской песне, это соотношение (как и в «Ригведе») осмыслялось с помощью образа лодки, видимо, сделанной из ритуального дерева, в латышской традиции — яблоневого, что находит параллели в ритуальной роли яблони у славян, в Греции и в западноиндоевропейской области²². Ведийский мотив Солнечной девы, плывущей на лодке божественных близнецов, соответствует латышскому:

Ābelkoka laivu darn,
Abi gali pazelīti;
Dieva dēli jūrējiņi,
Saules meitu vizina (358—33732)

'Я делаю лодку из яблоневого дерева, оба ее края золоченые; Сыновья Бога, сидя на веслах, повезут (на ней) кататься дочку Солнца'.

Мотив спасения божественными близнецами судна или лодки, тонущей в море, является общим для «Ригведы», гомеровских гимнов и латышских дайн²³. Сопоставление этих традиций с рим-

²⁰ Первая цифра в скобках после цитат из латышских народных песен означает страницу, вторая (после тире) — номер по изданию: A. Švābe, K. Stranbergs, E. Hauzenberga-Sturma. Latviešu tautas dziesmas, v. XI. København, 1956.

²¹ См. о соотношении разных версий: E. Lagoché. [Рец. на] KUB XXXVI, OLZ, 1956, № 9/10, стр. 422.

²² P. Friedrich. Proto-Indo-European Trees. Chicago—London, 1970, стр. 58. Балтийские данные в этом месте книги не были учтены (как в целом в ней осталась вне поля зрения вся проблема растительных символов, связанных с близнечным культом).

²³ D. Ward. Twins, стр. 14.

ской, сохранившей отчетливые пережитки близнецного культа²⁴, позволяет обнаружить и следы связи судна (лодки близнецов) с мировым деревом. Священное фиговое дерево Рима стояло у устья Тибра, где оставался и челн, на котором плыли Ромул и Рем²⁵. В этой связи значительный интерес представляет и название *ficus Navia*, данное фиговому дереву на форуме. Если бы объяснение его из имени авгура Аттия Навия оказалось вторичным, то можно было бы думать о связи с индоевропейским названием судна, лодки.

Роль растительной символики и связанной с ней зооморфной очень отчетливо проявляется в связи древнеиндийских божественных близнецов — ашвинов с мировым фиговым деревом — ашватхой, название которого, как и название самих ашвинов, образовано от названия коня, бывшего общеиндоевропейским символом близнецов. В балтийской традиции эта зооморфная символика сохраняется как в фольклоре, так и в изобразительном искусстве — в старинных литовских народных изображениях коньков²⁶, имеющих точные аналогии в соседних ареалах. В германских языках самые названия коньков (типа *Hengest* и *Horsa*) оказались весьма древними и совпадают с архаическими именами дуальных предводителей племен у англосаксов²⁷, что имеет исключительное значение в свете этнологического вывода о связи дуального правления с близнецным мифом²⁸. В восточнославянских, в том числе и в новгородских²⁹, обрядах принесения коня

²⁴ См. об этом подробнее: В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. «Труды по знаковым системам. IV» («Уч. зап. Тартуского ун-та», вып. 236), 1969, стр. 57—62 и 65—66; О н ж е. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* 'конь' (Жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в Древней Индии). «Сборник статей по индологии памяти В. С. Воробьева-Десятовского». М., 1972.

²⁵ L. C z e r. Der mythische Lebensbaum und die *Ficus Ruminalis*. «Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae», t. X, fasc. 4. Budapest, 1962, стр. 332.

²⁶ M. G i m b u t a s. Ancient symbolism in Lithuanian folk art. «Memoirs of the American Folklore Society», v. 49. Philadelphia, 1958, стр. 41—45 и рис. 68—76. Ср. латышские коньки из Кураеме в виде пар конских голов.

²⁷ D. W a r d. Twins, стр. 54. К указанной Уордом литературе следует добавить: Н. В е с к. Das Ebersignum im Germanischen. Berlin, 1965, стр. 75.

²⁸ См.: А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, и рец. автора: В. В. Иванов. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний. — СА, 1968, № 4.

²⁹ В. Г. М и р о н о в а. Языческое жертвоприношение в Новгороде. — СА, 1967, № 1. В свете указанных ниже финно-угорских параллелей этническая принадлежность соответствующих частей населения древнего Новгорода остается неясной, но вместе с тем достаточное число подробностей ритуалов имеет восточнославянские эквиваленты.

в жертву при закладке дома можно видеть подтверждение того, что в символах на крыше и в их названиях отражена особая обрядовая роль головы коня, доказываемая и фольклорными свидетельствами. По-видимому, это явление было ареальным, так как подобные коньки обнаружены и у коми-пермяков³⁰, где засвидетельствованы и сходные птичьи символы, напоминающие об эквивалентности и совмещении образов птицы и коня, составляющей едва ли не наиболее характерную черту индоевропейской (в особенности древнеиндийской) символики культа божественных близнецов, представлявшихся в образе двух птиц или двух коней. В латышской даине, сохраняющей наиболее близкую к ведийскому гимну о Яме и Ями ситуацию, где участвуют лишь один Сын Бога и Солнечная дочь, у сватающегося к ней близнеца два коня:

Kam tie sirmi zirgi stāv
Pie Saulites nama durīm?
Dieva dēla sirmi zirgi,
Saules meitas precenīka (368—33861)

‘Чьи серые кони остановились перед дверью дома Солнышка? Это серые кони Сына Бога, что ухаживает за дочерью Солнца’.

В ведийском гимне о Яме и Ями также упоминается конь (RV, X 10, строфа 13) и два колеса (колесницы), но только в качестве образов-уподоблений, возможно, архаических, так как колесо (названное по корню **kwel-*) в качестве солнечного символа реконструируется для общеиндоевропейского поэтического языка на основании совпадения данных разных традиций — древнеиндийской, древнегреческой, древнегерманской³¹ и общеславянской³². Поэтому сочетание *rāthyeva sakrā* ‘как два колеса колесницы’ — о Яме и Ями — в этом же ведийском гимне (конец строфы 8) скорее всего следует истолковать как косвенное отражение той же солнечной символики, которая более отчетливо выступает в названиях детей Солнца и дочери Солнца в других ведийских и балтийских контекстах.

Зооморфная символика божественных близнецов как коней особенно ясно видна при обыгрывании их противопоставления по одному из классификационных признаков, видимо, входивших в систему двоичной символической классификации, закономерно

³⁰ Л. С. Г р и б о в а. Традиционная резьба на сельских постройках коми-пермяков. — СЭ, 1968, № 6, стр. 111 и сл., рис. 1—4.

³¹ R. S c h m i t t. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967, стр. 166—169.

³² А. А. П о т е б н я. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. В кн.: А. А. П о т е б н я. О некоторых символах славянской народной поэзии. Харьков, 1914, стр. 164 и сл.; В. В. Иванов и В. Н. Т о п о р о в. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 135 и 230, реконструкции 181—183.

соотносившейся с индоевропейским близнечным культом³³. В латышской дайне (364—33772) близнечные божества представлены в качестве двух коней, из которых один — с серебряным седлом, другой — с золотой уздечкой. Уже отмеченное в связи с этим противопоставление двух ашвинов как *rajata-* 'серебристого' и *šukra-* 'сияющего'³⁴ (ТА, I, 10, 2) следует сопоставить также с символикой серебряного и золотого сосуда в ашвамедхе³⁵ и с различными функциями серебряной и золотой игл при разрезании коня царями в этом же ритуале («*Vājasaneyā Saṃhita*», XXXIII, 8). Серебро и золото входят в те же классификационные ряды, к которым принадлежат запад и восток. Толкуя известный ведийский гимн, где Ашвины двигают «деревом в две противоположные стороны» (RV, V, 78, 5), Вьенно отметила, что «легко было бы рассматривать это дерево-столп как опору для солнца, раскачиваемую по направлению к востоку и западу, по направлению к каждому из Ашвинов, что отмечает начало и конец дня»³⁶. Приурочение к сторонам света отчетливо выступает в уже цитированной дайне, где два огня божественных близнецов горят в серебряных светильниках, и в архаическом тексте, где выступает евразийский мотив игры мифологического существа на музыкальном инструменте в сочетании с символом бобра (ср. соединенные обоих этих мотивов, например, в кетском мифе о происхождении порогов Енисея, где Альбэ играет на музыкальном инструменте и Хоседэм превращается в бобра):

Saule kokles skandināja,
 Austrināi sēdēdama;
 Dieva dēli danci veda
 Udņa, bebra kažokos (382—33924)

'Солнце играло на гуслях, сидя на востоке; сыновья Бога танцевали, одетые в шкуры выдры и бобра'. Два символа водяных животных — выдра и бобер — здесь выступают в качестве классификаторов, подобных золоту и серебру, но несомненно, что эти зооморфные символы здесь являются вторичным результатом евразийских ареальных контактов, хотя для обрядового танца в звериных шкурах можно привести типологические параллели из самых разных ареалов.

Проблема сочетания индоевропейских элементов с такими, которые возводятся к финно-угорским источникам, особенно

³³ В. В. Иванов. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях. «Народы Азии и Африки», 1969, № 5.

³⁴ D. Ward. Twins, стр. 15 и 99, прим. 85.

³⁵ «Брихадараньяка Упанишада», перев., предисл. и комм. А. Я. Сыркина. М., 1964, стр. 163.

³⁶ O. Vienneot. La culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954, стр. 36 (ссылка на X мандалу у Вьенно ошибочна).

отчетливо встает по отношению к лтш. *jumis* в его отношении к индоевропейскому близнечному культу.

Латышское *jumis* имеет следующие основные значения: 1) двойчатка, две взаимосвязанные, сросшиеся друг с другом вещи, в частности сросшиеся друг с другом плоды или овощи — картофелины, яблоки; 2) полевое божество, посылающее благоденствие, с культом этого последнего были связаны ритуалы окончания полевых работ, отраженные в таких терминах, как *jumi saņemt* 'заканчивать полевые работы'³⁷. Не подлежит сомнению, что эти значения можно объединить, только предположив первоначальную связь с близнечным культом. Согласно народным американским повериям, рождение близнецов происходит после того, как человек съест сдвоенный плод (например, яблока)³⁸. Объяснение подобных поверий оказывается возможным, в частности, при сравнении с фиджийскими данными, уже сыгравшими существенную роль при построении общей типологии систем двоичной классификации, обычно связанных с близнечным культом. На Фиджи записан ритуальный текст, относящийся к хлебному дереву, в конце которого содержится ритуальное повторение термина *gua* 'два':

Ndolava a vale takari i gua,
 Vosa tiko mo tai ruarua,
 A rika mai bako vuya;
 Enda a lako nga ni mbongi gua
 'Открой дом с двумя дверьми,
 Близнечные (двойные — *guarua*)
 плоды хлебного дерева,
 (Два) путешественника с Вуя при-
 были,
 Мы ушли два дня назад'³⁹.

До этого в том же тексте двойной плод близнечного дерева (обозначенный просто числительным 'два') выступает в качестве символа безмерного изобилия (строфа IV, строка 5 и сл.). В тексте обнаруживается и ряд других мотивов, сходных с описанными выше, таких, как лодка — двойное каноэ (*sirosiro*, строфа III, строка 1)⁴⁰. Поскольку ритуальный контекст здесь идентичен

³⁷ См. многочисленные примеры употребления в словаре: K. Mühlenschachs (J. Endzelins). Lettisch-deutsches Wörterbuch, Bd. II. Riga, 1925—1927, стр. 117—118.

³⁸ F. C. Brown. Collection of North Carolina folklore, popular beliefs and superstitions, ed. by W. D. Hand. Durham, 1961, VI, 29, № 158; ср.: D. Ward. Twins, стр. 94, прим. 22.

³⁹ A. M. Hocart. The Northern States of Fiji. London, 1952, стр. 76, строфа V, строки 1—5, стр. 76 и 78.

⁴⁰ Там же, стр. 75 и 77.

с соответствующими обрядовыми контекстами употребления латышского *jumis*, представляется целесообразным использовать термин *guagua* 'близнечный' в данном гимне для объяснения этого латышского слова в соответствующих текстах. Оба слова относились к аграрным праздникам, связанным с близнечным культом. Во время этих праздников двоякий знак или плод дерева рассматривался как воплощение близнечного божества. Таким образом, с диахронической точки зрения оба значения латышского *jumis* удаётся возвести к одному.

Эти выводы заставляют вновь вспомнить об этимологии лтш. *jumis*, всего полнее обоснованной Гюнтертом в его незадолго забытом исследовании индоевропейской мифологии, где *jumis* сопоставлено с др.-инд. *yama*⁴¹. В свете этнологических исследований последнего времени, выявляющих архаическую роль ритуальной нейтрализации двоичной оппозиции классификационных рядов, включающих противопоставление мужской — женской⁴², особого внимания заслуживает гипотеза Гюнтерта о том, что этим термином первоначально обозначался андрогин. Тогда женский эквивалент божественного близнеца типа др.-инд. *Yami* разъясняется как инновация. Но в свете всех приведенных данных можно думать, что мотив объединения двух полярных начал мог символизироваться как в образе андрогина, так и в сюжете инцеста божественных разнополых близнецов. Индоиранское *yama- выступает одновременно и в качестве общего обозначения обоих близнецов (RV, X, 12, 6), и в качестве названия мифологического существа типа ведийского *Yama*- и авест. *Yima*-.

О древности связи данного индоевропейского термина с близнечным космогоническим мифом свидетельствует совпадение авестийского текста (*Yasna*, XXX, 3), где говорится о двух духах-близнецах (*yama*), обнаруживших себя в «самом начале» (*raouguuē*), с теми контекстами, в которых в «Эдде» выступает великан *Ymir*, сопоставляемый с др.-инд. *Yama*- и авест. *Yima*⁴³. Как и авестийские «два близнеца» (и типологически сходные с ними божественные близнецы в близнечных дуалистических космогониях, являющихся универсальными), *Ymir* появляется в самом начале («*Völuspá*», 3, 1—8):

⁴¹ H. G ü n t e r t. Der arische Weltkönig und Heiland. Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur indo-iranischen Religionsgeschichte und Altertumskunde. Halle (Saale), 1923, стр. 334—337.

⁴² См.: H. B a u m a n n. Das doppelte Geschlecht. Berlin, 1955; M. E l i a d e. Méphistophélès et l'Androgyne. Paris, 1962.

⁴³ Это сопоставление, указанное в цитированной книге Гюнтерта, упоминается и в трудах последнего времени по сравнительному изучению мифологии «Эдды» (см.: Åke V. S t r ö m. Indogermanisches in der Völuspá. «Numen», 1967, v. XIV, № 3, стр. 175), но полностью вся аргументация, его подтверждающая, до сих пор не была собрана.

Ar var alda þat er Ymir bygdi
'То было правремя⁴⁴, когда жил Имир'

Это правремя в том же тексте дальше описывается как время, когда не было еще ни земли, ни неба, ни песка, ни моря. Соглашающаяся с упомянутой гипотезой Гюнтерта связь Имира с двумя противоположными началами, образующими двоичные противопоставления, подтверждается мифом о его возникновении благодаря взаимодействию огня и льда. Принесение его в жертву в начале творения⁴⁵ также находит параллель в связи Ямы со смертью в «Ригведе» и в «Авесте», где отец Йимы (Ямы) — Вивасвант — первый приноситель жертвы, а самого Йиму его брат (Спитьюра) распиливает пополам⁴⁶. Представление о возникновении близнечной пары из расщепления, разъединения единого целого подтверждает и другую мысль Гюнтерта⁴⁷, к которой недавно вернулся Дж. Девото⁴⁸: лат. *imāgo* может восходить к тому же корню, что Гюнтерт подтверждал убедительной семантической пропорцией: др.-в.-нем *bilidi* (нем. Bild): др.-исл. *bil-ingr* = лат. *imāgo*: др.-инд. *yamā*-.

Восстановление общеиндоевропейского названия божественного близнеца или существа, соединившего в себе оба последних ряда бинарных оппозиций, с семантической стороны хорошо согласуется с мифологическим и ритуальным употреблением лтш. *jumis*. Большие трудности (в свое время отмеченные Эндзелином⁴⁹) возникают со стороны фонетической, так как развитие лтш. *u* < **e*₂ (т. е. из ступени редукции корня *iem/*iom-), возможное и по отношению к др.-исл. *y* в *Ymir*, если его возводить вслед за Гюнтертом к *iunijaz < **iem(i)ios*⁵⁰, все же делает данную основу в морфологическом отношении достаточно отличной от праформы др.-инд. *yamā*-.

Представляется, что на фонетический облик латышского слова *jumis* могло повлиять финно-угорское заимствование лтш. *jumala*: фин. *jumala* 'бог', лив. *jumal* 'бог'⁵¹. В современном

⁴⁴ «Самое начальное мифическое время», «*Urzeit*»; R. S c h m i t t. Указ. соч., стр. 204; Е. М. М е л е т и н с к и й. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968, стр. 83—86 и 230.

⁴⁵ Е. М. М е л е т и н с к и й. Указ. соч., стр. 190.

⁴⁶ Ср.: L. D. V a r n e t t. *Yama, Gandharva, and Glaucus*. — BSOS, London, 1928, v. IV, pt. IV, стр. 712.

⁴⁷ H. G ü n t e r t. Указ. соч., стр. 364.

⁴⁸ G. D e v o t o. Lat. *imago*. «Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie» («Festschrift J. Pokorny»). Innsbruck, 1967, стр. 25 и сл.

⁴⁹ K. M ü l e n b a c h s, J. E n d z e l i n s. Указ. соч., стр. 118.

⁵⁰ H. G ü n t e r t. Указ. соч., стр. 337. Относительно истоков балтийского *u см.: Chr. S. S t a n g. *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo—Bergen, Trmsö, 1966, стр. 35.

⁵¹ Для объяснения таких топонимов, как земгалское *Jumala* и *Jumalda*, эти прибалтийско-финские слова привлек еще Буга: K. B u g a. *Rinkitiñiai raštai*, t. III. Vilnius, 1961, стр. 560 и 614. Эндзелин, указывая на гипотезу Буги в отношении *Jumalda*, для *Jumala* предлагал сравне-

латышском языке слово *jumala* употребляется не в том общем значении, какое характерно для финского (и ливского). В соответствии с тем принципом специализации денотатов в заимствующем языке, который Е. Д. Поливанов считал основным законом теории заимствования, *jumala* обозначает не вообще бога, а жену мифологического существа *jumis*, ведающую (как и ее супруг) урожаем и сбором злаков. Связью со словом *jumis* объясняется и значение 'двойного плода', которое *jumala* получило явно вторично (отсюда и значение толстой женщины или коровы, ср. огромность размеров двойного плода хлебного дерева, обыгрываемую в упомянутом фиджийском тексте). Это развитие значений можно объяснить только предположив, что в эпоху (достаточно отдаленную, судя по форме слова, соответствующей не ливской с синкопой конечного гласного⁵², а финской), когда это слово было заимствовано в латышский, в нем существовало исконное слово, давшее позднее *jumis* и обозначающее божество, связанное с близнецным культом. Это последнее значение никак не выводится из прибалтийско-финского, где *jumala* выступает в качестве древнего производного (уменьшительного) от *juma, ср. эст. *jume* 'образ, выражение лица'⁵³ (ср. выше о семантике лат. *imāgo*), фонетически близкое к лтш. *jume* (*juma*) — вариант *jumis*⁵⁴, но семантически настолько далекое от него, что заимствование исключается, хотя интерференция соответствующих слов (разного происхождения) здесь весьма вероятна. Для объяснения того, почему лтш. *jumala* приобрело значение женского божества, целесообразно сопоставление с диал. фин. *maajumala* 'колдунья, ведьма', коми *ёма* 'ведьма, баба-яга', диал. коми-зырян. *јома*, удмурт. *јума* (последние слова В. И. Лыткин рассматривает как заимствованные из прибалтийско-финских языков⁵⁵, но ср. также марийск. *юмо* 'бог'⁵⁶). Но специфическая связь с аграрными культами и с близнецными плодами не может быть объяснена исходя из финно-угорских данных. Поэтому остается предположить, что слово, соответствующее др.-инд. *Yama*- и др.-исл. *Ymir*, в латышском имело эти мифологические функции, которые сделали возможным его вторичное воздействие

ние с лтш. *jumala*: J. Endzelīns. *Latvijas PSR vietvārdi, 1 daļa, 1 sējums*. Rīga, 1956, стр. 403. Но это последнее с финским Эндзелин не сопоставил.

⁵² См. о хронологии этого процесса: L. Posti. *Grundzüge der livischen Lautgeschichte*. Helsinki, 1942.

⁵³ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. II. Лексикология и синтаксис. М., 1955, стр. 87; эст. *jume* обычно 'цвет лица'.

⁵⁴ E. Müllenbachs, J. Endzelīns. Указ. соч., стр. 117, см. там же о значениях *jumala*.

⁵⁵ В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, стр. 100.

⁵⁶ См. прим. П. А. Аристе к кн.: Л. Хакулинен. Указ. соч., стр. 282; Е. И. Коведяева. Проблемы акцентуации марийского языка, М., 1970, стр. 48, 62, 69 и 8.

на прибалтийско-финское *jumala*. Альтернативная гипотеза об отражении балтийского заимствования в финских языках не кажется возможной в силу специфичности значений таких слов, как эст. *jume*, и ввиду морфологической структуры слова *jumala*. Но следует заметить, что эта гипотеза хорошо согласовалась бы с предположением о возведении эст. *Salme* к *Saules meita*⁵⁷.

В этой связи стоит отметить, что наличие аграрных функций у латышских божественных близнецов несомненно⁵⁸. Архаичность соответствующих мест в дайнах доказывается тем, что именно в них выступает противопоставление серебра и золота, рассмотренное выше:

Sanākūši Dieva dēli,
Aparuši, apsējuši;
Sanesuši zelta arkļus,
Sudrabiņa sētavites (380—33904)

'Вместе пришли сыновья Солнца; (вместе) работают, повсюду разбрасывают семена; они принесли золотые плуги, серебряные корзинки для семян'. Характерно, что употребляемые здесь аграрные термины (такие, как лтш. *apsēt*; ср. лит. *apsėti*) относятся к числу наиболее архаических⁵⁹.

Сопоставление с другими индоевропейскими традициями позволяет прийти к выводу, что эти мотивы балтийского фольклора восходят к общеиндоевропейским. Поэтому к древнему словарю следует возвести и лтш. *jumis*, хотя на позднейшее функционирование этого слова (в частности, в сочетаниях с *jumala* в дайнах) известное влияние оказали прибалтийско-финские языки (может быть, косвенно повлиявшие и на характер гласного первого слога).

⁵⁷ J. Puhvel. *Filles du soleil: folklore estonien et mythologie indoeuropéenne*. «Studies in Estonian language and literature presented to Ants Oras». Stockholm, 1965, стр. 155—165. В свете приведенных данных о балтийских сыновьях бога Солнца представляют интерес и такие финские руны, как *Jumalaisen ainon poika/Pani päivöin paistamah* (или *Laitteli päivöjään*) 'Единственный сын бога/Поставил солнце греть' (или 'устанавливал солнце'), ср. эст. *päiw lät jumalahe*, лтш. *saule puoiet dievā* (*dievu*) 'солнце идет к Богу (садится)'.

⁵⁸ D. Ward. *Twins*, стр. 20.

⁵⁹ См. об индоевропейских фразеологических сочетаниях с глаголом 'сеять' (лтш. *sēju*, *sēt*): В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, стр. 87—88. О др.-исл. *Ymir* и иранск. *Yima* ср. также: В. Н. Топоров. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева». «Труды по знаковым системам. V» («Уч. зап. Тартуского ун-та», вып. 284), 1971, стр. 22.

О НЕКОТОРЫХ РАСХОЖДЕНИЯХ
МЕЖДУ ИМЕННЫМИ ОСНОВАМИ НА -I
В БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Р. Эккерт

Между балтийскими именами с бывшей *i*-основой и славянскими, продолжающими древний тип склонения *i*-основ¹, наблюдается целый ряд общих черт и закономерных соответствий. Совпадения относятся не только к характеристике парадигмы, порою достигая при этом полной идентичности (ср., например, флексий твор. п. ед. ч. м. р.; дат. п. мн. ч. и твор. п. мн. ч.), но и к лексическому составу этого склонения в упомянутых двух языковых группах. Среди индоевропейских соответствий балтийским *i*-основам (имеются в виду точные соответствия основ) в преобладающем большинстве случаев находим славянские факты: или славянские *i*-основы выступают наряду с *i*-основами из других индоевропейских языков (напр., лит. *paktis*, *-iēs*; лтш. *pakts*; др.-прусс. *paktin* — вин. п. ед. ч.: гот. *pakts*; др.-инд. *pāktis* — им. п. мн. ч. и прасл. **noktis*), или, что наблюдается еще чаще, славянская *i*-основа является единственным внешним соответствием для балтийской *i*-основы (напр., лит. *vāltis*, *-ies* 'овсяной колос'; др.-прусс. *wolti* 'колос': праслав. **voltь*, ср. рус. *волоть*; словен. *vlāt*, *vlati*; польск. *włóć* и др.).

Единичны случаи, когда для балтийской *i*-основы, имеющей точные соответствия в других индоевропейских языках, отсутствует соответствующая славянская основа на *-i*. Ср., напр., лит. *šlaunis*, *-ies* ж. р. 'бедро, ляжка'; др.-прусс. *slaunis*; др.-инд. *śróṇiṣ* ж. р.; авест. *sraonis* ж. р.; лат. *clūnis* ж. р.; греч. *κλόνις* ж. р. и новокимр. *clūn* < **k'louni-* или лит. *šlitis*, *-iēs* ж. р.

¹ Термины «балтийские именные основы на *-i*» и «славянские *i*-основы» употребляются с известной условностью, так как для истории отдельных индоевропейских языков (или групп языков) нельзя говорить о существовании именных классов, в которых показатели *-u-*, *-i-* и т. д. еще выполняли живую морфологическую функцию. Они выделяемы в этом смысле, по-видимому, лишь для более раннего (общиндоевропейского) состояния.

'бабка, когна': др.-инд. *śritiṣ*; греч. *κλίσις*; др.-исл. *hlid* или лтш. *jūtis* — мн. ч. 'суставы': др.-инд. *yūtis* 'соединение, объединение' и некот. др.

Отношения, устанавливаемые в данной области между балтийскими и славянскими языками, должны быть признаны как особые, качественно отличные от тех отношений, которые балтийские языки связывают с другими индоевропейскими языками. Они, несомненно, выражают более тесную связь между этими двумя языковыми группами. Это положение находит свое дальнейшее подтверждение еще и в том, что в целом ряде случаев именных основ на *-i*, встречающихся в славянских и балтийских языках, степень тождества (формального и семантического) настолько велика, что можно говорить как о родстве сравниваемых единиц, так и об их заимствовании друг у друга². Мы имеем в виду такие примеры, как лит. *nūtis* ж. р.; лтш. *nīts* (обычно им. п. мн. ч. — *nītis*) 'ниченька; нить': праслав. **nīť*³; лит. *bagnis*, *-iēs* ж. р. 'ссора, брань': праслав. **boŋь*, в ст.-слав. брань; др.-рус. боронь; с.-х. брань; польск. *broń* и др.

Однако несмотря на все эти факты исключительной близости балтийских и славянских языков в отношении континуантов древних *i*-основ⁴, мы не имеем права оставить без внимания случаи расхождения. Пренебрежение к фактам такого порядка недопустимо даже в том случае, если они как в количественном отношении, так и по своей доказательной силе при решении общих проблем явно уступают данным, показывающим высокую степень близости. Некоторым случаям расхождений между именами с основой на *-i* в балтийской группе и продолжениями древних *i*-основ в славянской группе языков мы и намерены посвятить нашу заметку, осознавая при этом известную неполноту в изложении данного вопроса. Ограничимся тремя группами случаев, внутренняя связь которых может быть определена тем, что балтийские языки в сохранении именных основ вообще, а основ на *-i* в частности, представляют более древний, первоначальный тип, нежели праславянский. Отношения, существующие в данном вопросе, между балтийскими языками и праславянским сводимы к противопоставлению: балтийские первообразные (нераспространенные) основы на *-i* — праславянские распространенные (или выступающие в сложениях) основы на *-i*. О праславянских фактах в ряде случаев точнее было бы вообще говорить как о де-

² Так как в этих случаях идет речь об очень древних заимствованиях, направление этого процесса и его детали остаются не до конца выясненными.
³ См.: О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 101. — Автор допускает заимствование балтийских слов из славянского.

⁴ Их число могло бы быть увеличено, если мы, например, остановились бы на таких вопросах, как связь *i*-основ с основами на согласный, на некоторых словообразовательных или акцентных типах этих имен и т. д.

риватах, которые являются результатом распространения когда-то, вероятно, существовавшей *i*-основы, или о завуалированных, «застроенных» *i*-основах (*verbaute i-Stämme*).

Более древний вид балтийских *i*-основ, их нераспространенность, их сохранение в более близком к первоначальному состоянию облике хорошо согласуется с общим положением о высокой степени архаичности балтийских языков. Этим предопределяется и способ представления материала: исходными являются данные балтийских языков, с которыми соотносятся славянские языковые факты. Случаи более убедительные и ясные предшествуют случаям менее убедительным и менее характерным в изложенном выше смысле. В зависимости от способа распространения (суффиксация, префиксация, сложение) все исследуемые примеры распределены на три группы.

1. Балтийским первоначальным *i*-основам соответствуют в праславянском производные образования с суффиксальным распространением:

1. Лит. *avis*, род. п. ед. ч. *aviës* ж. р.; лтш. *avs* (также *avis*⁵) 'овца': праслав. *ovьsa < *ovika (ср. рус. *овца*; ст.-слав. *овца*; польск. *owca* и т. д.). Индоевропейский характер *i*-основы в названии этого древнего домашнего животного не подлежит сомнению. Небезынтересен тот факт, что в древнеиндийском наряду с *áviṣ* ж. р. и м. р. засвидетельствована форма с суффиксом *-ka*: *avikaṣ*, имеющая то же значение 'овца'.

2. Лит. *ántis*, род. п. ед. ч. *ánties* ж. р. (примеры с формами, характерными для склонения основ на *-i*, см. в LKŽ, I, 130); др.-прусс. *antis* (J. Endzelin. *Apr. Gr.*, 20) 'утка': праслав. диал. *qtica 'утка' (рус. *утица*; укр. *утиця*; белор. *účica*⁶; др.-рус. *оутица*; н.-луж. *hušica* — все со значением 'утка'). Правда, в данном случае производное, которое могло быть образовано от первоначальной *i*-основы (*qtica < *qti-ka), представлено, по всей вероятности, только в части праславянских диалектов, ибо наряду с ней встречаются основа на **-i* (рус. диал. *утва́*; др.-рус. виш. п. ед. ч. *оутовь*; с.-х. *йтва*; слов. *řtva*) и основа на **-i*, распространенная посредством суффикса *-ko*: рус. *утка*; др.-рус. *Утка*.

Предположение о существовании наряду с ними древней *i*-основы в праславянском подкрепляется приведенной М. Фасмером белорусской формой *у́с* ж. р. 'утка', которая к тому же имеет соответствие в области гидронимии, ср. название левого притока р. Сожа — *Уть*. Для праславянского М. Фасмер (REW, III, 193)

реконструирует *i*-основу *q-ть наряду с *ū*-основой *qly, *olьve. Кроме того, он особо выделяет сопоставление названия реки *Уть*, праслав. *qть и лит. *ántis*.

Существование нераспространенной *i*-основы (правда, встречающейся редко) наряду с дериватами, являющимися распространениями древней *i*-основы, на наш взгляд, может служить дополнительным аргументом в пользу предположения о возникновении упомянутых праслав. (диал.) образований типа *qtica из бывшей *i*-основы *qti- с помощью суффикса *-ka*. П. Скарджюс (LKŽD, 127) утверждает, что литовский суффикс *-ika* возник, по-видимому, из основообразующего *-i*- и суффикса *-ka*, ср. лит. *ántis* и *añtikas* 'птица из семьи дроздовых *saxicola oenanthe*'.

3. Лит. диал. *vėveris*, *-iës* (*Dūsetos*); *voveris*, *-iës* м. р. (DLKŽ, 958); *overis* ж. р. (*Druskininkai*), лтш. *vāveris*, *vāvaris*⁷ 'белка': праслав. *věverica < *věveri-ka (ср. др.-рус. *въверица* 'белка, векша'; болг. диал. *вѣверица*, *вѣрверица*, *вѣйверица*; с.-х. *вјѣверица*, словен. *vėverica*; чеш. *veveřice*; свц. *veverica*).

4. Лтш. диал. *apss*, *-s* ж. р. 'осина' (M.-E. Wb., Erg. Bd. I, 116) содержит основу на *-i* (наряду с *ē*-основой в лтш. *apse*; др.-прусс. *abse*=*apse*), которая соответствует *i*-основе в лит. диал. *arušis*, *-iës* ж. р., *ārušis*, *ērušis* (LKŽ, I, 224; II, 824), наряду с *ē*-основой в лит. *ārušė*, *arušė*. Принимая во внимание наличие латышской и древнерусской *ē*-основ и латышской основы на *-i*, можно допустить, что скорее прав Р. Траутманн (BSIW, 12), предполагавший преобразование лит. *arušė* из более древнего *apsē, нежели В. Шульце (KZ, XL, 288), который лтш. *apse* возводит к *aruse. Нам представляется более убедительным поэтому и объяснение литовских *i*-основ *arušis*, *ārušis*, *ērušis* из более древнего *opsis (возможно, через промежуточное **opusis*⁸). Таким образом, для прабалтийского могут быть восстановлены две основы: основа на **-ē*: *opsē и (засвидетельствованная только в восточнобалтийских языках) основа на *-i*: **opsis*⁹. Балтийская форма на *-i* *opsis соотносится с определенными названиями осины в славянских языках, из которых наряду с основой на *-ā* (праслав. диал. *opsa, чеш. диал. *osa*; польск. *osa*; в.-луж. *wosa*; н.-луж. *wosa*, *wōsa*) встречаются производные, представляющие распространения бывшей древней *i*-основы суффиксами *-ka* и *-na*: праслав. *opsi-ka (чеш., польск., словц. *osika*; болг. *осіка*; укр. *осика*; чеш. диал. *osica*, а также с пока еще не объясненным долгим гласным корня: болг. *ясика*; с.-х. *јазика*; словен. *jazika*) и праслав. *opsi-na (рус.

⁵ Для латышского слова *i*-основу восстанавливает Я. Эндзелин (Lett. Gr., стр. 51).

⁶ Пример взят у М. Фасмера (REW, III, 193). Видимо, это диалектное слово, ибо в белорусском языке *утка* называется *качкой*. В доступных нам словарях (Носович; «Русско-белор. сл.»; «Белор.-прусс. сл.»; Ластоўскі) слово *у́сца*, а также приведенное Фасмером *у́с* 'утка' не обнаружены.

⁷ Для этих латышских слов *i*-основу предполагает Я. Эндзелин (M.-E. Wb., IV, 512). Она отмечена и в гидронимии, ср. литовское название реки *Voveris*, *-ies* ж. р. — левый приток реки *Striūna*, см.: LUEV, 200.

⁸ Я. Эндзелин (Senpr. v., 135—136) дает, правда с вопросительным знаком, литовскую праформу в виде *arušė.

⁹ Почти во всех случаях в балтийских языках наряду с *i*-основами выступают *ē*-основы у одних и тех же корней.

осина; укр. осина; др.-рус. осина; чеш. диал., польск. osina; в.-луж. wosyna; болг. асина). Замечательно, что все эти образования (*opsa, *opsika, *opsina) относятся друг к другу как варианты и что все они могут сосуществовать в одном языке (см. чеш. osa, osika, osica, osina). Кроме того, в этих образованиях с суффиксом -ka диминутивное значение не обнаруживается.

5. Лит. širdis, -iēs¹⁰ ж. р. (в др.-лит. и м. р.); лтш. širds, -s; др.-лтш. sirdis 'сердце'; перен. 'смелость, желание, гнев'; диал. лит. еще 'сердцевина' и вост.-лит. šerdis, -iēs; диал. šėrdis, -ies ж. р. 'сердцевина; язык (у колокола); зерновик (у фруктов), перен. ядро' имеют все i-основу. Им соответствует праслав. *sr̥'dьse, полученное из *sirdi-ko, что в свою очередь является продолжением и.-е. *k'rdi- 'сердце'. В ряде других индоевропейских языков также выступает i-основа (ср. др.-инд. hārdi-; хетт. kardī- ср. р.) наряду с более древней консонантной основой (ср. хетт. kard-; др.-инд. hrd- 'сердце' и ряд древнелитовских форм) и с корневым именем и.-е. *ker- (ср. хетт. kir; др.-прусс. seyr и греч. κῆρ¹¹).

К приведенным материалам в какой-то мере примыкает следующий случай противопоставления основы на -ti в балтийских языках основе на *-ki-s в праславянском. Лтш. žults, -s наряду с zultks, -s, а также žilts, -s 'желчь' сохраняет i-основу (М.-Е. Wb., IV, 831; 810; Erg. Bd. II, 812; 822), которая сравнивается с лит. tulžis, -iēs ж. р. 'желчь'¹², выступавшим уже в древнем языке как i-основа, ср. у Вилентаса (Ev. bei Ep., 215_g) {u tulžimi. Для общебалтийского можно предположить праформу *žul-ti-s < *g'ultis, в то время как славянские названия желчи возводятся к прасл. *zъl-ki-s < *g'ulkis, т. е. они расходятся лишь в суффиксальной части. Что касается начала славянского слова, то мы разделяем хорошо обоснованное мнение М. Фасмера (REW, I, 417), согласно которому древнерусские и старославянские варианты с начальным z- признаются более древними (зълъч наряду с жълъч; ст.-слав. зълъч). В одной из вариантных форм латышского языка, по-видимому, налицо контаминация этих двух суффиксов (-k- и -t-): zultks, -s.

В связи с тем, что в ряде случаев более древним исходным балтийским i-основам в праславянском противопоставлены усложненные старые i-основы, образованные при помощи суффикса

¹⁰ Помимо i-основы, в древнелитовском засвидетельствована консонантная основа: širdės, širdes — им. п. мн. ч.; širdū — род. п. мн. ч.

¹¹ О последних и о древней дихотомии балтийской языковой области, отраженной в названии сердца, см.: Вяч. Вс. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. — ВСЛЯ, вып. II, М., 1957, стр. 12—13.

¹² М. Нидерманн (Tiž, II, 443) усматривает в литовском слове результат метатезы, т. е. tulžis < *žultis. Другую этимологию дает К. Буга (RR, I, 592), связывая tulžis с глаголом tulžti 'набухать'.

-ka¹³, определенный интерес представляют некоторые древнепруссские образования, имеющие в своем составе суффиксальный элемент -k- и соотносимые с i-основами в других балтийских языках и в словенском. Ср. лит. grindis, -iēs ж. р. 'деревянная половица; доска (на мосту)' (LKŽ, III, 610); лтш. gruōdi, -as, -es, -is¹⁴; словен. grēd, род. п. ед. ч. grēdī ж. р. 'насет; жердь; лестница; грядка' с i-основой и др.-прусс. grandico 'Bohle'.

Любопытен тот факт, что ряд древнепруссских образований на -ix, как исконных (например, др.-прусс. instixs 'большой палец'; лтш. диал. iksts, -s с i-основой, см.: М.-Е. Wb., I, 835), так и заимствованных из славянских языков (ср. др.-прусс. tistics¹⁵ 'тесть' < слав. *tьstь, см.: A. Leskien. Bildg., 512—513; др.-прусс. lonix 'бык' < слав. *lanь или др.-польск. łani, см.: V. Žulys), заставляют предположить связи с i-основами. Так же как в славянском, в древнепруссском наряду с образованиями на *-ikas (> -ics, -ix) выступают единичные случаи на *-ikas: др.-прусс. deliiks (deliks) 'Artikel, Stücke', ср. лит. dalis, -ies ж. р. 'доля' и лит. dalūkas 'часть, штука'; др.-прусс. имя прилаг. debica (debika) 'groß', которые обычно сравнивают со слав. *debělъ. Последнее, по нашему мнению, является не совсем точным соответствием для древнепруссского слова из-за суффиксальной части. Более близкими в отношении основы являются неизменяемые старославянские имена прилагательные (возможно, продолжающие древние i-основы) оудобъ и неоудобъ, хотя в них корневой гласный выступает в другой огласовке.

К этой группе слов можно еще отнести др.-прусс. gunsix (т. е. gunzik) 'Beule' и лит. диал. (жем.) gūžis, -i 'зоб (у птиц)' (E. Fraenkel, LEW, 179); лит. gūžis, -ies 'большой вертел бедренной кости' (К. Явнис. Гр., 13); gūžis, -ies, ж. р. и м. р. 'зоб (у птиц), яичник (у птиц), горбинка, киль, кочан (капусты)' (LKŽ, III, 770). Здесь, как и в предыдущих примерах, соотносимы основы на -i- с древнепруссскими образованиями на *-ikas. Хотя в древнепруссском производные на *-ikas были возможны и от древних ā-основ (ср. др.-прусс. ganikan — вин. п. ед. ч.: gena 'Frau') и от o-основ (ср. др.-прусс. wugikan: wugs 'Mann'), все же мы имеем большее количество образований на *-ikas, которые определенным образом связаны с древними i-основами. Возможно, эти старые прусские образования имели уменьшитель-

¹³ Случай праслав. *zъl-ki-s можно рассматривать как «Kreuzstellung» (термин Х. Петерссона) в отношении тех случаев, где основообразующий гласный предшествовал -k-; ср. Kreuzstellung у гетероклитических суффиксов -ur- и -gu-.

¹⁴ Для латышских примеров допущение в данном случае i-основы является не вполне доказанным.

¹⁵ Данную форму Я. Эндаелин (Senpr. v., 265) читает как tistics, с чем можно и не согласиться; V. Žulys. Keleto retų žodžių istorija. «Baltistica», I (2). Vilnius, 1966, стр. 155—157.

ное значение (так полагает А. Leskien, Bildg., 512) и принадлежали к более низкому (интимно-фамильярному) стилю, судя по некоторым данным из области антропологии.

Несомненно, более древними, чем в приведенных случаях, являются процессы, связанные с перестройкой древних гетероклитических основ в славянской и балтийской языковых группах, в частности судьба старых основ на -i. Сходно, однако, у этих слов с упомянутыми выше расхождениями между балтийскими и праславянскими i-основами то, что у первых также наблюдаются определенные различия. В одном случае древняя балтийская основа на -i¹⁶ перешла в основы на -i: лит. obelis, -iēs, obalis ж. р. 'яблоня'; лит. название реки Obelis, -iēs ж. р. = Obelē — левый приток реки Nevėžys (LUEV, 111) и лтш. âbels, -s 'яблоня' (М.-Е. Wb., I, 234). Этим образованиям противостоят славянские названия яблони, которым, по всей вероятности, предшествует праславянская форма *(j)abolъ (М. Фасмер, REW, III, 477), представляющая, по нашему мнению, древнюю контаминацию основ на -i- и на -n-. Но этот вопрос мы рассмотрим более подробно в другой работе.

II. Балтийским исконным i-основам соответствуют в праславянском производные образования с префиксальным распространением:

1. Лит. mintis, -iēs ж. р., 'мысль, идея', диал. (вост.-лит.) 'загадка' восходит к древнему отглагольному имени абстрактного значения на -ti, т. е. к и.-е. *m̥tis, *mentis (ср. др.-инд. mat̥s; авест. arəmaiti-; греч. μάντις; лат. mens, mentis; гот. gamunds, gaminþi). Ему соответствует праслав. *ramęть < *ra-min-ti-s, засвидетельствованное только как префиксальное (распространенное через префикс ра-) образование.

2. Лит. mirtis, -iēs ж. р. 'смерть' в отличие от праслав. *sъmъrъть < *su-mir-ti-s¹⁷ 'смерть' является производным. Правда, наряду с повсеместно известным на славянской языковой территории словом *sъmъrъть имеется, очевидно, отодвинутая на периферию лексической системы нераспространенная форма в чеш. mrt, род. п. ед. ч. mrti ж. р. 'отмершая часть чего-то; отмершее мясо на ранах; неплодородная земля' (Р. Траутманн, BSIW, 187), для которой М. Фасмер (REW, II, 672) предполагает праформу *mъrъть. Слово сохранилось также в моравских диалектах как mrt', -i ж. р. '1. мертвая земля; 2. кочерыжка' (Bartoš, 208). Так же как в упомянутом случае праслав. *rъть наряду с *r̥tica, *r̥tina, и здесь

редко встречающаяся форма с более древним (нераспространенным) обликом наряду с широко распространенной i-основой может служить доказательством того, что в целом ряде случаев в праславянском довольно сильной оказалась тенденция распространения древних, из индоевропейского праязыка унаследованных i-основ. В свете этого архаичные праславянские диалектизмы¹⁸ типа *r̥тъ, *mъrъть приобретают особое значение.

3. Лит. buitis, -ies ж. р. '(образ) жизни, бытие, существование, положение, ситуация' и лит. būtis, -ies ж. р. 'то же' являются, вероятнее всего, балтийскими продолжениями древнего отглагольного имени отвлеченного значения на -ti (ср. др.-ирл. buith 'бытие' < *bhūtis; др.-инд. bhūtīh 'бытие'). В славянских языках соответствующая форма *byть чаще всего выступает в производных типа южнославянского dobyть¹⁹ или ст.-слав. забыть²⁰ 'забвение' (С. М. Кульбакин, Древнецерковнославянский язык. Харьков, 1913, стр. 145, а также: Sadnik—Aitzetmüller. Handb., стр. 163).

Но нераспространенная форма сохранилась в др.-чеш. byt, -i ж. р. 'сущность, существование' (J. Gebauer, Sl. staročeský, I, 125), в слов. bit ж. р. 'бытие' (Plet., I, 28) и nebit ж. р. 'небытие' (Plet., I, 683) и в русск.-церк.-слав. быть 'бытие, γένεσις' (Срезневский, Mat., I, 211).

Наконец, сюда с большей или меньшей достоверностью могут быть еще отнесены следующие балтийские и славянские примеры: лит. pėntis, -ies; pentis, -iēs ж. р.; лтш. piēts, -s (М.-Е. Wb., III, 302—303; Endzelin. Lett. Gr., 195) 'обух' и др.-прусск. pentis 'пятка' и праславянские наречия *obpęть и *vъzpęть 'опять, всячь'.

III. Балтийским i-основам соответствуют праславянские i-основы, выступающие как вторые компоненты сложений:

1. Лит. dėtis, -ies ж. р. 'время, пока курица несет яйцо; место, куда домашние птицы несут яйца; яичник (у птиц); ноша', являющемуся отглагольным именем отвлеченного значения на -ti²¹, соответствует вторая часть сложения в ст.-слав. *благодѣть, -и* ж. р. 'милость, благосклонность; благодеяние, добро; благода-

¹⁸ В понимании этого термина мы примыкаем ко взглядам, неоднократно высказанным О. Н. Трубачевым.

¹⁹ Ср. болг. (диал.) *добит* ж. р. и м. р. 'доход' (Младенов. Български тълковен речник. София, 1951, стр. 544); с.-х. *дѣбит* 'прибыль, интерес'; словен. *dobit* ж. р. 'прибыль' (Plet., I, 143), Младенов отмечает еще ст.-болг. *добыть* 'процент'.

²⁰ Ср. еще слов. *zabīt* ж. р. 'das Stilleben' (Plet., II, 817) и русск. диал. (курск.) *забытица* 'забвение, запомывание' и *забытищи, -ей* — мн. ч. 'забвение'.

²¹ Ср., например, прагерм. *dēdi-z в гот. *dēds*, др.-в.-нем. *tāt*; а также авест. *nīdaiti-* 'action de déposer' (J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues Indo-européennes. Wrocław—Kraków, 1958, стр. 188).

¹⁶ Ср. лит. *obelis* — им. п. мн. ч.; *obelis* — род. п. мн. ч.

¹⁷ Более детальное объяснение этого праславянского сложения см.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 143—147.

рение, благодарность; прелесть, очарование' (Slovník jazyka staroslověnského, 3, Praha, 1959, стр. 98—99).

2. Лит. *pàts* (стар. *patis*), *-iēs* м. р.; лтш. *pats* 'сам; супруг' сопоставляется со второй частью в праслав. *gospodь, которое, по мнению Э. Френкеля (ZslPh, XX, 51), продолжает форму *gostьrodь, причем *-d-* возникло из *-t-* под влиянием слова *svobodь* 'свободный'. Разумеется, данное сопоставление находится в сильной зависимости от этимологии слова *gospodь, хотя взгляд, согласно которому вторая часть сложения является продолжением и.е. *potis, довольно распространен (М. Фасмер, REW, I, 299).

После рассмотрения материала, относящегося к интересующему нас вопросу, можно сформулировать следующие выводы:

1) Проанализированные факты и отношения хорошо укладываются в рамки наших общих воззрений о большей архаичности балтийских языков по сравнению с праславянским независимо от того, как интерпретируется эта архаичность балтийских языков.

2) Древнепрусский язык в изученном нами вопросе занимает как бы переходное положение между праславянским и восточнобалтийскими языками, хотя здесь еще много невыясненных проблем.

3) Констатируемая нами раньше²² закономерность праславянской подсистемы атематических основ, состоящая в том, что основы на согласный (в частности, основы на **-l-* || **-n-*; основы на **-mōn-* || **-men-* и др.), основы на *-й*, основы на *-ū* переходят в тематические (*ǫ-* и *a-*) основы путем расширения посредством суффиксов *-ko-*, *-kā-*, находит полное подтверждение и на материале старых *i-*основ.

4) Преимущественный выбор суффиксов *-ka* и *-na* для расширения древних *i-*основ в праславянском объясняется, видимо, родовой характеристикой производящей основы, которая чаще всего была женского рода. Сравните в этой связи выбор суффикса *-ko* при распространении древней *i-*основы в названии солнца, относящейся, по всей вероятности, к индоевропейским основам среднего рода. В балтийском наблюдаются в этом случае колебания относительно грамматического рода этого слова (м. р. или ж. р.).

5) Изученные факты могут пролить свет на отдельные стороны возникновения сложных суффиксов в праславянском (и отчасти в балтийских языках), хотя ряд вопросов остается нерешенным, в частности вопрос о том, почему в одних случаях отражено *-ī* (> *ь*), а в других *-ī* (> *i*).

²² См.: R. E s k e r t. Reste indoeuropäischer heteroklitischer Nominalstämme im Slawischen und Baltischen. — ZfSl, Berlin, 1963, Bd. VIII, N. 6, стр. 882—883.

6) Кроме того, из работы косвенно следует вывод об ограниченном применении метода внутренней реконструкции (ср. значительную роль, которую в аргументации играют внешние соотвествия). Тем не менее, с другой стороны, выявились некоторые возможности и благоприятные обстоятельства для применения этого метода при изучении проблем праславянского слова, основообразования и праславянской морфологии. Думается, что, несмотря на то обстоятельство, что в праславянском *i-*основы уже не являлись живой морфологической категорией (т. е. *-i-* уже не выступало в своей первоначальной основообразующей функции), унаследованная из индоевропейского праязыка специфическая модель, продолжающая древние праязыковые *i-*основы, не стерлась на протяжении длительной истории праславянского языка, а наоборот, долгое время еще обладала достаточной структурной прозрачностью. Поэтому нам кажутся вполне допустимыми и обещающими определенный успех поиски, ставящие себе цель открытия видоизмененных или «застроенных» древних *i-*основ (*verbauter i-Stämme*) в праславянском языке.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Bartoš — F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906.
Белор.-русс. сл. — «Белорусско-русский словарь». Под ред. акад. АН БССР К. К. Крапивы. М., 1962.
К. Бура (R. R.) — K. Būga. Rinkiniai raštai, I—III. Vilnius, 1958—1962.
DLKŽ — «Dabartinės lietuvių kalbos žodynas». Vilnius, 1954.
J. Endzelin. Apr. Gr. — J. Endzelin. Altpreußische Grammatik. Riga, 1944.
Я. Эндзелин (M.-E. Wb.) — K. Mühlénbachs «Lettisch-deutsches Wörterbuch». Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin, Bd. I—IV. Riga, 1923—1932.
Я. Эндзелин (M.-E. Wb. Erg. Bd.) — J. Endzelin und E. Hausenberg. Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlénbachs «Lettisch-deutsches Wörterbuch». Riga, 1934—1946.
Я. Эндзелин (Lett. Gr.) — J. Endzelin. Lettische Grammatik. Riga, 1922.
Эндзелин (Senpr. v.) — J. Endzelins. Senprūšu valoda. Ievads, gramatika un leksika. Riga, 1943.
E. Fraenkel. LEW — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg — Göttingen, 1955—1965.
J. Gebauer. Sl. staročeský — J. Gebauer. Slovník staročeský, I—II, Praha, 1903—1913.
К. Явнис. Гр. — К. Явнис. Грамматика литовского языка (лит. ориг. и русск. перев.). Пг., 1908—1916.
KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», begr. von A. Kuhn. Berlin, 1852 и след.
Ластоўскі — В. Ластоўскі. Расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924.
LKŽ — «Lietuvių kalbos žodynas», I—VII. Vilnius, 1941—1966.
A. Leskien, Bildg. — A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891.
LUEV — «Lietuvių TSR upių ir ežerų vardynas». Vilnius, 1963.
Носович — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Plet. — M. Pletersnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.

Русско-белор. сл. — «Руска-беларускі слоўнік». М., 1953.

Sadnik — Aitzetmüller. Handwb. — L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. s'Gravenage — Heidelberg, 1955.

П. Скарджюс (LKŽD). — P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.

Срезневский. Мат. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. I—III. СПб., 1893—1903.

TiŽ — «Tauta ir žodis». Kaunas, 1923 и след.

Р. Траутманн (BSIW) — R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

М. Фасмер (REW) — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I—III. Heidelberg, 1953—1958.

Вилентас (Ev. bei Ep.) — Vilentas. Evangelias bei Epistolas, 1579.

ВСЛЯ — «Вопросы славянского языкознания», вып. 1—6. М., 1954—1962.

ZfSl — «Zeitschrift für Slawistik». Berlin, 1956 и след.

ZslPh — «Zeitschrift für slavische Philologie», hrsg. von M. Vasmer. Leipzig, 1924—1950.

В. Н. Топоров

Вопрос о том, где проходит восточная граница балтийского гидронимического ареала, продолжает оставаться далеким от ясности. В последнее время внимание к нему заметно возросло. В частности, этому способствовало исследование балтийской гидронимии в Верхнем Поднепровье, в результате которого было обнаружено не менее 700—800 балтийских названий (включая сюда и некоторое количество ранее известных)¹; при этом выяснилось, что в южной части рассматриваемой территории (между 51 и 52° северной широты) балтийские следы засвидетельствованы к востоку вплоть до бассейна Сейма включительно (т. е. до 36—37° восточной долготы)², а в северной части (собственно, в самых верховьях Днепра, 54—56° северной широты) балтийская гидронимия в большом количестве обнаружена и в наиболее восточных частях днепровского бассейна, вплоть до 34°

¹ См.: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

² Ср. *Абеста* (*Обеста*, *Обиста*, *Обста*), *Клевен*(ь), *Кубрь* (*Куберь*, *Кубарь*), *Вопка*, *Мароча* (*Мороча*), *Молч*, *Вабля*, *Лекта*, *Локоть*, *Рать*, *Ратен*(ь), *Турейка*, *Терепша*, *Усперт*, *Веть*, *Неполка*, *Жадинка*, *Желень* (*Жилень*), *Лапуга*, *Резта*, *Харасея* и др. Возражения А. И. Яценко из-за отсутствия аргументации едва ли могут быть приняты, см.: А. И. Яценко. О некоторых гидронимах Посемья, которые ошибочно считаются балтийскими. — КСЗ, стр. 109—111. О балтийских элементах Посемья см. также: В. В. Семенов. Балто-иранский контакт в днепровском левобережье. — СА, 1965, № 4, стр. 52—62; О н же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.). Автореф. докт. дисс. М., 1966 и др. О южной границе балтийского ареала на Правобережной Украине см.: О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968 (ср.: *Нересна*, *Норин*, *Верпа*, *Велия*, *Вересна*, *Пересута*, *Жолоска*, *Смолка*, *Вовчасок*, *Балы*, *Цвилька*, *Церем*, *Саремский*, *Ширишовка*, *Шандра* и др.). Ср. также: А. П. Непокупный. Словосложение как балтийский элемент в топонимии Украинского Полесья. — КСЗ, стр. 100—102.

восточной долготы³. Из анализа верхнеднепровской гидронимии с очевидностью следует, что к востоку от верховья Днепра, т. е. по крайней мере в восточной половине Смоленской области, а также в прилегающих частях Московской, Калужской и б. Тверской областей, следует ожидать продолжение балтийского ареала. В самом деле уже исследования М. Фасмера при всей их неполноте обнаружили очевидные следы балтийской гидронимии на этих территориях, ср.: *Бержа, Дго, Толжа, Кудень, Лама, Натрица, Лоба, Жукопа, Скобра, Дugna, Квань, Ужепа, Вопь, Нижняя и Верхняя Лошишка, Панея, Волкаты, Скалба, Скоба, Дидейка, Волста, Цидель, Брукель* и др.⁴; к ним позже был добавлен еще ряд названий⁵. Собственно говоря, около тридцати-сорока гидронимов и отмечают некоторые участки восточной части балтийского ареала (примерно по дуге: озеро Пено (ср.: *Жукопу*) — Москва—Тула—Орел). Следовательно, относительно этой обширной территории пока можно лишь сказать, что следы балтийской гидронимии на ней действительно обнаружены, но при этом остается неизвестным, насколько широко распространены здесь эти следы, каковы особенности их локального размещения, где именно проходит восточная их граница. При выяснении этих вопросов следовало бы попытаться установить преимущественный характер языковых связей названий этой территории с балтийскими названиями прибалтийского ареала (Пруссия, Литва, Латвия) и далее — верхнеднепровского. Выполнение этих задач тем более необходимо, что нетерпеливая мысль толкает некоторых исследователей на поиски балтийских гидронимов в самые восточные части Волго-Окского междуречья (включая западные районы б. Нижегородской губернии)⁶,

³ Весьма существенно подчеркнуть, что при продвижении в верховьях Днепра с запада на восток (от 30 до 34°) не наблюдается уменьшения количества балтийских гидронимов. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что крайняя северо-восточная часть бассейна Днепра как бы входит в междуречье Волги и Москвы (Оки).

⁴ См.: M. V a s m e r. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. — SBPAW. Phil.-hist. Kl. Berlin, 1932; О н ж е. Die ehemaligen Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. — Там же, 1934, стр. 351 и сл.

⁵ Ср.: *Гжать, Гордота, Чучата, Салита, Лобь, Держа, Лусьянка, Смедва, Выпря, Панея, Поля* и др. См.: В. Н. Т о п о р о в. О балтийских следах в топонимике русских территорий. — ЛКК, II, 1959, стр. 55—63; О н ж е. Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий. «Вопросы географии», вып. 58. М., 1962, стр. 41—49; ср. также: В. Н. Т о п о р о в. Из наблюдений над ареальной дифференциацией балтийской гидронимии. — КСЗ, стр. 84 (*Кудь, Алезенка, Митенка, Дрогоча, Держа, Варник, Кревка, Ула, Лать, Чечера, Немда, Кубрь* и др.).

⁶ Ср.: В. В. С е д о в. Из гидронимии Волго-Окского междуречья. «Питання ономастики». Київ, 1965, стр. 288 и сл.; Ф. И. Г о р д е е в. Балтийская гидронимия Волго-Окского междуречья. — КСЗ, стр. 103—106 (многое ошибочно или малобудительно): *Вад, Выща, Вясс, Карнай, Уфа, Штырма,*

где, в самом деле, можно встретить названия, формально (по крайней мере) напоминающие балтийские (ср.: *Тара*, п. п. Клязьмы у Мстеры, ср.: *Тара*, л. п. Сева и ее балтийские соответствия — ТТ, 210; *Ушна*, л. п. Оки, ниже Муром, ср. лит. *Ušna, Ušnelė*; *Кубрь*, л. п. Нерли, ср.: *Кубрь, Кубарь, Куберь* в бассейне Сейма, лит. *Каубри, Кавбра, Кавбре*, ТТ, 192, ср.: *Kubra* HW, 466; SF, 296; *Веряя*, п. п. Оки, южнее Выксы, КСЗ, 107; *Чечера*, л. п. Волги, выше Унжи, ср. лит. *Čičirys*, лтш. *Čiesegē, Чечера* в бассейнах Сожи и Десны, ТТ, 212; *Немда*, л. п. Волги, выше Унжи, ср.: *Немда* в бассейне Десны, ТТ, 198; *Ломна*, л. п. Волги, ср.: *Ломна* в бассейнах Волости, Ипути, Десны и Сейма, ТТ, 193; *Полометь*, п. п. Поля, ср. лтш. *Palmežta, Vidz. v., 116* [к *Пола* ср. *Поля*, п. п. Клязьмы, лит. *Palā, Būga, RR, III, 513* и др.] и др.⁷). Определение происхождения у такого рода гидронимов станет возможным при более точных сведениях о балтийском элементе на территории между верховьями Днепра и восточной частью Волго-Окского междуречья. Практически речь должна идти прежде всего о Московской области, т. е. о реках, находящихся в бассейнах Москвы, Оки, Клязьмы и Волги. Именно о них будет говориться в этой статье. Вместе с тем, оставляя более подробное изложение вопроса на будущее, следует заметить, что количество балтийских названий весьма велико и на территории б. Тверской и Смоленской областей (исключая, разумеется, верховья Днепра, о которых в этой связи писалось специально), а также на территории Калужской, Тульской и Орловской областей, где балтийский элемент (опять-таки за пределами днепровского бассейна) встречается заметно реже, пока не исчезает вовсе.

Так, в б. Тверской губернии к западу от Волги (в бассейнах Западной Двины и Волги) и (как правило) к югу от Волги (ниже Ржева) можно отметить такие названия⁸, как:

Руна — пр. *Rune, Runa, Runow* (Ger., 146, 147); лтш. *Raīna*; ср. лит. *Runeikių km., Runikių km., Runionių km.* (LATS, 912); лтш. *Ruņas upe, Rūnas pl.* и др. (Plāķis, 34, 119 и др., ср. личные имена: *Runen, Rowne, Raune, Rounas* (Blese, 235, 237); ср.

Стерля и др.); Л. Л. Трубе. О балтийских элементах в гидронимии Горьковской области (в связи с определением восточной границы древнего расселения балтийских племен). — КСЗ, стр. 106—108 (*Веряя, Сержа, Ведяжа*) и др.

⁷ Ср.: *Ведуга* в бассейне Дона при днепр. *Ведуга, Ведога*; лит. *Vedega, Vadaga; Undega* в басс. Нарва и др. Ср.: ТТ, 157, 179, SF., 296; НИУ, 7.

⁸ Рассматривая и оценивая приводимые далее параллели, следует помнить, что каждое отдельное сопоставление приобретает надежность лишь в условиях общего гидронимического контекста. Поэтому приводимые соответствия — скорее материал для выявления балтийского гидронимического контекста, чем серия индивидуальных и доказанных параллелей. К идентификации названий рек бассейна Волги см.: В. Р а г о з и н. Волга, т. I. СПб., 1880. Сокращения см. в конце статьи.

также к западу от Вислы: Rūne, Rūnowe, Rūnow, польск. Rūnów, Rūnowo («Baltistica», I, 2, 1966, 107—108); гипотеза о финском происхождении (ср.: Ruonajoki, Ruonakoski, см.: SBPAW, 1934, 370; Būga. RR, III, 507, 886) не представляется наиболее вероятным решением.

Кудь — пр. Kudyn, Kodyen, Coditten (Ger., 67, 74); лит. Kuõdūpis, Kuõdūrys (LUEV, 83), Kuõdžių km., Kuõdiškių km. (LATS, 773); лтш. Kūõdeni, Kuõdaļas (Endz., 191)⁹, ср. *Кудень*, см.: Фасмер. SBPAW, 1934, 362—363; м. б., Kod(e)nianka в басс. Вислы (HW, 324). В пользу финского происхождения — см.: SBPAW, 1934, 369.

Жукона, см. Фасмер. SBPAW, 1932, 659.

Орленка — пр. Arle (Ger., 11); лит. Arlėnuų km., Arliškių km. (LATS, 621), жем. *Орля* (Спрогис, 214); лтш. Arlaņi (Endz., I, 1, 42); ср.: *Арлея* в басс. Днепра (ТТ, 176); Orleńskie Jez. (Arlener See) и др. в басс. Вислы (HW, 491), ср.: SF, 289.

Исня Малая и *Большая*, см. ниже в связи с *Исньшка*, *Иснушка*.

Алеменка, см. ниже в связи с *Ялма*¹⁰.

Велеса — ср. балт. -esa в лит. Vilkesa, Laukesa, Peiesa, Raudesa, лтш. Laucese и др. (ср. верхнеднепр. *Лучеса*, *Волчеса*, *Очеса*, *Ореса* и др.) и балт. Vel- в гидронимии и топонимии: пр. Welune, Velove (Ger., 198—199); лит. Veliuona, Veliuõnis (и: Velėklis, Velėtūpis, Vėlỹs, Vėliurėlis и др.); ср.: *Вельна*, *Веленя* в басс. Днепра. См.: ТТ, 155—156, 179.

Лучеса, ср. *Лучеса* в басс. Сожь. См.: Būga. RR, III, 501, 608, 610—611; SBPAW, 1932, 654—655; ТТ, 155—156, 194.

Обиша — лит. Āpušis, Apušỹs, Apušė, Apušota и др. (см.: Спрогис, 14; ТТ, 199); куршск. Appussen/Appusse, Arsen (KF, 78—79); днепр. *Обиша*. Ср.: Būga. RR, III, 535; SBPAW, 1932, 656.

Чичатка — пр. Keykot, Keykaute (Ger., 59); лит. Kikižeris (м. б., Šiekėlis; прусские и литовские названия относятся к озеру; LUEV, 25, 74), Kikiškių km., Kikónių km. (LATS, 757); лтш. Ķikats, Ķikupis, Ķikani (Endz., I, 2, 218—219). Ср.: *Кичета* в басс. Десны (рядом *Чечотка*), см.: ТТ, 190, 212; Czczotka в басс. Нарва (HW, 522).

Аржать, см. *Ржать* (LKK, II, 62—63).

Лосьмянка, см. *Лосменка* в басс. Днепра (ТТ, 194).

Нача — пр. Notis, Notike, Notist, Notangia (Ger., 109—110);

⁹ Или: лит. Kudaičių km., Kudiškių km., Kudonių km., Kudžionių km. (LATS, 769, 770), лтш. Kudeļ-purvs, Kudeiki, Kudilnīca pl., Kudinava, Kudsche и др. (Endz., I, 2, 161, 162); ср. также: Kudda (EOSON, I, 16; II, 26; см.: Slav. Prag., VIII, 260).

¹⁰ Ср. другую возможность — *Лемна*, *Лемня*, *Лемница* в Верхнем Поднепровье, из *Льмьн-, ср. пр. Limeyen (Ger., 88); лит. Liminas, Limenė, Liminėlis (LUEV, 92-93); лтш. Limanu-ezers, Limaņi, Limeņi (Endz., I, 2, 306, 307); ср. также: *Лемна* в б. Тверской губ. См.: ТТ, 192; Būga. RR, III, 529, 611.

лит., Nôtė, Notijà, Nólėra, Noterà, Noteris (LUEV, 111); лтш. Nàtiņi (Endz., I, 2, 474); ср.: *Нача*, *Начь* в басс. Березины и Припяти, ТТ, 197; Notyst и др. в басс. Нарва (HW, 491); Naten, Natene (EOSON, II, 94; см.: Slav. Prag., VIII, 262). Ср.: Būga. RR, III, 533—534, 611.

Коча — пр. Kakaum (Ger., 53, ср.: Koken, Kocen (Ger., 68); лит. Kačurỹs, Kačiūrė, Kāčbalis и др. (LUEV, 65), Kačių km., Kačėnuų km., Kačiūnuų vk., Kačėngių km. (LATS, 737); лтш. Kač-ezers, Kačani, Kača-pļava (Endz., I, 2, 2).

Бутень — пр. Butyn, Buteliten и др. (Ger., 24—25); лит. *Бутулис* (Спрогис, 33), Butėnuų km., Butikių km., Butingės km., Butiškių km., Buteikių km. и др. (LATS 656—657); лтш. Buta, Butani, Butenieki, Butiški и др. (Endz., I, 1, 149); куршск. Butilie и др. (KF, 89, 270). Ср.: *Бутень* в басс. Роси (Машт. Днепр., 56), *Бутежь* в басс. Сейма (ТТ, 178), Butowo, Butówka в басс. Вислы (HW, 605, 606) и др. Ср. также: *Бутов*, иш. Волги.

Воржинка — пр. Wargeniken, Wargyn, Wargenaw, Wergenow, Wergelin, Wargee, Wergin, Wargelitekayme, Wargiscus, Wargunkaym (Ger., 196, 199); лит. Varginỹs, Vargupėlis, Vargupỹs, Vargutis; Varžavietė, Vėrža, Vėržas (далее — Viržuona, Viržintėlė, Viržuva) и др. (LUEV, 185, 188, 192, 199); Varžų km., Vargeniškės km., Vargučių km., Verginių km., Vergakiemio km., Virgainių km., Viržintų km., Viržonių km. (LATS, 991, 993, 996, 1004, 1005); куршск. Wargatyten (KF, 178). Ср.: *Воржанка*, *Вороженка*, *Вержа*, *Вержица*, *Вержейка* в басс. Днепра (ТТ, 179, 181). Ср.: Būga. RR, III, 548.

Коша Большая и *Малая* — пр. Kusieyns (Kuseyn, Kosien), Cusyen, Kussie, Kussithin, Cussneyn и др. (Ger., 77—78); лит. Kūsupis (LUEV, 85), Kusų km., (LATS, 776); лтш. Kusa, Kuseņi, Kusiņi и др. (Endz., I, 2, 183). Ср. в басс. Днепра *Кошна*, *Кошанка*, *Косина*, *Касинка* (ТТ, 190—191).

Лемна Большая — см. выше.

Митенка — лит. Mitupis, Mituva, Mituvà, Mitva (LUEV, 104); Miteniškių km., Mitėniškių km. (LATS, 820); лтш. Mitenes pļava, Mitins и др. (Endz., I, 2, 442).

Меленка — ср. *Меленка* в басс. Днепра (ТТ, 195); Mielno в басс. Вислы (HW, 595, 644, 720) и др.

Спировка — пр. Spirawen, Spurenen (Ger., 170, 171); лит. Spirakių km., Spurių km. (LATS, 934); м. б., сюда же пр. Speriti, Sperlauken (Ger., 170); лит. Spėrà, Spėrnia (LUEV, 153), Spėrnios km. (LATS, 934); ср. лтш. Spurgwesz (Blese, 253; личное имя). Ср.: *Спирка* в басс. Березины (ТТ, 209). Ср.: Būga. RR, III, 608—609.

Ворча — пр. Warkiten, Werczio, Worike, Worken (Ger., 196, 200, 208); лит. Varkalis (LUEV, 185), Varkalių km., Varkališkių km., Varkolių km. (LATS, 991), Verkiai (LATS, 996). Ср.: *Верчанка* в басс. Днепра (ТТ, 179—180; здесь же и иная возмож-

ность объяснения), Woricke, Woriken, Worken — все в басс. Нарева (HW, 502) и др. Ср.: Būga. RR, III, 501, 547—548, 880. Связь с финск. названиями на *Верк-, Вар-* едва ли вероятна (см.: ВЯ, 1969, № 5, 43).

Першинская — пр. Persink, Perses, Persem, Perselen (Ger., 120); лит. Pešsas (LUEV, 122), *Першанка*, *Першайка* (Сп. Сув., 120); лтш. Pėrsas уре, Pėrsėja (Zfslph., 1934, № 11, 127), Pėrši pl., Pėrša pl. и др. (Plāķis, 69, 155), ср.: Vidz. v., I, 115. Ср.: *Першница* в басс. Припяти (ТТ, 201), *Перханка* в басс. Зап. Двины, м. б., Pėrsk, Pėrskie в басс. Нарева и Дрвенцы (HW, 530, 603). Не исключены дальнейшие связи с Persante в Померании (ARpeub., 8, 1943, 43—44; «Baltistica», I, 2, 106), *Пересна* в басс. Днепра (ТТ, 201), *Пересута* в басс. Горыни (НПУ, 166) и далее, ср.: Persetis в Паннонии (Mayer, 264). Ср.: Būga. RR, III, 537. Вместе с тем заслуживают внимания и финно-угорск. параллели, ср.: *Першлахта* (ВЯ, 1969, № 5, 44).

Ажева — ср. *Ажевка*, *Ажовка* в басс. Днепра (ТТ, 175).

Вязовля — учитываю непосредственное соседство с *Дубенка*, следует вспомнить о сходной ситуации в верховьях Днепра: *Вязовенка* при *Дубровинка*, *Дубровейка* (варианты), см.: ТТ, 182. Отсюда возможность балт. прототипа * Anžōl-, ср. пр. Ansiwin, Ansewin (Ger., 10) и др.

Сишка, ср. *Сижка* (ДДГ, 160, 329) — ср. *Сежа* (выше)?

Лоча Большая и Малая — не исключены разные возможности объяснения: 1) лит. Lakaĵa, Lākesas, Lakutė и др. (LUEV, 86); лтш. Laka, Laki, Lakaĉi, Lakati, Lakājas, Laķi и др. (Endz., I, 2, 251—253); куршск. Loke, Loken (KF, 122); 2) пр. Latheynen (Ger., 83); лит. Latavā, Lataka, Latekšna, Lātežeris, Lātupis, Laturp̄s, Latuva (LUEV, 87—88); лтш. Latupe, Latene (Endz., I, 2, 266); куршск. Lathnicken (KF, 118-119); ср.: Būga. RR, III, 514; Кузавинис, КСЗ, 85; 3) пр. Lukte, ср.: *Лукъ*. Ипат. летоп. (Ger., 91—92); лит. Lūkstas, ср.: Lukštā и др. (LUEV, 95); лтш. Luksts, Lukste и др. (Endz., I, 2, 346), ср.: *Лукты* (SBPAW, 1932, 21), м. б., сюда же куршск. Luckkene (KF, 123). Ср.: *Локъ Большая и Малая* в басс. Десны (ТТ, 193). Ср.: *Водоча* при Vadaktis, Vadakstis.

Гастижка — ср. *Гастижка* в басс. Днепра. См.: ТТ, 217, где допускается возможность объяснения и из балт. материала.

Дрогоча — ср. днепр. *Драготунь*, *Дорготня* и др. (ТТ, 184—185) и многочисленны балт. соответствия типа лит. *Драгумишки* (Спрогис, 101), Dargaiĉių km., Dargaitėlių km. (LATS, 667); лтш. Dardzeitės-kalns, Dargaiša-pļava (Endz., I, 1, 196).

Держа — см. LKK, II, 59.

Шутинка — лит. Šūtupis (LUEV, 168), Šutų km., Šutinių km., Šutonių km. (LATS, 962); м. б., куршск. Sutow (KF, 170)?

Городенка — помимо объяснений из слав. материала, ср. возможность связей с пр. Sardengodi (Ger., 152); лит. Gārdena,

Gārdinas, Gārdupis, Garduvā, Gārduva и др. (LUEV, 43), Gardėnų km. (LATS, 694); лтш. Gardenas-upite, Gardauņa, Gārdas (Endz., I, 1, 297); куршск. Garde (KF, 100). Ср.: Gardzień, Gardzienko и др. в басс. Вислы (HW, 752).

Лема — возможно, к *Лемна*, см. выше.

Орша — ср. *Орша* в басс. Днепра и соответствующий балтийский материал (Būga. RR, III, 505, 883; ТТ, 200).

Варник — пр. Warniken, Warnikaum, Warnye, Warnelin, Warnē, Warnaw (Ger., 197); лит. Varnākis, Varnakys, Varniukas, Varnukis, Varnakė, Várnaka, Vařnė, Vařnas, Varninė, Varnys, Varnupė, Varnupė, Várnaitis и др. (LUEV, 186—187), Varniķų km., Varniškių km., Varnių km., Varnutės km. и др. (LATS, 992—993). Ср. в басс. Днепра *Воронуса* по соседству с *Вороничей* (ТТ, 181; ср.: *Волчас — Волчица* там же), Warnow, Warnin в басс. Нарева и Дрвенцы (HW, 513, 602). Возможно, впрочем, и другое объяснение.

Кревка — лит. Krėvė (LUEV, 79), Krevinių km. (LATS, 766), Krevėliai; Krėvas (A. Vidugiris. — «Kalbos kultūra», 1969, № 16, 7); лтш. Kreve, Kreveļi, Kreveļu-purs и др. (Endz., I, 2, 133); м. б., сюда же пр. Krowen (Ger., 74)?

Ула Большая и Малая, ср. *Улла* в басс. Зап. Двины, *Улица* в басс. Днепра, Ulica в басс. Вислы (HW, 577), ср.: SF, 294. Ср., м. б., *Ола* в басс. Березины (ТТ, 199, 211; Būga. RR, III, 535).

Кашишка — возможна связь с *Коша* (см. выше), *Кушинский* л. п. Волги и др.

Лать — ср. *Лоча* (второе объяснение, см. выше).

Чечера — см. ниже.

Немда — см. выше.

Ломна — см. выше.

Туросна — см. ТТ, 210.

Луса — м. б., к *Лоша* (ТТ, 194); сюда же *Лусянка* (LKK, II, 59).

Кубрь — см. выше.

Каденка Б., местн. назв. (на Молодом Туде), — ср. пр. Kadinensis (Ger., 52), м. б., лит. Kadzių km. (LATS, 738), Kādiškis (LUEV, 65); лтш. Kades (Endz., I, 2, 3); м. б., сюда же Kodenianka в басс. Вепша (HW, 324)?

Чертомино, местн. назв. к зап. от Ржева — пр. Kertene, Kirtieunen (Ger., 61, 64); лит. Kertenys, Kertus, Kertušā, Kertuojaī и др. (LUEV, 73), Kertupio km., Kertojos km., Kirtiliškės km., Kirtukų vk. и др. (LATS, 755, 759); лтш. Kirtas (Endz., I, 2, 227), Cērtone, Cērtēles (Endz., I, 1, 164). Ср.: *Кармель* в басс. Сожи (ТТ, 190), *Чертолье* в Москве (?); заслуживает внимания суффикс *-ол-*.

Руница, *Рунский*, местн. назв. (вблизи границы с Новгородск. обл.) — см. выше *Руна*.

Чичаты, местн. назв. (к юго-зап. от Белого) — см. выше¹¹. В Смоленской области к востоку от верховьев Днепра (т. е. в бассейнах Волги и Угры) можно дополнительно указать среди прочих такие названия, как:

Гордота — см. LKK, II, 59; из балт. параллелей ср. пр. Sardotlawken (Ger., 152, ср. также: Sardengodi); лит. Gardena, Gárduva и др. (LUEV, 43); лтш. Gařdas и др. (Endz., I, 1, 297).

Лосьминка — см. *Лосменка*, *Лосьмина*, *Лосвина*, *Лосвянка* в басс. Днепра и балт. параллели (ТТ, 194).

Касня — см. *Касна*, *Касинка*, *Кощанка*, *Кошна* в басс. Днепра (ТТ, 190—191), а также *Коша* (см. выше).

Салик — пр. Salle, Salkow, Solkin (см.: Ger., 149, 168 с иной этимологией); лит. Salakai, Salinë, Sallinis, Salýtë, Salių upëlis, Salocių èžeras, Salôtë, Salà, Sàlantas и др. (LUEV, 141), Salako m. (LATS, 915); м. б., сюда же Salk, Salke в басс. Вислы (HW, 602); верхнеднепр. *Соля*, *Соленка* и др. (ТТ, 208, 209).

Жижала — пр. Gaygelyth (Ger., 34, ср.: Gegelawckenn, Ger., 39?); лит. Gaigàlis, Gaigalinis (LUEV, 41, ср.: Gëgë, Gëgis, Gegùlë, Gegùtupis. LUEV, 44?), Gaigalu km., Gaigalių km. (LATS, 690—691); лтш. Gaigala, Gaigali, Gaigulene, Gaigalava и др. (Endz., I, 1, 288; Dzëguze и др.?). См. SBPAW. 1932, 658; ср. также *Жажелка* в басс. Березины (Buga. RR, III, 549; ТТ, 187).

Сежа — пр. Segelen, Segilken, Segeniten (Ger., 154); лтш. Sëg'enieki (?).

Волоста — учитывая суффикс (ср. лит. Abista, Laukysta и др. или *Абеста* в басс. Днепра) и такое бесспорно балтийское название, как *Велеса* в басс. Западной Двины, правдоподобна догадка о балт. прототипе *Val-asta или *Vel-ista или *Val-sta; ср. балт. гидр. на Val-, Vel-. Ср. также: SBPAW, 1934, 363 (:vilksts).

Гжатъ — см. LKK, II, 59; ср. также пр. Gudeniten, Gudicus, Gudynyken (Ger., 47); лит. Gùdas, Gudëlupis, Gudinis, Gùdupis и др. (LUEV, 54), Gudaiëių km. и др. (LATS, 712, 713); лтш. Gudas, Gudeji, Gudëni и др. (Endz., I, 1, 336—337); куршск. Gudden (KF, 104).

Воря — см. ниже.

Яуза — см. ниже.

Истра — см. ниже.

Каспля — балт. *Kas-upe? Ср. пр. Kasewolx (Ger., 57); лит. Kasikas (LUEV, 70); Kasikënuų km. (LATS, 748). Ср.: Buga. RR, III, 527.

¹¹ Напрашиваются параллели даже к некоторым названиям к северу от Волги. Ср. в басс. Мологи — *Осень*, ср. лтш. Asiņupe, Asins, Aseņu, Asensupite и др. (Endz., I, 1, 43—44); *Мелечь* — ср.: *Мелечь*, *Мелечинка*, *Милч*, *Милеча*, *Молча* в басс. Днепра и соответствующие балтийские факты (ТТ, 151, 191, 192); м. б., сюда же Miliczka в басс. Вислы (HW, 784).

Угра — лит. Ugra (LUEV, 177), ср.: *Угр* в басс. Зап. Двины; менее правдоподобна связь с пр. Wogrim, Wugerim (Ger., 206); лтш. Uogres upë, Uogrëni и тем более с пр. Wangraria и под. См.: Buga. RR, III, 543.

В Калужской обл. дополнительно стоит отметить: *Плавия*, п. п. Упы, — лит. Plavys, Plāvos upëlis, Plavëlë, Plavëlis (LUEV, 126); лтш. Plavele (Plāvis, 118); ср.: *Плавия* в басс. Березины; Plavys ср.: Plawe (EOSON, II, 87; см.: «Baltistica», I, 2, 107) и др.

Далее следует обзор гидронимов Подмосковья. Источником материалов служила книга И. А. Здановского «Каталог рек и озер Московской губернии» (М., 1926) и приложенная к ней подробная гидрографическая карта¹². К сожалению, это ценное собрание материалов до сих пор не стало объектом лингвистического исследования. Правда, нужно напомнить о некоторой неполноте материала: отсутствуют названия исчезнувших рек (прежде всего заключенных в трубу в Москве), ряда притоков Москвы и Яузы в пределах города; не указываются многие названия рек, закодированные номером, а также более старые формы современных наименований.

Правдоподобно, что целый ряд собственно московских названий рек и ручьев так или иначе может быть сопоставлен с балтийскими названиями. Ср.:

Чермянка — пр. Kirmys, Kirmithen (Ger., 63); лит. Kirminynës upëlis, Kirmijà, Kirmëlÿnë, Kirmëliškë, Kirmëliupis и др. (LUEV, 75, ср. также: LATS, 759); лтш. Kïrmeņu-, Kïfmiņu-purvs, Kïrmeņulaïka, Kïrmeji, Kïfmis, Kïfmas и др. (Endz., I, 2, 226—227), ср. в басс. Вислы Czermianka (HW, 149).

Чечера — лит. Čičirë, Čičirÿs, Čičirių upëlis, Čičiraitis (LUEV, 25), Čičirių km., Čičirikų vk. (LATS, 662); лтш. Čičëcere (Endz., I, 1, 170); ср.: *Чечера* в басс. Сожи и Десны, в басс. Волги; в басс. Вислы (HW, 172, 176, 191—193, 214); ср.: Buga. RR, II, 22; III, 512; ТТ, 212¹³.

Рачка — лит. Rākija, Raketālis (LUEV, 131), Rakënuų km., Rakiškio km., Rakučių km., Rakutënuų km. и др. (LATS, 899—900); пр. Rekenike (Ger., 141); ср.: *Рача* в басс. Днепра (если только это не результат упрощения *Радча*, ср.: *Радея*); впрочем, возможны и иные объяснения.

Сара — пр. Sarare (Ger., 152); лит. Sarià, Saraitis и др. (LUEV, 142); ср.: *Саро*, *Сария* (*Сарьянка*) в басс. Западной Двины. Впрочем, есть сведения, что название связано с городом *Сараем* (ср.: Крутицкое подворье в связи с *Сараем*); другой вариант

¹² Расположение материала в статье отражает последовательность появления гидронимов в «Каталоге» И. А. Здановского. Для более точной локализации указывается номер (в скобках после названия), указываемый И. А. Здановским.

¹³ Ср.: Monte Cesegi около Фьезоле, воспетую Боккаччо (*Keker-).

объяснения содержится в «Сказании о зачатии Москвы и Крутицкой епископии» (*И тамо обрете во острове мужа именем Сара земли Иверские*. . . См.: «Повести о начале Москвы». Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964, 247, 250, ср. также: 159). Ср., наконец, *Сара, Сора* и т. д. с объяснением из финно-угорск. (ВЯ, 1969, № 5, 43).

Бубна — пр. Bubain, Bubeinen (Ger., 23); лит. Bubainys, Būbinas, Bubinālis, Bubienikas, Bubà (LUEV, 22); лтш. Bubene, Bubas и др. (Endz., I, 1, 138); ср. иллир. Buban, Bubant (Mayer, 101).

Пресня — ср.: *Пересна* в басс. Днепра и балт. параллели к ней (ТТ, 201).

Чертолье — м. б., не из *Черторье* (как обычно считают); ср. выше *Чертолино* с балт. соответствиями (ср.: *Чертановское*, ДДГ, 198 и др.).

Хапилровка — учитывая имеющиеся случаи субституции начального S- через X-, ср. пр. Sapoliten, Sapelle, Sepeliten, Sapoliten (Ger., 151, ср.: Sapoten); лтш. Sapālene pl. (Plāķis, 159) и др. Ср.: *Хопилева слобода* в Боровск. у. (ДДГ, 46), *Сапелка*, *Сапелинский* в басс. Днепра (Машт. Днепр., 15, 137, 230).

Нагатино — ср.: *Ногатинское*, *Ногатинская заводь* и под. (ДДГ, 8, 9, 46, 48, 72, 196), днепр. *Нагатъ*, *Негатъ* и др. при пр. Nogothin (Ger., 108); лтш. Negātne (Endz., I, 2, 475); ср. в басс. Вислы Nogat, Nogata (HW, 763, 788, 789, 795, 797), Nogothin, 488 (см. ниже).

Стромынка, назв. улицы по селу *Стромынь* к вост. от Москвы (ср.: *Стромыня*, *Стромынино*. ДДГ, 223, 394) — ср. пр. Stromke, Stromyke, Stromyk (Ger., 175); лит. Strōmis, Stromėlė (LUEV, 156, м. б., Stramys, 155), Stramyliū km., Stramyliškiū km. (LATS, 940); лтш. Straume, Straumene, Stroeme (Blese, 259; личные имена, ср. лтш. straume?). Ср. польск. Strominki (SNPZP, I, 313); Straminke, aqua Stromineke (EOSON, II, 15; ср.: «Bal-tistica», I, 2, 109).

Неглинная, ср.: *Неглимна* (ДДГ, 46, 50, 347, 371) — *Neglim-in- < *Ne-gilm-in? К корню см. пр. Gilmen (Ger., 41); лит. Gelmynas; лтш. Dzelme, Dzelmes-ure и др. (Endz., I, 1, 251); см. ниже *Желема* (1439) и др.; другой вариант — *Ne-glum-in-? К корню см. пр. Glumen (Ger., 43); лтш. Gluma, Glumji, Glumāduobe, Glumikene pl. (Endz., I, 1, 310).

Ввиду такого «внутреннего» контекста Москвы¹⁴ и ее внешнего окружения с несомненными следами гидронимии типа сходного с балтийским здесь целесообразно высказать некоторые со-

¹⁴ Некоторые подозрения в опосредствованной связи с балтийскими названиями можно обнаружить даже в таких московских названиях, как *Кудуй*, *Кашенка*, *Ходынка*, *Сивка*, *Чура*, *Варгуниха*, *Чертаново* и др. Подробнее об этом — в другом месте. О *Сетуни*, *Яузе* и др. см. ниже. Ср.: *Кудрино* при лит. kūdga 'лес на болоте', блр. *кудра* и под.

ображения по поводу возможного происхождения самого имени *Москва*. К сожалению, многочисленные попытки объяснить название *Москва*¹⁵ заключались, как правило, в поисках соответствующего апеллятива. Элементу *-ва* внимание уделялось только в связи с утверждением о принадлежности слова к старым основам на *-й* или в связи с попыткой найти здесь отражение финно-угорского слова, сопоставимого с коми *ва* 'вода'. Игнорировался тот факт, что гидронимы на *-ва* располагаются к западу от р. Москвы и практически отсутствуют на востоке от нее. Что касается гидронимов на *-ва*, уходящих на запад и юго-запад от Москвы, см. для Верхнего Днепра ТТ, карта 4 (16 названий к северу от 52° северной широты¹⁶): *Водва*, *Надва*, *Дедва*, *Болава*, *Титва*, *Дрезва* и др. Значительная часть их (и притом наиболее достоверная) имеет надежные балтийские соответствия, см.: ТТ, 166—168. Пояс верхнеднепровских названий на *-ва* органически переходит на территории Прибалтики (Латвия, Литва, Пруссия) в пояс гидронимов на *-uva* и *-ava*, нередко конкурирующих друг с другом в названиях одного и того же корня¹⁷, и гораздо реже *-va*. Между верховьями Днепра и устьем Москвы отмечено лишь три названия на *-ва* (*Москва*, *Протва* и *Смедва*). Они естественно продолжают верхнеднепровские названия с тем же формантом, причем *Протва* и *Смедва*, по-видимому, объясняются из балтийского (см. ниже). Поэтому не лишено известных оснований намерение видеть в старом названии *Москва* продолжение формы близкого к балтийскому типу *Mask-uva (ср. характерную субституцию в лтш. Maskava, ср. лит. Varšuva; Warszawa и под.).

Далее следует указать на правдоподобность предположения, согласно которому дублетом к гидронимическому *Моск-* нередко выступает *мозг-* (и *моц-*)¹⁸. Помимо известных уже примеров это предположение может быть до известной степени подкреплено анализом расположения днепровских гидронимов на *Моск-* (ср.: Машт. Днепр., 83, 90, 100, 112 и др.; «Книга Большому чертежу», 65, 110, 111) и на *Моц-* (Машт. Днепр., 50, 73, 114, 132,

¹⁵ См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 660—661.

¹⁶ Гидронимы на *-ва*, лежащие в бассейне Днепра и Днестра существенно южнее, несомненно, иного происхождения (ср.: *Ижава*, *Лукава*, *Чажава*, *Полжава*, *Тыжава*, *Муражава*; *Моства*, *Жерства*, *Ипатва*, *Голтва*; *Чечва*, *Ничва*; *Котельва*, *Гульва*; *Варва*, *Вырва*, *Прирва* и др.), см.: НПУ, стр. 68 и сл. Исключение — *Митва* (*Мытва*), пп. Припяти.

¹⁷ О них см.: А. Вангаас. Образование названий рек Литовской ССР. Вильнюс, 1966; В. Н. Топоров. — КСЗ, 82—83; Ger., 258—259 и др. Ср. также: В. Кálmán. Etymologisches aus dem Gebiet der obugrischen Sprachen. — UAJb, 1959, № 31, стр. 144 (Der wogulische Name der Stadt Moskau).

¹⁸ См.: П. Я. Черных. К вопросу о происхождении имени Москва. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1950, кн. 5, стр. 393 и сл.; О п же. О некоторых старых названиях рек. «Мовознавство», 1957, т. XIV, стр. 96—98. Ср. также: S. R o s p o n d. Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -ysk-. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, стр. 188.

158, 201, 216, 225 и др.); не исключено, что вариантом *mozg-* в ряде случаев может выступать *мож-*¹⁹. Не менее показательны и такие скопления в самом тесном соседстве, как: Maskalis, Mozgawka, Mozgawa (она же *Muscawa* в старой записи) в одном месте бассейна Ниды (по Висле), см.: HW, 134—135; ср.: Mózgowskie Jez. и его варианты Nosgowicz (Mosgowitz, Mosgau See), см.: HW, 753. Вместе с тем *Моц-* неоднократно выступает в чередовании или в непосредственном соседстве с *мост-*²⁰. Мена *-ск-*: *-зг-* хорошо известна и в глаголе, корень которого, по меньшей мере, омонимичен корню разбираемых гидронимов; ср.: *москотать* 'стучать долго, все постукивать'²¹, 'лепетать скороговоркою' (лоскотать?). Даль при *mozgotátъ* 'молотъ вздор, болтать, толковать по пустякам', 'улепетывать, бежать'. Даль (ср.: *mozgotýn*, *mozgotný*, *mozgnя* и др.). Если учесть еще *mozgnуть*, *mozglýи* с идеей мокрого, слякотного, гнилого, то напрашивается до сих пор упускавшееся из виду сравнение с целой семьей балтийских слов, у которых согласный исход также обнаруживает широкую вариативность. Вот лишь несколько примеров.

К значению 'бить, ударять, постукивать' (с дальнейшим развитием 'болтаться', 'приходить в неупорядоченное движение', 'смешиваться'²² и под.) — лит. *išmaskatúoti* 'išplakti'; 'išskalauti, laisvai plakant, vandenyje'; ср. характерные контексты, кстати, связанные с жидкостью: *mieste atneša išmaskatúotą pieną; rūbus vandeny išmaskatāvo; įbrido vandeniū, išmaskatāvo maršką. LKŽ, VII, 892; makuoti* (mama kisielių makaloja; nemakuok, gražiai maišyk!; nemakaluok, sudrums vandeniū и др. LKŽ, VII, 769), *makali* (*makalỹ, makalỹ* ir susimušę sviestas, susimakalavo)²³; *mastėgóti, mastieguoti, mastigúoti, mostagúoti, mostigúoti* (su savo lazdoms tas inastiegavo; kardu mastėgóti и

др. LKŽ, VII, 896) и даже *mazgóti* с еще присутствующей идеей плесканья, полосканья в воде (см.: LKŽ, VII, 958—959).

К значению 'болтать (языком)'²⁴ — лит. *maskātas* (to *maskāto* aš nenoriu ir klausyt; ji tokia maskatė, nieko daugiau nežino, tik liežuvių loti и др. LKŽ, VII, 890—891), *maskatúoti* (tu su savo liežuviu maskatúoji, nėra ir galo; aš jo nė neklausau: vis maskatúoja tą patį su liežuviu; ka čia niekus maskatúoji, geriau nutiltum! и др. LKŽ, VII, 891); *makaluoti, makaloti, makaliuoti* (ka makals makaliuo, nė suprast negal, ką šnek; liežuvis makalojo, o širdus plakė; na, užteks liežuviu makalot; ar nenustosi liežuviu makaluoti и др. LKŽ, VII, 457, 769—770), *makalỹnė* (eik tu, makalỹne, aš tavo kalbos nesuprantu: LKŽ, VII, 769)²⁵; ср. идею запутанности, связанности, переплетенности в *mazgióti, mazgýti, mezgioti, mezginėti* и др., но без непосредственной связи с процессом говорения.

К значению 'бежать', 'убегать', 'идти' — *maskatúoti, maskatinėti, iš-, numaskatuoti* (jis maskatāvo greitai į miestą; tris kilometrus maskatuoji į lauką; po vinčiovonei kožna šalis į savo namus maskatinėj; kur toji maskatė daba išmaskatāvo?; tokį tolimą kelią be jokio reikalo numaskatavai и др. LKŽ, VII, 891—892), *maskātas* (*maskāte, turėk galvą — judini ir judini, negaliu šukuoti!* и др. LKŽ, VII, 890); *makaluoti, makalioti, makaldúoti* и др. (*mums... būtų gėda, arklį pasikinkius, miestan makaluoti; makaluoji ir makaluoji į tą Kauną...; teko makaliotis baba; nepasėdi namie — makalduoja ir makalduoja* и др. LKŽ, VII, 768—770)²⁶; ср. идею ограниченного и разнонаправленного движения в *mostigúoti* и под. (=махать) или идею начала и конца движения в *atmėgzti — numėgzti*.

К связи со значением жидкого, мокрого, слякотного и т. п. ср. помимо приведенных выше примеров (*maskatúoti, makuoti, makalioti* во фразах типа *teko makaliotis baba* (где *makaliotis* = *makoti*)²⁷, *makuoti* в применении к перемешиваемой жидкости и, конечно, прежде всего *mazgoti* 'мыть' и его производные.

Таким образом, речь идет об определенной балто-славянской параллели²⁸, суть которой заключается в том, что формально

²⁴ Собственно, 'бить, трепать языком'.

²⁵ Ср.: *makaruoti* (jis liežuviu makaruoti ir temokat. LKŽ, VII, 457).

²⁶ Ср.: *makaruoti* и др. (*mes visą laiką po Suvalkų guberniją makarāvom; sunku makaruoti purvu; mergos numakaravo per sodžiu ant šokių* и др. LKŽ, VII, 772—773).

²⁷ Слова с корнем *mak-* также отражают некоторые из значений, прослеженных для слов с основой *maskat-*, *makal-*, *makar-*, *mazg-*, *mastig-/mostag-* и т. д. Ср.: *maklenti* 'поспешно идти', 'бежать', 'бежать покачиваясь', *makoti* 'топтать густую грязь', *maknà, makōnė, maklỹnė* 'грязь', 'слякоть', *maknỹs* 'зайка', 'косноязычный' и т. п. Ср. также: *makatuoti, makāsyti, makmalis, makniaúka, maklinėti, maknóti* и многие другие слова на *mak-*.

²⁸ Следует указать и лтш. *maskuluótiēs* 'sich zusammendrehen in einem Haufen' (ME, X, 784), *maknīt* 'rühren' (ME, X, 779), *mazgāt* (ME, X, 787) и др.

¹⁹ В качестве альтернативы к *Можя*, *Možanka* на Верхнем Днепре: балт. *Mažoja (ср.: *Būga. RR, I, 418; Vasmer. SBPAW, 1932, 658; TT, 196*) можно, видимо, думать и о лит. *Mazgių km., Mazgeliškių km.* (LATS, 804), лтш. *Mazgi* (Endz., I, 2, 386), т. е. о **Mazg-ep-* как источнике этих днепровских гидронимов.

²⁰ Помимо днепровских примеров ср. в басс. Вислы: *Moszczańiec* (*Moszczeniec, -nica*): *Mostki* (HW, 238); *Moszczona: Mostówka* (HW, 409, 410); *Moszczenica* (*Moszcanka*), *Mościenica: Mostki* (HW, 564, 565) и др. Следовательно, не прав П. Я. Черных («Мовознавство», 1957, т. XIV, стр. 96), категорически отвергая связь *Моц-* и *мост-* на русском материале. Ср. также: лит. *Māstis, Māstupis, Mastūlupis* (LUEV, 98); лтш. *Masts, Mastene, Masta-purvs* (Endz., I, 2, 381) и др. (ср. лит. *tiltas*, лтш. *tilts* 'мост').

²¹ Ср.: *mozgonýtъ* 'сильно ударить' (*Уж ён его как мозгонё. Даль*), *можжитъ*, *можжити* 'бить или толочь до раздробления', 'плющить', укр. *москати* 'бить, стучать' (*Коваль москае молотком. Гринченко, II, стр. 447*).

²² Ср.: *взбить сляки*.

²³ Ср.: *makaruoti, makariuoti, makāryti, makāras, makaras* и др. (ar nemakārysi tas kates lauk; na, aš aną velni makārysu; paink, makara tiems melagiams, duok stačiai į galvą. LKŽ, VII, 771—772).

близкие комплексы *mask-, *mazg-, *mast-, *mak- и т. д. образуют кругом так или иначе связанных друг с другом приблизительно одинаковых (для балтийского и для славянского) значений²⁹. В свете этих данных привлечение при анализе гидронима *Москва* названий типа *Мозг-* (*Мож-*), *Мост-* (*Моц-*)³⁰, *Мок-* (*Моч-*) оказывается вполне естественным и необходимым. В частности, не исключено, что словообразовательная модель гидронима *Москва* прояснится от сопоставления этого названия, с одной стороны, с апеллятивной лексикой типа русск. *моква*³¹, укр. *мока́*, словацк. *mokva* (ср. чешск. и словацк. *mokvati*), польск. диал. *tokwa* и даже словацк. *moskva* 'мокрый хлеб' (в зерне)³² и, с другой стороны, с гидронимами типа *Маска*, п. п. Дубны (Моск. обл.). Отношение *mok-*: *mok-g-* может служить некоторым подспорьем в объяснении названий на *Моск-* (*Mask-*) с элементом *-g-*, ср. польск. *Moskorze*, *Moskorzyn*, *Moskorzynka*³³, *Moskorzew* и под. (при *Moskiew*, *Moskwina*, *Moskowo* и под.) при пр. *Maskarit* (Ger., 94 едва ли правильно связывает его с лит. *Meškeris*).

В свете до сих пор сказанного балтийские ассоциации названия *Москва*, возможно, не покажутся излишне смелыми.

Ниже следуют гидронимические материалы по Подмосковию, на основании которых, видимо, и должен решаться вопрос о наличии в этих местах балтийского элемента. Следует напомнить,

²⁹ Понятно, что слова, включающие в себя перечисленные комплексы, и в балтийском и в славянском обнаруживают креолизацию формы и значения, ср. отчасти: Е. Ф а е п к е I. LEW, I, стр. 398 (s. v. *màkaluoti*). В этой связи хотелось бы думать, что русск. (и старорусск.) *мо́скоть*, *мо́скотилие* (ср.: *мо́скотильный*, *мо́скотельный*) связаны с семьей литовских слов на *mask-*, к словообразованию ср.: *maskatà* (*màskat*, *maskatài*, *maskatū* и под.), *maskatàila* и др. Это очевидное, но до сих пор не отмечающееся соответствие, разумеется, не снимает вопроса о возможности дополнительных влияний со стороны голл. *muskaat* или нем. *Muskat(e)* из ср.-лат. *muscatus*, итал. *muscatellum* (*vinum*) и под. См.: М. Ф а с м е р. Указ. соч., II, стр. 661. Следует напомнить, что уже Г. Ильинский (*ZfslPh*, № 4, стр. 104 и сл.) сравнивал *мо́скоть* с *Москва*. Ср. также польск. *Moskotowo* и др.

³⁰ В известном отношении славянские названия на *Мост* равнозначны литовским на *Mazg* (от *mazgas* 'узел', *mazgoti*, *mazgyti* 'связывать, завязывать').

³¹ Ср. *Мо́сква* в ряде говоров (ср.: *Бей в дбску, вспоминай Мо́скву* — в рифме).

³² Ср.: V. M a s h e k. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957, стр. 304; М. Ф а с м е р. Указ. соч., II, стр. 639; R. J a k o b s o n. «Selected Writings», II. The Hague — Paris, 1971, стр. 635. — По свидетельству Тредиаковского местный люд называл р. Москву *Сморобинной* (ср. еще в песне: *Во Москве-реке Смородине и р. Смородинку* на ю.-в. Москвы). Местность к югу от Кремля (*Великий луг, Болото, Балчуг*, от татар. 'грязь'), ежегодно заливавшаяся весной водою, часто сохранявшейся до середины лета (ср. *Кадаши*), наиболее отвечала бы обозначениям через *Моск-*, *Мозг-*, *Смород-*.

³³ См.: S. R o s p o n d. *Słownik nazw geograficznych Polski Zachodniej i Północnej*, cz. 1. Wrocław — Warszawa, 1951, стр. 199. Может быть, сюда же и *Muscherin* (EASON, I, 146, ср.: *Mescherin/Mesceryn*) при *Muskow*, *Muscaua*, *Muscowe*, ср. ст.-польск. *Muscowicy* и т. п. (EASON, I, 164).

что материалы приводятся здесь с таким расчетом, чтобы из всей массы случаев, включая и периферийные и даже иногда весьма сомнительные³⁴, можно было выделить наиболее достоверное ядро. Таким образом, в словарь вошли: 1) названия с отчетливой балтийской этимологией, имеющие гидронимические соответствия в балтийских областях; 2) названия, которые интерпретировались как балтийские, когда они находились в Верхнем Поднепровье; 3) названия, которые могут объясняться как балтийские с той же, по крайней мере, достоверностью, что и славянские; 4) названия, которые, не будучи, скорее всего, балтийскими, тем не менее обнаруживаются на балтийских территориях; 5) названия, которые формально сопоставимы с балтийскими, но находятся там, где нет основания предполагать наличие балтизм.

ГИДРОНИМЫ ПОДМОСКОВЬЯ

Шоша (2), п. п. Волги — м. б., лит. *Šašulys*, *Šašuolà*, *Šašuõliù ežeras* (LUEV, 162), *Šašiu km.*, *Šašenu km.*, *Šašeliù km.*, *Šašaičiu km.* (LATS, 949); ср. к сведению: лит. *Šešupė*, *Šešupys*, *Šešupis*, *Šešuvà*, *Šešuvis* и др. (LUEV, 263). Ср.: *Szeska Struga* (басс. *Нарева*), HW, 519, из **Šeš-isk-*?

Таратынка (8), п. п. Шоши — м. б., лит. *Tartupio km.*, *Tartališkio km.* (LATS, 965); ср.: *Tart-*: *Tar-ut-* (*Тарутино*; *Tarùtis*. LUEV, 171; *Tarutlaukio vk.*, *Taručiu km.* LATS, 965, ср.: *Таруса* и др.). **Tart-un-*?

Дойбвица (10), п. п. Шоши — не исключено: пр. *Dauben*, *Daubel*, *Doubeniken* (Ger., 26, 30); лит. *Daubà*, *Daũbas*, *Daubėlė*, *Daubinis*, *Daubùlis*, *Daũbupis*, *Dauburys*, *Daubùtė* (LUEV, 27), *Daubiškiù km.* и др. (LATS, 668), *Довбуриц* (Спрогис, 98); лтш. *Daũba*, *Daũbas*, *Daube*, *Daũbele*, *Daubars*, *Dauburs* и др. (Endz., I, 1, 197); ср.: *Дубречь*, *Дубосьня*, *Добысна* в басс. Днепра (ГТ, 184—186), *Daub*, *Dauba*, *Dauben* (HW, 621), *Dubene*, *Dubenitze*, *Duberitz*, *Dubberow*, *Dubessow* (EASON, I, 14, 113, 129, 148, 171; II, 35 и др.); **Daub-ik-*? (ср. лит. *Dũbikė*, *Dubikė*, LUEV, 33; лтш. *Dubikis*, *Dubiks*, *Dubikš-leja* и пр.). Менее вероятны связи с названиями типа *Долбока* (о них см.: НПУ, 122).

Ушибца (18), л. п. Ведомы — производное от *Ушба, которое, м. б., связано с лит. *Užupis* (LUEV, 182), *Užupio km.*, *Užupiu km.*, *Užupės km.*, *Užupėnu km.* и др. (LATS, 982); лтш. *Aizupe*, *Aizupes*, *Aizupite*, *Azupe* и др. (Endz., I, 1, 12); **Už-ùp-ik-*, к префиксу ср.: *Успол* (**Už-pal-*), *Усперт* (: **Už-pert-*) в басс. Днепра (ГТ, 211).

³⁴ По этой же причине достаточно широко используются объяснения альтернативного характера.

Льгошь (28), л. п. Руссы — помимо чисто славянской этимологии ср. возможность объяснения из балт. форм типа *Lig-ast-, ср. пр. Lygen, Ligeyn, Ligenithen, Ligoranie (Ger., 88), лит. Lygūtis, Lýgė, Lygenė, Lỳgnos upālis, Lygumà (LUEV, 93), Ligėnu km., Liginių km., Ligučių vk. (LATS, 789); лтш. Ligati, Ligatne, Ligāni, Ligstona, Līga, Līganums, Līgaiņu-mežs, Līdžēnais и др. (Endz., I, 2, 319); куршск. Lygen (KF, 121); ср.: *Льгоша* в самом верховье Днепра. Наконец, ср.: *Польга* (1254), п. п. Нары, и *Палигина* (407), п. п. Истры.

Русса (29), вблизи Льгощи и Лоби, — пр. Russa, Russe, Russien, Rusele, Ruse-moter, Rusow, Russenig (Ger., 146—147; едва ли сюда же Ruske: лит. Rūškis, Raūškas); лит. Rūsnė (LUEV, 140); куршск. Rūsse, Rōsse (KF, 148). Ср. в басс. Днепра *Русятка* / *Рысятка* поблизости с *Руска* / *Русска* (ТТ, 205—206; ср.: *Руза*, л. п. Москвы), возможно, в басс. Вислы Russe See (HW, 606, с дальнейшим переосмыслением) и к западу от Вислы Russow, Russose (EOSON, I, 83, 84; МН, 131). *Rus-, *Raus-. Менее вероятна связь с названиями финск. происхождения в топонимике Севера с элементом Рус- (*Русемень*, *Русома*, *Русинга* и др.).

Калатинский (31), л. п. Руссы — пр. Colitten (Ger., 69, ср.: Kolkaum, Colenen, Colisten, Calis, Kalow, Calyen); лит. Kalýtinis (LUEV, 66, ср.: Kālės Skalbyklà, Kālpupis; Kalenu km., Kalotės km. LATS, 739—742; LUEV, 65—66), *Калита* (Спрогис, 125, 140), *Калиты* (Сп. Ков. г., 213); лтш. Kalēti, Kalīte, Kalītis и др. (Endz., I, 2, 15, 16, ср.: Kaliņš, Kaliņi, Kale, Kalaiņu-ciems и др.); Mazkalētu уре (Plāķis, 38); куршск. Kalatenn, Calaten, Kalaten (KF, 108 с неверной интерпретацией, ср. также: Khalen). Ср.: *Калита* в басс. Сожи (ТТ, 190), Kalitka в басс. Двренцы (HW, 637), а также Calant, Kalant, Kalenth (МН, 19, 71; EOSON, II, 21), Calitz (МН, 16, 71; Meckl., II, 21), Kalen (МН, 16, 71 и др.). *Kal-e(n)t-, *Kal-i(n)t-.

Лобь (37), п. п. Шоши — возможны разные варианты объяснения в зависимости от вокализма: 1) пр. Labaun, Labalaucs, Labelawk, Labelles, Labiten, Labota, Labūne (Ger., 79—80); лит. Labė, Labà, Labupė и др. (LUEV, 85); лтш. Labas, Labais-purvs, Labēji, Labeji, Labēni, Labiņi и др. (Endz., I, 2, 243, 244); куршск. Labbar (KF, 115)? ср.: *Лабаровка* в басс. Днепра (ТТ, 192), *Лабичь*, *Лабезна*, *Лобно*, *Лобчанка* и под.; Łabna, Łabno, Łabunų и т. д. в басс. Вислы (HW, 518, 525 и др.); Labbin, Labbun, Labune, Labene к зап. от Вислы (МН, 98; EOSON, I, 125) и др.; 2) пр. Lobun, Lobekaume (Ger., 90); лит. Lobà, Lobas, Lobinis (LUEV, 94); куршск. Lobe (KF, 122, с иным объяснением), ср.: LKK, II, 59; 3) пр. Lubaun, Lubano, Lubekaum, Luben, Lubynen, Lubowe (Ger., 91); лит. Lubinis, Lubėlis, Lūbupis (LUEV, 94—95), Lubių km. (LATS, 794); лтш. Lubas, Lubes, Lub-ezere, Lubāns, Lubene, Lubija, Lubīte, Lubine и др. (Endz., I, 2, 342, 343); куршск. Lubessemen (KF, 123); ср.: *Лба*, приток

Обши (Būga. RR, III, 528—529; ср. также: SBPAW, 1932, 662, *Лобно* в басс. Днепра (ТТ, 192), *Љба* в басс. Вислы (HW, 590), *Љбнія* и др. Ср., наконец, *Лобня* (1551), л. п. Клязьмы, *Лубянка* (873) и др.

Карчевина (43), п. п. Лоби — помимо объяснения из слав. материала ср. пр. Carczemidicz, Karkainis, Karke, Karksterkin (Ger. 56, 57) или Korken, Korkynne (Ger., 70); лит. Kačėiupis, Karėiupys, Kačėupis (LUEV, 68), Karėių km. (LATS, 746) или Kačkės-upėlis, (LUEV, 68), Karkiškių km. (LATS, 747); лтш. Kačkas, Karkis и др. (Endz., I, 2, 52), м. б., куршск. Karkele и Karckelwalck (KF, 111; если не к лтш. kārklis). Ср.: Kark (HW, 530), Karckhetze (МН, 54) и др.

Шершня (48), л. п. Лоби — не исключена связь с гидронимами типа лит. Širkšnė, Šerkšnė, Šerkšnà, Šerkšnys, Šerkšnupis, Širšupis и под. (LUEV, 163—165), Šerkšnių km., Šerkšnėnu km., Širšuliškių vk. (LATS, 951, 957); лтш. Širšniņu pl. и др. (Plāķis, 118).

Идетель (55), л. п. Лоби — неясно. М. б., из *Издедель < *Išdeg-el-? Ср. лит. Išdagelių km., Išdegos vk., Išdagų km., Išdagiečių km. (LATS, 719), Išdaga, Išdagas, Išdagynė, Išdagis, Išdagų upėlis (LUEV, 58); лтш. Izdega, Izdegas, Izdegi, Izdegums, Izdegušo purvs, Izdedzene (Endz., I, 1, 369); куршск. Yssdeggen (KF, 105). Ср., однако, *Идетемле*, а также названия Trifolium pratense L. типа слвц. det'elina, d'at'elina, dedelina, tetelina, g'ete-lina, польск. dzięcielina и под. О них см.: E. Tvrdoň. — «Slavica Slovaca», 1969, № 4, 75—76.

Лама (63), п. п. Шоши — м. б., пр. Lamen, Lameynen, Lamegarben, Lamasila, Lamnoten (Ger., 81); Lomà, Lomenà (LUEV, 94, ср.: Lamėstas, 86), Lomių km., Lomenių km. (LATS, 794, ср.: Lamatu vk. и др., 779); лтш. Lami, Lamiņu, Loma-purvs (Endz., I, 2, 254, 340); куршск. Lammato (KF, 116). Ср.: *Ломна*, *Ломня*, *Ломенка* (ТТ, 193); Łomne, Łomno (HW, 586); Łome, Łomen, Łomene и др. (МН, 95, 96; EOSON, II, 95) и др.

Матренка (64), п. п. Ламы — м. б., поздняя переделка названия, связанного с пр. Moter (Motirn, Motren), Mūter (Ger., 102, 103); лит. Mataryčią, Matāriškis, Matarū šžeras (LUEV, 98), Matarnų km., Matarakų km. (LATS, 803—804); лтш. Matari, Matriņa, Mātriene (Endz., I, 2, 382, 383); ср.: Matter See (Matterschoben See) в басс. Нарва (HW, 528). Едва ли сюда *Мотырь*, л. п. Псла (см. о нем: НПУ, 237, 257). *Mat-(e/a)r-?

Городня (70), п. п. Бесовки, п. п. Ламы — при объяснении следует помнить и о балт. типе, отраженном в пр. Sardengodi (Ger., 152); лит. Gārdena, Gařdinas (LUEV, 43); лтш. Gārdienes (Endz., I, 1, 297); ср. куршск. Garde (KF, 100); *Городня*, *Городенка* в басс. Зап. Двины и в верховьях Волги; м. б., Gardzień (Gardinsche See, Garden See), Gardzienko, Gardenflies (HW, 752, 761); Gardin, Gardene, Gardna и др. (МН, 55; EOSON, II, 67).

Ср.: *Городянка* (189, 368, 750, 1074), *Городня* (354), *Городенка* (1068, 1246, 1314, 1494; ср.: *Būga. RR*, III, 741). **Gard-in(-en)*.

Чисьмена (104), п. п. Б. Сестры — возможно, что речь идет о названии родственном пр. *Kissenitten* (м. б., и *Kyssellen*, *Kisus* и даже *Kiszeyn. Ger.*, 65); лит. *Kisò, Kisupè* (LUEV, 75), *Čisavà* (LUEV, 25; ср.: *Кузавинис, КСЗ*, 85); лтш. *Čišėni, Čisėnes-pļava*, особенно *Čisums* (Endz., I, 2, 228, 235) и т. д. с суфф. -men/-мена (ср. пр. *Gilmen*, лит. *Граменà* и т. д.). Ср.: *Чиха* в басс. Днепра (*Būga. RR*, III, 514, 521; ТТ, 212); *Kisywa, Kyswa* (HW, 365)? *Kissow* (EOSON, I, 110; МН, 22)? Не исключена связь с названиями севера России типа *Киснема* (> *Кисмена, ср.: *Кисема*), *Кисматка* и под.

Сморжинка (114), л. п. Локнаши³⁵, п. п. Б. Сестры — м. б., к лит. *Smurgiu km.* (LATS, 932), *Smurgainè*, блр. *Сморгонь*, возможно, *Шморговка* (и *Сморговка*) в басс. Десны (ТТ, 213). Другое (хотя и менее допустимое) объяснение: из **Smard-i-*, ср. пр. *Smorde, Smordin* (Ger., 166); лит. *Smàrdonè, Smàrdupis* (LUEV, 152), *Smardalynès vk.* (LATS, 931); лтш. *Smārda* и т. д. (чаще с нулевым вокализмом *Smird-*). Ср.: *Сморжиновка* в басс. Днепра (Машт. Днепр., 181); *Smordy, Smordin, Smorden* (HW, 604); *Smardin, Smardowe* (EOSON, II, 20). **Smurg-in-*, **Smard-in-*?

Селеня (155), л. п. Ламы — м. б., к пр. *Sellen* (позднее — *Sollain-en, Ger.*, 155); лит. *Selenėliu km.* (LATS, 920); ср. лтш. *Sele* и др.; или же: пр. *Siln, Sillen, Sillikaym, Silleniken* (Ger., 156—157, с иным объяснением); лит. *Silininku km.* (LATS, 923), *Silurpis* (LUEV, 146); лтш. *Siliu up, Silėna aīsa pļ., Siliņupuors, Silene pļ.* и др. (*Plāķis*, 9, 88, 124, 174 и др., ср. личные имена *Sillenik* и др. *Blese*, 247); куршск. *Sillen* (KF, 161; впрочем, возможно и другое объяснение). Ср. в басс. Москвы *Силника; Силенка*, в басс. Днепра (ТТ, 207), ятв. *Silina > *Šlina* (иначе Ger., 165; ср. также: *K a m i ņ s k i.* — «*Wiad. Archeol.*», XXIII, 2, 1956, 131 и сл.; HW, 425); *Selene, Silene* (EOSON, II, 32); **Sel-en-*, **Sil-en-*; ср.: *Селитенка* (1182). **Sil-in(-en)*, **Sel-in(-en)*?

Колпяна (169), л. п. Ламы, с притоком *Колпяна* (178) — подобно тому, как днепр. *Колпита* сопоставлялась с пр. *Gulbiten* (ТТ, 191), это название м. б. соотнесено с пр. *Gulben* (Ger., 47); лит. *Gulbinas, Gulbinè, Gulbinis* и др. (LUEV, 54, ср.: LATS, 715); лтш. *Gulbene, Gulbini, Gulbau-pļava, Gulbiņe* и др. (Endz., I, 1, 338), ср. куршск. *Gulbe* (KF, 104); *Gulbiener See* (HW, 753) при *Kořpino jez.* (HW, 387), ср.: *Kolpin* (EOSON, II, 63), *Kolpinu* (МН, 81) и др.

³⁵ Хотя для днепр. *Локна, Локня, Локнянка, Локнея, Локница* есть определенные балт. соответствия (*Lukn-*, см.: ТТ, 193), *Локнаша* (110), п. п. Б. Сестры, и *Локнош* (122), п. п. Б. Сестры, едва ли следует возводить к формально возможному прототипу **Lukn-as-*, **Lukn-us-*. Ср. также: *Łoknica* (HW, 417), ср.: SF, 289.

Городянка (189), л. п. Ламы — см. *Городня* (70, 354), *Городянка* (368), *Городенка* (1068).

Держа (194), п. п. Волги — пр. *Dirsowe, Dirsunikaym* (Ger., 28); лит. *Diržiu km., Diržų km., Dirž(i)onių km.* (LATS, 677), ср.: LKK, II, 59, или же: лит. *Dergintas, Dėrgionių ėžeras* (LUEV, 29, LATS, 674); лтш. *Deřdzes, Dėrdziņu-ciems, Dėrdžanu-ezers* и др. (Endz., I, 1, 209); ср. в басс. Днепра *Дережна, Дерезенка, Деражня, Деряжина* (ТТ, 182); *Derazina* в басс. Нарва (HW, 419; SF, 290); *Dirsentiū, Dirscowe* (EOSON, I, 61, 151; МН, 48)? Ср. лит. *Derežna* (LUEV, 29).

Жижемель (195), п. п. Держи — лит. *Žižmà, Žižmójus, Žiežmuò, Žiežmójus* (LUEV, 205—207, ср.: *Žiežmara, Žiežmārè, Žiežmāris, Žiežmarėlè, Žižmių km., Žižmintų km., Žiežmarių km.* и др. (LATS, 1020—1022); ср.: *Būga. RR*, III, 516—517. **Žižm-el-*, **Žeiž-mel-*.

Дерельня (196), л. п. Держи — возможно, из **Dir-el-in-*, ср. лит. *Dirinè, Dir-balys* (LUEV, 31); лтш. *Dira, Dires, Dirite, Dirinieki* (Endz., I, 1, 215); ср.: *Дира, Диря* в басс. Днепра (ТТ, 183); м. б., в качестве источника следует полагать **Dirn-/*Dern-* с суфф. -el- и позднейшей метатезой n-l > l-n или с суфф. -en- и последующей метатезой; ср. пр. *Derne* (Ger., 27); лит. *Dirnėnka, Dirnupis* (LUEV, 31), *Dirniškių km.* (LATS, 676); лтш. *Dirņēni, Dirņēni, Dirnas-purvs* и др. (Endz., I, 1, 215).

Иночь (201), л. п. Москвы, с л. п. *Малая Иночь* — пр. *Inacus* (Ger., 49); м. б., лит. *Ynauja* (LUEV, 57); лтш. *Īnus* (Endz., I, 1, 371); ср.: *Иночка*, три реки в басс. Десны (ТТ, 189), м. б., *Inules* в басс. Нарва (HW, 492)? Ср. также лит. *Einupis, Einautas* (LUEV, 39), *Einikių km., Einorių km.* (LATS, 687); лтш. *Eināezers* (Endz., I, 1, 267); **In-ak-*, **Ein-ak-*.

Почь (210), л. п. Малой Иночи — м. б., из *Pakut-is (> **Pokti-> Почь*); ср. пр. *Pakutiten* (Ger., 113; здесь же личное имя литовца *Pakut-atis*); лит. *Pakutėnių km., Pakutuvėnu km.* (LATS, 856); ср. лтш. *Packull* (*Blese*, 219; личное имя). Ср.: *Пока* (942), *Опочка* (?).

Батынка (223), л. п. Москвы — **Bat-ūn-* или **Bat-en-*, ср. пр. *Batutien, Bathowe, Batthen, Bateynen* (Ger., 17); лит. *Batėnu km., Bataičių km.* (LATS, 639); лтш. *Bati, Batnes* (Endz., I, 1, 87, ср. лит. *Batniavà*); куршск. *Baten* (KF, 85); ср.: *Батуныка* в верховьях Днепра; *Batynka, Botynka* в басс. Буга (HW, 389).

Искона (226), л. п. Москвы — возможно, расширение суфф. с -n- корня *Eisk-*, ср. пр. *Eyskitin* (Ger., 33); лит. *Eiskudzių km.* (LATS, 687); ср., однако, лит. *Iškonių km.* (LATS, 719); лтш. *Iskāņi* (Endz., I, 1, 367); ср.: *Iskański Potok* в басс. Вислы (HW, 212)? Нельзя пройти мимо верхнеднепр. *Ископка* (варианты *Избанка, Избинка* подтверждают наличие суфф. с -n-), *Искожа*. Лтш. *Ista-biņas* (Endz., I, 1, 367—368) могло бы объяснить как *Избинка*,

Избанка (*Ist/a/b-in- > *Избин-), так и *Ископка* (вариант *Искобка*) (Istab- > *Iskab-), ср. также: Izdebne в басс. Вислы (HW, 325).

Истонка (227), л. п. Исконы — обращает на себя внимание близость с *Искона*; м. б., сопоставимо с пр. Eystynn (Ger., 33); лит. Eistiškių km. (LATS, 687), Aista (LUEV, 2); лтш. Aistara (Endz., I, 1, 7); ср.: *Истя*, *Истья* (ДДГ, 33, 34, 46, 74, 194, 355) и др.

Тяжинка (244), л. п. Исконы — ср. пр. Tengen (= *Tingen) (Ger., 182)?, м. б., куршск. Tingere (KF, 201—202); ср.: Tangan — See (MH, 150; ср.: «Baltistica», I, 2, 110)?

Руза (254), л. п. Москвы — м. б., лит. Rūžas, Rūžėlis, Rūžis, Rūžo upėlis (LUEV, 140), Ružiškių km., Ruževos vk. и др. (LATS, 913); лтш. Rauze; Rowsyn, Rouse, Raussis (личные имена; Blese, 235—236); ср.: *Руска* в верховьях Днепра (вар. — *Русска*, ср.: *Русса* (29), выше), о которой ТТ, 205; пр. Rauwske, лит. Rauškas, Rūškis и пр. Ср. также в басс. Вислы Ruz, Ruzica, Ruziec, Ruzowskie jezero, Ruž (HW, 343, 520, 645, 647). Ср., однако, Buga. RR, III, 508, 562, 886.

Важаночка (264), л. п. Дубронивки, л. п. Рузы — ср.: *Важа*, *Вожжа*, *Вожочка*, *Вага* с притоком *Важница*, *Важница* (ТТ, 178, 180), сопоставляющиеся с пр. Waghine (Ger., 191); ср. также лит. Vaginėlis (LUEV, 183) при Vagūpis (есть и Važurys. LUEV, 188); ср.: *Ważyński Strumień* в басс. Вислы (HW, 580). *Vag-in(-en).

Житойка (279), л. п. Рузы — пр. Gitlawken (Ger., 42); лит. Gitenų km., Giteniškių km. (LATS, 705); Gitėnai; лтш. Dzitredzine pl. (Endz., I, 1, 262); м. б. допустимо сравнение с лит. Gėtys, Gėtupis (LUEV, 47), Getaučių km., Getautiškių km. (LATS, 700); лтш. Ģiētiņ (Plāķis, 185), Getnava (Endz., I, 1, 308)? Ср.: *Жетанка* (316), л. п. Рузы (см. ниже), а м. б., и *Жественка* (*Жетенка?) (915), л. п. Петрицы, л. п. Мочи, л. п. Пахры. Таким образом, речь может идти о *Gi/et-eik-: *Gi/et-en-.

Дуба (291), л. п. Рузы — пр. Dauben, Dawbel, Doubeniken (Ger., 26, 30); лит. Daubà, Daūbas, Daubėlė, Daubinis, Daubòs upėlis, Daubūlis, Daūbupis, Daubūtė и др. (LUEV, 27, ср.: LATS, 668); лтш. Daūba, Daūbas, Daūbe, Daūbele, Daubite и др. (Endz., I, 1, 197); ср. в басс. Днепра *Дубосья*, *Добьсна* и др. (ТТ, 184, 185); Dubinek, Duben See, Dubielnik и др. в басс. Вислы (HW, 446, 621, 690, 701, 709 и др.); Duben, Dubene, Dubin и др. к зап. от Вислы (EOSON, I, 14, 129; MH 49 и др.).

Мошонка (297), л. п. Белой, л. п. Рузы — наряду со слав. этимологиями (ср. в верховьях Днепра *Мошонка* и *Мошонка*; если вторая форма древнее, то *Мост-ынъка, ср. лтш. Mastene, Mastiņi, Mastėns и др. Endz., I, 2, 381), возможно предположение о балт. источнике: или 1) пр. Mussenyk, Mussnəyn, Musing и др. (Ger., 103); лит. Musinė, Musinis при Mùsė, Musė, Musėlė, Musià, Mūsis, Mūsys и др. (LUEV, 106), Musninkų km., Musnikėlių km. и др. (LATS, 824, ср.: Mustenių km., Musteikių km. и др.);

лтш. Mušene, Mušiene, Mušini, Mušenš ez., Mušinica pl. и др. (Endz., I, 2, 459; при Muša; Mustene, Mustinš; ср. также: Musta-plava, Must-upė, Musti, Mustalas-grava, Musteri и др. с финноязычными связями; или 2) пр. Masunen, Masutitigen (Ger., 95); лит. Māsio upėlis (LUEV, 98, ср.: Māstis, Māstupis), Masių km., Masionių km., Masionėlių vk. и др. (LATS, 803, ср.: Mastautų km., Mastaičių km., Mastaičių km.); лтш. Mašeni, Mašini, Mašėni, Mašinas и др. (Endz., I, 2, 381—382, ср.: Maša; Mastėns, Mastiņi; Masti, Mastapurvs, Masts и др.); ср. в басс. Вислы Moszenica, Moszne, Moszno и др. (HW, 320, 389, 564; при многочисленных Moszczanka, Moszczanica, Moszczana, Moszczeniec, Mościenica и др.); к зап. от Вислы: Mossin, Mossene, Mosteniz, Mostyn, Mustin, Massin и др. (EOSON, II, 49, 75; MH, 90, 107—108 и др.; см.: Slav. Prag., VIII, 261). Следовательно, выбор должен осуществляться между *Mus-in-, *Mas-in- или *Must-in-, *Mast-in-.

Кастинка (305), л. п. Рузы — пр. Costus (Ger., 71)?; лит. Kastinė, Kastynė, Kastinis (LUEV, 70); лтш. Kastes-upė Endz., I, 2, 56); ср. *Коста* в басс. Десны (ТТ, 191); м. б., *Костка* в басс. Нарва (HW, 530; вариант *Kózka* представляется вторичным); к зап. от Вислы Costen, Kastaven-See (EOSON, II, 67, 97; MH, 74).

Кастомка (309), л. п. Рузы — не исключена связь с предыдущим названием, к суфф. ср.: Aulamas, Bradumas, Plotymai, Negera и др., см.: ТТ, 158.

Жетанка (316), л. п. Рузы — см. выше *Житойка*.

Вошня (319), л. п. Жетанки — м. б., сюда же и *Вошня* (320), л. п. Волшни? Неясно. Ср., однако, балт. названия подобные лит. Valkšnà, Valkšnys (LUEV, 184) или пр. Walsca, Walscha, Walsche (Ger., 193), лит. Veļšupis (LUEV, 190)? Наконец, следует помнить о возможности связи с днепр. *Вольша*, *Ольша*, *Ольшанка*, *Ольса* и др. (ТТ, 199).

Вошня (320), л. п. Волшни — или связано с предыдущим, см., или же ср. пр. Assun, Asseniken (Ger., 12); лит. Asinis (LUEV, 8, при Asys); лтш. Asani, Asensupite, Asiņupe и др. (Endz., I, 1, 43—44; ср. также: Asūne, блр. *Осына*, Būga. RR, III, 536; Endz., I, 1, 45, или: Ašene, Ašenica, Ašinica, Ašen при Aši. Endz., I, 1, 45—46); м. б., курш. Assen (KF, 80—81)? Ср.: Asen, Aschenitze в басс. Нарва (HW, 436).

Тростня (324), в басс. Озерны, л. п. Рузы — ср. также оз. *Тростенское* (367a), в басс. Озерны и (4B) в басс. Яузы; *Трасна* (1187), л. п. Нары. Учитывая балт. гидронимический контекст, ср. сказанное о верхнеднепр. *Тросна*, *Тросня*, *Тростенка*, *Туросна* (ТТ, 210). Вместе с тем более вероятно слав. происхождение этих слов, как бы калькирующих балт. обозначения, см. выше — *Нудыль* (421).

Гряда (340), л. п. Озерны, л. п. Рузы — ср. пр. Grindos (Ger., 46); лит. Grindupis, Grindupys (LUEV, 53); лтш. Grīdplava, Grīd-upite (Endz. I, 1, 326), ст.-лтш. Grynde (Biel., 452); куршск.,

Grindevalke (KF, 193); м. б., Grydewalkelschen (KF, 103); ср.: Grindiz (EOSON, I, 27; II, 85)?

Брюшня (345), п. п. № 241 — м. б., лит. Brukniinis (LUEV, 22), Brukniinès km., Bruktiškès km. (LATS, 651); лтш. Bruksni, Brukši, Brukuši, Brukslis, Brukna; Braukša и др. (Endz., I, 1, 125, 134); ср. гидроним того же корня в басс. Березины — *Бручь* (ТТ, 178).

Городня (354), п. п. Озерны, л. п. Рузы — см. *Городня* (70).

Аркуловка (357) л. п. № 249 — неясно. Ср. пр. Arkeliten (Ger., 11); лит. Arklinis, Arklinikė (LUEV, 8), Arkliėnu km., Arkliadunėi km. (LATS, 621); лтш. Afkliņi, Lielais-Arkla-purvs (Endz., I, 1, 42)?; ср.: Ērkulis (Endz., I, 1, 275), Ērkuls ežers (Plāķis, 20) и др. М. б., в басс. Дрвенцы Arclen, Arclyn (HW, 604), если только это не ошибочное написание.

Вейна (359), п. п. № 249 — ср. *Вейна*, *Вейница* в басс. Днепра; о днепровских названиях см. RSl., VI, 1913, 49 (в пользу финск. происхождения), Būga. RR, III, 544 (в пользу балт. происхождения), SBPAW, 1934, 351 и сл.; ТТ, 179, 223. Если говорить о балт. источнике, то (помимо уже приводившегося лит. Vija, лтш. Vija) ср. пр. Wayniten, Waynegine, Vainlauken, Waynothin (Ger., 192; ср. личн. имена Woynе, лит. Vaina и др.); лит. Vainurys, Vainurpis, Vainius, Vainutėlis, Vainežeris, Vainagių ežeras и др. (LUEV, 183), Vainių km., Vainiškių km., Vainiūnu km. и др. (LATS, 985—986) и др.? Ср. также: *Война* (651).

Роселье (361), п. п. Озерны, л. п. Рузы — неясно. М. б., к пр. Rusele, ср.: Russa, Russe, Rusow, Russien, Russenig (Ger., 146—147); лит. Ruseliškės km., Ruslių km., Ruslalių km., Rusinų km., Rusėnu km., Ruseinių km., Rusių km. и др. (LATS, 912—913) или к лит. Rāsupis, Rasėika (или Rašė, Rašėlė? LUEV., 132) и под.?

Истра (371), л. п. Москвы, сюда же *М. Истра* (446), п. п. Истры — см.: Būga. RR, III, 525—526.

Катышна (379), л. п. Истры; сюда же *Катыша* (410). М. б., к пр. Cattiten (Ger., 57—58, ср. еще: Kath, Katpanye, Kattenplick, Katelauke, Catañus, Kathemedien и др.); лит. Katišius, Kātipis, Kātežeris, Katārė и др. (LUEV, 70—71), Katuniškių km. и др. (LATS, 749-750); лтш. Kat-upīte, Kattusan, Katušiški, Katužāni и др. (Endz., I, 2, 60); ср. *Катешна*, *Каташня* — *Каташинка*, *Катыня* — *Катынька* в басс. Днепра (ТТ, 76, 156); *Котыня* в басс. Вислы (HW, 718); Kotyn, Koten, Kotene и др. (EOSON., II, 56)?

Заменка (381), л. п. Катышны — по-видимому, балт. происхождения, хотя трудно сказать, что послужило источником (ср. пр. Gemiten (Ger., 40); лит. Gėmė (LUEV, 46), Gemeliškių km., Gemaitiškių km. (LATS, 698); или *Žem-in/en-; или лит. Žeimenā, Žeimenys (LUEV, 203); и т. п.?).

Гарынка (390), п. п. Песочной, л. п. Истры — ср. пр. Garonith, Garunithen (Ger., 36); лит. Garūnupis (Gaŋnūpis) (LUEV, 43);

Gariūnu km. (LATS, 694); лтш. Gareņu, Garainā, Garėnais-kalns, Garene и др. (Endz., I, 1, 297, 302). Учитывая верхнеднестр. *Герыня* и *Джурынь* и, конечно, *Горынь*, п. п. Припяти, справедливо сопоставляемые с иллир. Gerrobv, Gerunium (ср.: НПУ, 233—235, 251), приходится говорить о широком восточноевроп. поясе с гидронимами типа *Gar-un-/in/en-: *Ger-un-/in/en-. Ср. также: Goryń, Goryńskie, Gorynsche See (HW, 756), Goreń, Gorenskie jez. (HW, 593), Górzanka, Gorzanka, Górzeńskie (HW, 637), м. б., Goryłka (из *Gorynka?) (HW, 196) и др. в басс. Вислы (м. б., сюда же и Żernica, ср.: HW, 184, 393, из *Ger-in-/un-?); ср.: Garin (EOSON, I, 89), Goreuse, Gorenthin (EOSON, I, 151, 154; II, 6; MH, 15, 61, 62) к западу от Вислы? Ср.: Būga. RR, III, 511, 890.

Палигина (407), п. п. Истры — см. *Льгоць* (28).

Катыша (410), п. п. Истры — см. *Катышна* (379).

Нудыль (421) п. п. Истры (вар. *Нудаль*) — м. б., как-то связано с *Нудалька*, *Нуделька* в басс. Днепра (ТТ, 199); если это так, то стоит обратить внимание на балт. формы типа пр. Nudicz (Ger., 110), Nyda, Nydem (Ger., 108), Neydowe (Ger., 107, ср.: Neydusse), Nauden, Naudithen (Ger., 106); лит. Nūdis, Nyda, Niedo, Niėdulė, Niėdulis, Niėdus, Naūdupis и др. (LUEV, 108, 110, 111; ср.: LATS, 827, 834); лтш. Niėdali, Niėduols, Niėdlens pl., Naūdaļi, Naūdeļi и др. (Endz., I, 2, 470—471, 482—483); куршск. Nidden, Nedingen, Nedyk (KF, 130—131); ср. многочисленные в басс. Вислы названия типа Nede, Neide, Nida, Nidka, Nidzianka, Nidzica, Nidzka, Niede, Niedzica, Niedziczanka, Niedzielczyna, Niedzielska и др. (ср.: Nedalino. EOSON, I, 43?). Учитывая, что лтш. niedulė, niedaļa, niėdre обозначает тростник, приобретает значение факт нахождения поблизости с *Нудыль* таких гидронимов, как *Тростня* и *Тростенское оз.* (см. выше).

Здерышка (433), л. п. Нудыли, сюда же *Здерышка* (443), л. п. Чернушки, п. п. Нудыли — разумеется, проще всего сравнить с *Задерыношка* (459), п. п. Маглуши, л. п. М. Истры или с *Здерыноги* (1612), л. п. Лашутки, п. п. Вори. Тем не менее теоретически можно думать о балт. названии, связанном со словом 'песок' (ср. пр. sixdo, sixdre, лит. žigždras и под.); например, *Žizdr(išk-) [> *Здерышк-*]. Ср. пр. Syxdro, Syxdrin, Sixdelawks, Syxdeniten (Ger., 158); лит. Žieğždris, Žieğždrėlis, Žieğždupis, Žieždė, Žieždis, Žieždras, Žieždrėlis, Žieždupis (LUEV, 204—205), Žieğždris; Žieğždrių km., Žieždrelės km., Žieždrių km. (LATS, 1019), лтш. Zirdzika pl., Zierden, даже Zviřgzdupe, Zviėrgzd. ež. и др. (Plāķis, 9, 10, 36, 69, 88, 147 и др.), Zvirgzdupe (Vidz. v., 114); ср.: *Жиздра* в басс. Оки (SBPAW, 1932, 860); м. б., Zyzdrój, Sixdro, Sixdroi Fluss, Syxdryne, Kleiner Sixdroi See, Zyzdrojska Struga в басс. Нарева (HW, 498, 505), ср. также: Sidra, Sidranka, Si-

derko в басс. Нарва (HW, 426; SF, 290). В пользу подобных сопоставлений, м. б., говорило бы название *Песочная* в непосредственной близости к *Здеришка* и *Задериношка*.

Мозовка (439), п. п. Нудыли — м. б., связано с балт. *maž-/maz-*. Ср. лит. *Mažoji...*, *Mažasai...*, *Mažeikų upėlė*, *Mažėlis*, *Mažiklis*, *Mažūlis*, *Mažūrė*, *Mazupis* и др. (LUEV, 99, ср.: LATS, 805—806); лтш. *Mazais*, *Mazā-upīte*, *Mazā-pļava*, *Mazēni*, *Maziņi*, *Mazulis*; мажais, мажаiki, мажеiki и др. (Endz., I, 2, 386—388); возможно, сюда же польск. *Mazowsze* (ср.: Masovia, к суфф. -ov-), употребляемое и в гидронимии. См.: *Būga. RR. III*, 532; *SBPAW*, 1932, 658; *TT*, 196; ср.: *Možanka* в басс. Нарва (HW, 456; SF, 295).

М. Истра (446), п. п. Истры — см. выше.

Руденка (458), п. п. Маглуши, л. п. М. Истры — не исключено сравнение с пр. *Rudenik*, *Rudin* (Ger., 145, ср.: *Raudune*, *Raudoy*, *Raudelauks*, 139); лит. *Rudėnų šžeras* (LUEV, 137, ср.: *Raudėnis*, *Raudinis*, *Raudenųėia* и др., 133), *Rudinės km.*, *Rudynės km.*, *Rudėnų vk.*, *Rudėnų km.* (LATS, 910, ср.: *Raudinės km.*, *Raudėnų km.*, *Raudeniškių km.* и др., 902); куршск. *Rudde*, *Rudeyke* (KF, 148); в басс. Днепра *Руденка*, *Рудея*, *Рудзья*, *Радья* (TT, 203, 205); о *Рудано* см.: *Būga. RR. III*, 539; многочисленные названия сходного корня в басс. Вислы двусмысленны.

Задериношка (459), п. п. Маглуши, л. п. М. Истры — см. выше.

Шанкинка (474), л. п. Москвы — ср. лит. *Šankių km.*, *Šančių km.* (LATS, 948), *Šančių upėlis*, *Šančius*, *Šanupis* (LUEV, 161), *Шана*, *Шанена* (Спрогис, 329); ср. в басс. Днепра *Шанка* и *Шанька* (TT, 213); *Szonówka* в басс. Вислы (HW, 767)?

Кремшная (477), л. п. Москвы (вар. *Кремична* в Дух. грам. Ивана Калиты ок. 1339 г.; ДДГ, 7, 9, 15 и др.). Правдоподобна связь с балт. **Krim-* или **Krum-*, ср. пр. *Cremiten*, *Kremon* (Ger., 72, возможно, к **Krim-*), а также *Krumeyn*, ср.: *Krumstichin*, *Krumstewayn* (Ger., 74); лит. *Krimslė*, *Krimslýtė* (LUEV, 79), а также *Krūmiškių šžeras*, *Krūmo upėlis* (LUEV, 81), *Krūmiškių km.*, *Kruminių km.* (LATS, 768), *Krumslinė*; лтш. *Krimuša-kalns*, *Krima*, *Krimi*, *Krimunas*, *Krimoni*, *Kriminali*, *Krimuļienes pļava* и др., а также *Krumšļu-kalns*, *Krums*, *Krumuļi*, *Krumēns*, *Krumeši*, *Krumešu-leja*; *Krūms*, *Krūmalas*, *Krūmene*, *Krūmiņš*, *Krūmiņi* и др. (Endz., I, 2, 135, 136, 147, 151—153); *Kremon* (MH, 84; см.: *Slav. Prag.*, VIII, 260); ср. *Кремичанная* (1211). **Krem-it-/ik-*, **Krim-it-/ik-*.

Келенка (478), п. Москвы — **Kel-in-*, *Kil-in; ср. пр. *Kellionyn*, *Kellionithen*, *Kellegarben*, *Kellekullen*, м. б., *Kelincz* (Ger., 60), *Kylien*, *Kilgeneyen*, *Killeytigin* (Ger., 62—63); лит. *Keinė*, *Kelnià*, *Kelnis*, *Kėlnupis*, *Kelnūpis* (LUEV, 71—72); *Kilintakis* (LUEV, 74); лтш. *Celiņš Celiņ-pļava* (м. б. *Келлина?*), *Celi*

(Endz., I, 1, 157; 2, 204), *Kil-upė* (Endz., I, 2, 220); м. б., сюда же днепр. *Аткильня* (TT, 176), *Чолна*; *Kilona* (EOSON, I, 33, 35; II, 26)?

Ланка (497), л. п. Москвы — м. б., ср. пр. *Lankeine*, *Lankaum*, *Lankenike*, *Lanncithenn* (Ger., 82); лит. *Lankà*, *Lankėlė*, *Lankėlės*, *Lañkenas*, *Lañkos*, *Lankesà*, *Lankupà*, *Lankupė*, *Lañkupis*, *Lañkupelis*, *Lankūtė*, *Lankuvà*, *Lankaitė*, *Lankaite* и др. (LUEV, 86—87, ср.: LATS, 779); лтш. *Lañka* (Endz., I, 2, 257—258); ср. к зап. от Вислы *Lancen*, *Lancka*, *Lancken aqua*, *Lanckow*, *Lancowe* и др. (EOSON, II, 22, 98; MH, 89 и сл.; см.: *Slav. Prag.*, VIII, 260—261).

Курица (501), л. п. Москвы — для днепр. *Курейка* (*Корейка*), *Курица* предлагались балт. соответствия типа пр. *Koreyn*, *Kureyn*, (TT 191); еще точнее — *Curicken* (Ger., 76).

Горедва (511), п. п. Сходни, л. п. Москвы, сюда же, видимо, *Гаратовка* (512), л. п. Горедвы (вар. — *Горетовка*, ср.: *Горѣтову* в Дух. грам. Ивана Калиты ок. 1339 г., *Горѣтовка* в Дух. грам. Ивана Ивановича ок. 1358 г.; ДДГ, 7, 9, 15, 17). — Скорее всего более архаичны формы с -t-; в таком случае можно думать как об источниках названных форм о **Gar-et-(u)va* или *Gar-at-uva; ср. пр. *Gartilpunge*, *Gerteniken*, *Gertelauken*, *Gertepeawne* (Ger., 37, 40); лит. *Gertà* (LUEV, 46); ср.: *Garūliai*, *Garupys*; лтш. *Gaŗais*, *Gaŗa pļava*, *Garainā*, *Garėnais-kalns*, *Gariške pļ.* и др. (Endz., I, 1, 298—302); к суфф. -et- ср. в басс. Днепра *Скверета*, *Несета*, *Веренета*, *Кичета*. Возможна связь с *Гариста* (*Гориста*, *Гараставка* в басс. Днепра), ср. лтш. *Garista*, *Garaste* (Endz., I, 1, 300); возможно, сюда же куршск. *Garista* (KF, 100, с иным объяснением). Если название *Горедва* независимо, ср. пр. *Gerdawen* (Ger., 440); лит. *Garduva*, *Garduvà* (LUEV, 43); лтш. *Gaŗdas*, *Gardupe*, *Gardauņa* (Endz., I, 1, 297); куршск. *Garde* (KF, 100). Вместе с тем нельзя исключать и слав. происхождение (ср. чеш. *Hořátev* из *Hořětva, см.: *Profous*, I, 691).

Яуза (516), л. п. Москвы, сюда же *Яуза* (1885), л. п. Сестры; ср.: *Яуза*, п. п. Гжати (в Смол. обл.) — не исключено сравнение с лтш. *Aūzas*, *Aūzes*, *Auzu-purvs*, *Auziņ-pļava*, *Auziņi*, *Auzaiņe*, *Aūzaiņi*, *Auzaitē*, *Auzene*, *Aūžēļi* и др. (Endz., I, 1, 57—58); ср. лтш. *auzājs*, *auzaine*, *auzaita*, *auzaitē* и др. в значении стебля овса, ости, соломы и название соседней реки *Стебелька*, см. ниже, а также старое написание *Ауза*. Что касается *Вазузы*, п. п. Волги, с тем же элементом -уза, то ср., с одной стороны, лит. *Važurys* (LUEV, 188, ср.: *Važeliškių vk.* LATS, 994) или даже *Vėžupis*, *Vėžūpis*, *Vėžurys*, *Vėžus*, *Vėžukas*, *Vėžius* и др. (LUEV, 192—193), а с другой стороны, -uža, ср.: *Geluzà*, *Dubūžė* и др. Иначе говоря, *Važ-uža или *Vėž-uža?

Ичка (517), л. п. Яузы — м. б., к лит. *Icīūņ km.* (LATS, 717); лтш. *Iča*, *Icika-lauks* (Endz., I, 1, 356)? **Ik-ik-*?

Стебелька (526), п. п. Яузы, сюда же *Стеблянка* (642), п. п. Москвы — ср. пр. *Stybain* (Ger., 173); куршк. *Stembre*; лит. *stiūbras, steūbras, staūbras*; лтш. *stiebrs* 'стебель' ср.: *Stiebrene* pl. *Plāķis*, 119 и др.). Ср. также: *Стебула* (вар. *Стябур*) в верховьях Днепра (SBRAW, 1934, 363; ТТ, 209), м. б., *Stebin, Stebnik* и др. в басс. Вислы (HW, 616), которые, впрочем, допускают и другую интерпретацию. Ср. к возможной семантике *Яуза*.

Капитовка (532), п. п. Яузы — неясно. Ср. пр. *Karpegalin, Koraun* (Ger., 56, 70); лит. *Karūrė, Kārupė, Kārupis, Karurūs* и др. (LUEV, 68); лтш. *Kar-ure, Kar-urite, Kaps, Kapī* и др. (Endz., I, 2, 45—48); куршк. *Karrippe, Karpenen* (KF, 110). М. б., сюда же днепр. *Капеченка, Копча* (ТТ, 190—191), где предполагается суфф. -t-, и даже *Корутówka* в басс. Нарва (HW, 436) в исключительно густом окружении балт. гидронимов.

Криста (542), п. п. Пехорки, л. п. Москвы — неясно. Связь с лтш. *Kriste, Krista akmens, Kristene, Kristiņi* и др. (Endz., I, 2, 137—138); лит. *Krikštupė* (LUEV, 79); пр. *Krixtyen, Krixstein* (Ger., 73) представляется весьма маловероятной по историко-семантическим соображениям; впрочем, ср.: *Рыстюг* (от фин. *risti* 'крест', заимствование; см.: ВЯ, 1969, № 5, 53).

Чечора (546), п. п. Кресты, п. п. Пехорки, л. п. Москвы — см. выше (о московских реках).

Сатовка (549), п. п. Пехорки, л. п. Москвы — пр. *Satho, Satheken, Sattenicken* (Ger., 152); лит. *Sata, Сатуля* (Спрогис, 287); лтш. *Satiki, Satiku ez., Sātupe* и др. (*Plāķis*, 80, 121; куршк. *Sathen, Saten, Saterurwe* (KF, 153—154); ср.: *Сатунь* в басс. Сожи (ТТ, 206). Вероятно, сюда же *Сетунь I* (693), *Сетунь II* (727) и *Сетка* (648) в непосредственном соседстве с *Сатовкой*, а также *Сетовка* (1030), см. ниже.

Гжелка (562), л. п. Москвы — м. б., из **Gud-(i)-el-*; ср. пр. *Gudeniten, Gudicus, Gudynyken* (Ger., 47); лит. *Gudėlupis, Gudėliu žėzeras, Gudėžeris, Gudėnis* и др. (LUEV, 54), *Gudėliu km., Gudėliu km.* и др. (LATS, 713—714); лтш. *Guddel, Gudėļi, Gudėļi, Gudėļica* и др. (Endz., I, 1, 336—337); куршк. *Gudde* (KF, 104); ср.: *Агжелка* (*Гжелка, Гжолка*) в басс. Днепра (ТТ, 175), *Гжать* (LKK, II, 59) и др.

Дорка (566), л. п. Гжелки, л. п. Москвы — вероятно, к *Дора*, сопоставляемой с пр. *Darathen* (Ger. 25—26); ятв. *Дора*; лит. *Darupis*; лтш. *Dariņu-rlava, Darīni, Darījums* и др. (Endz., I, 1, 196); сюда же днепр. *Доренка* (ТТ, 184) и др. Допустимо и объяснение из слав. (Būga. RR, III, 522).

Нерская (577), л. п. Москвы, сюда же *Нерское* в басс. Яхромы, видимо, *Нерское* в басс. Оки, а также — далее — *Нара* (1186), л. п. Оки, *Понар* (578), п. п. Нерской (*Понора* (1743), л. п. Ушмы п. п. Клязьмы?) — пр. *Nerey* (Ger., 107) и *Narus, Narussa, Narasow, Nareyten, Narge* (**Nar-ij-*) (Ger., 105); лит. *Neris, Nerys, Nėrotas, Nerinis, Neretà, Neretėlė, Nėrka* (LUEV, 109) и *Narūtis,*

Narūpis, Narūtis, Narūnis, Narasà, Naraūlis, Narakys и др. (LUEV, 107); лтш. *Neriņš, Nėruļi, Nėrėta, Neretiņa* и др., (Endz., I, 2, 476) и *Nariņi, Narica, Naruža* (Endz., I, 2, 469—470); ср. в басс. Днепра *Нератовка, Нересна, Неропля, Нертка, Неруса* (?) и *Наровля* (Būga. RR, III, 534; ТТ, 197, 198); *Neretwa* (HW, 374) и *Narew* (HW, 411), *Narewka* (HW, 414), *Naritze* (HW, 540) в басс. Нарва; *Neretze, Nertze* (МН, 109) и др. Ср., однако, оз. *Неро* далеко на сев.-вост. у Ростова.

Понар (578), п. п. Нерской, л. п. Москвы — см. выше; к словообразованию ср. пр. *Panargen* (Ger., 114); лит. *Panaros km., Panaru km.* (LATS, 861) и др.

Дудинка (578), л. п. Сеченки, п. п. Нерской, л. п. Москвы — неясно. Ср. лит. *Dudėnu žėzeras, Dudurys, Dūdės ūpius, Dūdà, Dūdaravis, Dūdiškė* (LUEV, 34), *Dudinėliu km.* (LATS, 681); лтш. *Dudėni, Dudas* (Endz., I, 234)? Ср.: *Дуденка* (1190).

Меденка (602), п. п. Гуслицы, л. п. Нерской, л. п. Москвы — неясно. Можно думать о связи с пр. *Medeniken, Medinen, Medepouwe, Medelauke, Mediolaucks* (Ger., 96); лит. *Medinka, Mėdinis, Medinė, Mėdinas, Medinurė, Medinupis, Medurys, Meduja, Medikis, Medelis, Medainis* и др. (LUEV, 99—100); лтш. *Mediņi, Medne, Medņava, Mednieki* и др. (Endz., I, 2, 399—401); куршк. *Medde, Meddenmes* (KF, 125); ср. в басс. Вислы *Miedzianka* (HW, 413; SF, 288); к зап. от Вислы *Medentin* (МН, 103; см.: Slav. Prag., VIII, 261) и др.?

Шувоя (603) п. п. Гуслицы, л. п. Нерской, л. п. Москвы, сюда же, видимо, *Шувайка* (1037), л. п. Северки, п. п. Москвы — неясно. Путь к разгадке лежит, м. б., через анализ отношения двух соседних названий *Шувайка-Северна/Сиверка* (ср.: *Шеверка* в басс. Десны, ТТ, 213 и далее — *Шура* в басс. Немана, *Шурица, Szawry* и т. п., Būga. RR, III, 541); к суфф. ср. лит. *Alm-ajà* и под. Правдоподобно, что в основе этих гидронимов лежит основа *šiaur-*, служащая для обозначения понятий, связанных с севером (употребление ее в топонимии подтверждается случаями типа *Šiauriškiu km., Šiaurės m-lis* и др. (LATS, 953). Например, *Šiaura > *Шура*, **Šiau(i)r-uk-* > *Шеверка*, **Šiau(r)oja-* > *Шувоя* и под.? Ср., кроме того, лит. *Siaurys, Šiauriūkas, Šiauriūkas* (LUEV, 145), *Siauru km., Šiauriuku km., Šiauriku km.* и др. (LATS, 922), от *šiauras* 'узкий'. Вместе с тем следует принять во внимание существенно более северные названия типа *Шубоя* (ср.: *Шублахта*, саамск. *subr* 'осина', фин. *haara*, то же; ср.: ВЯ, 1969, № 5, 47) или же элементы *-оя, -воя* и под. (ср. фин., карел., вепс., эст. *oja* 'речка, ручей', лив. *voja* 'ложбина с водой' и др.).

Бессулинка (604), л. п. Шувои, п. п. Гуслицы, л. п. Нерской — неясно. М. б., из **Bais-ul-*, ср. пр. *Baysen, Bayselawke, Baysbude* (Ger., 14); лит. *Baisūsis upėlis, Baisybė* (LUEV, 12), *Baisogala*

(ср.: *baisul̄ys*, *baisuōlis*, *beisulingas* и др. — к словообразованию); ср.: *Бесенка* (1094); *Беседь* в басс. Днепра (?).

Боринка (606), п. п. Гуслицы, л. п. Нерской, сюда же *Боринка* (1450) — не исключена связь с пр. *Barne*, *Baronith* (Ger., 16—17); лит. *Barnis* (LUEV, 14), *Barinēs* км., *Bariūnų* км. (LATS, 636); лтш. *Barenīca*, *Barēni* *Barnkalns* (Endz., I, 1, 86); ср.: *Barn-* в гидронимии и топонимии к зап. от Вислы (EASON, MH). **Bar-in-*?

Куплудиска (615), л. п. Нерской — неясно. Ср. балт. **Kup-(e)* I: пр. *Cuplissen*, *Kupelissen* (Ger., 76; ср. суфф. *-isk-*; но *Kupeyn*, *Kuprien*); лит. *Kupališkių* vk. (LATS, 773; при *Kupà*), *Kupeliškės*; лтш. *Kuplašku-purvs*(?), *Kuplāji*, *Kupļēni* и др. (Endz., I, 2, 177, но *Kupji* и др.)? ср.: *Kupiska* в басс. Нарва (HW, 422); *Karpiczna* (HW, 772) при *Капеченка* в басс. Днепра < **Kup-et-* (TT, 190)? Не исключено также, что в части этого названия скрывается финск. слово со значением 'поле' (ср. карел. *peldo*, люд. *peld* и др.), нередко используемое в названиях, ср.: *Кучепалда*, *Куропалда*, *Пельдем* (ВЯ, 1969, № 5, 46, 49), м. б., *Пиледа*, л. п. Волги и др. Ср., однако, лтш. *Pellede*, *Pellade*, *Pelleden* (Blese, 221; личные имена).

Нетьника (622), л. п. Суханки, л. п. Нерской — возможно, к балт. названиям с вокализмом *-o-*, ср.: *Notangia*, *Notike*, *Notis*, *Notist*, *Notkaumen* (Ger., 109—110); лит. *Notà*, *Nōtė*, *Notijà* и др. (LUEV, 111); *Notėnų* км., *Notiniškių* км., *Notaučių* км., но и *Netonių* км. (LATS, 834, 836—837), *Натены*, *Натяны* (Спрогис), лтш. *Nātiņi* (Endz., I, 2, 474); куршск. *Nateye*, *Nateyen*, *Nateingen* (KF, 129—130); ср. также днепр. *Начь*, *Нача* (TT, 197). **Net-ūn(-in-, en-)*.

Мезинка (636), п. п. Смысловки, л. п. Москвы — допустимо сравнение с лит. *Mūžurė*, *Mūžurėlis*. *Mižurys*, *Mūžuris*, *Mūžurālis*, *Mižavas*, *Mūžėklis* и др. (LUEV, 104), *Miženių* км., *Mižonių* км., *Mižikų* км. (LATS, 820); лтш. *Miziņa*, *Mīzenes*, *Mizaiņi*, *Mīzenīca*, *Mīznīcas-* и др. (Endz., I, 2, 442, 445); **Miz-in-*. Нельзя, однако, исключать полностью и такой источник, как форма, к которой восходят лтш. *Mežaiņi* (Endz., I, 2, 425); куршск. *Messurre* (KF, 127) и т. п. — **Med-(i)-in-*. Вместе с тем, учитывая *Мѣзыня*, *Мезынка* (ДДГ, 7, 9, 15, 17, 55, 196), ср. лит. *Mažurpis*, *Mažiūva*, *Miežintà*, *Miežionių upėlė* *Miežių* *ėžeras*, *Miežurpis* и др. (LUEV, 97, 103); лтш. *Māizēni*, *Māizes-pļava*, *Miezaine*, *Miēzene pļ.*, *Miežu-purvis* и др. (Endz., I, 2, 370, 448—449). **Maiz-in(-un-)*?

Стеблянка (642), п. п. Москвы — см. *Стебелька* (526).

Лусянка (643), п. п. Москвы, сюда же *Лусянка* (644), п. п. Лусяны — ср.: *Луца* (выше); см.: ЛКК, II, 59; ср. пр. *Lusine-medien*, *Lusygeynen*, *Lusewithe*, *Luselauke* (Ger., 92—93); лит. *Lušinė*, *Lūšnà*, *Lūšnė*, *Lušnōs upėlis* (LUEV, 96; но: *Lušiai*, *Lušūte*, *Lūšupis*), *Lušnos* км., *Lušnios* км. (LATS, 795); лтш.

Lūsene, *Lūsenes pļ.*, *Lūsēņi*, *Lūsiņi*, *Lūusineica pļ.* и др. (Endz., I, 2, 352—353); куршск. *Lossenbeke* (KF, 122). **Lus-ik-*, **Lus-en-*.

Лусянка (644), п. п. Лусяны, п. п. Москвы — см. выше.

Колоча (647), п. п. Москвы — возможно, к пр. *Caltwange* (Ger., 54) или *Kalxte*, *Kalcestein*, *Colkstition* (Ger., 54, 69); лит. *Kaltis* (*Kalčia*, ср.: *Kalčių* *ėžeras*), *Kaltupis*, *Kaltānis*, *Kaltanėnai* (LUEV, 65, 66), *Kaltanėnų* vk., *Kalčių* км. (LATS, 739, 742) или *Kalkūtis*, *Kalkūyčia* (LUEV, 66); ср.: *Kalikstinēs* км., *Kalikstiškių* км. (LATS, 739); лтш. *Kalstu*, *Kalta*, *Kalte*, *Kaltene*, *Kaltiķi* и др. (Endz., I, 2, 26) или *Kalka* и др. (Endz., I, 2, 16); куршск. *Kalten*, *Calten*, *Kaltewalke* (ср., однако, KF, 109); м. б., *Kalk* в басс. Нарва (HW, 494)?

Сетка (648), л. п. Колочи, п. п. Москвы — см. выше.

Война (651), л. п. Колочи, п. п. Москвы — см. выше о *Вейна* (359).

Чмирица (685), п. п. Москвы — неясно. Направивается сравнение с *Кимерка*, л. п. Волги. Что же касается связи с лтш. *Čemeŗi*, *Čemeŗi* (Endz., I, 1, 159, 179), ср.: *Čemere*, *Čemeru-avots* и под. (Endz., I, 2, 205); ср. лит. *kemerys*, *keimaras*, *kėmu-ras*, лтш. *čėmurs*, *seimurs* и под. (LEW, I, 238), а также лит. *Kėmerio* *ėžeras* (LUEV, 72, ср.: *Kemešys* *Kemėša*), *Kemėrų* км. (LATS, 754, ср.: *Kemėnų* км., *Kemešio* км., *Kemelių* км., *Kemetiškių* км. и др.); пр. *Кумекаумен* (Ger. 63), то при ее формальном правдоподобии (**Kim-er-*, **Kim-ir-*, **Kem-ir-*) и наличии фонетических параллелей (*Кичета* — *Чечотка*, *Луцесы* — *Луцеса* и т. д. в басс. Днепра) окончательное решение зависит от обнаружения других достоверных следов балтийской гидронимии в р-не Кимерки.

Шипуленка (687), л. п. Карповки, п. п. Москвы — неясно. Ср., однако, пр. *Syrapn*, *Syrenyn* (Ger., 157); лит. *Šjūrė*, *Šipeta* (LUEV, 165), *Šipiniškio* vk. (LATS, 957); не исключены какие-то связи с лит. *Šiurplių* км., *Šiurpienių* км. (LATS, 957—958), *Šiurpieniai*, *Šiurpinys* (LUEV, 166). **Ši(u)p-ul-*? Еще менее вероятно сближение с лит. *Sipelių* км., *Sipailiškių* км. и др., (LATS, 924).

Клеткина (688), п. п. Карповки, п. п. Москвы — ср.: *Клетка* в верховьях Днепра (Būga. RR, III, 527; TT, 191; там же балт. параллель).

Сетунь I (693), п. п. Москвы (ср.: *Сѣтунка*, ДДГ, 47) — см. *Сатовка* (549).

Чачинка (723), п. п. Москвы — неясно. М. б., к пр. *Kykiten*, *Kykoiten*, *Kykuwinne* (Ger., 62); лит. *Kikežeris* или *Kekurys* (LUEV, 71, 74), или, наконец, *Čėčiurpis* (LUEV, 25), ср.: *Kikiškių* км. и др. (LATS, 757) или *Kekališkių* км., *Kekiškės* км. (LATS, 753), или, наконец, *Čėčelių* км., *Čėčiškių* км. (LATS, 760); лтш. *Čika*, *Čiknite pļ.*, *Čikani*, *Čikis*, *Čiķēni*, *Čiķāni*, *Čiķiene pļ.*

и др. (Endz., I, 2, 218—220) или *Кеки*, *Кеқани* и др. (Endz., I, 2, 203), или, наконец, *Секули*, *Секулени* рл. (Endz., I, 1, 157), *Сесе*; сюда же, видимо, *Чечена* в верховьях Днепра (Buga. RR, III, 521; TT, 212). *Кек-in-, *Кек-en- (Kik-in/-en-?). Едва ли вероятна связь с названиями, содержащими тот же корень, что и саамск. чач- (щасее) 'вода' (о них — ВЯ, 1969, № 5, 47).

Хвилка (726), п. п. Москвы — при общей неясности ср., учитывая ряд примеров передачи балт. s в гидронимах этих р-нов как х, лит. Svilė, Svylà, Svilravis (LUEV, 158), Svilės km., Svilalių km., Sviliškių km., Sviliniškių km., Sviliukų km., Svilių km., Svilkos km. (!), Svilonių km., Svilonėlių km. (LATS, 945). *Svil-(u)k-?

Стунь II (725), п. п. Москвы — см. *Сатовка* (549).

Городянка (750), п. п. Шмилевки, п. п. Москвы — см. *Городня* (70).

Юшинка (751), п. п. Москвы — неясно. Ср., м. б., лит. Jusinė, Jùsupis (LUEV, 64), Jusėnų km., Jusinos km., Jusėniškio km., Jusiškio km., Jusių km., Jusaičių km. и др. (LATS, 736); лтш. Jusi, Juši, Jusieši, Jušas (Endz., I, 1, 408); ср. в басс. Нарева *Juskie jez.* (Juchasee) (HW, 447). *Jus-in-.

Черемошка (460), л. п. Пахорки, п. п. Москвы — если только не связано со слав. апеллятивом, ср. пр. Kirmys, Kirmithen (Ger., 63); лит. Kirmijà, Kirmėlėnė, Kirmėliškė, Kirmėliupis и др. (LUEV, 75; ср.: LATS, 759); лтш. Kirmas, Kirmelė, Kirmėnu-laika и т. д. (Endz., 2, 226—227); ср. выше о *Чермянка*; вместе с тем следует учесть и лит. Kermušis, Kermušinis, Kermušynas, Kermušoto upėlis (LUEV, 72), Kermušėnų km., Kermošės km., Kermošyno km., Kermušiškių vk. (LATS, 755); лтш. Cėrmuōkslis рл. (Endz., I, 1, 163). *Kerm-uš-, *Kirm-uš-? Ср. также: *Серемуха*, оз. *Серемо* в Тверск. губ., с совершенно иным объяснением.

Бутынка (786), л. п. Десны, л. п. Пахры — ср. пр. Butyn, Buthekirsithen, Buteliten (Ger., 24—25); лит. Būtė (LUEV, 24), Būtėnų km., Būtėniškių km., Butingės km., Buteikių km., Butatų km., Butikių km., Būtiškių km. и др. (LATS, 656—657); лтш. Butani, Butenieki, Butinieki, Butaiši, Būtiški и др. (Endz., I, 1, 149); куршск. Butilie (KF, 89) и др.; ср.: *Бутень* (Машт. Днепр., 56) и *Бутежь* в басс. Днепра (TT, 178); Butowo, Butówka в басс. Вислы (HW, 605, 606); Buten, Butine, Buthow, Butisso к зап. от Вислы (EOSON, I, 60, 112, 127; MH, 19, 35, 163 и др.). *But-ın-, *But-in-, *But-en-.

Лоша (817), п. п. Десны, л. п. Пахры — ср. *Лоша* в басс. Сожи, Десны и Припяти и др., балтийские параллели — Buga. RR, III, 504, 529—530, 883; TT, 194. *Laš-.

Купеленка (836), л. п. Битцы, л. п. Пахры — помимо других объяснений, ср.: *Кур-el- и под. в связи с *Куплудиска* (615). Ср. также в басс. Днепра *Купля*, *Купель*, *Купелка* (Машт. Днепр., 5, 14, 145).

Стербинка (839), л. п. Битцы, л. п. Пахры — скорее всего,

к пр. Styrbaynen (Ger., 174); лит. Stirbių km., Stirbiškių km., Stirbiškės km., Stirbaičių km., Stirbaitynės km. (LATS, 939); куршск. Styrben (KF, 167); *Stirb-in-; ср. вариант — *Streb-in- и под. («Baltistica», I, 2, 109).

Силинка (843), п. п. Сохны, п. п. Пахры — ср. *Селеня* (155); днепр. *Силенка* (TT, 207) и др.; *Sin-in-?

Мзовка (851), п. п. Пахры — не вполне ясны связи с *Мозовка* (439) и *Мезинка* (636), ср. еще *Мжут* (1118). Возможно, из *Miz-av/-uv-, *Miž-av/-uv-? Ср. лит. Mižavas, Mižurys и др. (LUEV, 104); лтш. Miz-upė (Endz., I, 2, 442).

Улутинка (865), п. п. Олешинского, л. п. Мочи, п. п. Пахры — неясно. Соблазнительно реконструировать источник в виде *Ul-up-in-; ср. пр. Uliten (Ger., 190); лит. Ūlā, Ūlyčėlė, Ūlyškas (LUEV, 177), Ulėnų km., Uličelės km., Uliėnikų km., Ulitelės km., Uliūnų km., Ulyškių km., Ulytos km. (LATS, 976); лтш. Ulit' (Biel., 261); ср.: *Ула* в басс. Зап. Двины (см. выше); *Улица*, *Уличка* в басс. Днепра (Buga. RR, III, 543, с иным объяснением; TT, 211); м. б., сюда Ułówka в басс. Нарева (HW, 448). Разумеется, первую часть можно восстанавливать и как *Aul-(up-in-), ср. лит. Aulamas (LUEV, 10), Aulių km., Aulelių km., Auliškio km. (LATS, 626), Aulė; лтш. Auleja, Aulenes рл., Aūliņi и др. (ср., однако, Endz., I, 1, 53; Buga. RR, III, 514), однако, Буга не прав, считая, что Ūla могла дать исключительно *Выла (есть немало противоположных примеров, когда речь идет о позднем усвоении названия; соображения Буги верны лишь для более раннего периода); едва ли сюда относятся *Ола*, *Оленка* в басс. Днепра (TT, 199), ср. лтш. Ala. Во второй части названия, вероятно, скрывается балт. название реки *ure, к словообразованию ср. лит. Uryna, Urynālė, Urynikė (LUEV, 180), Urainių km., Urainiukų km., Urynos km., Urninkėlių km., Urninkų km. (LATS, 977), *Упина* (Спрогис, 321); ср.: *Упичька*, *Вупенка* в басс. Днепра (TT, 181, 211). К *Ul-up- ср. лтш. Ūlupji (Buga. RR, III, 492, 543, 788).

Лубянка (873), л. п. Мочи, п. п. Пахры; сюда же *Любенка* (1539), *Любича* (1505) и др. — ср. пр. Luben, Lubynen, Lubaun, Lubano, Lubekaun, Lubowe (Ger., 91); лит. Lubinis, Lūbupis, Lubėlis (LUEV, 94—95), Lubių km. (LATS, 794); лтш. Lūbėņi, Lubans, Lubene рл., Lubāneš, Lubeniece, Lubenieki, Lubite, Lubauši, Lub-ezere, Lubas, Lubas и др. (Endz., I, 2, 342—343, 361); куршск. Lubbesemen (KF, 123). Ср.: *Лобь* (37), *Лобня* (1551) и др. [для них возможны и другие объяснения, как и для днепр. *Лобно*, *Лобчанка* и др. (TT, 192)]; Lubianek, Lubianka в басс. Вислы (HW, 474, 649); Luben, Lubin, Luban и др. к зап. от Вислы (EOSON, I, 24, 43, 92, 125; MH, 97, 98, 137 и др.; см.: Slav. Prag., VIII, 261).

Нежка (901), л. п. Мочи п. п. Пахры — неясно. М. б., из *Neg-ik?- Ср. лтш. Nedzis (Endz., I, 2, 475, ср.: Negātne), Nėga-plava,

Nėgi (Endz., I, 2, 478); ср. в басс. Днепра *Неговка*, *Неговец*, *Негатъ* (*Нагатъ*); ср. пр. Nogothin. Ger., 108; в басс. Вислы Nogat, Nogata (HW, 763, 788, 789, 795, 797); Nogothin, 488 (Машт. Днепр., 9, 28, 34, 125, 177).

Жественка (915), п. п. Петрицы, п. п. Мочи, п. п. Пахры — см. *Житойка* (279), *Жетанка* (316).

Чупанка (919), л. п. № 584, л. п. Конопельки, п. п. Пахры — ср. лтш. Čupenes, Čupenite, Čupiņu-stratus, Čupas-aste pļ., Čupišķi и др. (Endz., I, 1, 185).

Пока (942), п. Злодеяны, п. п. Рожого, п. п. Пахры — неясно. Ср.: *Почь* (210)?

Литинка (945), п. Злодеяны, п. п. Рожого, п. п. Пахры, ср. пр. Leythen (Ger., 86); лит. Leitā, Leitālė, Leitė, Leitupalis; Lytis (LUEV, 89, 93), Lietenių km. (LATS, 689); лтш. Leitani, Lėitėni, Leitene, Leitīs, Lėišāni (Endz., I, 2, 291 — 292), м. б., сюда же *Литиж* в басс. Десны (ТТ, 192). *Leit-in/-en-? Ср.: *Литонский* (968).

Ушанка (965), п. п. Пахры — вероятно, из балт., хотя возможны разные варианты объяснения: 1) уменьшит. от *Ušā* (ср. реку в басс. Зап. Двины, Березины, Припяти), ср.: *Vūga*. RR, III, 506, 885; ТТ, 212; 2) связь с *Уса* (название рек в басс. Немана, Березины, Сожи, Десны, ТТ, 211); ср. лит. Ūsupis, Ūsupis, Ūsytis, Ūsiai и др. (LUEV, 180, 181); 3) ср. лит. Ušnā, Ušpėlė, Ušantė (LUEV, 181), Ušnos km., Ušnėnų km., Ušantų km. (LATS, 978). *Us-ī-en/-an-, *Uš-an-?

Унинка (966), п. Ушанки, п. п. Пахры — м. б., к лит. Aunūpis, Aunuva (LUEV, 10), Aunuvėnų km. (LATS, 626); лтш. Aunene pļ., Auniņš, Auniņa-pļava, Auniņi, Auniņu-ēzērs, Aūniņ-pļava, Aūneļ-pļava, Aunintca, Aūnelienes, Aunupe, Aunupurvs, Aūns, Aunapļava и др. (Endz., I, 1, 54-55). *Aun-in-?

Литонский (968), в басс. Рожого — см. *Литинка* (945).

Ендова (990), п. п. Москвы — ср. пр. Indissie (Ger., 49); лит. Indėja, Indijā (LUEV, 57); Indaus upė; Indijos km., Indučių vk. (LATS, 718, 719); лтш. Iñda, Indėni, Iñdiņi, Iñdulis и др. (Endz., I, 1, 362, 363); *Ind-ava-/-uva- (ср., однако, *Идрица* — лит. Indrajā, *Vūga*. RR, III, 525).

Солинка (993), п. п. Москвы — ср. *Соля* в басс. Днепра и балт. соответствия (ТТ, 209); *Sal-in- (ср. лит. Salinis, Salinė и др., LUEV, 141).

Отра (994), п. п. Москвы — ср. *Отра*, *Отрица*, *Вотрица*, *Вотря*, в верховьях Днепра (ТТ, 181, 200) и балт. параллели. *Ut(u)g-?

Ольсафка (995), п. п. Отры, п. п. Москвы — ср. *Ольса* с басс. Березины и балт. соответствия (ТТ, 199), ср.: *Alsava* (Vidz. v., 116; Endz., I, 1, 22—23) и др.; м. б., сюда же *Olška* в басс. Нарева (HW, 497),

Савиха (997), п. п. Отры, п. п. Москвы — ср. *Сава* в басс. Березины и балт. соответствия [лтш. Savite (Vidz. v., 117) и др.].

Северка (1011), п. п. Москвы — см. *Шуволя* (603).

Сетовка — (1030), л. п. Гнилуши, л. п. Северки, п. п. Москвы — см. *Сатовка* (549).

Марвинка (1033), л. п. Северки, п. п. Москвы — неясно. М. б., к лит. Marvėlė (LUEV, 98), Marva, Marvilės km., Marvinos km., Marvynos km. и др. (LATS, 802); лтш. Marvaiši (Endz., I, 2, 380)? *Могва* в басс. Сана (HW, 242) сюда не относится (ср. варианты *Могва*, *Мугава* и т. д.); сложнее дело с названием *Мордвинка* (=Марвинка?), к югу от Припяти (Машт. Днепр., 149). *Marv-in-
Шувайка (1037), л. п. Северки, п. п. Москвы — см. *Шуволя* (603).

Нудовка (1055), п. п. Северки, п. п. Москвы — м. б., ср.: *Нудыль* (421).

Алтынист (1056), л. п. Нудовки, п. п. Северки, п. п. Москвы — неясно, м. б., к лит. Altis (LUEV, 5), Altoniškių km. (LATS, 615) и особенно к лтш. Altene, Alteni, Altenes-purvs, Aītiņi, Altāni, Aītite (Endz., I, 1, 24). *Alt-in(-en-, -an-)?

Городенка (1068), п. п. Северки, п. п. Москвы — см. *Городня* (70).

Титель (1069), л. п. Городенки, п. п. Северки, п. п. Москвы — возможно из *Tit-el-, ср. лит. Titupis, Títuva, Títmena, Titmena и др. (LUEV, 173), Titekių km., Titeikėlių km., Titonių km. (LATS, 968—969); лтш. Tituone (LVV, II, 163); Titūone upė, Titones upė (Plākis, 55, 60); куршск. Tittausche, Tittenbecke (KF, 174); ср.: *Титва*, *Ситва*, *Цитовка* в басс. Днепра (ТТ, 210, 212); не исключено, что сюда же — *Титива* в басс. Снова (Машт. Днепр., 210).

Городянка (1074), п. п. Городенки, п. п. Северки, п. п. Москвы — см. *Городня* (70).

Дарченка (1077), л. п. Городянки, п. п. Городенки, п. п. Северки, п. п. Москвы — м. б., к пр. Darathen (Ger., 25—26; или Dercze, 27?); лит. Darataičių km., Daratiškių vk., Daratavos vk. (LATS, 667; или Darkuškių km., Derkinčių km., 667, 674; Derkys, Derkiñcio upėlis, Derkiñtiškių upėlis (LUEV, 29)); лтш. Dārteni, Dārtaņa, Dārtaņica и др. (Endz., I, 1, 202); м. б., куршск. Dartzitten (KF, 90, с иным объяснением); ср. также к зап. от Вислы Dartze и др. (EOSON, II, 8 и др.)? *Dart-en-(-in-), *Dark-en-(-in-)?

Осенка (1080), п. п. Северки, п. п. Москвы. — М. б., к пр. Asseniken, Asiniten, Assun, Asseken, Assakaum (Ger., 11—12); лит. Asinis, Asys, Asupis, Asupys (LUEV, 8); лтш. Asāni, Asensupite, Aseņu-puors pļ., Asins jūra, Asiņupe, Asiņvalks (Endz., I, 1, 43—44); м. б., куршск. Assen, Assiten, Asoten (KF, 80, 81, 82), Osna в басс. Вислы (HW, 691); ср.: *Осень* (выше). *As-in-, *As-en-.

Люстерка (1087), п. п. Москвы — неясно. Ср., однако, лтш. Luste, Lusti, Lustiņ-puriņš и др. (Endz., I, 2, 349; ср.: *Łustes*, 361), м. б., *Łaūstiki* (Endz., I, 2, 275, ср. пр. Laustico, Trautm, PN, 51),

при Lāuteris, Laūturis, Laūteri; Luturi (Endz., I, 2, 275, 349); ср.: Luterka в басс. Вислы (HW, 255). *Laust-, *Lust-; к суфф. ср.: *Кимерка*, *Чмирица* и др. (см. выше). Возможно и иное объяснение: ср. лтш. Lukstār-kalns при Luksts, Luksta-ēzers, Lukste. Lukstija pl., Luksteņi и др. (Endz., I, 2, 345—346). *Lu(k)st-er-.

Коломенка (1089), п. п. Москвы — неясно. М. б., ср. пр. Kal-myn, Kalmonau (Ger., 54), м. б., сюда же и пр. Colm, Colmelaw-sken (Ger., 69); более вероятно — Kellmenike, Kelmelawken, Kellen (Ger., 60); лит. Kėlminė, Kelmynė, Kelmynėlė, Kelmýtė, Kelmýtės, Kelmavýtis (LUEV, 71), Kelmės m., Kelmijos km., Kėlminės km., Kėlmių km., Kelmynės vk., Kėlmiškių km., Kėlmytės km., Kėlmučių vk., Kėlmutiškės km., Kėlmu km. и др. (LATS, 753); лтш. Kaļmenīte pl., Kaļmenīca pl., Kālmes, Kaļmiņi; Kēlmeņi, Kēlmes и др. (Endz., I, 2, 16, 204); Ceļmiņi, Ceļmiņš, Ceļmieks, Ceļmeņīte pl., Ceļmene, Ceļmaņi, Ceļm-ure, Ceļmis, Ceļmāte pl., Ceļms и др. (Endz., I, 1, 157-159); куршск. Calmen (KF, 108; видимо, с ошибочной трактовкой). *Kalm-en-(-in-) или даже *Kelm-en-(-in-)?

Санжина (1092), л. п. Коломенки, п. п. Москвы — м. б., к *Шанкин* (474).

Бесенка (1094), л. п. Коломенки, п. п. Москвы — см. *Бесулинка* (604).

Вилейка (1107), п. п. Коломенки, п. п. Москвы — ср. *Вилия* (*Велия*), *Вилейка* в басс. Немана; *Велейка* в басс. Днепра и т. п. (Būga. RR, III, 503—504, 741, 883; TT, 179; ср. также: КСЗ, 104). *Vel-eik-, *Vil-eik-.

Ока (1112), п. п. Волги — ср. пр. Akicz (Ger., 8); лит. Akis, Akūs, Akijā, Akėlės, Akinėis и др. (LUEV, 2); лтш. Ase, Aca, Aсure, Aсurpurs, Aсiņa и др. (Endz., I, 1, 4); ср. днепр. *Очеса* и т. д. (TT, 200). Это многократно повторенное соответствие Оки с балт. фактами восходит к Саблеру (1916 г.).

Протва (1113), л. п. Оки — вероятно, из *Prat-uva, Prat-(a)va. Ср. пр. Prathewo (Prothowyn) (Ger., 134; пр. Protenu, Protheune, видимо, объясняются иначе); лит. Prāt-vaikas (LUEV, 127); лтш. Prātiņi, Prattel (Blese, 227: личные имена)? Ср.: *Поротва* (ДДГ, 34, *Поротль* 15, 18), или из Part-uva? ср., однако: Būga. RR, I, 411.

Карженка (1115), л. п. Протвы, л. п. Оки, м. б., к пр. Kargenien, Kargan (Ger., 56); лит. Kergalių km., Kergeliškių km. (LATS, 754); лтш. Kārgāni, Kērgāla-māja (Endz., I, 2, 51, 208), Sērgalaīne (Endz., I, 1, 163); ср.: Karghow (EOSON, 1, 77; MH, 72); *Каржань* (ДДГ, 34)? *Karg-en-. Менее вероятна связь с финскими «медвежьими» названиями типа *Каргоя*, *Каргала*, *Каргань* и др. (о них — ВЯ, 1969, № 5, 44).

Мжуг (1118), л. п. Протвы, л. п. Оки — возможно, связано с Мзювка (851) и под. (см. выше); *Miž-ut-.

Репенка (1130), п. п. Протвы, л. п. Оки — помимо объяснения из слав. ср. пр. Reppen, Rippekaumen (Ger., 141, 142); лит. Rėpės Daubà (LUEV, 134); ср. также: Ripeikių ežerėlis, 136;

Ripeikių km., Ripaičių km. (LATS, 907), Repeniškio km. (LATS, 904). *Rep-en-/in-, *Rip-en-/in-? Менее вероятна связь с финно-угорск. названиями на Rep- (ср. фин., карел. геро «лисица». ВЯ, 1969, № 5, 44).

Руть (1144), п. п. Протвы, л. п. Оки — ср. пр. Ruhten, Rutiz (Ger., 145, 147); лит. Rūtupis, Rutulys (LUEV, 140); Rutėnu km., Ruteniškių km., Rutonių km., Rutuliškių km. (LATS, 913, ср.: Ručių km., 909?); лтш. Rutam, Rwttel, Ruttel; Ruttule, Ruttuls (личные имена; Blese, 236—238). Ср.: Ruthein, Ruten, Ruthen, Ruthingh и др. (EOSON, I, 10; II, 12; MH, 16, 132, 133; ср.: «Baltistica», I, 2, 108). *Rut-i-.

Мемеиха (1152), п. п. Протвы, л. п. Оки — возможно, речь идет о расширении слав. суфф. *-иха* балт. основы. Ср., напр., лтш. Mėmmėni, Mėmuškiņi (Endz., I, 2, 419); с р.: Mammas-plaviņa, Mamoni, где *-a-*, возможно, из *-e-*; Mamoniēzers; Mėmas, Mėmeļure, Mieman(i), Miemeņi (Endz., I, 2, 446—447) и др.; Mėmeliškės vk., Mėmenčių km., Mėm-laukės km. (LATS, 810), ср.: Mamaičių km., Mamių km., Mamavo km. (LATS, 799), Mamėnas, Mamavys и др. (LUEV, 97); куршск. Memela (1252: fluvii scilicet Memela et Danga; 1253: inter Mimelan et Dangan и др.) (KF, 126); ср., между прочим, названия типа лит. Mimainių ēžeras, Mim-riaunis (LUEV, 103) и др.; ср. еще Mamlice (HW, 579) или Mamerow (MH, 12, 101); сложна интерпретация названия *Мамонка* (1342), л. п. Лопасни. *Mem-(-eik-)?

Исма (1154), л. п. Протвы, л. п. Оки — неясно. Возможен балт. источник. Ср. пр. Aysmowange (Ger., 8); лит. Jiešmuō, Jiešmenėlis (LUEV, 60, ср. вар. Viešm-); лтш. Iesmu-purvs, Iesmeteskalns (Endz., I, 1, 375). *Eism-, *Aism-?

Алекса (1164), л. п. Исмы, л. п. Протвы, л. п. Оки — неясно. Трудно сказать, есть ли какая-нибудь связь с пр. Alxowe, Alxwangen (Ger., 9; *Al(i)ks- < *Alsk-?); лит. Aļksnė, Aļksnas, Aļksninė, Aļksnupis, Aļksnupis и др. (LUEV, 5; ср.: LATS, 614); названия типа лит. Aleksupis (LUEV, 4) и под., видимо, сюда не относятся; лтш. Aļksna, Alksne, Aļksnene pl., Alksniņi, Aļksnis, Alksņupe, Aļksnītis и др. (Endz., I, 1, 20—22; лтш. Alekši, Alekšure, Aleksene pl. сюда не относятся); куршск. Alxnewadt, Alxwalke (KF, 75); м. б., сюда же *Ольсафка* (995) и др. (см.: TT, 199). *Aļiks-?

Ильятенка (1168), л. п. Исмы, л. п. Протвы, л. п. Оки — видимо, существует связь с пр. Ilie, Ilantz, Ilauia, Ilieņ, Ilisken, Ilnikin (Ger., 48, 49); лит. Ylūčià, Ylūpis, Ylėlis (LUEV, 56—57), Ylių km., Yliškės, Ylakių m-lis, Ylakaičių km. (LATS, 720); лтш. Ilē, Ilene, Ilini, Ilikis, Iļenu-purvs и др. (Endz., I, 1, 371; ср., однако, Pūkste, 360); возможно, сюда же *Илитная* в басс. Болвы (TT, 218). Ср.: Būga. RR, III, 504, 883. *Il-ent-/ant-, *Il-it-/et-?

Истоя (1177), п. п. Нары — м. б., к пр. Eystynn (Ger., 33);

лит. Aistà (LUEV, 2); лтш. Aistara (Endz., I, 1, 7). *Eist-, *Aist- с суфф. сходным с лит. -oja?

Селитенка (1182), п. п. Истои, п. п. Нары — см. *Селеня* (155); *Sel-it-, ср. лтш. Sellit (Blese, 245; личное имя, ср.: Sele).

Нара (1186), л. п. Оки — см. *Нерская* (577).

Трасна (1187), л. п. Нары, л. п. Оки — см. *Тростня* (324).

Дуденка (1190), л. п. Нары, л. п. Оки — см. *Дудинка* (587).

Срябинка (1200), п. п. Березовки, л. п. Нары, л. п. Оки — неясно. М. б., из балт.; ср. пр. Sirbelauk (Ger., 157), или лит. Sribulis (LUEV, 154), или даже лит. Serbeñtas, Serbentà, Serbentìnè Serbentỹnè, Serbentynėlis, Serbentòjus, Serbėntupė, Serbeñtupelis, Serbeñtupis, Serbentupỹs (LUEV, 144, ср.: LATS, 921—922).

*Serb-en(t)-(?) с дальнейшими метатезами (*Сребян- > Срябин-?).
Кремичанная (1211), л. п. Нары, л. п. Оки — см. *Кремичня* (477).

Смередка (1212), л. п. Кремичанной, л. п. Нары, л. п. Оки — помимо объяснения из слав. ср. также лит. Smirdėlė, Smirdėlius, Smirdupis (LUEV, 152); куршск. Smurden (KF, 165); ср. также: Smařdupis, Smařdonė (LUEV, 152); лтш. Smārda; пр. Smorde, Smordin (Ger., 166); ср. соответствующие названия в басс. Днепра, Нарва [Smarden (HW, 477), к зап. от Вислы (Smerdele (MH, 17, 20, 47, 141); Smardin, Smardowe, Smardowi (EOSON, II, 20)]. *Smird-uk-?

Заденка (1216), п. п. Лыковы, п. Кремичанной, л. п. Нары, л. п. Оки — м. б., к лит. Žad-upė, Žad-upỹs (LUEV, 201; ср.: Žaduvėnų ēžerėlis), Žadiškių km., Žadeikių km., Žadavainių km., Žadeikonių km., Žaduvėnų km. и др. (LATS, 1014). *Žad-en-/in-, *Zad-en-/in-.

Воранка (1230), л. п. Чернашки, л. п. Нары, л. п. Оки — пр. Worwayn (Ger., 208); лит. Varvālio ēžeras (LUEV, 188), Varvalių km., Varvalynės vk., Varviškės km. (LATS, 993); куршск. Warwa, Warve, Warwen (KF, 180, с иным объяснением); ср.: *Выворовка*, в басс. Днепра (Машт. Днепр., 218; из *Вырван-?; другие названия с *Вер(е)в-*, *Вор(о)в-*, см. 14, 28, 46, 47, 93, 135, 177, 190); ср. также: Warwa, Warwas в басс. Вислы (HW, 11, 222)? Verwe к зап. от Вислы (EOSON, II, 45, MH, 17, 20, 161, 164); *Varv-an-.

Городенка (1246), л. п. Нары, л. п. Оки — см. *Городня* (70).

Московка (1249), л. п. Нары, л. п. Оки — см. выше (*Москва*).

Польга (1254), п. п. Нары, л. п. Оки — см. *Льгоць* (28).

Таруса (1258), п. п. Нары, л. п. Оки — см. *Таратынка* (8) и ТТ, 210.

Турища (1259), л. п. Тарусы, п. п. Нары, л. п. Оки — см. *Турейка* (1276).

Копанка (1262), л. п. Тарусы, п. п. Нары, л. п. Оки — см. *Капитовка* (532); к суфф. -п- ср. пр. Кораун (Ger., 70); лит. Karpinis, Karpiņokas (LUEV, 68), Karėnų km., Karpinės vk., Kari-

niškių km. (LATS, 745); лтш. Karainis, Karėne, Karėni, Kariņi, Karėnica pl., Karinas и др. (Endz., I, 2, 42, 43—44); куршск. Karpenen (KF, 110); м. б., сюда же Коранка в басс. Вислы (HW, 234, 409); Karpenze, Korencze (EOSON, II, 92) и др. *Kar-an-.

Алчанка (1269), п. п. Нары, л. п. Оки — видимо, из балт. Ср. пр. Alkayne, Alkanasoythe (Ger. 8—9); лит. Alkà, Alkas, Alkañtis и др. (LUEV, 4), Alkinės km., Alko km., Alkos km., Alkiškių km. (LATS, 614); Eikupis (LUEV, 39); лтш. Eika, Eiki, Eik-upis и др. (Endz., I, 1, 269); куршск. Elkene, Elckesemme, Elkewalke, Elkempe (KF, 96); м. б., сюда же *Елча* в басс. Днепра (ТТ, 186). *Alk-en-/in-, *Elk-en-/in-.

Шатуза (1270), л. п. Алчанки, п. п. Нары, л. п. Оки — помимо других объяснений ср. лит. Šatà, Šatupis (LUEV, 162), Šatių km. Šateikių km., Šateinių km. и др. (LATS, 949); возможно, сюда же *Шача*, *Шацка* в басс. Припяти (ТТ, 213), ср. также: LKK, II, 57. *Šat-. Относится ли сюда *Шитко* (1669), оз. *Шитское* (там же и после 1735), сказать трудно.

Турейка (1276), п. п. Нары, л. п. Оки — ср. *Турейка*, *Турия*, и т. п. в басс. Днепра и балт. параллели (ТТ, 210).

Таденка (1312), л. п. Оки — неясно. м. б., к лит. Tadiškių km., Taduliškių km. и др. (LATS, 964); ср.: Todin, Todendorp (EOSON, I, 94; MH, 153). *Tad-in-.

Городенка (1314), л. п. Оки — см. *Городня* (70).

Челвенка (1327), л. п. Гнилушки, л. п. Лопасни, л. п. Оки, сюда же *Чельвянка* (1328), п. п. Гнилушки — ср. лит. Keivė, Kelvos ēžeras, Kelvadūkas (LUEV, 72), Kelvėtų km. (LATS, 754); лтш. Kėlves, Kėlviški (Endz., I, 2, 204). *Kėlv-en-/in-. Более сомнительна связь с северными названиями типа *Чёлмаш*, *Челмосарка* (о них — ВЯ, 1969, № 5, 47, 51).

Тилановка (1329), п. п. Чельвянки, п. п. Гнилушки, л. п. Лопасни, л. п. Оки — неясно. М. б., к пр. Tylen (Ger., 183); лит. Tyličių km., Tilių km., Tiliūniškio vk., Tilinavos km. (LATS, 968, 969); лтш. Telene pl. (Plākis, 20)? *Til-an-?

Лютерка (1331), л. п. Лопасни, л. п. Оки — см. *Люстерка* (1087); ср. лтш. Lāuteris, Laūturis, Laūteri; Luturi (Endz., I, 2, 275, 349); Luterka в басс. Вислы (HW, 255). *Laut-er-, *Lut-er-.

Мамонка (1342), л. п. Лопасни, л. п. Оки — см. *Мемеиха* (1152).

Опочинка (1345), л. п. Лопасни, л. п. Оки — неясно. Едва ли к *Опочка* — *Апелка* в басс. Днепра (ТТ, 176, 199); трудно сказать, есть ли связь с *Почь* (210), ср. лит. Pakutėnių km. (LATS, 856); *Pakut-en- > *Pakt-en- > *Почен- > *Опочинка*?

Лисенка (1350), л. п. Лопасни, л. п. Оки — м. б., к пр. Lysiein (Ger., 90); лит. Lisynė; лтш. Lisas-ezers, Lise, Lisa-upė, Lisina, Lisines-ezers, Lisinis (Endz., I, 2, 312); м. б., и лит. Lỹšupis (LUEV, 93); сложнее интерпретация Lisunka, Lisunie, м. б., Lis(s)a, Lizianka в басс. Нарва (HW, 418, 511); ср.: SF. 289—

290; Lissenow (EOSON, I, 130). *Lis-en-/in-. Не исключена, однако, и возможность, предлагавшаяся Бугой для названия *Лисно* (из *Līstnā > *Līsknā > *Līksnā, ср. лтш. Līksna, *Ликсняяк* и под.), см.: Būga. RR, III, 529.

Микажель (1356), л. п. Лопасни, л. п. Оки — темное название. Тем не менее не исключено, что сфера поиска лежит в балт. топонимии. Ср., напр., пр. Mike (Ger., 98); лит. Mikasà (LUEV, 103); Mikėnu km., Mikasīnu km. (LATS, 815); лтш. Mika, Mikaine, Mūkainiši, Mikuli, Mikuline pl, Mikuts, Miķes, Miķītis, Miķīši и др. (Endz., I, 2, 434, 435, 436). М. б., это название получилось по диссимилиации [ср.: Mikaszewo — Mikłaszewo в басс. Нарева (HW, 427) из названия, корень которого сходен с лтш. Migla, Miglīna, Miglaine, Miglėni, Miglīš (Endz., I, 2, 433—434); ср. лит. Miglinų km., Migliniškių km. (LATS, 814)] или лтш. Miėguze, Miėgaini и т. д. (Endz., I, 2, 445—446). *Mikaž-el-, Mīkaš-el-, *Migaž-el-, *Migaš-el- и т. п. Разумеется, все это лишь неясные догадки.

Каширка (1385), л. п. Оки — при возможности иного этимологизирования ср., однако, пр. Kasarikayme, Kasschunen (Ger., 57); лит. *Косорайме* (Спрогис, 146); лтш. Kasāra-purvelis (Endz., I, 2, 55), Kāšiš-plava, Kāša-plava, Kāš-āre и пр. (Endz., I, 2, 92); ср. лит. Košių km., Košarų vk. (LATS, 764)?

Рама (оз., после 1438), на Оке, между Каширкой и Москвой — неясно, есть ли связь с лит. Rāmis, Ramytė, Ramočia, Ramojėlė, Ramojus, Ramošia, Ramošius, Ramūnis и т. п. (LUEV, 132); лтш. Rameko, Rammyn, Ramele, Rammulen (Blese, 117, 233; личные имена), Rame; куршк. Ramessif (KF, 144); днепр. *Рамасуха* (ТТ, 203); Ramme, Rammelyn, Rammekendorp, Ram-sowe (EOSON, I, 102, 117, 159, 185; II, 89; МН, 12, 18, 77, 126, 172) и т. д. *Ram-.

Гати (оз., после 1438), у Оки — ср. *Гать* в басс. Свислочи и другие сходные названия, связываемые с балт. (Būga. RR, III, 522; ТТ, 182).

Желема (1439), л. п. Оки — м. б., к пр. Gilmen (Ger., 41); лит. Gelmuņas; лтш. Dzelme, Dzelmes-plava, -ure и др. (Endz., I, 1, 251). *Gel-men-, *Gil-men-? (см.: SBRPAW, 1932, 660).

Щеленка (1443), л. п. Оки — ср. пр. Schelancz (Ger., 160; не исключено, что сюда же и Schilien, Schilen, Schilling, 161: *Skil-, *Skel-); м. б., сюда же *Щолоня* в басс. Сожи (ТТ, 213).

Цна (1446), л. п. Оки — ср. *Цна* в басс. Березины и Припяти (Būga. RR, III, 506, 885; ТТ, 212), хотя формальное тождество не гарантирует единого происхождения. Ср.: *Тцсна*, *Тцна*, *Тсна*, (ДДГ, 29, 53 и др.).

Боринка (1450), л. п. Панюшапки, л. п. Цны, л. п. Оки — см. *Боринка* (606).

Летовка (1463), л. п. Цны, л. п. Оки — неясно. М. б., как-то связано с *Литинка* (945). *Leit-, *Lil-?

Люсловка (1465); л. п. Цны, л. п. Оки — неясно. Более чем проблематична связь с пр. Luselauke (Ger., 92); лит. Lūšis, Lūšupis, Lūšné и др. (LUEV, 96); лтш. Lūsa, Lūsene, Lūsėni, Lūš-ure и др. (Endz., I, 2, 352-353) или с лит. Liaušėlė (LUEV, 90, ср.: Liaušė, Liaušupis, ср.: LATS, 787).

Комеча (1484), л. п. Сухушки, л. п. Покровки, л. п. Цны, л. п. Оки — не исключена связь с лит. Kamatis, Kamatėlė (LUEV, 66, при Kāmė, Kamastōs ēžeras, Kamoja, Kāmiona, Kamenà; ср.: LATS, 743; Endz., I, 2, 31, 33); куршк. Kamitten (KF, 110, при Kam, Kammendorp); м. б., сюда же пр. Komistegallen, Kamstiggall (Ger., 69)? ср.: Kamosa в басс. Нарева (HW, 422); Komassowo (EOSON, I, 115). О названиях *Комайск*, *Комата*, Kamatė, личном имени *Коматъ* и под. см.: Būga. RR, III, 138, 145, 528. *Kam-et-i-, *Kam-est-i-?

Ялма (1485), ср. выше *Алеменка* (?) — ср. пр. Almoyn (Ger., 9); лит. Aīmė, Almajà, Aīmajas, Aīmenas (LUEV, 5); лтш. Aīmane, Almale (Endz., I, 1, 22); *Alm-. Ср. иллир. Almas (Mayer, 39). Ср., однако, *Яглома* (*Ягломень*) > *Я(г)л(о)ма > *Ялма*?

Кледейка (1492), л. п. Оки — м. б., к пр. Kleydin, Kledin, Cledeyn, Kleyditen (Ger., 65—66); лит. Klėdiškis (LUEV, 76), ср. лит. личное имя Kleid-atis; ср.: Klėda-kalnis; лтш. Klėdiņi (Endz., I, 2, 107). *Kleid-, *Klid-.

Городенка (1494), л. п. Скниги, л. п. Оки — см. *Городня* (70).

Нерпское (оз., после 1496), справа от Оки — см. *Нерская* (577).

Рядовошь (1502), л. п. Безпуты I, л. п. Оки — см. *Рондушка* (1603).

Восьма (1503), л. п. Безпуты I, л. п. Оки — см. *Восьма*, *Осьма* в верховьях, Днепра и балт. соответствия (ТТ, 165). Характерно наличие *Каменки* (1508) в непосредственном соседстве с *Восьмой*. *Aš-men-, *As-men-?

Любиша (1505), л. п. Восьмы, л. п. Безпуты I, л. п. Оки; ср. вблизи *Любенка* (1539) — см.: *Лубянка* (873) и в ближайшем соседстве с последней — *Лобашева* (879), л. п. Апашкипой, л. п. Мочи, л. п. Пахры (из *Lub-aš-: *L'ub-iš-). К объяснению суфф. -иш- ср. лтш. Lubauši и даже поздние случаи типа Lubāniša-ezers, Lubānieši и пр. (Endz., I, 2, 342). Возможно, сюда же *Любасива* (1617) (< *Lub-aš-?).

Апрань (1515), л. п. Безпуты I, л. п. Оки, сюда же, видимо, соседняя *Пронька* (1519), л. п. Апрани — много неясного. Ср., с одной стороны, *Проня* в басс. Сожи (ТТ, 202—203), а с другой — *Проця*, л. п. Оки. Вместе с тем ср. лтш. Arāni, Arēni и др. (Endz., I, 1, 38); сюда же, возможно, куршк. Appretten, Appraten, Aparate (KF, 189—190); днепр. *Вопрат*, *Вопра*, *Воприт*, *Опороть* (ТТ, 181). В таком случае — Ar-an-?

Пронька (1519), л. п. Апрани, л. п. Безпуты I, л. п. Оки — см. *Апрань* (1515).

Хлиденк (1523), п. п. Мутни, п. п. Оки — неясно. Допустимо искать решения, по крайней мере, в двух направлениях: 1) ср.: *Кледейка* (1492) и ее балт. соответствия или 2) ср. пр. Schloydien, Sclodien, Scloditen (Ger., 162); лит. Skýldrupis (LUEV, 149, ср. еще Sklinda); ср. лтш. sklaidis; сложнее интерпретация названия *Сколодинка*, п. п. Припяти (ТТ, 208). Следовательно, *Kl(e)-id-en/-in- или *Skliid-en/-in-.

Рена (1527), п. п. Оки — см. *Репенка* (1130).

Смедва (1528), п. п. Оки — неясно. Учитывая названия *Москва* и *Протва*, можно предполагать балт. суфф. -(u)va. Если это так, то к корневой части ср. пр. Smedeyn, Smedythen, Smydyn (Ger., 166, ср.: Smaydegarbs); лит. Smaidrių km. (LATS, 930); *Sm(e)id-(u)va, *Smed-(u)va?

Мал. Смедва (1533), л. п. Смедвы, п. п. Оки — см. *Смедва* (1528).

Любенка (1539), л. п. Смедвы, п. п. Оки — см. *Лубянка* (873).

Босенька Малая (1540), л. п. Любенки, л. п. Смедвы, п. п. Оки — ср. пр. Bosin (Ger., 23, ср.: Besow, 20); лит. Basonių km., Basiškės km. (LATS, 639); Besenis (LUEV, 18); лтш. Basi, Basištes; Besenīks (Endz., I, 1, 86, 100). Ср.: *Бася* в басс. Сожи (ТТ, 173); м. б., *Бесенка* (1094), *Бессулинка* (604) и др. *Bas-en/-in-, *Bes-en/-in-.

Березинка (1541), л. п. Осетра — о названиях сходного типа см.: ТТ, 159—160, 176; LKK, IV, 222 и др.

Лобня (1551), л. п. Клязьмы — см. *Лобь* (37).

Чекень, ручей (из оз. Круглого, в басс. Мещерихи, п. Лобни, л. п. Клязьмы — не вполне ясно. М. б., из *Kek-en/-an-, ср. пр. Kikiten, Kykuwinne, Kykoyten (Ger., 62, ср.: Kucke, Kekaw); лит. Kekupys, Kikežeris (LUEV, 71, 74), ср.: Kekuvà; Šekonė (LUEV, 25); лтш. Čētene, Čeču-purvs, Čečava, Čikas и др. (Endz., I, 1, 179, 180, 181); ср.: *Чечена* в верховьях Днепра (Вдга. RR, III, 521; ТТ, 212).

Уча (1558), л. п. Клязьмы — ср. *Уча* в басс. Припяти и ее балт. параллели (ТТ, 211). *Ant-ĭ-?

Сколба (1568), л. п. Учи, л. п. Клязьмы — *Skalb-, ср. лит. Skalbyklos, Skalbynupis, Skalburis (LUEV, 147); м. б., сюда же *Шелбицы* в басс. Сожи (*Skelb-?).

Воря (1575), л. п. Клязьмы, сюда же *Воря* (1805) в басс. Вели, — не исключена связь с *Вора*, *Варик*, *Варка* в басс. Днепра (ТТ, 178, 181); ср. пр. Worja, Wore (Ger., 207—208); лит. Vārė, Vārės, Vārius и др. (LUEV, 185); или Vórupė, Voryčią (Ger., 200); куршск. Waren (KF, 178). *Var-ĭ-, *Vor-ĭ-? Следует помнить и о финск. названиях Севера России, производных от фин. vaaga, карел. vuaga 'гора, сопка' (см. ВЯ, 1969, № 5, 43). Ср. вариант *Вохря* (ДДГ, 394) при более раннем *Воря*.

Уминка (1588), л. п. Торгоши, л. п. Вори, л. п. Клязьмы — неясно. М. б., к пр. Womenyn, если оно из *Aum-(en-) или *Um-

(en-) (иначе — Ger., 207); лит. Umėja (LUEV, 177), Umėnų km. (LATS, 976); лтш. Aūmaņi, Aūmiņi, Aūmaša-purvs (Endz., I, 1, 54). *Aum-in-(en-), *Um-in-(en-).

Оканица (1598), л. п. Вори, л. п. Клязьмы — ср. *Окано*, оз. в Борисовск. у. с возможной балт. параллелью (ТТ, 199); не исключена и другая параллель — от *Ak-, ср.: HW, 533, 601, 638, 639, 640, 647, 648, 654, 693 и др.

Рондушка (после 1603), в басс. Вори — среди других возможных объяснений ср. пр. Randoin или Rundeniken (Ger., 138, 146); лит. Rándiškių ēžeras или Rundinė (LUEV, 132, 139); наконец, следует иметь в виду и лит. Riñdė, Rindėliaupis (LUEV, 135), лтш. Riñducene pl (Plāķis, 142) и др.; куршск. Rende, Renden (KF, 232); не сюда ли *Рядовошь* (1502) поблизости (*Rind-av-oš-; к суфф. ср. *Торгоша* (1580) при балт. *Targ-)? ср. днепр. *Ряденка*, *Рядынка*, *Редна*, *Рядка* и др. *Rand-, *Rind-? Вместе с тем весьма вероятно финское происхождение названия, ср.: *Рандога* и др., правда, с более северным ареалом (ср. фин. ganta, карел. ganda, вепс., эст. rand 'берег', см.: ВЯ, 1969, № 5, 43, 53). *Рандога* → *Рандожка (> *Рондушка*?).

Исньшка (1604), п. п. Вори, л. п. Клязьмы; сюда же *Иснушка* (1804), л. п. Вели, л. п. Дубны — ср. пр. Aysnithen (Ger., 8); лит. Iešnālis (LUEV, 55)?; Aisėnų km. (LATS, 611)?; лтш. Aisine pl., Aisīņi (Endz., I, 1, 6)? Iesn-upė, Iesnupes (Endz., I, 1, 375); м. б., сюда же Isnilka See, переосмысленное как Zgniłka и Isznotten в басс. Нарва (HW, 496, 498)?

Лашутка (1611), п. п. Вори, л. п. Клязьмы — неясно. М. б., к *Лоша* (817) и под. Ср. лит. Laš-upė и т. д. Замечено, что в усвоенных русским населением балт. названиях -upė как второй член сложных слов часто передается суфф. с элементом -у- (*-утк-*, *-ушк-*, *-ух-* и т. д.). *Laš-ut-.

Здеринюги (1612), л. п. Лашутки, п. п. Вори, л. п. Клязьмы — см. *Здеришка* (433).

Любасива (1617), п. п. Вори, л. п. Клязьмы — см. *Любиша* (1505).

Шерна (1625), л. п. Клязьмы — неясно. Ср. в качестве гипотетического источника названия типа лит. Širnupis, Šernupė, Šėrnupis, Šėrnupalis (LUEV, 163, 165), Šėrnų km., Šėrnupio km., Šėrniškių vk., Šėrninės km. (LATS, 951—952); м. б., сюда же Szernicke в басс. Нарва (HW, 534)? *Širn-, *Šėrn-.

Меляжа (1631), л. п. Шерны, в басс. Клязьмы — неясно. М. б., тот же источник, что и в лтш. Meluži, Melluzis (Endz., I, 2, 409, 418); лит. Melužių km. (LATS, 810); труднее толковать куршск. Myłβewalcke (KF, 128) и пр. Milzin, Milsen (Ger., 99); ср. также лтш. Melg'u-plava (Endz., I, 2, 419).

Ширенка (1635), п. п. Меляжи, л. п. Шерны, в басс. Клязьмы — м. б., от *Шерна* (1625)?

Ража (1638), п. п. Ширенки, п. п. Меляжи, л. п. Шерны, в басс. Клязьмы — неясно. Ср. лит. Ražurpēlis (LUEV, 134)? лтш. Režur (Plāķis, 188)?

Молокча (1650), л. п. Шерны, в басс. Клязьмы — более чем гипотетично сопоставление с лит. Malkēstas, Malkēstaitis (LUEV, 97), Malkēstos km. (LATS, 798), ср. также: Melkys (LUEV, 101), Mālkupis, Maļkupis, Malkōsnē (LUEV, 97); лтш. Malkas, Mēlka и др. (Endz., I, 2, 374, 407); пр. Meluken, Melunken (Ger., 97); ср. верхнеднепр. *Милча*, *Милеча*, *Мелечь* и др. (ТТ, 195, 196); Maļkin, в басс. Нарва (HW, 452), см.: SF, 295. *Malk-est-ī- > *Молокца > Молокча? Разумеется, сомнительно.

Вырка (1659), л. п. Клязьмы — помимо объяснения, предложенного в связи с названием *Вырий* в басс. Десны (ТТ, 224), встает вопрос об отношении к балт. *Ur-; ср. пр. Wurkus и др. (Ger., 210); лит. Jūra, Jūre (LUEV, 64, ср.: LATS, 737) или Ūrupis (LUEV, 180) и др. *Ur-(u)k-, ср. лит. Ūrka, Ūrkis, Ūrkupis, Ūrkupis (LUEV, 180)?

Гозьбуже (оз., после 1664), в басс. Дубны — неясно. Не метатеза ли из *Гобъз-уж-*? Ср.: *Гобзица* в верховьях Днепра (ТТ, 169, 182); *Гобза* в басс. Зап. Двины (Būga. RR, III, 523); лит. Gabižius (LUEV, 41); лтш. Gabieži (Endz., I, 1, 287); ятв. Gobižas и др. *Gabiz-/iž-). Или же из *Gostь-bud-je > Gozьbuže?

Шитка (1669), л. п. Клязьмы, сюда же *Шитское* (оз.), в басс. Шитки и *Шитское* (оз. в басс. Дрезны) — см.: *Шатуха* (1270), м. б., лит. Šėta (LUEV, 163)?

Мергель (1675), л. п. Вольги, л. п. Клязьмы — неясно. Формально сопоставимо с пр. Mergunen, Mergarille (Ger., 98); лит. Meigė, Mergėlės Akėlės, Meigėžeris, Meigūpalis, Meigūpelis, Mergūpis, Mergūpys и др. (LUEV, 101); лтш. Meigdze pl., Meigaspurviņš, Meigupe и др. (Endz., I, 2, 421—422); куршск. Mergenwalcke (KF, 126, с иным объяснением). Ср. в басс. Нарва Grosser Mergel See (HW, 489), тут же Margelfliess; к *Marg- ср. днепр. *Морожа* (Būga. RR, III, 532; ТТ, 196), наревск. Klein-Margen-See, Gross-Margen-See (HW, 448, 452), а также Duży Mergel, Mały Mergiel (HW, 805). *Merg-el-.

Макулка (1703), п. п. Клязьмы — ср. пр. Maskutkaum (Ger., 93; м. б., сюда же Moskelkaum, 100?); лит. Makys (LUEV, 97), Makių km., Makoniškės km. и др. (LATS, 797); лтш. Makulis, Maķis, Maķēni, Makuši, Maķins и др. (Endz., I, 2, 372). *Mak-ul-.

Дрезна (1727), п. п. Клязьмы — ср. днепр. *Дрежна*, *Дресна*, *Дресенка*, *Дражня* и под. (ТТ, 185); там же балт. соответствия.

Деркулька (1734), п. п. Клязьма — ср. лит. Derkys, Derkiūbio upėlis, Derkiūtiškių upėlis (LUEV, 29, ср.: LATS, 674). *Derk-ul-.

Понора (1743), л. п. Ушмы, п. п. Клязьмы — см. *Нерская* (577), *Понар* (578)?

Веля I (1798), л. п. Дубны — неясно. Ср. пр. Velowe, Welune

(Ger., 198—199, ср.: Wilen, 201); лит. Vėlyš, Vėliuonė, Vėlių upėlis, Velurys и др. (LUEV, 189, 190); лтш. Vīlenes upė, Vīlenes laīka (Plāķis, 55, 60) и др. Ср. днепр. *Велейка*, *Вельна* и др. (ТТ, 179); *Вилейка* (1107)? *Vel-ī-, *Vil-ī-.

Иснушка (1804), л. п. Вели, л. п. Дубны — см. *Исньшка* (1604).

Воря (1805), в басс. Вели, л. п. Дубны — см. *Воря* (1575).

Якоть (1826), л. п. Дубны — неясно. Ср. пр. Akotin (Ger., 8); лтш. Akates, Akatis, Akatu-ezers, Akacis, Akācpurvs и др. (Endz., I, 1, 13); м. б., куршск. Ackete, Akitte (KF, 74); ср.: *Акатово*, местное название в Смол. обл.; ср.: *Окатьева* слободка (ДЦГ, 7, 9). *Ak-at-ī-.

Маска (1852), п. п. Дубны — см., м. б., о *Москве*.

Вздережежа (1856), п. п. Дубны — см. *Здерешка* (433).

Сулоть (1862), п. п. Курги, п. п. Вздережежки, п. п. Дубны — неясно. Из объяснений с помощью балт. материала ср.: 1) пр. Sultingen (Ger., 176) или 2) лит. Saulūcių km. (LATS, 918); лтш. Saūlites pl. (Plāķis, 26); к названиям рек, основанным на том же принципе, ср. лит. Saulurė, Saulātakis (LUEV, 143). Следовательно, *Sul-at-ī- или *Saul-at-ī-? Ср. элемент *Сул-* в названиях Севера России (финского происхождения)?

Яуза, (1885), л. п. Сестры — см. *Яуза* (516).

Лютина (1912), п. п. № 1260, п. п. Сестры — неясно. Ср. лит. Lūtupis (LUEV, 96); лтш. Lutēņi (Endz., I, 2, 349). М. б., сюда же название соседней реки *Лутошня* (1913), п. п. Сестры. Ср. также: *Лютерка* (1331); Lucieņ, Lucieņskie в басс. Нарва (HW, 579) и др.; Lütten (MH, 103) и т. п.

Лутошня (1913), п. п. Сестры — см. *Лютина* (1912).

Кимеша (1919), п. п. Лутошни, п. п. Сестры — неясно. Ср. лит. Kimšų km. (LATS, 758); лтш. Ķimšas, Ķimšis, Ķimši, Ķimšene pl., Ķimšu, Ķimšupe, Ķimšukalns, Ķimšinieki и др. (Endz., I, 1, 166; I, 2, 222); сомнительно.

Сарновка (1922), п. п. Лутошни, п. п. Сестры — ср.: *Серпейка* в басс. Сожи и ее балт. соответствия (ТТ, 207).

Скородайка (1930), п. п. Икши, л. п. Яхромы — неясно. Ср.: *Скорodka* в басс. Днепра и балт. параллели (Būga. RR, III, 510, 540, 741, 881; ТТ, 208).

Волкуш (1931), л. п. Икши, л. п. Яхромы — Ср.: *Волкать* в Тверск. губ. (СБРАУ, 1932, 660; ср. лит. Vilkūtis); м. б., пр. Wilkus (Ger., 202); лит. Vilkupė, Vilkupis, Vilkurys, Vilkutė и др. (LUEV, 196); Vilkesa (Būga. RR, III, 547; ТТ, 181); куршск. Wilkvrpe (KF, 185). *Vilk-?

Клубиш(а) (1939), п. п. Волкуш(и), л. п. Икши, л. п. Яхромы — неясно. Сомнительна связь с лтш. Klaubes, Klubas, Kluburi и др. (Endz., I, 2, 97, 108); тем более с пр. Cloben (Ger., 66).

Бунятка (1947), л. п. Яхромы — неясно. Ср., однако, пр. Banetin (Ger., 16); ср.: Bonten, Bontewisske, 22?; лит. Banitiškis

ГИДРОНИМЫ ПОДМОСКОВЬЯ
(И НЕКОТОРЫХ СМЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ),
РАССМОТРЕННЫЕ В СТАТЬЕ

(LUEV, 14; если оно не из Banikiškis); лтш. Banīte pl. (Endz., I, 1, 83) или Buītes, Buīti, Buītene, Buītki, Buītiņi и др. (Endz., I, 1, 146, ср. лит. Būntiškės и др.), ср. также: Baūnis (Endz., I, 1, 88); куршск. Bane (KF, 84); ср.: *Буня* в басс. Днепра (Машт. Днепр., 145); Vanow, Bantekow, Bantiz, Bantow, Bantin и др. к зап. от Вислы (МН, 24; EOSON, I, 88 и др.). *Bun-et-, *Van-et-, *Ban-et-?

Кухолка (1960), п. п. Яхромы — неясно. М. б., к пр. Cuculing (Ger., 75, ср.: Kuke, Kusaun, Cukemedie, Cucuten, Kukutcaun); лит. Kūkulių upėlis (LUEV, 82; ср.: Kukūys, Kukūtis и др., 82—83), Kaukuoliku km. (LATS, 750); лтш. Kukuļi, Kukulēn pl., Kukulīški, Kukulītis, Kaukaļi и др. (Endz., I, 2, 63, 166); м. б., сюда же Kuklówka в басс. Нарва (HW, 571); Kukkole, Kukeltze, Kukelevitze (EOSON, I, 137; МН, 80, 87). *Kuk-ul-(-ol-, -al-), *Kauk-ul- (-ol-, -al-)?

Коротенка (1970), п. п. Сестры — могло бы соответствовать балт. *Kart-en-(-in-); ср. лит. Kartenalė, Kārtupis, Kařtupis (LUEV, 70); Kartėnu km., Kartanu km., Kartaniškiu km. (LATS, 748); лтш. Kařtiņi, Kařtinu-bredes (bedres), Kārtiņa и др. (Endz., I, 2, 54, 92); куршск. Kartine (KF, 111); ср.: Kortenicz (EOSON, II, 14; Slaw. Prag., VIII, 260). Ср., однако, названия на *Корт* типа *Кортлахта* с существенно более северным ареалом.

Нерское (оз.), в басс. Яхромы — см. *Нерская* (577).

Шусть (2020), л. п. Кубри — ср. лит. Šustė, Šustis, Šustys (LUEV, 168)? *Šust-i-.

Кубрь, в басс. Волги — ср. *Кубрь* в басс. Сейма и балт. параллели (ТТ, 192), см. выше.

Нерское (оз.), в басс. Яхромы — см. *Нерская* (577).

Калина-Вырваны (оз.), в басс. Москвы — см. *Ворванка* (1230).

Гозбуже (оз.), в басс. Клязьмы — см. *Гозьбуже* (оз., после 1664).

Шитское (оз.), в басс. Киржача — см. *Шитка* (1669).

Ажева	Вырваны	Жижмоль	Каширка
Алекса	Вырка	Житойка	Келенка
Алеменка	Вязовня	Жукопа	Кимерка
Алтынист			Кимеша
Алчашка	Гаратовка	Заденка	Кледейка
Апраш	Гарынка	Задериношка	Клеткина
Аржать	Гастижка	Заменка	Клубиша
Аркуловка	Гати	Здериноги	Коломенка
	Гжать	Здеришка	Колоча
Батынка	Гжелка		Колпана
Березина	Гозбуже	Издетель	Комеча
Бесенка	Гозьбуже	Ильятенка	Копанка
Бессулинка	Гордота	Иночь	Коротенка
Боринка	Горедва	Искона	Коча
Босенька М.	Горетовка	Исма	Коша Б. и М.
Брюшня	Гореденка	Иснушка	Кревка
Бубна	Городня	Исньшка	Кремична
Бунятка	Городянка	Исня Б. и М.	Кремишня
Бутень	Гряда	Истонка	Криста
Бутынка		Истоя	Кубрь
		Истра	Кудь
		Истра М.	Купеленка
		Ичка	Куплудиска
			Курица
Важаночка	Дарченка	Каденка	Лама
Вазуза	Дерельня	Калина-Выр-	Ланка
Варник	Держа	ваны	Лать
Вейна	Держулька	Калятинский	Лашутка
Велеса	Дойвбица	Капитовка	Лема
Веля	Дорка	Карженка	Лемна
Вздережжа	Дрезна	Карчевина	Лемна Б.
Вилейка	Дрогоча	Касня	Летовка
Война	Дуба	Каспля	Лисенка
Волоста	Дуденка	Кастинка	Литинка
Волшня	Дудинка	Кастомка	Литонский
Ворванка		Катыша	Лобь
Воржинка	Ендова	Катышна	Лобня
Ворча		Кашипка	
Воря	Желема		
Восьма	Жественка		
Вошня	Жетанка		
	Жижала		

Локнаша	Немда	Савиха	Уминка
Ломна	Нерпское	Салик	Унинка
Лосьминка	Нерская	Санкиша	Уча
Лосьмянка	Нерское	Сара	Ушанка
Лоча Б. и М.	Нетынка	Сарповка	Ушбица
Лоша	Ногатинская	Сатовка	Ушна
Лубянка	заводь	Северка	
Луса	Нудаль	Сежа	Хапиловка
Лусяца	Нудовка	Селеня	Хвилка
Лусянка	Нудыль	Селитенка	Хлиденк
Лутощня		Сетка	
Лучеса	Обша	Сетовка	Цна
Льгощ	Ока	Сетунь	Чачинка
Любенка	Оканица	Сижка	Чекень
Любиша	Ольсафка	Силинка	Челвянка
Люсловка	Опочинка	Сишка	Челвянка
Люстерка	Орлешка	Сколба	Черемощня
Лютерка	Орша	Скородайка	Чермянка
Лютина	Осеска	Смедва	Чертолино
	Осень	Смедва М.	Чечера
	Отра	Смередка	Чечора
Макулка		Сморжинка	Чисьмена
Мамонка		Солинка	Чичата
Марвинка	Палигипа	Спировка	Чичатка
Маска	Першинская	Срябинка	Чмирица
Матренка	Пока	Стебелька	Чупанка
Меденка	Польга	Стеблянка	
Мезинка	Понар	Стербинка	Шанкинка
Меленка	Понора	Стромынка	Шатуха
Мелеча	Почь	Сулошь	Шерна
Мемяжа	Пресня		Шершня
Мемеиха	Пронька	Таденка	Шипуленка
Мерегель	Протва	Тара	Ширевка
Мжуг		Таратынка	Шитка
Мзовка		Таруса	Шитское
Микажель	Ража	Тилановка	Шоша
Митенка	Рама	Титель	Шувайка
Мозовка	Рачка	Трасна	Шувоя
Молокча	Решенка	Тростенское	Шусть
Москва	Рондушка	Тростля	Шутинка
Московка	Роселье	Турейка	
Мошонка	Руденка	Турища	Щеленка
	Руза	Туросна	
Нагатино	Руне	Тяжинка	Юшинка
Нара	Руница		
Начка	Рунский	Угра	Якоть
Неглимна	Русса	Ула Б. и М.	Ялма
Неглинная	Руть	Улупинка	Яуза
Нежка	Рядовошь		

* * *

Из списка гидронимов Подмосковья, приведенного выше и насчитывающего более 300 единиц, весьма многие должны рассматриваться как несомненно балтийские. Ср.: *Алтынист, Алчанка, Аркуловка, Батынка, Бесенка, Бессулинка, Боринка, Бунятка, Бутень, Бутынка; Важаночка, Вилейка, Волиня, Воранка,*

Воржинка, Ворча, Восьма, Вырваны; Гжелка, Гозбуже, Грядда; Дарченка, Дерельня, Держа, Деркулька, Дрезна, Дрогоча, Дуба; Ендова; Желема, Жетанка, Жижала, Жижмель, Житойка; Заденка, Заменка; Издетель, Ильятенка, Иночь, Иснушка, Иснышка, Исня, Истонка, Истоя, Истра; Каденка, Калатынский, Карженка, Кастинка, Катышина, Келенка, Кледейка, Клеткина, Колоча, Комеча, Кремична, Криста, Кубрь, Курица; Лама, Ланка, Лашутка, Летовка, Литинка, Лобь, Лоша, Лусяца, Лусянка; Макулка, Марвинка, Матренка, Меденка, Мезинка, Мемеиха, Мерегель, Мошонка; Нагатино, Нара, Нетынка, Нудаль, Нудыль; Ока, Оканица, Ольсафка, Осенка, Осень, Отра; Понар, Понора, Протва; Репенка, Руза, Руть; Сарповка, Селеня, Селитенка, Сетка, Сетовка, Сетунь, Силинка, Сколба, Скородайка, Смедва, Смержинка, Спировка, Стебелька, Стеблянка, Стербинка; Таденка, Тара, Таруса, Титель, Тяжинка; Угра, Ула, Улупинка, Уча, Ушанка, Ушбица, Ушна; Чачинка, Чекень, Челвянка, Челвянка, Чермянка, Чертолино, Чечера, Чечора, Чисьмена, Чичата, Чичатка; Шанкинка, Шипуленка, Шусть, Шутинка; Якоть и др. В пользу именно балтийского происхождения гидронимов такого рода говорят многие факты: их лексический состав, словообразовательный инвентарь, наличие для ряда случаев русских калек, присутствие аналогичных гидронимов на территории Литвы, Латвии, Пруссии, присутствие их в бассейне Верхнего Днепра, несомненность балтийского гидронимического контекста в месте появления данного названия, иногда исторические свидетельства и т. п.

Тем не менее важно еще раз напомнить о наиболее целесообразном понимании термина «балтийский» применительно к анализируемым названиям. Без такого напоминания возможны недоразумения разного рода. При предлагаемом понимании «балтийский» не противопоставляется «славянскому» этнически и даже лингвистически, а скорее — исторически и типологически. Точно так же, как здесь говорится о «Baltica» Подмосковья, можно говорить о «Slavica» Прибалтики, имея в виду несомненно балтийские по своему происхождению формы, ушедшие по пути эволюции дальше, чем основной массив форм (ср., например, случаи с полногласием, упрощением дифтонгов с носовым элементом, разные виды палатализации, субституция словообразовательных формантов и т. п.). Тот факт, что названия, трактуемые здесь применительно к Подмосковью как балтийские, могут встречаться (хотя и в несравненно более ограниченном объеме) в других местах славянской территории, где балтийские следы не обнаружены, сам по себе не противоречит интерпретации этих названий как балтийских. Вместе с тем трудно опровергнуть и специалиста, который использует те же самые названия под углом зрения их славянской (русской) интерпретации. Различия в подходе связаны с анализом наслоений различного характера.

Такие же территории, применительно к которым допустимы толкования в двух различных направлениях, представляют собой ареалы, где происходила (а в некоторых случаях и происходит) дифференциация балтийского и славянского элементов, точнее — перерастание первого во второй, переосмысление балтийских фактов как славянских. В этом смысле традиционная балто-славянская проблематика, помещающая свои интересы в эпоху, предшествующей появлению балтийских и славянских языков в их обособленности, целесообразно локализуется во времени — в существенно более позднюю эпоху вплоть до исторической (рубеж I и II тысячелетия н. э., а иногда и позже), в пространстве — на периферийных по отношению к Прибалтике территориях, где дольше всего удерживался балтийский элемент (западная часть Подмосковья, Верхний Днепр, бассейн Нарева и т. п.). Можно пойти еще дальше. В настоящее время тот же самый вопрос во всей его актуальности решается на территории Дзукии и Латгалии³⁶.

Опираясь на приведенный выше материал и памятуя, что его достоверность существенно зависит от совокупности примеров (а не от единичных названий, даже если они внешне весьма достоверны), можно попытаться предложить вариант восточной границы балтийского элемента в Подмосковье.

К северу от р. Москвы балтийские названия с несомненностью отмечаются в бассейнах ее крупнейших левых притоков Рузы и Истры и в непосредственном соседстве с ними. При этом балтийские названия в этих местах наиболее убедительны и достоверны по своей форме и превалируют над другими в количественном отношении (ср.: *Иночь, Почь, Батынка, Искона, Истока, Тяжинка, Руза, Вазаночка, Житойка, Дуба, Мошонка, Кастинка, Кастомка, Жетанка, Вошня, Вошня, Града, Брюшня, Аркуловка, Роселье, Истра, Катыша, Катышна, Заменка, Гарынка, Палигина, Нудыль (Нудаль), Здеришка, Мозовка, М. Истра, Руденка, Задериношка; Шанкинка, Кремишня, Ланка, Курица, Яуза, Ичка, Стебелька, Капитовка, Криста, Чечора, Сатовка, Гжелка, Дорка* и др.). К северу от водораздела левых притоков Москвы и правых притоков Волги (между Зубцовым и нынешним Иваньковским водохранилищем) также отмечены балтийские гидронимы (ср.: *Шоша, Дойвица, Ушибца, Лгощь, Русса, Калятинский, Лобь, Карчевина, Шершня, Издетель, Лама, Матренка, Чисьмена, Сморгжинка, Селеня, Держа, Жижемль, Дерельня* и др.). Однако их число меньше, чем в бассейне Москвы к северу от нее, и в общем степень их достоверности не столь

³⁶ О понимании термина «балтийский» см. также: В. Н. Топоров. О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы. «Slavica Pragensia», VIII. Acta Universitatis Carolinae. Philologica, 1966, 1—3, стр. 255—263; О н же. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы. «Baltistica», 1966, I, 2, стр. 103—112.

велика, как в предыдущем случае. Кроме того, точные границы в этом районе провести труднее, поскольку неизвестно, где находится эпицентр наименования правых притоков Волги. Возможно, что они получали свое название в верховьях. Но так или иначе, существенно заметить, что по крайней мере в верховьях правых притоков Волги достоверно наличие балтийского элемента. Таким образом, можно предполагать, что восточная граница распространения балтийских гидронимов в северной части Подмосковья была близка к линии (приближающейся к прямой), которая соединяет западную оконечность Иваньковского водохранилища на Волге, Истрийское водохранилище и Москву (или районы, непосредственно примыкающие к ней с востока). Иначе говоря, эта граница проходит в большей своей части чуть западнее теперешней линии железной дороги Москва—Ленинград³⁷. Исключения немногочисленны: так, восточнее этой линии находятся притоки Б. Сестры (*Чисьмена, Сморгжинка* и др.) и некоторые реки бассейна Клязьмы (*Лобня, Чекень, Уча, Сколба, Воря* и др.). Другие названия в бассейне Клязьмы или слишком немногочисленны или вообще сомнительны, чтобы настаивать на отнесении восточной границы распространения балтийского элемента еще дальше на восток (ср.: *Уминка, Оканица, Рондушка, Иснышка, Лашутка, Любасива, Шерна, Меляжа, Ширенка, Ража, Молокча, Вьрка, Шитка, Мерегель, Макулка, Дрезна, Деркулька, Понора* и др.). Характерно, что общий гидронимический контекст в этом районе не является балтийским, во-первых, и что гидронимы, подозреваемые в балтийском происхождении, прошли в значительной своей части через обработку в финской языковой среде, во-вторых.

К югу от р. Москвы балтийские названия достаточно обильны и, как правило, вполне достоверны. Ср. правые притоки Москвы, включая бассейн Пахры: *Келенка, Стеблянка, Луцица, Лусьянка, Колоча, Сетка, Чжирица, Шилуленка, Клеткина, Сетунь I и II, Чашинка, Хвилка, Городенка, Юшинка, Бутынка, Лоша, Купеленка, Силинка, Мзовка, Улупинка, Лубянка, Нежка, Жественка, Чупанка, Пока, Литинка, Ушанка, Унинка, Литонский* и др. Южнее водораздела между правыми притоками Москвы и реками бассейна Оки и прежде всего Протвы и Нары балтийские названия представлены с той же густотой (ср.: *Ока, Протва, Карженка, Мжут, Репенка, Руть, Мемеиха, Исма, Алекса, Ильятенка, Истоля, Селитенка, Нара, Дуденка, Срябинка, Кремишна, Смередка, Заденка, Ворванка, Городенка, Таруса, Копанка, Алчанка, Шатуха, Таденка, Челвянка, Челвянка, Тилановка, Лютерка, Мамонка, Лисенка, Микажель* и др.). Что же

³⁷ При условии, что *Шоша, Лобь, Лама* и др. получили свои названия в верховьях границы распространения балтийских элементов, в ее северной части она может быть перенесена на 30—50 км к юго-западу.

касается надежности балтийского происхождения этих названий, то она выше на юго-западе Подмосковья и существенно снижается по мере продвижения на восток. Тем не менее вся территория к западу от линии, соединяющей устье Пахры с устьем Лопасни, может считаться с достаточным основанием ареалом балтийской гидронимии. Названия, лежащие к востоку от этой линии по Москве (ср.: *Ендова, Солинка, Отра, Ольсафка, Савиха, Северка, Сетовка, Марвинка, Шувайка, Нудовка, Алтынист, Городенка, Титель, Городянка, Дарченка, Осенка, Люстерка, Коломенка, Санкина, Басенка, Вилейка* и др.³⁸) и по Оке (ср.: *Каширка, Рама, Гати, Желема, Щеленка, Цна, Боринка, Летовка, Люс-ловка, Комеча, Ялма, Кледейка, Городенка, Нерпское, Рядовошь, Восьма, Любиша, Абрань, Пронька, Хлиденк, Репа, Смедва, М. Смедва, Любенка, Босенька М.* и др.), в значительной своей части обнаруживают балтийское происхождение. И хотя по мере продвижения на восток примеры становятся менее достоверными, а иногда и просто сомнительными, причем одновременно заметно возрастает число названий явно не балтийского (и не славянского) типа, — тем не менее ряд балтийских гидронимов этих мест по своей убедительности не уступает названиям в верховьях Днепра (ср.: *Отра, Восьма, Нара, Желема, Ендова, Солинка, Ольсафка, Алтынист, Титель, Вилейка, Комеча, Кледейка* и др.). Поэтому есть основания предполагать, что все междуречье Москвы и Оки было областью распространения балтийской гидронимии, хотя восточный его угол (к востоку от устья Пахры и устья Лопасни) был местом усиленного взаимодействия названий балтийского и, условно говоря, финского типов. Следовательно, восточную границу балтийского элемента в южной половине Подмосковья можно вести примерно по течению Москвы вплоть до ее впадения в Оку³⁹.

Среди языковых особенностей балтийской гидронимии Подмосковья прежде всего следует отметить набор словообразовательных формантов, который в дальнейшем может быть сопоставлен с таким же набором в балтийских гидронимах Верхнего Днепра. Сразу же можно указать на то, что в гидронимии Подмосковья элементы словообразования, сопоставимые с балтийскими формантами в большей степени, чем в днепровской гидронимии, затемнены более поздними суффиксами славянского типа (прежде всего на *-ка-*, особенно на *-овка*, также на *-ица*, *-ица*, *-уха*, *-ская* и проч.). Если названные форманты в гидронимии этого района могут быть

³⁸ Сюда же следует включить и левые притоки Москвы (ср.: *Нерская, Понар, Дудинка, Меденка, Шувоя, Бессулинка, Боринка, Куплудиска, Нетынка, Мезинка* и др.).

³⁹ Восточная граница балтийской гидронимии в пределах Калужской и Тульской (а теоретически и западной части Рязанской) областей должна стать предметом специального исследования. К сожалению, состояние изучения гидронимов бассейна Оки ниже критики.

смело отнесены к славянскому вкладу, то форманты с элементом *-н-* (в разных вариантах), обслуживающие весьма широкий круг гидронимов Подмосковья, могут быть квалифицированы как элементы, в отношении которых различие между балтийским и славянским представляется весьма затруднительным, а часто вообще невозможным предприятием.

Среди формантов с элементом *-н-* можно выделить следующие группы:

-енка: *Алеменка, Бесенка, Босен(ь)ка, Городенка, Дарченка, Дуденка, Жественка, Заденка, Заменка, Ильятенка, Каденка, Карженка, Келенка, Коломенка, Коротенка, Купеленка, Лисенка, Любенка, Матренка, Меденка, Меленка, Митенка, Орленка, Осенка, Репенка, Руденка, Селитенка, Таденка, Шипуленка, Ширенка, Щеленка.*

-инка: *Березинка, Бессулинка, Боринка, Воржинка, Дудинка, Кастинка, Кашинка, Литинка, Лосьминка, Марвинка, Мезинка, Опочинка, Силинка, Сморгинка, Солинка, Срябинка, Стербинка, Тязинка, Улупинка, Уминка, Унинка, Чачинка, Шанкинка, Шутинка, Юшинка.*

-анка/-янка:
Алчанка, Ворванка, Городянка, Жетанка, Копанка, Лосьмянка, Лубянка, Лусянка, Стеблянка, Ушанка, Челвянка, Чельвянка, Чермянка, Чупанка.

-ынка:
Батынка, Бутынка, Гарынка, Нетынка, Стромынка, Таратынка.

-онка:
Мамонка, Мошонка.

-инск/-енск/-онск-:
Калятинский, Литонский, Ногатинская (заводь), Тростенское.

-ня/-на:
Брюшня, Бубна, Волиня, Вязовня, Городня, Дерельня, Дрезна, Исня, Касня, Катышня, Кремична, Кремичня, Лемна, Лобня, Ломня, Лутошня, Неглимна, Пресня, Трасна, Тростня, Туросна, Ушна, Черемошня, Шерна, Шершня.

-ина/-иня/-ино:
Вошина, Карчевина, Клеткина, Лютина, Нагатино, Палигина, Санкина, Чертолино.

ень/-ань, -ушь, -ышь:
Абрань, Осень, Сетунь, Стромынь, Чекень, Чисьмена.

Производными от перечисленных типов или несколько отличными вариациями можно считать такие гидронимы, как: *Алтынист, Ваяночка, Вываны, Искона, Иснушка, Иснышка, Колпана, Оканьца, Пронька, Селеня, Тилановка, Хлиденк, Цна* (исторически)⁴⁰.

⁴⁰ Исторически, конечно, возможно выделение и некоторых других типов, например, на *-мен-*, ср.: *Чисьмена, Чермянка, Стромынка, Лосьмянка, Лосьминка, Коломенка* и др.

Гораздо ограниченнее группа гидронимов, где так или иначе может быть выделен формант -л- (-ул-, -ил-, -ол-, -ал-, -ел-). Ср.: *Аркуловка, Бессулинка, Деркулька, Макулка, Шипуленка, Хапиловка, Чертолино, Жижала, Нудаль, Гжелка, Дерельня, Жижмель, Издетель, Купеленка, Мерегель, Микажель, Роселье, Стебелька, Стеблянка, Титель, Нудьль, Люслова, может быть, Куплудиска (?)*.

Из гидронимов с формантом -т- (-ат-/-ят-, -ет-, -ит-, -от-, -ут-) ср.: *Аржатъ, Буятка, Гаратовка, Гжатъ, Ильятенка, Калятинский, Чичата, Чичатка*⁴¹; *Горетовка, Комеча, Мелеча, Капитовка, Кремична, Селитенка, Дрогоча, Колоча, Сулотъ, Якоть, Лашутка, Мжут, Почъ, Тарутино*.

С суффиксами -ейк-, -айк-, -ойк- отмечены: *Вилейка, Дидейка, Кледейка, Турейка; Скородайка, Шувайка; Житойка*.

Формант -ва представлен в гидронимах *Горедва, Москва* (ср.: *Московка*), *Протва, Смедва*; есть еще ряд названий, в которых некогда элемент -в- играл, может быть, более самостоятельную роль (*Челвянка, Челвянка, Горетовка, Нудовка, Карчевина, Люслова, Мозовка, Рядовошь, Сатовка, Сетовка*).

Формант -оя/-ея может быть засвидетельствован не только непосредственно (ср.: *Истоя, Шувоя, Веря*), но и косвенно (*Вилейка, Дидейка, Кледейка, Турейка, Житойка* и др.).

Наиболее очевидные различия по сравнению с гидронимией Верхнего Днепра состоят в том, что в Подмосковье почти полностью исчезают названия с формантом -с- (ср. только *Таруса* и косвенно, может быть, *Туросна, Лутошня, Волоста*), что названия с элементом -ш- возрастают (*Катыша, Катышна, Кимеша, Клубиша, Локнаша, Любиша, Обша, Шоша* и т. п.⁴², причем происхождение этого -ш- заведомо различно; то же можно сказать о гидронимах на -ма), что появляются в отличие от Поднепровья названия с элементом -р- (ср.: *Каширка, Кимерка, Люстерка, Лютерка, Чечера, Чмирица* и т. д., причем этот элемент также имеет разное происхождение).

В ряде случаев можно предполагать наличие элемента ир-, обозначающего реку, ср.: *Улупинка, Ушбица* и в непосредственной близости к Подмосковью *Упа, Вовь, Каспля, Жукопа* и др. Интересны случаи разного словообразовательного оформления одной и той же гидронимической основы, ср.: *Чечера — Чичата — Чекень (-р-: -т-: -н-), Житойка — Жетанка (-к-: -н-), Гарынка — Гаретовка, Гаратовка — Гариста* (на Днестре) (-н-: -к-: -сп-), *Сетунь — Сетка, Сетовка, Сатовка* (-н-: -к-) и т. п., или появления одной и той же основы в разном звуковом виде, ср.: *Нара — Нерская — Понора, Нача — Нетынка, Сатовка — Сетовка, Сетка, Сетунь, Вейна — Война, Лемна — Ломна (?)*, *Апрань —*

⁴¹ Может быть, *Таратынка?*

⁴² Несколько иное положение с гидронимами с элементом -ж- (ср.: *Гозбуже, Меляжа, Сежа*).

Пронька, Дрезна — Дрогоча, Кимерка — Чмирица, Мжут — Мзовка — Мозовка, Сежа — Сишка, Шерна — Ширенка и др.

Фонетические черты балтийских гидронимов Подмосковья таковы, что напрашиваются два заключения. Первое — двоякость (по крайней мере) отражения определенных диагностических черт в фонетике. Второе — как следствие первого — длительное наличие контакта между носителями балтийского и славянского элемента, обеспечившее установление системы пересчета с более архаической стадии на более продвинутую. Имеются в виду такие случаи, как двоякая трактовка сочетаний типа *tart-* (ср.: *Карженка, Марвинка, Ворванка, Дарченка, Сколба, Шерна, Сарповка, Деркулька, Челвянка, Смержинка, Держа, Карчевина, Вошня, ср. в начале слова: Аркуловка, Алчанка*; но: *Колоча, Коротенка, Скородка, Скородайка, Смередка, Желема, Челвянка, Городенка, Коломенка, Ширенка, Молокча, Меляжа, Мерегель* и др.)⁴³; двоякая трактовка дифтонгов и сочетаний с носовым (ср.: *Ланка, Яуза, Дойвбицы*, но: *Уча, Дуба, Истоя* и др.); двоякая трактовка задненебных перед гласными переднего ряда (ср.: *Келенка, Кимерка, Мерегель*, но *Чечера, Чичата, Челвянка, Чмирица, Желема, Жижала, Житойка* и др.; ср. смешанный случай — *Чекень*)⁴⁴; двоякая трактовка *и и *i (ср.: *Улупинка*, где -уп- из *ур-, но *Ушбица*, видимо, из *Už-ур-, где *ур- > *ър-, или *Цна* < *Tusna); мена z : ž (ср.: *Мзовка — Мжут, Дрезна — Дрежна*, ср. также: *Замьнка, Заденка, Гозьбуже, Здершица* и др., учитывая их возможные балтийские соответствия); мена s : š (ср.: *Санкина — Шанкинка*, может быть, *Северка — Шувоя*); спорадический переход s- > x- (ср.: *Хлиденк, Хвилка, Хапиловка*); спорадическое появление протезы (ср.: *Якоть — Акатьево, Ялма — Алеменка, Юшинка — Ушанка?* и др.) и т. д.

Вместе с тем следует помнить, что для территории Подмосковья в его истории были существенны не только контакты балтийского и славянского элемента, но и контакты последних с финским элементом. Гидронимия восточной и отчасти северной части Подмосковья (бассейны Волги, Клязьмы, Москвы к востоку от г. Москва, Оки после г. Кашира) наглядно фиксируют эти (условно говоря) балто-финские контакты. Речь идет о резком возрастании названий с элементами -р-, -ш-, -ж-; о сложных взаимоотношениях названий типа *Рондушка — Рядовошь*, допускающих в том, что касается их происхождения, двоякое толкование; о разных видах гибридизации (финский корень с балтийским суффиксом, балтийский корень с финским суффиксом и т. п.); о появлении форм, весьма напоминающих латышские названия финского происхожде-

⁴³ Сюда же относятся некоторые случаи, содержащие слоговой плавный между двумя согласными.

⁴⁴ В ряде случаев приходится, видимо, предполагать и третий рефлекс, ср.: *Издетель* (< *Iš-deg-el- > *Iš-ded-el?).

ния [ср.: *Кимерка* при лтш. *Kēmere, Kēmeres-upē* (Endz., I, 2, 205); ср.: *Ķīmtari, Ķīmērnīēki, Ķīņī,* 222 и др., ср. *Кимры; Меляжа* при лтш. *Melūži* (Endz., I, 2, 418, ср. лит. *Melūžiai*) и др.]⁴⁵. Нет сомнения, что изучение языковых контактов балтийского и финского элемента в Подмосковье — одна из первоочередных desiderata ареальной и исторической лингвистики Центра России. Именно здесь (в отличие, например, от Верхнего Днепра) эти два элемента встретились во всей своей силе и на достаточно обширной территории. К сожалению, в настоящей работе этот круг вопросов не может быть затронут.

Также здесь не будут освещены и другие важные вопросы, связанные с исторической картиной бытования балтийского элемента в Подмосковье. Тем не менее напрашивается ряд соображений, так или иначе относящихся к собственно исторической проблематике. Естественно, они могут быть высказаны здесь лишь в форме предположений.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что собственно исторические данные о наличии балтийского элемента в Подмосковье и областях, соседних с ним, гораздо богаче, чем обычно предполагают. Речь идет не только о постоянных сообщениях в летописях типа *Воеваша Литва на Шелонь* (1217 г.), *Воеваша Литва около Торонца* (1223 г.), *Придоша Литва, повоеваша около Торожку беицисла* (1225 г.), *Придоша Литва и воеваше Любне и Мореву и Серегерь* (1229 г.), *Изгониша Литва Русу оли до тьргу . . . и отступила на Клинь . . . князь же . . . постиже я на Дубровнь на селици въ Тороньской волости . . .* (1234 г.), *Воеваша Литва около Торжску и Бѣжици* (1245 г.) и т. п. (все примеры из 1-й Новгородской летописи)⁴⁶ и не только о вполне определенном свидетельстве о присутствии голяди на Протве (*И шедь Святославъ и взя люди Голядь, верхъ Поротве . . .* Ипатьевск. летоп. 1147 г.)⁴⁷. Не менее существенно общее впечатление важной и устойчивой роли балтийского («литовского») компонента в Подмосковье, создающееся при изучении

ранних документов, связанных с историей этого района⁴⁸. Так, в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей 14—15 вв. постоянно встречаются сообщения такого рода: *а от Будиана поперекъ Литовского пути* (Дух. грам. кн. серпух. и боровск. Владимира Андреевича, ок. 1401—1402 г.); . . . *прямо на поперекий мостъ к Литовской дорозе* (Жалов. грам. кн. Ивана Васильевича, 1483 г.); *а поидутъ на нас Литва или на смоленского на князя на великого . . .* (Дух. грам. вел. кн. Дмитрия Ивановича, 1375 г.); *а к Литвѣ князю великому Олгу целованье сложити. А будет князь великий Дмитрий Иванович и брат, князь Володимерь, с Литвою в любви, ино и князь великий Олег с Литвою в любви* (Грамм. вел. кн. Дмитрия Ивановича, 1382 г.) и т. п. (см.: ДДГ, № 9, 10, 17, 77 и др.). Актуальность внешних отношений с Литвой, подтверждаемая многочисленными свидетельствами, подкрепляется и внутренними данными, необъяснимыми при предположении об исключительно внешнем влиянии военных походов или военных поселений. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что названия всех крупных городов, окружающих Москву с северо-запада до юго-запада, балтийского происхождения (хотя, разумеется, эти названия вторичны по отношению к названиям соответствующих рек), ср.: *Волоколамск* (см.: *Лама*, *Руза* (см. выше), *Можайск* (см.: ТТ, 195—196), *Верея* (ср. пр. *Weryen* или *Wirgeiten* (= *Wirjeiten), *Wiriten*, *Weryten*, Ger., 199, 203; лит. *Verys, Vereta, Vėrė, Verupė, Vėrupis, Virintà, Vyrius* и др., LUEV, 191, 192, 198 и др.; ср.: *Верея*, названия ряда населенных пунктов в Подмосковье, в том числе и к востоку от Москвы, например, около Орехово-Зуева или Лыткарина), *Нарофоминск* (см.: *Нара*), *Серпухов* (*Серпоховъ*. Дух. грам. вел. кн. Ивана Даниловича Калиты, ок. 1339 г., ДДГ, № 1, ср. № 13 и др.; *Серпыхово*; ср. выше: *Сарновка, Серпейка* в басс. Сожи (ТТ, 207), *Серпейск* (*Серпѣескъ*. ДДГ, 330, 359, 360, 442); пр. *Serpo, Sirpenicken, Zyrpin*, Ger., 158; лит. *Sirputis* и др.)⁴⁹

⁴⁵ Словарь гидронимов Подмосковья, предполагающих балтийское происхождение, свидетельствует во многих случаях о наличии слоя, который типологически ближе к латышскому, нежели к литовскому или прусскому. При этом определяющим в понятии «латышский» нужно считать, во-первых, *п р о д в и н у т о с т ь* фонетической эволюции (между прусским и литовским, с одной стороны, и славянским — с другой), и, во-вторых, наличие *ф и н с к о г о* влияния. См. с этой точки зрения предлагаемые выше объяснения гидронимов.

⁴⁶ Ср.: А. И. Соболевский. Где жила Литва. — «Известия АН», VI серия, 1911, № 12-18, стр. 1051—1054; *Vjga. RR*, I, стр. 410 и сл.; III, стр. 572 и сл.; М. В а ш н е г. *SBRPW*, 1932, стр. 641 и сл.

⁴⁷ Ср.: *Голядянка*, река в р-не Москвы (Списки Моск. губ. № 30—31), *Голядь* и *Голядишка*, реки около Москвы (см.: А. М а р т ы н о в. Подробное историческое и археологическое описание Москвы, т. I, М., 1875, стр. 107 и сл.), *Голяди*, название деревень в Дмитровском и Клинском р-нах (см.: *SPAW*, 1932, стр. 662) и др.

⁴⁸ Любопытен факт, хорошо известный диалектологам и этнографам, ведущим полевыми работами в этих местах, — по мере продвижения от Москвы на запад, неподалеку от Москвы (во всяком случае уже в пределах Московской области) крестьяне начинают утверждать, что в старые годы за ближайшим лесом (к западу) жила *Литва*; крестьяне следующей на запад деревни говорят то же о месте, лежащем еще далее к западу и т. д. Характерна и сама форма *Литва* (*Литѣва*) при *Lietuvà* (ср.: *Лотва < Лотѣва < < Latuva*, т. е. через литовское посредство).

⁴⁹ Трудно решиться добавить к этому ряду *Звенигород* ввиду наличия одноименных городов под Киевом и на Днестре. См.: М. Н. Т о м и р о в. Древнерусские города. М., 1956, стр. 33, 37, 334 и сл. и др. Тем не менее подмосковный *Звенигород* в том, что касается его названия, мог бы быть объяснен как результат народно-этимологического переосмысления названия, сопоставимого с лтш. *Zveņgt. pl.* (*Plākis*, 123), лит. *Žvingys, Žvingė* (LUEV, 208), ср.: *Žvingių m-lis, Žvingeliškių vk., Žvingliškes vk.* (LATS, 1023) и под. Очень характерны случаи типа *перешли . . . к Звени ли городу, к Скирманову ли . . .* (ДДГ, 386). Ср. такие верхнеднепровские названия рек, как *Звеняча* (Машт. Днепр., 221), *Званка, Званка, Звонец, Звончанка* (Машт. Днепр., 37, 181, 152, 153).

С этим согласуются многочисленные данные, относящиеся к названиям-небольших населенных пунктов (ср.: *Айбутово, Буконтово, Гирмонка, Домантовское, Ямонтово, Нарбужье, Скирмантово, Скомонтово* и под.)⁵⁰. Можно привести еще целый ряд примеров из грамот того же времени, оставляя более подробное исследование названий балтийского происхождения в старых документах на будущее. Ср.:

Белейка, река в Ржевск. у. (ДДГ, 160, 329), ср. балт. -eik- и пр. Bellegarben, Belyn, лит. Bėlỹs, Bėlaitis, лтш. Beles, Beliņi (*Bel-eik-).

Белжинское, село (ДДГ, 7, 9), ср. лтш. Belžas pļava, Bėluži, лит. Bėlzigis, Bilzgis.

Белцинское, Белци, село (ДДГ, 16, 18, 400), ср. лит. Belkiškės km., Bilkiškių vk.

Бенитское, село (ДДГ, 49, 72), ср. лтш. Bėnaiši, Bėņi, Bėnuši, лит. Bėnaičių km., Bėņupe, пр. Bėnauko, Bėnetin.

Билдяковский, враг (ДДГ, 373), м. б. пр. Bilden, лтш. Bėlda, Baldas-ēzērs, лит. Beldava, Bildėlis, Bildiškės ēžeras, Bildžių ēžeras?

Болонск. (ДДГ, 34), ср. в верховьях Днепра *Болонов, Болонька* (ТТ, 176; Вўга, RR, III, 520).

Бубол, Бубольское, село (ДДГ, 47, 49, 72), ср. лит. Bublỹs, Bublų ēžeras, Būblỹs, лтш. Būbalis, Būbļi, Būbļa-kalns.

Будин, бор (ДДГ, 46), ср. лтш. Budiņ, Budene pļ., лит. Budiņiškio km., Budynio km., пр. Buditien, Budewaio.

Буйловское, село (ДДГ, 56), ср. лтш. Builis, Buļi.

Волкона, вол. (ДДГ, 360, 442, ср. *Волконеск*, 359), ср. лит. Valkininkų m-lis, Valkų km., лтш. Valka, пр. Valkana, Wolkeniten и др.

Гавшино, дер. (ДДГ, 390), ср. лит. Gaušing km., лтш. Gaūšene pļ., Gaūšēņi, Gaūšiņa-kalns, пр. Gawsyen, Gausen и др.

Гаиново, селище (ДДГ, 379), ср. лтш. Gainava, Gaiņu-purvs, Gāinis, Gaina-mežs и др.

Галачевское, селище (ДДГ, 384), ср. пр. Galtengrab, Goltawit, Golte, лит. Galtai, лтш. Galties-pļava и др.

Гоголь (ДДГ, 43, 47, 130, 132 и др.), ср. лтш. Goguļi (Gaguļi), м. б., Gaigala; лит. Gaigālis, пр. Gaygelyth и др.

Гордошевичи (ДДГ, 13, 23, 34), ср. лит. Gardiškės km., Gārdena, Garduva, лтш. Gařdas и др. *Gard-aša-?

Грива, дер. (ДДГ, 394), ср. пр. Greywa, лит. Gryva, лтш. Grīva, *Гривка*, в басс. Днепра (ТТ, 183).

Дегна, вол. (ДДГ, 359), ср. лтш. Dėguns pļ., Dėguni, пр. Dygeyn.

Дегна, Дегонка в басс. Днепра (ТТ, 183) и др.

Деготское, Деготково, дер. (ДДГ, 72, 390), ср. лтш. Dėguta, Dėgutiški, Dėgušava, лит. Dėgūtė, Dėgutinė, Dėgutiškės km. и др.

Дегунино, село (ДДГ, 421, ср. *Дейгушинское*, 8, 9, 13, 14), ср. лтш. Dėguns, Dėguni и др.

Дейково, село (ДДГ, 8, 9), ср. лит. Deikiškių km., лтш. Dėiki и др.

Демена, вол. (ДДГ, 359), ср. лит. Dėmenas, Dėmenas, Dėmė, лтш. Demene, пр. Demita и др.

Дешино, дер. (ДДГ, 396), ср. лтш. Desiņa pļ., Dėšaine, Desene pļ., Dėšiene, пр. Desyten и др.

Доблинские (ДДГ, 74), ср. лит. Dubūlis, Dubūlė, Dubliā, лтш. Dubulis, Dubuļi, Dubbleja, Dubline, Dublaini, Dublinieki и др.

Доровач, дер. (ДДГ, 396), ср. лтш. Darvakši, Dafvaiņi, Dafvene pļ., лит. Dėrvinis и др.

Жадене, городище (ДДГ, 29, 53, 84, 143), ср.: *Жадьнь, Жадунка* в басс. Сожи (ТТ, 187), *Жадюны* (Сп. Ковенск. губ. 389), лит. Žādupe или пр. Gedden и др.

Жвораменка, вол. (ДДГ, 34), ср.: Žvėr-, Žvir- в названиях рек и поселений, ср. также *Жворуна* в известной вставке западно-русского переводчика в «Хронике» Иоанна Малалы, или лит. Švarūnas, пр. Sworun, Swornien и др.

Жереминь, вол. (ДДГ, 360), ср. лит. Girminių km., лтш. Girmeļukalns, пр. Girme и др.

Жерьянь, вол. (ДДГ, 359), ср.: *Герьяня, Джурьянь* и под. (НПУ, 233—235, 251, 252), лтш. Geriņi и др.

Жуйково, болото (ДДГ, 386), м. б., ср. лит. Zuikų km., Zuikiškės km. и др.?

Издетемле, вол. (ДДГ, 37, 195, 196), см. выше *Издетель*?

Ильдятино, село (ДДГ, 423), ср.: *Ilg-ot-, ср. лит. Ilgūtis, Ilgikė, Ilgėlis, лтш. Ilgaižas, Iļdžu-ēzērs, пр. Ilgene, Ilgayn и др.?

Клетка, дер. (ДДГ, 400), ср.: *Клетка* в басс. Днепра (Вўга, RR, III, 527; ТТ, 191), пр. Kloytus (?)

Копонь, дер. (ДДГ, 394), ср. лтш. Kapene pļ., Kapenīca pļ., Kapīni, лит. Kapinis, Kapėņų km., Karanicos vk., пр. Кораян; *Копомка* в басс. Днепра.

Копотеньское, село (ДДГ, 7, 9, 14, 15, 17, 33 и др.), ср.: *Kapt-en/-in-?, пр. Kopte?

Кремена, вол. (ДДГ, 355), ср. пр. Kremon и др.

Кудиновская, дер. (ДДГ, 405, 406), ср. лтш. Kudinava, лит. Kudinaī, пр. Kudyn и др.

Кудрино, дер. (ДДГ, 379, ср.: *Кудрино* в Москве), ср. лит. Kudrėņų km., Kudru km., Kudrių km., Kūdrā, Kūdriai, Kūdrėlė и др., лтш. Kudraši, Kūdras-purvs, Kūdrėji и др., ср.: *Кудрянка* в басс. Днепра.

Кукеповское, село (ДДГ, 303, 306, 309), ср., м. б., пр. *Куке*, лтш. Kuk-upe, лит. Kūkis, Kukỹs и под. *Kuk-up-? (ср.: *Кудель, Ужена* и под.).

Левичин (ДДГ, 7, 9, 15, 17, 33, 55, 56), м. б., к лит. Leven-

⁵⁰ См.: М. Васмер, SBPAW, 1932, стр. 653. Ср.: ДДГ, 7, 9, 15, 18, 33, 35, 47, 73, 74, 251, 375, 385—387 и др.

šūpis, Lēvuš, Lēvenēlis, Levintų km., лтш. Lēvenis pļ., пр. Lewieten, Lewitygen, Lewythen.

Локонка, река (ДДГ, 405), ср.: *Локна*, *Локня* и т. п. в Подмоскowie (ДДГ, 302, 396) и в Поднепровье (ГТ, 193); ср. пр. Lockeneun.

Милцинское, село (ДДГ, 15, 18), ср. пр. Milkenn, лит. Milkintų km., Milkūnų km., лтш. Milka, Milkaisch или лтш. Miltene, Miltiņi, Miltiņ-pļava, лит. Miltėniai и др.

Молодильна, река (ДДГ, 385, 386), ср. лит. Meldinis, Meidė, Meldūnių upėlis, Maldėnis, Maĩdupis, лтш. Meldine, Meĩdiņi, Meĩdeņš-pļava, Maldoņi, Maĩdi и др.

Нѣгуца, *Нѣгучь*, река (ДДГ, 7, 9, 15, 17, 33, 73, 180, 184), скорее всего, из *Nĕg-ut-i-, ср. лтш. Nĕga pļava, ср.: *Неготь* в Тверск. губ. (иначе: Būga. RR, III, 508, 887), *Негать*, *Неговка* в басс. Днепра.

Орень, вол. (ДДГ, 360), ср. лит. Arina, Arinas, лтш. Āriņi, Āriņas-kalns, Arīdzēns, пр. Arūgine и др.

Пилес, река (ДДГ, 334, 338), ср., м. б., лит. Pīlės upėlis, Pīlėlės, Pīlālės upėlis, пр. Pylayn, Pillaw, Pillithen и др. Возможно и иное объяснение.

Подеско, дер. (ДДГ, 399), ср.: Ра- и лит. Diskava или же лит. Padeksnio km.?

Поротль, река (ДДГ, 15, 18), м. б., ср., лит. Partališkio km., пр. Parteun?

Серенск, вол., город (ДДГ, 122, 147, 161, 330, 360, 442), ср. лит. Serenėlė, Serentà, Serė, пр. Serenappe; ср.: *Сереная* в басс. Днепра.

Спиркова, вол. (ДДГ, 47), см. *Спировка* (выше).

Холъхлъ, *Холхол*, *Холохолня* и др. (ДДГ, 35, 36, 389, 420), ср. *Холхло*, местечко около Ашмян и др. (см.: Būga. RR, III, 506, 885).

Чертановское, село (ДДГ, 198), ср. лит. Kertenys, лтш. Cėtene, пр. Kertene, Kirtieunen и т. д.

Подавляющее большинство этих названий относится к Подмоскowie, точнее — к его западной половине и примыкающим к ней территориям.

В связи с этими данными уместно обратить внимание на несколько названий, появляющихся в старых текстах, относящихся к Москве.

В «Сказании о зачатии Москвы и Крутицкой епископии» общается следующее: *Посем князь великий в том же острове наехал посреде болота остров мал, а на нем поставлена хижина мала, а живет в ней пустынный, а имя ему Букала. И потому и хижина именуется Букалова. И ныне на том месте божиим повелением царской двор. . . Князь же великий Данил Иванович в 6 лето на хижине Букалове заложил град и нарекоша имя*

*ему Москва*⁵¹. Возможно, упоминаемая в 1615 г. церковь Воскресения Христова, что на *Букалове*, располагалась именно там, где некогда стояла хижина *Букала*⁵². При рассмотрении имени *Букал* прежде всего напрашиваются балтийские аналогии, ср. лтш. Bukals, Bukališkas (Endz., I, 1, 141), пр. Bukelin, Bukilin, Buckant (Trautm. PN, 21), м. б., куршск. Buk, Bucks (KF, 269, ср. пр. Bux, Vuxo), лит. Bukaltiškų km., Bukantiškės km. (LATS, 653) и др. (к апеллятивным параллелям см., м. б., buk-/buč-, ср.: V. Urbutis. — «Baltistica», 1969, V, 1, 51), откуда *Bukal-⁵³.

Другое название, столь же тесно связанное с основанием Москвы, — *Кучка*, *Кучковичи*, ср.: *И прииде на место, иде же ныне царствующий град Москвы, оба поля Москвы-реки. Сими же селы владущу тогда боярину некоему, богату суцу, зовому Кучку Иванову. Той же Кучко возгордевся zelo и не почти великаго князя. . . «Повесть о зачале Москвы», стр. 175 и сл., ср.: *Кучково* как другое название Москвы, *Кучково поле*. С этим именем сопоставимо пр. Kuczka, Kuczithen (Ger., 78), ср. личное имя прусса Kutzce, литовца Kucaitis; ср. также пр. Kuke, Kusaun, Cucuten, Kukutcaun и др. (Ger., 75), лит. Kūkis, Kukys, Kukūtis и др. (LUEV, 81, 82), м. б., Kučkelių vk., Kučkų km., Kučių km., Kučiškės km. (LATS, 769), лтш. Kuķi, Kuķēni, Kukuļi, Kukuti, Kukuči, Kukats-kalns, Kuķa, Kuk-upe (Endz., I, 2, 164—167), м. б., Kuces, Kucine, Kučas, Kučenieki и др. (Endz., I, 2, 160—164), куршск. Kucken, Kucks, Kukoll, Kukelite, Kukul (KF, 297) и др. Характерно, что иногда упоминается имя *Кучки* — *Стефан* (при более частом *Степан Иванович*), указывающее на западные источники (кстати, это имя нередко встречается и у пруссов, ср.: Steffan Cruteune и др.).*

Вероятно, не исключена возможность обнаружения названий ряда урочищ на территории Москвы, сопоставимых с балтийскими (ср. выше названия московских речек). Между прочим, название горы *Варгуниха* на Пресне может быть сравнено с пр. Wargunkaun, ср.: Wargun, Wargee, Wergin, Wargeniken, Wargiscus, Wargelitekaume (Ger., 196); Warginne, Wargicke, Wargile, Wargitte, Wargoyte, Wargule, Warghuse, Wargute (Trautm. PN, 115);

⁵¹ См.: «Повести о начале Москвы», стр. 246, 247, 249.

⁵² Во всяком случае конъектура И. Е. Забелина (*Булгакова*) не кажется достаточно правдоподобной. См.: И. Е. Забелин. История города Москвы. ч. I. СПб., 1905, стр. 28. Скорее следует согласиться с С. К. Шамбинаго, полагавшим, что урочище *Букалово* «могло существовать на Боровицком холме», см.: С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы. — ТОДРЛ, т. III, стр. 96; «Повести о начале Москвы», стр. 157—158.

⁵³ Возможно, что сюда же относится «деревня Бухалово» (около Рузы), упоминаемая в Разъезжей грамоте вел. кн. Ивана Васильевича кн. Юрию Ивановичу 1504 г. (ДДГ, 386); из *Букалово*?

Vargup̄ys, Vargulis (LUEV, 185), Varguliņ km. (LATS, 991); куршск. Wargatylen (KF, 178—179)⁵⁴.

Накопец, заслуживает внимания название *Кремля*. Основной стимул к постановке вопроса даже не в неясности этимологии этого слова. Скорее он заключается в том обычно игнорируемом факте, что *Кремль* не только род крепостного сооружения, но и топонграфическое понятие⁵⁵. Кроме того, очень вероятно, что название *Кремль* (ср.: *кремьникъ*. 1331), позднее распространившееся в применении к крепостным сооружениям ряда русских городов, имело центром иррадиации именно Москву (ср.: *кромъ* в Псковской летописи, *дѣтиньць* в Новгороде и под.) или во всяком случае более или менее ограниченную зону, куда определенно входила и Москва. Возможность этимологической связи названия *Кремля* с балтийскими источниками могла бы получить подкрепление, во-первых, со стороны таких названий, как пр. Kremon, Kremiten и др. (ср. выше *Кремена*), и, во-вторых, со стороны форм, восходящих к глаголу, представленному лит. křim̄sti (křim̄tu, křim̄taũ) 'грызть, кусать', лтш. křimst (křemtu, křimtu); к вокализму -a-, ср. лит. křāmas, křāmė 'голова (змеи и т. п.)', 'устье', 'впадение', 'раструб', 'жерло' и т. п. Учитывая несравненно более широкий круг словообразовательных возможностей у этой основы в балтийском и несомненное заимствование из балтийского слова этого корня в русск. *кромать* при лит. kramsėti, kramsoti, kramsoti, kremsėli, лтш. kramsit, křamsit̄ и под. (удивительно, что этимологи упустили этот факт из виду), — можно предположить, что и *кремль* восходит к *křem-j-, связанному с указанным выше кругом глаголов. Сложности кроются в основном в семантических мотивах названия. Трудно решить, идет ли в случае *кремля* речь о назывании по принципу изолированности, отдельности (*кромъ*, *кромство*, кусок, нечто «откусанное», выделенное), или по форме самой территории (кремли, как неоднократно отмечалось, строились на мысах, образованных о с т р ы м у г л о м двух рек⁵⁶), или по внешнему виду крепости

⁵⁴ Даже такие названия, как *Ходыль*, *Ходынка*, *Сходня* (*Восходня*), могут отражать в преобразованном виде архетип *Sad-ün-, *Už-sad-(ш-) и под., ср. пр. Sedunekaum (Ger., 154), шаласк. Sadune, лит. Sadūņ km., Sadūņiškiņ km. (LATS, 914—915) и др. Характерно, что первоначально, видимо, эти названия отсылались не к рекам, а к местностям, по которым протекают эти реки, ср.: И. Е. Забелю. Указ. соч., ч. I, стр. 13; ср. также: *Ходынский луг* (ДДГ, 33, 74, 196). Если это действительно так, то корень *sad- (*sed-), часто обозначающий урочища типа с е д л о в и н ы (как в случае с местностью к северо-востоку от Сходни) или п л а т о (как в случае с Ходыньским лугом), оказывается здесь семантически более уместным, чем *ход-/*šyd-.

⁵⁵ Характерно, что понятия града и Кремля (в Москве) совпали не сразу (это видно по документам, относящимся к Москве).

⁵⁶ Ср. старые указания о нахождении Кремля на *Угловой горе* (в месте, где Неглинная впадает в Москву), которая позже была срезана.

(первоначальный вид — частокол из остро отесанных (зубцами) сверху бревен)⁵⁷, или по названию самого места (ср.: křāmas, křimė в значении устья, владения, слияния, раструба⁵⁸), или, наконец, по какому-то другому принципу⁵⁹. Между прочим, в разные периоды различные из перечисленных семантических мотивов могли получить преобладание. Тем не менее, видимо, осторожнее предположить, что название *кремль* так или иначе связано с наименованием местности, всегда однообразной с определенной точки зрения, где возникали кремли. Разумеется, все эти соображения скорее материал для дискуссии, нежели решение вопроса. Смысл же приведенных выше примеров состоит в том, чтобы подчеркнуть историческую значительность балтийского элемента уже в первые века возвышения Москвы. Можно думать, что воспоминания об этом были живы и позднее, когда закладывались основы концепции Москвы — третьего Рима. Трудно допустить, что исключительно внешнее сходство заставило вывести русских от легендарного Пруса, брата Августа и отдаленного предка Рюрика. В другом месте будет показано, что связь Августа и Пруса, засвидетельствованная «Сказанием о князьях Владимирских» (конец XV в.) и другими текстами, в основу которых оно легло («Послание монаха Спиридона-Саввы», соответствующие статьи «Родословия великих князей русских», Хронографа, Степенной книги, поздних летописных сводов и т. д.), отражает весьма распространенные в то время представления о связях пруссов с Римом, засвидетельствованные немецкими авторами, писавшими о пруссах, и текстом надписи на знамени, долгое время ошибочно считавшимся поддельным. Если не случайна часть, касающаяся отношений Рима с пруссами, то, может быть, с большим вниманием следует отнестись и к сильно мифологизированной в свете этиологических задач версии о связях пруссов (конкретнее — литовцев) с русскими. Видимо, закономерно, что вслед за «Сказанием о князьях Владимирских» обычно следует «Родословие литовских князей»; оно же следует за «Повестью, начинающейся с разделения вселенной Августом» (*Начала царя римским и всем православным великим князем*) и за «Повестью о разделении вселенной Ноем» («Повесть о разделении вселенной трем сыном Ноевым по отцу своего Ноя благословению») ⁶⁰. Роль Спиридона, при-

⁵⁷ Ср. название борны křemis по принципу 'зубчатости', ср.: křemiūoti; ср. отчасти křeml̄ys, křemsl̄ys (LКЖ, VI, стр. 523—524).

⁵⁸ К сочетанию значений 'голова' и 'жерло', 'исток' и т. п. ср. такие названия, как *Голова Оки* и др. (ср. сходный финноязычный принцип наименования истоков рек).

⁵⁹ Ср.: *кремь* как обозначение бора в связи с Боровицкими *воротами* Кремля в этом же месте; о ст.-блг. *кремь* 'соты, оставшиеся в улье, где вымерли пчелы' (*křemjь и под.), см.: О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. «Славянское языкознание». М., 1963, стр. 180.

⁶⁰ См.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955.

бывшего из Царьграда в Литовскую землю, в ознакомлении русского читателя с прусскими и литовскими мотивами вне всякого сомнения. Они же были актуальны и в эпоху Ивана Грозного, о чем не раз писалось другими авторами.

Из сказанного выше о взаимоотношении балтийского и славянского элемента в Подмосковье, по-видимому, должно следовать, что археологически эти два элемента едва ли могут быть разграничены с той же приблизительно степенью определенности, как, например, в Белоруссии или на Смоленщине⁶¹. Трансформация одного элемента в другой, исключая исторически известные примеры колонизации в Подмосковье, была столь постепенной и относительной, что трудно надеяться на выделение двух археологических культур, одна из которых могла бы быть с определенностью отнесена к балтам, а другая — к русским.

Зато, вероятно, более показательными могли бы быть результаты этнографических, фольклористических и лингвистических исследований. Память о балтийском элементе в Подмосковье сохраняется в довольно многочисленных лексических заимствованиях из балтийских языков, причем эти заимствования выявлены далеко не полностью (ср. пример с *кромать*). Даже учитывая скудость диалектного лексического материала, относящегося к Подмосковью, нетрудно привести несколько десятков слов из области хозяйственных построек, утвари, элементов ландшафта, мифологических представлений. Весьма значителен и пласт экспрессивных слов, обнаруживающих балтийское происхождение. Есть основания думать, что русские говоры этих мест не только заимствовали целый ряд слов такого рода, но и усвоили основные модели словообразования экспрессивных лексем. Особый вопрос — происхождение целого ряда известных фамилий на основе балтийской лексики, приуроченных территориально к районам, лежащим к югу и юго-западу от Москвы. Можно надеяться, что дальнейшие разыскания в этой области принесут вполне определенные и значительные результаты.

То же, видимо, можно сказать и об этнографических исследованиях в широком смысле слова. В другом месте было показано, что один из специфических видов литовской и латышской «формульной» сказки, построенной по кумулятивному принципу, обнару-

⁶¹ Ср., впрочем, исключительно интересные результаты раскопок Троицкого городища на правом берегу р. Москвы в 17 км выше Можайска. Городище существовало еще в середине I тысячелетия н. э. и было балтийским. Раньше поселения балтийского типа, столь продвинутое на восток, были неизвестны. Таким образом, приведенные в этой статье исключительно лингвистические данные в пользу наличия балтийских племен в Подмосковье теперь могут быть подтверждены археологически. См.: «Древнее поселение в Подмосковье». М., 1970, особенно стр. 94—98 (предлагаемая статья была написана в конце 1969 г.). В этой же книге имеются ссылки на находящуюся в печати работу В. В. Седова «Балтийская гидронимика Волго-Окского междуречья».

живается на восточнославянской территории в Белоруссии и в Московской области (с явно позднейшими филиациями к северовостоку)⁶². Значение именно такого ареала тем более показательным, что лексическое заполнение основных звеньев сказки позволяет без особого труда реконструировать единый (условно говоря) «балто-славянский» текст. Наконец, заслуживает внимания и то, что сказка этого рода представляет собой вырожденный ритуал колядочного типа и, следовательно, связывает текст с обрядом. Данные, относящиеся к сезонным обрядам и к обрядовым предметам, описанные исследователями Подмосковья и соседних территорий, весьма многими своими особенностями напоминают соответствующие факты, известные на балтийских территориях. Ряд детских игр, представляющих собой дегенерацию архаичных обрядов, также обнаруживают в этих двух районах преимущественную общность. Подробнее об этом будет сказано в особой работе. Подводя же итоги наблюдения над балтийскими элементами разного рода в Подмосковье, следует подчеркнуть, что прежде всего бросается в глаза их сугубо «бытовой», так сказать, «домашний» характер. Видимо, это больше всего истораживает исследователей, привыкших сравнивать балтийский и славянский элементы на «праязыковом» уровне, и тех ученых, которые принципиально не допускают возможности наличия здесь балтийских племен (тем более в относительно позднее время).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

APreuß.	— Alt-Preußen. Königsberg.
Biel.	— A. Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. SPb., 1892.
Blese	— E. Blese. Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas, t. I. Rīgā, 1929.
Būga. RR	— K. Būga. Rinktiniai Raštai, т. I—III. Vilnius, 1958—1961.
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., — Л., 1950.
EOSON	— R. Trautmann. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen, Bd. I—III. Berlin, 1948—1956.
Ger.	— G. Gerullis. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin—Leipzig, 1922.
NW	— Hydronimia Wisły. Część I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym pod redakcją P. Zwolińskiego. Wrocław — Warszawa—Kraków, 1965.

⁶² См.: В. Н. Топоров. Из области балто-славянских фольклорных связей. — ЛКК, VI, 1963, стр. 149—175; ср.: А. Б. Зернова. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае. — СЭ, 1932, № 3, стр. 15—52.

- KF — V. Kiparsky. Die Kurenfrage. Helsinki, 1939.
 KCЗ — Конференция по топонимике Северо-Западной зоны. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966.
 LATS — Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas. Vilnius, 1959.
 LEW — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I—II. Heidelberg—Göttingen, 1955—1962.
 LKK — Lietuvių kalbotyros klausimai. Vilnius.
 LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas, т. I—VIII. Vilnius, 1941—1970.
 LVV — J. Endzelīns. Latvijas PSR vietvārdi, I, 1—2. Rīgā, 1956—1961.
 LUEV — Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.
 Машт. — П. Л. Маштакoв. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.
 Mayer — A. Mayer. Die Sprache der alten Illyrier, Bd. I. Wien, 1957.
 ME — K. Mülenbacha un J. Endzelīna Latviešu valodas vārdnīca, I—IV. Rīgā, 1923—1932.
 МП — R. Trautmann. Die slawischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins. Berlin, 1950.
 ППУ — О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. 1968.
 Plāķis — J. Plāķis. Latvijas vietu vārdi un latviešu pavārdi, I—II. Rīgā, 1936—1939.
 RSI. — «Rocznik Slawistyczny». Kraków.
 SBPAW — M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme; II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. «Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse». Berlin, 1932, 1934.
 SF — Studia linguistica Slavica Baltica Canuto-Olavo Falk. Lundae, 1966.
 Slav. Prag. — «Slavica Pragensia». Praha.
 SNPZP — S. Rospond. Słownik nazw geograficznych Polski Zachodniej i Północnej, cz. 1. Wrocław—Warszawa, 1951.
 Сп. Ков. г. — Алфавитный список населенных мест Ковенской губернии. Ковно, 1903.
 Спрогис — И. Я. Спрогис. Географический словарь древней жомайтской земли XVI столетия. Вильна, 1888.
 Сп. Сув. — Э. А. Вольтер. Списки населенных мест Сувалкской губернии как материал для историко-этнографической географии края. СПб., 1901.
 Trautm. PN — R. Trautmann. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925.
 TT — В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
 UAJb. — Ural-Altische Jahrbücher. Wiesbaden.
 Vidz. v. — J. Endzelīns. Latvijas vietvārdi. I. Vidzemes vārdi. Rīgā, 1922.
 ВЯ — «Вопросы языкознания». М.
 ZfsPh. — «Zeitschrift für slavische Philologie». Berlin.

К БАЛТИЙСКОМУ СООТВЕТСТВИЮ СЛАВЯНСКОГО *PASTI

С. С. Караюнас

После того как слав. *pasti В. Куврер сопоставил с хетт. paš⁻¹, а А. ван Виндекенс несколько лет спустя — с тох. A pās-, В pāsk⁻², архаичность славянского глагола стала очевидной. В идентификации данных фактов особенно важным является то, что, как показал проведенный Вяч. Вс. Ивановым морфологический анализ этого глагола в и.-е. языках, в которых он засвидетельствован³, в славянском, хеттском и тохарском А он имеет основообразовательный суффикс -s- и, таким образом, является континуантом и.-е. *poH-s-, существовавшим наряду с синонимичной основой и.-е. *poH-sk-, отраженной в тох. В pāsk- и лат. pāscō. Как все сигматические глаголы, слав. *pasti и его соответствия в других и.-е. языках обнаруживают связь со второй серией индоевропейских глагольных форм⁴.

Кроме формального, словообразовательного соответствия хеттским и тохарским фактам архаичность слав. *pasti демонстрируется также и совпадениями плана содержания. Наряду со значением 'пасти, кормить', распространенным во всех имеющих данный корень и.-е. языках, за исключением хеттского и тохарского В, у слав. *pasti засвидетельствовано также значение 'защищать, охранять', ср. др.-рус. *опаць* 'охрана, защита'⁵, совпадающее с соответствующим значением в хеттском и тохар-

¹ W. Couvreur. De hettitische H. Een bijdrage tot de studie van het indo-europeesche vocalisme. Louvain, 1937, стр. 184—185.

² A. J. van W i n d e k e n s. Lexique étymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1941, стр. 88.

³ В. В. Иванов. К этимологии русского *пасты*. «Сборник статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского». М., 1961, стр. 105—119.

⁴ Вяч. Вс. И в а н о в. Общинеоевропейская, праславянская и анатолійская языковые системы. М., 1965, стр. 172—174.

⁵ И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стр. 678.

ском А. При этом вопрос о первичности этих двух значений, манифестируемых словами и.-е. корня *poH-s/sk-, остается открытым. По этому поводу Вяч. Вс. Иванов замечает: «Для окончательного решения вопроса о древнем значении этих основ существенным может быть привлечение фактов других индоевропейских языков»⁶.

Для решения этого вопроса, а также ряда других, связанных с историей данного и.-е. глагола, в значительной мере могут послужить факты балтийских языков.

Было бы весьма странным, если бы данный глубоко архаичный и.-е. глагол сохранили только славянские языки, в то время как родственные им балтийские языки, которые во многих отношениях архаичнее славянских, его утратили.

Можно привести ряд аргументов в пользу того, что балтийским соответствием слав. *pasti являются лит. *posėti*, *poselėti*, *puoselėti* и лтш. *pāst*, *pāsēt*. Прежде чем перейти к анализу балтийского материала, который целесообразно начать с лит. *posėti*, следует обратить внимание на одно затруднение фонетического характера: лит. *o* является рефлексом и.-е. *ō*; кроме того, в некоторых еще не выясненных случаях и.-е. *ō* отражают лит. *o*, лтш. *ā*⁷ (ср., напр., лит. *žmónės* 'люди' и лат. асс. sing. *homōnem*). Таким образом, балтийский материал указывает на первичный вокализм *ō*, а рассматриваемый и.-е. глагол имеет *ā* (< *oH), ср. лат. *pāscō*.

Первым, обратившим должное внимание на этот редкий и интересный глагол литовского языка, был К. Буга, который писал: «*Pas senobės lietuvių buvo upatingas veiksmazodis pōsėti reikšmėje (stabus) garbinti*»⁸. Этим своим положением литовский лингвист констатировал, что: 1) лит. *pōsėti* имеет значение '(идолы) почитать' и 2) оно засвидетельствовано в памятниках древнелитовского языка.

И на самом деле, по данным картотеки большого «Словаря литовского языка», лит. *pōsėti* в говорах теперь уже не употребляется. Однако и в древнелитовских письменных памятниках его употребление весьма ограничено. Этот глагол засвидетельствован главным образом в «*Postilla Catholica*» М. Даукши, ср. формы настоящего времени *pōsa*: *žinók tu karàlau iog tawų Diewų ne pōsamę ir štūlpui áukšnam, kuri tú paštatėi ne klōniojimės* DP 81, а также отглагольное образование *pōsėjimas*: *štabų pōšseiimo* DP 138, 150, 184, *pōšseiimo bałwonų* DP 295, *štabų pōšseiima* DP 508, *štabų pōšseiimu* DP 114, 154, *pošėjimop štabų* DP⁹ 253, 336 etc.

⁶ В. В. Иванов. К этимологии русского *пасту*, стр. 118.

⁷ Подробнее см.: «*Baltų ir slavų kalbų ryšiai*» (*Lietuvių kalbotyros klausimai*, X). Vilnius, 1968, стр. 61 и сл.

⁸ К. Буга. *Rinkiniai raštai*, I. Vilnius, 1958, стр. 143, прим. 3.

⁹ Сокращения даются согласно «*Lietuvių kalbos žodynas*», I. Vilnius, 1968, стр. XVII—XXXI.

На основании данных этого древнелитовского памятника К. Буга вполне закономерно восстановил следующую парадигму: *pōsa*, *pōsėjau*, *pōsėti*. Кроме того, как свидетельствует написание *pošėjimop štabų* в «*Postilla Catholica*» М. Даукши, этот глагол имеет ударение также на суффиксе: *pōsa*, *pošėjo*, *pošėti*. Такое двойное ударение как раз и зафиксировано в литовском словаре М. Нидерманна, Ф. Брендера, А. Зенна и А. Салиса: *pošėti* (*pōsu*, *-sėjau*, *-sėsiu*) und *pōsėti* (*-su*, *-sėjau*, *-sėsiu*) v. tr. (veraltet) (*Götzen*) verehren NdZ, III, 181. Колебание места ударения в этом типе глаголов литовского языка не является исключением, ср. хотя бы лит. диал. *sōpa*, *sōpėjo*, *sōpėti* *Kvėdarna*, *Laukuva*, *Nemakščiai*, *Švėkšna* наряду с *sōpa*, *sopėjo*, *sopėti* 'болеть' литературного языка. Древний тип акцентуации, по-видимому, представлен в глаголах с ударением на корне, а ударение на суффиксе данные глаголы могли приобрести вследствие структурного воздействия со стороны многочисленных глаголов типа *kalba*, *kalbėjo*, *kalbėti* 'говорить'; *skaūda*, *skaudėjo*, *skaudėti* 'болеть'; *žāda*, *žadėjo*, *žadėti* 'обещать', в которых ударение с корня на суффикс переносилось по закону де Соссюра—Фортунатова.

Важно отметить, что известны и более поздние фиксации данного слова: *Magauti*, *didei guodoti*, *kiti sako dar posėti* (К. Burba, *Filiotea. Kelias į Maldingą Gyvenimą, Vilniuje*, 1879, p. 264); *Magauti*, *posėti*, *laikyti ka didėje paguodonėje* (S. Gimžauskas, *Istorija katalikų bažnyčios paraszyta kuningo Antano Wapplerio, Plymouth, Pa.*, 1892, p. 283). Значение 'уважать, почитать', которое глагол *posėti* имеет в этих фиксациях конца XIX в., тождественно значению, засвидетельствованному в упомянутом выше древнелитовском памятнике.

Для этимологической интерпретации исключительную важность приобретают контексты, в которых *posėti* употребляет писатель XIX в. С. Даукантас, ср.: *žaltius... gaspadorius su wissū szeiminū su didę laimę stoięs p o s s 'ужей... хозяин со всем семейством с большим счастьем почитает'; daug žmoniū dar iki szio ļaika žaltius p o s s 'много людей даже до сих пор ужей почитают' VoL, 192.*

Так как фрагмент *žaltius poss* по своей функциональной значимости ничем не отличается от фрагмента *silpnus gūvoliūs pōselēja* 'слабого скота бережно прикармливают', зафиксированного в «Литовском словаре» А. Юшкевича, то с *pōsėti/posėti*, по-видимому, соотносится лит. *pōselėti*, обнаруживаемое в том же словаре А. Юшкевича и в некоторых говорах, ср.: *iš-pōselėti* (= Панев. *išpuōsałot*, *išpuōsełēt*), *-łėjū*, *-łėjau* 'прокормить (бережно ухаживая), выхолить', *przekarmić* (*dokładajac wielkich starań, pielėgnujac*), *wypieścić* J, I, 617, *pōselėti* 'холить, пестовать' *Pušałotas*, *pōselėti* 'то же' *Žiliniai*. Такое сопоставление тем более возможно, что корневые морфемы глаголов *posėti* и *poselėti* в фонетическом

отношении представляют исключительное совпадение (о диахроническом соотношении сегментов плана содержания см. ниже).

Приведенная выше цитата из «Литовского словаря» А. Юшкевича показывает, что в некоторых говорах литовского языка (например, в окрестностях Паневежиса) глагол *põselėti* выступает с другим корневым вокализмом, т. е. *puõselėti*. Поэтому не может быть никаких сомнений в том, что к рассматриваемой группе глаголов относится и широко в литературном языке употребляемый *puõselėti* 'холить, делять, пестовать'¹⁰, который в говорах нередко меняет свой суффикс и во многих отношениях сохраняет древнее значение: *puõselėti* 'заботливо, бережно растить, холить, пестовать' *Biržai, Pandėlys, Radviliškis, Salamiestis*, 'присмотреть, ухаживать (за больным)' *Dusetos, Šimonys*, 'присмотреть, заботиться': *Aš vištas puõselėju — ir deda 'я забочусь о курицах — и они носят яйца' Lygumai*, 'растить (сирот, гусят, ягнят, и т. под.)' *Užpaliai, iš-puõsaloti* 'с большим трудом вырастить' *Panevėžys, Saločiai, Užpaliai, puõsaloti* 'холить' *Pasvalys, puõsuloti* 'присмотреть, ухаживать (о больном)' *Dusetos, puõslėti* 'заботливо растить, холить, пестовать' *Suvainiškiiai, puostelėti (praes. puosteli)* 'растить, присматривать' *Pabiržė*.

Анализ глаголов с суффиксами *-el-, -al-, -ul-, -il-* позволяет предположить, что большинство их образовано от имен с теми же суффиксами, иными словами, что суффиксы *-el-, -al-, -ul-, -il-* они получили от соответствующих имен, ср. *blefbeliuoti: blefbelis LKŽ I 900, blefbaliuoti: blefbalas LKŽ, I 900, birbaloti: birbalas LKŽ I 836, birbiliuoti: birbilas LKŽ I 837, mataloti: matalas LKŽ VII 906, bizuliuoti: bizulas LKŽ I 871, maūdalioti, mauduliuoti: maudulys (LKŽ, VII, 927 etc.), maūgaleti, maūgalioti: maūgalis, mangalys LKŽ, VII, 825 etc.* При этом следует отметить, что наряду с каждым глаголом с суффиксом *-el-, -al-, -ul-* или *-il-* не обязательно должно существовать соответствующее имя, так как, например, наряду с *maūgaliuoti, margaliuoti*, образованными, по-видимому, от *margūlis, margulys LKŽ, VII, 856*, путем аналогии (ср.: *maūmaliuoti, marmaliuoti: maūmalas LKŽ, VII, 869, 872*) легко могли быть созданы и *maūgaliuoti, margaliuoti* и т. под.

Имена с суффиксами *-el-, -al-, -ul-, -il-* в свою очередь также являются производными. Одни из них могли образоваться от глаголов, ср.: *kėpalas: kėpti, lėselas: lėsti, gėšulas: gėsti*, другие, по-видимому, можно считать деноминативами, ср.: *draugalas 'Geselle, Mitgenosse, Gefährte' R, I, 27, M, I, 54: draūgas; nuogalas 'die Blösse' M, I, 182: nuogas; mūsulas: musià, mūsė etc.*¹¹

¹⁰ Лит. *posėti* и *puõselėti* связал уже Э. Френкель, см.: E. Fraenkel. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg—Göttingen, 1955—1962, стр. 640, 669.

¹¹ Подробнее см.: P. Skardžius. *Lietuvių kalbos žodžių daryba*. Vilnius, 1941, стр. 171 и сл.

Глаголами, имеющими точно такое же происхождение, можно считать и *puõselėti, puõselėti, puõseloti, puõsaloti, puõsuloti*. Они, по-видимому, были образованы от ранее существовавших имен **puõsel-, *puõsal-, *puõsul-* (ср. еще *puõslėti: puõslys Lazdynų Pelėda, Raštai, V, 164*, указывающий, возможно, на деноминативное происхождение рассматриваемых глаголов) или одного из них, а потом путем аналогии могли приобрести и остальные суффиксы. Имена **puõsel- etc.* в свою очередь могли производиться от примарного имени **puõsas* или **puõsā* (ср. лтш. *puõse* 'отпрыск, растущий на привитой ветви' ЕН, II, 347).

После того как мы реконструировали имя **puõsas*, встает вопрос о соотношении его корневого вокализма с вокализмом глагола *põsa*. На данный вопрос можно ответить так: древний прабалтийский вокализм представлен в глаголе *põsa* (лит. *o* из прабалт. *ā*), а корневой вокализм *uo* имени **puõsas*, продолжающий существовать в отыменных глаголах *puõselėti/puõselėti, puõseloti, puõsaloti* и *puõsuloti*, является балтийским новообразованием. В подтверждение этого можно привести два аргумента.

В литовском (и латышском) языке вокализм *uo* в определенных случаях, чаще всего в именах, появился позднее наряду с древним вокализмом лит. *o*, лтш. *ā*, ср. лит. *dróžti*, лтш. *drāzt* 'schnitzen; prūgeln, schelten etc.', русск. *дрознить*: лит. *druožlė* 'стружка'; лит. *klóti* 'стлать, постилать', лтш. *klāt* 'hinbreiten, decken', ст.-слав. *kladq*: лит. *klúonas* 'гумно, рига', лтш. *klūõns* 'Estrich aus Lehm oder Ziegeln; die Tenne'; лит. *skrósti* 'разрезать; потрошить': лит. *skróostas* 'щека; ресница', *skróslas* 'ресница', лтш. (acu) *skruoste* 'der Knochen unter den Augenbrauen'; лит. *stóti*, лтш. *stāt* 'встать, вставать', др.-прус. *po-stāt* 'werden', ст.-слав. *stanq*: лит. *stúomas, stuomuõ* 'стан, фигура; рост'¹². Поэтому на основании только что приведенных данных можно предполагать, что образования **puõsel-, *puõsal- etc.*, по-видимому, являлись отыменными, а не отглагольными, т. е. они были образованы от имени **puõsas* (ср. лтш. *puõse*), которое в свою очередь образовалось от первичного глагола *põsa*.

Кроме глагола *põsa*, прабалтийский вокализм *ā* (> лит. *o*, лтш. *ā*) сохранил, по-видимому, также и лит. глагол *põselėti*, который, однако, имеет циркумфлекс (если он действительно существует¹³) вместо закономерного акута. Как самый облик

¹² Об этом см.: K. Buga. *Priesagos -ūnas ir dvibalsio uo kilmė*. Rinktiniai Raštai, II. Vilnius, 1959, стр. 342—345; E. Fraenkel. *Zur indoeuropäischen Stammbildung und Flexion*. «Lingua Posnaniensis», VII, 1959, стр. 12.

¹³ Следует заметить, что существование циркумфлекса в глаголах здесь рассматриваемого корня не является вполне установленным. Дело в том, что глагольные формы, в которых циркумфлекс фиксируется, употребляются в восточноукшайтских говорах, в которых оппозиция акут—

данного глагола (суффикс *-el-*), так и его циркумфлексная интонация, которую представляют производные имена в основном в том случае, если при их образовании корневой вокализм не меняется, ср. лит. *klōdas* 'слой, залежь; пласт': *klōti* 'стлать, постилать', *lōpas* 'заплата': *lōpyti* 'чинить, латать', *pa-stōvas* 'подножка; подставка': *stōti* 'встать, вставать', *pa-sēdas* 'сиденье': *sēsti* (3 л. ед. и му. ч. наст. вр. *sēdi*) 'сесть', *pa-vūdas* 'зависть; ревность': *pa-vūdi* 'завидует, -ют' etc.¹⁴, показывают, что глагол *pōselēti* также, по-видимому, является деноминативом. Следовательно, в определенньй период развития балтийских языков от первичного глагола *pōsa* могли образоваться два имени: **pūosas* с аблаутом и **pōsas* с метатонией. Корневой вокализм и интонация этих имен продолжают существовать в образованных от них глаголах *pūoselēti*, *pūoseloti*, *pūosaloti* и *pōselēti* (*puōselēti*, *puōsuloti* свои циркумфлексы могли получить от *pōselēti*, а *pōselēti* свой акут — от *pūoselēti*). Таким образом, глагол *pōselēti* прабалтийский вокализм *ā* сохранил не непосредственно, а путем перенятия его от именного производного.

Вторым аргументом в подтверждение того, что глаголы *pūoselēti*, *pūoseloti* etc. представляют новый, возникший на литовской почве корневой вокализм *uo*, а глагол *pōsa* — древний, прабалтийский вокализм *ā*, является то обстоятельство, что в латышском языке глаголы *pūoselēti*, *pūoseloti* etc. не имеют параллелей, а для лит. *pōsa* обнаруживаются точные соответствия.

Соответствиями лит. *pōsa* в латышском языке являются *pāsēt* 'lutināt, žēluot, aizstāvēt (баловать, холить, нежить, жалеть, падать, защищать, отстоять)', *pāsēt, -ēju* '(übermässig) füttern' ME, III, 190, *pāst, praes. pāšu, praet. pāsu* (III pers. *pāse*) 'pflegen' (ср.: *ābeles pāst* 'присматривать за яблонями') ME, III, 190. Кроме 'pflegen' лтш. *pāst* обозначает и 'sparen, sammeln' (ср.: *naudu pāst* 'деньги сберечь'), поэтому сюда относятся, по-видимому, и лтш. *iespāst* 'einsparen' (ср.: *iepāst gaļu vasarai* 'сберечь мясо на лето' ME, II, 50), *pāss* (acc. sing. *pāsi*) 'der Vorrat' EH, II, 217, *iepāss* 'Eingespartes, der Vorrat' ME, II, 50, *pāsigs* 'auf Vorratsammeln bedacht, Haushälterisch' EH, II, 217. Связь этих латышских фактов с соответствующими данными литовского языка является несомненной. Это подтверждается, прежде всего, тем, что литовские и латышские глагольные формы совпадают в акцентологическом и морфологическом отношениях. Как лит. *pōsa*, так и лтш. *pāsēt, pāsēt* представляют акут, яв-

ляющийся закономерным качеством первоначальных долгих гласных (в данном случае и.-е. *ā < *oH*). Кроме основы на *-a* в литовском языке представлена основа на *-i*, ср. лит. *posiu, posēti* 'uwielbiać' в рукописном словаре неизвестного автора, полученном от учителя Шлекиса, где форму *posiu* можно интерпретировать как относящуюся к основе на *-i* ввиду регулярного колебания между основой на *-a* и основой на *-i*, ср. лит. *kérta/kérti* 'ерошится (о коже)' (*kértėjo, kértėti* LKŽ, V, 629), *kēža/kēži* 'хиреет, чихнет' (*kežėjo, kežėti* LKŽ, V, 679), *krūpa/krūni* 'тяжело кашляет' (*krunėjo, krunėti* LKŽ VII 706) etc.; форму *possentiū* VoL 192 (instr. sing. part. praesentis), которая указывает на *io*-основную форму *posia*, по-видимому, заменившую в жемайтском диалекте древнюю форму с основой на *-i*. Колебание между основой на *-i* и основой на *-ējo* в балтийских языках наблюдается довольно часто¹⁵, а *ēio*-основную форму рассматриваемый глагол как раз и представляет в латышском языке, ср. лтш. *praes. pāsēju, praet. pāsēju, inf. pāsēt*, которая, возможно, заменила древнюю форму настоящего времени на *-i*.

Генетическая идентичность рассматриваемых литовских и латышских глагольных форм подтверждается также совпадением сегментов плана содержания:

лит. <i>pos-</i> (<i>-puos-</i>)	лтш. <i>pās-</i>
'кормить (бережно ухаживая)'	'(übermässig) füttern'
'заботливо растить, заботиться'	'pflegen'
'баловать, холить, пестовать'	'hätscheln, verwöhnen, verzärteln'

Следовательно, на основании того, что связь данных сегментов плана содержания в литовском и латышском языках очевидна и что эти сегменты манифестируются одними и теми же сегментами плана выражения, можно предполагать, что значением корня **pās-* в прабалтийском как раз и было 'кормить, растить, заботиться, баловать, холить, пестовать'. Из данного основного значения, по-видимому, можно вывести те, которые различаются в литовском и латышском языках. Лтш. 'sparen, sammeln' можно интерпретировать как контекстуальный вариант значения 'pflegen', ср. лтш. *ābeles pāst* 'растить яблони, заботиться о них' и *naudu, gaļu pāst* 'экономить деньги, мясо, т. е. присмотреть, заботиться о них'. В древнелитовском, как отмечалось выше, *pōsa* имел значение '(идолы) почитать'. Не может быть сомнения в том, что это один из элементов лексики древней религии балтов, значение кото-

циркумфлекс на долгих гласных и дифтонгах *ie, io* нейтрализована, и поэтому установление действительной интонации весьма затруднительно, а иногда невозможно. Поэтому вполне понятно то, что К. Буга *puōselēti* исправлял в *pūoselēti*, см.: К. Būga. Rinktiniai Raštai, II, стр. 155.
¹⁴ К. Būga. Die Metatonie im Litauischen. Rinktiniai Raštai, II, стр. 389.

¹⁵ J. Endzelīns. Latviešu valodas skaņas un formas. Rīgā, 1938, стр. 180; Он же. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, стр. 804; J. Endzelīns. Baltų kalbų garsai ir formas. Vilnius, 1957, стр. 165, 177.

В. Н. Топоров

рого сравнительно легко связывается с предполагаемым основным значением (с точки зрения балтийских языков) 'кормить, растить, заботиться etc.', ср. лит. *gerbti* 'уважать, почитать': 'убирать; ухаживать, присмотреть' (ср.: *idavė jas [t. y. bites] antram gerbti [t. y. žiūrėti], su kuriuo paskui dalijos medum* 'отдал пчел другому присмотреть, с которым потом медом делился' С. Даукантас, см.: LKŽ, III, 247), лтш. *gērbt* 'pflegen': 'kleiden, einkleiden, anziehen, schmücken' ME, I, 698; лтш. *cienit* 'ehren, schätzen, hochachten, würdigen': 'pflegen' ME, I, 394¹⁶; лат. *colō* 'обрабатывать землю, растить; заботиться, холить, пестовать': 'уважать, почитать'.

Сакральный характер балтийского глагола подтверждает верность предлагаемого сопоставления балт. **pās-* 'кормить, растить, заботиться' с и.-е. корнем **pā-/pə-* 'füttern, nähren, weiden' Pokorny, IEW, 787 (относительно семантики ср. еще лат. *pāscō* 'пасти, кормить, содержать; ухаживать, заботиться') тем, что данное балтийское явление находит параллель в других и.-е. языках и прежде всего в славянских. В Фрейзингенских отрывках слав. *pasti употребляется в юридической (а возможно, и сакральной?) формуле **pasti gotā*¹⁷. Соответствие балтийского глагола *pōsa* в хеттском и тохарском языках употребляются в сакральных формулах тина хетт. *uttar paḥš-* 'хранить слово (наказ царя)' и тох. *rapāṣṣome pāsk-* 'блужсти нравственность'¹⁸. Следовательно, лит. *pōsa* в значении '(идолы) почитать', по-видимому, является реликтом глубокой древности.

Таким образом, существует ряд доказательств того, что соответствиями слав. *pasti, лат. *pāscō*, тох. А *pās-*, В *pāsk-* и хетт. *paḥš-* в балтийских языках являются лит. *pōsėti* '(идолы) почитать', *pōselėti pūoselėti* 'кормить (бережно ухаживая), холить, пестовать', лтш. *pāsēt* '(чрезмерно) кормить', *pāsēt* 'баловать, холить, нежить, жалеть, щадить, защищать, отстоять', *pāst* 'ухаживать, заботиться', лит. *pūoselėti* с секундарным корневым вокализмом *uo*, возникшим наряду с древним балт. *ā* (> лит. *o*, лтш. *ā*), отражающим и.-е. *ā* (< *oH). В балтийских языках, как и в славянских, засвидетельствовано значение 'защищать, охранять', ср. лтш. *pāsēt* 'aizstāvēt, verteidigen, beschützen' ME, III, 190, которое представлено в хеттском и тохарском. Однако в балтийских языках нет непосредственных данных о том, что в них существовало в других и.-е. языках представленное специализированное значение 'пасти', и это, возможно, указывает на вторичность последнего значения.

¹⁶ О данных семемах в хронологическом отношении см.: В. Jēgers. KZ, 80, 1966, стр. 61 и сл.

¹⁷ Об этом см.: В. Н. Топоров. Slovenica. — ВСЯ, 1959, вып. 4, стр. 92—93.

¹⁸ В. В. Иванов. К этимологии русского *пасти*, стр. 110.

За последние годы интерес к изучению балтийской мифологии, несомненно, возрос, о чем свидетельствует увеличение количества специальных исследований¹, расширение круга источников (прежде всего за счет фольклорных текстов), обнаружение новых параллелей и т. п. Тем не менее эмпирические исследования в этой области, как правило, лишь в незначительной степени отражают те существенные теоретические достижения в области изучения мифологических систем, которые явились достоянием науки последних двух десятилетий. Так же мало повлияли на развитие исследований в области балтийской мифологии конкретные результаты, полученные при описании пантеонов других индоевропейских традиций. Поэтому создание достаточно полной и надежной картины балтийской мифологии еще впереди. До тех же пор необходимо более тщательно использовать в н у т р е н н и е источники, с тем чтобы полученные результаты могли бы быть п р а в и л ь н о сопоставлены с соответствующими фактами других (прежде всего, конечно, индоевропейских) традиций, которые, обратно отражаясь, осветили бы неясные темы балтийской мифологии. В заметках, следующих ниже, обращение к в н у т р е н н и м источникам преследует цель р е к о н с т р у к ц и и

¹ Среди них см.: J. Balys. Motinos žemės gerbimas. «Žemės ūkis», 1943, № 2; Он же. Lietuvių tautosakos skaitymai, I—II. Göttingen, 1948; Он же. Die Sagen von den litauischen Feen (Deivės, Laumės) «Die Nachbarn», Bd. I. Göttingen, 1948; Он же. Lithuanian Mythology, Latvian Folklore and Mythology. «The Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend», v. 2. N. Y., 1950, стр. 606—608, 631—634 и другие его работы, посвященные в основном фольклору и этнографии; Z. Slaviūnas. Liaudies papročiai ir mitiniai įvaizdziai Mažvydo raštuose. «Senoji lietuviška knyga». Kaunas, 1947; C. Clément. Les baltes et les slaves. «Histoire générale des religions». sous la direction de M. Gorce — R. Mortier. Paris, 1948; K. Straubergs. Die letto-preußischen Getreidefeste. «Arv.», 5, 1949; ср. также ряд его работ в издании: «Lat-

некоторых черт иерархического устройства балтийского пантеона (точнее, пантеонов) на основании дистрибуции теонимов в сохранившихся списках богов. Вместе с тем в продолжение этой статьи будет предпринята попытка краткого изложения первых результатов сопоставления балтийских мифологических фактов с данными других традиций при условии нахождения сравниваемых фактов в разных топосах (об этом понятии ср. другие работы автора). Частично об этом говорится и в настоящей статье.

СПИСКИ БАЛТИЙСКИХ БОГОВ

А. Прусские боги

Известно несколько больших списков прусских богов: «Episcopatuum Prussiae Pomesaniensis atque Sambiensis Constitutiones Synodales» (1530 г.), связанные с именами Георга фон Поленца

viėšu tautas dziesmas», t. I—VI. Kopenhagenā, 1952—1954; В. Н. Перцов. Культура и религия древних пруссов. «Уч. зап. Белорусского ун-та», вып. 16, серия ист. Минск, 1953, стр. 329—378; Н. Biezaīs. Die Religionsquellen der baltischen Völker und die Ergebnisse der bisherigen Forschungen. «Arv.», 9, 1953, стр. 65—128 (ср.: ZfslPh., 25, 1956, стр. 397 и сл.); Он же. Die Hauptgöttinnen der alten Letten. Uppsala, 1955; Он же. Der steinere Himmel. «Annales Academiae Regiae Scientiarum Uppsaliensis», 4. Uppsala, 1960; Он же. Die Gottesgestalt der lettischen Volksreligion. «Acta Universitatis Uppsaliensis. Historia Religionum I». Uppsala, 1961 (ср.: ZfslPh., 31, 1963, стр. 415 и сл.) и др.; А. Gätters. Die baltische *Lauma* bzw. *Laumė* und die venetische *Louzera*. — KZ, 1955, № 73, стр. 52—57; Вяч. Вс. Иванов. К этимологии балтийского и славянского бога грома. — ВСЯ, 1958, вып. 3, стр. 101—111; А. Johanson. Kristofs Harders un latviešu tautas ticējumi. «Ceļi», X, 1961, стр. 35—41; Он же. Die Hüter der Schwelle im lettischen Volksglauben. «Scando-Slavica», 8, 1962, стр. 152—160; Он же. Der Sumpf im lettischen und weissrussischen Zauberwesen. «Scando-Slavica», 11, 1965, стр. 255—262; Он же. Der Wassergeist bei Balten und Slaven. «Acta Baltico-Slavica», 2, 1965, стр. 27—52; VI. Gohis. Senovės lietuvių tikėjimas. «Religijos ir ateizmo klausimai». Vilnius, 1963; J. Jurginis. Krikščionybė Lietuvoje. — Там же, стр. 223—242; Он же. Lietuvių dievai ir deivės. «Mokslas ir gyvenimas», 1966, № 3, стр. 30—31; P. Skardžius. Dievas ir Perkūnas. Brooklynas, 1964; O. V. Ambainis. The Expression of the People's Views on Religion in Lettish Folk-lore. «VII International Congress of Anthropological and Ethnographical Sciences». M., 1964; P. Dundulienė. Namų židinio kultas Lietuvoje. «Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų Mokslo darbai». «Istorija», t. VI. Vilnius, 1964, стр. 125—151; Она же. Ginu Kernavės Perkūna. «Švyturys», 1966, № 4; Она же. Senovės lietuvių religijos klausimai. «Istorija», t. X, 1969, стр. 181—207; Т. Я. Елиза ренкова, В. Н. Топоров. О древнеиндийской Ушас (*Uśas*) и ее балтийском соответствии (*Ušiš*). «Индия в древности». М., 1964, стр. 66—84; В. Н. Топоров. Об одной «явтяжской» мифологеме в связи со славянской параллелью. «Acta Baltico-Slavica», 3, 1966, стр. 143—149; Он же. К балто-скандинавским мифологическим связям. «Donum balticum», 1970; V. Pisani. I paganesimo balto-slavo. Torino, 1965 (ср.: Он же. Le religioni dei Celti e dei Baltoslavi. Milano, 1951), и др.

и Пауля Сператуса (I); «Sudauerbüchlein» («Der vnglaubigen Sudauen ihrer bockheiligung mit sambt andern Ceremonien, so sie tzu brauchen gepflegeth») (II); «De Sacrificiis Et Idolatria Veterum Borvssorum Liouonum, aliarumque vicinarum gentium» (1563, Joannes Maeletius) (III); «De Diis Samagitarum. . .» (1615, Яна Ласицкого) (IV) и др.

Ср. I: . . . sunt autem pro lingua barbara barbarissimi hi: Оссопирмус, Suaixtix, Ausschauts, Autrympus, Potrympus, Bardoa yts, Piluytus, Parcuns, Pecols atque Pocols, qui Dei, si eorum numina secundum illorum opinionem pensites, erunt: Saturnus, Sol, Aesculapius, Neptunus, Castor et Pollux, Ceres, Juppiter, Pluto, Furiae².

Ср. II: Deywoty Zudwity; Оссопирмус der erste Gott Himmels vnd Gestirnes. Swayxtix der Gott des Lichtes. Ausschauts der Gott der Gebrechen Kranken und Sunden. Autrimpus der Gott des Mehres vnd der grossen Sehe. Potrimpus der Gott der fliessenden Wasser, Bardoa yts der Schiffe Gott. Pergrubrius der lest wachsen laub vnd gras. Pilnitis der Gott macht reich vnd füillet die Scheuren. Parkuns der Gott des Donners, Plitzen vnd Regens. Pocols der helle vnd Finsternus ein Gott. Pocols die fliegende geister oder Teuffel. Puschkayts der Erden Gott vnter dem heiligen holtz des Holunders. Barstucke die kleinen Mennichen. Markopole die Erdtleuthe³.

² Цит. здесь и далее по тексту: W. Mannhardt. Letto-Preußische Götterlehre. Riga, 1936, стр. 233 (далее — LPG). Ср. порядок следования богов в «Dissertatio prooemialis» Мисленты (Coelestin Mislenta): Оссопирмус, Suaixtix, Auxschautis, Autrympus, Potrympus, Bardoa yts, Polunyts Parcuns, Pecols atque Pocols; в «Selectae dissertationes historicae de variis rebus Prussicis» Харткноха (1679), стр. 125; Оссопирмус, Suaixtix, Auxschautis, Autrympus, Potrympus, Bardoa yts, Polunyts, Parcuns. . . Pecollos atque. . . Pocols (ср. нем. вариант: Chr. Hartknoch. Altes und Neues Preussen. Königsberg—Leipzig, 1684, стр. 127); в «Duae orationes historicae de duplici divinae gratiae fundamento» (Regiomonti, 1644) И. Бема: Nomina numinum, quibus sacrum cultum praestabant, ipso son barbara et horrida fuerunt 1) Оссопирмус, 2) Suaixtis, 3) Ausschauts, 4) Autrympus, 5) Potrimpus, 6) Bardoi jts, 7) Piluytus, 8) Parcuns, 9) Pecols, 10) Pocols. Haec barbara barbarorum Boroussum nomina notabant Saturnum, Solem, Aesculapium, Neptunum, Castorem et Pollucem, Cererem, Jovem, Plutonem, infernales Furias (ср.: Он же. «Gründliche Erweisung. . .», 1625). Как видно из этих примеров все они восходят к «Constitutiones Synodales», на что, впрочем, иногда указывают и сами авторы.

³ LPG, стр. 245—246. Ср. так называемый Druck A (там же, стр. 299—300): 1. Оссопирмус den Gott himels vnd der erde. 2. Schwaytstix der gott des liches. 3. Ausschlauis (опечатка, вм. Ausschauts) der Gott der gebrechen der Kranken und gesunden. 4. Antrimpus der Got des mehres vñ der See. 5. Protrympus (опечатка, вм. Potrympus)

Ср. III: . . . quos ipsi Deos esse credunt, uidelicet: O c c o p i r n u m, deum coeli et terrae; A n t r i m p u m, deum maris; G a r d o a e t e n, deum nautarum, qualis olim apud Romanos fuit Portunus; P o t r y m p u m, deum fluuiorum ac fontium; P i l u i t u m, deum divitiarum quem latini Plutum uocant: P e r g r u b r i u m, deum ueris; P a r g n u m, deum tonitruum ac tempestatum; P o c c l u m, deum inferni et tenebrarum; P o c c o l l u m, deum aëriorum spirituum; P u t s c a e t u m, deum qui sacros lucos tuetur; A u s c a u t u m, deum incolumitatis et aegritudinis; M a r c o p p o l u m, deum magnatum et nobilium; B a r s t u c c a s, quos Germani Erdmenlen, hoc est, subterraneos uocant. . . ⁴

Ср. IV: . . . quos ipsi deos esse credunt, uidelicet O c c o p i r u m deum coeli et terrae, A n t r i m p u m maris, G a r d o e t e n nautarum, P o t r y m p u m fluuiorum ac fontium, P i l n i t u m divitiarum, P e r g r u b r i u m ueris, P a r g u m tonitruum ac tempestatum, P o c c l u m inferni ac tenberarum P o c o l l u m aëreorum spirituum, P u t s c e t u m sacrorum lucorum tutorem, A u s c ü t u m incolumitatis et aegritudinis. M a r c o p p o l u m magnatum et nobilium, B a r s t u c c a s, quos Germani Erdmenlin, hoc est, subterraneos uocant. . . ⁵

Любопытен вариант Бреткуна в «Хронике»⁶: In sonderheÿt aber list man das die Sudawen vierzehē Götter gehret vnd angebetten haben. I. Als O k o p i r n u s sol sein ein Got des himels vnd gestirns. II. P e r g u b r i u s sol ein Gott der Erdengewechs, der laub vnd gras lies wachsen. III. P e r k u n s sal sein ein Gott des donners, plitzens vnd Regens. S w a i k t i c k s (l) sal sein ein Gott des Lichts. III. P i l u i t u s sal sein ein Gott der fulle, vnd der Reich machet. V. A u s c h a u t s Ein Gott der verbrechens (sic!), der die menschen wegen ihrer sunden straffet. VI. P u s c h k a i t u s sal sein ein Gott vber die fruchte der Erden als allerley getreÿdes. VII. B a r s t u c k e solten sein kleÿne menlein des P u ß k a i t e n diener die wir Wicholt nennen. VIII. M a r c o p o l e

der Gott der fliessenden Wasser. 6. G a r d o a y t s der Schiff Gott. 7. P e r g r u b i u s (опечатка, вм. Pergrubrius) der lest wachsen laub vnnnd Gras. 8. P i l u i t u s der Gott machet reich vnd füllet die scheunen. 9. P a r c k n u s der Gott des Donners Blicksens vnnnd Regens. 10. P o c k l u s der Gott der Hellen vnd Finsternis. 11. P o c k o l l u s die fliegenden Geister oder Teuffel. 12. P u s c h k a y t s latine Sambucus, der Gott vnter dem Holtze Holunder. 13. B a r s t u c k e die kleinen Menlin, die wir die Erdmenlin oder Wichtole nennen. 14. M a r k k o p p o l l e die Edelleute (V).

⁴ LPG, стр. 295.

⁵ LPG, стр. 362; фактически тождественно с III.

⁶ Chronicon des Landes Preussen Colligirt durch Joannem Bretkium Pfarhern zu Labiau. Das Erse Buch Außgeschriben von mir Casparo Hennenbergern Pfarhern zu Mülhausen, 1588; текст пит. по изд.: G. Gerullis. Bretke als Geschichtsschreiber. — ZfslPh., 40, 1926, стр. 119—120.

die Erdleutte vnd des P u ß k e i t t e n diener. IX. A n t r i m p u s sal sein ein Gott des Meers vnd der See. X. P o t r i m p u s der Gott der fliessender wasser. XI. B a r d o a i t s Ein Gott vber die Schiffe. XII. P i k o l s der Hellen vnd der Finsternis Gott. XIII. P i k o l i u n i die fliegende Geister oder Teuffel. XIII (VI).

Данные списков сведены воедино в таблице⁷.

Разумеется, не все эти списки независимы друг от друга и от возможного архетипа, во-первых, и не все они свободны от поздних вставок и переделок, во-вторых. «Гиперкритицизм» в исследованиях по балтийской мифологии на рубеже 19 и 20 вв. указал слабые места в сообщениях авторов 16—17 вв. о прусском пантеоне. Сейчас наступила пора обратить внимание на преимущества этих сообщений, тем более что чаще всего известны принципы конъектуры, которыми воодушевлялись первые исследователи прусского пантеона, и, более того, пересмотреть вопрос о подложности некоторых важных сообщений о прусской мифологии (в частности, это относится к Симону Грунау), о чем будет сказано в другом месте.

Если определять место бога в обобщенном списке по коэффициенту, представляющему собой отношение суммы занимаемых им мест в списках к числу списков, в которых они встречаются, то возникает следующая картина⁸.

1. Okopirms (1) ⁹	7. Pilvits (7)
2. Svaixtix (1,33)	8. Perkuns (7,13)
3. Autrimps (4,33)	9. Pekols (9,67)
3a. Pergrubrius (5,6)	9a. Puškaitis (10,2)
4. Potrimps (5,67)	10. Pokols (10,67)
5. Bardoits (6)	11. Barstukas (12)
6. Aušauts (6,17)	12. Markopole (12,2)

В общих чертах этот порядок, несомненно, воспроизводит некоторые важные особенности списка-архетипа (АТ). Так, совершенно очевидно, что в АТ на первом месте стоял именно Okopirms или в этой описательно-табуистической форме или под его подлинным именем. Характерно, что четкое указание на первенство этого божества сохранилось лишь в I и II (— pirms при пр. pirms

⁷ Ср. сопоставление трех списков с добавлением данных, почерпнутых у Стрыйковского, в рукописи Станевича «Mythologia prusko-litewska podług Hartknocha» (не позднее 1838 г.). См.: Simonas Stanevičius. Raštai. Vilnius, 1967, стр. 249—252.

⁸ Литерные номера означают отсутствие данного имени хотя бы в одном из списков. Что касается подсчетов, относящихся к Pekols и Pokols, то следует иметь в виду, что к типу Pekols относятся все первые, а к типу Pokols — все вторые имена в соответствующих парах. Так, Pocclus в III, IV, V относятся к Pekols, а Pikoliuni в VI — к Pokols.

⁹ Формы имен богов, приводимые здесь, даются в условном и обобщенном виде.

‘первый’) ¹⁰, тогда как остальные списки обнаруживают непонимание этого элемента в теоформном имени со стороны записывающего, а скорее всего, и информанта. Судя по всему, в Окорирмс’е смешивались два ряда функций, отражавших две традиции. С одной стороны, он — вседержитель и все, что есть в мире, подвластно ему (. . . deum coeli et terrae, . . . den Gott himels und der erde). С другой стороны, при описании прусского пантеона в связи с вертикальной структурой мира Окорирмс — бог самой верхней из сфер (. . . der erste Gott Himmels vnd Gestirnes, . . . ein Got des himels vnd gestirns). Поскольку Окорирмс, будучи всегда на первом месте в списках, тем не менее никогда не фигурирует в текстах иного рода (в отличие от подавляющего большинства других божеств), можно с большой вероятностью предположить, что Окорирмс выступал совершенно в той же функции, что и Dievas-Dievs в восточнобалтийской традиции. Последний, являясь основным знаком — представителем всей мифологической системы в целом, практически оказывается слишком абстрактным и пассивным началом (при этом он часто стоит вне сюжетных связей), что объясняет утрату им актуальности и — как компенсация этого — актуализацию богов нижних (по сравнению с Окорирмс’ом) уровней (ср. лит. Perkūnas, лтш. Pērkons и пр. Perkuns, о нем ниже) ¹¹. По-видимому, Saturnus как глосса к Окорирмс оправдано именно как указание на какую-то и н у ю (в данном случае более архаическую) традицию, которая могла быть поддержана и христианскими представлениями о едином Боге ¹². Таким образом, Окорирмс, как и Dievas-Dievs, бог по преимуществу ¹³.

¹⁰ Ср. объяснение ‘der erste Gott’ (II), с чем согласуется и традиционная этимология -ucka- & pirms ‘из всех первый’, см.: К. В ū g a. Rānikas ir Ukarīmas. «Rinktiniai raštai», II. Vilnius, 1959, стр. 156; ср. пр. ucka-, префикс Superlat., ucka isarwiskai 81, 13 ‘aufs treulichste’, ucka kuslaisin 59, 9 ‘schwächste’, ūckelāngewingiskai 39, 28 (ср. 29, 21; 33, 22, 47, 31 ‘aufs einfältigste’). Из типологических параллелей ср. имя императора Цинь-Ши-хуанди, являющееся, собственно говоря, титулом со значением ‘Первый Бог и Божественный предок Циньской династии’.

¹¹ См.: P. Skardžius. Dievas ir Perkūnas. . . ; J. Balys. Perkūnas lietuvų liaudies tikėjimuose. «Tautosakos darbai», III. Vilnius, 1937 (Perkūno ir Dievo santykiai, стр. 150—152); Н. Визаис. Die Gottesgestalt der lettischen Volksreligion. . . ; К. Straubergs. Latviešu burāmie vardi, I. Rīgā, стр. 383—386; P. Šmits, Latviešu tautas ticējumi, III. Rīgā, 1940, стр. 1400 и сл. Ср. там же, I, стр. 362, № 5861: Vecās un istās tautas tradīcijas Dievs ir tikai īpašvārds. . . (к Окорирмс как собственному имени).

¹² Во всяком случае, говоря об Окорирмс’е как о deum coeli et terrae, едва ли помнили о связях римского Сатурна с землей и совом.

¹³ К отличию Dievas от других богов (в частности, от Perkūnas’a) ср. выработанную версию: kad Dievo nebūtu, tai jis (sc. Perkūnas) būtu Dievu, bet kadangi Dievas esās, nes jis niekadoms nemirstās, tai ir Perkūnas negalīs būti Dievu, nors pirmiaus jis valdēs svieta ir neretai nužengdavęs ant žemės. . . См.: J. Balys. Perkūnas. . . , стр. 151 (№ 29). О дальнейшей судьбе Окорирмс’a в источниках см.: LPG, стр. 531, 541, 615, 618, 620.

Второе место занимает в I, II, V Svaixtix, глоссируемый как Sol и определяемый как ‘der Gott des Lichtes’; в VI Svaixtix занимает четвертое место, что, кажется, может быть объяснено достаточно правдоподобно. На первом месте в этом списке стоит Окорирмс, что не вызывает никаких недоумений; на втором месте, т. е. на п е р в о м после Окорирмс’a, стоящего вне конкуренции, находится Pergrubrius, праздник которого отмечался п е р в ы м в году, ср.: Das erste fest irer heiligung halten sie ehe wann der pflug ausgehet. Das Fest heissen sie die heiligung P a r g r u b r i j. «Der vnglaubigen Sudauen» (LPG, стр. 247), и имя которого было п е р в ы м при возгласении: . . . vnd der Wourschkaite hebt eine Schalen voll Biers auff mit der hand vnd bittet: du grosser mechtiger Gott P a r g r u b r i u s du treibest den winter hinweg vnd gibst In allen landen laub vnd grass, wir bitten dich du wollest unser getreide auch wachsen lassen vnd dempffen alles vnkraut. . . Там же (LPG, стр. 247) ¹⁴; ср. также: . . . dass et bitten wolt die götter als G r u b r i u m, P a r k u n e n, S w a y x t i x e n und P i l n i t e n. . . — Там же (LPG, стр. 249); наконец, на третьем месте в VI стоит Perkuns главный (первый) бог большой триады, о которой см. ниже. Таким образом, нахождение в этом списке Svaixtix на четвертом месте после главного бога ¹⁵ в принципе аналогично нахождению Svaixtix на втором месте после Окорирмс’a в трех других перечнях. Любопытно, что положение Svaixtix’a после Окорирмс’a как представителя в с е х богов вполне соответствует начальному положению с о л н ц а среди других объектов культа, почитаемых пруссами. При этом сама группа объектов почитания может следовать за группой божественных персонажей или за указанием, что последних пруссы не знали, т. е. «боги» (или их отсутствие) & «солнце» & . . . Возможен и другой порядок, обратный указанному: «солнце» & . . . & «боги». В обоих случаях группа «боги» разветвляется в серию: Окорирмс & . . . & . . . & и т. д. В этом отношении описываемая картина совпа-

¹⁴ Ср.: Die Sudawen hielten iehrlich zwey grosse fest ihrer heyligung vnd solches mit sonderlicher sollemnitet vnd Cerimonien, als das e r s t e heissen sie das Fest P e r g u b r i j vnd hieltens iehrlich im Fruling, ehe der pflug außging. . . Бреткунас, стр. 120—121.

¹⁵ Положению Svaixtix’a после Perkuns’a соответствуют некоторые другие описания; ср., например, в стендеровской латышской мифологии: P e r k u h n i s. . . Noch jertz heist der Donner P e h r k o n s. . . S a u l e, die S o n n e, war bey den Heidnischen Letten verheiratet und zwar an den Mond. Aus dieser Ehe wären die ersten Sterne gezeugt worden. Daher hört man in den alten lettischen Liedern S a u l e s m e i t a s, S o n n e n T ö c h t e r, nach welchen die D e e w a d e h l i G o t t e s s ö h n e gefreyet und eine kleine Mitgabe bekommen. S w a i g s n e s die Sterne. Die ersten sollen Produkte der S o n n e n und des M o n d e s seyn. . . LPG, стр. 627 и др. К имени Svaixtix ср.: К. В ū g a. Prūsų dievai Pilvytas ir Zvaigstikas, «Rinktiniai raštai», II, стр. 156; О н ж е. Svaixstix. — Там же, I, стр. 149—154; ср. также: LPG, стр. 541—542 (сведения из М. Преториуса).

дает с ранее установленным для ряда древних индоевропейских традиций фактом помещения огня в начальное или конечное положение при ритуальном перечислении объектов культа¹⁶ (ср. солнце как небесный огонь, ср. параллели типа: . . . quae sacrum colebat ignem. . . и . . . quae solem colebat. . . En. Silv. Picolom. (LPG, стр. 135) в одном и том же тексте)¹⁷.

¹⁶ См.: G. Dumézil. La religion romaine archaïque. Paris, 1966, стр. 317—318; ср. также: Вяч. Вс. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. «Труды по знаковым системам», IV. Тарту, 1969, стр. 63. Когда солнце и огонь встречаются в одном списке, первое место обычно отдается солнцу, ср.: Im anfang dieser obberurten Preussen sind sie vor vnghaubig erkannt worden, die Sonne, Mond, feuer vnd welde, tzu förderst den Bock angebetten, geheiliget vnd geehret. «Der vnghaubigen Sudauen» (LPG, стр. 262); . . . die Sonne, Stern, Mond, Feuer, Wasser, Ströme vnd schier alle Creaturen angebetet. . . Sal. Henning (LPG, стр. 413—414).

¹⁷ Ср. ряд примеров иллюстрирующих место солнца в перечнях: Et quia sic deum von cognoverunt, ideo contigit, quod errando omnem creaturam pro deo coluerunt, scilicet solem, lunam et stellas, tonitrua, volatilia, quadrupedia eciam usque ad bufonem. Habuerunt eciam lucos, campos et aquas sacras. . . Peter von Dusburg. De ydolatria et ritu et moribus Pruthenorum (LPG, стр. 87) (легко заметить соответствия этого перечня со списками богов, ср.: solem — Svaixtix, tonitrua — Perkuns, quadrupedia — Pekols, lucos — Puškaitis); . . . solem et lunam deos omnium primos crediderunt, tonitrua fulgetrasque ex consensu gentium aborabant. Erasmi. Stella (LPG, стр. 182, стр. 189); Von anbegin die einwoner des landes zu Preussen wusten noch von gotte noch von gott hin zu sagen, sundir die sonne sie geehrt haben. S. Grunau (LPG, стр. 196); . . . mit der Sonne n, Maen vnde Sternen. . . Balth. Russow (LPG, стр. 418) и др. Особенно показательным следующее свидетельство: Ausser diesen sind nicht minder göttlich geehrt worden andere Creaturen als: Sonne, Mond und Sterne. Diese sind, halte ich, unter dem Namen der Szweiksdüks angebetet worden. Denn selbiges Wort bedeuten kann ein Sternregierer. Wie aber sie Sonne. Mond a part mögen gedienet haben, finden wir nirgends. . . Matth. Praetorius. Preussische Schaubühne. IV. Idolatria veterum Prussorum (LPG, стр. 546). Возможно, что показательны и такие контексты, как: Algis angelus est summorum deorum. Ausca dea est radiorum solis. . . Joh. Lascii De Diis Samagitarum (LPG, стр. 356), относящиеся уже к восточнобалтийской традиции. К ней же относятся и другие свидетельства, ср.: . . . kits tare iog Saule butu Die was, kits iog Menu, kits kita daikta Die wu essant tikeia. . . Бреткунас. Post. (LPG, стр. 425); Barbaram hanc ab initio fuisse gentem, et omnis expertem urbanitatis civilitatisque, vel ex eo quod solem, lunam, tonitrua deorum loco coluerunt, liquido constat. Dion. Fabricius. Livon. hist. (LPG, стр. 457); Und dass haben auch diese Letten gethan und der Sonne n, dem Monde, Donner, Blitzen und den Winden Gottes — Dienst bezeigt, auch haben sie neben diesen besondere Götter und Göttinnen gehabt. . . Paul Einhorn. Hist. Lettica (LPG, стр. 481) и др. Однако в рифмованной хронике место солнца в списке иное, ср.:

donre, sunne, stēne, mân,
vogle, tîr und ouch dî crotin
wârin in irkorn zu gotin.

Nikol. von Jeroschin.

Kronike von Pruzinlant, V, 4006—4009
(LPG, стр. 107).

Сама же последовательность неантропоморфных природных объектов культа, как показано в другом месте, должна рассматриваться как наследие древнейших космологических схем. Следует подчеркнуть, что принцип включения в данную актуальную иерархически построенную систему первого элемента более старой системы в качестве в т о р о г о (в роли «заместителя») элемента данной системы принадлежит к числу типологически весьма распространенных явлений. При этом второй элемент данной системы может изменить свой топос и, следовательно, характеристики (ср. переход «солнца» в Svaixtix, уже соответствующий антропоморфному описанию). Отсутствие в связанных друг с другом списках III и IV имени Svaixtix может объясняться помимо прочего большей свободой от римских образцов и частичным отказом от нисходящего принципа описания пантеона, при котором за богом неба неизбежно следовал бог солнца.

Дважды на втором месте в списках (III, IV) оказывается Autrimps, который именно в этих списках в отличие от всех остальных оказывается отделенным от имени того же корня Potrimps. Причина отделения семантического характера. Поскольку Autrimps — 'deus maris', Neptunus, а Potrimps — 'deus fluuiorum ac fontium', составителю списка казалось естественным вставить после морского бога Autrimps'a имя бога кораблей (морских) Bardoits¹⁸ в форме Gardo(a)eten. Вполне возможно, что Bardoits как бог кораблей конституировался довольно поздно или даже вообще обязан своим происхождением «кабинетной» мифологии 16—17 вв. Дело в том, что в большинстве списков, причем более ранних и авторитетных, имя этого бога появляется в форме Bardoits. Форма с начальным G-, если только это не описка, могла быть вызвана словом gardas 'Schiff, laivas', если только последнее слово, отмеченное однажды, не лексикографическая выдумка¹⁹. Вторичность места Bardoits'a между Autrimps'ом и Potrimps'ом подтверждается еще и тем, что два последних имени, в каком бы месте списков они не находились, всегда, кроме указанных двух случаев, восходящих к одному источнику, стоят вместе и именно в такой последовательности (особенно характерен список VI, где после смыслового конца перечня на 10 и 11 местах вдруг появляются Autrimps и Potrimps). Такое положение этих двух имен и, следовательно, их носителей вполне естественно, если вспомнить общий принцип, в соответствии с которым осуществлялось разращение прусского пантеона — создание имен с использованием того же или сходного корня и с дифференциацией его с помощью префиксов (реже — суффиксов), ср.: Au-trimps —

¹⁸ Не исключено, что некоторую роль могла сыграть звуковая близость корня Bard- с лат. Fortunus, имя гения покровителя мореплавания. Ср.: Gardo aeten, deum nauatarum, qualis olim apud Romanos fuit Portunnus (III).

¹⁹ См.: K. Būga. Prūsų dievas Gardaitas. — RR, II, стр. 98—99.

Po-trimps²⁰, Pikols-Pikoliuni, ср. также: Pekols — Pokols и др. Характерно и другое — во всех списках, где Autrimps и Potrimps сосуществуют, третьим за ними идет Bardoits.

В связи с рассматриваемой парой полезно обратиться к более кратким перечням, в которые, однако, в качестве неперменного члена входит Potrimps. Ср. у С. Грунау: Das bannir war ein weisz tuch 5 elen langk, 3 elen brett und hett in sich gewurcht 3 b i l d e der gestalt wie m e n n i r, blo waren ire cleider und woren brustbilder in solcher formen: das e i n e war wir ein man j u n g e r gestalt a n e b a r d t, gekronett mit s a u g e l e n und frolich sich irbot und dergott vom g e t r e i d e und hies P o t r i m p p o. Das a n d e r war wie ein zorniger man und m i t t e l m e s s i g k a l t e n, sein angesicht wie f e u e r und gekronet mit f l a m m e n, sein b a r t c r a u s und schwarz²¹, und sogin sich beide an noch iren geschigkeiten, der eine frolich wie er des andern zornigen lachete und der ander auffgeblosen in zornn. Das d r i t t e bilde war ein a l t e r m a h n mit einem l a n g e n g r o e n b a r d t und seine farbe gantz totlich, war gekronet mit einem weissen tuche wie ein morbant unde sag von unden auff die andern an unde his P a t o l l o mit namen. . . LPG, стр. 195 (A);

. . . Und die eiche war gleich in 3 t e i l geteilet, in iglichem wie in eim gemachten fenster stundt ein abgott und hett vor sich ein cleinott. Die e i n e seite hilt das bilde P e r k u n o inne, wies oben ist gesagt wurden, und sein cleinott war, domit man stetit f e u i r hette von eichenem holzte tag und nacht. . . D y a n d r e seite hilt ynne das bildt P o t r u m p p i und het vor sein cleinot eine s l a n g e . . . Das d r i t t e bilde P a t o l l i hilt inne die d r i t t e n seite, und sein cleinott war ein t o d t e n k o p f f von eim menschin, pferde und ku. . . LPG, стр. 196 (B);

. . . Do aber die Cimbri qwomen, die brochten mit ihn 3 b i l d e ihrer abgotte, den e i n e n P a t o l l o sie nanten, das a n d e r P o t r i m p p o das d r i t t e P e r k u n o . . . LPG, стр. 196 (C);

. . . P a t o l l o der o b i r s t e r abgott der Bruteni . . . P o t r i m p p o der a n d e r abgott der von Brudenia war, und dieser war ein gott des g l u c k i s i n s t r e i t e n und sust in anderen sachi. . . Uber die mosze P a t o l l o P o t r i m p p o hetten ein wolgefallen in menschin blute, so man is im vorgos zu ehre vor der eichen. P e r k u n o war der d r i t t e abgott. . . Die 3 genanten götthe P a t o l l o, P o t r i m p p o, P e r k u n o man nindert mit o p p h e r u n g k mochte ehren den zu Rickoyott. . . LPG, стр. 196—197 (D1-2).

Таким образом, оказывается, что существуют следующие версии следования этих трех богов²²

²⁰ Ср. также: Grubrius — Pergrubrius.

²¹ Scil. Perkuns (ср. аналогичные описания Perkuns'a далее).

²² Для списков I—VI указанные последовательности могут быть прерывистыми.

1) Potrimps
Perkuns
Patols
(ср.: A, I—V)

2) Patols
Potrimps
Perkuns
(ср.: C, D1, D2)

3) Perkuns
Potrimps
Patols
(ср.: B, VI)

Прежде чем охарактеризовать эти перечни, необходимо выяснить отношения между Patols'ом, Pekols'ом и Pokols'ом. Первые два слова этимологически ясны и независимы друг от друга²³: 1) Pekols, ср. пр. pickūls 'черт', ср. лит. peikti, pūkti, piktas, paikas и под.; 2) Patols (= Pōtols и Patols), ср. пр. pa || po и tula- 'земля', 'тло' и т. п. Третье слово, Pokols, напротив, не имеет независимой этимологии и возникло как результат взаимодействия *Potols и *Pekols²⁴. Вместе с тем само это имя как бы лишено самостоятельного значения: оказывается существенным не то, что в ряде списков оно выступает как наименование 'fliegende geister oder Teuffel', 'aëreogum spirituum' и под., а то, что эти функции присущи носителю имени Pokols тогда и только тогда, когда оно следует в списке за другим именем того же корня. Если же в этой паре оно идет п е р в ы м, то с ним связываются другие функции, ср.: Pocklum, deum inferni et tenebrarum (III, ср. и IV), Pocklus der Gott der Hellen vnd Finsternus (V)²⁵; аналогичные отношения отражены и в именах Picols, Pikoliuni в VI. Учитывая, что в литературных перечнях нигде не встречаются Pekols и Pokols, а в числовых — Patols (Potols), напрашивается заключение о первоначальном тождестве Patols (Potols) с Pekols-Pokols, которое было забыто впоследствии, особенно когда Pekols и Pokols были семантизированы в зависимости от их места в списках (при этом семантика имени Pokols и приписываемые его носителю функции отражают явно искусственный характер возникновения как самого имени, так и связываемых с ним представлений). Вполне вероятно, что Patols (Potols) выступало в роли эпитета к Pekols (Pikuls). Во всяком случае описания посетителей этих двух имен соответствуют одной и той же картине, а ряд документов фиксирует недоумение их авторов относительно разграничения этих имен²⁶.

²³ См.: К. В ū g a. Dievai Pikulas ir Patulas. — RR, II, стр. 78—79; А. Н. К р а п п e. Pikuls. Ein Beitrag zur baltischen Mythologie, — IF, 50, 1932, стр. 63—69; V. P i s a n i. Zu balt. Pikuls. — IF, 50, 1932, 237; Т. М и л е w s k i. — Sl. Occ., 18, 1947, стр. 25, 39, 43, 57 и др.

²⁴ Менее вероятно предположение о мене графем t и s (=k), вообще говоря, нередкой в прусских текстах (ср.: tarbio — carbio и под.).

²⁵ Ср. в этих списках четкое противопоставление: *Pocklus — *Pokolus.

²⁶ Ср.: Den Namen Podollen haben sie ohne Zweifel dem ort gegeben von wegen des ersten Abgottes Potollo, den etzliche auch Pickollos vnd zwar nicht vnrecht nennen, denn es auf Deutsch der Teuffel heisst. Hennenberger. Erclerung der Preussischen grössern Landtaffel oder Mappen. . . (LPG, стр. 312); Potollos, Den etzliche auch Pocollos oder Picollos nennen, der ir oberster Gott war, ist meines bedunckens wie Sonsten der Heiden Saturnus gewesen. Hennenberger. Kurtze und warhafftige Beschreibung aller

После этих разъяснений можно обратиться к приведенным выше трем триадам (1, 2, 3). Для них характерно, что Potrimps никогда не бывает третьим, а Patols — вторым; Perkuns — единственный член триады, который может занимать любое из трех мест. Для установления отношений в системе наименее достоверна триада 2, поскольку, хотя она и представлена тремя перечнями, в ней очевидна зависимость двух последующих перечней от первого (все они находятся в одном тексте). Кроме того, можно думать, что выдвигание в этих перечнях на первое место Patols'a объясняется порядком жертвоприношений, совершаемых в их честь в культовом центре Rikoiot'e, отождествляемом с Ромове²⁷, или же возрастом Patols'a — самого старшего из богов. Видимо, именно в силу этих особенностей Patols характеризуется как 'der obirster abgott der Bruteni' (ср. Сатурна в древнеримской традиции, соотносимого в некоторых свидетельствах с Patols'ом)²⁸. Триада 3 с Perkuns'ом во главе отражена двумя версиями, одна из которых принадлежит Бреткуну, хорошо знакомому с литовским пантеоном, где Perkunas играл ведущую роль. Вместе с тем соседнее положение Potrimps'a и Patols'a легко объясняется их противопоставленностью друг другу в качестве двух ипостасей одного и того же комплекса представлений (о чем см. ниже). Наибольшим числом версий представлена триада 1, в принципе не противоречащая порядку богов в триаде 3, но представляющая ее трансформацию в пространственно-изобразительном плане (ср. чтение изображения на знамени слева направо в описании С. Грунау). По-видимому, именно такой порядок следования богов в триаде был наиболее обычным и достоверным. Но при этом предположении возникает два недоуменных вопроса: почему Potrimps в больших списках выступает как бог рек и источников, в то время как в триадах нет никаких намеков на эти функции, во-первых, и почему в больших списках за Potrimps'ом всегда следует Bardoits, никогда не появляющийся в триадах, во-вторых? Ответ на первый вопрос, а отчасти и на второй, можно, видимо, искать в так называемой природной схеме, лежащей в основе больших списков (небо — Okoripms, солнце — Svaixtix, море — Autrimps, реки — Potrimps и т. д., подземное царство — Pekols; включение Bardoits'a объяснялось бы дальнейшим развитием водной темы: моря, реки, корабли)²⁹.

Hohemeister Deutsches Ordens (LPG, стр. 312) с контаминацией бога мертвых Potollo у Грунау и Pocklus Gott der Hellen und Finsternus и т. п. у Дитмара.

²⁷ См.: К. Вүга. *Rickoyot'as* ir priesaga -ota- (resp. -uota-) vietų ir žmonių varduose. — RR, I, стр. 159—165.

²⁸ Ср. любопытное место из «Collatio episcopi Warmiensis»: . . . colentes patollum Natrimpe et alia ignominiosa fantasmata. . . LPG, стр. 154.

²⁹ Учитывая весьма слабое развитие мореплавания у пруссов (и соответственной терминологии), в этом фрагменте мифологической системы можно видеть скандинавское влияние.

Но ответ на второй вопрос может выглядеть и несколько иначе. Не исключено, что Bardoits как бог кораблей возник по индукции двух предыдущих членов списка на достаточно поздней стадии. Первоначально же Bardoits могло быть эпитетом к имени Patols'a-Pekols'a со значением 'бородатый', ср.: das dritte bilde (sc. Patols) war ein alter mann mit einem langen groen bardt, тогда как о Potrimps'e специально сообщается, что он ane bardt (А и др.); ср. пр. bordus (V, 101), лит. barzdà, лтш. bārda, bārzda, ст.-слав. брада, др.-в.-нем. bart и т. п. и особенно прилагательные: лит. barzdòtas, ст.-слав. брадатъ (при лтш. bārdaĩns), дающие возможность реконструировать пр. *bardot-s³⁰. Если это предположение верно, то становится понятным, почему Potrimps и Bardoits в 1 глоссируются как Castor и Pollux (правда, следует допускать возможность того, что отождествление Potrimps'a с Кастором, а корабельного божества Bardoits'a с Поллуксом основано на покровительстве Кастора мореплаванию). Они, действительно, составляют пару божественных близнецов, наличие которой в прусском пантеоне предполагал уже Краппе, не знавший, однако, каким образом объяснить на этом месте появление Bardoits'a³¹. Краппе же пронизательно указал на ряд весьма существенных параллелей: 1) образ божественных близнецов, один из которых изображается как юноша, а другой — как старец, соответственно связанные с жизнью и смертью³²; 2) приурочение одного из близнецов к весеннему циклу, а другого к осенне-зимнему (ср. весеннего и зимнего Сатурна)³³; 3) связь с небесным богом (ср.: Διὸς κοβροί как обозначение сыновей Зевса и по смыслу имени и по соответствующему мотиву — связь Зевса с Ледой и рождение Диоскуров, ср. лтш. Dieva deli, ср. также имя спартанских близне-

³⁰ К суффиксу (-ât- или -ôt-), ср.: J. Endzelins. Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, стр. 52.

³¹ См.: А. Н. Краппе. Les dieux jumeaux dans la religion germanique. — «Acta Philologica Scandinavica. Tidskrift for Nordisk Sprogforskning», Bd. VI, 1931—1932, стр. 6—8; ср. также старую догадку о Bardoits'e как гипостазе Potrimps'a, см.: J. Vendeg. Zur altpreußische Mythologie und Sittengeschichte. — AM, IV, 1867, стр. 101.

³² Ср. изображения спартанских Диоскуров, или известных миланских близнецов Протасия и Гервасия, или, наконец, близнецов на митраических монументах и т. п. См.: J. R. Harriss. The Cult of the Heavenly Twins. Cambridge, 1906, стр. 46 и сл.; F. Cumont. Textes et monuments relatifs aux mystères de Mithra, I—II. Bruxelles, 1896—1899; J.-J. Vachon. Versuch über die Gräbersymbolik der Alten. Bâle, 1925, стр. 14 и др.

³³ Сюда же можно добавить весенние и осенние праздники Ярилы или Яровита у славян или Марса у римлян (весеннее изгнание Mamurius'a Veturius'a и осенний Equus October) и др. При этом существенно, что обе ипостаси перечисленных персонажей противопоставлены друг другу по тем же праздникам, что и Potrimps и Patols. Поэтому последовательность Potrimps — Perkuns — Patols, учитывая отнесенность Perkuns'a к лету, одновременно отражает и структуру соответствующих изображений, и очередность сезонных празднеств, посвященных этим богам.

цов Тиндаридов от *τύνδαρος* 'гром', лат. *tundere* или обычное наименование для близнецов в Мозамбике *Bana ba Tilo* 'дети неба', где *tilo* означает и 'небо', и 'гром', и 'молнию' и даже 'дождь'), объясняющую связь *Potrimps*'а и *Patols*'а с *Perkuns*'ом; 4) наличие культа близнецов у германского племени наханарвалов, в начале нашей эры обитавших где-то между Одером и Вислой, видимо, в близком соседстве с пруссами (ср.: Tacit. Germ., 43). Можно указать еще одно далеко идущее совпадение, не замеченное пока исследователями. Речь идет о том, что изображения трех прусских богов, из которых двое были близнецами, находились на священной дубе, почитаемой пруссами и являющимся, очевидно, трансформацией мирового дерева³⁴, с чем можно сравнить почитание близнецов в Риме в связи с *figus Ruminialis* 'дерево Рима', образом мирового дерева³⁵ (ср. также обряд *Nonae Capritinae*, название дерева *caprificus* и роль козла (или козы) в соответствующих прусских ритуалах), или же так называемые священные столбы (ср.: *дохача*), представлявшие в Спарте небесных близнецов³⁶. Эти символы изображались в виде Н или П, ср. π как знак созвездия близнецов, и, как можно думать, были вариантами таким же образом изображаемых «двойных» деревьев, связываемых в разных архаических традициях или с идеей плодородия или, конкретнее, с образами близнецов (ср. двойные *тууру* у эвенков, спаренные тотемные столбы у индейцев, двойные *джеды* в Древнем Египте, *porta triumphalis* в Риме и т. п.)³⁷. Чрезвычайно интересно в этой связи сообщение С. Грунау о том, что во многих местах устанавливались столбы с изображениями двух братьев (прусских вождей) Видевута и Брутена, и эти столбы почитались как боги, причем один из них называли *Worskaito*, а другой *Iszwambrato* (т. е. *swais brati* 'его

³⁴ Ср.: Die grosse dicke und mechtige hohe eiche, in welcher der teuffel sein gespenst hette und die bilde der abgötter ynne woren, halt ich ausz vorplendungk des teufels, war stetis grün, winter und sommer, und war obene weit und breit so dicke von lobe, damit kein regen dardurch kunt fallen, und umb und umb woren hubsche tuchir vorgezogen ein schrit aber 3 von der eichen wol 7 elen hoch, do mocht niemandt eingehen ag der kirwaito und die obirsten waidolotten. . . Und die eiche war gleich in 3 teil geteilet. . . S. Grunau. Von der gelegenheit der eichenn. . . (LPG, стр. 196).

³⁵ См.: G. Dumézil. Указ. соч., стр. 187; Вяч. Вс. Иванов. Указ. соч., стр. 65—66.

³⁶ См.: А. Н. Кгарре. Les dieux jumeaux, стр. 8—9.

³⁷ Вся же прусская триада рядом существенных черт напоминает то, что сообщают Эббон и Герберо о Триглаве, идол которого стоял в Щецине на главном из трех холмов; ср.: . . . tria capita habere, quoniam tria procuraret regna id est coeli, terrae et inferni. Ebbō. Vita Ottonis. — «Bibliotheca rerum germanicarum», 1869, (III, 1). Характерны и некоторые другие совпадения; ср., например, намек на военные функции *Potrimps*'а ('ein gott des glückis in streitten', (LPG, стр. 197) при несомненных функциях бога плодородия в связи с особенностями Яровита (ср. также характеристику Святовита — *clarior in victoriis*. Гельмольд, II, 12) и др.

орат?'). См.: LPG, стр. 195 и особенно 197—198; ср. также стр. 532 (характерно, что эти боги считались покровителями скота). Как известно, в балтийской традиции существуют и другие отражения идеи близнецства³⁸.

В результате приведенных до сих пор рассуждений выясняется, что то место в списках богов, где находятся *Autrimps* и *Potrimps*³⁹, является как бы пересечением двух схем — «природной» (см. выше) и контаминированной, включающей триаду.

Третье место в I, II и V занимает *Aušauts*, появление которого именно здесь вызывает серьезные неясности, если его толковать только как бога — целителя болезней. Учитывая, что в других списках *Aušauts* тяготеет к соседству с *Puškaitis*'ом и к рифмообразному выравниванию с ним (ср.: *Putsaetum—Auscautum*, *Putscetum—Auscūtum*, *Auschauts—Puschkaitis*, III, IV, VI)⁴⁰, можно предположить, что *Aušauts* выпал из какого-то более старого контекста в списках, где его появление могло быть мотивировано. Это же соображение, видимо, объясняет попытку вторичной семантизации этого имени. Так, не исключено, что помещение имени *Aušauts* после *Svaixtix'a* (=Sol) вызвано известным подобием с предполагаемым прусским названием зари (ср. лит. *aušrà*, диал. дзук. *auštra*, лтш. *āustra* при лит. *aušti*, лтш. *āust*; ср. также: *A u s c a dea est radiatorum solis. De Diis Samagitarum*. LPG, стр. 356⁴¹ и др.). Основным мотивом такого переосмысления и сближения могла быть аналогия с постоянными в фольклоре перечислениями типа «солнце, зоря, месяц, звезды» или «солнце, месяц, звезды, зоря» и под.

Между *Potrimps*'ом (или *Bardoits*'ом, когда он следует за *Potrimps*'ом) и *Perkuns*'ом в большинстве списков находятся имена двух божеств *Pilvits* и *Pergrubrius* (II—V). При этом последовательность *Pergrubrius—Pilvits* характеризует II и V, а обратная *Pil-*

³⁸ Ср.: P. Šmits. Указ. соч., II, 1940, стр. 739—743 (jumis). Есть указания на то, что существовала специальная работа на эту тему: L. Adamovičs. Jumis. Das altlettische Ackerbaumysterium. Riga. См. также статью Вяч. Вс. Иванова в настоящем сборнике. В свете приведенного прусского материала ср.: Es redzēju vescu vescu | Pa vesa inī stajgājam. | Vai tas bija miežu jumis | Dzeltēniem zābakiem? BW, 28525; Jumits sauca jumaliņas, | Kalniņa stāvēdams; | Rozajā tai galviņa, | Akotajā vilnainīte. BW, 28535; Nac arā, talkas mātē, | Ko es tev parādīšu: | Es tev došu jumju kroni | Par launaga nesumiņu. BW, 28551 (ср. 28552). Мотив двойственности, противопоставления старого молодому [или большого малому (ср.: *Jumis* и *Jumaliņš*), борода и т. п.], нахождения на холме венка из колосов и т. д. непосредственно связывают латышские представления о *Jumis*'е с указанными прусскими.

³⁹ К словообразованию см.: K. Būga. *Patrimpas su giminaičiais*.—RR, II, стр. 77—78. Ср. также лит. *eik sau po Trimpū!*

⁴⁰ Возможно, что иной принцип уподобления наблюдается в случаях, когда *Aušauts* соседствует с *Auštrims*'ом.

⁴¹ Особенно характерно, что дальше у Ласицкого следует: *Bezlea dea vespertina, Breksta tenebrarum*. Ср. лит. *blėsti* 'угасать', 'потухать'; лит. *brėkšti* 'брезжить', 'рассветать', 'заниматься (о заре)'.

vits—Pergrubrius — III и IV. В I Pergrubrius отсутствует вообще, а в VI он занимает второе место, объясненное выше. Таким образом, в I указанное промежуточное место занимает только Pilvits. Что же касается VI, Pilvits также занимает промежуточное положение среди ряда богов, но при этом Perkuns предшествует этой группе, а Autrimps—Potrimps—Bardoits следуют за ней. Как правило, Pilvits и Pergrubrius занимают средние места в списках (5—8). Соседство этих двух божеств и их положение в списках довольно естественно объясняются тем, что и Pilvits и Pergrubrius относятся к числу «земных» богов, связанных с благоденствием человека — урожаем, скотом, богатством⁴². Если говорить в общем, то этим «земным» богам предшествуют «водные», а следуют за ними «подземные» боги. Следовательно, достаточно четко выделяются четыре сферы — небесная, водная, земная, подземная, с каждой из которых соотносятся определенные боги. На первый взгляд, странно лишь то, что Perkuns, связываемый с небом или с воздушной стихией, находится после богов, относящихся к земной сфере. Скорее всего, эта странность объясняется отражением в списках календарной последовательности праздников, среди которых первым по времени был праздник, посвященный Pergrubrius'у. Если это так, то здесь можно видеть некоторое указание на то, что в архетипе (АТ) Pergrubrius предшествовал Pilvits'у. В пользу такого предположения свидетельствует и общий принцип введения более или менее близких по функциям персонажей пантеона в список — от «природных» к «культурным». В этом отношении Pergrubrius, связанный с первой зеленью и весенним пробуждением природы, сулящим конкретно урожай с полей и приплод от скота, отличается от Pilvits'a, олицетворяющего богатство в его, так сказать, абстрактной форме, не связанной непременно с растительным и животным царством. Возможно, что случаи, когда Pilvits предшествует

⁴² Принадлежность к «земным» богам подтверждается цитированными выше определениями в списках, более развернутыми описаниями (ср. выше о Pergrubrius'e в «Der vnglaubigen Sudauen»; ср. там же о Pilvits'e: Darnach hebt er aber ein mal an vnd bittet den gewaldigen Gott Pilniten, das er lasse wachsen grosse schonen ahren vnd mehre Inen In der Scheunen Ir gewechse also wie oben... LPG, стр. 248 и др., ср.: Joann. Maelet. LPG, стр. 294; ср. также стр. 301, 304, 334, 361, 536, 562 и др.) и, наконец, в поздней традиции, ср.: Die Zemynelle oder auch Zemyna item Zemynylen, wird gehalten vor des Zemeplatys Schwester und wird derselben die Wirkung zugeschrieben, dass durch sie die Erde fruchtbar wird. Ja was die alten Preuß. Scribenten dem Podrympo, Pilwitto, Pergubrio, Gurcho zuschreiben, das legen die jetzigen Nadrawer dem Zemelukey und der Zemynelen bey... M. Praetor. Preuß. Schaubühne, LPG, стр. 544; Der Zemynelen schreiben sie alle die munia und Wirkungen zu, die die Preussischen Historici dem Pergubrio, Padrympo, Gurcho, Ausszwaito, Pilwitto zuschreiben. Denn die Zemynelle giebt und erhält ihrer Meinung nach Menschen und Vieh und allen Dingen das Leben... LPG, стр. 577.

Pergrubrius'у, могут объясняться наличием праздника осеннего Pergrubrius'a, завершающего годовой цикл⁴³.

В связи с обсуждением места, занимаемого в списках этими двумя божествами, можно высказать предположение, что в АТ к ним примыкал и Aušauts, бог-целитель⁴⁴, который в одних списках (I, II, V) занимает третье место после Svaixtix'a (объяснение этому факту дано выше), а в других (III, IV, VI) — непосредственно перед или после Puškaits'a. Это предположение основано на том, что Aušauts — «земной» бог, к тому же связанный именно с человеком, причем не только в его физической, но и нравственной ипостаси ('der Gott der Gebrechen Kranken vnd Sunden'). Следовательно, его место после Pergrubrius'a и Pilvits'a вполне закономерно. Поздние источники согласно помещают Aušauts'a именно сюда, ср.: ...Puschkejs der Waldgott; Pilnihts der Gott des Ueberflusses; Auskuhts der Gott der Gesundheit und der Krankheit, den sonderlich die Litauer ehrten. Hupel Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland. 1774 (LPG, стр. 509—510)⁴⁵. Наконец, весьма интересный в ряде отношений список VI помещает Aušauts'a непосредственно после Pilvits'a⁴⁶.

⁴³ Эта же последовательность может получить иное объяснение, если исходить из некоторых поздних источников. Ср.: Menschengötter Auszaitis, Gurcho, Pillwittus. Arbeitsgötter Pergubrius... M. Praetor. (LPG, стр. 532), т. е. Pilvits — последний бог данного ранга, Pergrubrius — первый бог следующего ранга, причем ранги отражают функции в их иерархии. Любопытно раздвоение Pilvits'a в поздних источниках (со следами компиляции) на два независимых божества — Pilnihts, 'der heydn. Letten Plutus oder Gott der Fülle...' и Pelwihks, 'der Gott der Gewässer und Moräste...', 'Fortunus'. См.: LPG, стр. 619. Таким же образом, как из бога богатыря и избывка Pilvits'a возник одноименный бог вод (Pelwihks), мог возникнуть бог вод Potrimps из предшествующего ему бога плодородия Potrimps'a. В пользу этой гипотезы говорят описания Potrimps'a в триадах (см. выше) и такая типологическая параллель, как топанье, топтаье, попираье ногой (ср., с одной стороны, Potrimps — лит. treĩpti и, с другой стороны, характеристику изофункционального Potrimps'у Ярилы: *Валачься Ярыло / Па ўсему свету, / Полю жыто радзю, / Людзям дзеци пладзю, / А гдзе ж он нагою, / Там жыто капою...*).

⁴⁴ По-видимому, можно говорить шире о функции сохранения целостности, безопасности человека (ср.: Auscautum, deum incolumitatis et aegritudinis). Ср. в поздних источниках Atsweikcius, от at-sveikti 'выздороветь'.
⁴⁵ Ср. обратный порядок: ...Puschzaitis... Menschengötter Aufzaitis... Pillwittus. Arbeitsgötter Pergubrius. M. Praetor (LPG, стр. 532) или смешанный порядок: ...dem Pergubrio... Ausszwaito, Pilwitto... Там же (LPG, стр. 577).

⁴⁶ К этимологии имени Aušauts см.: A. Mierzyński. Die samländische Gottheit Auszaitis. — SB der Prussia, XXI, 1900, стр. 41—50; A. Brückner. Osteuropäische Götternamen. — KZ, 50, 1922, стр. 165—166; A. Benzenberger. Einige Anmerkungen zu dem vorstehenden Aufsatz. — KZ, 50, 1922, стр. 197—198; K. Būga. Prūsų dievas Aušautas. — «Rinktiniai raštai», II, стр. 98. К семантическому обоснованию этимологии (ср. пр. au- 'прочь, от' и лит. šauti 'стрелять', вост.-лат. saūt, ср. пр.

Положение Aušauts'a в известной степени позволяет определить и место Puškaitis'a. Если не считать списков I и IV, в которых Aušauts неправоммерно попал на третье место, и списка I, где Puškaitis вообще отсутствует, оказывается, Puškaitis или непосредственно предшествует Aušauts'у (III, IV), или следует за ним (VI). В поздних источниках (см. выше) Puškaitis, как правило, предшествует Aušauts'у⁴⁷. Видимо, это положение было и в АТ, особенно если учесть, что Puškaitis — природный бог (Puschka yts der Erden Gott vnter dem heiligen holtz des Holunders; Putscætum, deum qui sacros lucos tuetur и др.)⁴⁸, а свидетельства III и IV о порядке следования богов теряют половину доказательной силы из-за того, что отражают одну и ту же версию. Более развернутые описания Puškaitis'a рисуют его как божество во многом близкое Pergrubrius'у, но стоящее на шкале «природа»—«культура» на месте, предшествующем Pergrubrius'у: если Puškaitis связан с лесом, то Pergrubrius имеет, видимо, отношение и к ниве, и к земледельческим обрядам (судя по соответствующему празднику). Возможно, что через Puškaitis'a определили и место Kurke—божества, не входящего ни в один из больших списков, разобранных выше (зато он есть у С. Грунау: . . . C u r c h e w a r d e r 6. gott. . . LPG, стр. 198), хотя первые его упоминания намного предшествуют по времени составлению этих списков⁴⁹. В поздних списках отмечаются такие последовательности, как Aušauts—Kurke—Pilvits или Pergrubrius—Kurke, или Pergrubrius—Kurke—Aušauts и под. (см.: LPG, стр. 532, 544, 577), при том, что этим перечням часто предшествует Puškaitis. Поскольку Kurke, вероятно, обозначает злого духа, вредящего злакам, собственно зерну, он не был, естественно, введен в пантеон (тем более, что были божества, имеющие отношение к увеличению зерна). Положение Kurke, если пытаться продолжить список, определялось бы, видимо, пересечением сфер действия леса и поля (и, может быть, их представителей Puškaitis'a и Pergrubrius'a). Действия Kurke (ср. лтш. kurke для обозначения мел-

кого, сухого, съезжившегося зерна, kufkt 'высыхать', 'делаться полым' и т. д., ср. также лит. kurklūs; sukufti, arsiukfti и др., см.: LKŽ, VI, стр. 954 и сл.)⁵⁰ есть результат конфликта между стихией природного и культивированным. Характерно, что M. Praetorius (Preuß. Schaubühne. LPG, стр. 539) указывает обряды и заговоры, связанные с Kurke и напоминающие, с одной стороны, до сих пор отмечаемые верования и обряды при жатве в северной части Польши, Белоруссии, Прибалтики (ср. к этимологии: kurka zbożowa), а с другой стороны, русские заговоры с участием *Коркуши*.

Наконец, с Puškaitis'ом соотнесены и Barstukas и Markopole (ср.: Barstucke solten sein kleÿne menlein des Pußkaite n diener die wir Wicholt nennen. VIII. Markopole die Erdleutte vnd des Pußkeitten diener. IX), которые, строго говоря, не входят в пантеон и помещаются в списках (если только они вообще в них входят) всегда на последних местах.

Из сказанного выше можно заключить, что, несмотря на искусственный во многом характер списков прусских богов, составленных уже в эпоху упадка языческих верований у пруссов и актуализации античных схем мифологии у авторов, интерпретировавших списки, исследованные в этой статье перечни могут дать специалисту немало новой, до сих пор остававшейся неизвестной информации. Для того чтобы приоткрыть раннее состояние прусского пантеона, необходимо помнить о таких затушевывающих это состояние фактах, как аранжировка богов то по космологической, то по природно-хозяйственной схеме; использование то иерархического, то календарного принципа; разделение одного бога на два или несколько при сохранении общего (или близкого) корня с дифференциацией их словообразовательными элементами и искусственной семантизацией второго и т. д. персонажа; притяжение имен в списках по принципу звукового подобия; влияние античных (прежде всего древнеримской) и отчасти древнегерманских схем на состав и иерархию прусского пантеона и т. п. Помня об этих обстоятельствах и, насколько можно, устрояя их воздействие, можно путем внутренней реконструкции прийти к состоянию, существенно более раннему, чем то, что отражено в списках. Еще важнее то, что линейную последовательность списка удастся с известным вероятием транс-

auschautins и т. д.) ср.: puošķīr, tu žēligais Dievs un Tēvs, puošķīr tās vēja būltas 'отгони, милостивый Бог и Отец, отгони стрельы' или Dzēn, Pērkuona lūode, zibenē tūos ļaunuos garus puo maniem ļūoriem puost! 'Перконова стрела, отшиби молнией прочь от моей скотины злых духов!' (из латышских заговоров); Ф. Трейланд. Указ. соч., № 115 (стр. 127), № 453 (стр. 164) и др. Ср. также *стрелы* как название болезни и операцию изгнания ('вышибания') их целителем.

⁴⁷ Ср. также: . . . Putscetus, Auscutus. — LPG, стр. 291.

⁴⁸ Ср. последующие определения Puškaitis'a как «лесного» бога.

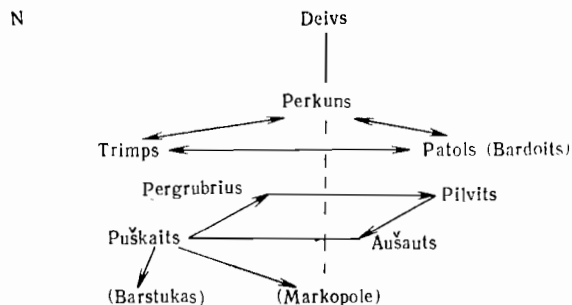
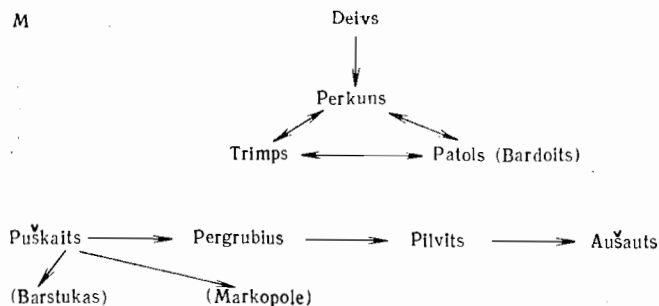
⁴⁹ Ср.: Ydolo, quem semel in anno, collectis frugibus, consueverunt confingere et pro deo colere, cui nomen C u r c h e imposuerunt. . . (1249). — LPG, стр. 41 (ср. стр. 42). Ср., кроме того, стр. 46 и сл., 198, 206, 216, 520, 532, 539 и сл., 544, 577.

⁵⁰ К этимологии см.: F. В u j a k. Dwa bóstwa prusko-litewskie «Kurche» i «Okkopirrus». «Lud», serja II, t. II, zeszyt I—IV, 1923, стр. 6—7 (объяснение, данное в статье: K. В ū g a. Prūsų dievas Kurka. «Rinkiniai raštai», II, стр. 79, должно быть оставлено). Идея скорченности, с к р ю ч е н н о с т и, но применительно к другой области нашла свое персонифицированное выражение в образе *Коркуши* из русского заговора против лихорадки. См.: Л. М а й к о в. Великорусские заклинания. СПб., 1869, стр. 47: *Мне имя Коркуша* (т. е. та, что причиняет корчи, судороги). *Коркуша* <*Kurk-, ср. пр. Curcke.

формировать в двумерную или даже трехмерную схему (пусть даже без строгого соотношения отдельных ее частей).

Так, можно предполагать, что на основании гипотетического архетипа списка АТ реконструируется схема вида М или N.

Члены схемы связаны рядом противопоставлений, о которых можно судить по свидетельствам, приведенным выше. Не претендуя на полноту картины, укажем на очевидные случаи:

Deivs — Perkuns (главный — неглавный, неактуальный — актуальный, хозяин — исполнитель, отсутствие описания внешнего вида — наличие его, отсутствие мотивов — наличие).

Trimps⁵¹ — Patols (молодой — старый, весенний — осенний, жизнь — смерть, зеленый — белый).

Puškaiķs, Pergrubius — Pilvits, Aušauts (дикий — культивируемый, природа — человек).

Puškaiķs — Pergrubius (лес — поле).

⁵¹ К форме и функциям Trimps ср. также из латышских заговоров: Laj Trīmpus nuo taviem laūkiem, lūoriem, pļavām, dārziem un ganīklām nuogriežas. — Ф. Трейланд, № 526 (стр. 173). Ср. гимн Салиев Юпитеру: Quomne tonas, Leucesie, prai tetremonti (trem-: trimp-).

Pilvits — Aušauts (богатство — здоровье, моральная норма).

Дальнейшая эволюция этой схемы, включая и деноминацию отдельных ее элементов, состояла в следующем: 1) Deivs получил эпитет Okorīrms, ставший позднее основной формой имени; 2) Trimps раздвоился на Potrimps и Autrimps (в некоторых вариантах и Natrimpe); 3) Bardoits как эпитет Patols'a отделился от этого имени и стал самостоятельным; 4) Patols получил имя Pekols; 5) Pekols раздвоился на Pekols и Pokols; 6) Svaixtīx был включен в пантеон. После этих изменений возможны были разные способы упорядочения набора элементов пантеона. Наиболее популярными оказались два принципа — космологический (небо — Okorīrms, солнце — Svaixtīx (заря — Auš-?)⁵², гром и молния — Perkuns, море — Autrimps (мореплавание — Bardoits), реки — Potrimps, земля (лес) — Puškaiķs, земля (поле) — Pergrubius, человек (имущество) — Pilvits, человек (здоровье и мораль) — Aušauts, подземное царство — Pekols) или смешанный, где космологические элементы сочетались с социально-хозяйственными (большинство списков и — фрагментарно — триады и позднейшие описания прусского пантеона с выделением хозяйственно-экономических сфер).

Сопоставление данных о прусской мифологии с соответствующими фактами литовской и латышской мифологических систем, как и реконструкция более древнего общепалтийского состояния, будут даны в другом месте.

В. О раннелитовских списках богов

Речь идет о трех свидетельствах, по которым можно сделать некоторые заключения о литовском пантеоне 13 в. Все они содержатся в источниках, несущих печать западнопрусского происхождения.

В Волынской летописи, входящей в состав Ипатьевской летописи, за 1252 г. сообщается о Миндовге: крещение же его льстиво бысть: жряше богомъ своимъ втаинѣ, пер вому Нъ надѣеви, и Телявели и Диверикъ зу, заяечму богу, и Мѣидѣину. . . и богомъ своимъ жряше, и мертвыхъ телеса сожигаше, и поганьство свое явѣ творяше.

В той же летописи под 1258 г. находится другое сообщение, в котором упоминаются некоторые божества литовских язычников: Романови же пришедшу ко граду Литвѣ, потекши на градъ Литвѣ, ни вѣдѣша нишьто же, токмо и головнѣ ти, псы текуще

⁵² Ср., например, место, занимаемое лтш. Auseklis: Dieva dēli kūrējini, /Saules meitas pērējinas. /Auseklītis garu lēja /Ar sudraba buķerīti. . . BW, 33844; Dieva dēli, Saules meitas /Vidū gaisa kāzas dzēra /Auseklītis tecēdams /Tas pārmija gredzeniņus. BW, 33844 (вариант: Mēnestiņš tecēdams). К связи Auseklis и Месяца см.: BW, 33795, 33831, 33855—33859, 34022, 34026 и др.

по городищу; тужаху же и плеваху, посвоиски рекуше: янда, взывающе боги своя Анда и Дивирикса, и вся боги своя поминающе, рекомыя бѣси.

Наконец, в известной вставке западнорусского переписчика перевода «Хроники» Иоанна Малалы (сама вставка датируется 1261 г.) после рассказа о погребении Совия⁵³ следует: Сію прелестъ Совия въведе внѣ ихъ приносити жрътвуо сквернымъ богамъ Андаеви и Перкоунови рекше грому и Жвороунѣ рекше соуцѣ и Телавели ісгкоузнецю сковавша емоу слнце ако свѣтити по земли и въвергшю емоу на нбо слнце. . .

Ценность этих источников в том, что они по крайней мере на два века старше, чем основной массив старых свидетельств, относящихся к литовской мифологии. Все эти три источника хронологически размещаются в одном десятилетии и пространственно локализуются на территории, соседней с местами обитания восточнобалтийских племен и лежащей к юго-востоку от них. Таким образом, приведенные выше сведения получены, видимо, от очевидцев и должны высоко расцениваться в том, что касается их достоверности. Вместе с тем представленные здесь перечни весьма сильно отличаются от списков более позднего времени, и поэтому содержащиеся в них сведения нетривиальны. Цель заметки — в интерпретации некоторых деталей, которые до сих пор оставались не объясненными или толковались ошибочно, и выдвигении ряда соображений.

Сопоставляя перечни богов в трех приведенных отрывках, легко заметить, что там, где упоминается *Дивирикс*, отсутствует имя *Перкуна*. Значение последнего в литовской мифологии, его особое место в иерархии богов, образующих пантеон, и во всей системе мифологических и фольклорных представлений вплоть до настоящего времени слишком известны, чтобы предполагать случайное упущение. Кроме того, о Перкуне у литовцев были хорошо осведомлены соседние народы, и поэтому отсутствие Перкуна в западнорусских источниках по литовской мифологии также вызывает недоумение.

Учитывая, однако, положение Перкуна и Дивирикса в списках — после *Нънадея* и *Анда* и в соседстве с *Телявелем*, — напрашивается предположение об их тождестве. Имя *Дивирикс* обычно объясняют из лит. Dievo (или Dievu) rikys (-is), что должно было значить 'господин богов'⁵⁴. Несмотря на странность этого объяснения, оно, несомненно, ошибочно. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в литовском языке нет слова rikys (-is), ср., однако, прусск. rikijs. Кроме

⁵³ См. подробнее: В. Н. Топоров. Об одной «являжской» мифологеме в связи со славянской параллелью. «Acta Baltico-Slavica», 1966, III, стр. 143—149.

⁵⁴ См.: LPG, стр. 54; F. В у j а к. Указ. соч., стр. 11 и др.

того, кажется странным, почему в русской передаче в одном случае сохраняется формант Nom. sg. -s (*Дивирикс*), причем даже в косвенных падежах, а во всех других не сохраняется (*Перкоунови, Анда, Андаеви, Телавели* и т. д.). Наконец, если учесть перифрастическое обозначение Перкуна, бытующее вплоть до настоящего времени, становится ясным происхождение имени Дивирикса. Несомненно, что в его основе лежит известное наименование Перкуна как «Божьего бича» — Dievo rykštė. Ср.: Perkūna vadina: «Dundulis», «Dievo rykštė»; Kitaip Perkūnas vadinamas «Dievo rykštė» и т. д., ср. также более подробные объяснения, иногда с намеком на мотивировку: Apie Perkūna bijodavo ir išsižioti... Žaibas-blogadarių rykštė⁵⁵. При таком объяснении (*Дивирикс* < *Dievo-rykš(t)ė) конечное -с оказывается вполне естественным.

В другом месте будет показано, что *Нънадей* и *Анда* скорее всего тождественны (видимо, у них общий корень, и, к тому же, они находятся в отношении дополнительного распределения в списках) или весьма сходны (ср. выше об излюбленном у пруссов префиксальном способе мультипликации богов: Au-trimps, Po-trimps, Na-trimps и др.). Если это так, то получается последовательность А) *Нънадей / Анда — Перкун — Телявел* или В) *Нънадей / Анда — Телявел — Перкун*. Вероятно, последовательность А отражает более древнее состояние. Предполагая вслед за традицией, что в *Нънадей* скрывается название бога (ср. лит. dievas, лтп. dievs, пр. deiws), присутствующее и в имени *Анда*, можно гипотетически реконструировать, не вдаваясь пока в детали, *Nō-(an)-deiv- (*Nu-/an-/deiv-?) и *An(t)-deiv-⁵⁶. В таком случае сообщение летописи: жряше богомъ своимъ. . . первому *Нънадеви* — нашло бы параллель в прусском перифрастическом обозначении первого божества Oskopirms, о котором в «Der vnglaubigen Sudauen. . .» сообщается: Deiwoty Zudwity; Oskopirmus der erste Gott Himmels vnd Gestirnes и др. Если это предположение верно, то *Нънадей /*

⁵⁵ См.: J. Valys. Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose. «Tautosakos darbai», 1937, III, № 167, 192, 201 (стр. 160—161). Надо напомнить, что еще А. Брюкнер (Starożytna Litwa) предлагал сходное объяснение, подвергнувшееся критике в кн.: A. Mierzynski. Mythologiae Lithuanicae Monumenta, I. Warszawa, 1892, стр. 142—143. Интересна параллель в сказке из прусской Самландии: дьявол бежит при наступлении грозы от бога с синими бичами (=молниями): Nun ist's Zeit, daß ich mich fortpacke, denn da kommt der mit der blauen Peitche. См.: R. Reusch. Sagen der Preußischen Samlandes. Königsberg, 1863, стр. 95.

⁵⁶ К использованию этих же префиксов в теофорных образованиях ср. прусск. Na-trimpe, An-trimps (если это не опечатка из Au-trimps). Особое значение имеет лтп. nodievs, ср.: Saulite iet nodievā (ср. L. Bērziņš. «Deews» latweeschu mitoloģijā. Rīga, 1900, стр. 34; ME. Erg.-h, II, стр. 34). К значению nodievs ('небо') см. теперь: H. Biezais. Die Gottesgestalt. . ., стр. 36—37. Ср.: padievs, там же, стр. 66.

Списки прусских богов *

№ п/п	I	II **	III	IV	V	VI
1	Oscopirmus	Oscopirmus	Oscopirnum	Oscopirnum	Oscopirrus	Oscopirrus
2	Saturnus	Swaixtix	Antrimpum	Antrimpum	Schwaytestix	Pergrubrius
3	Ausschauts	Auschauts	Gardoæten	Gardoæten	Auschlaus	Perkuns
4	Aesculaplus	Antrimpus	Potrympum	Potrympum	Antrimpus	Swaiktis
5	Neptunus	Potrimpus	Piluitum	Pilnitum	Protrympus	Piluitus
6	Castor	Bardoayts	Pergrubrium	Pergrubrium	Gardoayts	Auschauts
7	Pollux	Pergrubrius	Pargnum	Pargnum	Pergrubrius	Puschkaitus
8	Cerex	Pilnitis	Pocclum	Pocclum	Piluitus	Barstucke
9	Parcuns	Parkuns	Pocollum	Pocollum	Parkuns	Marcopole
10	Juppiter	Pockols	Putscaetum	Putscaetum	Pockklus	Antrimpus
11	Pecols Pluto	Pockols	Auscautum	Auscautum	Pockollus	Potrimpus
12	Pocols Furiae	Puschkaitys	Marcoppolum	Marcoppolum	Puschkaitys	Bardoaits
13	—	Barstucke	Barstuccas	Barstuccas	Barstucke	Pikols
14	—	Markopole	—	—	Markkoppolle	Pikoliuni

* Имена богов приводятся в том виде, как они даны в списке х. I

** На полях одной из версий «Sudaerbüchlein» записан следующий ряд соответствий: Oscopirrus—Jupiter, Ausschweytus—Saturnus, Antrimpus—Neptunus, Perdoytus—Aeolus, Pelwitius—Ceres, Pecullus—Pluto.

Андай, глава богов ('сверхбог') относится к Перкуну, его слуге и помощнику, воплощению его воли, «божьему бичу» так же, как относится Dievas архаичных представлений литовцев, сохранившихся до настоящего времени, к Perkūnas'у, выступающему в той же самой роли (или как латышский Dievs k Pērkonš'y)⁵⁷. Ср. такие характеристики, как: Perkūnas tai Dievo tarnas...; Perkūnā leidžia Dievas; Dievas liepia ir parodo Perkūnui, kur reikia trenkt; Perkūnas yra Dievo pasiuntinys; Dievas yra Perkūno viršininkas. Jis Perkūnā siunčia ten, kur nori; Perkūnas priklauso nuo Dievo valios и др.⁵⁸

В другом месте обсуждались мифологические системы, в которых Высший бог в силу своей абстрактности и утраты сюжетных связей как бы переходит в долговременную пассивную память, а в пределах сферы актуальных представлений его функции исполняются слугой Бога. Заняв место Dievas'a, Перкун перенимает ряд его атрибутов, между прочими и наличие помощника, не успев утратить свойственных ему сюжетных связей. В литовских фольклорных текстах неоднократно упоминаются помощники Перкуна, как правило, безымянные. Возможно, что такая картина существовала уже в XIII в., к которому относятся приведенные выше источники. Суть предлагаемого здесь решения — в том, чтобы увидеть в Телявеле, упоминаемом исключительно в связи с Перкуном, именно такого помощника. Основания для такого взгляда достаточно многочисленны и надежны. Поскольку им посвящена специальная работа⁵⁹, здесь можно о них не говорить, ограничившись реконструкцией первых трех членов списка: Высший бог (Нънадей / Андай) — Громовник (Перкун) — Кузнец, его слуга (Телявель). Разумеется, что эта триада не отражает в точности иерархию богов в литовском пантеоне. Скорее всего, Телявель включен в триаду в связи с хорошо известным во всем прибалтийском ареале сюжетом о о связи бога грома с кузнецом, выковавшим солнце (ср. скандинавские, финские, эстонские, белорусские и другие версии).

⁵⁷ Литература вопроса указана выше.

⁵⁸ См.: J. Balys. Указ. соч., № 30, 31, 34, 41, 45, 46 (стр. 151—152). Для латышских текстов более характерны такие сообщения, как: Pērkonš ceļas tad, kad velns strīdas ar Dievu; Kad Pērkonš rucot, tad Dievs braucot pa debesīm...; Pērkonā laikā velnas slēpjas no Dieva zem kokiem... и т. д. См.: P. Šmits. Latviešu tautas ticējumi, III. Rīgā, 1940, стр. 1401—1402. Ср., с другой стороны: Ligo Dievis ar Pērkonī. BW, 32955, Danco Dievs ar Pērkonī. BW, 24044, или же Dieviņš rūc, / Zibņus met ozolā. BW, 33700 (действие, более характерное для Перкона).

⁵⁹ См.: В. Н. Топоров. К балто-скандинавским мифологическим связям. «Docum Balticum», 1970.

Тем не менее реконструкция триады литовских богов именно в таком виде позволяет вскрыть существенный фрагмент древне-литовской мифологической системы⁶⁰.

⁶⁰ Возможно, что на третьем месте в литовском пантеоне находилось Солнце (Saulė), от которого шла нисходящая линия Месяц — Звезды — Заря и т. д. Ср. место Svaixtix'a в прусских списках или же латышские перечни типа Deews... Perkuhnis... Saule... Swaigsnes... Tehws... Mescha tehws Waldgott, Semmes tehws Landgott etc. Stender (LPG, стр. 626—627). Очень любопытно наличие лесного бога после Перкона (Saule, Swaigsnes здесь вторичны, так как взяты из космологической схемы, удержавшейся в полном виде в фольклоре), учитывая, что *Мвидбину* (литовское лесное божество) также помещено непосредственно вслед за Дивириксом-Перкуном. Учитывая латышские аналогии, *Жеору* из вставки в «Хронику» Иоанна Малалы можно попытаться интерпретировать как вечернюю звезду *Žverginė* (ср.: Swaigsnes у Стендера). В таком случае допустимо реконструировать начало списка богов в древнелитовском пантеоне в таком виде: Высший Бог (Dievas), Perkūnas, Saulė (Мѣсццо), Žverginė... Medėina... Весьма любопытно, что в латышском фольклоре достаточно полно сохраняется мотив вражды Dievs'a (часто совпадающего функционально с Перконом) к Солнцу; см.: H. Viezais. Die Gottesgestalt..., стр. 40 и сл. Ср.: BW, 34019: Trīs dienīņas, trīs naksnīņas / Saul' ar Dievu ienaidā; / Saules meita pār-lauzuse / Dieva dēļa zobeniņu или BW, 33761: Dieva dēlis kaldināja / Saules meitas vainadziņu... и др. Любопытно, что Солнцу противопоставлен именно Громовник (независимо от того, выступает ли он в виде Dievs'a или Perkons'a). Ср. аналогичные факты: A. M. Hocart. Kings and Councillors. Cairo, 1936.

Л. Г. Невская

- aikštė**¹ — 1. поляна в лесу (LKŽ, I, 36; DLKŽ, 5; Ser., 2); 2. хорошо просматриваемое, открытое место (LKŽ, I, 36; Ser., 2. Būga, II, 660); 3. площадь в городе (LKŽ, I, 36).
лтш. **aizbalte** — заболотье (Семенова, 135).
лтш. **aizdambējums** — запруда (L-kr. v., 24).
лтш. **aizezere** — пространство за озером (M-E, I, 25).
лтш. **āizjūra** — земля за морем, заморские страны (M-E, I, 30).
лтш. **āizmežs** — залесье (M-E, I, 40).
лтш. **aizsprostojums** — запруда (L-kr. v., 35).
лтш. **aizsprosts** — запруда, плотина (L-kr. v., 35).
лтш. **āizupe** — заречье (M-E, I, 58).
āiža, лтш. **āiza** — 1. небольшая трещина, щель (в земле, во льду) (LKŽ, I, 46; M-E, I, 17); 2. ущелье, пропасть, бездна (M-E, I, 17); 3. горный перевал (M-E, I, 17); 4. осколок (LKŽ, I, 46).
ākā, лтш. **aka** — 1. прорубь (LKŽ, I, 50), 2. колодец (M-E, I, 62).
ākas — заводь (LKŽ, I, 50).
aketė — прорубь (LKŽ, I, 53).
ākis, лтш. **acis** — 1. незамерзающее место в реке, озере, болоте (LKŽ, I, 46); 2. прорубь (LKŽ, I, 64; DLKŽ, 8); 3. небольшое открытое пространство воды в заросшем озере или болоте (LKŽ, I, 64; M-E, I, 8); 4. бьющий из глубины ключ (LKŽ, I, 64); 5. глаз (LKŽ, I, 60; M-E, I, 7).
akivara — 1. см. akivaras¹ (LKŽ, I, 72); 2. место, богатое родниками, источниками (LKŽ, I, 72); 3. водоворот (LKŽ, I, 72); 4. незаживающая рана (LKŽ, I, 72).

¹ Лексемы, приводимые без указания языка, — литовские.

akīvaras — 1. открытое, не замерзающее зимой окно в болоте, трясине, озере или во льду (LKŽ, I, 72; DLKŽ, 8; Skardžius, 417); 2. болотистое со множеством окон место (LKŽ, I, 72; DLKŽ, 8); 3. вязкое место (у родника) (LKŽ, I, 72; DLKŽ, 8); 4. самое глубокое место в воде, яма в озере или реке, омут (LKŽ, I, 72).

akivarýnas — болотистое место, где много незаросших окон (LKŽ, I, 72).

ākmenas, лтш. **akmens** — камень (LKŽ, I, 79; M-E, I, 64).

akmenųčià — 1. куча камней (LKŽ, I, 80); 2. каменная постройка (LKŽ, I, 80).

akmenųnas — место, где много камней (LKŽ, I, 80); 2. куча камней на поле, в реке; 3. печь (LKŽ, I, 80).

akmenųnė — каменистая земля (LKŽ, I, 80).

akmenųvà — см. **akmenųnė** (Palionis, 202).

akmuõ — камень (LKŽ, I, 82).

alkà — маленькое болото, пруд (LKŽ, I, 102).

aīkas, лтш. **ēlks** — 1. небольшая гора, поросшая деревьями (LKŽ, I, 103); 2. (священная) роща (Skardžius, 30; FrLEW, 7; Ser., 5); 3. идол, истукан (LKŽ, I, 103; M-E, I, 567).

āļksna, лтш. **āļksna** — 1. место, поросшее ольхой (LKŽ, I, 104; M-E, I, 67); 2. болотистое место в лесу (M-E, I, 67); 3. болото (LKŽ, I, 104); 4. лужа (FrLEW, 8; M-E, I, 67); 5. долина, лощина (LKŽ, I, 104).

alkūnė, лтш. **ēlkuons** — изгиб, поворот реки, дороги (LKŽ, I, 106; DLKŽ, 12; M-E, I, 567); 2. выступ леса, луга, поля (LKŽ, I, 106; DLKŽ, 12); 3. локоть (LKŽ, I, 106; DLKŽ, 12; M-E, I, 567—568).

лтш. **aluksna** — болотистое место (Būga, I, 500).

лтш. **aluõgs** — 1. ключ, родник (M-E, I, 69); 2. яма в воде (M-E, I, 69).

лтш. **aluots** — родник (M-E, I, 69).

āmburgos, **aītburgos** — наледь (LKŽ, I, 119, 158).

aīmpalas — 1. наледь (LKŽ, I, 121); 2. водяной пузырь (LKŽ, I, 121); 3. струя, поднимающаяся со дна при кипении (LKŽ, I, 121); 4. тряпка, лоскут (LKŽ, I, 121).

antāpalas — наледь (LKŽ, I, 157; Skardžius, 488).

aītšlaitis — 1. склон горы (Ser., 9); 2. самый верх склона (LKŽ, I, 176).

apačià, лтш. **apakša** — 1. низ, нижняя часть (LKŽ, I, 182; M-E, I, 73); 2. подошва горы (LKŽK).

apýkalis — пространство вокруг горы (LKŽ, I, 209; Vidugiris, Gaidė, 280).

ārmēns — 1. пахотный слой (LKŽ, I, 309); 2. вязкое болотистое место (LKŽ, I, 309); 3. бездна, глубь (LKŽ, I, 309).

ārmijos — бездна, глубь (LKŽ, I, 310; Skardžius, 82)

atāvaras — 1. глубокое место реки, яма, образованная водоворотом, омут (LKŽ, I, 362; Skardžius, 429, 443); 2. незамерзающее, открытое место в реке или озере (LKŽ, I, 362; DLKŽ, 40); 3. вязкое место, топь (LKŽ, I, 362); 4. влажная, оттаявшая дорога (LKŽ, I, 362); 5. тонкий родник на склоне, откосе (LKŽ, I, 362).

atkálnė, лтш. **atkalne** — склон горы от подножья до вершины, косогор (LKŽ, I, 382; Ser., 48; M-E, I, 164).

atkálnis — см. **atkálnė**.

ātklanas — вода, оставшаяся после половодья, дождя; лужа (LKŽ, I, 386).

atklanė — 1. край лужи, озера, реки (LKŽ, I, 386; Ser., 49); 2. залив, затон (LKŽ, I, 386; Ser., 49).

ātkrantė — 1. склон, скат берега (LKŽ, I, 387); 2. пространство вдоль берега (Ser., 49).

ātkrantis — см. **ātkrantė** 1, 2.

atlaída — 1. участок луга рядом с полем, преимущественно недалеко от дома (LKŽ, I, 389); 2. самая высокая часть луга (LKŽ, I, 389); 3. овин (LKŽ, I, 389).

atļajà — 1. пространство, заливаемое при половодье (LKŽ, I, 392); 2. неглубокое место у берега (LKŽ, I, 392); 3. искусственная заводь (LKŽ, I, 392).

ātļajas — 1. мелкое место (FrLEW, 368; LKŽ, I, 392); 2. наводнение (FrLEW, 368); 3. морской отлив (LKŽ, I, 392).

atļajùs — 1. небольшой залив (LKŽ, I, 392; DLKŽ, 43); 2. глубокое место, яма в реке (LKŽ, I, 392); 3. пространство, заливаемое поднявшейся водой (LKŽ, I, 392); 4. скользкий илистый берег после спавшей воды (LKŽ, I, 392; DLKŽ, 43); 5. лед, намерзший около проруби толстым слоем (LKŽ, I, 392; DLKŽ, 44); 6. место, быстрее других размораживающееся весной (DLKŽ, 44; LKŽ, I, 392).

ātsala — место, где река впадает в берег, залив (LKŽ, I, 420; DLKŽ, 47); 2. неглубокое место в реке, отмель (LKŽ, I, 420; DLKŽ, 47; Ser., 57).

ātsiautà — 1. яма около реки, где после половодья задерживается вода (LKŽ, I, 422; DLKŽ, 48); 2. место у реки, весной заливаемое водой (LKŽ, I, 422); 3. залив, бухта (LKŽ, I, 422; DLKŽ, 48; Ser., 57).

atskardýnas — место, где много обрывов (LKŽ, I, 427).

ātskardis — 1. обрыв, крутой берег, косогор, откос, склон (LKŽ, I, 428; DLKŽ, 50; Ser., 64); 2. отголосок, эхо (LKŽ, I, 428; DLKŽ, 50; Ser., 64).

atšakā — 1. морской залив (LKŽ, I, 438); 2. уединенное место (LKŽ, I, 438).

ātšlaitē — покатое обрывистое место, место под горою, подошва горы (LKŽ, 444; Ser., 67; DLKŽ, 51).

āttaka, лтш. **attaka** — 1. речной залив, образовавшийся во время половодья (LKŽ, I, 442; М-Е, I, 203); 2. морской залив (LKŽ, I, 442); 3. ответвление речного русла, рукав (М-Е, I, 203; L-kr. v., 95); 4. старица, наполняющаяся водой при большем, чем обычно, уровне воды (М-Е, I, 203); 5. пруд или озеро, образовавшиеся на месте бывшей старицы (М-Е, I, 203); 6. небольшой, едва возвышающийся над водой остров (М-Е, I, 230).

attfenis — 1. залив, бухта (LKŽ, I, 442; Ser., 46); 2. коса, мыс (FrLEW, 20); 3. мелкое место (LKŽ, I, 442); 4. «край русла реки с тихо текущей или стоячей водой» (Būga, II, 629).

atvajūs — 1. водоворот в реке (LKŽ, I, 444); 2. залив в реке (LKŽ, I, 444).

ātvadas — пустое свободное пространство (LKŽ, I, 443—444).

atvangā — 1. спокойное место в реке (LKŽ, I, 445); 2. оставка (LKŽ, I, 445).

ātvara, лтш. **atvars** — 1. дыра, отверстие (LKŽ, I, 445; М-Е, I, 207); 2. влажное болотистое место, сырая, еще не просохшая или еще не замерзшая дорога (LKŽ, I, 445); 3. омут в реке (М-Е, I, 207); 4. водоворот (М-Е, I, 207).

āugymē, лтш. **aūdze** — 1. молодой лесок на месте вырубок (LKŽ, I, 463; М-Е, I, 215); 2. нарыв, бородавка (LKŽ, I, 463; М-Е, I, 215).

augynas — небольшой лесок (LKŽ, I, 463).

лтш. **aūgstiene** — возвышенность (М-Е, I, 217).

лтш. **aūgšjūrā** — удаленное от берега место в море (Лаумане—Непокупный₁, 75).

aūkstē — возвышение земли (LKŽ, I, 490).

aukstumā — 1. высокое место, возвышенное пространство (LKŽ, I, 495; DLKŽ, 55; Ser., 73); 2. высота (LKŽ, I, 495); 3. открытое пространство воды (LKŽ, I, 495).

aukstumynas — высокое место (LKŽ, I, 496).

aukstupys — верховье реки (LKŽ, I, 496).

лтш. **avuots** — 1. родник (М-Е, I, 233); 2. минеральный источник (М-Е, I, 233).

bagnā — 1. болото (LKŽ, I, 554); 2. кустарниковое болото (LKŽ, I, 554); 3. обширное грязное место (LKŽ, I, 554).

bagnynas — обширное болото (LKŽ, I, 555).

balā, лтш. **bala** — 1. болото (LKŽ, I, 579—580; DLKŽ, 61; LKŽK); 2. низкое мокрое место (LKŽK); 3. лужа (LKŽ, I, 579—580; LKŽK); 4. никогда не высыхающая грязь на дороге (ДАК); 5. пруд (LKŽK); 6. мокрый тонкий луг (LKŽK); 7. тонкий луг около леса (LKŽK); 8. глинистая низина без деревьев (М-Е, I, 253); 9. большая долина (ДАК); 10. болотная трава (LKŽK); 11. множество ч.-н. (LKŽ, I, 579); 12. черт (LKŽK; Lipskienē, 202).

balynas — болотистая местность, обширное болото (LKŽ, I, 595; Ser., 77).

baloksnis — 1. небольшое болото, ложбина с водой (LKŽ, I, 600; DLKŽ, 63; Ser., 77); 2. лужа (LKŽ, I, 600).

balutē лтш. **belute** — лужа; яма, наполненная водой (М-Е, I, 278; Baronas, I, 447).

bangā, лтш. **baņa, buoga, buōgs** — 1. волна (LKŽ, I, 664; М-Е, I, 262); 2. заросшее кустарником или лесом место в поле (М-Е, I, 361); 3. группа деревьев, растущих замкнутым кругом (М-Е, I, 361); 4. куча, ворох, масса (LKŽ, I, 644; М-Е, I, 361, 262); 5. ливень (LKŽ, I, 644; М-Е, I, 262).

baņgsta — 1. болото в лесу (Ser., 79); 2. болото (LKŽ, I, 646). лтш. **baūgurs** — возвышение, бугор (М-Е, I, 267; Būga, I, 324). лтш. **bedre** — 1. яма (М-Е, I, 276); 2. картофельная яма (М-Е, I, 276); 3. разъезженное место на дороге (М-Е, I, 276); 4. печь (М-Е, I, 276).

лтш. **bedriens** — место, где много ям, ухабов (М-Е, I, 277).

bedūgnē — 1. бездна, пропасть, морская пучина (LKŽ, I, 711; DLKŽ, 71; Ser., 83); 2. яма.

bedugnýbē — большая глубина, бездна (LKŽ, I, 711).

bedugnynas — бездна, большая глубина.

лтш. **bezdibens** — 1. бездна, пропасть (М-Е, I, 283); 2. очень глубокое озеро (Дамбе, 133).

лтш. **biezoknis** — чаща (L-kr. v., 115).

birdā — 1. жидкая грязь (Būga, I, 305); 2. жидкая каша (LKŽ, I, 841).

bliūdas — 1. ровная небольшая долина в горах, котловина (ДАК); 2. миска (LKŽ, I, 924); 3. блюдо (еда) (LKŽ, I, 924).

bognā — болото (LKŽ, I, 969).

bōgnas — болото (LKŽ, I, 969).

bojus — топкое болото (LKŽ, I, 969; Būga, I, 433).

bradā — большая грязь, топкая грязная дорога (LKŽ, I, 981; DLKŽ, 87; Ser., 97); 2. самое мелкое место в реке, брод (LKŽ, I, 981; М-Е, I, 322); 3. сухое место в реке (LKŽ, I, 981); 4. самая

глубокая ровная часть реки (LKŽ, I, 981); 5. след после прохода по полю, лугу, примятая полоса травы (LKŽ, I, 981).

brādas, лтш. **brads** — см. *bradā*.

bradynē — жидкая тонкая грязь (LKŽ, I, 982).

лтш. **brasls** — 1. брод (М-Е, I, 324; Дамбе, 131); 2. небольшой заросший травой ручей, который можно переехать вброд (М-Е, I, 324); 3. каменная запруда (М-Е, I, 324).

brastā — 1. неглубокое место в реке, где можно перейти вброд (LKŽ, I, 1005; Ser., 98); 2. топкая грязная дорога (LKŽ, I, 1005; DLKŽ, 88); 3. дорога через болото (LKŽ, I, 1005); 4. топкий болотистый луг (LKŽ, I, 1005).

brastas — см. *brastā* 1.

brastvā — неглубокое место в реке (Skardžius, 378; LKŽ, I, 1005).

brazdai — 1. заболонь (Būga, I, 281); 2. тертые овощи или фрукты (LKŽ, I, 1020).

brēdas — лужа (LKŽ, I, 1026).

bredyklā — брод (LKŽ, I, 1026).

bregā — побережье, прибрежье, берег (LKŽ, I, 1028).

brūzgynas — 1. место, поросшее низким и густым кустарником, мелким лесом (LKŽ, I, 1100; DLKŽ, 93; Ser., 102).

лтш. **brīkšņa** — место в лесу, заваленное буреломом (М-Е, I, 334).

лтш. **briksnis** — заросли, пастбище, заросшее кустарником; бурелом (М-Е, I, 332).

лтш. **būvbedre** — котлован (L-kr. v., 126).

buktā — 1. залив в реке, озере, болоте (LKŽ, I, 1145); 2. глубокое место в реке; 3. пространство земли, с трех сторон окруженное водой или лесом (LKŽ, I, 1145).

buīgē — 1. вязкое место, болото, топь (LKŽ, I, 1183; DLKŽ, 96); 2. простая похлебка, жидкая каша (LKŽ, I, 1183); 3. домашняя водка (DLKŽ, 96).

būrlas — жидкая грязь, слякоть (LKŽ, I, 1192; Būga, I, 435; Skardžius, 106).

burlegā — 1. жидкая размокшая грязь (LKŽ, I, 1192); 2. густой невкусный сун; скисшее молоко (LKŽ, I, 1192).

burliūgā — 1. жидкая грязь (LKŽ, I, 1193); 2. болото (FrLEW, 66); 3. простая похлебка (LKŽ, I, 1193).

burliūngē — 1. жидкая грязь (LKŽ, I, 1193); 2. простая похлебка (LKŽ, I, 1193).

burlungis — 1. болотистое место, размокшая земля (LKŽ, I, 1193; Būga, I, 435; Skardžius, 106); 2. толстый человек (FrLEW, 66).

лтш. **caurtece** — проток между двумя водоемами (L-kr. v., 128).

лтш. **caurupe** — никогда не замерзающая река (М-Е, I, 336).

лтш. **ciētzeme** — суша (М-Е, I, 397).

лтш. **ciļa** — большая глыба земли (М-Е, I, 381).

лтш. **ciñbulis** — 1. сухой твердый ком земли (М-Е, I, 383);

2. луг, на котором много шней (М-Е, I, 383).

лтш. **ciñburs** — небольшое возвышение, затвердевший ком земли на вытопанном скотом месте (М-Е, I, 383).

лтш. **ciñburs** — высохший ком земли на пашне (М-Е, I, 383).

čiūkuras, лтш. **čukurs** — 1. вершина горы (LKŽ, II, 144; М-Е I, 419; Skardžius, 307); 2. верх крыши (LKŽ, II, 144; М-Е, I, 419).

лтш. **cinata** — возвышенное место на болоте (М-Е, I, 384).

лтш. **čukšļi, čukšņi** — заросли кустарника (М-Е, I, 419).

čiūizē — влажный кустарниковый лесок (LKŽ, II, 139).

čiurkslē — струя, поток (LKŽ, II, 176; DLKŽ, 110).

čiurlīs — поток, струя (LKŽ, II, 179).

лтш. **čura** — 1. лужа (М-Е, I, 422); 2. маленький ручеек, дождевой поток (М-Е, I, 422).

лтш. **čurģa** — дождевой поток (М-Е, I, 422).

dalāitē — узкая полоска земли (LKŽ, II, 238).

лтш. **daņava** — грязь, лужа, на дороге; грязью или навозом наполненная яма; грязное место (М-Е, I, 438).

лтш. **danga** — 1. грязная лужа, болотистая земля (М-Е, I, 437); 2. выбитая на дороге яма (М-Е, I, 437); 3. неровное место (М-Е, I, 437); 4. угол, выступ, пространство земли, с трех сторон окруженное болотом или водой (М-Е, I, 437).

daubā — 1. впадина между горами, долина (LKŽ, II, 309; DLKŽ, 118; DAK); 2. долина с крутыми склонами, высокими берегами (DAK); 3. значительное углубление местности, главным образом вдоль реки (DAK); 4. долина реки с высокими берегами, поросшими деревьями и кустарником (DAK); 5. поросший кустарником берег (DAK); 6. длинный и крутой берег (DAK); 7. общее название углубления на ровной поверхности (DAK); 8. небольшое отчетливых контуров углубление (DAK); 9. крутая глубокая впадина (DAK); 10. впадина на лугу и на поле (DAK); 11. выкопанная яма (DAK); 12. местность, изобилующая родниками, ключами (DAK); 13. вязкое место, топь (DAK).

daubynē — место, где много углублений, впадин, неровная земля (LKŽ, II, 310).

dāubura — см. *dauburys*.

dauburys — 1. долина (LKŽ, II, 310; DLKŽ, 118); 2. небольшая, но глубокая лощина (DAK); 3. сенокосная низина между полями (Urbutis, 54); 4. яма (DAK).

degimas — выжженное место (на лугу, на болоте, в лесу) (LKŽ, II, 361).

degymė — выжженное торфяное болото (LKŽ, II, 362).

degynė — выжженное место в лесу (LKŽ, II, 361).

dėgsnė — 1. выжженное место (LKŽ, II, 367); 2. (бот.) лютик (LKŽ, II, 367); 3. смрад от гари (LKŽ, II, 367).

degsnyšas — сухое каменистое поле (LKŽ, II, 368).

degūmas, лтш. **degums** — 1. пространство выжженного леса, предназначенное под пашню (М-Е, I, 452); 2. низинное место (М-Е, I, 452); 3. зной, жара (LKŽ, II, 576).

degsnis, лтш. **degsnis** — 1. выжженное место (LKŽ, II, 368); выжженное болото, лес (М-Е, I, 451); 2. кострище (LKŽ, II, 368); пожарище (М-Е, I, 451); 3. выжженное солнцем место на лугу или поле (LKŽ, I, 368); 4. хвойный лес, растущий в низких местах (М-Е, I, 451); 5. молодой лес на месте бывшего выгарища (М-Е, I, 451); 6. болотистое место (М-Е, I, 451); 7. заросший травой пруд (М-Е, I, 451).

лтш. **dibens** — 1. дно, нижняя часть (М-Е, I, 465); 2. глубинная часть какого-либо пространства (М-Е, I, 465).

didžmaris — океан (LKŽ, II, 495).

лтш. **dikis** — 1. пруд (М-Е, I, 478); 2. большая лужа на дороге (М-Е, I, 478); 3. прожорливый человек (М-Е, I, 478).

diksmiltė — пески, сплошная песчаная почва (LKŽ, II, 539; Ser., 145).

dykumà — 1. пустота, пустое место (LKŽ, II, 542; DLKŽ, 138); 2. место, заросшее сорной травой; 3. пустыня (LKŽ, II, 542; DLKŽ, 138); 4. междулуние (LKŽ, II, 542); 5. безделье (LKŽ, II, 542).

dirvà, лтш. **dirva** — 1. обработанное поле, пашня (LKŽ, II, 586; DLKŽ, 141; Ser., 137); 2. полоска поля (Брейдак, дисс., 64).

dirvonas — покинутое без обработки, заросшее поле, целина (LKŽ, II, 588; Urbutis, 55; DLKŽ, 141).

лтш. **dobe** — яма (Дамбе, 131).

лтш. **drėgzna** — 1. влажное место (М-Е, I, 498); 2. холодная и сырая погода (М-Е, I, 498).

dùbė — долина (LKŽ, II, 780).

dubilankis — 1. мокрый и топкий луг (Ser., 145); 2. дуга, часть лошадиной упряжки.

лтш. **dubli** — грязь (М-Е, I, 509).

dubrà, лтш. **dubra** — 1. болото (М-Е, I, 509); 2. разъезженная колея дороги (М-Е, I, 509); 3. дупло (LKŽ, II, 784).

dubrāvas — 1. яма, выбитая на дороге (LKŽ, II, 784); 2. дупло (LKŽ, II, 780).

dubulė — яма, образовавшаяся на дороге при таянии снега (LKŽ, II, 786).

dubumà — яма, впадина, углубление (LKŽ, II, 787; DLKŽ, 155).

dubuõ, лтш. **dubens** — 1. яма, впадина котловина (LKŽ, II, 787; Ser., 145); 2. миска, блюдо (LKŽ, II, 787; DLKŽ, 155); 3. дно (М-Е, I, 509).

dūburas, лтш. **duburs** — 1. углубление в земле, яма, лощина (LKŽ, II, 787); 2. пойменная долина (Skardžius, 307); 3. яма в дне реки или озера, глубокое место (LKŽ, II, 787); 4. довольно глубокое и широкое место реки (М-Е, I, 509); 5. дупло в дереве (М-Е, I, 509); 6. лес, растущий на низком и влажном месте (LKŽ, II, 787).

duburyñė — место, где много ям (LKŽ, II, 787).

duburyš — 1. углубление в земле, яма (LKŽ, II, 787; DLKŽ, 155); 2. разбитое место дороги, поля, пашни (Ser., 145); 3. яма в дне реки или озера, омут (LKŽ, II, 787—788); 4. облако, похожее на ком снега (LKŽ, II, 788).

duburkis — см. **duburyš** 1, 2.

dūgnas — 1. дно (LKŽ, II, 794); 2. отдаленные окрестности (LKŽ, II, 795).

лтш. **dūksnājs** — болото, болотистое место (М-Е, I, 525).

лтш. **dūksne** — болото, лужа (М-Е, I, 525).

лтш. **dūksts** — болотистое пространство; большая лужа (М-Е, I, 525).

dūlkė, лтш. **duļķe** — 1. пыль (LKŽ, II, 822; М-Е, I, 513); 2. осадок, гуща, мутная жидкость, грязь (М-Е, I, 513); 3. лужа (М-Е, I, 513); 4. болото (М-Е, I, 513); 5. мутное пиво (М-Е, I, 513).

лтш. **duñbėris** — 1. грязная глинистая яма (М-Е, I, 514); 2. глубокое место в реке (М-Е, I, 514); 3. небольшой пруд с мутной водой (М-Е, I, 514); 4. лужа (М-Е, I, 514); 5. болотистое место (М-Е, I, 514).

лтш. **duñblājs** — болотистое место (М-Е, I, 514).

duñblas — 1. осадок, осевшая муť, грязь, ил (LKŽ, II, 835); 2. наносы ила (Вагонас, I, 505); 3. грязные, неприступные берега реки, озера; 4. облако (LKŽ, II, 836).

duñblė, лтш. **duñbla** — 1. илистая почва, илистое место (LKŽ, II, 836); 2. грязь (LKŽ, II, 836; М-Е, I, 514); 3. (бот.) *Limosella* (LKŽ, II, 836).

dumblijà — илистое место, илистая почва (LKŽ, II, 837).

dumblynas — вязкое топкое место (LKŽ, II, 837).

dumblynė — место, где много ила (LKŽ, II, 837; DLKŽ, 158).

dumbrà, лтш. **dūmbra** — 1. глубокое место в реке, омут (LKŽ, II, 839); 2. пруд (LKŽ, II, 839); 3. большая лужа (М-Е, I, 514);

4. болотистый луг (М-Е, I, 514).

лтш. **dumbras, duṁbrs** — 1. место, обильное ключами, родниками, источниками (М-Е, I, 514); 2. болото (М-Е, I, 514).

dumbravā, dumbrāvas, лтш. **dumbrava** — 1. яма, выбитая на дороге (LKŽ, II, 839); 2. влажное, болотистое, вытоптанное животными место (LKŽ, II, 839; М-Е, I, 514).

dumbrē — болото, топи, вязкое место (LKŽ, II, 839; Ser., 147).

dūmbrēs — непроходимое болото, заросшее тростником (LKŽ, II, 840).

dumbulŷnē — топкое вязкое место (LKŽ, II, 840).

dumburŷs — 1. глубокое место в озере или реке, яма в дне реки или озера (LKŽ, II, 840); 2. пруд (LKŽ, II, 840); 3. яма, выбитая на дороге (LKZ, II, 840).

лтш. **dunca** — яма на лугу или в болоте, наполненная водой и илом (М-Е, I, 515).

dunksnājs — болото (М-Е, I, 517).

dunḡjus, лтш. **duṅava** — 1. (поэт.) большой поток, тихие воды (LKŽ, II, 860); 2. маленькая речка, источник, запруженные, незамерзающие воды (М-Е, I, 518).

лтш. **dūṅājs** — место, покрытое грязью, илом (М-Е, I, 528—529).

лтш. **dūṅas** — 1. ил, грязь; 2. лечебные грязи (М-Е, I, 528).

лтш. **dūṅezers** — илистое озеро (М-Е, I, 529).

лтш. **dūṅupite** — ручей с илистым дном (М-Е, I, 529).

duobagalŷs — яма, неровность на вспаханном поле (LKŽ, II, 862).

duobē — 1. выкопанная или естественного происхождения яма в земле (LKŽ, II, 862); 2. долина (LKŽ, II, 862); 3. пруд (LKŽ, II, 862); 4. глубокое место в реке (LKŽ, II, 862; М-Е, I, 531); 5. могильная яма (LKŽ, II, 863; М-Е, I, 531).

duobelŷnas — место, где много ям (LKŽ, II, 863).

duobija — место, где много ям (LKŽ, II, 864; Ser., 148).

лтш. **duobjums** — 1. углубление; 2. дупло; 3. могила (М-Е, I, 531—532).

лтш. **duōbulis** — см. duobjums.

лтш. **duoms** — 1. глубокое место в реке (М-Е, I, 534); 2. дупло в дереве (М-Е, I, 534).

durpŷnas — торфяное болото (LKŽ, II, 906).

лтш. **dzeḡdrums** — глубокое место в реке (М-Е, I, 539).

лтш. **dzeḡmājs** — 1. глубокое место в реке (М-Е, I, 541); 2. место в болоте, где много ям (М-Е, I, 541).

лтш. **dzeļve** — 1. яма в тонком болоте (М-Е, I, 543); 2. водоворот (М-Е, I, 543); 3. топкое непроходимое место (М-Е, I, 543).

лтш. **dziemulis** — 1. водоворот (М-Е, I, 562); 2. ключ, родник (М-Е, I, 562); 3. вершина горы (М-Е, I, 562); 4. темя, макушка (М-Е, I, 562).

лтш. **dziļupe** — глубокая река, ручей (М-Е, I, 550).

eketē, eketŷs — см. aketē.

erčīa — открытое пространство (LKŽ, II, 1138).

ežeras, лтш. **ežers** — 1. озеро (LKŽ, II, 1168; М-Е, I, 572); 2. пруд, запруда (LKŽ, II, 1168; М-Е, I, 572).

ežerŷnas — 1. зарастающее, высыхающее озеро (LKŽ, II, 1168); 2. группа озер (LKŽ, II, 1168).

ežeriōkšnis — окно в болоте (LKŽ, II, 1169).

ežerkulŷs — см. ežerōkšnē.

ežerōkšnē — 1. заросшее озеро, окно в болоте (LKŽ, II, 1169);

2. небольшое озеро (Skardžius, 292).

ežervietē — место, где когда-то было озеро (LKŽ, II, 1169).

лтш. **ežermala** — берег озера (М-Е, II, 572).

лтш. **gāils** — дремучий девственный лес (М-Е, I, 585).

gāirē — 1. возвышенное место (LKŽ, III, 33); 2. вежа (LKŽ, III, 33).

gālas, лтш. **gals** — 1. конец (LKŽ, III, 54; М-Е, I, 592—595); 2. дно (LKŽ, III, 54); 3. малая часть чего-либо (отрезок дороги, промежуток времени) (LKŽ, III, 54; DLKŽ, 103); 4. страна, край, граница, межа (LKŽ, III, 54; М-Е, I, 592); 5. черт, нечистый дух (LKŽ, III, 54); 6. острие, вершина (М-Е, I, 592—595).

galūkalnē — место под горою (LKŽ, III, 73).

galŷnē — 1. верхушка, верх (LKŽ, III, 73); 2. вершина горы (LKŽ, III, 73).

лтш. **galuokne, galuotne** — 1. вершина горы (М-Е, I, 595); 2. окончание (М-Е, I, 595).

лтш. **gārša** — 1. большой лес (М-Е, I, 619); 2. сухой лес (М-Е, I, 619); 3. лиственный лес (М-Е, I, 619); 4. еловый лес (М-Е, I, 619).

лтш. **gārši** — влажная болотистая земля (М-Е, I, 619).

лтш. **gāte** — водопад (М-Е, I, 619).

лтш. **gātis** — путь, дорога (М-Е, I, 619).

gaubras, gaubrŷs — невысокая гора, возвышение, холм (LKŽ, III, 158).

gaūgaras — вершина горы (LKŽ, III, 167; Ser., 172).

gaugarŷnas — 1. горная страна, горная цепь (LKŽ, III, 169); 2. усеянное камнями место на возвышенном поле (LKŽ, III, 167; Ser., 172).

gaugarŷnē — кочковатый луг (LKŽ, III, 167).

gaugorā — 1. возвышенное место на лугу или пашне (LKŽ, III, 167); 2. простая почва, место, состоящее из крупного песка, гравия (LKŽ, III, 167).

лтш. **gāza** — 1. водопад (М-Е, I, 619); 2. ливень (М-Е, I, 619).

gelmē, лтш. **dzelme** — 1. глубь, глубина (LKŽ, III, 218; M-E, I, 541); 2. глубокое место в воде (LKŽ, III, 218; M-E, I, 541); 3. глубокая яма в болоте (M-E, I, 541).

gelmenys — 1. бездна, пучина (LKŽ, III, 218); 2. глубокое место (DLKŽ, 204).

gelmynas — глубокое место (LKŽ, III, 218).

gelmīnē — вязкое место, болото, топь (LKŽ, III, 218).

gembis — кочка (LKŽ, III, 233; Ser., 177).

gylē, gylē, лтш. **dzile** — 1. глубокое место в реке или озере (LKŽ, III, 298); 2. яма в реке или озере (Baronas, I, 387); 3. глубь, глубина (DLKŽ, 211; Ser., 180; M-E, I, 556); 4. пропасть, бездна (DLKŽ, 211; M-E, I, 556).

gilybē — 1. глубина (LKŽ, III, 299; Ser., 180); 2. глубокое место, глубь, пучина (LKŽ, III, 299).

gilimā — глубокое место (LKŽ, III, 299).

gilynē — глубокое место (LKŽ, III, 299).

gylis — 1. глубина (LKŽ, III, 301; Ser., 181); 2. глубокое место (LKŽ, III, 301; DLKŽ, 211); 3. отдаленное место (LKŽ, III, 301).

gilmenā — 1. глубокое место в реке, озере (LKŽ, III, 302); 2. глубинное, отдаленное место (LKŽ, III, 302).

gilumā, лтш. **dziļums** — 1. глубокое место (LKŽ, III, 303; M-E, I, 550; Ser., 181); 2. пропасть, бездна (LKŽ, III, 303—304); 3. недра (Baronas, I, 546); 4. отдаленнейшее место, середина, центр (LKŽ, III, 303—304).

gilumē — глубокое место (LKŽ, III, 304).

gilumynas — глубокое место в реке или озере, где холодная вода (LKŽ, III, 304).

gilversmē — глубокое место, пучина, бездна (LKŽ, III, 306; Ser., 181).

girāitē — роща, небольшой лес (DLKŽ, 213).

girē — см. **giriā**.

giriā, лтш. **dzire, dzīra** — 1. большой лес (LKŽ, III, 340; M-E, I, 555); 2. пустота, пустыня (LKŽ, III, 340; DLKŽ, 214).

girynas — лесистая местность, большой сплошной лес (LKŽ, III, 341).

girkalnis — гора, поросшая лесом (LKŽ, III, 342).

glūdumā — 1. глубокое место, недра (LKŽ, III, 437; Baronas, I, 546); 2. отдаленное место (LKŽ, III, 437); 3. чаща, глушь (DLKŽ, 220); 4. гладкое ровное место (Ser., 189); 5. захолустье (LKŽ, III, 437); 6. полночь, спокойствие (LKŽ, III, 437).

gōjus — небольшой красивый лиственный лес (LKŽ, III, 479; Ser., 191); 2. возвышение, высота (FrLFW, 160).

grābē — ров, канава, овраг (LKŽ, III, 492).

graūmenys — большой густой лес, заваленный буреломом (LKŽ, III, 575).

grāužas — 1. небольшой камень (LKŽ, III, 529); 2. каменная почва (LKŽ, III, 570); 3. куча, небольшой остров песка, нанесенного половодьем (LKŽ, III, 530).

graužynas — место, состоящее из крупного песка, гравия, щебня, песчаный остров, памытый во время половодья (LKŽ, III, 530).

graužynē — 1. водомоина (LKŽ, III, 531); 2. место, где много песка, гравия (LKŽ, III, 531).

griņzlē — 1. осадок (LKŽ, III, 605); 2. болото (FrLEW, 169).

grināila — луг, на котором не растет трава (Būga, I, 294).

griovā, griōva, лтш. **grāva, grūva** — 1. ущелье, долина между горами (LKŽ, III, 614; M-E, I, 611); 2. пещера (DLKŽ, 233); 3. обрыв, овраг (LKŽ, III, 614; M-E, I, 673, 644); 4. обрывистый крутой берег реки (LKŽ, III, 614; DLKŽ, 233); 5. углубление с крутыми склонами (DAK); 6. бурелом, буревал, дерево, упавшее в болотистом лесу (LKŽ, III, 614); 7. куча, груда, ворох, масса (M-E, I, 641); 8. нерасторопный человек или животное (LKŽ, III, 614).

griovē — канава, яма, колея дороги (LKŽ, III, 615).

griovys, лтш. **grāvis, grāvis** — 1. углубление в земле, сделанное падающей водой, яма, овраг, вымоина (LKŽ, III, 615—616; DLKŽ, 233); 2. канава (LKŽ, III, 615—616; M-E, I, 645).

griuvakalnis — гора, подмываемая водой (Ser., 200).

лтш. **grīva** — 1. устье реки (Дамбе, 131; Semyonova, 26); 2. луг около реки (M-E, I, 658); 3. старое русло реки (M-E, I, 658).

лтш. **grīzeknis** — водоворот (M-E, I, 658).

grūblas — кочка, неровность, ком, глыба (LKŽ, III, 650; Būga, I, 329).

grublynē — место, где много кочек (Ser., 201).

grūbtas — кусок засохшей земли, ком на пашне (LKŽ, III, 651; Būga, I, 329).

лтш. **grubulis** — 1. замерзшая глыба земли (M-E, I, 664); 2. камень с неровными краями (M-E, I, 664).

grubumā — неровное место, неровность на твердой поверхности (DLKŽ, 235).

grubužiai — комья, глыбы земли (Ser., 201).

grùbzlas — 1. кочка, бугорок (Būga, I, 284); 2. небольшой ком смерзшейся земли (LKŽ, III, 652).
лтш. **gruñba** — развезженная дорога, колея (M-E, I, 664).
gruñslas — земляной ком, глыба, ком на пашне (DLKŽ, 236; LKŽ, III, 663).
grumslyné — место, где много комьев земли (LKŽ, III, 663; Ser., 202).
gruñstas — засохший ком земли, земляная глыба (DLKŽ, 236; LKŽ, III, 663; Skardžius, 320).
grumstýnė — место, где много комьев (DLKŽ, 236).
grumuñtas — большой ком (Būga, I, 284).
лтш. **grundulis** — 1. ком земли (M-E, I, 665); 2. неровность на дороге (M-E, I, 665); 3. бранное слово (M-E, I, 665).
лтш. **gruõba** — 1. яма (M-E, I, 670); 2. овраг, ущелье, пропасть (M-E, I, 670); 3. долина (M-E, I, 670).
gruoblė — см. **grùblas**.
gruoblynė — бугристое кочковатое место, дорога (LKŽ, III, 671; Ser., 263).
gruõblius — неровная дорога (LKŽ, III, 671).
лтш. **grùoda** — продолговатая низина с илистой почвой (M-E, I, 671).
grúodas — 1. смерзшаяся кочковатая грязь (Būga, I, 458; LKŽ, III, 671); 2. сильный заморозок (LKŽ, III, 671).
gruodijà — замерзшая грязь (Ser., 303; LKŽ, III, 671).
gruptas — ком земли.
лтш. **gruvesis, gruvesis** — 1. обломки, мусор (M-E, I, 666); 2. затвердевшая, замерзшая грязь, неровность на дороге (M-E, I, 666).
gubrà — 1. возвышение (LKŽ, III, 690); 2. вершина горы (LKŽ, III, 690); 3. нарост на дереве (LKŽ, III, 690).
gūbras — небольшая насыпная гора, возвышенное место, холм (LKŽ, III, 690; Ser., 204).
gūbrýnas — 1. место, где много холмов, холмогорье (LKŽ, III, 690); 2. горный хребет, горная цепь, гряда (Ser., 204).
gubrýs — 1. возвышение, небольшая гора, холм, кочка (LKŽ, III, 690); 2. вершина горы (LKŽ, III, 690); 3. гребень откоса (Ser., 204); 4. спина, загривок (LKŽ, III, 690); 5. верх крыши, конек (LKŽ, III, 690).
gūburas — 1. холм, бугор (LKŽ, III, 691); 2. кочка, пенёк, заросший мхом (LKŽ, III, 691; DLKŽ, 238).
gugà — 1. выпуклина (LKŽ, III, 701; DLKŽ, 238); 2. горб; загривок (LKŽ, III, 701); 3. возвышение, небольшая гора, холм (LKŽ, III, 701); 4. куча, груды, копна (LKŽ, III, 701).

лтш. **gudzulms** — 1. неровность (M-E, I, 675); 2. утолщение в нитке (M-E, I, 675).
guñbas, лтш. guñba — 1. возвышение, выпуклина (M-E, I, 680; LKŽ, III, 723); 2. нарост на дереве (LKŽ, III, 723); 3. куча, груды (M-E, I, 680).
guñburas — 1. выпуклость, возвышение (LKŽ, III, 726); 2. кочка (LKŽ, III, 726); 3. опухоль, шишка (LKŽK).
gùngara — неровность, кривизна (LKŽ, III, 731).
gurà — голая возвышенность, холм без растительности (LKŽ, III, 741).
gùras — 1. холм, бугор (LKŽ, III, 741); 2. выступ горы (Būga, I, 330); 3. вершина горы (LKŽ, III, 741); 4. отдельная небольшая гора в горах (LKŽ, III, 741).
gurvõlis, gurvõlys — ком на пашне (Būga, I, 330; DLKŽ, 242).
gurvuolynė — место, покрытое комьями или глыбами земли (Ser., 209).
gurvuolys — ком, глыба (снега, льда, теста) (Ser., 209).
įdauba — 1. выгнутое, впадение, углубление, впадина (LKŽ, IV, 8); 2. долина, лощина (LKŽ, IV, 8).
įdauža — выбоина, пробоина, трещина (LKŽ, IV, 8; Ser., 216).
įduba — 1. углубление, впадина (LKŽ, IV, 11); 2. яма (Ser., 218).
лтш. **iedobums** — углубление, впадина (L-kr. v., 225).
лтш. **iegruvums** — провалившееся место (L-kr. v., 228).
лтш. **iegułtne** — 1. топкое, вязкое место (M-E, II, 20); 2. старица (M-E, II, 20); 3. залив (M-E, II, 20); 4. впадина, углубление на поле или лугу (M-E, II, 20).
лтш. **ieguore** — углубление между возвышенностями (M-E, II, 21).
лтш. **ieguoznis** — 1. небольшая долина (M-E, II, 21); 2. небольшой полуостров леса (M-E, II, 21); 3. углубление, впадина на поле (M-E, II, 21).
лтш. **iejuõms** — 1. изгиб реки (M-E, II, 23); 2. углубление между двумя возвышенностями (M-E, II, 23).
лтш. **iekal̃ns** — 1. подножие горы (M-E, II, 24); 2. небольшой холм (M-E, II, 25).
лтш. **ieļeja, ieļejs** — 1. углубление; 2. долина (M-E, II, 37).
лтш. **ieļiēkna** — влажная низменность (M-E, II, 40).
лтш. **ielūoks** — излучина (M-E, II, 41).
лтш. **ieplaka** — долина, низина (M-E, II, 51).
лтш. **ieza** — 1. см. **iezis** 1; 2. трещина во льду (M-E, II, 90).
лтш. **ieze** — трещина во льду (M-E, II, 91).

лтш. *iezis* — 1. отложения песка на берегу реки (М-Е, II, 91); 2. поле с песчаной почвой (М-Е, II, 91).

igauba — вогнутое, изогнутое место (LKŽ, IV, 20; DLKŽ, 250; Ser., 220).

ikalnė — 1. склон горы, косогор, предгорье, место под горою (LKŽ, IV, 25—26); 2. возвышение, возвышенность (Ser., 224).

ikalnīs — см. *ikalnė*.

ikalvė — 1. место перед холмом; 2. склон холма (LKŽ, IV, 26).

iklanė — углубление, впадина (LKŽ, IV, 32).

iklonis — 1. неглубокая продолговатая с пологими краями впадина (DLKŽ, 252); 2. углубление, низкое место, ложбина (LKŽ, IV, 32; Ser., 227).

yla — 1. песчаная коса (Ser., 229); 2. шило (Ser., 229; LKŽ, IV, 36).

ilanka, ilankas — 1. вдающаяся в сушу часть моря, озера, реки, залив (LKŽ, IV, 37); 2. вогнутое место (LKŽ, IV, 37; Ser., 229).

ilinkis — 1. впадина, углубление (LKŽ, IV, 56; DAK); 2. углубление на поле, на лугу (DAK); 3. небольшая яма на дороге (DAK); 4. обрыв, крутой берег реки (DAK); 5. пространство между горами, долина (DAK); 6. долина реки, где расположены луга (DAK); 7. изгиб реки, моря (DLKŽ, 255); 8. (анат.) колено (LKŽ, IV, 56).

ilinkimas — 1. излучина реки (Ser., 232); 2. котловина, впадина (Ser., 232).

ilinkmis — впадина (LKŽ, IV, 56).

ilikumà — см. *ilinkimas*.

ilobė — долина, ложбина, лощина (LKŽ, IV, 57).

iloma — см. *ilomė*.

ilomė — низменное место, небольшая долина, впадина, низина, ложбина (LKŽ, IV, 57; Ser., 232).

ilomis — широкая, но неглубокая низина, впадина с покатыми склонами (DLKŽ, 255; LKŽ, IV, 57).

iñlobė — низменность между горами (DAK).

iñtakas — 1. приток (LKŽ, IV, 122); 2. пересыхающий рукав реки (LKŽ, IV, 122); 3. луг между пашнями (LKŽ, IV, 122).

ipleša — расщелина, щель, разорванное место (DLKŽ, 264; LKŽ, IV, 132).

iplyšimas — расщелина, трещина, щель (Ser., 239).

islėnė — см. *islėnis*.

islėnis — низина, долина, ложбина (LKŽ, IV, 148; DLKŽ, 268).

išburgos — место впадения реки в море, устье реки (LKŽ, IV, 166).

išdaga, лтш. *izdėga* — выгорелое или выжженное место в лесу, на поле, на торфянике (LKŽ, IV, 167; М-Е, II, 726).

išdagos — 1. выжженное место (LKŽ, IV, 167); 2. остатки обгорелых деревьев (LKŽ, IV, 167; Skardžius, 447).

išgrauža — 1. размытое водой место, вымытая водой яма, водомоина (LKŽ, IV, 185; DLKŽ, 273; Ser., 281); 2. изгрызанная вещь (LKŽ, IV, 185; DLKŽ, 273).

iškyla, iškilà — 1. возвышенность, холм (LKŽ, IV, 195; DLKŽ, 275); 2. возвышенность, поднимающаяся из-под воды; остров (LKŽ, IV, 185).

iškilmė — возвышенное место, возвышенность, холм (LKŽ, IV, 196).

iškilumà, iškilumas — возвышенное место, возвышенность (LKŽ, IV, 197; DLKŽ, 274).

iškiša — 1. выступ, мыс (LKŽ, IV, 197; DLKŽ, 274; Ser., 287); 2. выступающая часть чего-нибудь (LKŽ, IV, 197).

iškyšulys — 1. земля, вдающаяся в море, мыс (LKŽ, IV, 197; DLKŽ, 274); 2. какая-либо выступающая вещь, выступающая часть чего-либо (LKŽ, IV, 197).

išlanka — 1. изгиб, поворот дороги (LKŽ, IV, 203; DLKŽ, 275); 2. затока (Baronas, I, 305).

išlauža — 1. бурелом (LKŽ, IV, 203); 2. место в лесу, где много поваленных деревьев (LKŽ, IV, 203); 3. дыра, пролом (LKŽ, IV, 203); 4. рудник (LKŽ, IV, 203).

išplauka — 1. исток реки (LKŽ, IV, 225; DLKŽ, 277); 2. наносы (LKŽ, IV, 227; Ser., 302).

išplova — 1. яма, вымытая в земле водой, водомоина (LKŽ, IV, 227; Ser., 303); 2. помой (LKŽ, IV, 227; DLKŽ, 277).

išrausa — изрытое место, яма, пещера (LKŽ, IV, 231).

ištaka, лтш. *iztėka* — 1. течение (LKŽ, IV, 240); 2. исток, верховье реки (LKŽ, IV, 240; Ser., 333; М-Е, I, 816); 3. устье реки (LKŽ, IV, 240); 4. залив, бухта (LKŽ, IV, 240); 5. коса, мыс (Ser., 333); 6. болотистое место (DLKŽ, 280); 7. низкое место, по которому стекает вода после дождя с полей или дорог (LKŽ, IV, 240); 8. речной рукав (М-Е, I, 816); 9. (перен.) источник чего-либо (LKŽ, IV, 240; М-Е, I, 816); 10. (анат.) протока (LKŽ, IV, 240).

ištakis — 1. верховье реки (LKŽ, IV, 241); 2. небольшой ручей, вытекающий из болота (LKŽ, IV, 241; DLKŽ, 280); 3. ров для стекания воды (LKŽ, IV, 241).

ištekinys — небольшой ручей (LKŽ, IV, 242).

ištėkis — 1. проток (LKŽ, IV, 243); 2. рукав реки (LKŽ, IV, 243); 3. фьорд (LKŽ, IV, 243).

ītaka, лтш. **ieteka** — 1. устье (LKŽ, IV, 264; M-E, II, 81); 2. приток (M-E, II, 81).

ītekmē — 1. см. **ītaka** 2; 2. сенокосный овраг в лесу (LKŽ, IV, 267).

ītvanis — устье (LKŽ, IV, 269).

īvoda — 1. ров, канава, овраг (LKŽ, IV, 280); 2. небольшая часть поля, полуостровом вдающаяся в ручей (LKŽ, IV, 280); 3. водопровод (LKŽ, IV, 280); 4. соблазн, искушение (LKŽ, IV, 280).

īvodē — часть луга, вдающаяся в лес, в кустарник, между полями, небольшой луг между полями (LKŽ, IV, 280; DLKŽ, 285; Ser., 350).

jáudra см. **jáuga**.

jáuga — 1. мокрое, труднопроходимое неплодородное поле, высыхающее и растрескивающееся летом (LKŽ, IV, 315; DLKŽ, 288); 2. трясина, болото (LKŽ, IV, 315; DLKŽ, 288; Ser., 353); 3. местность, богатая родниками (Ser., 354); 4. песчаная почва (LKŽ, IV, 315); 5. земля, где ничего не растет (Лаучюте, 197).

jáurē — см. **jáuga**.

jaurýnas — вязкая тонкая земля (LKŽ, IV, 316).

лтш. **jūns** — болото (M-E, II, 122).

лтш. **juõma** — 1. глубокое место между двумя отмелями (M-E, II, 126; Лаумане — Непокупный², 199); 2. заболоченная низменность, идущая параллельно берегу моря и отделенная от него песчаной возвышенностью, поросшей лесом (M-E, II, 126); 3. морской пролив (M-E, II, 126); 4. небольшой луг между полями (M-E, II, 126); 5. небольшой овраг (M-E, II, 126).

лтш. **juoms** — 1. изгиб, поворот реки (M-E, II, 127); 2. местность, страна, край (M-E, II, 127); 3. выбоина (M-E, II, 127).

jūga, лтш. **jūpa** — 1. море (LKŽ, IV, 430; M-E, II, 122); 2. большое количество чего-либо (LKŽ, IV, 430; DLKŽ, 294); 3. озеро (M-E, II, 122; FLEW, 198).

jūrē, jūres — см. **jūga**.

jūrežeris — очень большое озеро (LKŽ, IV, 432).

jūrija — море (LKŽ, IV, 433).

jūrýnas — океан, область нескольких морей (LKŽ, IV, 433; Ser., 360).

jūrmala, лтш. **jūrmala** — морской берег, побережье, приморье (LKŽ, IV, 434; M-E, II, 122).

jūrotarpis — пространство между морями (LKŽ, IV, 434); 2. узкая полоска моря (Ser., 360; LKŽ, IV, 434).

kaktelē — небольшое возвышение на покато́м месте (Ser., 365).
kalnagalas, лтш. **kaĩngals** — вершина горы (LKŽ, V, 145; M-E, II, 142).

kalnāgiris — горный лес (LKŽ, V, 145).

kalnāgubris — горный кряж, сплошная цепь гор (LKŽ, V, 145; DLKŽ, 304).

лтш. **kaĩnaĩne** — горная страна (M-E, II, 142).

лтш. **kaĩnājs** — горная цепь (M-E, II, 142).

kalnākelis — горный перевал, горная дорога (LKŽ, V, 145; Ser., 368).

kalnālieknis — гора, возвышение между болот (LKŽK).

лтш. **kaĩnmala** — подножие горы (M-E, II, 142).

kalnāpelké — горное болото (LKŽ, V, 145).

kaĩnas, лтш. **kaĩns** — 1. гора (LKŽ, V, 146; M-E, II, 143); 2. берег реки (DAK); 3. куча, груда, большая масса чего-либо, множество (LKŽ, V, 146; M-E, II, 143; DLKŽ, 304).

kalnavietē — возвышенное, гористое место (LKŽ, V, 147).

лтш. **kaĩniņš** — песчаная отмель (M-E, II, 143).

kalnāvīrsis — вершина горы (LKŽ, V, 147).

kalnijā — множество гор (Skardžius, 80).

kalnýnas — цепь гор, совокупность горных хребтов (LKŽ, V, 148; Ser., 368).

kalnýnē — горная местность (LKŽ, V, 148).

kalniũkas — 1. небольшая возвышенность, холм, пригорок (Ser., 368; DAK); 2. песчаная возвышенность, на которой ничего не растет (DAK); 3. возвышенное место, на котором сажают чаще всего картофель (DAK); 4. покато́е место (DAK); 5. небольшой бугорок посреди болота (DAK); 6. берег реки (DAK).

kalniũkštis — довольно большая гора (LKŽ, V, 148).

лтш. **kaĩnstaĩpa** — пространство между горами (M-E, II, 143).

лтш. **kaĩnuõtne** — горная страна (M-E, II, 143).

kalũža — болото; лужа; влажное место (LKŽ, V, 164).

kalvā — 1. небольшая возвышенность, горка (LKŽ, V, 164; M-E, II, 146; Ser., 369); 2. высокая гора (DAK); 3. сухое возвышенное место на лугу (DAK); 4. сухое место в болотистом лесу (DAK); 5. сухое место среди болота (DAK); 6. небольшой остров (M-E, II, 146); 7. полуостров (M-E, II, 146); 8. возвышенное место в лесу (LKŽ, V, 164); 9. мелкое место в море, песчаная отмель (LKŽ, V, 164; M-E, II, 146); 10. морской залив (M-E, II, 146); 11. голое песчаное место (DAK); 12. вершина горы (DAK); 13. обширное возвышенное пространство без леса (DAK).

kalvakà — небольшой холм (LKŽ, V, 164; Непокупный, 25).
kalvūnas — холмистая местность, цепь холмов (LKŽ, V, 166; DLKŽ, 306; Ser., 369).
kalvókštė — маленький невысокий холм (LKŽ, V, 157).
kalvonė — см. kalvà.
kalvota — холмогорье (Ser., 369).
kamšà, лтш. **kamsa** — 1. сучьями и хворостом выстланная дорога, гать (LKŽ, V, 184; DLKŽ, 307; Ser., 370); 2. тощее место (LKŽ, V, 184); 3. запруда в реке (LKŽ, V, 184; Ser., 370); 4. давка, толкотня (LKŽ, V, 184); 5. обжора (LKŽ, V, 184; М-Е, II, 152).
kamšỹnė — 1. тощее болотистое место (LKŽ, V, 185); 2. гать (LKŽ, V, 185); 3. давка (LKŽ, V, 185).
karūrnas, karūrna — небольшое возвышение, горка, поросшая мхом, кочка (LKŽ, V, 254).
karsa — 1. пещера (LKŽ, V, 310; Būga, I, 308; Skardžius, 310); 2. крутой берег (LKŽ, V, 310).
karsta — см. karsa.
kaūbras — небольшое возвышение на ровном месте, на лугу, на поле (LKŽ, V, 417).
kaūbrė — 1. небольшая гора, холм, бугор (LKŽ, V, 417—418); 2. горб, спина (LKŽ, V, 417—418).
kaūburas, лтш. **kauburs** — 1. горный хребет (LKŽ, V, 418); 2. вершина горы (LKŽ, V, 418; DAK); 3. кочка, возвышение, холм, пригорок (LKŽ, V, 418; М-Е, II, 172).
kauburė, kaūburė — 1. вершина горы (LKŽ, V, 418); 2. холм, бугор, курган (Ser., 381).
kauburūnas — 1. верховное место, кочкарник (LKŽ, V, 418); 2. цепь вершин холмов, холмогорье (LKŽ, V, 418; Ser., 381).
kauburỹs, kaubrỹs — 1. небольшое продолговатой формы возвышение (LKŽ, V, 418; Ser., 381; DLKŽ, 322); 2. горный хребет (LKŽ, V, 418); 3. вершина горы (LKŽ, V, 418; DLKŽ, 322; Ser., 381; DAK); 4. кочка (LKŽ, V, 418; DLKŽ, 322; DAK); 5. куча, груда чего-нибудь; муравейник (DAK); 6. перяшливый опустившийся человек (DAK).
kaugurỹs, лтш. **kaūgurs, kàugurs** — 1. небольшое возвышение земли (LKZ, V, 419); 2. дюна (LKŽ, V, 419); 3. сугроб (LKŽ, V, 419); 4. небольшой холм с крутыми склонами, поросший травой (М-Е, II, 173); 5. вершина горы (М-Е, II, 173).
kaūkaras, kaukarà, лтш. **kukurs** — 1. небольшая гора, холм, пригорок (LKŽ, V, 420; DLKŽ, 322; Ser., 382); 2. вершина горы (LKŽ, V, 420; DLKŽ, 322); 3. гребень укоса (Непокупный, 23);

4. кочка, ком земли или глины на боронованном поле (LKŽ, V, 420; М-Е, II, 303); 5. спина, горб (М-Е, II, 303).

kaukarūnas — гористое, холмистое место, холмогорье (LKŽ, V, 420).

kaūkuras — 1. невысокая гора (LKŽ, V, 429); 2. искусственная гора, курган больших размеров (DAK); 3. небольшая неровность почвы (DAK); 4. высокая и крутая гора (DAK); 5. голая вершина горы (DAK); 6. остров, окруженный водой (DAK).

kaukurė — 1. вершина горы (LKŽ, V, 429); 2. холм, бугор (Ser., 382).

kaukurūnas — холмогорье (LKŽ, V, 429).

kaūparas, kauparà — небольшая гора, холм, насыпь, курган (LKŽ, V, 437; Ser., 383; Būga, I, 447).

kaūpas — 1. возвышение, куча, груда (LKŽ, V, 437; Karaliūnas, 188 и след.); 2. макушка (LKŽ, V, 437).

kauprà, лтш. **kaupre** — 1. возвышение, холм (LKŽ, V, 439; М-Е, II, 177; DAK; Būga, I, 447); 2. горб, горбина, выпуклина (LKŽ, V, 439); 3. небольшая гора в лесу, поросшая сосной (DAK); 4. луг (DAK).

kaūpras — 1. небольшое возвышение, бугор, холм (LKŽ, V, 439; Ser., 383); 2. повышение почвы на лугу (DAK); 3. небольшая гора среди болота (DAK); 4. вершина горы (DAK).

kauprė — 1. небольшой холм, возвышенность (LKŽ, V, 439); 2. спина, горб (LKŽ, V, 439).

kauprūnė — пространство, где много небольших бугров (LKŽ, V, 439).

keliāvietė — 1. след бывшей дороги (LKŽ, V, 515); 2. брод, неглубокое место в реке (LKŽ, V, 515); 3. место переправы через овраг (LKŽ, V, 515).

kelmijà — см. kelmūnas.

kelmūnas — вырубленный лес (LKŽ, V, 525; Ser., 386).

kelmūnė — место, на котором остались только пни (LKŽ, V, 525; Ser., 386).

kempūnė — тощее болотистое место (LKŽ, V, 562).

kėmsa — 1. едва видные от земли кочка или пеня, заросшие мхом (LKŽ, V, 563; Ser., 388); 2. корневище засохшей травы (LKŽ, V, 563); 3. бранное слово (LKŽ, V, 563).

kemsas, лтш. **ķems** — 1. пеня или кочка, поросшие травой или мхом (LKŽ, V, 563; DLKŽ, 329; М-Е, II, 364); 2. опустившийся, перяшливый человек (LKŽ, V, 563).

kėrpė, лтш. **cēpra, cērps** — 1. небольшая куча земли, неведный ветром небольшой песчаный холм (М-Е, I, 378); 2. травяной холм (М-Е, I, 378); 3. куст (М-Е, I, 378); 4. длинная трава, осо-

бенно на болоте, древесный мох (LKŽ, V, 617; Ser., 390; M-E, I, 378); 5. спутанные волосы (M-E, I, 378).

kemsýnas — кочкарник (LKŽ, V, 563).

kemsýnē — место, покрытое кочками (LKŽ, V, 563); 2. кочкарное болото (DLKŽ, 329; Ser., 388).

kemzras — небольшой земляной холм, поросший мхом (LKŽ, V, 565).

kēras, лтш. **ceṛs** — 1. заросшая кочка на болоте (M-E, I, 375); 2. место, поросшее камышом (M-E, I, 375); 3. кустарник (M-E, I, 375; LKŽ, V, 597).

kerýnas — кустарник (LKŽ, V, 609; Ser., 389).

kėsas — кочка (LKŽ, V, 634; Būga, I, 285).

kėšýnas — место, где много кочек (LKŽ, V, 636; Ser., 390).

kėsuōtē — кочковатый луг, кочкарник (LKŽ, V, 646; Ser., 391).

keterà — 1. верх борозды (LKŽ, V, 648); 2. верх, вершина (LKŽ, V, 648); 3. горный хребет (FrLEW, 247); 4. конек крыши (LKŽ, V, 648); 5. загривок у животного (LKŽ, V, 648; DLKŽ, 334).

kiaurāžemis — 1. влажная земля (LKŽ, V, 706); 2. песчаная почва (LKŽ, V, 706).

kiáurymė — 1. дыра, щель, отверстие (LKŽ, V, 707; DLKŽ, 337; Ser., 394); 2. пустота, пустое место (LKŽ, V, 707); 3. бездна, пропасть (LKŽ, V, 707); 4. окно в болоте (LKŽ, V, 707).

kiáurynė — см. **kiáurymė**.

kiauróji — 1. пропасть, бездна (LKŽ, V, 709; DLKŽ, 337; Ser., 394); 2. осенняя или весенняя грязь, мокрота (LKŽ, V, 709); 3. фистула, свищ (LKŽ, V, 709).

kiaurùkalnė — пропасть в горах (LKŽ, V, 709).

kiaurulys — см. **kiáurymė**.

kiaurumà, лтш. **caūrums** — 1. дыра, отверстие (LKŽ, V, 709; M-E, I, 366); 2. пропасть (LKŽ, V, 709).

kieša, **kieša**, лтш. **ciesa**, **ciėsa** — 1. чаща, очень густо заросшее место (LKŽ, V, 756); 2. жесткая трава (*triticum garpens*) (M-E, I, 395); 3. уголь (LKŽ, V, 756).

kiešynas — густые заросли, чащоба (LKŽ, V, 756; Ser., 396).

kietumà — 1. материк, твердь (LKŽ, V, 765; Ser., 396); 2. твердое место, твердая земля.

лтш. **ķilava** — полуостров леса на болоте (M-E, II, 380).

ķilpa — 1. поворот, излучина реки (LKŽ, V, 789; DLKŽ, 340); 2. петля, стремя, ячейка невода (DLKŽ, 340; Ser., 397).

kiminýnas, **kiminijà** — место, где растет много мха (LKŽ, V, 802).

kiminýnė — см. **kiminýnas**.

kiminójas — пространство на лугу, поросшее мхом (LKŽ, V, 802; Ser., 398).

kimsa(s) — 1. кочка (LKŽ, V, 803); 2. болото (Лаучюте, 197).

kinė, лтш. **cine**, **ciņa** — 1. возвышенное сухое место на лугу, в болотистом лесу, среди воды (LKŽ, V, 811; Ser., 398); 2. холм (M-E, I, 384); 3. корень дерева или куста на берегу реки в воде (LKŽ, V, 811); 4. пенъ на лугу (M-E, I, 384); 5. возвышенная полоса луга у самой пашни (LKŽ, V, 811).

kinis, лтш. **cinis** — 1. заросшая верхняя часть воды, трясина, зыбун, топь (LKŽ, V, 812); 2. небольшой тонкий остров в реке или озере (LKŽ, V, 812); 3. открытое пространство в трясине, окно в болоте (LKŽ, V, 812); 4. корни растущей в воде травы, вымытые корни дерева, растущего у самой кромки воды (LKŽ, V, 812); 5. ил, нанесенный на луг во время половодья (LKŽ, V, 812); 6. граница полей, межа (LKŽ, V, 812); 7. пенъ (LKŽ, V, 812); 8. возвышенность на влажном месте (LKŽ, V, 812); 9. холм (M-E, I, 384).

ķirba, лтш. **ķirba** — 1. болотистое место, болото, топь, трясина (LKŽ, V, 830; Ser., 399; M-E, II, 383); 2. множество, толпа (LKŽ, V, 830).

ķirna — 1. влажное, поросшее кустарником, почти не проходное место (LKŽ, V, 847; DLKŽ, 343); 2. бурелом, буревал (LKŽ, V, 847); 3. кочкарник (DLKŽ, 343; Ser., 400); 4. множество, толпа, куча (LKŽ, V, 847).

kirnýnas, **kirnỹnė** — большой плохой луг (LKŽ, V, 848).

kirnis — вязкое, илистое место, болото (LKŽ, V, 848).

ķirnos — мокрое, почти не проходное место, поросшее кустарником; топи (LKŽ, V, 848).

kyšulys — 1. выступ, мыс (LKŽ, V, 898—899; DLKŽ, 345); 2. подарок (LKŽ, V, 899).

kiúgis — 1. большая кочка (LKŽ, V, 910); 2. небольшая копна (LKŽ, V, 910).

kiurklỹs — поток, струя воды (LKŽ, V, 921).

klampà — болотистая почва; болото (LKŽ, V, 955; DLKŽ, 347). лтш. **klajums** — безлесное пространство (M-E, II, 210).

klampýnas, **klampỹnė** — 1. болотистая почва, болото, непроходимая топь (LKŽ, V, 955; DLKŽ, 347; Ser., 403); 2. беспорядок, путаница (LKŽ, V, 955).

klānas, лтш. **klāns** — 1. небольшое болото (LKŽ, V, 959; DLKŽ, 348); 2. лужа (LKŽ, V, 959; M-E, II, 213); 3. родник (LKŽ, V, 959); 4. большое количество чего-либо жидкого (LKŽ, V, 959);

5. долина (LKŽ, V, 959); 6. долина, слегка затопляемая водой во время половодья, болотистая равнина (FrLEW, 264).
- klanāvietē** — низкое место со стоячей водой (LKŽ, V, 959).
- klanēštas** — 1. долина (LKŽ, V, 959); 2. болото (LKŽ, V, 959); 3. лужа (Ser., 403); 4. влажный луг среди леса (LKŽK).
- лтш. **klānums** — голое место среди хлебов, леса; плешина (M-E, II, 217).
- klīmbala** — топь, трясина, вязкое болото (LKŽ, VI, 92; Ser., 407).
- лтш. **klīnts** — скала (M-E, II, 229).
- лтш. **klīntaine** — каменистое пространство, почва (M-E, II, 229).
- klonē** — 1. небольшая долина, низина (LKŽ, VI, 146); 2. лужа (LKŽ, VI, 146); 3. болото (LKŽ, VI, 146); 4. лощина, полная воды после дождя (LKŽK).
- klonēsnas** — низинное место (LKŽ, VI, 147).
- klōnis**, лтш. **klāns**, **klāns** — 1. низкое место, низина (LKŽ, VI, 148; DLKŽ, 354; Ser., 408); 2. долина, пространство между двумя возвышенностями (DAK); 3. равнина (M-E, II, 217); 4. низинный заливной луг (DAK); 5. большое низинное поле (DAK); 6. часть поля под горою, соединяющегося с лугом (DAK); 7. участок, полоса, клочок земли (Ser., 408; LKŽ, VI, 148; M-E, II, 217); 8. могильная яма (LKŽ, VI, 148); 9. небольшое болото (DAK); 10. усадьба, место около дома, огороженное для животных (DAK).
- kopā**, лтш. **kāpa** — 1. песчаный холм, дюна (LKŽ, VI, 345; DLKŽ, 370; Ser., 413; M-E, II, 191); 2. вал, насыпь (LKŽ, VI, 345); 3. обрыв, крутой берег (M-E, II, 191); 4. множество, толпа, стая (M-E, II, 191).
- лтш. **krāce**, **krāce** — 1. водопад (M-E, II, 265); 2. речной порог (Дамбе, 131); 3. быстрое течение, стремнина (M-E, II, 265); 4. овраг, вымытый небольшим ручьем (M-E, II, 265).
- krānta** — 1. берег (LKŽ, VI, 424—425); 2. край, ребро (LKŽ, VI, 425; Ser., 416).
- krāntas**, лтш. **krānts** — 1. крутой берег реки, моря, озера (M-E, II, 259; LKŽ, VI, 425); 2. гористая местность (DAK); 3. край (M-E, II, 259; FrLEW, 288).
- лтш. **krastmala** — край берега (M-E, II, 260).
- krāštas**, лтш. **krasts** — 1. берег (LKŽ, VI, 441—443; DLKŽ, 376; M-E, II, 260); 2. край, страна (LKŽ, VI, 441—443; DLKŽ, 376); 3. боковая сторона, край (LKŽ, VI, 441—443); 4. конец, граница, межа (LKŽ, VI, 441—443); 5. верхняя часть посуды (LKŽ, VI, 441—443).
- лтш. **krāuja** — 1. крутой обрывистый берег (M-E, II, 262); 2. куча, гряда (M-E, II, 262).
- лтш. **kraujmala** — край берега (M-E, II, 262).
- лтш. **krāujš** — см. **krāuja**.

- лтш. **krāulis** — 1. обрыв, крутой берег (M-E, II, 263); 2. сгнивший древесный ствол, корень (M-E, II, 263).
- лтш. **kraujmala** — край берега (M-E, II, 263).
- kriaūkšlas** — замерзшие острые комья грязи (Ser., 420; LKŽ, VI, 564).
- kriaukšlīnē** — место, покрытое комьями мерзлой грязи (Ser., 420).
- kriaukšlīs**, **kriaūkšlas** — 1. ком замерзшей или высохшей грязи (LKŽ, VI, 564—565; DLKŽ, 381; Ser., 420); 2. вспучившийся от мороза верхний слой земли (LKŽ, VI, 564—565); 3. хлебная корка, засохший кусок сыра или другого продукта (LKŽ, VI, 564—565); 4. чахлае, хилое существо (LKŽ, VI, 564—565).
- kriaūšis** — 1. крутой обрывистый берег (LKŽ, VI, 569; DLKŽ, 381; Ser., 421); 2. круто возвышающееся место (LKŽ, VI, 569); 3. крутой склон горы (DAK); 4. небольшая горка (LKŽ, VI, 569); 5. вершина небольшой горки (LKŽ, VI, 569); 6. вспучившийся от мороза верхний пласт земли (LKŽ, VI, 569); 7. угол, выступ (LKŽ, VI, 569).
- kriaūšius** — см. **kriaūšis**.
- kriāutinē** — неглубокое усеянное камнями место в реке, сооруженный из камней переход через реку (LKŽ, VI, 572).
- krygā** — 1. высохший ровный ком земли (LKŽ, VI, 576); 2. кусок льда в реке, озере, льдина (LKŽ, VI, 576; Ser., 421).
- krioklīs** — водопад (LKŽ, VI, 603; DLKŽ, 382; Ser., 422).
- krósnis**, лтш. **krāsne** — 1. куча, гряда камней (LKŽ, VI, 688; M-E, II, 268; Брейдак, 10, 20); 2. каменная печь в бане (LKŽ, VI, 687; M-E, II, 268; Брейдак, 10, 20).
- лтш. **krūmājs** — заросли кустарника (M-E, II, 292).
- krūmeta** — куча, гряда камней (LKŽ, VI, 698).
- krūmýnas**, лтш. **krūmiens** — пространство, поросшее кустарником (LKŽ, VI, 699; M-E, II, 292).
- krūminē** — см. **krūmýnas**.
- krūmókšliai** — молодой небольшой лесок (LKŽ, VI, 701).
- krūmokšniāi** — низкий и густой кустарник, мелкая заросль (Ser., 424).
- krumokšnýnas** — пространство, поросшее кустарником (LKŽ, VI, 701).
- krūmslas**, лтш. **krūmslis** — 1. земляной ком, глыба (LKŽ, VI, 703); 2. неровность (M-E, II, 287); 3. лодыжка (M-E, II, 287).
- krūsmeta** — см. **krūsnis**.
- krūsnis** — 1. большая куча камней на поле (LKŽ, VI, 722; DLKŽ, 386; Urbutis, 62); 2. сложенная куча чего-либо (LKŽ, VI, 722); 3. печь.

krūšmata — 1. куча камней на меже между полями (LKŽ, VI, 726); 2. куча, грудa чего-либо (LKŽ, VI, 726; Ser., 425).

krūtys, лтш. **krūts**, **krūte** — 1. возвышенность, холм (М-Е, II, 293); 2. берег (М-Е, II, 293); 3. грудь (LKŽ, VI, 739; М-Е, II, 293).

krūvā, лтш. **kruva**, **kruva** — 1. куча, грудa, ворох (LKŽ, VI, 741—743; DLKŽ, 387; М-Е, II, 291); 2. возвышенность (М-Е, II, 291); 3. горб, нарост (М-Е, II, 291); 4. множество (LKŽ, VI, 741—743).

лтш. **kruvesis** — 1. замерзшая грязь на дороге, поле (М-Е, II, 291); 2. горб, нарост (М-Е, II, 291); 3. ничтожный человек (М-Е, II, 291).

kūbrys — 1. вершина горы (LKŽ, VI, 752); 2. горный хребет (LKŽ, VI, 752); 3. небольшая гора, холм (LKŽ, VI, 752); 4. неровность, возвышенность (LKŽ, VI, 752).

kūbūrē — 1. небольшая гора, возвышенность, холм (LKŽ, VI, 754); 2. куча, грудa камней (LKŽ, VI, 754).

kuburys — 1. вершина горы (LKŽ, VI, 754); 2. небольшая гора, возвышенность (LKŽ, VI, 754); 3. куча, грудa камней (LKŽ, VI, 754); 4. кочка (LKŽ, VI, 754).

kūdrā, **kūdrā**, лтш. **kūdra** — 1. небольшой естественный пруд (LKŽ, VI, 768—769); 2. болото (LKŽ, VI, 768—769; Непокупный, 16); 3. большая выкопанная яма с водой (DLKŽ, 387; Непокупный, 16); 4. мокрое, влажное место, поросшее кустарником (LKŽ, VI, 768—769); 5. долина (Непокупный, 16); 6. ил, торф (LKŽ, VI, 768—769; М-Е, II, 332); 7. заросшее озеро (Urbutis, 62); 8. остров леса среди поля (Непокупный, 16); 9. отдельно растущая груша деревьев (Urbutis, 62).

лтш. **kūdraīne** — торфяное болото (М-Е, II, 332).

kūdrē — небольшая гора на равнине (ДАК).

kuītis — 1. молодой хвойный лесок, роща (LKŽ, VI, 788; Būga, I, 297); 2. густой кустарник (LKŽ, VI, 788).

kūlijā — место, где много камней (LKŽ, VI, 831).

kūlynas 1. — место, где много камней (LKŽ, VI, 833; DLKŽ, 389).

kūlynas 2. — 1. мокрый кочковатый луг, поросший осокой (LKŽ, VI, 833); 2. поросль молодых деревьев (LKŽ, VI, 833); 3. болотная трава (LKŽ, VI, 833).

kūlis — камень, валун (LKŽ, VI, 836; Ser., 427).

kumbrys — 1. кочка (LKŽ, VI, 865); 2. небольшая гора (LKŽ, VI, 865); 3. вершина горы (FrLEW, 308); 4. согнутое дерево, к которому привязывают лодку (LKŽ, VI, 865).

kuñburas, лтш. **kumburs** — 1. холм, возвышение, небольшой бугор (LKŽ, VI, 865; М-Е, II, 311); 2. нарост на дереве (LKŽ, VI, 865; М-Е, II, 311).

kunē — непроходимое болото.

kunkulynē — место в болоте, где клокочет и поднимается пузырями вода (LKŽ, VI, 900; Ser., 430).

kuōras, лтш. **kuōre**, **kuōra**, **kuōris** — 1. вершина горы (М-Е, II, 347); 2. поворот, изгиб (М-Е, II, 347); 3. верх крыши (М-Е, II, 347); 4. копна (LKŽ, VI, 918).

kuprā, лтш. **kuprs** — 1. возвышенность (LKŽ, VI, 929); 2. маленький курган (ДАК); 3. самая высокая часть поля (ДАК); 4. спина, горб (LKŽ, VI, 929; DLKŽ, 393; Ser., 431; М-Е, II, 319).

kupsnā, лтш. **kupsna** — 1. кочка, небольшое возвышение (LKŽ, VI, 934); 2. куча песка, нанесенная ветром, небольшой песчаный холм (М-Е, II, 319); 3. небольшой стог сена (LKŽ, VI, 934—935).

kupsnys — небольшое возвышение, кочка (LKŽ, VI, 935).

kūpstas — 1. небольшое возвышение, кочка (LKŽ, VI, 935; DLKŽ, 393; Ser., 431); 2. небольшая копна сена, куча, грудa чего-либо (LKŽ, VI, 935).

kupstynas — место, где много кочек (LKŽ, VI, 935; DLKŽ, 393).

kupūrna — неровность поля (LKŽ, VI, 938); 2. кочка, заросшая травой кротовина (LKŽ, VI, 938; DLKŽ, 393); 3. куча земли (LKŽ, VI, 938); 4. небольшой кусок дерна (LKŽ, VI, 938); 5. человек небольшого роста (LKŽ, VI, 938); 6. вещь маленького размера (DLKŽ, 393).

kurgānas, лтш. **kurgāns** — курган (LKŽ, VI, 946).

lagūnā, лтш. **lagūna** — лагуна, неглубокий залив (LKŽ, VII, 11).

laikšēs — большое болото, поросшее кустарником (LKŽ, VII, 51).

lakmainia — грязь, плохая дорога (FrLEW, 352; Skardžius, 287).

lāngas — 1. окно (LKŽ, VII, 122); 2. что-либо, похожее на окно, четырехугольник (LKŽ, VII, 122; DLKŽ, 407); 3. пропасть в болоте; окно в болоте (LKŽ, VII, 122).

лтш. **lānis**, **lāns** — 1. большой непроходимый лес (М-Е, II, 438); 2. лужа (М-Е, II, 439); 3. луг плохого качества (М-Е, II, 439).

lankā, лтш. **lañka** — 1. большой ровный луг, главным образом около реки, заливаемый во время половодья (LKŽ, VII, 125; DLKŽ, 408; М-Е, II, 420); 2. низменная вытянутая равнина, долина (М-Е, II, 420; LKŽ, VII, 125); 3. скопление воды в низком месте, большая лужа (М-Е, II, 420); 4. болотная трава, осока (М-Е, II, 420); 5. лиственный лес (LKŽ, VII, 125).

lašmuo, лтш. **lasmenis** — 1. полынья (М-Е, II, 424); 2. незамерзающее быстрое течение реки с родниковым дном (М-Е, II, 424); 3. место в озере, куда впадает или откуда вытекает ручей (Urbutis₁, 550); 4. глубина реки (Urbutis₁, 550).

latākas, лтш. **lataka**, **lataga** — 1. водосточный желоб, водосточная труба (LKŽ, VII, 172; М-Е, II, 424); 2. поток, струя (LKŽ, VII, 172; DLKŽ, 410; Būga, I, 455); 3. лужа (LKŽ, VII, 172; DLKŽ, 410; Būga, I, 455—457); 4. ров, канал (LKŽ, VII, 172); 5. тонкое болото (LKŽ, VII, 172); 6. болотистый лесок (LKŽ, VII, 172); 7. полоска земли (LKŽ, VII, 172).

laūkas, лтш. **laūks** — 1. поле (LKŽ, VII, 177; М-Е, II, 426); 2. безлесное пространство в лесу, просека, поляна (М-Е, II, 426); 3. общее название растений, культивируемых на полях (LKŽ, VII, 177); 4. деревня, село (LKŽ, VII, 177); 5. пространство за пределами дома (LKŽ, VII, 177; Būga, II, 256—257); 6. внешность (LKŽ, VII, 177); 7. лысина (Vidugiris, Dieveniškės, 191).

laūkymė — 1. естественная поляна в лесу (LKŽ, VII, 180; DLKŽ, 411); 2. прогалина, участок редкого леса в чаще леса; 3. белое пятно на лбу животного (LKŽ, VII, 180).

lēgerės — тонкое болото, поросшее лесом (LKŽ, VII, 230).

лтш. **leja** — 1. долина, низменность (М-Е, II, 447); 2. жилище прислуги в отличие от жилища хозяев (М-Е, II, 447).

lekmeiniā — плохая дорога (Skardžius, 205; FrLEW, 352).

lekmėnė, лтш. **lekmenis** — 1. болото, топь, вязкое грязное место, луг (LKŽ, VII, 303; М-Е, II, 448); 2. лужа (FrLEW, 352); 3. пропасть, бездна (FrLEW, 352).

lėkna, лтш. **lėkna** — низменный больших размеров луг (М-Е, II, 457).

лтш. **lėkužas** — большой влажный луг (М-Е, II, 459).

lēndrimai — поросшее кустами болото (LKŽ, VII, 329); 2. болотистая местность (LKŽ, VII, 329).

lēndrynās — 1. пространство, поросшее тростником (LKŽ, VII, 329); 2. тростниковые заросли (Ser., 446); 3. что-либо часто расположенное, расставленное (LKŽ, VII, 329).

lēndrinis — 1. мокрый луг между полями (LKŽ, VII, 329).

lēngė — 1. низина (LKŽ, VII, 330); 2. небольшой луг в низине между двумя возвышенностями (FrLEW, 355); 3. поворот дороги (Skardžius, 71).

lėnkė — 1. дол, долина (LKŽ, VII, 341); 2. обширная неглубокая долина реки (ДАК); 3. предгорье (ДАК); 4. пространство между двумя возвышенностями земли (ДАК); 5. углубление (LKŽ, VII, 341; DLKŽ, 417); 6. низкое место на лугу или пашне (ДАК);

7. ровное низкое место (ДАК); 8. влажное болотистое место (LKŽ, VII, 341; DLKŽ, 417; ДАК); 9. низкое место, где собирается вода (ДАК); 10. болото (LKŽ, VII, 341; ДАК); 11. мокрый луг (LKŽ, VII, 341); 12. излучина реки (LKŽ, VII, 341); 13. пятно иного, чем основной, цвета (LKŽ, VII, 341).

lenkiā — пространство, где много различных углублений, низменностей, долин (LKŽ, VII, 343).

лтш. **lēsa** — 1. болотистое зыбкое место (М-Е, II, 462); 2. песчаная отмель в реке (М-Е, II, 462); 3. плавучий остров (М-Е, II, 462).

лтш. **lēvenis**, **lėvenis** — 1. болотистое место, трясина (М-Е, II, 463); 2. затопляемый край берега (М-Е, II, 463); 3. куча, груда, множество (М-Е, II, 463).

lyda — обрабатываемое поле на месте вырубленного леса (LKŽ, VII, 401).

lydimas, **lydīmas**, лтш. **līdums** — 1. вырубленное или выжженное место в лесу, просека (LKŽ, VII, 406; DLKŽ, 421; М-Е, II, 477); 2. обрабатываемое поле на месте вырубленного леса (LKŽ, VII, 406; DLKŽ, 421; Obrębska-Jabłońska, 261—270); 3. срубленные лежащие деревья (LKŽ, VII, 406); 4. небольшое пространство поля, заросшее деревьями (LKŽ, VII, 406); 5. ровное нехолмистое пространство (LKŽ, VII, 406); 6. груда неразобранных вещей (М-Е, II, 477).

лтш. **līdzenums** — равнина (М-Е, II, 480).

lėkna, **lėknā**, лтш. **lėkna**, **lėkņa** — 1. низкий влажный луг без кустов (LKŽ, VII, 417; Būga, I, 311); 2. большой сырой луг (М-Е, II, 495); 3. болотистый лесок (LKŽ, VII, 417; М-Е, II, 495); 4. болото (LKŽ, VII, 417); 5. открытое пространство, луг между кустами (LKŽ, VII, 417); 6. влажное болотистое место в лесу (М-Е, II, 495); 7. изгиб, углубление (М-Е, II, 495); 8. углубление на пашне (М-Е, II, 495); 9. низменность между двумя возвышенностями (М-Е, II, 495); 10. огромные пространства лугов вдоль всего устья реки (М-Е, II, 495).

lėknas, лтш. **lėkns** — 1. долина реки (LKŽ, VII, 418); 2. луг в долине реки (LKŽ, VII, 418); 3. влажный болотистый луг (LKŽ, VII, 418; М-Е, II, 495); 4. болото (LKŽ, VII, 418; Ser., 450; Būga, I, 311); 5. влажное место, заросшее кустами, невысокими деревьями (LKŽ, VII, 418; Būga, I, 311); 6. болотистый луг с кустами (DLKŽ, 421); 7. небольшой лес, березовая роща (LKŽ, VII, 418; Būga, I, 311); 8. влажное болотистое место в лесу (М-Е, II, 495); 9. «низкий или извилистый луг, обычно в лесу» (Дамбе, 133); 10. возвышенный нераспаханный участок земли, где пасут скот (LKŽ, VII, 418).

lieknýnas — изменное болотистое место; болотистый лесок (LKŽ, VII, 418; DLKŽ, 421).

lieknýnė — место, где много болот (LKŽ, VII, 418).

лтш. **liekums** — 1. изгиб берега ручья (М-Е, II, 497); 2. заливной луг в этом изгибе (М-Е, II, 497); 3. огороженный выгон (М-Е, II, 497); 4. необрабатываемый участок поля вблизи выгона для скота (М-Е, II, 497).

lygė, lygė — 1. ровное место, равнина (LKŽ, VII, 463; DLKŽ, 424); 2. поляна в лесу (LKŽ, VII, 464); 3. поверхность (LKŽ, VII, 464).

lygmė — 1. ровное место, равнина (LKŽ, VII, 477; DLKŽ, 425); 2. ровное пространство, поверхность (LKŽ, VII, 477).

lygumà, lyguma — 1. равнина (LKŽ, VII, 484; DLKŽ, 425); 2. постоянство (LKŽ, VII, 484).

lygumyna — см. **lygumà** 1.

linkė — изгиб, излучина (LKŽ, VII, 534; Ser., 455).

linkis, liūkis, лтш. **licis** — 1. понижение или повышение поверхности (LKŽ, VII, 537); 2. долина (LKŽ, VII, 537); 3. залив (LKŽ, VII, 537); 4. излучина (LKŽ, VII, 537); 5. луг в излучине ручья (М-Е, II, 476); 6. локоть, колено (LKŽ, VII, 537).

liūgas, лтш. **luga, ļuga** — 1. небольшое болото (LKŽ, VII, 602; Vidugiris, Merkinė, 253); 2. загнивающее болото (DLKŽ, 431); 3. трясина, топь (LKŽ, VII, 602; Ser., 457); 4. грязь, тина, ил (LKŽ, VII, 602); 5. лужа (LKŽ, VII, 602; DLKŽ, 431); 6. вода, вытекающая из реки и остающаяся на лугу (LKŽ, VII, 602; Būga, II, 255); 7. колеблющаяся болотистая масса в заросших озерах (М-Е, II, 510); 8. мусс, желеобразная масса (М-Е, II, 510).

liūgynas — место, где стоят лужи воды или навозной жижи (LKŽ, VII, 603; DLKŽ, 431).

liūginas — грязь, илистое место (LKŽ, VII, 603; DLKŽ, 431).

liūgynė — 1. залитое водой место, где стоят лужи (LKŽ, VII, 603); 2. грязь, топкое место (LKŽ, VII, 603; DLKŽ, 431).

liūgnas — см. **liūgas**.

liūgnià — непроходимая трясина, болото (LKŽ, VII, 603).

liūlynas — 1. трясина, топь, болото (DLKŽ, 431; Ser., 457); 2. болотистый луг (DLKŽ, 431).

liūliuōklė — заглохшее болото, которое зыблется под ногами (Ser., 457; LKŽ, VII, 608).

liūnas, лтш. **ļūns** — 1. прогибающийся пласт мха в болоте или на заболоченном озере, зыбун (LKŽ, VII, 612; DLKŽ, 431); 2. глубокая грязь, трясина (LKŽ, VII, 612); 3. болотистое непро-

ходимое место (М-Е, II, 545); 4. закрытый водоем, поросший травой (Немченко, 172).

liūnià — трясина, зыбун, топь (LKŽ, VII, 614).

liūnynė — трясина, топь (LKŽ, VII, 614).

lyžis — глубокая яма, вымытая водой на пашне (LKŽ, VII, 634).

lobas — 1. низина, низинный луг (LKŽ, VII, 636; DAK; Būga, I, 298); 2. большая впадина (DAK); 3. ущелье (FrLEW, 383); 4. долина (LKŽ, VII, 636; Būga, I, 298; Vidugiris, Gaidė, 277); 5. русло реки (LKŽ, VII, 636); 6. лужа, небольшое болото (LKŽ, VII, 636).

lomà, лтш. **lāma** — 1. низина (LKŽ, VII, 645; М-Е, II, 438; DLKŽ, 433; DAK); 2. узкая длинная долина (DAK); 3. всякое углубление (LKŽ, VII, 645; Pisani, 19); 4. предгорье (DAK); 5. низко лежащий плохого качества луг (М-Е, II, 438); 6. низкое место на лугу (DAK); 7. самое низкое место на пашне, где весной очень сыро (DAK); 8. углубление на поле или лугу (М-Е, II, 438; DAK); 9. впадина (глазная, на щеке и т. п.) (LKŽ, VII, 645); 10. яма (DAK); 11. яма в форме желоба (LKŽ, VII, 645; DLKŽ, 433); 12. могильная яма (LKŽ, VII, 645; М-Е, II, 436); 13. лужа (М-Е, II, 438); 14. болото (DAK; Куркина, 143); 15. маленький пруд в лесу (М-Е, II, 438).

lōmė — 1. см. **lomà** 1; 2. небольшой лужок между лесами (LKŽ, VII, 646).

lovys, lōvis — 1. корыто реки (LKŽ, VII, 667; DLKŽ, 434); 2. различная домашняя утварь, имеющая форму корыта (LKŽ, VII, 667).

lūgas, lūgas — 1. заболотившийся рукав реки (LKŽ, VII, 671); 2. болото (LKŽ, VII, 671); 3. трясина, топь (LKŽ, VII, 671); 4. лужа (LKŽ, VII, 671); 5. пруд (LKŽ, VII, 671); 6. грязь, слякоть (на дороге, во дворе) (LKŽ, VII, 671); 7. яма в дне реки (LKŽ, VII, 671).

luistas — глыба, ком (DLKŽ, 434; LKŽ, VII, 675; Ser., 461).

luītas — см. **luistas**.

лтш. **ļūnis** — болото (М-Е, II, 545).

luīka — 1. морской залив (FrLEW, 357); 2. низко лежащий луг, заливаемый весной (FrLEW, 357).

lustas — см. **luistas**.

lustynė — место, равномерно покрытое комьями земли, снега (LKŽ, VII, 711; Ser., 461).

lutynas — 1. место, где много родников, источников; 2. болото; 3. глинистая лужа (FrLEW, 380).

лтш. **ļūvenis** — болотистое непроходимое место (М-Е, II, 545).

- lūžā** — 1. буреломный частый лес (LKŽ, VII, 715; DLKŽ, 436); 2. впадина в лесу (DLKŽ, 436).
- lūžtvē, lūžtvē** — 1. бурелом, буревал (LKŽ, VII, 720; DLKŽ, 436); 2. большое количество чего-нибудь, множество (LKŽ, VII, 720; DLKŽ, 436); 3. впадина в лесу (Ser., 461).
- lūžtvynē** — см. lūžtvē.
- mādaras** — 1. жидкая грязь (LKŽ, VII, 725; Skardžius, 725); 2. плохая работа (Ser., 461; LKŽ, VII, 725).
- māiva** — топкое болото (LKŽ, VII, 764; Ser., 463); 2. беспокойный человек (DLKŽ, 438).
- makalynē** — 1. жидкая грязь (LKŽ, VII, 768); 2. грубая, кое-как перемешанная еда (LKŽ, VII, 768); 3. путаница, беспорядок (LKŽ, VII, 768; DLKŽ, 439).
- makynē** — грязь, илистая почва (LKŽ, VII, 775).
- makytē** — грязь (на дороге, во дворе) (Skardžius, 356).
- maklynē** — грязь, слякоть (DLKŽ, 439; Ser., 463).
- maknýtē** — большая грязь, сильная слякоть (LKŽ, VII, 780).
- makōnē**, лтш. **makņa** — 1. жидкая грязь (LKŽ, VII, 781); 2. лужа (LKŽ, VII, 781); 3. болото (М-Е, II, 554; FrLEW, 399); 4. простая каша или какая-либо другая густая еда (LKŽ, VII, 781).
- mala**, лтш. **mala** — 1. земля, страна, край (М-Е, II, 555); 2. берег, край (LKŽ, VII, 788; М-Е, II, 555); 3. побережье (LKŽ, VII, 788).
- mārē, mārios, marēs**, лтш. **mare, maņa** — 1. море (LKŽ, VII, 862); 2. залив, песчаными дюнами отделенный от моря (LKŽ, VII, 862; DLKŽ, 443; М-Е, II, 563); 3. большое количество, множество (LKŽ, VII, 862; DLKŽ, 443).
- лтш. **mārks** — 1. пруд, в котором вымачивают лен (М-Е, II, 584); 2. маленький пруд на лугу (М-Е, II, 584; Куркина, 143).
- mařmalas, marmālas** — 1. жидкая грязь (LKŽ, VII, 869); 2. место стока нечистот (LKŽ, VII, 869; Machek, 170); 3. болотистый лесок (LKŽ, VII, 869); 4. шум (LKŽ, VII, 869); 5. что-то собранное, сбитое в одно место (LKŽ, VII, 869); 6. простая еда, похлебка (LKŽ, VII, 869); 7. тряпка, ветошь (LKŽ, VII, 869); 8. быстро и неразборчиво говорящий человек (LKŽ, VII, 869).
- marmālē** — 1. большая глубокая грязь (Machek, 170; LKŽ, VII, 869); 2. простая грубая похлебка (LKŽ, VII, 869).
- marmalynas** — 1. большая грязь (LKŽ, VII, 869); 2. болото, поросшее лесом (LKŽ, VII, 869); 3. разварившаяся еда (LKŽ, VII, 869); 4. кишащая куча; множество (LKŽ, VII, 869).

- marmalynē** — 1. вязкое болото (LKŽ, VII, 870; DLKŽ, 444); 2. глубокая грязь (LKŽ, VII, 870; DLKŽ, 444); 3. болотистый лесок (LKŽ, VII, 870); 4. влажное место (LKŽ, VII, 870); 5. простая похлебка (LKŽ, VII, 870); 6. шум, гвалт (LKŽ, VII, 870).
- mauraī, mauras** — 1. ряска (LKŽ, VII, 939); 2. мягкий и вязкий ил (LKŽ, VII, 939); 3. грязь (LKŽ, VII, 939; Būga, I, 469); 4. хлам (LKŽ, VII, 939); 5. никчемный человек (LKŽ, VII, 939).
- mēdē** — лес, роща (LKŽ, VII, 983; Эккерт, 62).
- mēdis**, лтш. **mežs** — 1. дерево (LKŽ, VII, 988; М-Е, II, 611); 2. лес, роща (LKŽ, VII, 988—989; М-Е, II, 611).
- mēdžias** — 1. дерево (LKŽ, VII, 996); 2. лес, роща (LKŽ, VII, 996; DLKŽ, 452; Vidugiris, Dieveniskės, 192; Būga, II, 257).
- лтш. **mežaine** — лесной массив (М-Е, II, 609).
- лтш. **mežmala** — опушка леса (М-Е, II, 610).
- лтш. **mežuotne** — 1. лесной массив, дремучий лес (М-Е, II, 609).
- mīškas** — лес, бор (LKŽ, VIII, 288; DLKŽ, 469—470).
- mīškīnas** — небольшой лес, кустарник (LKŽ, VIII, 289).
- mīškynas** — лесистая местность, сплошные леса (Ser., 483).
- modas** — 1. болото; 2. грязь, образовавшаяся высыхающей водой (FrLEW, 462).
- mólabeledis** — 1. яма, из которой выкапывают глину (LKŽ, VIII, 334; DLKŽ, 473); 2. напня рядом с такими ямами (LKŽ, VIII, 334).
- mólduobē** — яма, из которой выкапывают глину, часто залитая водой (LKŽ, VIII, 335).
- mōlas**, лтш. **mols** — мол, дамба (LKŽ, VIII, 334).
- molynas** — 1. место, где копают глину (LKŽ, VIII, 335; DLKŽ, 473); 2. глинистая земля, почва (LKŽ, VIII, 335; DLKŽ, 473).
- molynē** — глинистое место, глинистая почва (Ser., 485).
- лтш. **mugura** — 1. гребень горы (М-Е, II, 661); 2. спина (М-Е, II, 661).
- лтш. **muklaīne, muklājs** — болотистое место, зыбун (М-Е, II, 663).
- muklynē** — глубокая грязь, топь (Ser., 487).
- лтш. **muklums** — болотистое место (М-Е, II, 663).
- mūlas** — 1. илистый осадок на дне реки, озера, пруда (LKŽ, VIII, 400); 2. невареное мучное пойло (LKŽ, VIII, 400).
- muļdē** — 1. жидкая грязь, болото (LKŽ, VIII, 401); 2. перемешанная глина для обмазывания чего-либо (LKŽ, VIII, 401).
- muļvas** — грязь (LKŽ, VIII, 404; Būga, I, 466).
- muļvē** — 1. тина, ил (LKŽ, VIII, 404; Ser., 487); 2. грязь, вязкая, топкая, прилипающая к ногам земля (LKŽ, VIII, 404;

DLKŽ, 478); 3. болото (FrLEW, 474); 4. родник, источник (FrLEW, 471).

mulvynas, mulvyné — 1. илистое место (DLKŽ, 478; Ser., 487); 2. грязь, слякоть, болотистая земля (LKŽ, VIII, 405; DLKŽ, 478).

muōla — осевшая муть, грязь, слизь (LKŽ, VIII, 409); 2. (бранное) черт (Lipskienė, 197).

murainė — сырая, размокшая земля (LKŽ, VIII, 411).

mūras — размокшая земля, грязь (Būga, I, 469; Skardžius, 27).

лтш. **muŗdi** — 1. минеральный источник (М-Е, II, 668); 2. неразборчивая речь (М-Е, II, 668).

murdynas — тонкое место (LKŽ, VIII, 412; Ser., 487).

лтш. **murga** — 1. лужа (М-Е, II, 669); 2. неопрятное существо (М-Е, II, 669).

murmalynė — болото на месте бывшего озера (LKŽ, VIII, 425).

mutulys, лтш. **mutulis** — 1. ключ, родник (М-Е, II, 676);

2. водоворот (М-Е, II, 676); 3. волпа, образуемая кипящей водой (LKŽ, VIII, 486); 4. толпа (М-Е, II, 676); 5. неразборчиво говорящий человек (М-Е, II, 676).

narà — поток (LKŽ, VIII, 538).

narà, nāras — нора, пещера (LKŽ, VIII, 538, 539).

nāras — 1. место, где очень грязно; 2. сустав (Skardžius, 27).

nemunai — 1. весенний разлив воды (DLKŽ, 492); 2. большая вода (LKŽ, VIII, 531).

nėmunas — 1. весенний разлив воды (LKŽ, VIII, 653); 2. река вообще (FrLEW, 493).

न्द्रynas — 1. пространство, поросшее тростником (LKŽ, VIII, 533); 2. тростниковые заросли (Ser., 501).

nerija, лтш. **nerija** — узкая длинная песчаная отмель в море вдоль берега (LKŽ, VIII, 674; Ser., 505; DLKŽ, 494; L-kr. v., 428).

nėšmenys — наносы, выброшенные потоком воды (LKŽ, VIII, 716; DLKŽ, 496).

лтш. **nica** — «место ниже по течению» (Дамбе, 132).

nudubimas — углубление, яма, впадина (Ser., 522).

лтш. **nuōgāza** — крутой обрыв, косягор (М-Е, II, 784).

лтш. **nuōgruōba** — крутой резкий обрыв в реке, озере (М-Е, II, 787).

nuogumà — голое, обнаженное место (Ser., 542; LKŽ, VIII, 928).

nuokalnė, лтш. **nuōkalne** — 1. склон горы (LKŽ, VIII, 930; М-Е, II, 793); 2. низкое место, подошва горы (ДАК).

nuolaidumà, лтш. **nuolaidenums** — покатое место, склон горы (LKŽ, VIII, 934; Ser., 542).

лтш. **nuōra** — 1. необрабатываемый участок земли, служащий пастбищем (М-Е, II, 836); 2. край поля (М-Е, II, 836).

nuotaka — 1. покатый луг, по склону которого бежит вода (LKŽ, VIII, 963); 2. маленький луг на поле, один конец которого выше другого (Skardžius, 443); 3. луг, со всех сторон окруженный горами (FrLEW, 512).

nuotakas, лтш. **noteca** — 1. бассейн реки, озера, моря (LKŽ, VIII, 963); 2. сточная яма (М-Е, II, 872).

nuotakumà — наклонное, покатое место, склон (LKŽ, VIII, 964; DLKŽ, 512).

nuovalys — возвышение земли, пространство, более возвышенное, чем окружающее место; возвышенная полоса луга (LKŽ, VIII, 970; Ser., 544).

olà, лтш. **ala** — 1. нора, пещера (LKŽ, VIII, 1000; М-Е, I, 66); 2. берег, в котором много выдолбленных отверстий (М-Е, I, 66).

olynas — ряд пещер, пещерная область (Ser., 577).

paaikštys — место вокруг поляны (Ser., 579).

paantkrantė — пространство вдоль края берега (LKŽK).

paantvalnys — место при возвышенной полосе луга у самой низины (Ser., 579; DLKŽ, 523; LKŽK).

лтш. **paaūgstinājums** — возвышение, выпуклое место (М-Е, III, 4).

pabalė — край болота (Skardžius, 452).

pabaliai — местность, лежащая около болота (LKŽK).

pabalynas, pabalynė — см. **pabalys**.

pabalys — 1. берег, край болота (DLKŽ, 523); 2. влажный приболотный луг (LKŽK); 3. приболотная залежь (LKŽK); 4. пространство между лугом и болотом (LKŽK); 5. край поля (LKŽK); 6. возвышенность, сухой луг у болота (LKŽK); 7. ложбина (LKŽK); 8. уединенное место (LKŽK).

padaubys — 1. место вдоль оврага (DLKŽ, 525; Ser., 584); 2. подножие горы (LKŽK).

padirvys — возвышенная полоса луга около самого поля (DLKŽ, 526).

paduobys — край ямы (LKŽK, Ser., 588).

paezerė — 1. пространство вдоль озера (DLKŽ, 526); 2. луг около озера (LKŽK).

pagirys — 1. опушка леса (LKŽK); 2. луг около леса (DLKŽ, 528).

pagrabys — край рва (LKŽK).

pagriovė — место у рва, канавы, оврага (Ser., 595).

pagriovys — овраг (Ser., 595).

pagūbrė — место вокруг кочки (Ser., 595).

pajáurė — 1. место вокруг тонкого болота (Ser., 598); 2. неплодородная болотистая земля (LKŽK); 3. нива около болота (Skardžius, 452).

pajūris — побережье моря (DLKŽ, 530; LKŽK; Ser., 599).

pakalnė, лтш. **pakalne, pakalns** — 1. подножие горы (DLKŽ, 531; M-E, III, 38); 2. склон горы (DLKŽ, 531; DAK); 3. небольшая гора (DAK; M-E, III, 38); 4. долина (LKŽK).

pakalvė, pakalvys — место у холма, подножие холма (Ser., 600; LKŽK).

pakylà — 1. возвышенное место (DLKŽ, 532); 2. вершина горы (LKŽK); 3. веревка, с помощью которой ведут лошадь под гору (LKŽK).

pakilumà — возвышенное место (DLKŽ, 532; Ser., 603).

paklanė — пространство вокруг лужи (LKŽK).

paklonė — пространство вокруг долины (Ser., 605).

pakrântė — 1. пространство земли вдоль реки, озера, моря, край берега (DLKŽ, 533; Ser., 607; LKŽK); 2. поросшая травой обочина дороги, поля (LKŽK); 3. нора, яма в склоне горы (LKŽK).

pakraštys, лтш. **pakraste** — 1. пространство вдоль берега (LKŽK; DLKŽ, 533); 2. пространство под берегом (M-E, III, 47); 3. береговой откос (M-E, III, 47); 4. река у самого берега (LKŽK); 5. опушка леса; 6. отдаленное место (DLKŽ, 534); 7. подпушка одежды (LKŽK).

pakriáunė — крутой обрыв, склон (LKŽK).

pakriáušė — 1. крутой берег реки или оврага (LKŽK); 2. край обрыва, берега (DLKŽ, 534; LKŽK); 3. место под обрывом (DLKŽ, 534; LKŽK); 4. берег, подмытый водой (LKŽK); 5. углубление, обвал, нора (LKŽK); 6. возвышенное место, где пашня соединяется с лугом (LKŽK); 7. земляная крыша (LKŽK).

pakriúte — 1. подмытый водой обрушившийся берег (DLKŽ, 534; LKŽK); 2. крутой склон (DLKŽ, 534; Ser., 608; LKŽK); 3. крутая гора (LKŽK); 4. небольшое ущелье, обрыв (LKŽK); 5. глубокое место в реке под берегом (DAK); 6. пространство вдоль берега реки или края оврага (LKŽK).

pakrūmė — пространство возле кустов (Skardžius, 452).

pakūdrė, pakūdrys — место у пруда (Ser., 608; DLKŽ, 534).

pakupstė — место вокруг кочки (LKŽK; Ser., 609).

palajà — 1. скользкое место, залитое замерзшей водой (LKŽK); 2. распутица, бездорожье (LKŽK).

palajys — берег, побережье (LKŽK).

palaukė — 1. пространство вдоль края поля (DLKŽ, 536; Ser., 611; LKŽK); 2. опушка леса (LKŽK); 3. пространство между

полем и лесом, поросшее кустарником (LKŽK); 4. лес вдоль поля (LKŽK).

лтш. **palce** — 1. дождевой ручей (M-E, III, 57); 2. место купания лошадей (M-E, III, 57).

palejys, лтш. **palejs, paleja** — 1. берег реки (LKŽK); 2. низменность, долина (M-E, III, 58); 3. трава *mentha pulegium* (M-E, III, 58).

лтш. **palėpene** — болотистый берег моря (M-E, III, 59).

лтш. **palėvene** — 1. зыбкое топкое место в болоте (M-E, III, 59); 2. обрывистый край берега (M-E, III, 59).

palėknis — место у болотистого луга (Ser., 613).

лтш. **paliene** — пойма реки (L-kr. v., 491).

palinkė, palínkė — 1. залив (LKŽK); 2. долина, пространство под горою (LKŽK, DAK); 3. огромное пространство земли (DAK).

palios, лтш. **paļi, pašas** — 1. обмелевшее озеро (DLKŽ, 577; Ser., 614; LKŽK); 2. обширные болотистые пространства (LKŽK); 3. болото, поросшее небольшими кустами (LKŽK); 4. болотистый берег моря (M-E, III, 56).

palóbe — 1. подножие горы (LKŽK); 2. долина, углубление между двумя горами (LKŽK, DAK); 3. покато место (LKŽK).

palómis — 1. пологое, покато место (LKŽK); 2. пространство вдоль низины (DLKŽ, 537); 3. долина (LKŽK); 4. низинное место (LKŽK); 5. небольшой пойменный лужок (DAK).

лтш. **paĩts, paĩte** — лужа, дождевой поток (M-E, III, 63).

pamarys — морское побережье (DLKŽ, 538).

лтш. **pamėde** — изгиб реки, залив (M-E, III, 70).

pamiškė, pamiškys — пространство вдоль леса (DLKŽ, 539; LKŽK).

лтш. **paņa, pane** — лужа (M-E, III, 78).

paniáuga — 1. яма, выбитая в дне реки (DLKŽ, 541); 2. яма на берегу (LKŽK).

panúovalis — 1. отлогий край луга при самой ниве (DLKŽ, 541; LKŽK); 2. пространство между нивой и лугом (LKŽK); 3. место под горою (LKŽK); 4. луг около нивы или болота (LKŽK); 5. берег озера (LKŽK); 6. луг на берегу озера (LKŽK); 7. высокий край луга или берег болота (LKŽK); 8. глубокое место в озере или реке, яма на мелком месте (LKŽK); 9. высокий край дороги (LKŽK); 10. неровность на дороге (LKŽK); 11. крутой откос, обрыв (LKŽK).

papėlkis — пространство вдоль болота (DLKŽ, 541; LKŽK).

papėvis — 1. край луга (DLKŽ, 541; LKŽK; Ser., 623); 2. оставленная пашня, превратившаяся в луг (LKŽK).

rapušynė, rapušinys — пространство вдоль хвойного леса (DLKŽ, 543).

paraistė — место у болотистого леса (Ser., 626).

parauga, pariauga — яма со ржавой водой (LKŽK; Ser., 630).

лтш. **pārupe** — пространство за рекой (М-Е, III, 184).

лтш. **pāržmauga** — перешеек в поле, на лугу; горный перевал (М-Е, III, 189).

pasalys — край острова (LKŽK).

pasiutā — 1. откос на санной дороге, хорошо раскатанная дорога (LKŽK; DLKŽ, 549; Ser., 640); 2. выбитое колесами углубление на дороге (DLKŽ, 549); 3. пространство вдоль котловины (LKŽK); 4. склон, откос (LKŽK).

paskardė, paskardys — место на склоне, откосе (LKŽK).

pasklánda — 1. скользкий откос на санной дороге (DLKŽ, 552; Ser., 656); 2. глубокая колея дороги, выбитая яма (LKŽK); 3. отлогое, пологое место (LKŽK).

paskliúnda — 1. см. pasklánda 1; 2. скользкий склон (LKŽK).

paslenė, paslėnys — 1. пространство вдоль долины (DLKŽ, 553); 2. котловина, долина (LKŽK).

pāšaltinis, pašaltinys — 1. место около родника (LKŽK; Ser., 662); 2. влажное место, холодная почва (LKŽK).

pašilė, pašilys — пространство вдоль хвойного леса (DLKŽ, 556; LKŽK).

pašláistė — 1. влажное место (Skardžius, 331); 2. влажный луг (LKŽK); 3. низкое место на пашне (LKŽK).

pašlaistys — равнина между горами (LKŽK).

pašlaitė — 1. пространство вдоль косогора, пологое место (DLKŽ, 557; Ser., 664; LKŽK); 2. пространство под горою, поросшее кустами и деревьями (LKŽK); 3. подошва горы (Ser., 664; LKŽK); 4. впадина, углубление в земле (LKŽK); 5. крутой берег реки (LKŽK).

patrakė — пространство вдоль вырубок в лесу (LKŽK).

лтш. **paūgurs, paūgure, paūguris** — 1. небольшой безлесный холм (М-Е, III, 127); 2. горный хребет (М-Е, III, 127); 3. гребень крыши (М-Е, III, 127).

paulys — место вокруг скалы (Ser., 671; LKŽK).

paupė, paupys — пространство вдоль реки (DLKŽ, 562; Ser., 672; LKŽK).

pavandenys — пространство около воды (DLKŽ, 563; LKŽK); 2. поток (LKŽK); 3. наводнение (DLKŽ, 563; LKŽK).

pavėrsmis — 1. никогда не высыхающее место, богатое родниками (DLKŽ, 564; LKŽK); 2. пучина, водоворот (Ser., 674); 3. родник, источник (LKŽK).

pažiotys — пространство возле устья реки (Ser., 678).

pėlkė, лтш. **pelce, pelke** — 1. болото (DLKŽ, 569; LKŽK); 2. торфяное болото (LKŽK); 3. лужа (М-Е, III, 194; ДАК; LKŽK); 4. черт (LKŽK); 5. полынья, прорубь (Urbutis, 67; Толстой, 146); 6. ложбина, углубление (Urbutis, 67); 7. мокрый луг (LKŽK).
О других значениях этого балтизма в белорусских, украинских и русских говорах см.: Толстой, 145—157.

pelkiāmiškis — болотистый лес (LKŽK).

pelkiāpievė — болотистый луг (LKŽK).

pelkiāvietė — болотистое место (LKŽK).

pelkynas — 1. место, где много болот (DLKŽ, 569); 2. большое болото (LKŽK).

perejá — 1. узкое, труднопроходимое место (LKŽK); 2. горный перевал (LKŽK); 3. вырубленная в лесу линия (LKŽK).

pėrkalnė — 1. горный перевал (Ser., 686); 2. горный хребет (LKŽK).

pėrkasas — 1. ров, канал, канава (DLKŽ, 574; LKŽK); 2. яма, вырытая на мелком месте озера для ловли рыбы (DLKŽ, 574).

pėrvalkas — волок (DLKŽ, 577; LKŽK).

piāunys — 1. сенокосное болото (DLKŽ, 579); 2. кустарник на болоте (DLKŽ, 579); 3. болото, поросшее кустами (LKŽK); 4. яма, в которой весной и осенью стоит вода (DLKŽ, 579); 5. безлесное пространство, поляна в лесу (LKŽK); 6. неглубокий ручей, текущий через луг (LKŽK).

лтш. **piėgāza** — откос, покатый склон (М-Е, III, 250).

лтш. **piejūra** — 1. морское побережье (М-Е, III, 254); 2. дорога вдоль берега (М-Е, III, 254).

лтш. **piėkalne** — склон горы, подгорье (М-Е, III, 254).

лтш. **piėkraste** — побережье (М-Е, III, 259).

лтш. **pieteka** — приток реки (L-kr. v., 554).

pieva — луг (DLKŽ, 581; LKŽK).

pievėkštė — небольшой луг с травой невысокого качества (LKŽK).

pievynas — степь, массив лугов (LKŽK).

pievėkšnis — 1. небольшой луг, в частности, между пивами (LKŽK); 2. скудный луг (LKŽK).

лтш. **pika** — ком (М-Е, III, 212).

pikas — острая вершина горы (LKŽK).

pylimas — вал, насыпь, плотина (DLKŽ, 583; Otrębski, II, 160).

pilvė — «непроходимое болотистое место, где с каждым шагом увязает по горло» (Gerullis, Stang, 63).

piovà, лтш. **plava** — луг (DLKŽ, 568; М-Е, III, 367).

plaiša, лтш. **plāisa** — трещина, щель (LKŽK; Ser., 707; M-E, III, 315).

лтш. **plakankalne** — плоскогорье (L-kr. v., 561).

plaņkumas — 1. поляна в лесу, просека (LKŽK); 2. площадь, кусок, часть (LKŽK).

pleiké, лтш. **pleiks** — голое место (DLKŽ, 593; Vidugiris, Gaidés, 277; Būga, II, 516); 2. выкопанный луг (FrLEW, 611); 3. лысина (M-E, III, 334).

pleinē — безлесная равнина (Būga, I 599).

plénta, **pléntas** — 1. дно, глубь (LKŽK); 2. дорога, мощеная мелкими камешками (LKŽK); 3. шоссе, дорога (Немченко, 172).

plēšinys — 1. вспаханная нива (DLKŽ, 595); 2. вырубленное место в лесу (FrLEW, 612).

plikakalnīs — голая без деревьев гора (LKŽK; Ser., 712).

pliké — 1. пустое, незаросшее место (LKŽK); 2. голый луг, неурожайное поле (FrLEW, 623); 3. редкое место в лесу; 4. лысина (LKŽK).

plikpelké — болото, на котором растет плохая трава (LKŽK).

pliksnā — голое, выжженное место на лугу (LKŽK; DLKŽ, 598).

plikšalas, лтш. **plikšala** — 1. смерзшиеся комья земли (LKŽK); 2. снег с дождем (LKŽK; M-E, III, 344).

plikumā — голое, незаросшее место (LKŽK).

plýnakalnīs — плоскогорье (LKŽK; Ser., 712).

plýnakraštis — 1. безлесный край (Ser., 712; LKŽK); 2. плоскогорье (LKŽK).

plýnaukštē — ровная без растительности возвышенность, плато (LKŽK).

plīndza — 1. голое место, трудно обрабатываемая глинистая земля (LKŽK); 2. голый холм, на котором ничего не растет (FrLEW, 624).

plýné, лтш. **plienes**, **plieņi** — 1. ровное безлесное пространство (DLKŽ, 598; LKŽK); 2. известняковое плато (M-E, III, 351); 3. болото, поросшее кустарником (LKŽK); 4. непроходимое болото (LKŽK; DLKŽ, 598); 5. небольшое болото (LKŽK); 6. черт (LKŽK).

plýnia — 1. поляна в лесу (LKŽK); 2. ровное безлесное пространство (LKŽK); 3. пустынное место (LKŽK); 4. болото в лесу (LKŽK); 5. торфяное болото (LKŽK); 6. торфяная яма (LKŽK); 7. бывший торфяник, заросший кустарником (LKŽK); 8. болотистое, мшистое место, на котором растут деревья (LKŽK); 9. небольшой луг (LKŽK); 10. черт; 11. чибис.

plynumā — 1. гладкое, чистое (не заросшее и не застроенное место) (Ser., 713); 2. пустыня (LKŽK).

pliūrē, лтш. **plūra** — 1. жидкая грязь (LKŽK; M-E, III, 372); 2. лужа (FrLEW, 627); 3. жидкая каша (LKŽK).

plokščiākalnīs — 1. гора с плоской вершиной (LKŽK); 2. плоскогорье (Ser., 714).

plotmē — 1. ровное плоское место (в том числе луг, поле) (DLKŽ, 601; LKŽK); 2. пустое голое место (в частности, поляна в лесу) (LKŽK).

plotmenā — широкое ровное пространство, плато, плоскогорье (Ser., 715).

plovā — 1. моховое болото (LKŽK); 2. зыбун (LKŽK); 3. ил (LKŽK); 4. болотистый луг около озера (LKŽK); 4. вязкий топкий берег, поросший осокой (LKŽK); 5. илистый пруд (LKŽK); 6. зарастающее озеро (LKŽK); 7. осколок, обломок (DLKŽ, 601).

plovē — щербина, выбоина (Ser., 715).

лтш. **plūna** — 1. углубление на дороге, залитое водой (M-E, III, 372); 2. жидкая грязь (M-E, III, 372).

лтш. **plūnci** — 1. небольшое болото (M-E, III, 372); 2. разлив реки (M-E, III, 372).

лтш. **plūtas** — жидкая грязь (M-E, III, 374).

лтш. **plūsma** — поток воды (M-E, III, 363).

plūtis — полынья, прорубь (LKŽK; Ser., 716).

pragarmē — 1. бездна, пропасть (DLKŽ, 612; Ser., 722); 2. ад (Ser., 722).

pragorē — бездна, пропасть (Ser., 723).

pragraužā — выбитое, вымытое место в реке (Ser., 723; DLKŽ, 612).

pramugā — 1. яма, выбитая на дороге и заполнившаяся грязью (LKŽK; Арашонкава и др., 126); 2. вырубленное для проезда место в лесу (Арашонкава и др., 126); 3. щель (LKŽK).

praperšā — 1. полынья (DLKŽ, 614; LKŽK); 2. пропасть (LKŽK); 3. прогалина (Ser., 727).

prapleikē — прогалина в лесу, перелесок (Ser., 728).

prarajā — 1. пропасть, бездна (DLKŽ, 615); 2. топкое место (DLKŽ, 615; LKŽK); 3. впадина на дороге (LKŽK); 4. полынья (LKŽK); 5. отвалившийся кусок земли (LKŽK).

praskinā — просека (DLKŽ, 615; Ser., 732).

prasravā — 1. полынья (LKŽK); 2. незамерзшее место в озере (LKŽK); 3. родник, ключ (LKŽK).

prasúkas — выбитая на дороге яма, колея (DLKŽ, 615; Ser., 734).

prašutimai — место в болоте, реке, озере, где зимой вода не замерзает (Ser., 734).

prāvaras — 1. глубокая яма в болоте (DLKŽ, 617); 2. небольшая, но глубокая яма на дороге (LKŽK); 3. узкий проход для скота между усадьбами (LKŽK); 4. предбанник (LKŽK).

priejūris — залив, приморье (Ser., 741).

prėkrantė — место около берега, побережье (DLKŽ, 621).

лтш. **prėkškálne** — предгорье (М-Е, III, 395).

priemiškis — пространство перед лесом (Ser., 742).

prėškálne — 1. склон, косогор (DLKŽ, 624); 2. предгорье (Ser., 741); 3. небольшое возвышение пашни (DAK).

próguma — просека, редизна в лесу (Ser., 764).

prótaka — протока (DLKŽ, 633; Ser., 768).

próperša — 1. полынья (DLKŽ, 632; LKŽK); 2. топкое и илистое место в болоте (LKŽK); 3. редизна, редкое место в лесу (DLKŽ, 632); 4. неглубокое место в реке с быстрым течением (LKŽK); 5. просвет между облаками (LKŽK).

prórėtmė — редизна в лесу (DLKŽ, 632).

próšvaistė — 1. просвет, редизна в лесу (DLKŽ, 633); 2. просвет между облаками (DLKŽ, 633).

prūdas — 1. пруд (LKŽK); 2. небольшое озеро (LKŽK); 3. запруда в реке (LKŽK); 4. выкопанная яма (LKŽK); 5. торфяные разработки (LKŽK).

лтш. **puōpiėne** — болото (М-Е, III, 457).

лтш. **puōsts** — пустыня (М-Е, III, 459).

лтш. **purmala** — берег, край болота (М-Е, III, 418).

purvābrydis — жидкая грязь на дороге, распутица (Ser., 772).

лтш. **purvaĩne** — болотистое место (М-Е, III, 420).

лтш. **pūrvājs** — болото, болотистый ландшафт (М-Е, III, 420).

puĩvas, лтш. **pūrvs** — 1. влажная, размокшая от воды грязь (DLKŽ, 640; LKŽK); 2. болото (М-Е, III, 421); 3. возвышенное место (LKŽK); 4. множество (LKŽK); 5. промежуток времени, когда стоит грязь (LKŽK).

лтш. **purveklis** — болотистое место (М-Е, III, 420).

purvynas, purvynė — место, где много грязи (DLKŽ, 640).

лтш. **puržava** — высохшая лужа на болотистом месте (М-Е, III, 421).

pūsiāsalis, pussalis, лтш. **pussala** — полуостров (DLKŽ, 641).

pūsiāsalis — середина острова (Ser., 773).

лтш. **pūsts** — глухой болотистый лес (М-Е, III, 451).

pūščiā — 1. пустыня (Ser., 776; LKŽK); 2. место, где ничего не растет; 3. дремучий лес (LKŽK).

pūšynė — пространство, поросшее сосной (Ser., 776).

putrā лтш. **putra** — 1. каша, мучная похлебка (LKŽK; М-Е, III, 442); 2. кашеобразная грязь.

rāgas, лтш. **rags** — 1. пространство земли, вдающееся в море, озеро или в лес (DLKŽ, 648; М-Е, III, 465); 2. вершина горы или скалы (М-Е, III, 465); 3. рог у животного (DLKŽ, 648; М-Е, III, 465); 4. сосуд для питья, музыкальный инструмент (DLKŽ, 648; М-Е, III, 465).

raguvā — 1. небольшое углубление (LKŽK; DAK; DLKŽ, 648); 2. вымытая водой яма (DLKŽ, 648); 3. глубокая яма в реке (на повороте); 4. глубокая выбитая яма на проезжей части дороги (DLKŽ, 648; LKŽK); 5. овраг (Ser., 778); 6. глубокий овраг с крутыми склонами (LKŽK); 7. ущелье (LKŽK); 8. узкая глубокая долина (LKŽK); 9. небольшая лощина между горами (LKŽK); 10. узкий проход (LKŽK); 11. дорога по откосу горы, ущелья (Būga, I, 479); 12. влажная долина реки; 13. крутая отвесная гора, склон горы (LKŽK); 14. высокое место (DAK).

лтш. **rāja** — стоячая гнилая железистая вода в низких местах (М-Е, III, 495).

raĩstai — болотистые пространства, покрытые кустарником (Būga, I, 308).

raĩstas — 1. болото (LKŽK); 2. болото, поросшее деревьями или кустарником (DLKŽ, 649; LKŽK; Ser., 778); 3. кочкарное болото, поросшее кустарником, заливаемое во времена водой (LKŽK); 4. влажное место (LKŽK); 5. большое болото (LKŽK); 6. болотистая местность (LKŽK); 7. болотистое место в лесу (LKŽK); 8. болотистый лесок (Ser., 778; LKŽK); 9. большой влажный лес (LKŽK); 10. небольшой, но густой и болотистый лес (LKŽK); 11. открытое пространство (LKŽK); 12. лес, среди которого находятся луг или пашня (LKŽK); 13. непригодная для обработки земля (LKŽK); 14. влажный луг, непригодный для сенокосения (LKŽK); 15. болотистый луг (LKŽK); 16. луг (LKŽK); 17. довольно сухой, поросший кустарником луг (LKŽK).

raĩstynas — лесистая и болотистая местность (DLKŽ, 649; Ser., 778).

raĩstinė, raĩstynė — 1. поросшее кустами болото (LKŽK); 2. болотная трава низкого качества (LKŽK); 3. беспорядок (LKŽK); 4. домашняя водка (LKŽK).

лтш. **randa, raĩda** — углубление на поле или в лесу, куда стекается вода (М-Е, III, 477).

rankóvė — 1. морской пролив (LKŽK); 2. узкая полоска земли (LKŽK); 3. рукав одежды (DLKŽ, 654).

raslūgas — глубокая борозда; углубление, рытвина (LKŽK).

raūsis — 1. вырытая яма (DLKŽ, 660); 2. беспорядок.

лтш. **rava** — 1. риф (М-Е, III, 491); 2. песчаная отмель в море (М-Е, III, 491).

лтш. **rāva, rāva** — 1. глубокое место в море (М-Е, III, 497); 2. водопад (М-Е, III, 497); 3. быстрина (М-Е, III, 497); 4. трещина, щель (М-Е, III, 497).

rāvas — 1. ров, овраг (LKŽK); 2. канава, ров, полный воды (LKŽK); 3. небольшая река (LKŽK); 4. глубокий овраг (LKŽK); 5. длинный овраг с крутыми склонами, поросший деревьями (LKŽK); 6. небольшая невысокая гора продолговатой формы (LKŽK); 7. пространство между двумя очень близко расположенными горами (LKŽK).

ražā лтш. **ruōza** — 1. цепь холмов в лесу (М-Е, III, 585); 2. цепь возвышенностей на болоте (М-Е, III, 585); 3. горная цепь (М-Е, III, 585); 4. возвышенность на равнине (М-Е, III, 585); 5. холм, пригорок (М-Е, III, 585); 6. пригорок в сосновом лесу; сухое место в сосновом лесу (М-Е, III, 585); 7. небольшой луг между полями (М-Е, III, 585); 8. небольшой ручей между полями (М-Е, III, 585); 9. небольшой луг в лесу (М-Е, III, 585); 10. узкая полоска земли (М-Е, III, 585); 11. узкая и возвышенная полоса земли, образующая границу, межу (М-Е, III, 585); 12. ряд; куча (М-Е, III, 585); 13. открытое место в лесу (М-Е, III, 585); 14. хвойный лес (М-Е, III, 585); 15. низменность (М-Е, III, 585); 16. овраг (М-Е, III, 585); 17. углубление (М-Е, III, 585); 18. узкое углубление между двумя возвышенностями (М-Е, III, 585).

лтш. **renda** — низко расположенное болото (М-Е, III, 511).

лтш. **renge** — 1. извилистый овраг (Дамбе, 131); 2. салака (Дамбе, 131).

rešmē — 1. редкий лес (DLKŽ, 669); 2. поляна среди леса (LKŽK).

rētymé — 1. редкое место в лесу (LKŽK; DLKŽ, 670); 2. небольшой луг среди леса (LKŽK).

rētymēs — перелесок (LKŽK).

retmē — редкое место в лесу, редколесье (LKŽK; DLKŽ, 670).

rētmīškis — редкий лес (DLKŽ, 670).

rēvā — 1. порог в реке (DLKŽ, 671; LKŽK); 2. мелкое место в реке (LKŽK); 3. возвышенность среди болот (LKŽK); 4. утес (LKŽK).

revas — 1. овраг (LKŽK); 2. широкий овраг (LKŽK); 3. глубокое место, выбитое в реке или ручье (LKŽK).

reve, лтш. **reve** — песчаная отмель в море (Лаумане — Непокупный², 200).

riāva — см. **rāvas**.

riedulys — громадный валун (Ser., 791; LKŽK).

rieva, rievā, лтш. **riēva** — 1. скала, утес в море (LKŽK);

2. отвесная крутая гора (LKŽK); 3. подводная скала (LKŽK); 4. песчаная отмель в воде (LKŽK); 5. песчаная дюна (LKŽK); 6. пережат реки, пороги в реке (LKŽK, Ser., 790); 7. возвышенное сухое место на болоте или на лугу, где пасут коров (LKŽK); 8. остров на болоте (LKŽK); 9. небольшое пространство земли, островок (LKŽK); 10. возвышенное место в сосновом лесу (DAK); 11. поле между болот (LKŽK); 12. небольшое пространство пахотной земли на лугу (LKŽK); 13. луг (LKŽK); 14. межа (LKŽK); 15. расселина в камнях (FrLEW, 692); 16. щель, щель в стволе дерева (М-Е, III, 550); 17. углубление (М-Е, III, 550); 18. морщина (М-Е, III, 550); 19. борозда (М-Е, III, 550).

rinā, rinē, лтш. **rine, rene** — 1. желоб, канавка (FrLEW, 735); 2. узкая полоска луга, тянущаяся между полями (М-Е, III, 528); 3. искусственный ручей (LKŽK).

rova, лтш. **rāva** — 1. наносы на лугу после половодья (М-Е, III, 497); 2. застоявшаяся вода с железистой пленкой (М-Е, III, 497); 3. болотистое место с застоявшейся водой (М-Е, III, 497); 4. лужа (М-Е, III, 497); 5. болотистая почва (М-Е, III, 497); 6. ржавчина (М-Е, III, 497).

лтш. **rova** — место в море, где каменистое дно и где рыба мечет икру (М-Е, III, 551—552).

лтш. **rūcis** — 1. ручей; 2. топкое место в лесу (Брейдак, 22).

rūdiņa — 1. ржавое болото (Ser., 799); 2. болотистое место с родниковой почвой, на поверхности которой блестит железистый налет (LKŽK).

rūdyņas — 1. ржавое болото (Ser., 799; LKŽK); 2. большой овраг на лугу со ржавой водой (LKŽK); 3. ржавчина (LKŽK).

rūdymē — 1. ржавое болото (LKŽK); 2. луг или болото, на котором много родников, из которых идет ржавая вода (LKŽK).

rūdymlis — 1. луг около родника (LKŽK); 2. железистая земля (LKŽK).

rūdyņas — 1. рудник, рудная копь (DLKŽ, 683); 2. влажная сырая земля с примесью торфа (DLKŽ, 683); 3. влажное место (DLKŽ, 683); 4. болото, непроходимая грязь (LKŽK); 5. болото, поросшее кустарником (LKŽK); 6. болотистый луг (LKŽK); 7. железистый ручей (LKŽK); 8. влажный луг около родника с железистой водой (LKŽK).

rūdŷnē — 1. болото с железистой водой, ржавое болото (Ser., 799; DLKŽ, 683); 2. топь (LKŽK); 3. лужа (LKŽK); 4. торфяная почва (LKŽK); 5. коричневый и рыжий цвет (DLKŽ, 683).

rumbā, лтш. **ruġba** — 1. всякое возвышение на ровной поверхности (LKŽK; М-Е, III, 557); 2. водопад (LKŽK); 3. быстрое течение, стремнина (М-Е, III, 558); 4. скалистая каменистая отмель (М-Е, III, 558); 5. небольшой овраг (LKŽK); 6. басом говорящий человек (LKŽK).

лтш. **ruosa** — узкий луг с ручьем, расположенный между полями или лесами, см. **gaža**.

лтш. **saaudze** — заросль (L-kr. v., 607).

salā, лтш. **sala** — 1. остров (DLKŽ, 691; М-Е, III, 664); 2. деревня, селение (LKŽK; Būga, I, 602; Vidugiris, Gaidē, 278); 3. деревня посреди болота (Брейдак, 17); 4. пространство вспаханной земли, со всех сторон окруженной лугами (DLKŽ, 691; LKŽK); 5. небольшой луг посреди ярового поля (LKŽK); 6. поле, отрезок поля (LKŽK); 7. болото (LKŽK); 8. болотистый лесок (LKŽK); 9. небольшой дубовый лес (LKŽK); 10. участок леса определенной породы посреди смешанного леса (М-Е, III, 664); 11. возвышенность на болоте (LKŽK; М-Е, III, 664).

salavā — 1. небольшой речной остров (Skardzius, 380; FrLEW, 758); 2. мыс. (FrLEW, 758).

salŷnas — архипелаг (Ser., 806; LKŽK).

salinis — небольшое красивое озеро (LKŽK).

saliniai — небольшое возвышение среди болота (LKŽK).

salpā — 1. остров на реке или озере (LKŽK; Būga, II, 305); 2. пространство земли, не затопляемое во время наводнения (FrLEW, 760); 3. затопляемый во время наводнения луг (LKŽK); 4. небольшая бухта, залив (Ser., 806; DLKŽ, 693; LKŽK).

salpas — 1. залив (DLKŽ, 693; LKŽK); 2. высыхающий летом рукав реки (LKŽK).

samaliāuka — 1. болото (LKŽK); 2. глубокая грязь (LKŽK); 3. влажное место (LKŽK).

samanŷcia — место, поросшее мхом (Skardzius, 357).

samanŷnas — 1. моховое болото (LKŽK); 2. место в лесу, поросшее мхом; 3. лес (LKŽK).

samanŷnē — 1. моховое болото (DLKŽ, 693; Ser., 807); 2. место, поросшее мхом (LKŽK); 3. черт.

sāmburgos — наледь (Būga, I, 591).

sānašos лтш. **saņesas** — земля, нанесенная во время половодья (DLKŽ, 695; LKŽK); наносы (М-Е, III, 692).

sāntaka — место слияния рек (DLKŽ, 696; Ser., 808).

sānteklis — 1. место слияния двух рек (Ser., 803); 2. устье реки (FrLEW, 1076); 3. бассейн реки (FrLEW, 1076).

sāsiauris — пролив (DLKŽ, 698; Ser., 810).

sāšmauga — 1. очень узкое место, пролив на озере (LKŽK); 2. луг, широкий по краям и узкий в центре (LKŽK).

sāšmauka — 1. перешеек, узкая полоска земли среди воды (DLKŽ, 699; Ser., 810); 2. перелесок (Ser., 810).

sausāžemis — суша, материк (DLKŽ, 701; Ser., 811).

sāusbalē — 1. луг (LKŽK); 2. пизинное место, залитое водой (LKŽK).

лтш. **sauseklis** — 1. сухое место на поле (М-Е, III, 775); 2. сухое место, отмель в реке (М-Е, III, 775).

sausŷnē — 1. сухой торфяной луг (DLKŽ, 701; Ser., 811); 2. сухое время года (Bagonas, II, 488).

лтш. **sausleja** — суходол (L-kr. v., 659).

sausmena — сухое место, самая сухая часть (Ser., 811).

лтш. **sāusnējs** — место в лесу, где растут сухой мох и трава (М-Е, III, 776).

лтш. **sausniene** — сухое место (М-Е, III, 776).

sausumā, лтш. **sausums** — 1. суша, материк (DLKŽ, 701; Ser., 811; LKŽK); 2. сухое место (DLKŽ, 701; Ser., 811; LKŽK); 3. клеверный луг (LKŽK); 4. сухое время года (DLKŽ, 701); 5. безводье (L-kr. v., 657).

sāušupē — 1. пересыхающая река (DLKŽ, 701); 2. тонкое болотистое место над подземным ручьем (Ser., 811).

sāušžemis, лтш. **sauszeme** — суша, земля (Ser., 812; М-Е, III, 777).

sažalŷnas — заросль (Bagonas, I, 296).

лтш. **sažmauga** — гирло (L-kr. v., 664).

лтш. **seđums** — 1. морской залив (М-Е, III, 811); 2. небольшая бухта (М-Е, III, 811); 3. место, где можно забрасывать сеть (М-Е, III, 811).

seklē, лтш. **sekla** — 1. брод (LKŽK); 2. песчаная банка (М-Е, III, 813—814).

sēklius, **seklis**, лтш. **sēklis**, **sēklis** — 1. мелкое место в озере или реке (DLKŽ, 707; Ser., 816; М-Е, III, 825; LKŽK); 2. песчаная банка, подводная песчаная насыпь в прибрежной зоне моря (DLKŽ, 707; М-Е, III, 825); 3. брод (М-Е, III, 825); 4. мелкое место, поросшее камышом (LKŽK).

seklumā — 1. мелкое место в реке, озере, море (LKŽK, 707; Ser., 816); 2. морская банка (LKŽK); 3. брод (LKŽK).

лтш. **selga** — морская даль (Лаумане—Непокупный, 192—193).
лтш. **silājs** — 1. хвойный лес (М-Е, III, 838); 2. луг (М-Е, III, 838).

лтш. **silmala** — опушка хвойного леса (М-Е, III, 839).

skabūklas — просека (Ser., 825; Skardžius, 194).

skalā — крутой обрывистый берег.

sénupė — старое русло реки (DLKŽ, 711; Ser., 818).

sėnvagė — старое русло реки (DLKŽ, 711; LKŽK).

siaurūkalnė — узкий проход между горами, ущелье (DLKŽ, 713; Ser., 821).

siaurumà, лтш. **šaurums** — 1. сужение, узкое место (DLKŽ, 713; Ser., 821); 2. ущелье (FrLEW, 779); 3. пролив (М-Е, IV, 7).

sietuvà, лтш. **sietava** — 1. глубокое место в реке (DLKŽ, 715; М-Е, III, 860); 2. яма (DLKŽ, 715); 3. широкое место реки, где не чувствуется течение воды (Skardžius, 384); 4. середина реки (FrLEW, 783); 5. брод через ручей (LKŽK).

лтш. **silava** — 1. хвойный лес (М-Е, III, 838); 2. молодой лес, березовая роща (М-Е, III, 838); 3. небольшой лес (М-Е, III, 838); 4. луг, поросший деревьями (М-Е, III, 838).

skardis, skardys — 1. крутой берег реки (DLKŽ, 724; Ser., 828; DAK); 2. крутой склон, косягор (DLKŽ, 724, DAK); 3. обрыв, овраг (Ser., 828); 4. ущелье (FrLEW, 797); 5. утес (LKŽK); 6. крутая высокая гора (LKŽK); 7. глубокое место, пучина (LKŽK); 8. яма, выбитая падающей водой (LKŽK); 9. самый верх крутого берега (LKŽK).

skardžius — 1. «оба крутых берега реки» (Būga, I, 492); 2. обрыв (LKŽK); 3. крутая гора (LKŽK); 4. крутая гора, поросшая деревьями (LKŽK); 5. крутая гора, под которой течет река (LKŽK); 6. крутой берег (LKŽK); 7. глубокий овраг, по которому бежит ручей (LKŽK); 8. ручей между двумя крутыми берегами (LKŽK); 9. луг (LKŽK).

skaudumā — быстрина, поток (Vidugiris, Dieveniškės, 195).

sketerà — см. **keterá**.

skiauterė — 1. похожая на гребень вершина горы (DLKŽ, 728); 2. невспаханная узкая полоса земли (LKŽK); 3. петушиный гребень (DLKŽ, 728).

skiauté, лтш. **škàute** — 1. небольшой участок земли (DLKŽ, 728); 2. осколок (DLKŽ, 728); 3. острый угол камня (М-Е, IV, 22).

skiautākavė — увал (LKŽK).

skylė лтш. **škila** — 1. полое, пустое место (DLKŽ, 729); 2. осколок (FrLEW, 806).

skýnimas — 1. вырубленное, расчищенное место в лесу

(DLKŽ, 730); 2. молодой лес на месте вырубленного старого (LKŽK); 3. небольшая гора (LKŽK); 4. луг (LKŽK).

skradžià — 1. пропасть, бездна (LKŽK); 2. дыра (LKŽK); 3. глубь земли (LKŽK); 4. размокшая грязная дорога (LKŽK).

лтш. **skrajums** — место, негусто поросшее деревьями (М-Е, III, 886).

лтш. **skrajmežs** — редколесье (L-kr., v., 680).

skrōdė — 1. вымытая водой яма или овраг (DLKŽ, 736; LKŽK); 2. глубокая колея (DLKŽ, 736); 3. глубокая с крутыми склонами водомойна на склоне горы (DLKŽ, 736).

skujnėlis — хвойный лес (Vidugiris, Merkinė, 254).

slankà — 1. место, где оползает земля (DLKŽ, 739; LKŽK); 2. ком, падающий с горы (LKŽK); 3. бродяга (LKŽK).

slañkius — 1. оползающая гора (DLKŽ, 739); 2. крутой берег реки (FrLEW, 826); 3. медлительный человек (FrLEW, 826); 4. движущиеся пески (FrLEW, 826).

лтш. **slapjdrankis** — слякоть (L-kr. v., 683).

лтш. **slapjuksnėjs** — влажное сырое место (М-Е, III, 916).

slėnė лтш. **slėne** — 1. низменное место (Ser., 841; Skardžius, 75; М-Е, III, 928); 2. влажное место на поле или на лугу (М-Е, III, 928); 3. полоска лугов между лесами (М-Е, III, 928).

slėnys, slėnis, лтш. **slėns** — 1. низина (DLKŽ, 740; DAK); 2. обширная низменность (DAK); 3. долина (DAK); 4. долина, поросшая деревьями (DAK); 5. покатое место (DAK); 6. береговой откос (DAK); 7. склон горы (DAK); 8. низинный луг (DAK); 9. углубление земли (DAK); 10. углубление на месте бывшего озера (DAK); 11. болото (DAK); 12. влажный несколько углубленный участок земли (DAK; М-Е, III, 928); 13. большая низменность (DAK).

slėnkstis, лтш. **slieksnis, sliegsnis** — 1. дверной порог (DLKŽ, 740); 2. речной порог (DLKŽ, 740); 3. стена между двумя торфяными ямами (LKŽK); 4. след бывшего оврага (LKŽK).

slesnumà — 1. низко лежащее место (DLKŽ, 740; Ser., 842); 2. долина (LKŽK).

лтш. **slīksna** — земляной ком (М-Е, III, 935).

лтш. **slīksna** — тонкое место на болоте или в лесу (М-Е, III, 935).

лтш. **slīksnaine** — топкий луг (М-Е, III, 935).

лтш. **slīksnājs** — 1. глубокое болото (М-Е, III, 935); 2. болотистый ручей (М-Е, III, 935).

лтш. **slīkšņa** — топь, трясина, зыбун (L-kr. v., 684).

slīnkīnys — оползающий берег, гора (Ser., 842).

sliūkis — 1. яма (LKŽK); 2. оползающая гора (LKŽK); 3. бродяга (LKŽK).

slšymas — оползень (FrLEW, 833).

sliuoga — разлившееся болото продолговатой формы (LKŽK).

sliuogas — поток намокшей земли, стекающей по косогору (DLKŽ, 744).

smaile лтш. **smaile** — 1. вершина горы (FrLEW, 830); 2. острне, острая часть (Ser., 844).

smailumà — 1. острая вершина горы (Ser., 845); 2. острая часть, острая вець (DLKŽ, 743); 3. участок земли острой формы (LKŽK).

smailumas — болото, поросшее кустами (LKŽK).

smaikà, лтш. **smaice** — 1. очень густой, частый лес с высокими тонкими деревьями (LKŽK, FrLEW, 839); 2. теневое место в лесу (DLKŽ, 743); 3. молодая поросль (М-Е, III, 951).

smaiktas — 1. чаща леса (LKŽK); 2. молодой густой лес (LKŽK; FrLEW, 839); 3. угар, дым (LKŽK).

лтш. **smaikne** — 1. молодая поросль (М-Е, III, 952); 2. мелкие крошки, образующиеся при обмолоте зерна (М-Е, III, 952).

лтш. **smaiksne** — 1. молодой густой лес (М-Е, III, 952—953); 2. маленькая рыба (М-Е, III, 953).

smėlynas, smėlynė — 1. место, где много песка (DLKŽ, 745; Ser., 846); 2. песчаное поле, пашня (FrLEW, 843); 3. куча песка (FrLEW, 843).

smėlis, smėlys, лтш. **smėlis** — 1. песок (DLKŽ, 745; Ser, 846); 2. песчаные наносы на поле (М-Е, III, 957; Ларин, 148); 3. глина, отложившаяся в воде (М-Е, III, 957).

smėltynas — см. smėlynas.

лтш. **smilktaine** — песчаная почва, песчаное пространство (М-Е, III, 963).

лтш. **smiltājs** — см. smilktaine.

smiltynas — см. smėlynas.

smiltis, smiltis, лтш. **smilts, smilks** — 1. песок (Ser., 847); 2. мелкий песок (DLKŽ, 746).

smūklė — 1. вязкое место на поле (LKŽK; Skardžius, 169); 2. болотный тростник (LKŽK); 3. окно в болоте (LKŽK).

sōdzialka, soziauka, sōdzelka — 1. искусственный пруд (LKŽK); 2. озеро (LKŽK); 3. болото (LKŽK).

sprogà, лтш. **sprāga** — расщелина, пропасть (DLKŽ, 758; М-Е, III, 1015; Breidak, 47).

sprūda — возвышение, бугор (Ser., 856).

sraujà — 1. сильное течение (Ser., 857); 2. течение воды, реки, воздуха, струящаяся масса (Ser., 857).

sraujynė — быстрина, стремнина (Ser., 857).

sraumuō, sriaumuō — 1. часть реки с самым быстрым течением (DLKŽ, 760); 2. поток (Ser., 857).

sraumumà — 1. место в реке, где вода бежит быстрее (DLKŽ, 760; Ser., 857); 2. омут (Baronas, II, 50).

sraūtas — 1. поток (DLKŽ, 70; Ser., 857); 2. течение (DLKŽ, 760); 3. течение с водоворотами (LKŽK); 4. небольшая речка (DLKŽ, 760; LKŽK); 5. низинное место около реки или ручья (LKŽK).

sravà — течение, поток, струя (Ser., 857).

srūglīs, лтш. **strūgle** — струя, ручей (Būga, II, 509).

лтш. **stabiņš** — надолба.

лтш. **staiga** — болото, тошкое место (М-Е, III, 1038).

лтш. **staignājs** — болото, зыбун (М-Е, III, 1038).

лтш. **staignējs** — болотистое тошкое место (М-Е, III, 1039).

лтш. **staignis** — болотистое, тошкое место (М-Е, III, 1039).

лтш. **stieгна, stiegnājs stiegnējums** — трясина (М-Е, III, 1078).

лтш. **straignājs, straignis, straigne** — вязкое болото (М-Е, III, 1081).

лтш. **stiglājs** — болотистое место (М-Е, III, 1066).

лтш. **strāva, strāva** — 1. поток, большая река (М-Е, III, 1084); 2. быстрое течение (М-Е, III, 1084); 3. проливной дождь (М-Е, III, 1084).

лтш. **straūga** — низкое место, где можно завязнуть (М-Е, III, 1084).

лтш. **strauja** — поток, течение (М-Е, III, 1081).

лтш. **straujupite** — быстро текущая река (М-Е, III, 1082).

лтш. **strāume** — поток, быстрина (М-Е, III, 1082).

strautas, лтш. **straute** — 1. дождевой ручей (М-Е, III, 1083); 2. общее название ручья или маленькой речки (М-Е, III, 1083).

лтш. **straūtleja** — долина ручья (М-Е, III, 1082).

лтш. **strieguonis, strieguona** — болотистое засасывающее место (М-Е, III, 1092).

лтш. **struga** — 1. болото (М-Е, III, 1093); 2. лужа (М-Е, III, 1093).

лтш. **strūga** — струя воды или воздуха (М-Е, III, 1097).

strūklė лтш. **strūkla, strūkle** — 1. особый слой, жила (водяная, металла и т. п.) в земле (М-Е, III, 1097); 2. струя воды (М-Е, III, 1097).

stuobrīnas — лес, где много поломанных или высохших деревьев (DLKŽ, 775; Ser., 868).

sūkurys, sukurnis — 1. водоворот (DLKŽ, 781; LKŽK); 2. омут с водоворотом (LKŽK); 3. смерч (DLKŽ, 781); 4. поросшее кустами, невидимое место (LKŽK); 5. вихор волос (LKŽK).

лтш. **sūnājs** — 1. место, поросшее мхом (М-Е, III, 1133); 2. болото (М-Е, III, 1133).

- лтш. **sūniens** — 1. пространство, поросшее мхом (М-Е, III, 1133); 2. моховое болото (М-Е, III, 1133).
- лтш. **sūneklis, sūnekle** — болотистый лесок (М-Е, III, 1133).
- šakà**, лтш. **saka** — 1. речной рукав (DLKŽ, 794; М-Е, III, 642); 2. горный отрог (Вагонас, II, 89); 3. ветка, сук (DLKŽ, 794; Сер., 946); 4. всякое ответвление (DLKŽ, 794; М-Е, III, 642).
- šaltāzemis** — 1. влажная земля, богатая родниками, источниками (DLKŽ, 796; LKŽK); 2. бесплодная земля (Сер., 948; LKŽK).
- šaltinis** — 1. родник, источник, ключ (DLKŽ, 797; Сер., 948; LKŽK); 2. вода из родника (LKŽK).
- šaňdrai** — 1. речные наносы (DLKŽ, 797); 2. хворост (LKŽK).
- šilas**, лтш. **sils** — 1. хвойный лес (DLKŽ, 806; М-Е, III, 839); 2. хвойный лес на возвышенном месте (LKŽK); 3. большие пространства лесов (LKŽK); 4. пустошь, степь (М-Е, III, 839); 5. плохая сухая земля (Сер., 955); 6. место на лугу, поросшее кустами (LKŽK); 7. вереск (LKŽK); 8. лесная болотистая трава (LKŽK).
- šilynas** — 1. место, поросшее вереском (DLKŽ, 807); 2. большая вересковая роща (DLKŽ, 807).
- лтш. **škīduonis** — 1. жидкая грязь (М-Е, IV, 48); 2. оттепель (М-Е, IV, 48).
- šlaitas** — 1. косогор (DLKŽ, 813; Сер., 959); 2. долина (LKŽK); 3. заросль кустов на берегу реки (LKŽK); 4. бродяга (DLKŽ, 813).
- šlāmas** — 1. тина, ил, грязь (FrLEW, 998); 2. жидкое болото (LKŽK); 3. неряшливый человек (LKŽK).
- šlāpē** — влажный луг, поле (DLKŽ, 814).
- šlapynė** — 1. влажное, сырое место (DLKŽ, 814; LKŽK); 2. грязь (LKŽK); 3. влажная нива, залитая водой (LKŽK).
- šlapumà** — 1. влажное, сырое место (DLKŽ, 814; LKŽK); 2. сырая, дождливая погода (DLKŽ, 814).
- šlimas** — 1. болотистая земля (FrLEW, 1005); 2. открытое пространство земли, высыхающее летом (FrLEW, 1005); 3. наносы после половодья (LKŽK); 4. бесполезная вещь (LKŽK).
- šliūžė** — 1. след в траве, посевах (DLKŽ, 817; LKŽK); 2. яма (LKŽK).
- šnipis**, лтш. **šņipis** — 1. выступ, мыс, полуостров, острый угол, нос (FrLEW, 1019).
- šovà**, лтш. **šáva** — 1. дупло, морозобоина в дереве (DLKŽ, 823; М-Е, IV, 13); 2. небольшое открытое пространство в лесу (DLKŽ, 823).
- šulinys** — вырытая яма, из которой достают воду; колодец; опрессованный в бочарные кленки ключ (DLKŽ, 825; Būga, I, 582; Ларин, 154).
- šūtis**, лтш. **šūte, šūts** — 1. яма, неровность на дороге (М-Е, IV, 111—112); 2. возвышенность, куча, грудa (М-Е, IV, 111—112; LKŽK).

šūstis — см. **šūtis**.

- švendrynas** — 1. пространство, поросшее камышом (DLKŽ, 830); 2. болото, поросшее камышом (FrLEW, 1041).

tākas, лтш. **taks, taka** — 1. узкая дорожка, тропа (DLKŽ, 835; М-Е, IV, 126); 2. течение (М-Е, IV, 126); 3. речное русло (М-Е, IV, 126).

takòskyra — водораздел, отделяющий бассейн одной реки от другой (DLKŽ, 836).

tankynas — частый, густой лес (DLKŽ, 838).

tankynė — 1. чаща, глушь (DLKŽ, 838; Сер., 975); 2. молодой густой лес.

tankytė — очень густой лес или кустарник (LKŽK).

tankmė, tankmynė, tankmenà — густой лес, чаща, глушь (DLKŽ, 838; LKŽK).

tankumynas, tankumynė — 1. частый, густой лес (DLKŽ, 838); 2. глушь (Сер., 975).

tārpas, лтш. **tārps** — 1. пространство между чем-либо (DLKŽ, 840; LKŽK); 2. отверстие, щель, пропасть (LKŽK); 3. червяк, дракон, змея (М-Е, IV, 150; Būda, II, 318).

tārpdarvis — небольшой лужок между нивами (LKŽK).

tārpėklis — 1. пространство между чем-либо (DLKŽ, 841); 2. ущелье (DLKŽ, 841); 3. промежуток, отрезок (DLKŽ, 841).

tārpgiris — 1. пространство между лесами (DLKŽ, 841); 2. поляна посреди леса (Сер., 976; LKŽK).

tārpjūris — перешеек (LKŽK).

tārpòkšnis — удлиненная долина, углубление (DLKŽ, 841).

tārpūkálnė — пространство между горами, долина (DLKŽ, 842; Сер., 977).

tārpūmiškis — 1. пространство между лесами (DLKŽ, 842; LKŽK); 2. поляна среди леса (Сер., 977).

tārpupis — междуречье (DLKŽ, 842; Сер., 977).

лтш., **teice** — река, ручей (Дамбе, 133).

tėkė, лтш. **tece, tēce** — 1. небольшая река (М-Е, IV, 152); 2. болотистый ручей (М-Е, IV, 152); 3. луговой ручей (М-Е, IV, 169—170); 4. глубокое место в реке, где не чувствуется течение (FrLEW, 1075; Būga, II, 628—629). 5. «изгиб реки, где вода течет медленно, берега поросли кустарником и где много рыбы» (М-Е, IV, 152); 6. старица (М-Е, IV, 152); 7. влажное низкое место на поле (М-Е, IV, 152); 8. болото (М-Е, IV, 169—170).

tekla — 1. поток (LKŽK); 2. ручей (LKŽK).

tėkmė, лтш. **tekme** — 1. руслоу чья или реки (DLKŽ, 848; LKŽK);

М-Е, IV, 159); 2. течение реки (DLKŽ, 848; LKŽK); 3. ручей, небольшая река (FrLEW, 1076); 4. глубокое место реки или болота (LKŽK); 5. небольшое болото, лужа, образовавшаяся после дождя (LKŽK); 6. грязное илистое место среди твердой земли (LKŽK); 7. небольшой луг, окруженный пашней (LKŽK); 8. земля между двумя лугами (LKŽK); 9. трава, выросшая около сухого оврага (LKŽK).

tekmenė — 1. родник, источник (Skardžius, 237); 2. ручей, небольшая река (Skardžius, 237); 3. болотистое место (LKŽK).

tenė — глубокое место в реке, где не видно течения воды (Skardžius, 74; Būga, I, 334).

лтш. **tēce** — река, ручей (Дамбе, 131).

tienė — 1. заводь, речной залив со стоячей водой (Būga, II, 628—629); 2. глубина (LKŽK).

týras — вязкое болото, поросшее небольшими деревьями и травой (DLKŽ, 859; LKŽK); 2. обширные болотистые пространства (LKŽK); 3. непроходимое место в лесу (LKŽK); 4. влажное непроходимое место в лесу (LKŽK); 5. каша.

лтш. **tīrelis, tirēlis** — 1. болото (М-Е, IV, 203); 2. большое и глубокое болото (М-Е, IV, 203); 3. болото на возвышенном месте (М-Е, IV, 203); 4. незасеянное поле (М-Е, IV, 203).

tyrybė — степь, глушь, пустыня (FrLEW, 1100).

týrlaukis — 1. степь (DLKŽ, 859; Ser., 991); 2. пустое место (LKŽK).

týrulis, лтш. **tīrulis** — 1. обширные болотистые пространства, тундра (Būga, I, 315); 2. большое и глубокое болото (LKŽK; М-Е, IV, 204); 3. непроезжее болото, где некогда росли деревья (LKŽK).

tyrumà, tyrùmas, лтш. **tīrums** — 1. степь, пустыня (DLKŽ, 860); 2. поле (М-Е, IV, 204).

лтш. **tīrupe** — река с чистой и прозрачной водой (М-Е, IV, 204).

trakà — 1. кочковатое пастбище (LKŽK); 2. кочкарник (LKŽK); 3. лиственный лес (LKŽK); 4. небольшой лес (LKŽK); 5. такое место в лесу, где хорошая трава (LKŽK); 6. скат, поворот вниз (LKŽK); 7. болотистое место, поросшее лиственным лесом (LKŽK); 8. луг, поросший кустарником и деревьями (LKŽK); 9. смешанный лес с незаросшими небольшими полянами (LKŽK); 10. кустарник (LKŽK); 11. поляна в лесу (LKŽK).

trakai — 1. возвышенное сухое место (LKŽK); 2. возвышенное место, поросшее лесом (LKŽK); 3. луг, на котором растет очень хорошая трава (LKŽK); 4. небольшой сухой красивый лес (LKŽK); 5. трава высокого качества, которая растет в лесу (LKŽK);

6. редкий кустарник (LKŽK); 7. место около болота, поросшее кустарником (LKŽK); 8. луг около леса (LKŽK); 9. пастбище с редкими небольшими деревьями (LKŽK); 10. березняк (LKŽK); 11. вырубленный лес, лесосека, просека (LKŽK); 12. кустарниковый луг на месте бывшего леса (LKŽK); 13. земля, поросшая мхом (LKŽK); 14. соломенная труха, мякина (LKŽK).

trākas — 1. возвышенное сухое место в лесу (Ser., 993); 2. возвышенный луг в лесу (DLKŽ, 864); 3. луг среди леса (LKŽK); 4. луг (LKŽK); 5. сенокосный луг на сухом месте (LKŽK); 6. поляна или небольшой луг в лесу (LKŽK); 7. трава, сено высокого качества (LKŽK); 8. сеновал (LKŽK); 9. вырубленное место в лесу, где много пней (LKŽK); 10. вырубленное место в лесу, поросшее молодой порослью (LKŽK); 11. просвет, проблеск (LKŽK); 12. кустарниковый подлесок (LKŽK); 13. кустарник на сухом месте (LKŽK); 14. небольшой ольшаник (LKŽK); 15. влажный кустарниковый лиственный лес (LKŽK); 16. небольшой красивый молодой лес (LKŽK); 17. небольшая гора в лесу, на лугу (LKŽK); 18. самое высокое место пашни (LKŽK); 19. голое место на лугу (LKŽK); 20. проезжее место среди болот (LKŽK); 21. небольшая тропинка через поле или лес (LKŽK); 22. сумасшедший человек (LKŽK).

trakėnai — место, где выжигают лес (Skardžius, 239).

treinis — 1. плохого качества луг (LKŽK); 2. трава, растущая на сухом месте (sapex raniēn) (LKŽK).

triba — граница между полями (FrLEW, 1121).

лтш. **tuksnesis** — пустыня (М-Е, IV, 255).

tūmulas — 1. ком (Būga, II, 320); 2. куча, груда (DLKŽ, 878); 3. беспорядочная толпа, множество людей (LKŽK).

tvānas, лтш. **tvans** — 1. подъем воды, половодье (DLKŽ, 882; LKŽK); 2. потоп (Ser., 1006); 3. затопленное место (DLKŽ, 882); 4. лужа (LKŽK); 5. болотная тина (LKŽK); 6. испарение, пар, чад (М-Е, IV, 288 — 289); 7. множество (DLKŽ, 882; LKŽK). О значении этого балтизма в славянских языках см.: Būga, II, 639; Толстой, СГТ, 166.

tvankà — 1. запруда, плотина (Ser., 1006; DLKŽ, 882; LKŽK); 2. пруд (Ser., 1006; Skardžius, 42); 3. спертый воздух (LKŽK).

tvenkinys — 1. пруд, запруда, плотина (Ser., 1007; DLKŽ, 883).

лтш. **ūdenskritums** — водопад (М-Е, IV, 405).

ugnikalnis — вулкан (DLKŽ, 886; Ser., 1006).

uolà, лтш. **ola**, **uōla** — 1. гора (DLKŽ, 889); 2. скала (Būga, I, 513; М-Е, IV, 416); 3. масса камней (LKŽK); 4. небольшой круглый камень, галька (М-Е, IV, 416; Būga, I, 513); 5. яйцо (М-Е, IV, 416); 6. пещера, нора (LKŽK); 7. ущелье (Ларин, 155); 8. яма (Ларин, 155).

лтш. **uōlaīne** — 1. дно реки, покрытое галькой (М-Е, IV, 416); 2. каменистый ручей или река (М-Е, IV, 416).

лтш. **uolis** — 1. большой камень (М-Е, IV, 417); 2. круглый камень, по форме напоминающий круглую голову (М-Е, IV, 417).

uostas, лтш. **uosts** — 1. гавань (DLKŽ, 889); 2. устье реки (М-Е, IV, 421); 3. рот (Būga, II, 362).

ūpē, лтш. **upe** — 1. река (DLKŽ, 890; М-Е, IV, 390); 2. ручей (М-Е, IV, 300); 3. множество, большая масса (DLKŽ, 890).

upēlis, лтш. **upēlis** — 1. ручей, небольшая река (DLKŽ, 890); 2. низкое место в лесу, где во время дождя скапливается вода (М-Е, IV, 300); 3. небольшой ручей, пересыхающий летом (М-Е, IV, 300).

upēmalis, лтш. **upmalis** — 1. берег реки (М-Е, IV, 301); 2. подмытая или выброшенная потоком воды земля (FrLEW, 1169); 3. поречье (М-Е, IV, 301).

upēsnaš — 1. пространство, залитое во время весеннего разлива реки (Skardžius, 292); 2. небольшой ручей (LKŽK).

upēsniš — 1. небольшой луг, по которому бежит ручей (LKŽK); 2. ручей, бегущий по болоту (LKŽK); 3. место, где был ручей (LKŽK); 4. песчаное устье реки (LKŽK).

urpūnas — река со всеми ее притоками (DLKŽ, 890).

urpūs, лтш. **upis** — 1. ручей (М-Е, IV, 300); 2. болотистая низменность в лесу, по которой бежит вода, соединяющаяся в ручей (М-Е, IV, 300).

лтш. **upleja** — долина реки (М-Е, IV, 301).

лтш. **urga** — река, ручей (Дамбе, 133).

лтш. **upmala** — побережье (М-Е, IV, 301).

urpókšniš — 1. небольшая река, ручей (DLKŽ, 890; LKŽK); 2. горный поток, ручей, каскадами стекающий с горы (FrLEW, 1169).

лтш. **urdaviņa** — ручей (FrLEW, 1170).

urdulūs — 1. поток (DLKŽ, 890); 2. водоворот (DLKŽ, 890; LKŽK).

лтш. **urga**, **urdze** — ручей (М-Е, IV, 303).

ūrvā, **ūrvas**, лтш. **urva** — нора, пещера в земле, в горе (DLKŽ, 891).

urvūnas — местность, где много пещер и нор (DLKŽ, 891).

urulūs — 1. поток, струя, ручей (DLKŽ, 891); 2. водоворот (DLKŽ, 891).

лтш. **uzkaīns** — 1. небольшая возвышенность (М-Е, IV, 338); 2. вершина горы (М-Е, IV, 338).

ūžbalis — пространство за болотом (LKŽK).

ūžē — большая крутая яма в дне реки (LKŽK).

ūžēžerē — местность за озером (DLKŽ, 894; LKŽK).

ūžgiris — пространство за лесом (DLKŽ, 895).

ūžlankis — пространство земли за лугом (LKŽK).

ūžmaris — земля, страна по ту сторону моря (DLKŽ, 898).

ūžmiškē, **ūžmiškis** — пространство за лесом (DLKŽ, 898).

ūžnaša — 1. наносы (LKŽK); 2. залитый водой берег, луг (LKŽK)

ūžpalas — 1. наледь (DLKŽ, 898; LKŽK); 2. место на берегу, заливаемое водой, впоследствии замерзающее (Ser., 1022; LKŽK); 3. вода, бегущая поверх льда (LKŽK).

ūžpelkis — пространство за болотом (DLKŽ, 898).

ūžtakis, **ūžtakūs** — 1. залив, губа (DLKŽ, 901; LKŽK); 2. пространство вдоль берега озера или реки, поросшее травой (LKŽK); 3. поворот реки (LKŽK); 4. низкое место, заливаемое водой весной или после дождя (LKŽK); 5. глубокое место на повороте реки (LKŽK); 6. задворки; медвежий угол (LKŽK).

ūžūolaja — место у реки, затопляемое водой (Ser., 1034).

ūžūolanka — 1. изгиб (LKŽK); 2. излучина реки (LKŽK); 3. извилистая дорога (DLKŽ, 902; LKŽK); 4. край поля, вспахиваемый в последнюю очередь перпендикулярно к остальным бороздам (LKŽK); 5. пола, подол (LKŽK).

ūžupis — заречье (DLKŽ, 902).

ūžūraistē — пространство за болотистым лесом (DLKŽ, 902).

uzūšilē — пространство за хвойным лесом (DLKŽ, 902).

ūžvingis — 1. место за поворотом (DLKŽ, 903); 2. залив, бухта (DLKŽ, 903).

vadà — залежь в лесу (Skardžius, 387).

лтш. **vāda** — 1. вода, вышедшая из берегов во время наводнения (М-Е, IV, 428); 2. болотистое без деревьев пространство в лесу (М-Е, IV, 428).

vādaksniš — 1. речной залив, во время полсводья соединяющийся с рекой (DLKŽ, 903; Ser., 1035; LKŽK); 2. влажный заливной луг с хорошей травой (LKŽK); 3. трава с луга около ручья (LKŽK); 4. бывшее русло ручья (LKŽK); 5. болото (LKŽK).

vadė — луговой ручей (LKŽK).

vagá, лтш. **vaga** — 1. борозда (DLKŽ, 904; Ser., 1036; M-E, IV, 43); 2. русло реки (DLKŽ, 904); 3. речной рукав (LKŽK).

valkā, лтш. **valka, valks** — 1. лужа (DLKŽ, 912; LKŽK); 2. совсем маленькое болото (LKŽK); 3. болото (LKŽK; M-E, IV, 457); 4. влажное низинное место (M-E, IV, 457); 5. небольшой пруд (LKŽK); 6. овраг (M-E, IV, 457); 7. яма, ложбина с водой (LKŽK); 8. небольшой поток, течение (LKŽK); 9. влажные болотистые луга (M-E, IV, 457; LKŽK); 10. дождевой ручей (M-E, IV, 457); 11. ручей, текущий через болото (M-E, IV, 457); 12. небольшая заросшая травой река (M-E, IV, 457); 13. родник (M-E, IV, 457); 14. заливные луга (LKŽK); 15. луг среди пашни или поля (LKŽK); 16. влажное место на лугу (M-E, IV, 457); 17. луг, по которому течет ручей (M-E, IV, 457); 18. влажный луг в лесу (M-E, IV, 457); 19. поляна в лесу (LKŽK); 20. полоска луга вдоль берега ручья (M-E, IV, 457); 21. влажный болотистый лесок (LKŽK); 22. самое высокое место на болоте, на которое свозят сено (LKŽK); 23. вал, насыпь (LKŽK); 24. сквозняк (DLKŽ, 912; LKŽK).

vandėngrauža — водомоина (DLKŽ, 914).

vandenynas — океан (DLKŽ, 914).

vangà, лтш. **vanga** — 1. поле (Būga, II, 94); 2. низколежащий влажный луг с высокой травой (M-E, IV, 471); 3. дубовый лес в плохом состоянии; наполовину выкорчеванный лес (M-E, IV, 471).

лтш. **vėcupe** — 1. высохшая старица (M-E, IV, 518); 2. небольшой ручей (M-E, IV, 518).

verdelis — остров (FrLEW, 1225).

verdėnė — 1. родник, ключ (DLKŽ, 929; Būga, I, 515; LKŽK); 2. водоворот (DLKŽ, 929); 3. тонкое место (LKŽK); 4. бездна (LKŽK); 5. толпа (LKŽK).

verdėnis — 1. небольшая яма с водой, дно которой кишит от бегущей из-под земли воды (LKŽK); 2. ключ вместе с бегущим из него ручьем (LKŽK); 3. толпа людей (LKŽK).

verpėtas, лтш. **verpete, vėrpata, varpats** — 1. водоворот (DLKŽ, 930; LKŽK; M-E, IV, 507; Duridanov₁, 56); 2. часть реки, где на подводных камнях крутится вода (LKŽK); 3. течение, поток (LKŽK); 4. вихор, спутанные волосы (LKŽK; M-E, IV, 563); 5. вихрь (M-E, IV, 507).

verpetynas — незаросшее окно в болоте или в реке (LKŽK).

verpetai — то место реки, где глубоко и затягивает (LKŽK).

versmė, лтш. **versme** — 1. место, где из-под земли бьет вода; ключ, родник (DLKŽ, 931; Ser., 1053; LKŽK); 2. исток реки (DLKŽ, 931); 3. болото, пронасть (LKŽK); 4. тонкое место около ручья (LKŽK); 5. водоворот (LKŽK); 6. сквозняк (LKŽK; M-E, IV, 541); 7. сильный жар (Būga, II, 647); 8. отдаленное место (LKŽK); 9. множество (LKŽK).

vidūgiriai — лес с кустарником (LKŽK).

vidūgiris — середина леса (DLKŽ, 936; LKŽK).

vidulaukė — середина луга (DLKŽ, 936).

vidulaukis — обрабатываемая земля (LKŽK).

vidūmiškė, vidūmiškis — середина, глубина леса (LKŽK).

vidupis — среднее течение реки (LKŽK).

vidūpievis — луг среди полей (LKŽK).

viešmuo — 1. небольшая речка (DLKŽ, 942); 2. ручей (DLKŽ, 942).

vėngis — 1. изгиб, извилина, поворот (DLKŽ, 946; Ser., 1064; LKŽK); 2. поворот дороги (LKŽK); 3. изгиб реки, излучина (Ser., 1064; LKŽK); 4. залив (LKŽK).

virduļys — родник, источник (LKŽK).

virduklis — родник, источник (Skardžius, 198).

vėrius — 1. водоворот (FrLEW, 1260); 2. кипение (DLKŽ, 949); 3. множество (LKŽK).

лтш. **virpalis** — 1. водоворот (M-E, IV, 608); 2. вихрь; шторм (M-E, IV, 608).

лтш. **virpats** — 1. водоворот (M-E, IV, 608); 2. вихор (M-E, IV, 608).

лтш. **virpulis** — 1. водоворот; 2. вихрь (Duridanov₁, 56).

viršūkalnė, viršūkalnis — вершина горы (DLKŽ, 950; LKŽK).

viršūkelė — горный перевал (DLKŽ, 950).

viršūnė, лтш. **viršūne** — 1. верхняя часть (DLKŽ, 950; M-E, IV, 615; LKŽK); 2. вершина горы (LKŽK); 3. исток, верховье реки (LKŽK).

лтш. **virtenis** — водоворот (M-E, IV, 618).

viruļys лтш. **virulis** — 1. водоворот (DLKŽ, 951; M-E, IV, 618); 2. пучина (Ser., 1067); 3. место, где вода бьет ключом из-под земли (M-E, IV, 618); 4. снежный вихрь (M-E, IV, 618); 6. толкотня, давка (M-E, IV, 618).

vodà — 1. поляна в лесу, поросшая травой (LKŽK); 2. клин луга, вдавшийся в лес (LKŽK).

vodėlė — небольшое моховое болото (LKŽK).

vėrupė — прежнее русло ручья или реки, старица (DLKŽ, 957; Ser., 1071).

лтш. **zemiene** — низменность, низина (L-kr. v., 805).
лтш. **zviēdris** — песчаное место в реке или озере (M-E, IV, 782).
лтш. **zviēdrs** — крупный песок (M-E, IV, 782).
лтш. **zviēdrupīte** — ручей с песчаным дном (M-E, IV, 782).

žābaras — 1. хворост, мелкие небольшие ветки (DLKŽ, 692);
2. щебень, мелкая острая галька (DLKŽ, 692; LKŽK); 3. дорога,
мощеная мелкой галькой (LKŽK).

žabarýnas — молодой лес (Арашонкава и др., 125).

žagarýnas — сухой кустарник, хворостинник, заросли; 2. место,
поросшее кустарником (Otrębski, NTw, I, 161).

žarýnas — кустарник, заросль (Ser., 1075; LKŽK).

žemýnas — материк, континент (DLKŽ, 969; Ser., 1078).

žemumà, лтш. **žemums** — 1. низина (DLKŽ, 970; DAK); 2. рав-
нина, немного возвышающаяся над уровнем моря (DLKŽ, 970);
3. долина (LKŽK); 4. низость, подлость (FrLEW, 1298).

žemurp̃s — нижнее течение реки (DLKŽ, 970; Ser., 1078).

žiauberis — 1. горбушка хлеба (LKŽK); 2. холм, бугор (Būga,
I, 495).

žiegždrýnas — место, состоящее из крупного песка, гравия
(DLKŽ, 973; Ser., 1090).

žiogys — 1. непроходимая часть болота (LKŽK); 2. труднопро-
ходимое грязное место на дороге (LKŽK); 3. влажное болотистое
место (LKŽK); 4. залив реки (LKŽK); 5. глубокое озеро (LKŽK);
6. маленькое озеро (LKŽK); 7. пруд (LKŽK); 8. мелкое место
в реке, поросшее осокой (LKŽK); 9. старый глубокий овраг,
поросший травой (LKŽK); 10. высыхающая река (LKŽK); 11. узкий,
длинный поросший травой залив, вдающийся в луг (LKŽK);
12. рукав реки (LKŽK); 13. течение воды (LKŽK); 14. высокие
кочки, между которыми стоит вода (LKŽK); 15. впадина на поле,
лугу, главным образом бывшее русло высохшей реки (LKŽK);
16. ручей (LKŽK).

žiótys — 1. устье реки (DLKŽ, 977); 2. кратер вулкана
(DLKŽ, 977); 3. пасть (DLKŽ, 977).

лтш. **žluga** — 1. кашеобразная масса (M-E, IV, 819); 2. мокрая
песчаная почва (M-E, IV, 819); 3. мокрый снег (M-E, IV,
819).

žvirgždas, лтш. **zvirgzs**, **zvirgzde**, **zvirgstinš** — 1. крупный
песок (DLKŽ, 987) 2. небольшие камни на дне реки (DLKŽ, 987);
3. небольшой камень, гравий (DLKŽ, 987); 4. каменистая почва,
каменистое место (M-E, IV, 777).

žvirgždainē, лтш. **zvirgzdaine** — место, покрытое галькой (M-E,
IV, 777); 2. каменистая земля (DLKŽ, 987).

лтш. **zvirgzdājs** — см. **žvirgždainē**.

žvirgždýnas — место, где много гравия (DLKŽ, 987).

žvirgždýnē — земля, состоящая из гравия, мелких камней и под.
(DLKŽ, 987).

žvyryñas, **žvyrynē** — место, где много гальки, камней
(DLKŽ, 987).

žvīzdras — мелкий щебень (DLKŽ, 987).

žvīzdrē — неплодородная каменистая земля (DLKŽ, 987).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ²

- Арашонкава и др. — А. И. Арашонкава, Е. И. Грынавецкене,
Т. П. Кавальчук, Ю. Ф. Мацкевич, Я. М. Раманович,
Л. Ф. Шатава. 3 лексікі беларускіх гаворак заходняй зоны. «Весті
Акадэміі навук Беларускай ССР», Серыя грамадскіх навук. 1969. № 4,
Мінск.
- Брейдак — А. Брейдак. Диалектная лексика латгальских говоров
верхнелатышского диалекта и ее исторические связи. Автореф. канд.
дисс. Рига, 1969.
- Дамбе — В. Ф. Дамбе. Географические термины в топонимии Латвий-
ской ССР. «Вопросы географии». Сб. 81. Местные географические тер-
мины». М., 1970.
- Куркина — Л. В. Куркина. Названия болот в славянских языках.
«Этимология. 1967». М., 1969.
- Ларин — Б. Ларин. Материалы по литовской диалектологии. «Язык
и литература», т. I, вып. 1. Л., 1926.
- Лаумане — Непокупный₁ — Б. Лаумане, А. Непокупный. К поста-
новке вопроса об атласе морской и рыболовецкой лексики Балтийского
моря. «Baltistica», IV (1). Vilnius, 1968.
- Лаумане — Непокупный₂ — Б. Лаумане, А. Непокупный. Балто-
славяно-финские языковые параллели из области мореплавания и рыбо-
ловства. «Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов». Рига, 1970.
- Лаучюте — Ю. Лаучюте. О некоторых новых литуанизмах в белорус-
ском языке. «Baltistica», IV (2). Vilnius, 1970.
- Немченко — В. Немченко. Словарный состав говора русского населения
Ионавского района Литовской ССР. «Kalbotyra», t. III. Vilnius, 1961.
- Непокупный — А. П. Непокупный. Географические термины и топо-
нимы Украинского Полесья и балтийские (иранские) названия рельефа.
«Baltistica», VI (1). Vilnius, 1970.
- Семенова — М. Ф. Семенова. Русско-латышские языковые связи по дан-
ным географической терминологии. «Вопросы географии». Сб. 81. Мест-
ные географические термины. М., 1970.
- Толстой — Н. И. Толстой. Об одном балтизме в восточнославянских
диалектах — *пелька*. «Этимология. 1967». М., 1969.

² Без ссылок на литературу даются значения, выявленные автором
в литовских диалектах.

- Толстой, СГТ — Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. М., 1969.
- Эккерт — Р. Эккерт. О значении русской диалектной лексики для литовской этимологии. «Baltistica», III (1). Vilnius, 1967.
- Baronas — J. Baronas. Rusų-lietuvių kalbų žodynas, t. I—II. Vilnius, 1967.
- Breidaks — A. Breidaks. Latgaļu, sēļu un kuršu cilšu valodu sakari. «Latvijas PSR zinātņu akadēmijas vēstis. Valodniecība», № 9. Rīgā, 1969.
- Būga — K. Būga. Rinktiniai raštai, t. I—III. Vilnius, 1958—1960.
- DAK — Картотека диалектологического атласа литовских говоров (Ин-т литовского языка и литературы АН Лит. ССР).
- Duridanov₁ — I. Duridanov. Zum baltoslav. *verp-. «Baltistica», IV (1). Vilnius, 1968.
- Duridanov — I. Duridanov. Baltico-Bulgarica. «Donum Balticum». Stockholm, 1970.
- DLKŽ — Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954.
- FrLEW — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I—II. Göttingen, 1955—1965.
- Gerullis, Stang — J. Gerullis, Chr. Stang. Lietuvių žvejų tarmė Prūsijoje. Kaunas, 1933.
- Karaliūnas — S. Karaliūnas. Dėl liet. *kūopa* ir *kaūpas* etimologinio siejimo. «Baltistica», V (2). Vilnius, 1969.
- Lipskienė — J. Lipskienė. Tarmės apžvalga. «Dieveniškės». Vilnius, 1968. I-kr. v. — Latviešu-krievu vārdnīca. Rīgā, 1963.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas, t. I—VIII. Vilnius, 1956—1970.
- LKŽK — Картотека академического словаря литовского языка.
- Maček — V. Maček. Zum Wortschatz des Litauischen. — ZfsI Ph., 33. M.-E. — K. Mülenbacha un J. Endzelina Latviešu valodas vārdnīca, I—IV. Rīgā, 1923—1932.
- Obrębska-Jabłońska — A. Obrębska-Jabłońska. Elementy litewskie w mikrotoponimii wschodniej Białostoczczyzny. «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 8. Warszawa, 1969.
- Otrębski — J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, II. Warszawa, 1965.
- Otrębski, NTw — J. Otrębski. Wschodniolitewskie narzecie twereckie, cz. 1—3. Kraków, 1932—1934.
- Palionis — Lietuvių kalbos žodynas (pen). «Baltistica», V (2), 1969.
- Pisani — V. Pisani. Rom und die Balten. «Baltistica», IV (1). Vilnius, 1968.
- Semyonova — M. F. Semyonova. On Russian-Latvian Language Contacts. «Acta Baltico-Slavica», VI. Białystok, 1969.
- Ser. — B. Sereiskis. Lietuviškai-rusiškas žodynas. Kaunas, 1933.
- Skardžius — Pr. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Urbutis — V. Urbutis. Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai. «Baltistica», V (1, 2). Vilnius, 1969.
- Urbutis₁ — V. Urbutis. La. *lasmenis*. «Donum Balticum», Stockholm, 1970.
- Vidugiris, Dieveniškės — A. Vidugiris. Pastabos apie tarmės leksiką. «Dieveniškės». Vilnius, 1968.
- Vidugiris, Gaidė — A. Vidugiris. Keletas faktų iš tarmės ploto istorijos. «Gaidės ir Rimšės apylinkės». Vilnius, 1969.
- Vidugiris, Merkinė — A. Vidugiris. Dainavos šalies žmonių tarmė. «Merkinė». Vilnius, 1970.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ГОВОРЫ ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Е. Ё. Гринявецкене, П. П. Ковальчук, Ю. Ф. Мацкевич,
Е. М. Романович

Пограничные с Литвой белорусские говоры представляют большой интерес в плане изучения языковых контактов. Детальное изучение с целью выявления отличительных черт, которыми они противопоставляются другим белорусским говорам, позволит шире и глубже интерпретировать многие вопросы их формирования и исторического развития в связи с соседними славянскими и неславянскими языками.

Особенности пограничных с Литвой говоров изучались Е. Ф. Карским в его общих трудах и отдельных статьях по белорусскому языкознанию¹, затрагивались они также и польскими лингвистами².

Диалектный материал, собранный совместной литовско-белорусской диалектологической экспедицией в октябре 1966 г. в ряде населенных пунктов Тракайского, Вильнюсского и Эйшишкского районов Литовской ССР (Старые Троки, Новосады, Липняки, Новые Мацали, Стрельцы)³, а также материал, накопленный во время диалектологических экспедиций, проводимых Институтом языкознания им. Якуба Коласа на территории Белорусской ССР, позволяют продолжить ранее начатое изучение пограничных белорусских говоров.

Территория северо-западных белорусских говоров пересекается многочисленными изоглоссами, которые выделяют основные диалектные массивы белорусских говоров — северо-восточ-

¹ Е. Карский. Белорусские песни деревни Новоселок-Затрокских Виленской губ. Трокского уезда. — РФВ, 1889, т. XXI, № 1—2.

² Н. Турска. Powstanie polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. Wilno, 1939; К. Нитсх. Dialekty języka polskiego. Kraków, 1923.

³ Экспедиция была организована и проведена Институтом литовского языка и литературы Литовской АН. В ней наряду с литовскими участвовали и белорусские диалектологи.

ный, юго-западный, а также среднебелорусские говоры. Об этом со всей убедительностью свидетельствуют лингвистические карты «Атласа белорусского языка»⁴.

Изоглоссы диалектного членения белорусских говоров частично заходят и на пограничную территорию Литовской ССР. При наличии значительной грамматической дифференциации эти говоры объединяются рядом особенностей, которые выделяют их среди других белорусских говоров. При общности фонетических черт (неударный вокализм этих говоров характеризуется недисимилятивным аканьем) отмечен целый ряд особенностей в области оформления отдельных лексем, а также наличие отдельных групп лексик, не известных другим белорусским говорам.

Пограничные говоры отличаются пестротой диалектных черт, островным характером их распространения. Наиболее концентрированно эти черты выступают на западной окраине, и многие из них затухают по мере удаления к востоку. Например, такая фонетическая особенность, как произношение *k* на месте *x* и наоборот, отмечена как реликтовая в отдельных словах: *žan'ík* 'жених', *v'étx'i* 'ветки' (Новогрудский р-н).

Представители старшего поколения припоминают ряд слов, которые их отцы и деды произносили на *k*: *kan'úk* вместо *kan'úx* 'конюх', *kal'éra* вместо *xal'éra* 'холера', *kvaróba* вместо *xvaróba* 'болезнь', *kl'er* вместо *xl'eb*, *kústka* вместо *xústka* 'платок' (Вороновский и др. р-ны).

В белорусских говорах в Литве в данном случае выступает только *k*. Приведенные примеры с *k* известны и в литовских говорах белорусского пограничья: *kuskà*, *kvarabà*, *kalièrà* и др.

На значительно большей территории отмечена такая особенность, как произношение *š* на месте *s* в единичных словах: *bruš'icy*, *paršúk*, *paškúda*, *paškústva*.

Наличие *ž* (соответственно *z*) отмечено только в глагольных формах со значением 'навязать, навязывать, навязанный': *navažác'*, *navažvas'*, *navažány*; *náda navažác'* *karóvu*, *s'al'áty navažány* (Поставский, Свирский, Шарковщинский и др. р-ны). В корнях этих слов улавливается смысловая связь с существительным *вожжи*, так как этимологически они одного происхождения.

Произношение согласных *š*, *ž* вместо *s*, *z*, а также *s*, *z* вместо *š*, *ž* известно и некоторым литовским говорам. В окрестностях населенных пунктов Мустейка, Ашашникай (Варенский р-н), Швянчёнелай (Швянчёнский р-н), Скайсгирис (Йонишкский р-н), Дятлово (БССР) и других изредка наблюдается, например: *as* вместо *aš* 'я', *šarmatà* вместо *sarmata* 'стыд', *ziemà* вместо *žiemà* 'зима' и др.⁵

⁴ «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы» (ДАБМ). Мінск, 1963, а такжэ: «Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак». Мінск, 1969.

⁵ См. кн.: «Literatura ir kalba», V. Vilnius, 1961, стр. 605—608 и указ. там литературу.

К числу черт, которые выделяются на больших территориях, относится окончное ударение в формах единственного числа существительных с основой на *-a* (*-ja*) типа *muxá*, *mux'i*, *muxú*, *muxó(ju)*. В одних районах это характерно для небольшой группы слов, в других — для сравнительно большей, где и непроизводные, и производные существительные объединяются общностью акцентологического типа. Среди них можно выделить:

1) бессуффиксальные существительные типа: *as'iná*, *skurá*, *muxá*, *xmará*, *l'ipá*, *budá*, *ž'irá*, *ž'urá*;

2) суффиксальные существительные: *hal'iná*, *trac'iná*, *dal'iná*, *n'iz'iná*, *mažaz'iná*, *kan'uhá*, *z'v'aruhá*, *žlaz'uhá*, *p'aščuhá*, *ž'aruhá* 'постилка' (встречается и *ž'arúha*), *kvaktuxá*, *mugačá*, *makgysá*, *šynavá*.

В связи с характером акцентуации следует отметить значительное преобладание здесь сравнительно с другими белорусскими говорами производных существительных, относящихся к грамматическому классу *a*-основы типа *vára* 'приготовленная пища', *dryhaun'á* 'зыбкое болото' (Ольх.), *mažat'n'á* 'площадка, где молотили', *p'eramóta* 'ошибка в красках', *sparyn'á* 'хлеб, который закапывают в землю по окончании жатвы и перед началом сева ржи по местному обычаю', *bačtuxá* 'пойло', *traxn'á* 'мелкая солома', *stajá* 'часть нивы, которую занимает во время жатвы одна жнея', *družá* 'впадина в реке', *sagačn'á* 'укладка из сорока снопов' (Ст. Тр., Полицк., Нист.).

Эта группа существительных пополняется за счет других классов: *mys* — *mysá*, *dažón'* — *dažan'á*, *duplò* — *dupl'á*, *m'ac'éž* — *m'ac'éža*, *v'éc'er* — *v'etruhá*, *k'išén'* — *kašan'á*, *rgymák* — *rgymáka*.

Аналогичное явление отмечено и в белорусских говорах Виленщины (Лит. ССР)⁶.

Класс существительных на *-a* пополнился за счет суффиксальных образований, среди которых отдельные группы отличаются большей продуктивностью, чем в других белорусских говорах. Значительную группу составляют дериваты с суффиксом *-ina*, которые различаются как характером образующих основ, так и по своему лексическому значению:

а) от именной основы *stan-*, *hruz'-*: *stan'ína* 'свиная туша', *stan'iná* 'отрез полотна на сорочку', *hruz'ína* 'сало с нижней части свиной туши';

б) от основы *lob-*, *bok-*, *xgьb'ét-* с формантом *-ac'ína* образуются дериваты с экспрессивным оттенком пренебрежительности: *žabác'ína*, *bakác'ína*, *xgьbác'ína* (Зас., Ольх. и др.);

в) от слова *s'v'incáha* образуется дериват *s'v'incážyna*;

г) от основы со значением собирательности *greb'est-*, *haréš-*, *grab'as'ína* 'деталь крыши', *haréžyna* 'орешина' (Ольх.).

⁶ См. кн.: «Lietuvių kalbos gramatikos tyrinėjimai». Vilnius, 1969, стр. 225.

Отмечены образования от основ качественных и относительных прилагательных типа *małaz'ina* 'грибное место в лесу', *srłósn'ina* 'льняное полотно'.

В сочетании с суффиксами относительных прилагательных -ov (-av) отмечены следующие образования: *babón'iny* 'стебли боба', *hagašv'iny* 'стебли гороха', *futróv'ina* 'меха', *rudóv'ina* 'ржавчина на болоте', *zdúxav'ina* 'название неплодородной пахотной земли' (Новогр. и др. р-ны);

д) реже находим подобные образования от глагольных основ: *zhréb'iny* 'мелкая солома и колосья, отходы при ручной молотье', *xrapan'ina* 'замерзший снег после оттепели' (Ольх.), ср.: *xhára* 'корка снега' (Зас.).

В сравнении с другими белорусскими говорами на границающей с Литвой территории в большей степени распространены существительные с суффиксом -isa, pl. -isy:

В названиях деталей, относящихся к ткачеству и обработке льна, конопли, а также к материалу: *s'érn'isa*, *tarl'isy*, *n'ícal'n'isy*, *náb'il'n'isy*, *vyb'agan'isy* 'мужская особь конопли', *húb'isa* 'мера длины основы и полотна домашнего изготовления'.

В названиях поверхности, стороны: *znájn'isa*, *dóbrýca* 'изнанка и правая сторона', *padal'n'isa* 'подол', *v'ékhn'isa*, *sródn'isa* 'верхняя и нижняя корка в хлебе', *staran'isa* 'сторона в гумне'.

В названиях некоторых трав: *jeścá*, *rałúcv'isa* 'виды травянистых растений'.

В названиях посуды: *s'órl'isa* 'сосуд, в котором трут мак', *dajn'isa* 'ведро, в которое доят коров'.

В названиях родства: *załv'isa* 'золовка', *pás'arb'isa* 'падчерица'.

В образованиях с аугментативным оттенком: *hałódn'isa* 'головдовка', *n'idbájl'isa*, *n'idbál'isa* 'ленивый, беззаботный человек' (Зас.), *v'ál'isa* 'слабый человек' (Ольх.).

В диминутивах: *hał'isa*, *kuž'él'isa*, *n'az'él'isa*, *karóv'isa* (Поставский, Дятловский, Новогрудский, Сморгонский, Вороновский и др. р-ны).

Как отмечает Я. Отрембский, литовским суффиксам -ikas, -ikis в славянских языках соответствуют суффиксы -ькъ, -ьсь, -ька, -ьса, -икъ, -исъ, -ика, -иса⁷.

Большая лексическая группа с указанными суффиксами также выделяет рассматриваемые говоры среди говоров основного диалектного массива.

Более часты случаи наличия здесь образований с суффиксом -ha:⁸ *kañ'uhá* 'конь', *s'v'incáha* 'свинья, кабан', *ž'agúha*, *ž'aguhá* и

gaz'úha 'подстилка домашнего изготовления', *v'atruhá* 'сильный ветер', *p'aščuhá* 'место, где ничего не растет', *b'in'ž'úha* 'название участка сенокоса около Немана, микротопоним'.

Отмечены случаи распространения данного элемента на существительные, где -ha в других говорах соответствуют суффиксы -ka, -ха или -za: *garuhá*: *garúha*, *v'íha*: *v'íka*, *ž'irahá*: *ž'erazá*.

В названиях урочищ имеет место наличие суффикса -ba на месте -va: *prórbá* || *p'arérva m'éscá*, *akrúžanaja vóz'aram*, *tól'k'i* и другим *m'ésc'i jest brot*; *jest try prórby: v'él'ka p'arérva*, *balrukóva p'arérva*, *ihnac'óva p'arérva* (Ольх.); *dryhbá*: *dryhvá* (там же).

Наличие суффикса -av-: *bal'áva kroč*, *žyby bal'ávvy'ja*, *abal'áv'iyú uv'és'*.

В других белорусских говорах в данной категории слов наличествуют суффиксы -n, -ušč, -ušč или совсем отсутствуют подобные образования (*abal'áv'ic'*).

Перечисленные группы существительных отличаются не только суффиксацией и, следовательно, отнесенностью к определенному грамматическому классу, но и просодическими особенностями; в значительной части рассмотренных образований, как двусложных, так и многосложных, преобладает наконечное ударение.

Имеются особенности и в области словообразования имен существительных мужского рода. Здесь наиболее продуктивны образования с суффиксом -uk. Наличие его в разных лексических группах выделяет пограничные белорусские говоры.

Наиболее очерченную группу этого типа составляют существительные, обозначающие детей, детенышей животных: *ž'es'úk*: *ž'ic'á*; *c'el'úk*: *c'el'á*, *c'al'ónak*; *žarabúk*: *žarab'á*, *žarab'ónak*; *jahn'úk*: *jahn'á*, *jahn'ónak*; *ščan'úk*: *ščan'á*, *ščan'ónak*; *c'apl'úk*; *kurčúk*: *kurčá* (Ст. Тр., Мац., Полиц., Зас. и др.).

К этой группе близки существительные *bl'iz'n'úk*, *bl'iz'n'uki* 'близнец, двойня', *znajduk*, *znajduk'i* 'цыплята-крапивники'; *z'agn'úk*, *brandúk* 'зерно ореха', лит. *brándulas* 'зерно ореха'.

Отмеченная группа образований расширяет грамматический класс существительных о-основы за счет существительных с основой на согласный, которые в других белорусских говорах относятся к среднему роду и отличаются особым типом склонения (*c'al'á* — *c'al'ác'i*).

Вторую группу с суффиксом -uk составляют собственные имена типа *Vac'úk*, *Kaz'úk*, *P'atruk*, *Juz'úk*, *V'inc'úk*, а также патронимические образования по имени отца и деда: *Adam'úk* 'сын Адама', *San'úk*, *Marc'úk* 'сын Мартина', *Star'úk*, *Kl'úk*.

Все существительные с суффиксом -uk характеризуются насуффиксальным ударением. В литовском языке им соответствуют диминутивные образования на -(i)ukas типа *kumel'ukas* 'жере-

⁷ J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, t. II, 1965, § 464.

⁸ Именной суффикс -ga известен литовскому языку, отмечен также и в топонимах (А. Кочубинский. Территория доисторической Литвы. — ЖМНП, 1897, январь, стр. 80). См. еще: P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1941, стр. 102.

бенок', žašiukas 'гусенок', а также в собственных именах типа Jonukas, Petrukas, Stasiukas⁹.

Подобные образования компактно выступают в белорусских говорах на территории Литвы и в пограничных районах Белорусской ССР. В более удаленных от пограничья пунктах встречаются единичные названия на -uk: guzawuk 'сосуд из березовой коры для собирания ягод' (Грузд.), łambuk 'стержень итичьего пера' (Ольх.).

По мере затухания образований на -uk соответственно распространяются дериваты с суффиксом -ak. В одних случаях этот суффикс образует названия от основы существительных: xłarcák 'мальчик', vuták 'утенок', l'atn'ák 'годовалый теленок', karčák 'корч', bl'ašák 'сосуд из жести', s'an'ák 'тень', vužák 'змея', hgyvák 'вид овса'.

В других случаях образуются существительные от качественных прилагательных или от глаголов: s'ivák 'илистая почва', žačs'ák 'песчаная почва', s'l'apn'ák 'вид овода', s'in'ák 'название одного из видов грибов', łur'ák 'масленок', gazák 'вид озерной травы', xadák 'кожаная обувь, напоминающая лапти', l'ažák 'полено, лежащее дерево', k'is'lák 'простокваша'.

Аналогичное явление отмечено в литовских говорах белорусского пограничья, где в данном случае выступает литовское соответствие этого суффикса — суффикс -okas¹⁰.

В других говорах перечисленные имена выступают с иными суффиксами. Следовательно, суффикс -ak в них менее продуктивен.

Отдельные существительные мужского рода характеризуются наличием форманта -aj, -ej соответственно его отсутствию или на месте иных суффиксов в других белорусских говорах: xvošč; symbal'ėj 'чистотел'; ščav'ėj: ščav'él; l'ažžáj 'разновидность осоки'; maładžáj: małódn'ik; rapažáj, pl. rapažáji: rónaž, rapáž 'детали ткацкого станка' (Ольх., Зас.).

Подобные формы, возможно, восходят к собирательным образованиям. В литовском языке образования с суффиксом -ija имеют также значение собирательности¹¹.

Отмеченные группы существительных, помимо суффиксации, отличаются и просодическими особенностями — оттяжкой ударения на последний слог.

В единичных названиях отмечен суффикс -en'a: gasal'én'a 'кислая пища, борщ'; s'v'ikl'én'a 'свекла'; z'al'én'a то же, что z'él'e, z'él'je 'трава, сорняки, которыми кормят свиней'; s'am'én'a 'льняное семя' (Ст. Тр., Ольх. и др. пункты).

Такого типа образования отмечены и в других районах (говорах гродненского и брестского ареалов): названия листь-

⁹ J. Otrębski. Указ. соч., § 469.

¹⁰ См. кн.: «Lietuvių kalbos gramatikos tyrinėjimai», стр. 225—226.

¹¹ См.: P. Skardžius. Указ. соч., стр. 80—81; J. Otrębski. Указ. соч., стр. 77—78.

ев и стеблей огурцов и картошки: hurkav'én'e, bul'bav'én'e (см. ДАБМ, карты № 279—281), ср. литовские образования на -ienė типа bul'viėnė 'суп из картошки', kruorėnė 'суп из ячменной крупы', grybiėnė 'суп грибной', kopūstiėnė 'щи'¹².

Отмеченные особенности в области словообразования дополняются значительной группой специфической лексики, относящейся к разным областям хозяйственного и домашнего обихода, взаимоотношений людей и пр.

Здесь можно выделить несколько лексических тем.

I. Названия лиц по роду их деятельности или по характерным признакам.

Отмечены три лексемы со значением 'старший пастух': pastyr, praž'al'n'ik (на белорусском пограничье) и преимущественно sk'erž', sk'erc' (на литовском пограничье).

Лексема pastyr (pástyr) распространяется к северу и востоку. Так, в Докшицком районе Витебской области зафиксирована лексема pastyr со значением 'постоянный пастух, который отвечает за стадо': «Пастыр пает стадо все время, а пастух — каждый день новый, по очереди»¹³.

В таком значении лексема pastyr отмечена в говоре дер. Нистанишки Сморгонского района и дер. Ольховка Новогрудского района Гродненской области. Со значением 'пастух' данная лексема отмечена в говоре дер. Климанты Молодечненского района Минской области¹⁴.

Лексема skerž', sk'erc' имеет то же значение, что и pastyr 'главный, постоянный пастух': kal'is' nan'imál'i sk'erž'á; пры sk'erž'ú pastux'i (Ст. Тр.); sk'erc' — starý pastux (Н.-сады).

В литовском языке слово skeřdžius также имеет значение 'старший пастух'.

В значении 'главный пастух' на белорусско-литовском языковом пограничье отмечена еще лексема praž'al'n'ik (Стр. и Полицк.).

Согласно определению местных жителей, это название происходит от того, что главного пастуха 'определяют, ставят' (Стр.)¹⁵.

Из других областей отмечены лексемы: kłaz'ėj 'колесник': kłaz'ėj — toj, xto rób'ic' kal'ósy (Полицк.), ср. в других говорах kal'és'n'ik (Столбцовский р.) и kal'as'n'ik (Дятловский р.).

¹² См.: P. Skardžius. Указ. соч., стр. 289—290; J. Otrębski. Указ. соч., стр. 213—214.

¹³ М. Раловец. З лексікі вёскі Пустаселле. «Матэрыялы для слоўніка». Мінск, 1960, стр. 77.

¹⁴ В. Бекіш. З лексікі вёскі Кліманты. — Там же, стр. 103.

¹⁵ Возможно, эта лексема находится в соответствии с литовским существительным pradienūkas (диал. pradžienūkas) 'старший пастух, которого по порядку каждый день кормит другой хозяин'.

Представителя от родственников, который приглашает на свадьбу, принято называть kv'atl'is (Полицк.). Эта лексема имеет прямое соответствие в литовском языке, ср.: kvieslŷs 'посланец с приглашением'.

Из лексем, указывающих на наличие характерных особенностей лица, физических недостатков, отмечены следующие:

sav'izdráť — 'человек, который любит восхвалять себя, подчеркивать свое преимущество' (Нист.). Ср. лит. заимствование из славянских языков savizdrōlas 'самовосхваление, самохвал, хвастун'. Э. Френкель указывает на значение 'шут, проказник, шутник' из польского sowizdrzał (E. Fraenkel, стр. 768).

baž'in'a || baž'in'a 'пьяница, гуляка': baž'in'a — rjān'ica, dōma n'i nađūjes, us'ó b'lahója rób'ic' (Грузд. Пост. р.). n'ixam'ážy. 1. 'имеющий физические недостатки': n'ixam'ážaja z'ěuka, kal'i małája, n'astrójnaja (Грузд. Пост. р.), n'exl'am'ážy čaľav'ěk: n'asprátny, n'ezhrábny, kážuc' i na skac'ínu (Ост. Новогр. р.); 2. 'непригодный для употребления в пищу': n'ixam'ážaja búl'ba (Грузд. Пост. р.).

lapš'ivny(-aja), lapš'iva 'говорят на того, кто ест с жадностью': o héta lapš'ivny čaľav'ěk, jon jes' s tak'im ar'ec'ítam, što zdajec:a us'ó sa staľa z'm'ac'éc' (Грузд. Пост. р.); lapš'iva jes'c' s ar'ac'í tam, náta xvatája (Ольх., Зас.); jak janá jes'c' lapš'iva (там же). Ср. польск. łapszywy 'жадный, алчный', лит. lėpšė 'ротозей', lėpšiškās 'глухой', вялый', lėpšas 'нездоровый, слабый'.

Как синонимы к этому определению отмечены prahav'ity, prahav'ita.

l'adačy: zly, s'arž'ity; jon karóvy b'ic, tak'í l'adačy (Ольх., Зас.). Ср.: l'adačy — 'плохой, негодный' (М. И. Каспярович, стр. 182).

karpačy 1. 'морщины, складки': u staróha čaľav'éka na lób'i karpačy, raččaki (Ольх.); karpáty tvar 'весь в морщинах' (Зас.); ср. лит. kágra 'бородавка', kápotas, kápotas; 2. 'складки на мягкой одежде': bývája az'én'a u karpačax, a jak paprasújem, to hláz'an'ka (Ольх.).

II. Названия частей тела человека и животных

Из этой темы отметим лексемы kúľša в значении 'бедренная кость' (Полицк., Зас.). М. Фасмер возводит kúľša к лит. kùľšė, kùľšis 'бедро' (см.: Vasmer, I, 690).

Т. Зданцевичем эта лексема зафиксирована в белостокских говорах в значениях: 1. 'бедренная кость'; 2. 'бедро, нога'; 3. 'угол воза, груженного сеном'¹⁶.

¹⁶ T. Zdanczewicz. Litewskie i ruskie zasięgi słownikowe na Białostoczczyźnie. «Z polskich studiów slawistycznych». Warszawa, 1963, seria 2, стр. 294.

Лексема ról'ic, ról'ac отмечена в значении 'силошной кусок сала, равный всей боковине': až'in ról'ac šľan'iny i druh'í ról'ac šľan'iny (Липп., Н. Мац., Полицк.), ср. лит. švābis 'полнолицый'.

В том же значении выступают aróľak (Осов. Вил. р.) и aról'ac (Зас.). В литовском языке páltis 'большой кусок сала'. Подобное значение приводится и Френкелем: páltis 'Speckseite' (E. Fraenkel, 534). Он относит данное слово к славянским заимствованиям.

ašvál'ina 'кусок сала': al'i š ty ašvál'ínu adval'ila v'él'kuju (Ольх.); ср. лит. švalái: švalái ir atšveitė gabalą sūrio 'раз и отрезал кусок сыра'. В ином варианте: šváb'ina, šváb'ínu v'él'kuju adrežau отмечено в Вилейском районе (Осов.).

Лексема pil'imó зафиксирована в значении 'живот', 'брюхо': wot nasaz'ila p'il'imó, jak ty jahá p'egavágyš (Грузд.). В литовском литературном языке pylimas — действие по глаголу pilti 'насыпать'.

III. Названия обуви

kľumpi 'примитивная обувь из дерева и кожи': kľump'i — z'ega-v'ášk'i, ab'ityja skurój (Ст. Тр.); kal'is' kľump'i nas'íl'i (Стр.); ср. лит. klūmpė 'деревянный башмак'. Лексема kľumby в значении 'деревяшки' отмечена в дер. Пялики Шарковщинского района, в дер. Клены Бельничского района Могилевской области¹⁷.

Другой вид обуви — m'ėkšty различается в говорах в зависимости от материала, из которого они изготовлены, а частично и от назначения.

В одних местностях лексема m'ėkšty сохранились в значении 'тапочки из грубого полотна': m'ėkšty šyła sa zřebja tkánaha (Стр.); ср. лит. mākštai 'ботинки, сделанные из ниток или крестьянского сукна'. В других — как обувь из кожи без шнурков или вообще туфли: méšty — túfl'i b'es šnurkóč abo ľarp'ci s kóžy (Грузд.); méšty — tápačk'i, na s'm'erc' ix kupl'al'i (там же); us'ák'ija túfl'i nazývál'i méšty; ja sab'é kup'ila méšty (Ост.); méšty — aby jak'í starý abútak: súnuc' na nóh'i jak'ija méšty (Ст. Тр.); méšty — 'легкая обувь без каблуков' (A. Brückner, 328).

IV. Еда человека и домашних животных

К этой теме относится несколько лексем:

bóndy в значении 'блины из картошки, опреснок': búl'bu tar-kújam i bóndy p'áčom; kal'is' jél'i z maľakóm (Стр.); bónda i pras-n'ák adnó i tóje (Лоск, Зас., Палицк.); bóndy — 'особого рода пироги': natágyč kartóšk'i sgrój, dabáv'ic' dražžěj, zam'as'íc' mukój pšaničnaj, naklās'c'i c'ésta u m'isačku i s'p'ačy — héta bónda (Ост.); bóndy — tóqstyja bl'iný s pšaničnaj muk'í (Ольх.). В литов-

¹⁷ М. Яўневіч. З гаворкі вёскі Клены. «Матэрыялы для слоўніка». Мінск, 1960, стр. 31.

ском языке *bandà* 'булка, хлебец', 'посев батрака'¹⁸. В некоторых северобелорусских говорах слово *bónda* зарегистрировано в значении 'своя часть, доля в хозяйстве': *maja s'v'akrójka svajú bóndu v'azéc': hróšy sab'é z'b'irájíc', másła pradajéc', svajix kuréj z'aržíc'* (Козлы, Пял.). Встречается слово *bónda* и в значении 'приданое, в том числе и скот, который родители дают своей дочери, когда она выходит замуж'¹⁹.

m'ílta — 'похлебка, приготовленная из овсяной муки': *m'ílta — jadá z aų's'ánaj muk'í: av'os párac', súšac', m'él'ac' na mukú* (Нуст.); ср. лит. *miltai* 'мука'²⁰; *mílta* 'толокно': *av'os dóbra upágra-val'i, sušít'l'i, mažól'i na mukú, razvóz'il'i vadój i jél'i* (Грузд.).

Лексема *c'ílta*, вероятно, отражает значение глагола *tilžti* 'мокнуть, мякнуть; размокать, размякать' (E. Fraenkel, стр. 1095); ср. еще лит. *čiułčiėnė* 'картофельная каша', *čiułčiėnis* 'то же', *čiułčis* 'то же'.

Отмечено несколько названий похлебки из ржаной муки: *pútra, gaug'ėn'a: što pútra, što gaug'ėn'a — hėta adnó i tója, tól'k'i pútra sámaja starója sídva; nuptra* — заквашенная в квашне похлебка из солодовой муки (дер. Свердловы, Беш, р-н.; Каспярович, стр. 258); ср. лит. *putrà* 'похлебка, пойло'; *gaug'ėn'a* — вид хлебного напитка, который приготавливали из ржаной муки в домашних условиях (Грузд.); ср. лит. *gaug'inti* 'квасить', *gaug'ėnė* 'вид кваса'.

В других белорусских говорах в этом значении известно слово *saładúxa* (Новогр., Дятл. р-н).

Лексема *martúška* также употребляется в значении 'жидкая похлебка из муки, заправленная жиром' (Ст. Тр.). Возможно, данная лексема является родственной с лит. *markenė* 'вишневый суп', производной от глагола *miškti* 'вымокать'. Появление корневого *t* вместо *k* можно объяснить как результат диссимиляции (*markúska > *martúška*).

júška/juxá отмечена в двух значениях: 1) 'кровь животных'; 2) 'еда, приготовленная из крови животного (обычно свиней)': *jak kol'ác' s'v'inčó i c'acė kroć, hėta nazývájuc' júška; čygnóny jak júška; nap'aklá bl'inoć z júšk'i* (Ольх.); *júxa* в значении 'свиная кровь' и в значении 'человеческая кровь (экспрессивно)': *jak dać u nos, ta aš júxa pal'ílás'a* (Зас.), ср. лит. *jukà* 'суп из крови животного или птицы, кровь, соус'.

¹⁸ См.: V. Urbutis. Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai. «Baltistika», V (1). Vilnius, 1969, стр. 50—51.

¹⁹ А. П. Непокупный в своем исследовании «Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений» (Киев, 1964, стр. 20), останавливаясь на значении слова *bandà*, приводит указание В. Мажюлиса о том, что между прежним значением 'рогатый скот' и более поздним 'пирог' были еще промежуточные значения, отмеченные в письменных памятниках, как 'польза, богатство, собственность, натуроплата батрака', а также дополняет круг значений другими оттенками, отмеченными в белорусских говорах: так, например, *бондой* называют лучший кусок свежего сала или мяса как подарок родственникам или знакомым (Пар. р-н).

²⁰ См.: V. Urbutis. Указ. соч., стр. 65.

V. Названия трав

Представляют интерес обозначения прибрежной и озерной растительности. Имеются особенности в названиях отдельных видов кормовых и вообще трав, сухих кормов, заготовленных для животных.

Один из видов речной травы, похожей на осоку, называют *l'azžáj: ras'c'é u vóz'ary, jadúc' karóny* 'Typha angustifolia' (Ольх.).

Одни и те же виды растения имеют различные наименования: болотная трава (*Cirsium lanceolatum*), которую употребляют на корм для свиней: *z'azėun'ik* (Грузд.); *z'ėz'v'el'* (Глуб. р-н); *xrabóust ras'c'é na n'ískum mókrum m'ėscy, l'is'c'a z' z'amli', padóbnaja da xėnu, šórstk'ija; trėba is'c'í naz'b'irác' xrabústu* (Новогр., Вороп. р-ны); ср. лит. *grabūzdas* 'болотная трава с широкими листьями'.

kakóčn'ik (Глуб. р-н); у Касперовича (стр. 149) *какóчиник* 'белокрыльник' (дер. Вишковичи, Чаш. р-н). Та же трава имеет другое наименование: *vúxa* (Новогр. р-н).

Растение на воде с мелкими листьями называется *maučá* (Нуст.); ср. лит. *máugas* бот. 'ряска'.

Твердую часть растений называют *lėmby: ad máku, bóbu lėmby* (Ольх.); такое же название имеет твердая часть птичьего пера: *lėmby* (sing. *lambúk*); *jak z'arúć' pėr'ja, to lėmbam'i zak'í-dajuc' us'ú xátu* (там же), ср. лит. *laĩmbas, lámbas* 'сочный лист овощей или травы со стеблем, ботва лука'. Словообразовательный вариант данной лексемы *glamb'ak'í* (мн. ч.) отмечен как название листьев (пера) зеленого лука (Нуст.).

šúšp'ica отмечено как название отходов при молотье зерновых культур: *šúšp'ica — heta s'am'aná trać, sarn'akoć; jak v'ėjal'i na takú, astaválas'a šúšp'ica, jajė kúram stípal'i i malól'i s'v'in'am* (Грузд. и в др. пунктах); ср. лит. *šiùkšlės* 'сop, мусop'.

póšar — 'сухой корм, заготовленный для животных на зимний период'; в лит. *pāšaras* 'корм для скота, фураж' (E. Fraenkel, стр. 549).

žúžma — 'вязка чего-нибудь': *v'al'íkuju žúžmu uk'inula travy s'v'in'am; jakúju v'al'íkuju žúžmu kup'ila abarának* (Грузд.); в лит. яз. *žiùžmas* 'кусok'.

Из названий огородных культур отметим: *mórka* 'морковь' (Ольх.); ср. лит. *morkà*.

Названия некоторых древесных растений, их частей, заготовленного из них материала. Из этой области сохраняются следующие лексемы: *bl'inž'á* 'лоза'; ср. лит. *bliūdė* бот. 'бредина'; *blendis* 'ива' (E. Fraenkel, стр. 49)²¹.

В отдельных говорах калину называют *púc'ina* (Ольх., Зас.); ср. лит. *pùtinās*.

²¹ См.: V. Urbutis. Указ. соч., стр. 50.

žyľguc'í — 'тонкие прутья лозы, из которых плетут корзины, а раньше плели детские колыбели': kaľáska ž žyľguc'óu spl'éc'ena; žyľguc'í — héta rózg'í z ľazy (Стр.); ср. лит. žilgutys, žilgūtis, žilgas 'лоза, ракета', žilvītis 'то же'.

slókšny отмечено как название прутьев, материала из лозы, орешника, из которого плели и плетут еще теперь корзины, вяжут метлы, веники: z haréšny gab'il'i slókšny i pl'al'i s'av'én'k'i; ž'arúć slókšny dóu'h'ija; v'én'ik'i, pam'aľó v'azal'i slókšnam'i (Ольх.). Ср. лит. slúoksnas 'перерезанный прут', slúoksnis 'розга, прут корзины', slúoksna 'нить, однопрядная нить веревки'.

В близком значении к слову slókšny зафиксировано ľut (рл. ľuty): ľut héta prut z ľ'ašćin, z jak'ix gab'il'i ľurk'i (Грузд.); в словаре Касперовича (стр. 180): *ľut, ľucik* — 'отдельно свернутое лыко липового ствола'; ср. польск. ľata (из нем. Latte), лит. заимствование из польского lota 'обрешетина, слега'.

šakal'i, šakal'k'i 'мелкие суки, хворост': hóra ľamác' héty šakal'i (Полицк.); ср. лит. šakalys 'лучина, щетка'. Интересно, что в районе Зетельского говора в подобном значении употребляется лексема šyruľ'i; ср. лит. širulys 'щетка'. В Брестской области отмечена лексема šyрка в значении 'хвойные иглы' (дер. Дмитриевичи Каменецкого р-на).

dúl'ka отмечено как название пыли, мелких отходов при обработке льна: dúľ'ka m'elkája kuž'él'a spad žal'éznaj šćétk'i (Грузд.); jak l'on tr'épl'uc', to céľy kúcy dúľ'k'i (Ольх.); jak l'on truc', to dúľ'ka saz'fc:a na hruž'í (Ост.); ср. лит. dūlkės 'пыль'.

Из других областей, относящихся к животному миру, животноводству и другим сторонам хозяйственной жизни и быта, приведем несколько лексем:

hajn'á отмечена в значении 'стая волков в период течки': wóćsa hajn'á byvája pat kól'ady (Ольх.), han'já 'толпа, стая' (Зас.); hajn'avác': vaűk'í hajn'újuc' i súćk'í hajn'újuc' (Ольх.); ср. лит. gaujà 'свора, стая волков, собак'.

В том же значении по отношению к волкам известно слово krásy: krásy — wóćsa hul'an':a, krásy pérad kal'adm'i (Грузд.) и wóćsa gújka (Глуб. р.); ср. лит. gujà 'свора, стая волков, собак'.

g'il' (рл. g'il'í) — 'разновидность овода': g'il'í kan'ú u nos l'ézuc', nát:a kón'i jix bajác:a. Ср. лит. gylys 'овод'. В словарях зафиксировано: gil 'название птички', чеш. hil; соответствующие русские названия возможны только как заимствования из польского (Brückner, стр. 141); *гиль-снигирь* (Касиярович, стр. 80).

ľauűžó отмечено в значении общего названия всего того, что подлежит стирке: us'ó ľauűžó gab'áckaja p'egam'ýľa; us'á karéľaja az'éža: kašúl'i, rapčóh'i, anúćy — us'ó uűž'ic' u ľauűžó (Грузд.); ср. лит. ľauűžas 'костер, лом, мусор'. В южных белорусских говорах ľouűž(š) бытует в значении 'куча хвороста' (Слудский, Речицкий р-ны).

grúzy (hrúzy) 'развалины, остатки на месте сгоревшей постройки': adn'ý grúzy astal'ís'a pa spál'inyx hátax (Грузд.); gruzáľk'i 'мелкие кусочки в картофельном пюре': gruzáľk'i u kášy, kal'i сыравátaja búľ'ba; nu i kášu staűk'ľá, adny gruzáľk'i (там же); ср. польск. gruz 'развалины стены' (Brückner, стр. 160), лит. grūzdas 'мусор'.

kurac'ý: rózval'n'i, razváľk'i (вид саней): pa bakáx paľazóű byľ'í kurac'ý; tréba p'erapl'és'c'i kuráč; sán'i s kuračóm (Ольх.).

stuhór 'большая куча': stuhór s'éna, saľóмы (Грузд.). Ср. лит. stűguras 'столб' (К. Būga, II, 609). В других белорусских говорах в подобном значении употребляется hórba 'куча чего-нибудь' (Пруж., Шереш. р-ны).

Из лексики, относящейся к физической природе местности и атмосферным явлениям, отметим следующее: šaróš 'корка льда на реке во время заморозков': kal'í raűynája zam'arzác' raká, to pa joj šaróš (Ольх.).

čáty — 'дождь с перерывами, небольшие тучи': došć čátam'i praűž'ic'; čátam'i zas'áhvaja n'éba (Ольх., Зас.).

Угодья, окруженные водой (озером) при наличии перехода с одной стороны, носят названия prórb'a и p'arérva: u nas try prórb'y: v'él'ka p'arérva G'étkava (фамилия), Ignas'óva p'arérva, Batruk'óva p'arérva (Ольх.).

nort отмечено как микропоним: название урочища, со всех сторон окруженного рекой: u nórc'í byvája sanažác', ľazá ras'c'é; byvája šmat nartóű (Ольх.). Обычно nort образуется в тех случаях, когда река на изгибах прокладывает новое русло по прямой линии. В сборнике гидронимов Литовской ССР находим название реки Nórtupis²²; ср. польск. nurt rzeki 'течение реки' (Brückner, 366).

hak 'побережье и мелкий берег реки, поросшие травой': kal'á N'ómna hak (Ольх.). Отмечено слово *gak* в белорусском литературном языке: Касцы рассыпались на гаку (Я. Колас).

vákaгына 'название волн, которые поднимаются на реке (Немане), когда дует ветер (обычно западный) против течения': kal'í véc'ar napróć'ic' vad'ý, to sxóű'ic'a vákaгына, n'imóűna N'óman p'eraűxac' (Ольх.). Ср. лит. vakarys, vakāris 'западный ветер' (J. Otrėbski, II, 64), ср.: vakarinis 'вечерний'.

сьндра 'разновидность пахотной земли': с'v'órdaja i бьgvana-vátaja z'amľ'á, tam bľazéű ras'c'é (Ольх.).

Также s'ызma отмечена как название неплодородной (подзолистой) земли, где растет несъедобная трава s'iv'éc (Остр.). В переносном значении 'скупой, жадный человек': s'ызma ты, u с'ab'é n'í raűv'is':a (Грузд.).

²² «Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas». Vilnius, 1963, стр. 110. A. V a n a g a s. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970 стр. 242.

В качестве единицы измерения пахоты и засеянного поля отмечена *láva*: *n'ókali harál'i u lavy*, *prahón'ac' 12 baraz'ón* — *héta láva* (Палицк.), *v'él'ka láva žyta ras'éjana*; *adná láva hektára* 10 (Ольх.); возможно, связано семантически с лит. *láva* 'грядка, загол, нашенная полоса'.

Специфическую группу номенклатурной лексики составляет область рыбного хозяйства. Ниже приводим некоторые названия рыб.

Одни и те же породы рыб называют по-разному. Так, для налива в одних говорах имеется название *v'ág'eš*, pl. *v'ág'ešy* (Грузд.), ср. лит. *vėgėlė* 'налим', в других *m'al'káč*, pl. *m'al'káčy* (Ольх.). В словаре Касперовича для этого вида отмечено название *мень*, *мянтуз* (стр. 189, 194); название *m'antús* встречается в говоре дер. Засець Дятловского р-на.

jáksy (*Leuciscus leuciscus*) *žyvíc' u gėčkax*, *ргыхóзас' z' N'omana*, *n'ibal'shija*, *gabija* (Ольх.); *ялец (елец)*: *Яльцы и галайни добра ідуць у сетку* (Каспяровіч, стр. 361).

rečnaja k'ělba (*Gobio gobio*) *mal'énkaja gymbka*, *jest bal'shija k'ělbačk'i* (Ольх.); *marskaja k'ělba* pa 15—20 *k'il'*, *z marėj rgyxóž'ic' u N'oman*, *gabaja* (там же); *k'ešp*, pl. *k'alb'y* (Зас.).

ž'el'asp'ór (*Abramis ballerus*) *vél'kaja x'išnaja gība*, *pakrítaja b'ělaju žuskóju* (Ольх.).

jažgúr (*Acerina cernua*) *gība nát:a kal'účaja* (Грузд.); *яжгур* — 'ерш' (дер. Тяпина, Чаш. р-н, Каспяровіч, стр. 360).

vangór (*Anguilla anguilla*) *gība što hat* (Ольх.), *vangóгы jos' u Náрачы* (Грузд.); ср. в польск. *węgorz* 'рыба' (Brückner, 609), лит. *ungurys* 'угорь'.

s'il'áva (*Coregonus albilla*): *ù Náрачы роўна s'il'avy* (Грузд.), ср. лит. *seliava* в том же значении. В ином значении зафиксировано в словаре М. Касперовича, стр. 305: *сялява* 'ракушка' (дер. Марковщина, Витебск. р-н).

ukl'ajá (*alburnus alburnus*) *radóbnaja da s'il'avy* (Грузд.), ср.: *ukleja*, *uklejka*. «Название рыбы известно у всех славян (и в Литве *aukslė*?); нем. *Uckelei*» (Brückner, 593).

stróng, *stróng'i* (*Salmo fario*): *žyvc' u gėčkax* (Ольх.) *kurm'el'* — *mal'én'kaja šeran'kaja gymbka* (Грузд.); в словаре М. Касперовича, 172: *курмель* 1) 'пескарь (*Gobio fluviatilis Flem*)' (д. Дробушева, Беш. р.); 2) 'человек низкого роста' (Башенковичи, Беш. р.), лит. *kūrmis* 'крот; переносн. человек низкого роста'.

Из приспособлений для ловли рыбы приведем: *v'érša* 'рыболовная снасть из прутьев': *v'érša na gību*, *v'éršaju lón'ac' gību*; *jajé pl'atúč' z lázóvnyx dupcób* (Ольх.); *v'éršy stáv'ac:a z'imóju*, *kal'í u az'áгах задыхáес:a gība*; ср. лит. *várža* 'верша', «в польском *wiersza*, устар. *wirsza* 'сеть для рыбы и раков; из прутьев или тростника, подобно лейке (воронке)»; праслав., серб., словен., чеш. *wrsza*, рус. *верша*, луж.: *wjersza* от *wierzch*, потому что закругляется; *wierszyc'*» (Brückner, стр. 617).

gagán'ec 'светильник, которым пользовались при рыбной ловле в ночное время': *gagán'ec zróbl'en z žal'ėznych mal'én'k'ix kólcau*, *kudii ukládál'is'a smal'anija dróuca*, *służyц d'l'a s'v'ėtu vad'y* (Ольх.); ср. польск. *kaganek*, *kaganiec* 'лампа, черенок для свечей, железная корзинка на стержне, где помещается источник света' (Brückner, стр. 212—213), ср. лит. заимств. из слав. *gagaĩdius* в том же значении.

Последняя группа лексики отличается своим фонетическим обликом: наличием взрывного *g*, а также сочетаний гласных с носовым в позиции перед согласным типа *ont/ant*, наличием мягких задненебных перед гласными переднего ряда *-k'e,-g'e*, что несвойственно белорусским и другим восточнославянским говорам.

В области глагольной лексики выделяются следующие лексемы: *rójsavac* 'очищать ячмень от остей': *rójsavac' jačm'én'*, *z as'c'ukóu vyb'ivájac'*; *rójsavac' daužėj jak małac'ic'* (Лоск.); *ról'savac'*: *rójsavac'*; *pól'sujuc' sapám'i jačm'én'*, *jak abmałó'ac'*, *sałómu zdýmuc'*; *jačm'én' pól'saval'i*, *kaš vusób n'i byłó* (Ольх., Лоск. и др. пункты); *rójsavac'* перен. 'бить по голове' (Дзерж.); ср. лит. *paistyti* 'шастать (ячмень, клевер)' (E. Fraenkel, 526).

hrab'estavac' — 'прибивать жерди к стропилам'; ср. лит. *grebėstoti* 'решетить, обрешечивать, обивать планками, рейками' (E. Fraenkel, 165). Отдельную жердь называют *hrab'as'c'ina* (там же).

zakéltac' (*zakałtác'*) 'развести водой, размешать в воде': *m'ítu nak'éltala i tak najélas'a da smáku*; *m'ítu k'éltajis žyž'éjsuju*, *jas'í s xl'ébam* (Грузд.); *mučnija s'l'izak'í skarėj zakałtác* (там же); ср. лит. *kėlti* 'поднимать, касаться', *kėldinti* 'заставлять подняться'.

zag'ézrac' *čarav'ik: zašnuravác'* (Ольх.).

brytác': *pl'és'c'i* (изделия из лозы, веревок): *láp'c'i brytál'i z lázby* (Грузд.); ср. лит. *britoti* 'распутывать', *britūza* 'запутанные нитки'.

sóbakac' — 'растить, досматривать животных, а также детей': *v'ísaukała dvux kabanób* (Осов.), ср. лит. *saũklinti* 'выращивать, сделать к.-н. больше', *pasisaũklinti* 'то же', *saũkas* 'черпак, большая ложка'. В других говорах в подобном значении употребляется *xávac'* (Ворон., Волож. р-н).

В значении 'говорить' с экспрессивными оттенками отмечено несколько лексем:

l'al'ašíc' — 'болтать, галдеть, переговариваться': *l'al'ašyl'i báby* pa *v'óscy* (Ольх.); ср. лит. *lalėnti* 'шуметь, галдеть, гомонить; идти (ехать) с шумом и гамом'; *lelėnti* 'оклеветать, наговорить'.

sałanz'ic': *trapác'* (языком): *jajé začap'í*, *dyk janá i pašlá sałanz'ic' jazykóm* (Ольх.), ср. лит. *skalaĩbyti*, *skalaĩpyti* 'болтать'.
■ *šaxúg'ic'* 'говорить пустое' (Зас.).

ap'ýkac' 'найти, напасть на ягоды, траву': *ap'ýkau travy*, *pa-v'adú kan'á u nóvaja m'ésca*; *ap'ýkała jáhat* (Нист.).

sprakúž'ic' 'стать ненавистным, нестерпимым': *jak sprakúž'u z'ác'u*, *to'dá dómu jėdu* (Грузд.); *sprakúž'iu jon mn'e* (Ольх.); *sprakúž'ic'* — 'надоесть' (Зас.).

nahanúć 'настоять на своем': nahanúli wótpusk jamú dac' (Ольх.); nahanúć — 'настойчиво захотеть': jak nahan'é što zrab'ic', ta jahó n'i uhanógyš (Зас.).

ргышыбул'іс:а : ргыхавас:а, ргытајіс:а : аз'іа шыкаја, а цс'е ргышыбул'іс:а з'е-п'ебус' (Ольх.).

зашырул'іс:а — 'спрятаться среди чего-нибудь': kól zašyrúli'is'a n dróva (Зас.).

Мы дали краткий перечень слов, относящихся к разным тематическим группам. Отмеченные лексемы занимают неодинаковую территорию: одни из них (как, например, bónda, m'íta, šúšp'ica, róšar, dúl'ka, rójsavac') выделяют большой массив, другие, как sk'erc', praž'al'n'ik, kv'atl'is, žyngucí, концентрируются на литовском пограничье.

Многие слова находятся в пассивном запасе. Они удерживаются старшим поколением; большинство из них уже вышло из употребления, место их заступили другие лексемы.

В ряде случаев отмечается наличие двух синонимических рядов, которые обозначают одни и те же понятия. Например: bl'in'z'á и łazá, rúc'ina и kal'ina, žúžma и v'aska, zakéltac' и zam'ašác' (Ольх.).

Обычно один из указанных членов преобладает, другой находится в пассивном запасе. И только при наличии семантических различий функционируют оба члена, как, например, dúl'ka и рыл. Первое из них обозначает пыль при обработке льна, второе — всякую пыль. Следовательно, первое более узкое, второе — более широкое по объему своего значения.

Мы отметили некоторые фонетические, лексические и словообразовательные особенности пограничных белорусских говоров, указав на отдельные параллели в литовском и польском как на возможные ближайшие источники.

Известно, что подобные параллели имеются и в других языках, но размеры статьи не позволяют останавливаться на этом более подробно.

Приведенные лексико-словообразовательные материалы могут быть учтены при более детальном исследовании.

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ И РАЙОНЫ, ИЗ КОТОРЫХ ПРИВЕДЕНЫ ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Грузд. — Груздово, Поставский р-н
Зас. — Засетье, Дятловский р-н
Липн. — Липняки, Вильнюсский р-н
Лоск. — Воложинский р-н
Нист. — Нистанишки, Сморгонский р-н
Н-сады — Новосады, Вильнюсский р-н
Н. Мац. — Новые Мацели, Вильнюсский р-н
Ольх. — Ольховка, Новогрудский р-н
Осов. — Осовец, Вилейский р-н

Ост. — Осташин, Новогрудский р-н
Полиц. — Полицкишки, Вороновский р-н
Ст. Тр. — Старые Троки, Тракайский р-н
Стр. — Стрельцы, Эйшишкский р-н

ЛИТЕРАТУРА

- A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
М. И. К а с п я р о в и ч. Віцебскі краёвы слоўнік [матэрыялы]. Віцебск, 1927.
E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, t. I—II. Heidelberg—Göttingen, 1962.
M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, t. I—III. Heidelberg, 1950—1958.
A. Lyberis. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius, 1962.
K. Būga. Rinkiniai raštai, t. II. Vilnius, 1959.
J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, t. II. Warszawa, 1965.

НЕКОТОРЫЕ ЯВЛЕНИЯ КОНТАКТИРОВАНИЯ
ЛИТОВСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ГОВОРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЕ)

Е. Й. Гринавецкене

В некоторых районах Литвы, в особенности в районах бело-русско-литовского пограничья, вследствие определенных политических и общественных отношений, сложившихся в ходе исторического процесса, встречаются сплошные, иногда довольно большие территории, жители которых умеют говорить на нескольких местных говорах отдельных языков. Например, жители юго-западных окрестностей литовской столицы (юго-западная часть Вильнюсского р-на, восточная часть Тракайского р-на, Эйшишкский р-н) в основном говорят по-белорусски (или, как они сами выражаются, «по-пробсту») и по-польски, знают русский язык, изредка старики лет 70—80 и более говорят по-литовски; по-литовски слабо говорят также дети школьного возраста. В северо-восточных окрестностях Вильнюса (Вильнюсский, часть Ширвинтского, Молетского и Швенченского районов) местные жители говорят в основном по-польски; некоторые старые люди общаются и на местном литовском говоре, слабо говорят по-литовски дети; все население понимает по-русски. В окрестностях Кедайняй преобладают литовский и польский говоры. Оба они почти в одинаковой мере свойственны только пожилым людям, а для молодежи и школьников более характерным является литовский говор. Жители некоторых окрестностей Зарасай и Йонавы общаются между собой по-русски, но могут говорить и по-литовски; в некоторых пограничных пунктах Скуодасского, Мажейкского, Акмянского, Йонишкского, Биржайского и других районов многие местные жители в равной степени пользуются как литовским, так и латышским говорами и т. п.

Но сталкивавшиеся в течение веков на территории Литвы отдельные языковые системы не всегда были равноправными и не являются таковыми в наше время. В зависимости от определенных условий одни из них постепенно исчезали или исчезают,

другие же были или становятся доминирующими, вытесняющими, побеждающими; одни из них контактировали в прошлом и продолжают эти контакты в настоящее время, другие контактируют лишь в наши дни и т. п. Языковые явления отдельных контактирующих систем переплетались и переплетаются между собой, вследствие чего в структуре каждого отдельно взятого такого говора образуются новые элементы, наблюдаются новые направления их дальнейшего развития.

В отношении языковых контактов особенно интересными являются смешанные территории юго-восточной Литвы (Вильнюсский, Тракайский, Эйшишкский р-ны), где прослеживаются наиболее интенсивные и широкие контакты литовских и славянских языковых систем, так как здесь контактировали и продолжают контактировать четыре языка, на которых говорили и продолжают говорить поколения того же самого коренного населения, и которые, кстати, не во все времена имели одинаковый языковой престиж.

Для наблюдений над процессами, происходящими в языковых системах данной территории, Институтом литовского языка и литературы АН Литовской ССР в 1952—1967 гг. было организовано несколько диалектологических экспедиций (одна из них совместно с сотрудниками Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР), во время которых основное внимание уделялось постепенно исчезающему или в некоторых местах уже почти исчезнувшему местному литовскому говору, степени и объему проникновения в этот говор элементов других контактирующих языковых систем, возрасту этих элементов, отдельным процессам, происходящим в его языковой структуре вследствие контактирования, а также отображению существующих в нем некоторых явлений многоязычия. Вместе с тем (хотя и в меньшей степени) велись наблюдения над соответствующими языковыми процессами, происходящими в других столкнувшихся здесь языковых системах.

На исследуемой территории в большинстве случаев в домашнем обиходе и обществе люди говорят по-белорусски («по-пробсту»), хотя считают себя поляками, в особенности среднее поколение и молодежь. Большинство молодежи старается говорить со своими родителями на польском языке, усвоенном в школе, а старые местные жители говорят: «Какие из нас тут поляки, — отцы наши да деды были литовцы, говорили по-литовски, только с течением времени мы ополячились, потому что раньше здесь не было литовских школ, не учили по-литовски; вначале, в царское время, учили по-русски, а позже — по-польски. . .» Они хорошо помнят то время, когда их родители и деды еще говорили по-литовски, но уже сами они со своими детьми начинали и продолжали говорить «по-пробсту». В окрестностях Шальчининкай, например, официально перестали говорить по-литовски лет 70—

80 тому назад, но после первой мировой войны говорящих в обществе по-литовски было еще немало. В деревнях же, находящихся в стороне от больших административных центров, по-литовски свободно говорили еще до польской оккупации (т. е. до 1920 г.), во многом способствовавшей забвению родного языка. Однако в 1920—1940 гг. в этих местах по-литовски можно было общаться свободно, на этом языке тогда говорило большинство людей старшего поколения. В настоящее время многие старики настолько забыли литовский язык, что не могут сами на нем говорить, хотя в разговоре признаются: *aš visa pažįstu, kūr sakai*¹ 'я все понимаю, что говоришь'. Они обычно вспоминают только отдельные литовские слова, выражения, названия предметов, умеют считать по-литовски и т. п., хотя встречаются также люди, которые еще довольно хорошо говорят по-литовски, могут вести беседу на этом языке, рассказывать о прошлом, отвечать на вопросы, петь, рассказывать сказки и т. п.

На указанной территории в качестве информаторов в первую очередь и подыскивались именно такие старики. Всего обследовано 16 населенных пунктов: (Вильнюсский р-н) Marijampolis (Мариямпольс); (Тракайский р-н) Trakai (Тракай), Baičiai (Барчай), Šklėriai (Шклеряй), Paluknys (Палукнис), Paneriai (Панеряй); (Эйшишкский р-н) Senieji Macėliai (Сянейи Мацяляй), Rūdininkai (Рудининкай), Didžiosios Sėlos (Диджесэс Салос), Šalčininkėlis (Шальчининкелис), Daugidonys (Даугидонис), Vėžiūnys (Вежэнис), Butrimėnys (Бутримонис), Šalčininkas (Шальчининкас), Eišiškės (Эйшишкес)². В каждом населенном пункте использовалось в среднем четыре—шесть таких информаторов, за исключением Тракай и Палукнис, где имелись в среднем один-два информатора. Вместе с тем для сравнения соответствующих языковых особенностей, бытующих в отдельных языковых системах исследуемой территории, использовался язык среднего поколения, учащейся молодежи, а также беседа местных жителей на белорусском, польском и русском языках; отдельные рассказы и литовский, белорусский, польский и русский варианты одной и той же сказки были записаны на магнитофонную ленту³.

При сборе материала отмечено, что есть разница между литовским языком старшего и среднего поколений, а также молодежи. Большинство старшего поколения четырехязычно, умеет

говорить на литовском, белорусском, польском и русском языках. Говоря на одном из указанных говоров, старик обычно сохраняет всю языковую систему данного языка и вместе с тем может легко переходить на хорошо знакомую ему систему другого языка; он охотно включает в свою речь слова, выражения, фразеологические обороты и т. п., относящиеся к другому языку, быстро переводит свои и чужие мысли с любого известного ему языка на любой другой. Имелись даже случаи, когда местная певица, исполнившая литовскую народную песню, тотчас же продолжала ее на белорусском языке и в белорусском напеве. Но вместе с тем отмечено, что речь старшего поколения вообще лишена своеобразной выразительности и является более скованной, стесненной языковыми системами остальных трех говоров. В ней наблюдается процесс постепенного сокращения сферы функционирования отдельных элементов литовского языка. В местном литовском говоре, например, бросается в глаза бедность в подборе глагольных синонимов, невыразительность отдельных словообразовательных средств, синтаксических оборотов и т. п. Здесь встречаются, например, такие литовские предложения, как *vilkas sėdzi medži*, вместо *vilkas tupi medži* 'волк сидит в лесу'; *varliū daug sėdėj an krāsto*, вместо *varliū daug tupėjo ant krāsto* 'много лягушек сидело на берегу'; *žmogūs kapojo rūšy*, вместо *žmogūs kiřto rūšy* 'человек рубил сосну'; *sėnis prakapojė svuolū*, вместо *sėnis prakiřto svuolū* 'старик прорубил скамью'; *peleda atāj namo*, вместо *peleda grįžo namo* 'сова пришла домой'; *aš del' marciōs šašuras*, вместо *aš maiciai šašuras* 'я свекор для снохи'; *upėly suprastavoj*, вместо *upėly iščiėsino* 'речку выпрямили' и др. Но вместе с тем записанный здесь довольно богатый литовский диалектный материал показывает, что литовский говор в основном сохранил исконно литовские черты и не потерял своей самобытности, что в нем полностью сохранились основные языковые особенности, свойственные всему западнодзукскому диалекту. В нем обилие старой диалектной лексики, характерной для этого диалекта, например: *kėltava*, литер. *galvijas* 'скотина', *kėltaviena*, литер. *jautiena* 'говяжье мясо', *draugė*, литер. *šeimyna* 'семья', *rakščis*, литер. *kařtas* 'гроб', *jūnkycis*, литер. *mokytis* 'учиться', *mėdzias*, литер. *miřkas* 'лес', *mėdziaga*, литер. *mėdis* 'дерево', *pařtas*, литер. *kiaušinis* 'яйцо', *pauciėnė*, литер. *kiaušiniėnė* 'яичница', *dzievaićis*, литер. *mėnuo* 'луна' и *mėnesis* 'месяц', *rugiėnā*, литер. *ražiėnā* 'жнивье', *ragėc*, литер. *matyti* 'видеть', *vėlinas*, литер. *vėlinas* 'черт', *viešnagė* 'пребывание в гостях', *grėnas*, литер. *nūogas*, *plikas* и *grėnas* 'голый', *pagūrys*, литер. *sumuřti* 'побить', *kitas*, литер. и *añtras* 'второй', *žaũgterc*, литер. *žeũgtelėti* 'шагнуть', *karoc*, литер. *kaboti* 'висеть' и мн. др. В его фонетике содержится большинство основных фонетических особенностей всего западнодзукского диалекта, например *dzidziulis*, литер.

¹ Литовские диалектные примеры в статье приводятся в диалектной форме в упрощенной транскрипции.

² См. диалектологический материал, хранящийся в Институте литовского языка и лит-ры АН Лит. ССР в картотеке Атласа литовского языка, № 193, 248—250, 253, 367, 369—371, 760, 764, 766, 816, 858, 875—877.

³ См. магнитофонные записи, хранящиеся в Институте литовского языка и лит-ры АН Лит. ССР в фонотеке Атласа литовского языка, № 197, 242, 275, 276.

didžiūlis 'большой', mēdzias, литер. mēdžias 'лес', šaifdzie, литер. šiaifdzie 'сегодня', dziēve, литер. diēve 'о бог', dzvylīka, литер. dvylīka 'двенадцать'); деналатализация согласных (suslaikis, литер. suslāikis 'согнуться', lādas, литер. lēdas 'лед', laūtū, литер. leūta 'доску', dzidziule, литер. didžiulė 'большая'); превращение древних дифтонгических сочетаний an, en (литер. a, e) в долгие монофтонги ū, u (sugrūžys, литер. sugrāžinti 'вернуть', šūla, литер. šāla 'он, она мерзнет, они мерзнут', skūsta, литер. skēsta 'он, она топает, они топают', šākū, литер. šāka 'ветку', вин. п. ед. ч., pēly, литер. pėlė 'мышь', вин. п. ед. ч.); сохранение дифтонгических сочетаний литературного языка an, ap, em, en без изменений (kanda 'он, она кусает, кусается, они кусают, кусаются', vandenio 'воды', род. п. ед. ч., peiketas 'пятеро'); произношение дифтонгов ie, uo основы слова с оттенком протетических j или v (pjėmeny, литер. pėmenė 'пастуха', вин. п. ед. ч., svuolū, литер. sūola 'скамью', вин. п. ед. ч.); появление протетического j в конце слова после дифтонга uo (sasuōj, литер. sesuō 'сестра', akmuōj, литер. akmuō 'камень'); отпадение в определенных случаях конечных долгих ė, o, u, стоящих перед j, v и долгим слогом (: mokėj, литер. mokėjo 'он умел, она умела, они умели', važiāu, литер. važiāvo 'он ехал, она ехала, они ехали', apsiparšāu kiaulė, литер. apsiparšiāvo kiaulė 'опоросилась свинья', pāēm, литер. pāēmė 'он взял, она взяла, они взяли', dzviėj, литер. dviėjū 'двух', род. п.); сохранение древней формы предложения iž (> в литер. iš) перед начальным гласным или l, m, n, r, v (: iž abiėj, литер. iš abiėjū 'с обоих, с обеих', род. п., iž Vylnio, литер. iš Viltiaus 'из Вильнюса', iž lubū, литер. iš lubū 'с потолка', ižg nog ryto, литер. iš ryto 'с утра') и мн. др. Своим грамматическим строем исследуемый литовский говор также ничем не выделяется среди всех западнобалтских говоров. Но вместе с тем встречаются в нем и некоторые более древние морфологические формы отдельных слов, которые сохранились только в древних письменных памятниках литовского языка, а в других литовских говорах в настоящее время не отмечены. Например, слово žmónės 'люди' в этом говоре является существительным женского рода: būvo usiřgy visos žmónės 'болели все люди', sūšaukė penkiās žmónės 'позвали пять человек', ср. Daukšos Postilė (Kaunas, 1926): žmones apraudótfios 27⁴⁷, nešufkaitomas žmones 91³⁰, wiřsos žmónės 167²³, а также литовский литер. būvo apsiřgę visi žmónės; sūšaukė penkiās žmónės и т. п.

Но не все сказанное выше о литовском говоре является показательным для речи среднего и молодого поколений этих местностей. Хотя молодежь, говоря по-литовски, изредка и употребляет некоторые диалектизмы, характерные для данного говора (kadū, литер. kada 'когда', ingruvo, литер. įkrito 'он упал, она упала, они упали', neragėc, литер. nematyti 'не видно', rautāicis, литер. kiaušinukas 'яйцо'), но в большинстве случаев это

касается только тех слов, которые в речи употребляются вообще реже или не встречаются в учебниках, читаемой литературе и т. п. Те же слова и формы, которые усваиваются ежедневно или усваивались во время уроков, они произносят обычно как в литературном языке. Вместе с тем отмечен и тот факт, что речь среднего и молодого поколения еще менее выразительна, она еще сильнее скована языковыми системами трех остальных контактирующих говоров, в ней еще ярче отражаются суперстратные элементы. Такая тенденция проявляется как в фонетической структуре данного говора, так и в его лексике и в грамматике, так как среднее поколение, говорящее на этом говоре, не только хорошо владеет славянскими языками, но чаще всего и думает на них. Закон передвижения ударения в их речи или совсем отсутствует, или сильно «хромает». В большинстве случаев многие слова произносятся с ударением на первом слоге (: žalia, литер. žaliā 'зеленая', arklis, литер. arklīs 'лошадь', āpinis, литер. apunīs 'хмель'); по существу не различаются интонации гласных звуков и обычно в слове подчеркивается лишь ударяемый слог; количество гласных и дифтонгов нивелируется, их качество нередко приближается к качеству звуков трех остальных контактирующих говоров. Употребление времен, падежное управление и согласование в речи среднего поколения тоже не всегда полностью соответствуют законам литовской грамматики, например: aš ten pradziřbau kas tai virš mētu 'там я проработал что-то сверх года'; raikė būvo aš 'надо было идти'; prašom išrāšč māno būlu 'прошу решить мое дело'; tėvas laike karo žuvo 'отец погиб во время войны'; ānas statė rekordus 'он ставил рекорды'; paz dziedu nebūva sāseres 'у деда не было сестры', ср. лит. литер. яз. aš tei išdirbau bevėik daugiaū kaip metus; reikėjo eiti; prašom išspręsti māno būla; tėvas per karą žuvo; jis rodė rekordus; senėlis neturėjo seseřs. В лексике наблюдается много прямых заимствований, приобретенных зачастую литовские окончания, например: tavòřkos 'подруги', atgūlas 'отрул', pragūlas 'прогул', plótnikas 'плотник', ср. лит. литер. яз. draugės, papildoma pòilsio dienā, pravaikštā arba, savavališkas neatvykimas į darbā, dailidė. В речи среднего поколения изредка бытуют даже такие несогласованные литовские предложения, как: aš gal' turėjau mētū penki, a brólis — aštunci 'мне, может быть, было лет пять, а брату шел восьмой'; būvo labai seni pušei 'были очень старые сосны'; piņnina su šautuvėm 'они охраняют с ружьями', ср. лит. литер. яз. aš gal turėjau peiketa mētū, o bróliui ėjo aštunti; būvo labai sėnos pušys; saugoja su šautuvais.

Заимствованные модели славянских языков в устах среднего и молодого поколения не вытесняют исконных моделей целиком, а бытуют параллельно с ними, однако калькирование отдельных славянских моделей привело к существенным изменениям в структуре литовского говора. Приведенные примеры лишней раз по-

казывают, что в настоящее время литовский говор, в особенности в устах большинства исследуемого населения, является постепенно исчезающим. Для взаимовлияния столкнувшихся здесь языковых систем большое значение имеет родство балтийских и славянских языков, близость или тождественность отдельных словообразовательных элементов, сходство некоторых форм, общность или совпадение отдельных фонетических, лексических и синтаксических явлений. Все это способствует еще более активному естественному их сближению. Но наряду с этим необходимо отметить, что одни контактирующие говоры данной территории непосредственно влияют друг на друга (к числу таких относятся местные белорусский и литовский, белорусский и польский, взаимовлияние других происходит косвенным путем, по существу при посредничестве белорусского языка (к числу последних относятся литовский и русский, литовский и польский говоры).

При наблюдении языковых контактов на этой территории отмечен ряд общих явлений, выделяющих любой отдельно взятый говор из общей языковой системы данного языка и объединяющих столкнувшиеся говоры отдельных языков между собой.

1. Во всех контактирующих говорах прежде всего бросается в глаза ряд новых элементов, не характерных для них до начала контактирования. Эти элементы каждый контактирующий говор получает со стороны как основной продукт контактирования. Отмечено, что в условиях четырехязычия контактирование происходит во всех сферах языка, однако в контактирующих говорах больше всего встречается лексических заимствований. С течением времени эти заимствования прививаются в данном говоре и укореняются в нем. Литовский говор, например, через белорусский получил целый ряд отдельных славянских слов — существительных, прилагательных, глаголов, наречий (некоторые из них известны и другим литовским говорам), например, *večėre* 'ужин', *šerscīs* 'шерсть', *stadalà* 'постоялый двор', *stodà* 'стадо', *žsba* 'жаба', *zbōnas* 'кувшин', *kladoukà* 'кладовая', *klatkà* 'перекладина', *sliėdas* 'след', *āstravas* 'остров', *vatupkà* 'ватник', *klykai* 'клыки', *kvarabà* 'недуг', *stūdnia* 'колодец', *dvādesėtkis* 'два десятка', *škādnykas* 'причиняющий вред'; *dauni čėsai* 'давние времена', *drabnūkas lietūs* 'мелкий дождь', *kvāras* 'больной', *dūžas* 'крупный, сильный', *nekatrās* 'некоторый', *senūja daig* 'много стоит', *čytóc neškādzina* 'чтение не вредит', *bājyc* 'рассказывать', *apsjōvyc* 'явиться', *tāpucis* 'топиться', *sliūžyc* 'служить', *krūvdzyc* 'обижать', *piñnios* 'оберегать', *stūkos* 'стучать', *strōšyc* 'пугать', *romiėscyc* 'вспоминать', *ūtāgyc* 'говорить', *insiprōvyc* 'влезть', *gromkai* 'громко', *ināčėi* 'иначе', *kiba* 'хотя', *masnai* 'сильно, много', *pāta* 'очень', *nechói* 'пусть', *pačėi* 'почти', *ščaslyvai* 'счастливо', *trūdna* 'трудно', *veseliai* 'веселее' и др. Но в литовском говоре совсем отсутствуют заимствования числительных, так как в нем употребляются только свои формы, например:

vjėnas 'один', *du* 'два', *dzvi* 'две', *pūgmas* 'первый', *vjienvuolėkis* 'одиннадцатый', *peñketas* 'пятеро' и др. Их обычно еще употребляют (как это было отмечено выше) и те старожилы, которые уже не говорят по-литовски. Отсюда можно сделать вывод, что система числительных — это самое устойчивое звено исследуемого литовского говора и меньше всего поддается влиянию извне.

Большинство славянских заимствований, такие как *šerscīs*, *stodà*, *klatkà*, *drābnas*, *vėselas*, *strōšnas*, *trūdnas* и др., употребляются сравнительно часто, представляются древними и распространены на довольно обширной территории, а другие, например *lorà* 'лапа', *klykai* 'клыки', *indūkai* 'индюки', *gromkai* 'громко', *ināčėi* 'иначе', являются результатом более поздних языковых контактов, имеют сравнительно узкую сферу употребления. Известны случаи, когда некоторые заимствования употребляются в сочетании с литовским словом в одном значении, например *zineja—gyvātė* 'змея', *vėjas—vikrius* 'вихрь', *pietlià—kylpa* 'петля' и др. Приведенные окаменелые примеры говорят о постепенности процесса укоренения заимствования.

Кроме указанных заимствований, в настоящее время в литовский говор вновь проникает мощный поток современных славянских слов, например: *atlėčnikas* 'отличник', *akòtnikas* 'охотник', *saròžnikas* 'сапожник', *liubòvnikas* 'любownik', *prijòmnikas* 'приемник', *progulėšėikas* 'прогульщик', *gruzovėšėikas* 'грузчик', *dvòrnikas* 'дворник', *liòčėikas* 'летчик', *ablicòvka* 'облицовка', *padnòškė* 'подножка', *zavòdas* 'завод', *kalastiākas* 'холостяк', *narėdai* 'наряды' и др. Наряду с ними литовским говором калькируются или заимствуются и некоторые префиксальные образования, типичные для славянских языков. Это прежде всего касается глаголов с префиксами *pa-*, *pa-*, *pa-*, *pa-*, *pa-*, например: *pāmire motkà* 'умерла мать', *gegulià padmetė paūtū* 'кукушка подбросила яйцо', *praskaĩtė laiškū* 'он прочел письмо'; *raspiòvė per pūsy* 'он разрезал пополам', *razbaĩdė vištàs* 'она разогнала кур', *ānas rasisvėikino* 'он распрощался', *užlòjo švuò* 'залаяла собака', *man užsisūko galvà* 'у меня голова пошла кругом', ср. лит. литер. яз. *nūmirė mótina*; *gegūtė padėjo kiaušinj*; *pėrskaitė laiškà*; *pėrpiovė per pūsa*: *išbaĩdė vištàs*; *jis atsisvėikino*; *sulòjo šuò*; *man apsisūko galva*.

Данные инородные элементы, проникая в контактирующий литовский говор в виде калек и заимствований, влияют даже на его морфологическую систему, со временем постепенно вытесняя соответствующие литовские словообразовательные элементы и почти полностью выполняя их функции. Заимствования данного типа самые молодые, но вместе с тем и самые распространенные.

Славянские диалектные словообразовательные элементы отмечены и в образовании сравнительной и превосходной степени

имен прилагательных и наречий. Сравнительная степень наряду со свойственными литовскому языку суффиксами (для имен прилагательных -esnis, -esnė, для наречий -iau, например: ānas vūgasnis už tėvū 'он старше отца', motkà gegaū žyно 'мать лучше знает'), как и в местном белорусском, чаще употребляется с суффиксами превосходной степени, например: geráusio gувėnimo nėr kap kalkozì 'нет жизни лучше, чем в колхозе'; nėr gar džiausio per vėgėly ir per lўnū 'нет вкуснее щуки и линя'; nėr geráusia kap sveciūsa, nėr blogiausia kap sveciai 'нет лучше как в гостях, нет хуже как гости', ср. белор. *гладзейшы, радзейшы, бліжэйшы; у мяне быў старэйшы брат; ён быў цярпдзейшы за мяне*. Превосходная же степень чаще всего образуется от только что описанной сравнительной степени при помощи славянской частицы *na-*, например: *naigardziausi obuoliai* 'самые вкусные яблоки', *naigraiciausia nuskrido* 'она бежала быстрее всех'; ср. белор. *найвышэйшы, найбляейшы*; польск. *największy, najwięcej, najlepszy, najliepiej, najświętszy*. Иногда встречаются окаменелые примеры превосходной степени с двумя частями, первая из которых балтийского, вторая — славянского происхождения, например: *kuonaigražiausia* 'самая красивая', *kuonaigraiciausia* 'быстрее всех, очень быстро'. Приведенные примеры тоже указывают на процесс проникновения славянских словообразовательных средств в морфологию говора.

В местном литовском говоре встречаются и некоторые синтаксические конструкции явно славянского происхождения, например: *tai buvo da už Mikalojo* 'это было еще в николаевские времена'; *už sėgo buvo gryspausta kalbà — sa kalbės sarmācinas jauniūmas* 'в царское время наш язык был притеснен — молодежь стыдилась его'; *už Lėnkijos utāgynom lietūviškai* 'при польской власти мы говорили по-литовски'; *tai buvo da už mą atminciēs* 'это я еще не помню'; *susiėdas apsirangė už vėlinū* 'сосед переоделся чертом'; *ānas jūnkės už kūnigū* 'он учился на ксенза'; *kaštāvo daugiaū dzviėj šymtū* 'стоило больше двухсот'; ср. белор. *за Міколаем; ён перадзеўся за чорта; вучыцца за доктара; заплаціла большэ двухсот*; польск. *za króla; za mojej pamięci; służyć za kucharza; przebrać się za kobietę* и т. п.

В местный белорусский говор проникли такие литовские диалектные слова, как *pāšaras* (= *пошар*) 'корм', *žaginys* (= *жэгин*) 'скирд', *skeirdzius* (= *скердзь*) 'старший пастух', *pākulos* (= *пакульле*) 'пакля', *dzirvonas* (= *дзірван*) 'залежь', *svircis* (= *сверць*) 'журавль (у колодца)', *pālcis* (= *пальць*) 'ломоть', *plutà* (= *плута*) 'корка', *mūltai* (= *милты*) 'мука', *kvieslys* (= *квятлис*) 'приглашающий на свадьбу', *gėzginės* (= *рэзгин*) 'кошель для носки сена', *kambliai* (= *камбли*) 'комели', *lūpa* (= *луна*) 'губа', *makštai* (= *макшты*) 'мягкие домашние туфли', *tėlias* (= *цяля*) 'теленки', *cipliukai* (= *цыплюкі*) 'цыплята', *mentėle* (= *мянтушка*) 'лопатка', *kūpra* (= *кіпра*) 'петля', *kālvė* (= *кальва*) 'кузня', *cvikliėne* (= *цви-*

кленя) 'борщ', *burokienė* (= *буракавеня*)⁴ 'борщ' и др. Некоторые литуанизмы употребляются даже в сравнительных оборотах, напр.: *kerėpla* 'неуклюжее' (= *стайць як керэпла* 'о том, кто неуклюже держится'), *šakalys* 'щена' (= *лытки шакалёвы* 'голени как щепки'), *burbuliukai* 'пузырьки' (= *падае як бурбульки* 'падают как пузырьки'), *grambuolys* 'майский жук' (= *чарна як грамбуля* 'черная как майский жук') и др.

Из приведенных примеров видно, что литуанизмов в белорусском говоре сравнительно меньше, чем белорусизмов в литовском. В нем не отмечено литовских прилагательных, глаголов, наречий и др.

Все литуанизмы белорусского говора — это имена существительные. Так как среди белорусизмов в литовском говоре тоже больше всего встречается имен существительных, то следует вывод, что имя существительное — это самое чуткое звено систем контактирующих говоров и легче всего заимствуется. Кроме того, все приведенные литуанизмы являются сравнительно древними заимствованиями (новых не отмечено). Отсюда другой вывод: в настоящее время литовский говор является более пассивным, сам больше «берет», чем «дает». Вместе с тем отмечено, что все древние литовские географические названия в устах посетителей белорусского (отчасти и польского) говора почти не изменили своей первоначальной (литовской) формы; в них ярче всего отображаются основные фонетические и словообразовательные элементы западнодзукского диалекта, например: названия лугов (окрестности Палукнис) — *Бедугня* (ср. лит. *Bedugnė*), *Плаці* (ср. лит. гов. *Placi*, литер. *Plačióji*), *Йлгабрасць* (ср. лит. гов. *Jūlgabrascis*, литер. *Įgabrastis*), *Миркікла* (ср. лит. гов. *Mirkyklà*); (окрестности Мацяляй) *Шакі* (ср. лит. гов. *Šākos*), *Лепалота* (ср. лит. гов. *Liepalota*); (окрестности Бутримонис) *Дегні* (ср. лит. гов. *Dėgšnė*), *Ажусаль* (ср. лит. гов. *Ažusalis*), *Ажунеснь* (ср. лит. гов. *Ažūpėsnis*), *Трейгина* (ср. лит. гов. *Treiginė*), *Бокицыня* (ср. лит. гов. *Bókšcinė*, литер. *Bókštinė*), *Видулаукь* (ср. лит. гов. *Vidūlaukis*), *Саманія* (ср. лит. гов. *Samaninė*), *Паварэс* (ср. лит. гов. *Pāvares*, литер. *Pāvarės*), *Ажутвары* (ср. лит. гов. *Ažūtvarai*), *Рацяліні* (ср. лит. гов. *Ratėliniai*), *Поудзышка* (ср. лит. гов. *Pūdžiškė*, литер. *яз. Pūodiškė*), *Русаройсць* (ср. лит. гов. *Rūsaraiscis*, литер. *Rūsaraistis*), *Дайнабаль* (ср. лит. гов. *Daīnabalis*), *Клоні* (ср. лит. гов. *Klōniai*), *Лігуця* (ср. лит. гов. *Lygūtė*); названия лесов (окрестности Мацяляй) *Шылалі* (ср. лит. гов. *Šilāliai*), *Цырвядугня* (ср. лит. гов. *Cirvijadugnė*), *Паракецы* (ср. лит. гов. *Pārakeciai*, литер. *яз. Pārekečiai*), *Дугны* (ср. лит. гов. *Dugnai*); названия полевых полос (окрестности Палукнис) *Садзіба* (ср. лит. гов. *Sodzyba*, литер. *яз. Sodýba*), *Друскіні* (ср. лит. гов. *Druskini*

⁴ Ср. еще: «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карты 280—282.

niai); названия болот (окрестности Палукнис) — *Йілгабаль* (ср. лит. гов. *Yūlgabalis*, литер. яз. *Īgabalis*), *Мешкабаль* (ср. лит. гов. *Mėškabalis*); (окрестности Мацяляй) *Альшнюпя* (ср. лит. гов. *Alš-piūrė*); названия гор (окрестности Палукнис) — *Ажукальня* (ср. лит. гов. *Ažukalnė*), *Смелюйка* (ср. лит. гов. *Smėliūvka*) и др. Приведенные примеры говорят о том, что «язык земли» является самым устойчивым элементом лексики, на котором меньше всего отражаются результаты контактирования столкнувшихся языковых систем.

В белорусском говоре отмечен и ряд литовских словообразовательных, грамматических, отчасти и фонетических заимствований. Здесь встречаются литовские суффиксы, прежде всего диминутивные: *-уля, -ук (-укуць, -ейчук)*, которым соответствуют тождественные литовские суффиксы *-ulė, -ukas, -ukutis, -evičiukas*. Суффиксы *-уля* и *-ук* чаще всего встречаются в личных именах (*Адуля, Пятруля, Стасюля*, ср. лит. *Adulė, Petrulė, Stasiulė; Пятрук, Янук, Габрук*, ср. лит. *Petrukas, Jonukas, Gabrukas*) и в некоторых нарицательных словах (*матуля, мамуля, дачуля, гегуля*, ср. лит. *motulė, mamulė, gegulė; паршук, цялюк, цыплюк*, ср. лит. *paršiukas, teliukas, cipliukas*). В домашнем обиходе с суффиксом *-ук* часто встречаются также прозвища членов семьи, образованные от имени отца семьи, например: *Даминюкі* 'дети и вся семья Доминюка', *Габрукі* 'дети и вся семья Габрука' и т. д.

Составные суффиксы *-укуць, -ейчук (< -евичук)* употребляются для обозначения фамилий неженатых сыновей. С данными суффиксами имеются образования как от фамилий (*Карпукуць* 'сын Карпа', *Жвирблукучь* 'сын Жвирблиса', *Тамашэйчук* 'сын Тамашевича', *Трусейчук* 'сын Трусевича', ср. лит. диал. *Karpukūcis, Žvirblukūcis, Tamaševičiukas, Trusevičiukas*), так и от имени отца семьи (*Габрукуць* 'сын Габрука', *Антукуць* 'сын Антука', *Пятрукуць* 'сын Пятрука', ср. лит. диал. *Antukūcis, Petrukūcis* и т. п.).

Кроме указанных субстратных явлений, в белорусском говоре, как и в литовском, употребляется одна общая форма глаголов для обозначения как третьего лица единственного, так и третьего лица множественного числа. Ею служит форма третьего лица единственного числа, например: *шэць братоў жыве; пчалы рукой ідзе; тры сыны служыць ў арміі* и др.

Отмечены также случаи, когда ударные *a, i, u* в белорусском говоре произносятся как соответствующие литовские долгие (чаще всего сильноконечные) гласные, например: *абўць* 'обуть', *апчасали* 'обчасали', *дачку* 'дочку', *яма* 'яма', *мачаха* 'мачеха', *німā* 'нет', *нітки* 'нитки', *плāча* 'он, она, оно плачет, они плачут', *хāта* 'хата', *знāчы* 'значит'. Данное явление, на наш взгляд, можно считать литовским фонетическим заимствованием.

Хотя в настоящее время языковые контакты белорусских и польских говоров на исследуемой территории довольно тесные

(этими языками пользуются среднее поколение и молодежь при общении со стариками), но польских заимствований (в основном лексических) в белорусском говоре сравнительно мало. Среди них можно упомянуть несколько нами отмеченных польских наречий, например: *прэ́тко* 'скоро', *потэ́м* 'потом', *ю́ж* 'уже', *венце́й* 'больше', *та́ж* 'тоже', ср. польск. *prędko, potem, już, więcej, też*. Однако в польском говоре белорусских заимствований очень много. В нем встречаются целые фразы, целые отрывки речи на белорусском языке и множество прямых калек с белорусского. В этом можно убедиться хотя бы на примере приводимого ниже отрывка сказки, расшифрованного с магнитофонной ленты: ... *on, znaczy, klicze*⁵: «*Tusia Marusia, dzicia płacze, jeśli chce*». *Ta Marusia przyleciała dzicia saić*⁶ ... *Kiedy on i gła razłamał, ta, znaczy, stoi ubrana, a ta siedzi goła abczasana*⁷.

Отсюда явствует, что хотя в настоящее время польский говор широко употребляется на исследуемой территории, но он не стал в ней вполне укоренившимся и доминирующим, так как этой роли ему не уступает белорусский говор.

Сказке русской записи прежде всего свойственны языковые элементы всех трех остальных контактирующих говоров, полученные прямым и косвенным образом. Для нее характерно цеканье (*-шиць, гosci, сидець, смотриць*), отдельные белорусские и польские (а также литовские) синтаксические конструкции, например: *сказали до отца; сватает до е; смеется из меня; корова подошла до е; моложе за меня; что с не е делаць* и др.). В морфологии и лексике русского говора тоже много заимствований из контактирующих говоров (: *колька* 'сколько', *дзиця* 'дитя', *плача* 'оно плачет', *есци* 'есть', *хоча* 'оно хочет', *дал ей куделю* 'дал ей кудель', *они ненавидиць сыротку, они гониць е вон* и др.). Это говорит о том, что русский говор, будучи на этой территории сравнительно новым, употребляется реже всех и в большинстве случаев используется только как средство договориться с приезжими. Его контакты с другими употребляемыми здесь говорами сравнительно слабые.

2. Наряду с заимствованиями во всех контактирующих говорах более активными и жизнеспособными выступают те элементы, которые являются общими для всех контактирующих языковых систем. В местном литовском говоре, например, по сравнению

⁵ Kliczyć=zwąć, см.: J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. II. Warszawa, 1902, стр. 359.

⁶ Soić=karmić piersią, см.: J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. V. Kraków, 1907, стр. 187; J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. VI. Warszawa, 1915, стр. 260.

⁷ Obczasować=ociosać, obdrapiwać, см.: J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. III. Warszawa, 1904, стр. 444.

с другими западнодзукскими говорами, совсем не чувствуется влияния литовского литературного языка — тенденции исчезновения дзуканья или ослабления депалатализации согласных. Данные фонетические особенности, наоборот, усиливаются, распространяются и захватывают новые позиции (в особенности позицию перед гласными переднего ряда). Аффрикаты *s*, *dz* здесь, например, произносятся и перед конечным *i* (< **-én*, **-ēn*): *ruódzi*, вместо ожидаемого в этом говоре *ruódi*, литер. яз. *ruóde* 'в горшке', мест. пад. ед. ч.; *medži*, вместо *medì*, литер. яз. *miškè* 'в лесу', мест. пад. ед. ч.; *praklōdzy*, вместо *praklōdy*, литер. яз. *praklōdę* 'простыню', виш. пад. ед. ч.; согласные *r*, *š*, *ž* всегда депалатализованы и перед гласным *i*, напр.: *tūgy*, литер. яз. *tūgì* 'он, она имеет, они имеют', *rāšynas*, литер. яз. *rāšinas* 'заноза', *žyno*, литер. яз. *žino* 'он, она знает, они знают' (приведенная особенность характерна и для некоторых других западнодзукских говоров). Данное произношение указанных звуков, скорее всего, бытует и потому, что оно поддерживается произношением соответствующих звуков белорусского говора. Отмечен даже случай, когда из-за влияния последнего аффрикаты *s*, *dz* произносятся и перед гласными *e*, *è*, например: *prakliūdzė*, вместо ожидаемого *prakliūdė*, литер. *rajūdino* 'он пошевелил, она пошевелила, они пошевелили', *cētervinas* вместо *tētervinas* 'тетерев', *ceṭà* вместо *teṭà* 'тетя' (последние два примера, правда, характерны и для других дзукских говоров), а согласные *d*, *m* депалатализируются и перед гласными *i*, *e*, например: *bandītai* 'бандиты', *mātras* 'метр', ср. лит. литер. *bandītai*, *mētras* (с другой стороны, приведенные примеры, возможно, являются и прямыми белорусскими лексическими заимствованиями). В исследуемом литовском говоре не видно также тенденции исчезновения или сужения сферы употребления таких словообразовательных элементов, как образования с суффиксами *-iokas*, *-očius*, *-ūnas*, напр. *teliōkas* 'теленочек', *gaidziōkas* 'петушок', *berniōkas* 'паренек'; *keikūnas* 'ругатель', *tejūnas*, литер. *gajūnas* 'кто жадный', *galvōčius* 'мудрец', *barzdōčius* 'бородач' и др., так как прямые их соответствия хорошо известны и белорусскому (а некоторые и польскому) говору, например: *кацяк*, *прасяк*, *цяляк*; *крыжун*, *пявун*; *сілач*, *барадач*. Вместе с тем здесь распространен и суффикс *-inukas*, широко употребляемый на юго-восточной территории Литвы, ибо его прямое соответствие — суффикс *-ник* в белорусском говоре в настоящее время тоже продуктивен, например: *bičinykas*, литер. *bičiniukas* 'пчеловод', *bašcinykas*, литер. *drėvininkas* (архаизм) 'вынимающий мед из борта', *darbinūkas*, литер. *darbiniūkas* 'работник', *árklinukas*, литер. *árklininkas* 'конюх', ср. белорусские *лясник*, *аўчарнік*, *звоннік*. Общими для белорусского и литовского говоров, по всей вероятности, являются и суффиксы в основном итеративного и фреквентативного значения префиксальных глаголов несовершенного вида, например: *atvažvūodzinės* 'приезжать',

rgygyždžynės 'привязывать', *atbėgdzinės* 'прибегать', ср. белор. *залепліваць*, *затрымліваць*, *расцэньваць*⁸, которые, на наш взгляд, в определенных случаях в какой-то мере выполняют функции неиспользуемого здесь прошедшего многократного времени. Творительный инструментальный в литовском говоре закономерно употребляется без предлога, например: *spárdos kójom* 'он, она толкается, они толкаются ногами'; *āgė jáuciais* 'пахали волами', *ýlu prādura* 'они проколют шилом', *vienu rankū papjovė vilkū* 'одной рукой он зарезал волка'. Данную тенденцию в основном поддерживают тождественные явления не только соседних литовских говоров, но и славянских языков (ср. белор. *нагой пастукаў*; *рукой касілі*). В контактирующих литовском и белорусском говорах широко употребляется и творительный падеж состояния, например: *ānas yrai dāktaru* 'он врач', ср. белор. *ён быў звонніком*, *настаўніком*. Средний род причастий этих говоров обычно заменяет именительный падеж множественного числа (: *dróbinės kėlnės pasiūta* 'полотняные штаны пошиты'; *žmogūs maišų sklepaĩ iĩmesta* 'человек в мешке в подвал заброшено'; *pėivos išarta ir žoliū prysėta* 'луга выпажано и травой засеяно'; ср. белор. *санажаць выарано и травы пасеяно*; *парткі пашыта*). Обоим говорам свойственны многочисленные примеры употребления определения после определяемого слова, например: *užpviole jū vilkaĩ trīs* 'напали на него волки три'; *giedoj giesmes šventàs* 'пели песни святые'; ср. белор. *на яго напалі воўкі тры*; *аставіл дзецям свайм*; ср. лит. литер. яз. *išardė tiltus visus* 'разрушили все мосты'; *suvarė kaip gývulius kókius* 'загнали как животные какие'; *diėve brāngus* 'о бог дорогой'; *motinėle mieliāusia* 'о матушка любимая'. Сравнительные конструкции в этих говорах образуются обычно при помощи тождественных союзов — *kap* (литовский говор) и *як* (белорусский говор), например: *sėdzi vilkas kap kũpeta* 'сидит волк, как копна'; *mėsōs buvo kap mālkos* 'мяса было столько, как дров, очень много'; *šovė kap iš šautuvo* 'стреляло, как из ружья', ср. белор. *яна як чорт*; *дражыць як асіна*; *жывеш як загарак*. Кроме того отмечено, что в литовском и белорусском говорах используются некоторые одинаковые синтаксические конструкции, напр.: *ānas juvōkias iž manū* и *яны смяюця с нас*; *saldėsnis už mēdū* и *саладзейшы за мед*; *vilkas atėju ir papjovū tēliu* и *воўк прішоўшы з лесу и зарезаўшы цяля* (ср. рус.: *они смеются над нами*; *слаже меда*; *волк пришел из леса и зарезал теленка*; ср. еще польск. *on śmieje się ze mnie, jesteś starszy niż ja*), которые, на наш взгляд, тоже следует считать литовско-белорусскими общностями.

⁸ Ср.: «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы». Мінск, 1957, § 181, стр. 155—158. A. Vidugiris. Veiksmazodžiai su priesagomis *-inėti*, *-dinėti* Zietelos tarmėje. — Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A, 2 (11). Vilnius, 1961, стр. 229.

3. Кроме указанных явлений контактирования, в описываемых говорах отмечен и ряд отмирающих конструкций. Прежде всего сужается сфера употребления, застывают или совсем отмирают те элементы контактирующего говора, которые отсутствуют во всех остальных контактирующих говорах. В литовском говоре, например, все реже употребляется полупричастие, так как оно не характерно для остальных контактирующих говоров. Хотя его формы еще употребляются в речи, но они почти не выполняют свойственных им функций. В большинстве случаев они употребляются в значении причастий действительного залога настоящего времени и даже приобретают не свойственные им падежные окончания, например: *jvuokdamì važáu* 'они ехали смеясь', но *vilkas pvióle gan ýdamū kárves pjíemeny* 'волк напал на пастуха, пасущего коров'; *rādoma kišky kýlposa gulédamū* 'застали зайца, лежащего в петлях'; *žmoniū aidamū ragėjau* 'я видел люди ходящие'. В литовском говоре не употребляется также (как было упомянуто выше) многократное прошедшее время глаголов. Хотя данное время в литовском языке является сравнительно новым и более поздним образованием, на наш взгляд, причиной отсутствия его на исследуемой территории можно считать языковые контакты. В литовском говоре перед согласными *k* и *g* отсутствуют заднеязычные согласные *ŋ* и *ŋ'*, а также согласный *m* из *n* перед *b*, *p*, вторично путем ассимиляции возникшие во многих литовских говорах и в литературном языке. Древние переднеязычные *n* и *n'* здесь сохранились без изменения как в контактирующих славянских говорах, например: *laĩgvas* вместо *laĩgvas* 'легкий', *gynksiu* вместо *gynksiu* 'я буду собирать', *skaĩba* вместо *skaĩba* 'звенит'. Согласные *n* и *n'*, стоящие перед *k* и *g* и перед *b*, *p*, не поддались ассимиляционному влиянию последних и сохранили свой первоначальный вид и в некоторых других дзукских говорах, а также в аукземнекском диалекте латышского языка. Возможно, что славянские языки, не знающие подобного закона ассимиляции этих звуков, способствовали сохранению древнего их произношения в контактируемом говоре, и, по всей вероятности, также и в других балтийских говорах славянского пограничья.

Указанные явления контактирования литовских и славянских говоров, столкнувшихся на территории юго-восточной Литвы, их характеристика, а также вскрытие общих элементов для всех контактирующих говоров, выделяющих последние из общей системы определенного языка и соединяющих их между собой, на наш взгляд, и являются самыми основными результатами контактирования, сложившегося вследствие определенных условий в ходе исторических процессов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Z. ZINKVIČIUS. LIETUVIŲ DIALEKTOLOGIJA.

Vilnius, 1966.

Книга З. Зинквичюса впервые блестяще продемонстрировала, как многочисленные и разнообразные говоры литовского языка гармонично объединяются в одно целое и образуют стройную систему разговорного литовского языка. Такого обобщающего труда в литовской диалектологии до сих пор не было. Данную книгу, потребовавшую пятнадцати лет тщательного труда, смело можно назвать первой грамматикой литовских говоров. Труд состоит из двух основных глав: «Фонетика» (стр. 32—199) и «Морфология» (стр. 200—445); вопросы синтаксиса литовских говоров в книге совсем не затрагиваются. Кроме того, книга имеет сравнительно большое введение (стр. 11—31), предисловие (стр. 3—10), список населенных пунктов, в которых собран основной материал, а также указатели основных использованных источников и сокращений. В качестве приложения в книге имеется 75 карт отдельных языковых явлений (в основном фонетических), которые в сущности составляют первый атлас фонетических особенностей литовских говоров.

В главе «Фонетика» детально описывается система ударения и интонации гласных звуков, исследуется вокализм и консонантизм литовских говоров. В разделе об ударении и интонации указывается, что жемайтским говорам присущи в основном музыкальные интонации и ударения, в то время как для аукштайтского наречия характерны только динамические ударения. Здесь описываются степени оттяжки ударения и упоминаемые уже в диалектологической литературе виды оттяжки и переноса ударения, их терминология, система интонаций литовских говоров и др.

В разделе «Вокализм» исследуются качество основы слова и окончания (краткие и долгие гласные, рефлексy носовых гласных, дифтонги и дифтонгические сочетания), многообразие систем во-

кализма, зависящее от ударения, редукция конца слова и комбинаторные явления гласных. В этом разделе, как и во всей книге, исследуются не языковые системы отдельных говоров, а для определенных явлений литературного языка подыскиваются их диалектные соответствия, и они сравниваются между собой. В книге чаще всего в данном смысле и понимаются термины «сравнительная фонетика» и «сравнительная морфология». Здесь описывается также ряд новоустановленных фонетических явлений, не отмечавшихся ранее в диалектологической литературе. К их числу можно отнести дифтонгизацию ударного гласного *o* (из гласного *a*), наблюдающуюся в некоторых населенных пунктах ротинянского говора (стр. 51, § 45).

В разделе «Консонантизм» описываются отдельные согласные и исследуются сочетания согласных. Интересно отметить, что, решая проблему палатализации согласных *t'*, *d'* и перехода их в *k'*, *g'* (стр. 140, § 154) в некоторых западнодзукских говорах, автор придерживается мнения, что данный переход мог произойти в результате сравнительно сильной палатализации, причем изменение $t' > k'$, $d' > g'$ он склонен считать собственным фактом развития фонетики литовского языка. Разумеется, что для подтверждения данной гипотезы нужны более исчерпывающие исследования в этой области.

Глава «Морфология» в основном посвящается разбору словоизменения литовских говоров (проблемы словообразования выходят за рамки исследования). В этой главе рассматриваются системы всех частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, причастие, полупричастие (деепричастие, супин), наречие, предлог, союз и частицы, междометие и звукоподражательные слова. На наш взгляд, данная часть книги является наиболее ценной благодаря новизне изложенного материала и актуальности решаемых проблем. Приходится только сожалеть, что морфологическим особенностям литовских говоров посвящается лишь одна карта (карта 75, стр. 520), основная информация которой извлечена из статьи автора, напечатанной в 1955 г.¹ Само собой разумеется, что данные этой карты, как и сама статья, в некоторой степени устарели. Не все разделы морфологии в книге одинаково широко представлены и освещены, не для всех них автор имел достаточно достоверного языкового материала. Например, имя прилагательное или имя существительное в книге исследованы исчерпывающе и всесторонне, чего нельзя сказать о разделах глагола или наречия (это в предисловии признает и сам автор). В этой главе весьма удачны исследования о древних местных падежах, сохранившихся в ос-

новном на территории юго-восточной Литвы, о смешении и переходе основ имен существительных и прилагательных, об исчезающем двойственном числе, атематических глаголах, двойком повелительном наклонении и о многих других древних и редких явлениях литовских говоров. Для сравнения автор удачно использует материалы древних литовских памятников, соответствующие языковые данные родственных и соседних языков.

Как видно из предисловия, диалектный материал для своего труда автор собирал с помощью студентов, используя для этой цели около 700 описаний их родных говоров, представленных в виде семинарских, курсовых и дипломных работ. Кроме большого рукописного материала в книге использован почти весь ранее опубликованный материал, касающийся данных литовских говоров, а также статьи по литовской диалектологии, появившиеся в Литве в советский период. И все-таки вызывает сожаление, что автор не счел нужным использовать в своем труде основной диалектный материал — картотеку Атласа литовского языка, собранную в 1950—1966 гг. и хранящуюся в рукописных фондах Института литовского языка и литературы АН Лит. ССР. Отказавшись от такого достоверного материала лишь по той причине, что диалектные данные указанной картотеки якобы «по существу не соответствовали профилю выполняемой работы» (стр. 5), автор, на наш взгляд, значительно снизил ценность книги. Кроме того, студенческим работам не всегда свойственна достаточная объективность в приведении и оценке диалектных фактов (они иногда страдают неточностью, стремлением показать только редкости своего родного говора или его близость к литературному языку и т. п.), чего и опытному автору рецензируемого труда не всегда полностью удалось избежать в своей книге.

Большинство диалектных примеров в «Фонетике» приведено в диалектной форме в точной фонетической транскрипции, а в «Морфологии» они поданы в формах литературного языка. В труде рассмотрено очень много диалектных примеров; здесь приведены не только основные их формы, но и все возможные их варианты. Диалектный материал удачно классифицирован и научно обработан, так что вся книга производит впечатление серьезного и законченного научного труда, дает полное представление об отдельных языковых особенностях говоров литовского языка. Вне всякого сомнения, данный труд будет иметь большое научное значение как для дальнейшего развития литовской диалектологии, так и для грамматики литовского языка, для литуанистики, а также для балтистики вообще.

В книге впервые применяется новая классификация литовских говоров, составленная А. Гирдянисом и З. Зинкявичюсом². Она отражена и на первой карте книги (стр. 447), а также кратко

² «Kalbotyra», t. XIV. Vilnius, 1966, стр. 139—147.

¹ Z. Zinkevičius. A (Ū)-kamenių daiktavardžių vienaskaitos naudingumas. «Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko v. Universiteto mokslo darbai», t. V. Vilnius, 1955, стр. 187—195.

объясняется в ее введении (§ 2). Основа ее построения — «не изолированные факты, а общности и различия вокализма и ударения говоров» (стр. 13). Новую классификацию авторы предложили взамен традиционной, которая, по их словам, основывается на «изолированных фактах». Однако новая классификация в основном совпадает с традиционной. Например, она повторяет традиционное деление при распределении литовских говоров на две основные группы — аукштайтское и жемайтское наречия — и при распределении жемайтского наречия на три основных диалекта. Таким образом в жемайтском наречии «общности и различия вокализма и ударения», являющиеся основанием новой классификации, полностью совпадают с «изолированными фактами» традиционной классификации. При распределении аукштайтского наречия на диалекты авторы, правда, пытаются основываться на «общности и различии вокализма и ударения» отдельных аукштайтских говоров. В книге, например, «на основе соотношения вокализма начала (resp. середины и конца слова) аукштайтское наречие предлагается делить на три части: западную, восточную и южную» (стр. 14). Однако, несмотря на приведенную выше оговорку, критериями членения аукштайтских диалектов в книге служат критерии традиционной классификации — произношение дифтонгического сочетания -ap- и ударного гласного -a- (стр. 15)³. Новую классификацию литовских говоров авторы склонны считать «улучшенным вариантом классификации А. Баранаускаса», однако термины обеих классификаций и границы диалектов не совпадают⁴. В книге, на наш взгляд, недостаточно мотивировано исключение из классификации среднеаукштайтского и дзукского диалектов (последний, кстати, исключен и А. Баранаускасом) и выдвигание западнодзукского говора в самостоятельный юго-восточный диалект. Не совсем удачны и отдельные названия говоров новой классификации, так как они вносят некоторую путаницу в литовскую диалектологию. Небезупречными являются, на наш взгляд, такие названия, как *telšiškiai* 'тельшийский говор' (название от города Тельшяй) и *raseiniškiai* 'расяйнийский говор' (от города Расяйняй), ибо они взяты из традиционной классификации, однако их содержание уже терминов последней. Если термин *telšiškiai* в традиционной классификации обозначал весь доунининский (северожемайтский) диалект, а термин *raseiniškiai* — весь дунининский (южножемайтский) диалект, то в новой — первый обозначает лишь восточную часть северожемайтского диалекта, а второй — только юго-восточную часть южножемайтского диалекта. Приведенное расхождение между содержанием тождественных терминов но-

вой и традиционной классификации литовских говоров может ввести в заблуждение не одного читателя книги. Некоторое сомнение вызывают и названия говоров *kauniškiai* 'каунасский говор' (от города Каунас) и *panevėžiškiai* 'паневежский говор' (от города Паневежис), так как в паневежский говор включены традиционные пантининкский и понтининкский говоры и северо-западная часть пунтининкского говора, а в каунасском объединено даже пять говоров традиционной классификации (говоры капсов и занавиков, южная часть северо-западных аукштайтов вместе с западноаукштайтским говором Клайпедского края, велоонский говор и южная часть среднеаукштайтского диалекта), фонетические системы которых, однако, различны. Кроме того, подобные названия издавна принято связывать только с жителями определенного района (а в последнее время и с жителями этих жителей), и вряд ли можно согласиться, когда, например, термином *panevėžiškiai* называют говоры довольно отдаленных от Паневежиса окрестностей Бирижай или Жеймялиса, а термином *kauniškiai* — также говоры окрестностей Капсукаса, Любаваса или Пагегай.

В отдельных случаях неудобство новой классификации понимает и сам автор, и во многих местах книги он возвращается к традиционным терминам (стр. 50, 139, 145 и др.), только, на наш взгляд, эти термины иногда необоснованно берутся в кавычки или сопровождаются словами «так называемые». Но когда автор говорит о литовских говорах Восточной Пруссии, которые не упоминаются в новой классификации, он вынужден употреблять традиционные названия говоров.

Большинство карт, приложенных в конце книги, хорошо продуманы и не вызывают сомнений, но некоторые из них можно кое в чем упрекнуть. В частности, отдельные знаки легенды в некоторых картах обозначают такие особенности картографируемого явления, которые выделены по различным критериям и несут по существу несравнимую информацию, однако такие знаки на карте противопоставляются (что, на наш взгляд, противоречит методам лингвистической географии). Для примера возьмем двенадцатую карту (стр. 457). Название ее легенды — «гласный *e* не в окончании». Первый знак легенды — пустотелый квадратик — расшифровывается так: «æ' . . e' (ударный æ'/æ. . . e'/e.)», а второй знак — квадратик с затемненной нижней половиной — уже значит следующее: «a//e (ударный a//e.) в зависимости от последующего за ним слога». Отсюда явствует, что первый знак легенды выдвинут по одному критерию, второй же — по другому, так как первым знаком обозначаются краткие (в ударной позиции полудолгие или долгие) варианты гласного *e*, произносимого от широкого *e*, имеющего оттенок гласного *a*, до гласного *e* без этого оттенка, а вторым — только те случаи, когда краткий (в ударной позиции полудолгий) гласный *e* в зависимости от следую-

³ «Lietuvių kalbos rašybos žodynas». Kaunas, 1948, стр. 117.

⁴ А. Барановский. Заметки о литовском языке и словаре. СПб., 1898.

щего за ним слога превращается в гласный *a*. Отмеченная непоследовательность характерна и для всех пяти остальных знаков данной карты, так как все они основываются на различных критериях и на карте противопоставляются: в тех местах, в которых обозначен один знак легенды, нигде рядом не отмечен другой. Выходит, например, что в тех районах республики, в которых на карте не отмечен пустотелый квадратик, отсутствует обозначаемый им гласный *e*. А в действительности же и у Клайпеды, Сяды, Панделиса, Укмерге, Римше и всюду, где на карте нет этого квадратика, обозначаемый им гласный *e* существует; только в упомянутых местах, кроме него, в определенных случаях произносится еще и другой вариант этого звука, отмеченный другим знаком. Определенных упреков заслуживает и большая емкость отдельных знаков указанной карты. Это прежде всего относится к первому знаку. Уже сама попытка одним знаком показать на карте количество и качество вариантов одного гласного звука в ударной и безударной позиции (в особенности когда эти позиции имеют и свои варианты), на наш взгляд, не может привести к успеху. И действительно: рассыпанные на карте пустотелые квадратик совсем не показывают, в каких говорах картографируемый *e* узкий, а в каких — широкий и произносится с оттенком гласного *a*, где он ударный краткий, где полудолгий и где долгий. Если карта не раскрывает этих явлений, то она не достигает своей цели.

В книге встречаются карты, в легендах которых на первое место выдвигаются не широко употребляемые в говорах, а редкие варианты определенных звуков. Такой упрек можно отнести к картам 28—33, где во всех случаях обыкновенные и шире всего распространенные варианты гласного *o* (например, узкий долгий *o* каунасского и других западноукштайтских говоров) в легендах этих карт отодвинуты на второй или на еще более отдаленный план, а редкие, реликтовые его варианты (например, древний долгий *a*), занимающие сравнительно малую по объему территорию, оказались на первом месте (такой подход к языковым фактам можно было бы оправдать, если бы вся книга была написана не в синхроническом, а в диахроническом аспекте).

В этом большом труде встречаются и некоторые другие неясности или неточности. Хотя в главе «Фонетика» (стр. 33) автор правильно указывает, что в говорах, находящихся к востоку от линии Капсукас, Дотнува, Шядува, Пашвитинис, уже трудно отличить сильноначальную интонацию гласных звуков от сильноконечной, однако на примерах, приведенных из окрестностей Укмерге, Гялвонай, Сесикай, Рокишкис и др., интонации на долгих гласных и дифтонгах *ie*, *uo* отмечены. В § 738 автор предположительно пишет, что предлог *arī*, возможно, является более древним и что наряду с ним — по аналогии с предлогом *prīe*, возникшим наряду с *prī*, — мог возникнуть предлог *arīe*, а в § 753 уже

утверждается, что предлог *prī* — это стяженный в положении проклизы вариант предлога *prīe*. Какому же положению следует верить? Положение § 28, гласящее: «В зависимости от количества слога, на который оттягивается ударение (разрядка наша. — Е. Г. и Ю. С.), условная оттяжка ударения делится на две степени», противоречит, на наш взгляд, сноске этого же параграфа, в которой утверждается, что «за основу деления надо взять не количество слога, на который оттягивается ударение, а количество окончания, с которого оттягивается ударение» (разрядка наша. — Е. Г. и Ю. С.).

В книге изредка встречаются примеры, которые в указанном говоре или не существуют, или не являются характерными для него. Например, наречия *ilgainiui* 'со временем' и *veltui* 'даром, напрасно' (стр. 396) с сильноначальной интонацией на первом слоге приведены из окрестностей Вилкавишкис, однако для носителей традиционного говора данной местности эти два наречия не характерны, так как здесь употребляются равнозначные им привычные наречия *su laiku* 'со временем' и *dykai* 'даром, напрасно'. Приведенные автором наречия в говоре могут встречаться только с сильноконечной интонацией и лишь в речи молодежи. Смена интонации как раз и показывает, что эти слова пришли в говор из литературного языка.

Указанные незначительные недостатки в таком большом и сложном труде неизбежны. Книга З. Зинквичюса «*Lietuvių dialektologija*» за сравнительно короткий срок успела завоевать большое признание в среде филологов, учителей и всех тех, кто интересуется литовским языком и его говорами, стала их настольной книгой. Вместе с тем она уже заняла законное место в ряду таких трудов по диалектологии, как «Русская диалектология» (М., 1964); Ф. Т. Жилко «Нарисы з діалектології української мови» (Київ, 1955), «Нарысы па беларускай дыалекталогіі» (Мінск, 1964), М. Я. Рудзите «*Latviešu dialektologija*» (Rīga, 1964) и др.

Е. Й. Гринавецкене, Ю. Ю. Сенкус

А. П. НЕ ПО КУ П Н Ы Й. АРЕАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Киев, 1964

Эта книга посвящена современным отношениям между балтийскими и славянскими языками — теме малоизученной, однако актуальной и теоретически важной во многих отношениях. Постановка автором ряда общетеоретических проблем в связи с привлечением для сравнения нового материала и его интерпретацией в ареально-типологическом плане имеет большое значение

также и для исследований древнейших балто-славянских языковых отношений, и поэтому не удивительно, что книга А. П. Непокупного приобрела известный научный интерес¹.

В первой главе «О трех аспектах в изучении ареальных отношений балтийских и славянских языков» подчеркивается общезыковедческий характер проблемы балто-славянских языковых отношений и обосновывается выбор метода ареального сравнения. На основании того, что, как правильно отмечает автор, ответ на вопрос о характере балто-славянских языковых отношений является только далекой теоретической целью, автор предпочитает для своего исследования такой метод, выбор которого не требует однозначного ответа на вопрос — родством или сродством следует объяснить большее сходство между балтийскими и славянскими языками. Такая методологическая установка является правильной, так как при исследовании балто-славянских языковых отношений — как современных, так и древнейших — нельзя игнорировать того, что, с одной стороны, как это подчеркивает автор аннотируемой книги, общие явления этих языковых групп не в одинаковой мере распространены в самой балто-славянской языковой области (следовательно, имеют неодинаковую доказательную силу в случае древнейших отношений) и, с другой, — специфические особенности этих языков в генетическом аспекте находят аналогию не только в других и.-е. языковых группах, но и в не и.-е. (прибалтийско-финских) языках.

Далее автор характеризует, иллюстрируя конкретными примерами, три аспекта в изучении ареальных отношений балтийских и славянских языков — островной, континентальный и межконтинентальный. По поводу приводимых для иллюстрации примеров из литовского языка можно заметить, что вряд ли достаточно обоснованным является утверждение автора «о наличии в литовском языке адмиратива — категории, разработку которой в балтийских языках следует вести в свете более изученных фактов болгарского языка» (стр. 27). Предложения типа *Tai Barbė ir jaunikį beturinti* 'у Барбы и жених-то есть' в литовском языке ничем не отличаются от предложений, в которых действие выражается при помощи *modus relativus* и, кроме того, причастие с приставкой *be-* в них употребляется только в стилистически отмеченных случаях (при выражении удивления, иногда восхищения и других эмоций).

Объектом изучения островных отношений балтийских и славянских языков является, по меткому выражению автора, сравнительная грамматика в действии, что имеет особенно важное значение в плане постановки новых вопросов уже для научного сравнения этих языков и что составляет содержание главы «Островные отношения. Русские говоры в литовском окружении».

¹ Ср., например, рец. В. Мажюлиса в «Baltistica», II (1), 1966.

В этой главе автор исследует фазовые конструкции (*baigia ateiti* 'кончает прийти') в литовских и русских говорах окрестностей г. Купишкис. Данные конструкции характеризуются редкой встречаемостью глаголов окончания действия по сравнению с теми, которые имеют начинательное значение, и тем, что глаголы фазовости могут сочетаться только с формами несовершенного вида другого глагола. Однако в русских говорах Литвы в этих конструкциях (точнее в их типе *baigti* 'кончать' + инфинитив) наряду с несовершенным известен также и совершенный вид инфинитива. Данное явление автор объясняет тем, что инфинитивы типа 'перепахать' (в конструкции 'кончать перепахать') воспринимаются как совершенные только потому, что они рассматриваются в системе русского литературного языка и противопоставляются глаголам на *-ивать*. В действительности, по мнению автора, их следует рассматривать в системе литовского языка, где вид морфологически не выражен, и, таким образом, эти инфинитивы выступают в несовершенном виде.

В главе «Континентальные отношения. Балтийские и славянские языки» рассматриваются общая синтаксическая форма творительного инструментального и социативного (т. е. конструкции типа *косить косой* и *косить с отцом*) и словосочетания типа *сечь/косить сено/хлеб* в ареально-типологическом аспекте.

Автор показывает, что как в балтийских, так и в славянских языках противопоставление социатив — инструментал устраняется и что наиболее распространенным способом устранения этой противопоставленности является обобщение формы социатива, что, как подчеркивает автор, представляет собой одну из новых, возникающих уже в историческое время тенденций в балтийских и славянских языках — пример действительного параллелизма в их развитии (стр. 88).

Автор констатирует, что сопряженность значений 'рубить' и 'косить' в одной форме характеризует именно тот ареал балтийской языковой области (т. е. юго-западную часть Литвы), который примыкает к западнославянской языковой области, и это дает основание говорить об общем балто-западнославянском семантическом ареале. Далее всю область балтийских и славянских языков в отношении *сечь, рубить* в значении 'косить' в общих чертах автор подразделяет на два ареала: западный и юго-восточный. При этом следует отметить, что ареал *сечь 'косить'* продолжается и дальше на запад, в области немецкого языка.

Последнюю, четвертую, главу «Межконтинентальные отношения. Балтийские и неславянские языки» автор посвящает ареальному рассмотрению конструкций окончания действия (типа 'кончает исчезать'), которые автор, используя заимствованный у физики термин, называет аннигилятивными конструкциями (ввиду того, что глаголы в них имеют значение исчезновения субъекта или уничтожения объекта действия). Данные конструкции

широко распространены в балтийских языках, однако славянским (литературным) языкам сочетание глагола 'кончать' с инфинитивами аннигилятивных глаголов не свойственны. И в этом балтийские языки резко отличаются от славянских. Далее автор прослеживает существование этой конструкции в финно-угорских, тюркских, дравидских, монгольских, тибето-китайских, корейском и японском языках, констатируя, что в отношении аннигилятивной конструкции литовский язык типологически сближается с тюркскими языками. На основании того, что литовский язык не имеет территориальных контактов даже с ближайшими к нему тюркскими языками Волго-Камья, автор делает вывод о спонтанности возникновения этого явления и самостоятельности его ареала в литовском языке.

Книга А. П. Непокупного ценна и актуальна не только для проблематики балто-славянских языковых отношений, но и для развития идей ареальной лингвистики и типологии в советском языкознании.

С. С. Каралюнас

**A. D U N D E S. THE BINARY STRUCTURE
OF «UNSUCCESSFULL REPETITION» IN LITHUANIAN
FOLK TALES.**

«Western Folklore», 1962, V, XXI, № 3

Статья американского фольклориста Алана Дандеса — одна из небольшого числа работ, изучающих литовский фольклорный материал со структурной точки зрения. Со времени выхода в свет индекса мотивов литовского повествовательного фольклора Й. Балиса («Tautosakos darbai», т. II. Kaunas, 1936), за которым должны были последовать тома, посвященные литовским балладам и песням, фольклористическая литература почти не знает других работ, в которых бы исследовались (или хотя бы перечислялись) существенные структурные черты литовского фольклора, если не считать нескольких упоминаний о балтийских сказках в общей работе С. Томпсона (S. Thompson. The Folktales, N. Y., 1951), небольшого числа статей В. Н. Топорова¹ и Б. Л. Огибенина² и, по-видимому, комментарий Й. Балиса к английским переводам литовских сказок, выполненных С. Зобарскасом³.

¹ В. Н. Т о п о р о в. К анализу структуры литовской народной баллады. «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем». М., 1962; О н ж е. К анализу нескольких поэтических текстов (преимущественно на низших уровнях), IV. Несколько соображений о структуре литовской народной баллады. «Poetics. Poetyka. Poetika». Warszawa, 1966.

² Б. Л. О г и б е н и н. Наблюдения над диалогом в литовской сказке. «Труды по знаковым системам», IV. Тарту, 1969.

³ S. Z o b a r s k a s (ed.). Lithuanian Folk Tales, 2nd ed. Brooklyn, 1959.

Обращение к литовскому материалу автора ряда работ по фольклору индейцев Северной Америки вызвано, во-первых, его стремлением иллюстрировать мысль В. Я. Проппа о существовании определенного «морфологического» (в терминологии Проппа) типа волшебных сказок в два хода, т. е. таких сказок, которые состоят из двух частей, в частном случае противопоставленных друг другу по своему положительному и отрицательному завершению. Положительность и соответственно отрицательность исхода этих составных частей сказки сигнализируется удачей сказочного героя, фигурирующего, как правило, в начальной части (ходе) сказки, противопоставленной неудаче его антагониста в попытке повторения последним тех же действий⁴. Структурная точка зрения обязывает отметить, что герой и его антагонист располагают при этом равными возможностями и только правила структуры данного типа сказок определяют дихотомический характер сюжетного развития сказки, заключающийся в последовательном инверсировании во втором («отрицательном») ходе существенных черт героя и приписывания полученных таким образом черт его антагонисту (аналогией к такому структурному типу сказок является соотношение по крайней мере двух фонем языка, основывающееся на бинарной привативной оппозиции фонологических признаков, состоящей в противопоставлении наличия данного признака его пеналичию).

Оказывается, что к такому структурному типу относятся многие сказки, объединяемые Аарне и Томпсоном в различные типы: так, в соответствии с нумерацией типов, предложенной Аарне и Томпсоном, и по материалам Й. Балиса из литовских сказок к нему принадлежат типы 1, 38; 480, 20; 503, 5; 613, 40; 676, 16; 750 А; 14; 753, 12; 1535, 106. Нужно сказать, впрочем, что факт принадлежности, по классификации Аарне—Томпсона, к одному типу, признаки которого выявлены средствами структурного анализа, стал довольно тривиальным в свете многих работ двух последних десятилетий, посвященных структурному изучению фольклорного и мифологического материала и основывающихся либо на близких технике Проппа способах выделения минимальных структурных элементов сказок или мифов, либо на некотором усовершенствовании этой техники⁵.

Второе, что заинтересовало Дандеса, обратившегося к этим сказкам, — высокая вероятность того, что тип структуры, нашедший воплощение в указанной серии сказок, явно предпочтается именно в балтийском (более точно — в литовском) географическом ареале. На этом основании можно говорить о балтийском подтипе данного структурного типа сказок; уместно

⁴ См.: В. Я. П р о п п. Морфология сказки, изд. 2-е. М., 1969, стр. 85.

⁵ См. обобщающий очерк с указанием литературы: Е. М. М е л е т и н с к и й. Структурно-типологическое изучение сказки. В кн.: В. Я. П р о п п. Указ. соч.

вспомнить приводимое и самим Дандесом мнение С. Томпсона о том, что положение Сидова об ойкотипах⁶ обретет большую доказательность только после того, как будут обнаружены общие структурные черты для сравнительно большого числа сказок определенной географической области.

Свое утверждение о распространенности структурного типа сказки, характеризующегося «неудачным повторением» и производной от этой семантической черты бинарной структурой повествования, Дандес основывает на наблюдениях Й. Балиса, который в 1936 г. предложил типологическую классификацию литовских сказок, дополняющую классификацию Аарне—Томпсона благодаря введению указанного типа сказки. Дополнительные типы, предложенные Балисом, суть следующие; *482 «Девушка у медведя», существующий в Литве в 63 вариантах; *748 «В сочельник звери говорят человеческим голосом» — 25 вариантов; *729 «Топор в реке» — 8 вариантов; *730 «Как белый хлеб в ад носили» — 25 вариантов; *771 «Старик с горящими угольями» — 15 вариантов; этот последний тип близок к типу 782 А: в сказках этого типа Иисус, вознаграждая Петра за ночлег, с помощью огня ускоряет молотьбу, но крестьянин, который хочет добиться того же у себя, только сжигает собственный амбар; согласно Томпсону, этот тип весьма распространен в балтийском ареале, и действительно, Балис приводит 22 литовских варианта этой сказки; тип *713 «Договор с чертом: не спать три ночи» — 11 вариантов.

Балис, кроме того, сообщает о легендах, структура которых тождественна структуре двухходовых сказок, основывающихся на противопоставлении положительного и отрицательного конца каждого хода соответственно. Это легенды, относящиеся к мотиву J 2415 в классификации Аарне—Томпсона, приводятся у Балиса под номерами 3252 («Черт и девица в бане»), 3255 («Старухи у сушильной печи», 4 варианта), 3594 («Подпаски и пещера в горе», 19 вариантов), 3691 («Феи и дитя», 47 вариантов). Существование таких легенд в литовской фольклорной традиции и их структурная близость к сказкам бинарной структуры с мотивом «неудачного повторения», по мысли Дандеса, может подтвердить пользу структурного подхода к фольклорному повествовательному материалу для установления различий между сказками и легендами.

Ценность статьи Дандеса, оперирующего по существу известным материалом, состоит в том, что она иллюстрирует плодотворность структурно-типологического подхода к сказке: при этом подходе исследователь не нуждается в исчерпывающе большом материале, так как структурные типы сказок могут быть выяв-

лены даже на сравнительно ограниченном числе сказок; вместе с тем этот метод не может заменить или исключить историко-географического метода, так как если даже с его помощью можно достаточно убедительно показать, какие структурные типы сказок предпочитают в данной области, то при этом в стороне остается вопрос об историческом происхождении данного типа и первоначальной географической среде его возникновения и распространения.

Интересно и психологическое обоснование Дандесом распространенности этого структурного типа сказок в Литве; в самом деле, не является ли факт наличия большого числа вариантов сказочной структуры, основанной на невольном получении того, что всеми средствами старается получить его антагонист, неизбежно терпящий крах, выражением известного фатализма? Дандес совершенно справедливо исходит при этом из особенностей построения второго хода сказки, в котором антагонист противопоставляется герою первого хода с помощью инверсирования каждой существенной черты последнего. Двухходовая структура сказки сама по себе дает, как кажется, ключ к пониманию частностей фольклорного кода, действительного для совокупности изученных Дандесом сказок с «неудачным повторением»: этот код предусматривает помимо уже выявленного противопоставления ходов инверсирование характеристики элементов структуры.

Структурно-типологическая классификация литовского фольклорного материала только начата. Ее выполнение, хотя бы в целях сопоставления с материалом, послужившим основой для классификации Аарне—Томпсона, было бы целесообразно продолжить в соответствии с принципами этой бесспорно полезной классификации. Вместе с тем, как замечает Дандес, выявление структурного типа сказок, которым посвящена его статья, заставляет предположить, что литовский фольклорный материал (а частично и фольклор индейцев Северной Америки) следует описывать в терминах структур, более независимых от непостоянных элементов содержания (иначе говоря, в терминах функций в отвлечении от непостоянных действующих лиц сказки, как это сформулировано у Проппа в его работе более чем сорокалетней давности: нужно сказать, что рецензируемая статья Дандеса была одним из первых откликов на изданный впервые только в 1958 г. английский перевод «Морфологии сказки» В. Я. Проппа).

Б. Л. Огибенин

⁶ С. W. V. S y d o w. Selected papers on Folklore. Copenhagen, 1948, стр. 243.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>З. Зинкявичюс</i>	
О развитии балтийского вокализма	5
<i>Т. М. Судник</i>	
Lazūnai. Литовская, белорусская и польская фонологические системы	15
<i>М. И. Лекомцева</i>	
О взаимодействии фонологических систем в районе балто-славянского пограничья	116
<i>С. М. Толстая</i>	
Фонологический облик конца слова в одном жемайтском диалекте	135
<i>И. Н. Топорова</i>	
Дистрибуция фонем литовского языка	140
<i>М. И. Лекомцева</i>	
Система значений глагольных граммем в пограничных литовско-славянских говорах	174
<u>Я. Отрембский</u>	
Из области славянского и балтийского словообразования (ст.-слав. <i>měsęcъ</i> и лит. <i>mėnuo</i>)	186
<i>Вяч. Вс. Иванов</i>	
Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках	193
<i>Р. Эккерт</i>	
О некоторых расхождениях между именными основами на -i в балтийских и славянских языках	206

<i>В. Н. Топоров</i>	
«Baltica» Подмосквья	217
<i>С. С. Каралюнас</i>	
К балтийскому соответствию славянского *pasti	281
<i>В. Н. Топоров</i>	
Заметки по балтийской мифологии	289
<i>Л. Г. Невская</i>	
Словарь балтийских географических апеллятивов	315
<i>Е. И. Гринавецкене, И. П. Ковальчук, Ю. Ф. Мацкевич, Е. М. Романович</i>	
Северо-западные белорусские говоры литовского пограничья	377
<i>Е. И. Гринавецкене</i>	
Некоторые явления контактирования литовских и славянских говоров (на материале языковых контактов в юго-восточной Литве)	394

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija</i> (Е. И. Гринавецкене, <u>Ю. Ю. Сенкус</u>)	409
<i>А. П. Непокупный. Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений</i> (С. С. Каралюнас)	415
<i>A. Dundas. The Binary Structure of «Unsuccessful Repetition» in Lithuanian Folk Tales</i> (Б. Л. Огибенин)	418

Балто-славянский сборник

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Редактор издательства *Н. Н. Барская*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Художник *А. В. Коврижкин*
Технический редактор *Е. Н. Евтямова*

Сдано в набор 13/XII 1971 г. Подписано к печати 19/VII 1972 г. Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 26,5 + 3 вкладки (1 усл. печ. л.) Уч.-изд. л. 29,1. Тираж 1200. Тип. зак. 721. Бумага № 2. Цена 1 р. 95 к.

Издательство «Наука»
Москва К-62, Подосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград В-34, 9 линия, д. 12

Опечатки и исправления

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
4	2 сл.	представительствовать	предстательствовать
40	2 кол., 2 сл.	5'	3'
117	10 сл.	wschodnie-słowiańskie	wschodniosłowiańskie

Балто-славянский сборник

KEELTEADUSLIK OLMETSIK (LIIK)

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЙ СБОРНИК